

Том 31. № 3

2026

ВЕСТНИК

ВОЛГОГРАДСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО
УНИВЕРСИТЕТА

Серия 4

ИСТОРИЯ. РЕГИОНОВЕДЕНИЕ.
МЕЖДУНАРОДНЫЕ ОТНОШЕНИЯ

Тема номера: / Topic of the issue:

Российское пространство в XVIII–XX вв.:
имперские практики, советские реформы и региональная специфика

Russian Space in the 18th – 20th Centuries:
Imperial Practices, Soviet Reforms, and Regional Specificities

SCIENCE JOURNAL

OF VOLGOGRAD STATE UNIVERSITY
HISTORY. AREA STUDIES.
INTERNATIONAL RELATIONS

Volume 31. No. 3

2026

Founder:

Federal State Autonomous
Educational Institution
of Higher Education
“Volgograd State University”

The journal is registered by the Federal Service for Supervision of Communications, Information Technology and Mass Media (Registration Number **ПН № ФС77-78162** of March 13, 2020)

The journal is included into “**The Index of Peer-Reviewed Academic Journals and Publications That Must Publish the Main Academic Results of Candidate’s Degree Theses and Doctoral Degree Theses**” that came in force on December 1, 2015

The journal is included into the **Web of Science Core Collection (Emerging Sources Citation Index)** and **Scopus**

The journal is also included into the following Russian and international databases: **Russian Science Citation Index (RSCI, Web of Science)**, **eLIBRARY.RU (Russia)**, **CrossRef (USA)**, **DOAJ (Sweden)**, **Google Scholar (USA)**, **JournalSeek (USA)**, **MIAR (Spain)**, **OCLC WorldCat® (USA)**, **ProQuest (USA)**, **Research Bible (Japan)**, **ROAD (France)**, **SHERPA/RoMEO (Spain)**, **SSOAR (Germany)**, **ULRICHS-WEB™ Global Serials Directory (USA)**, **Western Theological Seminary (Holland)**, **ZDB (Germany)**, **CyberLeninka (Russia)**, etc.

Editors, Proofreaders: *S.A. Astakhova,
N.M. Vishnyakova, U.V. Naumova*
Editor of English texts is *D.A. Novak*
Making up and technical editing by *Yu.A. Nikitina,
E.S. Reshetnikova*

Passed for printing on July 6, 2026.
Date of publication: Aug. 27, 2026. Format 60×84/8.
Offset paper. Typeface Times.
Conventional printed sheets 22.2. Published pages 23,9.
Number of copies 500 (1st printing 1–30 copies). Order 65. «С» 18.

Open price

Address of the Editorial Office and the Publisher:
Prosp. Universitetsky, 100, 400062 Volgograd.
Volgograd State University.
Tel.: (8442) 40-55-22. Fax: (8442) 46-18-48
E-mail: vestnik4@volsu.ru

Journal website: <https://hfrir.jvolsu.com>
English version of the website:
<https://hfrir.jvolsu.com/index.php/en/>

Address of the Printing House:
Bogdanova St, 32, 400062 Volgograd.
Postal Address:
Prosp. Universitetsky, 100, 400062 Volgograd.
Publishing House of Volgograd State University.
E-mail: izvolgu@volsu.ru

Учредитель:

Федеральное государственное автономное
образовательное учреждение
высшего образования
«Волгоградский государственный университет»

Журнал зарегистрирован в Федеральной службе по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (регистрационный номер **ПН № ФС77-78162** от 13 марта 2020 г.)

Журнал включен в «**Перечень рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук**», вступивший в силу с 01.12 2015 г.

Журнал включен в базы **Web of Science Core Collection (Emerging Sources Citation Index)** и **Scopus**

Журнал также включен в следующие российские и международные базы данных: **Russian Science Citation Index (RSCI, Web of Science)**, **Российский индекс научного цитирования (РИНЦ)**, **CrossRef (США)**, **DOAJ (Швеция)**, **Google Scholar (США)**, **JournalSeek (США)**, **MIAR (Испания)**, **OCLC WorldCat® (США)**, **ProQuest (США)**, **Research Bible (Япония)**, **ROAD (Франция)**, **SHERPA/RoMEO (Испания)**, **SSOAR (Германия)**, **ULRICHS-WEB™ Global Serials Directory (США)**, **Western Theological Seminary (Голландия)**, **ZDB (Германия)**, **КиберЛенинка (Россия)** и др.

Редакторы, корректоры: *С.А. Астахова,
Н.М. Вишнякова, У.В. Наумова*
Редактор английских текстов *Д.А. Новак*
Верстка и техническое редактирование *Ю.А. Никитиной,
Е.С. Решетниковой*

Подписано в печать 06.07 2026 г.
Дата выхода в свет: 27.08 2026 г. Формат 60×84/8.
Бумага офсетная. Гарнитура Таймс.
Усл. печ. л. 22,2. Уч.-изд. л. 23,9.
Тираж 500 экз. (1-й завод 1–30 экз.). Заказ 65. «С» 18.

Свободная цена

Адрес редакции и издателя:
400062 г. Волгоград, просп. Университетский, 100.
Волгоградский государственный университет.
Тел.: (8442) 40-55-22. Факс: (8442) 46-18-48
E-mail: vestnik4@volsu.ru

Сайт журнала: <https://hfrir.jvolsu.com>
Англояз. сайт: <https://hfrir.jvolsu.com/index.php/en/>

Адрес типографии:
400062 г. Волгоград, ул. Богданова, 32.
Почтовый адрес:
400062 г. Волгоград, просп. Университетский, 100.
Издательство Волгоградского государственного университета.
E-mail: izvolgu@volsu.ru

ISSN 1998-9938 (Print)
ISSN 2312-8704 (Online)

МИНИСТЕРСТВО НАУКИ И ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

ВЕСТНИК
ВОЛГОГРАДСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА

Серия 4
**ИСТОРИЯ. РЕГИОНОВЕДЕНИЕ.
МЕЖДУНАРОДНЫЕ ОТНОШЕНИЯ**

2026
Том 31. № 3

MINISTRY OF SCIENCE AND HIGHER EDUCATION
OF THE RUSSIAN FEDERATION

SCIENCE JOURNAL
OF VOLGOGRAD STATE UNIVERSITY
**HISTORY. AREA STUDIES.
INTERNATIONAL RELATIONS**

2026
Volume 31. No. 3

SCIENCE JOURNAL OF VOLGOGRAD STATE UNIVERSITY
HISTORY. AREA STUDIES. INTERNATIONAL RELATIONS

2026. Vol. 31. No. 3

Academic Periodical

Since 1996

6 issues a year

Topic of the issue:

***Russian Space in the 18th–20th Centuries:
Imperial Practices, Soviet Reforms, and Regional Specificities***

Editorial Staff:

Dr. Sc., Prof. *I.O. Tyumentsev* – Chief Editor (Volgograd);
Cand. Sc. *V.A. Gorelkin* – Deputy Chief Editor (Volgograd);
Cand. Sc., Assoc. Prof. *O.V. Kuznetsov* – Deputy Chief Editor (Volgograd);
Cand. Sc., Assoc. Prof. *N.V. Rybalko* – Deputy Chief Editor (Volgograd);
Cand. Sc. *E.S. Tseluykina* – Associate Editor (Volgograd);
A.S. Smirnov – Assistant Editor (Volgograd);
P.I. Lysikov – Assistant Editor of the Byzantine Thematic Issue (Volgograd);
Cand. Sc., Assoc. Prof. *E.V. Arkhipova* (Volgograd);
Cand. Sc. *T.A. Bazarova* (Saint Petersburg);
Dr. Sc., Assoc. Prof. *M.A. Balabanova* (Volgograd);
Dr. Sc., Assoc. Prof. *T.V. Evdokimova* (Volgograd);
Cand. Sc., Assoc. Prof. *V.A. Zolotovskiy* (Volgograd);
Dr. Sc. *Kleitman* (Moscow);
Cand. Sc. *M.V. Krivosheev* (Volgograd);
Dr. Sc. *S.I. Lukyashko* (Rostov-on-Don);
Dr. Sc., Assoc. Prof. *I.L. Morozov* (Volgograd);
Cand. Sc., Assoc. Prof. *S.I. Morozov* (Volgograd);
Dr. Sc., Prof. *S.A. Pankratov* (Volgograd);
Dr. Sc. *E.V. Pererva* (Volgograd);
Dr. Sc., Assoc. Prof. *O.V. Ratushnyak* (Krasnodar);
Dr. Sc. *O.V. Rvacheva* (Volgograd);
Dr. Sc., Prof. *S.G. Sidorov* (Volgograd);
Dr. Sc., Prof. *A.V. Tsyuryumov* (Elista)

Editorial Board:

Dr. Sc. *Magdolna Agoston* (Szombathely, Hungary);
Dr. Sc. *A.I. Alekseev* (Saint Petersburg);
Dr. Sc., Assoc. Prof. *V.A. Arakcheev* (Moscow);
Dr. Sc., Assoc. Prof. *A.I. Bardakov* (Volgograd);
Dr. Sc. *Tomash Bokhun* (Warsaw, Poland);
Dr. Sc., Acad. of the Russian Acad. of Sciences *A.P. Buzhilova* (Moscow);
Dr. Sc., Acad. of the Russian Acad. of Sciences *M.D. Bukharin* (Moscow);
Dr. Sc., Prof. *N.E. Vashkau* (Lipetsk);

Dr. Sc., Prof. *A.A. Vilkov* (Saratov);
Cand. Sc., Senior Researcher *Yu. Ya. Vin* (Moscow);
Cand. Sc. *E. Yu. Giryay* (Saint Petersburg);
Dr. Sc., Prof. SDU University *S.V. Golunov* (Kaskelen, Kazakhstan);
Dr. Sc., Prof. *V.N. Danilov* (Saratov);
Dr. Sc., Professor of History *Chester Dunning* (College Station, USA);
Cand. Sc., Senior Researcher *S.A. Isaev* (Saint Petersburg);
PhD (Strategic Studies) *Constantinos Koliopoulos* (Athens, Greece);
Dr. Sc., Assoc. Prof. *E.F. Krinko* (Rostov-on-Don);
Dr. Sc., Prof. *A.I. Kubyshkin* (Saint Petersburg);
Dr. Sc., Prof. *N.A. Mininkov* (Rostov-on-Don);
Dr. Sc., Prof. *A.S. Musagaliyeva* (Astana, Kazakhstan);
Dr. Sc., Prof. *A.V. Petrov* (Saint Petersburg);
Dr. Sc., Prof. *V.N. Ratushnyak* (Krasnodar);
Dr. Sc., Leading Researcher *M.A. Ryblova* (Volgograd);
PhD (History) *Norman E. Saul* (Lawrence, USA);
Dr. Sc. *Gyula Szvák* (Budapest, Hungary);
Dr. Sc., Prof. *N.N. Stankov* (Moscow);
Dr. Sc. *A.D. Tairov* (Chelyabinsk);
Dr. Sc., Assoc. Prof. *S.A. Tolmacheva* (Minsk, Belarus);
PhD (History), Assoc. Prof. *Anh Thuan Truong* (Danang, Vietnam);
Dr. (Legal History), Prof. *S. Šarkić* (Novi Sad, Serbia)

At the invitation of the Chief Editor,
Prof. *I.O. Tyumentsev*,
Dr. Sc. *O.V. Rvacheva* (Volgograd)
takes the position of the executive editor
of the present issue

ВЕСТНИК ВОЛГОГРАДСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА

Серия 4. ИСТОРИЯ. РЕГИОНОВЕДЕНИЕ. МЕЖДУНАРОДНЫЕ ОТНОШЕНИЯ

2026. Т. 31. № 3

Научно-теоретический журнал

Основан в 1996 году

Выходит 6 раз в год

Тема номера:

**Российское пространство в XVIII–XX вв.:
имперские практики, советские реформы и региональная специфика**

Редакционная коллегия:

д-р ист. наук, проф. *И. О. Тюменцев* – главный редактор (г. Волгоград);
канд. ист. наук *В. А. Горелкин* – зам. гл. редактора (г. Волгоград);
канд. ист. наук, доц. *О. В. Кузнецов* – зам. гл. редактора (г. Волгоград);
канд. ист. наук, доц. *Н. В. Рыбалко* – зам. гл. редактора (г. Волгоград);
канд. ист. наук *Е. С. Целуйкина* – отв. секретарь (г. Волгоград);
А. С. Смирнов – технический секретарь (г. Волгоград);
П. И. Лысиков – технический секретарь византийского тематического номера (г. Волгоград);
канд. ист. наук, доц. *Е. В. Архипова* (г. Волгоград);
канд. ист. наук *Т. А. Базарова* (г. Санкт-Петербург);
д-р ист. наук, доц. *М. А. Балабанова* (г. Волгоград);
д-р ист. наук, доц. *Т. В. Евдокимова* (г. Волгоград);
канд. ист. наук, доц. *В. А. Золотовский* (г. Волгоград);
д-р ист. наук *А. Л. Клейтман* (г. Москва);
канд. ист. наук *М. В. Кривошеев* (г. Волгоград);
д-р ист. наук *С. И. Лукьяшко* (г. Ростов-на-Дону);
д-р полит. наук, доц. *И. Л. Морозов* (г. Волгоград);
канд. полит. наук, доц. *С. И. Морозов* (г. Волгоград);
д-р полит. наук, проф. *С. А. Панкратов* (г. Волгоград);
д-р ист. наук *Е. В. Перерва* (г. Волгоград);
д-р ист. наук, доц. *О. В. Ратушняк* (г. Краснодар);
д-р ист. наук *О. В. Рвачева* (г. Волгоград);
д-р ист. наук, проф. *С. Г. Сидоров* (г. Волгоград);
д-р ист. наук, проф. *А. В. Цорюмов* (г. Элиста)

Редакционный совет:

д-р ист. наук *Магдолна Агоштон* (г. Сомбатхей, Венгрия);
д-р ист. наук *А. И. Алексеев* (г. Санкт-Петербург);
д-р ист. наук, доц. *В. А. Аракчеев* (г. Москва);
д-р полит. наук, доц. *А. И. Бардаков* (г. Волгоград);
д-р ист. наук *Томаш Бохун* (г. Варшава, Польша);
д-р ист. наук, акад. РАН *А. П. Бужилова* (г. Москва);
д-р ист. наук, акад. РАН *М. Д. Бухарин* (г. Москва);
д-р ист. наук, проф. *Н. Э. Вашкау* (г. Липецк);

д-р полит. наук, проф. *А. А. Вилков* (г. Саратов);
канд. ист. наук, ст. науч. сотр. *Ю. Я. Вин* (г. Москва);
канд. ист. наук *Е. Ю. Гирия* (г. Санкт-Петербург);
д-р полит. наук, проф. СДУ Университета *С. В. Голунов* (г. Каскелен, Казахстан);
д-р ист. наук, проф. *В. Н. Данилов* (г. Саратов);
д-р, проф. истории *Честер Даннинг* (г. Колледж-Стейшн, США);
канд. ист. наук, ст. науч. сотр. *С. А. Исаев* (г. Санкт-Петербург);
PhD (стратегические исследования) *Константинос Колиопулос* (г. Афины, Греция);
д-р ист. наук, доц. *Е. Ф. Кринко* (г. Ростов-на-Дону);
д-р ист. наук, проф. *А. И. Кубышкин* (г. Санкт-Петербург);
д-р ист. наук, проф. *Н. А. Мининков* (г. Ростов-на-Дону);
д-р ист. наук, проф. *А. С. Мусажалиева* (г. Астана, Казахстан);
д-р ист. наук, проф. *А. В. Петров* (г. Санкт-Петербург);
д-р ист. наук, проф. *В. Н. Ратушняк* (г. Краснодар);
д-р ист. наук, ведущий науч. сотр. *М. А. Рыблова* (г. Волгоград);
PhD (история) *Норман Е. Саул* (г. Лоренс, США);
д-р ист. наук *Дьюла Свак* (г. Будапешт, Венгрия);
д-р ист. наук, проф. *Н. Н. Станков* (г. Москва);
д-р ист. наук *А. Д. Таиров* (г. Челябинск);
д-р ист. наук, доц. *С. А. Толмачева* (г. Минск, Беларусь);
PhD (история), ассоциир. проф. *Анх Тхуан Труонг* (г. Дананг, Вьетнам);
д-р истории права, проф. *С. Шаркич* (г. Нови-Сад, Сербия)

По приглашению главного редактора
проф. И. О. Тюменцева
выпускающим редактором номера является
д-р ист. наук *О. В. Рвачева* (г. Волгоград)

СОДЕРЖАНИЕ

ПЕРЕКРЕСТКИ ИСТОРИИ КАЗАЧЕСТВА: КУЛЬТУРА, ВОЙНЫ, ПАМЯТЬ

- Венков А.В. Донская «золотая молодежь»
и ее социализация. XVIII век 6
- Астафьев Е.В.
Сражение донских казаков с пугачевцами
при речке Мечетной близ Царицына 16
- Рвачева О.В. Сохранение культурного наследия
и мемориальная ситуация
в отношении участия донского казачества
в Гражданской войне в позднесоветский период 26
- Каменцев А.А. Возрождение казачества
и мемориализация Гражданской войны
[На англ. яз.] 37
- Мининков Н.А. Виктор Яковлевич Мауль –
историк народных движений
и психологии массового протеста
в России раннего нового времени 47

ВОСТОЧНЫЕ ОКРАИНЫ ИМПЕРИИ: СОЦИАЛЬНО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ КОНТЕКСТ РАЗВИТИЯ

- Токболат С.Т. Казахские информаторы
в Ак-Мечетской экспедиции 1853 года 58
- Васильев Д.В. Уйгуры между экономикой
и справедливостью:
эпизод из истории Мургабского государева имениа ... 74

СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКИЕ ТРАНСФОРМАЦИИ И КРЕСТЬЯНСКИЙ МИР

- Толмачева С.А. Поверочные комиссии
в поземельном устройстве крестьян
на территории Беларуси (1861–1868 гг.) 84
- Юдина Т.В. Рабочая сила
на промышленных предприятиях
Нижне-Волжского края на рубеже 1920–1930-х гг.:
организация использования труда раскулаченных 95
- Амбарцумян К.Р., Булыгина Т.А.
Изменения городской повседневности
в условиях коллективизации
(на примере колхоза им. Сталина
в Ставрополе Северо-Кавказского края)
[На англ. яз.] 105
- Тихомиров Н.В. Работа студентов партийного вуза
в колхозах Азово-Черноморского региона России
(по материалам производственной практики 1934 г.) 117

ОБЩЕСТВО И ГОРОДСКАЯ СРЕДА ПОВОЛЖЬЯ

- Кочетов И.Е. Деятельность секретных агентов
политического сыска
в Царицыне в начале XX века 132

- Литвинова И.Н., Карагодина О.А.
Помощь попечительских приходских советов
семьям воинов в Нижнем Поволжье
в годы Первой мировой войны (1914–1916 гг.) 143
- Симакова А.А. Жилищная кооперация
в Царицыне – Сталинграде
как способ преодоления жилищного кризиса
в период реализации новой экономической политики
(1921–1928 гг.) 154
- Фурман Е.Л.
Перевод центра Нижне-Волжского края
в Сталинград (1932–1933 гг.):
предпосылки, условия, реализация 164
- Луночкин А.В. Развитие сети
общественного питания
г. Сталинграда (Волгограда)
в эпоху хрущевских реформ (1953–1964 гг.) 177

ПРОИЗВОДСТВЕННЫЙ ОПЫТ И ТРУДОВАЯ СОЦИАЛИЗАЦИЯ

- Федоров Р.Ю. Роль Комитета
по холодильному делу
в развитии экспорта продовольствия
из регионов Западной Сибири в начале XX века 188
- Рябков А.М. Ленинградский завод
Автогаражного электрооборудования
и его директор М.С. Чамаев
в 1934–1941 годах 199
- Пинаева Д.А.
Механизмы стимулирования новаторства
работников предприятий в СССР
в контексте реформ середины 1950-х –
середины 1960-х годов 211
- Разинков С.Л., Заглодина Т.А., Ларионова М.Б.
«Непарадный портрет»
учащихся государственных трудовых резервов
в 1940–1950-е гг.: опыт типологизации 225

CONTENTS

CROSSROADS OF COSSACK HISTORY: CULTURE, WARS, MEMORY

<i>Venkov A.V.</i> The Don “Golden Youth” and Its Socialization. 18 th Century	6
<i>Astafyev E.V.</i> The Battle of the Don Cossacks with the Pugachevites at the Mechetnaya River near Tsaritsyn	16
<i>Rvacheva O.V.</i> Preservation of Cultural Heritage and the Memorial Situation Regarding the Participation of the Don Cossacks in the Civil War in the Late Soviet Period	26
<i>Kamentsev A.A.</i> The Cossack Revival and the Memorialization of the Civil War	37
<i>Mininkov N.A.</i> Viktor Yakovlevich Maul – Historian of Popular Movements and Psychology of Mass Protests in Early Modern Russia	47

IMPERIAL EASTERN OUTSKIRTS: THE SOCIO-POLITICAL CONTEXT OF DEVELOPMENT

<i>Tokbolat S.T.</i> Kazakh Informants in the Ak-Mechet Expedition in 1853	58
<i>Vasilyev D.V.</i> Uyghurs Between Economy and Justice: An Episode from the History of the Murghab Sovereign’s Estate	74

SOCIO-ECONOMIC TRANSFORMATIONS AND THE PEASANT WORLD

<i>Tolmacheva S.A.</i> Verification Commissions in the Land Arrangement of Peasants in the Territory of Belarus (1861–1868)	84
<i>Yudina T.V.</i> Labor Force at Industrial Enterprises in the Lower Volga Region at the Turn of the 1920s and 1930s: Organization of the Use of Dekulakized Labor	95
<i>Ambartsumyan K.R., Bulygina T.A.</i> Changes in Urban Everyday Life Under Collectivization Conditions (By the Example of the Stalin Collective Farm in the City of Stavropol in the North Caucasus Krai)	105
<i>Tikhomirov N.V.</i> Work of Students of the Party University in Collective Farms of the Azov – Black Sea Region of Russia (Based on the Materials of Industrial Practice in 1934)	117

SOCIETY AND URBAN ENVIRONMENT OF THE VOLGA REGION

<i>Kochetov I.E.</i> The Activities of Secret Agents in Political Surveillance in Tsaritsyn in the Early 20 th Century	132
---	-----

<i>Litvinova I.N., Karagodina O.A.</i> Assistance of Parish Boards of Trustees to Families of Soldiers in the Lower Volga Region During the World War I (1914–1916)	143
<i>Simakova A.A.</i> Housing Cooperation in Tsaritsyn – Stalingrad as a Means of Overcoming the Housing Crisis During the Implementation of the New Economic Policy (1921–1928)	154
<i>Furman E.L.</i> Transfer of the Center of the Lower Volga Region to Stalingrad (1932–1933): Prerequisites, Conditions, Implementation	164
<i>Lunochkin A.V.</i> Development of the Public Catering Network in Stalingrad (Volgograd) in the Era of “Khrushchev Reforms” (1953–1964)	177

INDUSTRIAL EXPERIENCE AND LABOR SOCIALIZATION

<i>Fedorov R.Yu.</i> The Role of the Committee on Refrigerating Business in the Development of Food Exports from the Regions of Western Siberia at the Beginning of the 20 th Century	188
<i>Riabkov A.M.</i> The Leningrad Garage Electrical Equipment Plant and Its Director, M.S. Chamaev in 1934–1941	199
<i>Pinaeva D.A.</i> Mechanisms for Stimulating the Innovation of Employees of Enterprises in the USSR in the Context of the Reforms of the Mid-1950s – Mid-1960s	211
<i>Razinkov S.L., Zaglodina T.A., Larionova M.B.</i> “Informal Portrait” of Students of State Labor Reserves in the 1940–1950s: An Attempt at Typology	225

ПЕРЕКРЕСТКИ ИСТОРИИ КАЗАЧЕСТВА: КУЛЬТУРА, ВОЙНЫ, ПАМЯТЬ

DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2026.3.1>

UDC 94(47)
LBC 63.3

Submitted: 26.02.2024
Accepted: 22.07.2024

THE DON “GOLDEN YOUTH” AND ITS SOCIALIZATION. 18th CENTURY

Andrey V. Venkov

Federal Research Centre the Southern Scientific Centre
of the Russian Academy of Sciences, Rostov-on-Don, Russian Federation

Abstract. *Introduction.* In the 17th and 18th centuries, the Don Cossack elite established their informal oligarchic rule on the Don. To strengthen their power, the starshyna made extensive use of matrimonial ties and, contrary to law and custom, nominated their own children. As a result, the so-called “golden youth” appeared, who from a young age received high ranks and were appointed regimental commanders but overwhelmingly could not cope with their duties. *Materials and methods.* In this study, the anthropological approach plays a leading role. An analysis of the lives and activities of Don’s “golden youth” is conducted. The main source is the service record, which includes information about fines and punishments, property status, marital status, and literacy levels. *Analysis.* In the middle of the 18th century, the Don “starshinas” united into an advisory, executive, and judicial body called the Voyskovaya Kantselyariya. Formally, the title of “starshina” was awarded by the Voyskovoy Krug for personal achievements. However, in the 18th century, there were frequent instances of the assignment of the title “starshina” to the children of those very same starshinas, often at a very young age. At the request of respected representatives of the Cossack elite, the Army Circle awarded starshina ranks to their children immediately upon their entry into service. A larger group of the Don elite took a different approach. Their children enlisted in the service at an early age and were promoted to the rank of “starshina” within a few years. Their achievements were more significant than those of the first group of “golden youth,” as many of them spent their childhood and youth in the Cossack regiments. This practice was especially widespread under the atamans S.D. Efremov and A.I. Ilovaysky. *Conclusions.* The narrow circle of the elite, which maintained unity through marriage alliances, resulted in a weak and unstable offspring. Very few members of the “golden youth” achieved the rank of general in the Russian army during the late 18th and early 19th centuries, when the values of the Don elite underwent significant changes.

Key words: Cossacks, Cossack elite, “golden youth”, assignment of titles, oligarchy, matrimonial ties.

Citation. Venkov A. V. The Don “Golden Youth” and Its Socialization. 18th Century. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 4. Istoriya. Regionovedenie. Mezhdunarodnye otnosheniya* [Science Journal of Volgograd State University. History. Area Studies. International Relations], 2026, vol. 31, no. 3, pp. 6-15. (in Russian). DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2026.3.1>

УДК 94(47)
ББК 63.3

Дата поступления статьи: 26.02.2024
Дата принятия статьи: 22.07.2024

ДОНСКАЯ «ЗОЛОТАЯ МОЛОДЕЖЬ» И ЕЕ СОЦИАЛИЗАЦИЯ. XVIII ВЕК

Андрей Вадимович Венков

Федеральный исследовательский центр Южный научный центр РАН,
г. Ростов-на-Дону, Российская Федерация

Аннотация. *Введение.* В XVII–XVIII вв. донская казачья верхушка утвердила на Дону свое неформальное олигархическое правление. Для укрепления власти старшина широко использовала матримониальные связи и, вопреки праву и обычаям, выдвигала собственных детей. В результате появилась так называемая «золотая молодежь», которая с юных лет получала высокие чины и назначалась командирами полков, но в подавляющем большинстве не справлялась со своими обязанностями. *Материалы и методы.* В данном исследовании ведущую роль играет антропологический подход. Проведен анализ жизни и деятельности донской «золотой молодежи». Главным источником являются послужные списки, а в них графы о штрафах и наказаниях, об имущественном положении, семейном положении и уровне грамотности. *Анализ.* Донские «старшины» в середине XVIII в. объединились в совещательный, исполнительный и судебный орган – Войсковую канцелярию. Формально звание «старшины» присваивал Войсковой Круг за личные заслуги. Однако в XVIII в. постоянно встречаются случаи присвоения звания «старшины» детям тех же самых старшин, причем в самом раннем возрасте. По просьбам уважаемых представителей казачьей верхушки Войсковой Круг присваивал старшинские чины их детям сразу же в момент поступления на службу. Более многочисленная группа донской верхушки пошла другим путем. Их дети записывались на службу в самом раннем возрасте и через несколько лет получали чин «старшины». Их успехи были выше, чем у первой группы «золотой молодежи», так как многие из них действительно детские и юношеские годы проводили в казачьих полках. Подобная практика особенно была распространена при атаманах С.Д. Ефремове и А.И. Иловайском. *Результаты.* Узкий круг верхушки, поддерживавшей единство посредством брачных союзов, стал причиной появления слабого, не жизнестойкого потомства. Очень немногие представители «золотой молодежи» достигли генеральских чинов в русской армии в конце XVIII – начале XIX в., когда система ценностей донской верхушки значительно изменилась.

Ключевые слова: казачество, казачья верхушка, «золотая молодежь», присвоение званий, олигархия, матримониальные связи.

Цитирование. Венков А. В. Донская «золотая молодежь» и ее социализация. XVIII век // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 4, История. Регионоведение. Международные отношения. – 2026. – Т. 31, № 3. – С. 6–15. – DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2026.3.1>

Введение. Имущественное расслоение донского казачества особенно четко проявилось в XVIII веке. Началось оно гораздо раньше. Е.П. Савельев считал, что еще в конце 1-й половины XVII в. на Дону образовался «класс домовитых граждан». «Явление это самое естественное и присущее народам всех стран» [14, с. 349]. С.Г. Сватиков к этому времени относит появление термина «старшина»: «...с самого начала существования казачества его вожди – атаманы – отделялись и в жизни, и в актах эпохи от “рядового” казачества. По истечении полномочий атаманы возвращались в ряды товарищей, но сохраняли и вес, и влияние. В половине XVII в. этих “знатных”, то есть всем в Войске известных казаков, стали называть “старшинами”» [16, с. 44].

К еще более раннему времени С.Г. Сватиков относил объединение этих «знатных» людей в некое неофициальное совещание. О.Ю. Куц, анализируя труд С.Г. Сватикова, отмечает, что, по Сватикову, влияние этого совещания на атамана и войсковой круг «было громадно» и что «совет старшин существовал на Дону уже с начала XVII века» [8, с. 26]. Однако сам О.Ю. Куц, проанализировав ряд

источников, считает: «Как видим, понятие “старшина” в качестве обозначения казачьей элиты в целом в рассматриваемый период еще не было устоявшимся и пока только формировалось, прежде чем стать тем устойчивым обозначением для узкого круга наиболее влиятельных в Войске лиц (причем не атаманов на данный момент), которое видим с конца XVII века. Уверенно говоря о появлении на Дону этой группы в 1640-е гг., С.Г. Сватиков, на наш взгляд, модернизирует ситуацию» [8, с. 229].

Не заикливаясь на терминах, мы констатируем, что под тем или иным названием (или даже без устойчивого названия) казачья верхушка существовала со времен становления казачества. Встает вопрос, насколько «стабильна» была верхушка. О.Ю. Куц приводит примеры, «когда старые казаки уходили с Дона в города. Например, в 1643 г. после ряда тяжелейших поражений, нанесенных казакам на Дону турками и татарами, в Россию ушла целая группа донских атаманов: бывший войсковой атаман Тимофей Лебязья Шея, станичные атаманы Осип Лосев, Томило Корякин, Нефед Осипов. Все они принадлежали к верхушке донского казачества» [8, с. 69].

Уже в первой половине XVII в. потомственными казаками были известные на Дону атаманы Радион Калуженин, Павел Чекунов, Кирей Чюрносов [1, с. 78].

Постоянной группы имен или нет, или она очень слабо проявляется. Она зачастую анонимна. Иногда называются лишь войсковые атаманы.

На 1670 г., по Е.П. Савельеву, к выявленному им «классу» относились атаман Корнила Яковлев, «старые домовитые казаки и благомыслящие старшины войска» [14, с. 348].

Самым интересным, на наш взгляд, положением, выдвинутым О.Ю. Куцом в его работе, является следующее: «Каково было мерило состоятельности казака на Дону? На наш взгляд, это было наличие семьи – жены и детей. Ведь чтобы завести семью в экстремальной обстановке донской жизни, нужно было иметь определенное имущество и какой-то источник постоянного дохода» [8, с. 370].

Семейные связи были инструментом и скрепом при складывании на Дону впоследствии олигархических кланов.

После Азовских походов Петра I «Донским Войском стала управлять кучка преданных Москве старшин во главе с войсковым атаманом. Их поддерживали 11 черкасских станиц и низовые городки, а также постоянно пребывавший в Черкасске гарнизон от 2 до 5 тыс. человек» [14, с. 396].

О каких-либо родственных связях внутри указанной «кучки» не упоминается. Проследивается лишь преемственность: отец – сын. Так, в 1632 г. отписку с отказом присягать на верность царю в Москву повез Максим Наумов и с ним поехал сын Иван Максимов [1, с. 78].

Как писал Л.М. Савёлов, атаман Фролов и его потомки «около полу столетия влияли на судьбы Дона и составили целую эпоху в его истории» [15, с. 12].

Известный донской историк А.П. Пронштейн в своем труде «Земля Донская в XVIII веке», изданном в 1961 г., считал систему власти на Дону «олигархическим правлением» [12, с. 228], при которой еще с начала XVIII в. казачья верхушка «даже в очень важных случаях принимала решения за все Войско без санкции Круга» [12, с. 231].

В 1740-е гг. в Войске Донском сформировался новый орган власти – Войсковая канце-

лярия дел старшин. В Канцелярию входили атаман, два войсковых есаула, войсковой дьяк, толмач и «наличные» войсковые старшины. С 1754 г. Канцелярия взяла на себя военное, гражданское и уголовное производства. К исполнению соответствующих служебных обязанностей привлекались не все старшины, а «наличные», то есть не ушедшие в поход, и по повесткам атамана [9, с. 50]. В целом же Войсковая канцелярия (по образцу 1740–1755 гг.) представляла собой «совещательный, исполнительный и судебный орган, состоявший из всех старшин Войска Донского» [9, с. 82].

В 1768 г. в Войске Донском числились 18 600 служилых казаков, и возглавляли их войсковой атаман, 10 есаулов войсковых и 2 походных, 3 войсковых толмача и 51 старшина [13, с. 173]. «Звание старшины было пожизненным, без права передачи его потомству, – отмечает Г.Г. Небрятенко. – Войсковой Круг, возводя в это звание за личные заслуги, имел право и лишить его за дурное поведение и преступления против войска» [9, с. 49].

Однако случаи назначения старшинами детей тех же самых старшин, причем в самом раннем возрасте, в XVIII в. встречаются постоянно.

Методы и материалы. На наш взгляд, в данном конкретном исследовании ведущую роль должен играть антропологический подход. Неотъемлемой частью исследования является анализ жизни и деятельности донской «золотой молодежи», которая получала старшинские чины иногда задолго до достижения 18–20 лет. Анализ их жизни и деятельности опирается на подробные послужные списки, которые заполнялись в идеале каждый год и содержат довольно подробный материал о возрасте, происхождении, этапах чиновничьего производства, службе, уровне достатка, уровне грамотности, семейном положении. Отличительной чертой списков 70-х гг. XVIII в. является графа о штрафах и наказаниях, в списках 90-х гг. – графы об имущественном положении, семейном положении и уровне грамотности.

Опираясь на эти данные, можно выяснить, насколько быстро шла социализация донской «золотой молодежи».

Анализ. Пример выдвижения детей в категорию старшин подали «верхи». Василий

Фролович Минаев стал старшиной по просьбе отца. Иван Иванович Фролов, внук знаменитого Фрола Минаева, стал старшиной «за заслуги отца и деда» в 1732 г., согласно грамоте императрицы Анны Иоанновны, причем сразу же, в 1732 г., он стал походным атаманом Низового корпуса, а в 1735–1738 гг. занимал пост войскового наказного атамана. В 1734 г. старшинский чин получил Степан Ефремов [14, с. 413]. Зная дату рождения Степана Ефремова, мы видим, что будущий Войсковой атаман старшиной стал в 19 лет.

Именно в период его правления и вскоре после него мы встречаем факты, когда поступление на службу и производство в старшинский чин происходят сразу же, в один и тот же день.

Алексей Федорович Краснощёков, сын генерал-майора, получил старшинский чин 16 октября 1765 г., в 11 лет, в день своего поступления на службу [10, л. 151]. И такой молодежи целая группа. Таков Себряков Михаил Сидорович, получивший звание старшины в 20 лет в день поступления на службу в 1756 г. [10, л. 44]; таков Краснощёков Данила Алексеевич, ставший старшиной 31 января 1760 г. в возрасте 23 лет [10, л. 49]. Два брата, Григорий Ильич Денисов и Михаил Ильич Денисов, поступили на службу и получили старшинские чины одновременно – 15 декабря 1764 г., но Григорию было 17 лет, а Михаилу – 15 лет [10, л. 372 об.]. Их родной брат Аксён Ильич Денисов поступил на службу и стал старшиной в 17 лет, 28 марта 1773 г. [10, л. 404 об.].

Эта группа, безусловно, была той самой «золотой молодежью», получавшей чины и должности за «заслуги предков» таким порядком, который не позволяла себе российская аристократия. По этим фамилиям видно, кто двигал своих детей, беззастенчиво нарушая традиции.

Кто же эти чадолюбивые предки? Это Федор и Алексей Краснощёковы, генерал-майор и войсковой старшина, дети первого донского бригадира и героя казачьих песен Ивана Матвеевича Краснощёкова; это Сидор Себряков, бригадир, известный своим неутомимым розыском раскольников и сыском беглых на северных границах Войска, который был на Дону в оппозиции к «атаманской фамилии» и писал в Петербург, что все проблемы Дона от «неутомимого лакомства и нетер-

пимого насилия атамана Данилы Ефремова» [3, с. 63]. Как атаман Степан Ефремов позволил Михаилу Себрякову, сыну злейшего врага своего отца, Данилы Ефремова, стать старшиной в первый день службы – большой вопрос. Видимо, дело в хорошо известных тренингах, которые начались между отцом и сыном Ефремовыми с приходом Степана Ефремова к власти.

Илья Федорович Денисов, проведший в один день в старшины двух своих сыновей, а через 8 лет – третьего, тоже был представителем «провинциальной» казачьей верхушки. Он был двоюродным братом Федора Петровича Денисова, в будущем первого генерала от кавалерии из донских казаков и первого графа из их среды.

Сам он происходил из старшинских детей, службу начал с 1740 г. в Лифляндии, сразу же получив чин есаула, зато старшиной стал только через 10 лет, в 1750 году. Он участвовал в Семилетней войне и имел Похвальный лист от «Римской императрицы» и похвальную грамоту от прусского короля Фридриха Великого. При императоре Петре III Федоровиче русские войска выступили, как мы помним, против недавних союзников – «цезарцев», – и И.Ф. Денисов одинаково успешно бил и тех и других.

Послужной список И.Ф. Денисова был далеко не безупречен: «В [1]767 по указу государственной военной коллегии за взятие от станиц при увещании раскольников денег двенадцати рублей и побой двух казаков, чтоб от расколу отступили, учинен ему крепкий репремант, а в 768 по определению военной коллегии за недоказательство старшине Афанасия Попова по двум доносам (так в тексте. – А. В.) арестован был на месяц» [10, л. 40].

Но во время Пугачевского бунта И.Ф. Денисов полностью реабилитировался. Под Царицыном, будучи командиром полка, «разбил с 50 казаками 700 злодеев и взял в плен 360 человек» [5, с. 25]. А участие в подавлении Пугачевского движения стало своеобразным критерием, показывающим верность российскому престолу.

Как сложилась судьба этой «золотой молодежи»?

Полностью и быстро «вписался» в старшинское сообщество Алексей Федорович

Краснощёков (ок. 1754–1786), зять атамана Степана Ефремова. Как сказано в его послужном списке: «По желанию его в [1]770 командирован военной коллегией во вторую армию, в которой командуя полком под Перекопом при сильном сражении с неприятелем убил он всмерть турецкого байракта...» [10, л. 375]. И далее, пока шла война с турками, он каждый год участвовал в сражениях и убивал какого-нибудь турецкого начальника. В 1771 г. он был награжден золотой медалью, в 1774 г. участвовал в боях против Пугачёва. Умер в 1786 г. во время наводнения [7, с. 25], долго лежал без погребения, так как не могли найти место для могилы, и то наводнение осталось в донских преданиях как «Краснощековская вода».

Что касается остальных, названных нами представителей «золотой молодежи», то их поведение не отличалось такими подвигами и строгой дисциплиной.

В послужном списке донских старшин на 1777–1779 гг. указаны наличные 105 старшин. 25 из них чем-то проштрафились, и это занесено в указанный список. Из 25 «штрафованных» 4 – уже указанные нами молодые старшины.

Так, Краснощёков Данила Алексеевич, двоюродный брат указанного выше Алексея Федоровича, участвовал в войнах в Пруссии, Силезии, брал Берлин, воевал против Турции и Польши, в 1770 г. награжден золотой медалью. Но «в [1]771 году за тайный отъезд [из] учрежденных для предосторожности по бывшей тогда здесь опасной болезни застав штрафован был снятием сабли и содержанием, ко отправлению полевой службы и внутренних дел за шумством не способен» [10, л. 49]. Термин «шумство» означал «пьянство». Впрочем, через два года он уже был походным атаманом казачьих полков, прикрывавших Днепровскую линию.

Себряков Михаил Сидорович прекрасно показал себя в Пруссии, под Гросс-Егерсдорфом, за что получил чин армейского полковника в 1762 г., во главе донских полков вброд переходил Сиваш, взял 4 знамени, но «не показал себя» во время Пугачевщины. В послужном списке сказано: «Хотя в штрафах и не бывал, но во время продолжавшегося пугачевского бунта в самое приближение оной толпы в Медведицкие станицы, оставя вру-

ченную ему команду, сказавшись больным, отлучился и по долгу своей присяги против тех злодеев поисков не чинил, за что был под следствием и содержан был скованный под арестом, а на послед он по высочайшему именному Ея Имп. Вел. указу в том прощен» [10, л. 43–44].

В 1784 г. М.С. Себряков все же получил чин бригадира. Но с конца XVIII – начала XIX в. род Себряковых то ли затухает, то ли просто не входит в донскую верхушку. «Неправильное» поведение М.С. Себрякова во время Пугачевщины, видимо, дало себя знать.

Что касается детей И.Ф. Денисова, то 2 из 3 произведенных зарекомендовали себя не с лучшей стороны. Григорий Ильич «В штрафах не бывал, только[,] будучи с командой за Доном на речке Кагальнике для предосторожности от кубанской стороны[,] самовольно онуе отлучился в город Черкасск и во оном[,] будучи в шумстве[,] от стоявшего во оной в станичной избе на карауле часового бит, да и прежде когда будучи в Черкасском бывал в частом шумстве» [10, л. 62–63]. Дополнение 1776 г.: «а ныне от того воздержался [ли] по жительству ево в неблизком от Черкасского разстоянии неизвестно» [10, л. 148]. А младший сын, Аксен (Авксентий) Ильич, удостоился следующей записи: «В штрафах и пороках не бывал, а о достоинствах ево как еще он нигде службы не производил и к делам определяем не был, никакого засвидетельствования дать не можно» [10, л. 178].

Другая группа донских старшин действовала более осторожно и не так демонстративно. Эти старшины копировали поведение российской аристократии, о котором мы читали в повести А.С. Пушкина «Капитанская дочка». Их дети записывались на службу очень рано, будучи подростками, и так же рано, через несколько лет, получали старшинские чины.

Из таких «скороспелых» старшин мы можем назвать Алексея Пушкарёва, Григория и Дмитрия Паздеевых, Дмитрия Сарычева, Ивана Меньшого и Ивана Большого Дячкиных, Кондрата и Адриана Денисовых, Константина и Андрея Сулиных, Алексея Ребрикова, Ивана Каршина, Андрея Мартынова и Матвея Платова.

Если верить документам, Иван Дячкин Большой поступил на службу в 2 года, в

1754 г. [10, л. 414 об.], что можно считать своеобразным рекордом, но старшиной стал в 24 года. Павел Андреевич Краснощёков (уже названным выше Краснощёковым он приходился двоюродным братом) на службу был записан в 14 лет, а старшинский чин получил в 23 года. Но в его послужном списке значилось: «за службу не произведён, а произведён в его чин во уважение предков его служб» [10, л. 416].

Эта группа молодых старшин отличалась еще и тем, что в ее среде не отмечено ни одного «штрафованного».

Самое блестящее начало карьеры в этой группе было у Андрея Дмитриевича Мартынова, сына войскового непрямого судьи, поступившего на службу в 12 лет (1771 г.) и ставшего донским старшиной в 15 лет (1774 г.). Да и в целом его карьера, пожалуй, самая блестящая, за исключением карьеры М.И. Платова и А.К. Денисова.

Андрей Дмитриевич Мартынов (1759–1815), генерал-лейтенант, войсковой наказной атаман в 1807–1808 гг., кавалер Ордена Святого Георгия 4-го и 3-го класса, богатый помещик, в 1797 г. имел по 5-й ревизии крестьян 14, малороссиян мужского пола 501 [11, л. 1 об.]. Обогнал его по занимаемым постам Адриан Карпович Денисов, ставший старшиной в 22 года и попавший впервые в бой уже в должности командира полка. Впоследствии он стал «учителем военных правил», генерал-лейтенантом и войсковым атаманом. Он единственный из донских генералов (да и офицеров) той эпохи, кто оставил мемуары. Генералом, но не особо известным, стал и Григорий Михайлович Поздеев. В генералы вышел и сразу же умер в 1799 г. Иван Дячкин Большой, начавший службу в 2 года. Но тут роль, видимо, сыграл не срок службы, а то, что родная сестра Дячкина была женой атамана А.И. Иловайского.

Дети самого Степана Ефремова получили старшинские чины по такой же схеме. Старший, Данила Степанович (1758–1809), в 14 лет был зачислен на службу есаулом, а в 20 лет стал старшиной, но служил в полку самого атамана А.И. Иловайского (Атаманском) и собственный полк в командование получил лишь в 27 лет, в 1785 году. Но на «настоящую» войну его так и не пустили, он слу-

жил на Кубани, «под снеговыми горами», в Петербурге, участвовал в подавлении восстаний на Дону в 1794 г. и в других местах России, дослужился до армейского полковника [11, л. 49 об. – 50].

Младший сын, Степан Степанович (1761–1805), чин есаула получил в 9 лет, а старшиной стал в 17 лет. Полк в командование получил в 21 год, но стоял с ним на границе области на речке Кагальник, он то был «при правительстве судьей», то в лейб-конвойной команде в Петербурге (там, правда, повоевал со шведами), то снова охранял речку Кагальник. Дослужился до армейского полковника [11, л. 44 об. – 45].

Впрочем, судьба их не может быть показателем. Они дети опального атамана. Их «хорошо устроили». Степан Степанович – зять атамана А.И. Иловайского, Данила Степанович – зять Акима Карпова (правая рука М.И. Платова, на Бородинском поле командовал казаками на левом фланге). Дочь Марфа Степановна отдана за Алексея Краснощёкова, а дочь Надежда Степановна – за Матвея Платова. Но в генералы ни один из сынов Степана Ефремова не вышел. Да и из других названных нами юных старшин Пушкарев Алексей дослужился до майора армии и умер, не дожив до 40 лет, Дмитрий Паздеев выше старшины не поднялся и тоже быстро умер, Дмитрий Сарычев дослужился до премьер-майора, Константин и Андрей Сулины дослужились до чина подполковника, Алексей Ребриков – тоже до подполковника. Иван Каршин стал полковником. В небытие ушли многочисленные дети И.Ф. Денисова. Как писал историк донского дворянства Л.М. Савёлов, «И.Ф. имел четырех сыновей: Григория, Михаила, Кондратия и Авксентия. Первые трое были старшинами, а Авксентий Ильич имел чин армии полковника. Потомство осталось после Авксентия Ильича» [5, с. 25].

Последняя фраза наводит на грустные размышления. Действительно, немногие из них оставляют потомство, и живут они недолго.

Степан Степанович Ефремов прожил 44 года. Данила Степанович Ефремов прожил 50 лет. Если брат его, Степан, довольно сумбурно и с нарушением грамматических правил описал свои навыки: «Российская грамота писать, география, арифметика, риторика,

читать по-немецки и по латыни» [11, л. 45], то Данила Степанович умел лишь «читать и писать» [11, л. 50], а в послужном списке за 1797 г., в возрасте 39 лет, записал в графе о возрасте, что лет своих «не упомнит» [11, л. 218 об.]. Сестра их, Марфа Степановна, прожила 47 лет. Сестра Надежда Степановна – 30 лет. Ее сын от М.И. Платова – Иван Матвеевич – прожил 29 лет.

А вот представители других «знатных» родов. Дячкин Иван Большой умер в 48 лет, его брат Иван Меньшой умер в 46 лет. Дмитрий Поздеев, не будучи раненым, умер в 31 год. Лихой рубака Алексей Федорович Краснощёков умер в 32 года.

Видимо, ограниченный круг сложившейся верхушки, связанной матримониальными узами, оказался неспособен дать более жизнестойкое потомство.

После ареста и устранения атамана Степана Ефремова описанная нами практика выдвижения старшинских детей неоправданно рано на командные должности не прекратилась. Контингент юных старшин немного изменился.

Вместо потомков атамана Ефремова мы видим детей и племянников нового атамана А.И. Иловайского.

Лев Алексеевич Иловайский, 1772 г.р., казаком был записан в 8 лет, есаулом – в 11 (1783 г.), и через год стал армейским поручиком (1784 г.), за участие в штурме Очакова (22 декабря 1789 г.) он получил чин войскового старшины и в 1793 г. стал премьер-майором. Службу он проходил в Атаманском полку с 1780 г., с 1784 г. – в придворной команде, с 1789 г. – в конвое А.Г. Потёмкина. Получив премьер-майорский чин, отбыл с командой на пограничную речку Кагальник [11, л. 110 об.]. Майорский чин в русской армии и уж тем более на Дону давал право командовать полком.

Племянник атамана, Степан Дмитриевич Иловайский, казаком был записан в 9 лет, премьер-майором стал в 19 лет (29 ноября 1796 г.). Служил он в том же конвойном Чугуевском полку при А.Г. Потёмкине, затем в полку генерал-майора Орлова, походного атамана Грекова. Воевал с турками, штурмовал Прагу (пригород Варшавы) в 1794 г. [11, л. 210 об.].

Племянник Григорий Дмитриевич Иловайский прошел тот же путь и майорский чин

получил в один день с братом, 29 ноября 1796 г., но было ему тогда 18 лет. В детские и отроческие годы числился он в полках родственников – Павла Иловайского и Ивана Иловайского. Участвовал в штурме Измаила [11, л. 233 об.].

Нельзя не заметить, что, в отличие от предыдущего поколения «золотой молодежи», эти юноши получают русские армейские чины, дающие право на дворянство. Как писал А.П. Пронштейн, при А.Г. Потёмкине (последняя четверть XVIII в.) шел процесс «одворянивания старшинской верхушки и превращения ее в надежный оплот абсолютной монархии» [12, с. 240].

Здесь же можно увидеть Ребрикова Ивана Алексеевича, зятя Дмитрия Ивановича Иловайского, брата атамана. Этот был записан в казаки в 13 лет, но майором стал, обогнав двух своих родственников, 24 сентября 1794 г., в 20 лет [11, л. 141 об.]. Его боевой путь пролегал через Кинбурн, Измаил, войну с польскими конфедератами, штурм Праги.

Раньше всех майорский чин получил Василий Васильевич Орлов, сын сменившего Иловайского войскового атамана Василия Орлова. Майором он стал в 1794 г. в 15 лет. Большая часть его службы до получения чина прошла в Петербурге, в разъездной команде стоявшего в столице полка Поздеева [11, л. 164 об.].

Достигшие высоких чинов выходцы из казачьих детей пытались организовать карьерный рост своих потомков, используя опыт прежней верхушки.

Аркадий Иванович Исаев, сын вышедшего из казачьих детей суворовского любимца генерал-майора Ивана Исаева, в казаки был записан в 13 лет, а майором стал в 20 лет. Весь срок службы его до получения майорского чина прошел в шефском полку Екатеринославского войска [11, л. 205 об.].

Отличительная черта этой молодежи – более высокий уровень образованности. Впрочем, племянники атамана, Степан Дмитриевич и Григорий Дмитриевич Иловайские, и их свояк Иван Ребриков умеют лишь читать и писать [11, л. 142, 217, 236]. Внук простого казака Аркадий Иванович Исаев честно сознался, что «знает читать и писать, а других наук никаких» [11, л. 206]. Зато сын атамана, Лев Алексеевич, был обучен «российской,

немецкой и французской грамоте» [11, л. 115], а сын Василия Орлова «знал» «читать и писать по-русски, по-немецки и по-французски, всемирную историю, рисовать и часть математических наук» [11, л. 167].

В этом отношении всех превзошел внук войскового судьи и сын уже известного нам Андрея Дмитриевича Мартынова, Алексей Андреевич. Конечно же, он мог читать и писать по-русски, кроме того ему были известны «французский язык, арифметика, алгебра, геометрия, архитектура, география, физика, механика, риторика и грамматика» [11, л. 308].

Но и эти представители нового поколения «золотой молодежи» не смогли подняться выше полковничьего чина. И не отличались долгожительством. Степан Дмитриевич Иловайский, например, умер в 38 лет.

Видимо, какая-то часть их осознала гибельность «династических браков» внутри своего круга. Сын войскового атамана Иловайского, Лев Алексеевич, женился на литовской шляхтянке Нарбут [6, с. 26]. В женах у Андрея Дмитриевича Мартынова побывали дочь греческого купца Екатерина Егоровна Мержанова, Евдокия Васильевна Манькова (дочь известного старшины В.И. Манькова), русская дворянка Прасковья Петровна Бачманова [4, с. 29].

Однако сложившуюся практику сразу сломать было невозможно. Так, описывая ситуацию на Дону в конце XVIII – начале XIX в., военный инженер А.Л. де Романо, работавший здесь в 1795–1803 гг., написал, что «вся власть в крае принадлежит 12–15 виднейшим фамилиям... В большинстве своем они были связаны родственными узами. В Войсковой канцелярии, на должностях предводителей областного и окружных дворян-

ских депутатов, судей, оказывались ближайшие родственники войсковых атаманов – братья, сыновья, племянники, свойственники, ближайшие друзья» [2, с. 147].

Результаты. Таким образом, в XVIII в. на Дону сложилось олигархическое правление из неформальных лидеров Войска – старшин, которые были объединены между собой посредством матримониальных связей. Чин старшины в первую очередь давал право командовать полком и, соответственно, получать большую долю добычи по сравнению с рядовыми казаками, а также быть включенным в своеобразный резерв для занятия должностей в системе войскового самоуправления.

Дети старшинских семей сразу же включались своими родителями в сложившееся сообщество путем присвоения им старшинских чинов непосредственно при зачислении на службу либо через очень короткий срок после зачисления. Многие зачислялись на службу в отроческом и даже детском возрасте. Некоторая часть их оказалась не готова нести возлагаемые на старшин обязанности, что отмечено в их послужных списках. Впоследствии, когда произошла смена ценностей и целью верхушки стало получение дворянских титулов, носители которых имели право покупать крепостных, большую ценность приобрели армейские офицерские чины, дающие право на дворянство. И сразу же отпрыски старшин, зачастую в отроческом возрасте, стали получать армейские офицерские чины. Из указанной категории старшин при блестящих стартовых позициях генеральских чинов достигли единицы. Характерной чертой данной категории старшин являются короткий срок жизни и отсутствие у многих жизнестойкого потомства. Видимо, сказались матримониальные связи внутри очень ограниченного круга лиц.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Абрамов М. Ю., Вальдин А. С., Королев В. Н., Корягин С. В. Астаховы и другие. Вып. 16. М.: Русаки, 2001. 120 с.
2. Агафонов А. И. История Донского края (XVI – первая половина XIX в. Исторические источники и их изучение). Ростов н/Д: Приазовский край, 2001. 382 с.
3. Губарев Г. В. Казачий словарь-справочник. Т. 3. Сан-Ансельмо: Сеятель, 1970. 344 с.
4. Королев В. Н., Корягин С. В. Мартыновы, Бобриковы и другие. Вып. 5. М.: Пробел, 1999. 96 с.
5. Корягин С. В. Денисовы и другие. Вып. 20. М.: Русаки, 2001. 120 с.
6. Корягин С. В. Иловайские и другие. Вып. 17. М.: Русаки, 2001. 120 с.

7. Корягин С. В. Косовы и другие. Вып. 78. М.: Русаки, 2008. 128 с.
8. Куц О. Ю. Донское казачество в период от взятия Азова до выступления С. Разина (1637–1667). СПб.: Дм. Буланин, 2009. 456 с.
9. Небрятенко Г. Г. Судебно-процессуальные отношения в традиционном обществе донских казаков. Ростов н/Д: Изд-во ЮФУ, 2009. 144 с.
10. Послужные списки генералов и офицеров (войскового атамана Иловайского, генерал-майора Ф. Денисова, полковника Иловайского и других). 1775–1779 // Государственный архив Ростовской области (ГАРО). Ф. 46. Оп. 1. Д. 40. 417 л.
11. Послужные списки генералов, полковников, подполковников и премьер-майоров. 1797 г. // ГАРО. Ф. 344. Оп. 1. Д. 41. 380 с.
12. Пронштейн А. П. Земля Донская в XVIII веке. Ростов н/Д: Изд-во Рост. ун-та, 1961. 375 с.
13. Ригельман А. И. История о донских казаках. Ростов н/Д: Кн. изд-во, 1992. 220 с.
14. Савельев Е. П. История казачества с древнейших времен до конца XVIII века. Историческое исследование в 3 частях. Репринтное воспроизведение изданий 1915–1918 годов. Ростов н/Д, 1990. С. 315–446.
15. Савёлов Л. М. Донское дворянство. II. М.: Тов-во «Печатня С.П. Яковлева», 1914. 15 с.
16. Сватиков С. Г. Россия и Дон. История донского казачества 1549–1917. Исследование по истории государственного и административного права и политических движений на Дону. М.: Центрполиграф, 2023. 623 с.

REFERENCES

1. Abramov M.Yu., Valdin A.S., Korolev V.N., Koryagin S.V. *Astakhovy i drugie. Vyp. 16* [Astakhovs and Others. Iss. 16]. Moscow, Rusaki Publ., 2001. 120 p.
2. Agafonov A.I. *Istoriya Donskogo kraya (XVI – pervaya polovina XIX v. Istoricheskie istochniki i ikh izuchenie)* [The History of the Don Region of the 16th–First Half of the 19th Century (Historical Sources and Their Study)]. Rostov-on-Don, Priazovsky Krai Publ., 2001. 382 p.
3. Gubarev G.V. *Kazachij slovar-spravochnik. T. 3* [Cossack Dictionary. Vol. 3]. San Anselmo, Seyatel Publ., 1970. 344 p.
4. Korolev V.N., Koryagin S.V. *Martynovy, Bobrikovy i drugie. Vyp. 5* [Martynovs, Bobrikovs and Others. Iss. 5]. Moscow, Probel Publ., 1999. 96 p.
5. Koryagin S.V. *Denisovy i drugie. Vyp. 20* [Denisovs and Others. Iss. 20]. Moscow, Rusaki Publ., 2001. 120 p.
6. Koryagin S.V. *Ilovajskie i drugie. Vyp. 17* [Ilovaisky and Others. Iss. 17]. Moscow, Rusaki Publ., 2001. 120 p.
7. Koryagin S.V. *Kosovy i drugie. Vyp. 78* [Kosovs and Others. Iss. 78]. Moscow, Rusaki Publ., 2008. 128 p.
8. Kutz O.Yu. *Donskoe kazachestvo v period ot vzyatiya Azova do vystupleniya S. Razina (1637–1667)* [Don Cossacks in the Period from the Capture of Azov to the Riot of S. Razin (1637–1667)]. Saint Petersburg, Dm. Bulanin, 2009. 456 p.
9. Nebratenko G.G. *Sudebno-protsessualnye otnosheniya v tradicionnom obshchestve donskih kazakov* [Judicial and Procedural Relations in the Traditional Society of the Don Cossacks]. Rostov-on-Don, Izd-vo YuFU, 2009. 144 p.
10. Posluzhnye spiski generalov i oficerov (vojskovogo atamana Ilovajskogo, general-majora F. Denisova, polkovnika Ilovajskogo i drugikh). 1775–1779 [Service Lists of Generals and Officers (Military Ataman Ilovaisky, Major General F. Denisov, Colonel Ilovaisky and Others). 1775–1779]. *Gosudarstvennyj arkhiv Rostovskoj oblasti* (GARO) [State Archive of the Rostov Region], f. 46, inv. 1, d. 40. 417 l.
11. Posluzhnye spiski generalov, polkovnikov, podpolkovnikov i premyer-majorov. 1797 g. [Service Lists of Generals, Colonels, Lieutenant Colonels and Prime Majors. 1797]. *GARO* [State Archive of the Rostov Region], f. 344, inv. 1, d. 41. 380 l.
12. Pronstein A.P. *Zemlya Donskaya v XVIII veke* [Donskoy Land in the 18th Century]. Rostov-on-Don, Izd-vo Rost. un-ta, 1961. 375 p.
13. Rigelman A.I. *Istoriya o donskih kazakah* [The Story of the Don Cossacks]. Rostov-on-Don, Kn. izd-vo, 1992. 220 p.
14. Saveliev E.P. *Istoriya kazachestva s drevnejshih времен do konca XVIII veka. Istoricheskoe issledovanie v 3 chastyah. Reprintnoe vosproizvedenie izdanij 1915–1918 godov* [The History of the Cossacks from Ancient Times to the End of the 18th Century. Historical Research in 3 Parts. Reprint Reproduction of Editions from 1915–1918]. Rostov-on-Don, 1990, pp. 315–446.

15. Savelov L.M. *Donskoe dvoryanstvo. II* [The Don Nobility. 2]. Moscow, Tov-vo «Pechatnya S.P. Yakovleva», 1914. 15 p.
16. Svatikov S.G. *Rossiya i Don. Istoriya donskogo kazachestva 1549–1917. Issledovanie po istorii gosudarstvennogo i administrativnogo prava i politicheskikh dvizhenij na Donu* [Russia and the Don. The History of the Don Cossacks 1549–1917. Studies on the History of State and Administrative Law and Political Movements on the Don]. Moscow, Tsentrpoligraf, 2023. 623 p.

Information About the Author

Andrey V. Venkov, Doctor of Sciences (History), Professor, Chief Researcher, Laboratory of the Cossacks, Federal Research Centre the Southern Scientific Centre of the Russian Academy of Sciences, Chekhov St, 41, 344006 Rostov-on-don, Russian Federation, andrey_venk@rambler.ru, <https://orcid.org/0000-0002-4455-2822>

Информация об авторе

Андрей Вадимович Венков, доктор исторических наук, профессор, главный научный сотрудник, лаборатория казачества, Федеральный исследовательский центр Южный научный центр РАН, просп. Чехова, 41, 344006 г. Ростов-на-Дону, Российская Федерация, andrey_venk@rambler.ru, <https://orcid.org/0000-0002-4455-2822>

DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2026.3.2>

UDC 94(470.45)“17”

LBC 63.3(2)513-422

Submitted: 27.03.2026

Accepted: 18.06.2026

THE BATTLE OF THE DON COSSACKS WITH THE PUGACHEVITES AT THE MECHETNAYA RIVER NEAR TSARITSYN

Evgeny V. Astafyev

Volgograd State University, Volgograd, Russian Federation;
Tsaritsyn Genealogical Society, Saratov, Russian Federation

Abstract. *Introduction.* This article presents a specialized study of one of the few major battles in terms of numbers of participants in the final stage of Pugachev's Rebellion – the clash between the Don regiments and the mutineers that took place on August 20, 1774, at the Mechetnaya River near the city of Tsaritsyn. This battle came about in the field, without reference to any defensive fortifications, and ended with the Don Cossacks retreating at night to Tsaritsyn. *Methods and materials.* In the historical literature of both the pre-Soviet and Soviet periods, this clash has been described rather sparingly, in passing, with the only difference being that in the former version, the outcome of the battle was traditionally attributed to the cowardice of the Don Cossacks, while in the latter, it was attributed to the bravery of the “revolutionary-minded masses.” In conducting this research, the author of the article introduces into scholarly circulation a number of new archival documents discovered in the collections of the Russian State Archive of Ancient Acts and the State Archive of the Saratov Region. *Analysis.* By examining new documents and comparing them with existing research on this topic, we were able to clarify the composition of the Don regiments, establish the real motives for this brief confrontation, and also expand on the research of our predecessors and correct a number of inaccuracies. *Results.* Our analysis of the materials we uncovered and their comparison with existing works on this topic makes it clear that the Don Cossacks were drawn into this skirmish entirely unintentionally, but in the subsequent reports they attempted to present their actions in the most loyal light possible. Furthermore, the article explains how this episode, in its later distorted version, served as the prototype for the legend of “Pugachev's army spending the night near the village of Gorodishche, ten miles from Tsaritsyn” and his subsequent “breakthrough” through the rampart of the Tsaritsyn line.

Key words: Pugachev's Rebellion, battle at the Mechetnaya River, Tsaritsyn, Gorodishche, Tsaritsyn line, E.I. Pugachev, Don elder F.D. Kuteinikov, Don Cossacks.

Citation. Astafyev E.V. The Battle of the Don Cossacks with the Pugachevites at the Mechetnaya River near Tsaritsyn. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 4. Istoriya. Regionovedenie. Mezhdunarodnye otnosheniya* [Science Journal of Volgograd State University. History. Area Studies. International Relations], 2026, vol. 31, no. 3, pp. 16-25. (in Russian). DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2026.3.2>

УДК 94(470.45)“17”

ББК 63.3(2)513-422

Дата поступления статьи: 27.03.2026

Дата принятия статьи: 18.06.2026

СРАЖЕНИЕ ДОНСКИХ КАЗАКОВ С ПУГАЧЕВЦАМИ ПРИ РЕЧКЕ МЕЧЕТНОЙ БЛИЗ ЦАРИЦЫНА

Евгений Владимирович Астафьев

Волгоградский государственный университет, г. Волгоград, Российская Федерация;
Царицынское генеалогическое общество, г. Саратов, Российская Федерация

Аннотация. *Введение.* Статья представляет собой специальное исследование одного из немногих крупных по численности участвовавших сторон сражений заключительного этапа пугачевщины – столкновения донских полков с мятежниками, произошедшего 20 августа 1774 г. при речке Мечетной близ города Царицына. Это сражение состоялось в полевых условиях, без привязки к каким-либо оборонительным укреплениям и завершилось ночным отступлением донских казаков к Царицыну. *Методы и материалы.* В исторической

литературе как досоветского, так и советского периода, это боестолкновение описано довольно скупо, вскользь, с той лишь разницей, что в первом варианте исход сражения традиционно объяснялся трусостью донских казаков, во втором – храбростью «революционно настроенных народных масс». При работе над темой автор статьи вводит в научный оборот ряд новых архивных документов, выявленных им в фондах Российского государственного архива древних актов и Государственного архива Саратовской области. *Анализ.* Удалось уточнить состав донских полков, установить реальные мотивы этого непродолжительного противостояния, а также развить исследования предшественников и поправить в них ряд неточностей. *Результаты.* В ходе анализа выявленных материалов становится очевидно, что донцы совершенно непреднамеренно оказались вовлечены в эту стычку, однако в рапортах постарались представить свои действия в максимально верноподданническом свете. В статье дается пояснение, как описываемый эпизод в искаженном позднее варианте явился прообразом для легенды о «ночевке войска Пугачева у деревни Городищ в десяти верстах от Царицына» и его последующем «прорыве» через вал Царицынской линии.

Ключевые слова: пугачевщина, сражение при речке Мечетной, Царицын, Городище, Царицынская линия, Е.И. Пугачев, донской старшина Ф.Д. Кутейников, донские казаки.

Цитирование. Астафьев Е. В. Сражение донских казаков с пугачевцами при речке Мечетной близ Царицына // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 4, История. Регионоведение. Международные отношения. – 2026. – Т. 31, № 3. – С. 16–25. – DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2026.3.2>

Введение. Многие эпизоды из истории Пугачевского бунта до сих пор остаются недостаточно изученными, целый массив документов по этой теме еще ждет своих исследователей в областных и федеральных архивах России. Это касается и событий одного из последних этапов пугачевщины, происшедших в Среднем и Нижнем Поволжье, в особенности тех, которые были напрямую связаны с обороной от мятежников Царицына – единственного поволжского города, сумевшего дать достойный отпор многократно превосходившим силам нападавших и устоять перед ними. Одним из таких малоизученных эпизодов является стычка донских казачьих полков с войском Е.И. Пугачева, произошедшая в окрестностях города на речке Мечетной непосредственно накануне его осады. В целом ряде трудов по истории пугачевщины это сражение оказалось описано поверхностно, без должного анализа состава участвовавших в нем сил и их мотивов, что привело к цитированию несколькими поколениями исследователей одних и тех же ошибок и неточностей, наиболее распространенной из которых, к примеру, является цифра в 400 сдавшихся мятежникам донских казаков, в действительности заимствованная из итоговой статистики другого противостояния [2, р. 179; 8, р. 242; 11, р. 252; 34, р. 117; 43, р. 174–175]. Ввиду скудости сведений об этом событии, в досоветской историографии в работах публициста Д.Л. Мордовцева, в советской – историков А.И. Андрущенко, В.И. Буганова,

М.В. Жижки, А.Н. Климова, В.В. Мавродина, С. Симонова и др., о нем было сообщено весьма кратко [2, р. 179; 11, р. 252, 264; 16, р. 74; 17, р. 88; 18, р. 448; 20, р. 141; 24, р. 70; 34, р. 116; 43, р. 174–175]; в исследованиях многих других историков об этом сражении не было упомянуто вовсе. По-видимому, по этим же причинам в работах некоторых историков досоветского (Д.Л. Мордовцев, Н.Ф. Дубровин) и советского (Х.И. Муратов) периодов уделялось большее внимание колоритной истории пленения, допроса и счастливого спасения попавшего в ходе этого сражения в плен к мятежникам донского старшины Ф.Д. Кутейникова, ставшей известной из его рапортов, нежели исследованию целей, хода и итогов самого сражения [8, р. 241–243; 20, р. 141; 22, р. 194–196]. Лишь в трудах военного историка досоветского периода генерал-лейтенанта Н.Ф. Дубровина, опиравшегося непосредственно на архивные источники, и историка советского периода – волгоградца С.А. Краснова, использовавшего целый ряд опубликованных к тому времени сборников архивных документов периода пугачевщины, эта тема подверглась более подробному рассмотрению, однако также далеко недостаточному, носящему сугубо описательный характер, имеющему серьезные неточности в плане состава и численности противостоявших сил [8, р. 241–243; 10, р. 56–57].

Методы и материалы. В результате обширной работы с архивными источниками удалось выявить ранее не использовавшиеся

историками данные в материалах делопроизводства Царицынской комендантской канцелярии, хранящихся в фондах Государственного архива Саратовской области [15], а также обнаружить несколько уточняющих сведений в донесениях и переписке официальных лиц периода Пугачевского бунта, находящихся в фондах Российского государственного архива древних актов [5; 26]. Критический их анализ и сопоставление с уже опубликованными источниками [3; 4; 6; 7; 25; 30; 41; 42] позволили понять состав и приблизительную численность противостоявших сил, раскрыть мотивы этого боестолкновения и причины его исхода.

Анализ. По мере продвижения в августе 1774 г. войск Е.И. Пугачева вниз по течению р. Волги, в район Царицына для его обороны спешно начали стягиваться все доступные военные формирования. От резервного корпуса 2-й армии генерал-аншефа кн. В.М. Долгорукого маршем выступил отряд генерал-майора кн. И.В. Багратиона, из Черного Яра с небольшим отрядом калмыков прибыл полковник кн. А.Ф. Дондуков, с Царицынской линии к городу была переведена «шестисотная»¹ команда донских казаков под началом походного атамана В.И. Перфилова.

После занятия мятежниками станиц и войскового центра Волжского казачьего войска, в преддверии нападения их на Царицын, царицынским комендантом полковником И.Е. Цыплетевым с Дона были дополнительно затребованы все наличествующие там на этот момент силы. По причине нахождения основной части казаков на театре военных действий Русско-Турецкой войны, в донских станицах оставалось крайне мало казаков, способных обращаться с оружием, поэтому для противодействия мятежникам пришлось мобилизовать даже выростков и отставных. 19 августа 1774 г. из Качалинской станицы к городу вдоль Царицынской линии выступили со своими полками донские казачьи старшины Ф.Д. Кутейников и К.П. Денисов. Вечером у Грачевской крепости они соединились с прибывшими ранее полками старшин В.И. Манкова и Г.М. Поздеева. Утром 20 августа туда же прибыл от Царицына походный атаман В.И. Перфилов со своей командой. Общее число донцов к этому моменту составляло до двух тыс. чел.; все они передислоцировались

к Мечетной крепости, расположенной примерно в десяти верстах к западу от Царицына. К полудню туда же подошли недоукомплектованные полки старшин М.И. и В.И. Денисовых, по дороге частично пополняющиеся отставшими казаками. Поскольку большинство казаков новоприбывших для защиты Царицына донских полков вообще не имели с собой боекомплекта, в Царицын была отправлена группа старшин и казаков под общей командой старшины Ф.Д. Кутейникова для получения из городского цейхгауза недостающего количества пороха и свинца на все подошедшие полки [4, р. 94, 98–99; 37, л. 178].

Любопытно, что в текстах ряда донесений в числе прибывших с Дона фигурировал старшина В.Я. Греков, якобы также явившийся со своим полком [4, р. 94, 111; 15, л. 128; 29, р. 315]. Информацию об этом процитировали исследователи М.Х. Сенюткин, И.С. Шепелев и др. [14, л. 25; 31, р. 73; 35, л. 13]. Однако если участие ряда казаков полка Грекова в последующих событиях подтверждается многочисленными показаниями других казаков, то никаких доказательств реального присутствия под Царицыным самого В.Я. Грекова нами в архивных документах обнаружено не было: ни его рапортов, ни подписей под коллективными документами; первый известный нам документ этого периода за собственноручной подписью В.Я. Грекова датирован 5 сентября 1774 г. [4, р. 164]. Напротив, имеется несколько свидетельств того, что старшина В.Я. Греков находился «в домовом отпуске», поэтому, вероятно, в описываемых событиях участвовала лишь небольшая часть казаков полка В.Я. Грекова, которыми командовал Ф.Д. Кутейников, объединив их со своим полком, тоже далеко не полным [4, р. 88, 99, 183]. Это подтверждают и допросные показания хорунжего Е.Я. Крапивина, который в отсутствие старшины В.Я. Грекова оставался старшим над казаками его полка вместе с сотником К. Тушкановым [4, р. 159].

Помимо этого, историк и публицист Д.Л. Мордовцев приводил сведения, будто в Царицын с Дона с полком также прибыл знаменитый армейский полковник М.С. Себряков, который требовал для своих казаков порох и свинец [21, р. 101–102]. К сожалению, Д.Л. Мордовцев невнимательно прочел руко-

писный документ: М.С. Себряков лишь писал 12 августа (то есть неделей ранее) царицынскому коменданту И.Е. Цыплетеву, имея в виду казаков атамана Перфилова, только что переведенных к городу с Царицынской линии, что «казакам с Дона до сих пор не прислано пороха и свинца», и просил, чтобы им выдали эти боеприпасы из городского цейхгауза [15, л. 118]. Вообще полковник Себряков в этот период казался больным лихорадкой и находился у себя в станице, а при приближении опасности и вовсе бросил все имение и уехал с семейством в Новохоперскую крепость², поэтому никак не мог бы оказаться в Царицыне [4, р. 107, 116; 8, р. 218–219; 33, р. 12]. К Мечетной же крепости и Царицыну прибыли лишь несколько старшин из числа тех, которые состояли под его командой.

В этот же день, 20 августа, Е.И. Пугачев со всем войском выступил из Дубовки, войскового центра Волжского казачьего войска, где он пробыл три дня. Донцы отправили партию в двести казаков под командой старшины К.П. Денисова навстречу мятежникам на разведку к речке Пичуге. Согласно рапорту донских старшин, к вечеру от старшины Денисова было получено сообщение о движении отрядов Е.И. Пугачева к Царицыну, после чего все собравшиеся донские полки немедленно «на поражение и истребление того злодея со всею усердностью отправились». Этот рапорт послужил поводом для появления в нескольких работах донских историков досоветского периода целого героического эпизода, известного как сражение донцов с мятежниками при р. Мечетной, хотя в целом историки как досоветского, так и советского периодов сходились во мнении о победе пугачевцев в этом противостоянии. При этом, однако, никто из исследователей никогда не пытался выяснить цели и задачи этого странного боестолкновения [8, р. 241–242; 10, р. 56; 11, р. 252; 22, р. 194; 31, р. 73–74].

Разберем события по порядку. Во-первых, донские старшины не получали приказа ни атаковать, ни самостоятельно пытаться разбить многократно превосходящие их силы пугачевцев. Основной задачей донцов было охранять Царицын и прилегающий к нему участок Царицынской линии с целью недопущения перехода через нее войск мятежников. Во-

вторых, у них не было для такого серьезного сражения ни необходимого количества людей, ни поддержки артиллерией. В-третьих, как уже отмечено, донские казаки элементарно не имели даже достаточного комплекта боеприпасов, поскольку старшина Ф.Д. Кутейников с отправленной с ним в Царицын командой еще не вернулись. По нашему мнению, стычка донцов с мятежниками не была запланированной и подтверждением тому является более поздний рапорт старшины Ф.Д. Кутейникова, по-видимому, до сих пор не попадавший в поле зрения историков. Возвращавшийся из Царицына к донским полкам с полученными из городского цейхгауза свинцом и порохом, небольшой отряд старшин и казаков, «усмотря на другой стороне речки Мечетной», как от речки Царицынской Пичуги мятежники «гонят за командованным пред тем з двусотным числом казаками полковником Карпом Денисовым», бросился на выручку своим соратникам [15, л. 169].

Все это происходило уже в зоне прямой видимости от места казачьего лагеря, поэтому одновременно от линии, со стороны Мечетной крепости, навстречу мятежникам выдвинулись и все остальные сборные донские силы. На берегу речки Мечетной донские полки вступили в сражение со значительно превосходящей их по численности конницей пугачевцев, за несколько часов перед тем усилившейся несколькими тысячами калмыцких всадников. Таким образом, это столкновение произошло спонтанно и изначально целью донцов было отбить у преследователей отряд старшины К.П. Денисова, а вовсе не «истребить злодея со всею усердностью». К сожалению, геройски проявивший себя в этом бою старшина Ф.Д. Кутейников оказался несколько раз ранен и взят в плен мятежниками³. Потеряв командира, часть казаков полков Ф.Д. Кутейникова и В.Я. Грекова сдались пугачевцам, часть дрогнули и побежали. За ними побежали и донцы других полков. Здесь необходимо еще раз отметить, что вследствие завышения некоторыми историками воображаемой численности «полков Кутейникова и Грекова» до 1 100 казаков вместо всего лишь нескольких сотен и путаницы с числом захваченных на следующий день при Царицыне 400 донских казаков (ввиду недостаточно внима-

тельного изучения допроса хорунжего Е.Я. Крапивина), в целом ряде исследований упорно повторялось это ошибочное число якобы сдавшихся при р. Мечетной донцов [4, р. 99, 124; 8, р. 242; 29, р. 314; 34, р. 117]. Впоследствии одни казаки оправдывались, что со своей стороны не имели необходимого подкрепления полевой артиллерией (имея в виду долгожданный, но беспрестанно «задерживающийся» отряд генерал-майора кн. И.В. Багратиона), другие утверждали, что бой, якобы, прекратился из-за наступления «самой ночи». Касательно артиллерии здесь, кстати, можно предположить, что и пушки мятежников на момент столкновения наверняка находились еще на марше, а в самом сражении принимала участие лишь конница, двигавшаяся в авангарде войска Е.И. Пугачева и состоявшая из нескольких сотен яицких казаков, конных крестьян и трехтысячного отряда калмыков. С наступлением сумерек донцы, хорошо знакомые с местностью, отступили к Царицыну, а пугачевцы разбили лагерь на р. Мечетной недалеко от места сражения⁴. Ночью донские старшины явились к царицынскому коменданту полковнику И.Е. Цыплетеву и объявили, что Ф.Д. Кутейников убит мятежниками [4, р. 94, 99; 5, л. 6 г.; 8, р. 242–243; 15, л. 169–170; 29, р. 314; 37, л. 178–178 г.].

На самом же деле, раненого старшину Ф.Д. Кутейникова несколько часов пытали в лагере мятежников, затем его допрашивал лично Е.И. Пугачев, угощал вином, звал к себе на службу, но, получив отказ, приказал поутру повесить⁵. Однако, по-видимому, подходящих деревьев в окрестностях не нашлось, а строить специально для этого случая виселицу было слишком хлопотно, поэтому повешение оказалось заменено расстрелом. Утром 21 августа двое татар из числа мятежников вывели и усадили измученного старшину на край оврага, выстрелили в него из ружья, но не убили, а лишь еще раз ранили, поскольку ружье несколько раз давало осечку и выстрел получился только с пятого раза, и то не очень удачным. От нового ранения старшина скатился в овраг и потерял сознание; татары не стали спускаться и проверять тело, посчитав его мертвым. После ухода пугачевцев к Царицыну Ф.Д. Кутейников очнулся и в течение полутора суток пытался самостоятельно доб-

раться до донских станиц, но, будучи сильно изранен (несколько колотых и одно огнестрельное ранение, а также травмы и растяжения, полученные в ходе пыток) и теряя силы, уже почти отчаялся. Наконец, 22 августа в районе Осокорской крепости на Царицынской линии его подобрали бежавшие из войска мятежников казаки ст. Иловлинской и отвезли в ст. Качалинскую, откуда он уже 23 и 25 августа подал рапорты о произошедшем царицынскому коменданту И.Е. Цыплетеву и наказному атаману Донского войска С.Н. Сулину [1, р. 59–62; 4, р. 94, 99, 184; 8, р. 241; 15, л. 169–170; 37, л. 178–178 г.].

Донские казаки, оставшиеся в строю после боя на р. Мечетной, 21 августа стояли при Царицыне, за линией, но в бой не вступали, ограничиваясь лишь короткими вылазками с захватом пленных. Пугачевский «полковник» П.А. Пустобаев на допросе показывал, что это было сделано по предварительной договоренности некоторых донцов с Е.И. Пугачевым: «Только просим, чтоб по нас не стреляли, – мы де поедим к городу и будем стоять около онаго снизу в стороне. А в город хотя и полковники наши пойдут, но мы входить не будем и стрелять по вас не станем» [42, р. 55–56]. Это подтверждал и присутствовавший на переговорах казак О. Баннов [30, р. 167]. В фондах ГАСО хранится оригинал рапорта походного атамана и казачьих старшин, поданный ими утром 21 августа коменданту И.Е. Цыплетеву и отчасти объясняющий такое поведение казаков: «Сколь нашей усердности вашему высокоблагородию довольно известно, но к несчастью общему и к погашению славы нажитой всего войска Донского кровию из находящихся при нас подкомандных некоторые показали такую трусость, что и прочих смешав мысли нанесли страх такой, что мы о истреблении злодея надежды не предвидя и хотя и далее из находящихся при нас еще большая половина и осталась с нами, но что последует и от них уверить никак теперь не можно, а затем от истинного нашего сердца и за Бога просим чтоб он по своему милосердию подкомандным нашим даровал прежнюю донских истинную храбрость в чем на его всемогущество мы и небезнадежны. [Подписи:] Василий Манков, Михайла Денисов, Василий Перфилов, Григорий Поздеев, Варлам Денисов, Карп Денисов»

[15, л. 128]. Рапорт написан на небольшом листке бумаги в полевых условиях трясущейся рукой, почерк срывается. В сборнике под редакцией доктора исторических наук А.П. Пронштейна приведен текст копии этого документа, хранящейся в Российском государственном военно-историческом архиве (РГВИА), с некоторыми поправками, прибавлением упоминания о присяге, изменением последовательности и набора подписей. Так, например, в этой копии появилась фамилия В.Я. Грекова, оказались объединены К.П. и В.И. Денисовы – что, естественно, невозможно, поскольку каждый из старшин должен был сам поставить свою подпись [4, р. 111; 29, р. 315]. По-видимому, по этой же копии приводили текст рапорта в своих трудах Д.Г. Анучин и Н.Ф. Дубровин [8, р. 242–243]. Р.В. Овчинников в своих комментариях вообще приписывал авторство рапорта одному только атаману В.И. Перфилову [25, р. 145]. В действительности на оригинале документа, хранящегося в фондах ГАСО, стоят собственноручные подписи всех старшин без указания их чинов именно в том порядке, как они приведены выше, за исключением подписей попавшего в плен старшины Ф.Д. Кутейникова и отсутствовавшего старшины В.Я. Грекова.

Тем не менее даже минимальное участие донцов в обороне города приносило свои плоды, не осталось незамеченным и было удостоено похвалы коменданта И.Е. Цыплетева: «...Казаки ж, предводимые ревностью их полковников, выбегали с отрывками их на сшибки и захватывали плен, отступая от больших их шаяк в свое скрытное место» [4, р. 189; 19, р. 284]. Впоследствии Е.И. Пугачев на вопросе также упоминал о том, что казачьи пикеты, «разъезжающие около города», немало стесняли действия его войск [6, р. 222]. Однако когда войска Пугачева перешли через Царицынскую линию и окружили донцов, выстрелами с городских батарей несколько раз попали и по ним. Небольшая часть казаков вместе со старшинами ретировались в город, остальные, численностью до 400 чел., оказались отрезаны от крепости мятежниками и вынуждены были проследовать с ними⁶. Наказной атаман С.Н. Сулин с горечью рапортовал Г.А. Потемкину, что казаки сдались «знатным числом», а из полков Ф.Д. Кутейникова и В.Я. Грекова – «почти все, и с знаме-

нами»⁷. Отметим, что в первые же две ночи часть донских казаков, признавших в «государе» своего земляка, воочию убедившись в обмане и не желая служить самозванцу, не будучи охраняемыми, небольшими партиями разбежались из лагеря Е.И. Пугачева по своим станицам; некоторые (немногие) вернулись обратно к Царицыну в свои полки. В целом ряде исследований приводится утверждение, будто бы все донцы поголовно «разъехались» из войска мятежников, но это не так. Согласно свидетельству хорунжего Е.Я. Крапивина, в первую ночь назад к Царицыну ушли более ста казаков, на следующий день «сотник Переконской станицы казак Тимофей Варанков» (имеется в виду – с подкомандными ему казаками), и на следующую ночь еще «б хорунжих с своими знаменами, изыскав случай, бежали» [4, р. 160]. Обнаружив побег большей части донцов, всех оставшихся яицкие казаки «стали притеснять и присматривать с угроживанием повесить тех, что в побеге поиманы будут», поэтому более сотни плененных у Царицына донских казаков оставались в войске Е.И. Пугачева до последнего сражения, однако даже в этой ситуации нашли способ навредить мятежникам, выведя у них из строя часть пушек. Согласно сведениям полковника И.И. Михельсона, собравшего 22 августа в Царицыне оставшихся верными присягам донцов, их число составило всего 428 казаков при 24 старшинах. От одной только «шестисотной» команды атамана В.И. Перфилова осталось 93 казака при полном составе в 18 старшин; больше всего поредели полки, в которых служили казаки, так и ли иначе знакомые с Е.И. Пугачевым еще до его самозванства: от полка В.И. Денисова остался 31 казак, от полка К.П. Денисова – 34 казака, от полка М.И. Денисова – лишь он сам [3, р. 51–52; 4, р. 115, 124, 126, 160, 180, 189; 7, р. 35; 26, л. 269; 40, р. 88; 41, р. 123].

С речкой Мечетной и получившей от нее название крепостью на Царицынской линии оказалась связана одна из легенд периода пугачевщины. В исторической литературе долгое время бытует версия о прорыве войска Е.И. Пугачева вместе с обозом вечером 21 августа (в некоторых исследованиях 22 августа, якобы после ночевки войска мятежников на линии) через вал и ров Царицынской

линии в десяти верстах к западу от Царицына у деревни Городище, сопровождавшимся сражением мятежников с донскими казаками, стремившимися не пропустить их через линию. Впервые эта легенда была озвучена саратовским краеведом А.Ф. Леопольдовым, на основании неких местных народных преданий включившим ее в тексты своих исследований и уверявшим, что он лично ездил осматривать «место прорыва» вала пугачевцами [12, р. 33; 13, р. 14; 37, л. 179 г.]; вслед за ним эта версия была повторена И.И. Михайловым, С.Л. Никольским, К.Г. Туровским, Н.Ф. Хованским, Р.В. Овчинниковым, И.С. Шепелевым и др., а также сильно искажена М.Х. Сенюткиным [9, р. 152; 19, р. 284; 23, р. 105; 31, р. 73–74; 35, л. 9; 36, л. 31; 38, р. 143; 39, р. 59; 41, р. 319]. Здесь необходимо отметить, что упоминаемой краеведом д. Городище во времена пугачевщины еще не существовало, а на линии недалеко от этого места располагалась Мечетная крепость; лишь десятилетие спустя здесь появились х. Красный Колодец и с-цо Красное (впоследствии вошедшие в состав с. Городище). Кроме того, на линии в этот момент не было донских казаков: ночью с 20 на 21 августа они все отступили от Мечетной крепости к Царицыну и стояли у стен города, поэтому участвовавшие в штурме города мятежники без труда могли преодолеть опустевшую линию в любом месте. И уж тем более пугачевцам не было нужды проводить какие-либо трудоемкие земляные работы, чтобы сделать «разрыв» в протяженности вала Царицынской линии: для этого хватало естественных оврагов, прорезавших линию во многих местах. По нашему мнению, упомянутая А.Ф. Леопольдовым легенда явилась всего лишь искаженным и путаным пересказом событий сражения мятежников с донцами 20 августа при р. Мечетной (в районе будущего с. Городище) и событий конца дня 21 августа, когда оставшиеся верными долгу донские казаки в десяти верстах к югу от линии настигли хвост удалявшегося вдоль Волги в сторону Астрахани обоза мятежников и отбили его часть. Вообще для нормального передвижения сухопутного пугачевского обоза с награбленным добром требовались хорошие дороги, а кроме того, для дальнейшего соединения с речным флотом (обозом) мя-

тежников ему необходимо было выйти к Волге, поэтому он даже ночью с 20 на 21 августа не стал переправляться через линию ни в одном из возможных мест на участке между Мечетной крепостью и Царицыным, а утром 21 августа проследовал почти до самого города и спокойно продолжил движение вдоль Волги по существующему, накатанному за многие годы тракту [1, с. 63–65]. Помимо этого, в копилку собирательных источников такой легенды мог лечь также эпизод разбития между Грачевской крепостью Царицынской линии и р. Мечетной одной из крупных разбойных шаек мятежников отрядом донского старшины А.И. Иловайского в 20-х числах августа 1774 г., уже после поражения основного войска пугачевцев [20, с. 181–182].

Примечательно, что многие донцы, принимавшие участие в боях при р. Мечетной и у Царицына, лично знали Е.И. Пугачева [6, р. 222; 22, р. 197]. Из троих старшин Денисовых – двое являлись родственниками (сыном и двоюродным братом) полковника Ильи Федоровича Денисова, ординарцем у которого во время Семилетней войны состоял Е.И. Пугачев, третий же и вовсе служил с Пугачевым в одном полку. А в начале Русско-турецкой войны 1768–1774 гг. Е.И. Пугачев служил хорунжим во 2-й сотне полка Е.Д. Кутейникова (брата Ф.Д. Кутейникова) под общим командованием генерал-аншефа гр. П.И. Панина, будущего «усмирителя Пугачевщины» [7, р. 1–3].

Результаты. Таким образом, никакой героической попытки «истребить злодеев со всем усердием» на подходе к Царицыну, озвученной донскими старшинами, не было. Сражение на речке Мечетной, хотя и явилось довольно масштабным в плане численности противостоявших друг другу сил, произошло спонтанно и имело целью лишь спасти разведывательный отряд донцов, пытавшийся оторваться от преследовавшей его конницы пугачевцев. Более того, хотя старшина Ф.Д. Кутейников и небольшая часть казаков полков Ф.Д. Кутейникова и В.Я. Грекова в этом сражении попали в плен к Е.И. Пугачеву, фактически донцы достигли своей цели, отбив у мятежников отряд К.П. Денисова, после чего той же ночью ретировались под защиту городских стен. Возникшая впоследствии легенда о еще одном сражении донцов с войском

Е.И. Пугачева, произошедшем через день практически на том же месте, на этот раз якобы у д. Городище, в действительности еще даже не существовавшей тот момент, явилась и вовсе полной выдумкой, возникшей вследствие путаницы дат и событий местным краеведом, но без какой-либо перепроверки подхваченной вслед за ним целым рядом историков.

БЛАГОДАРНОСТИ

Автор статьи выражает благодарность за помощь и рекомендации в ходе работы над материалом своему научному руководителю, доктору исторических наук, профессору Игорю Олеговичу Тюменцеву.

ACKNOWLEDGEMENTS

The author of the article expresses gratitude for the assistance and recommendations during the work on the material to his scientific supervisor, Doctor of Sciences (History), Professor Igor Olegovich Tyumentsev.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Указом от 1733 г. было предписано назначать на Царицынскую линию по тысяче донских казаков в летнее время и по восемьсот в зимнее; в периоды войн, когда значительная часть Донского войска находилась в походах и командировках, эта цифра уменьшалась до шестисот (атаман, 20 стар-

шин и 580 казаков) [27, № 13474]. В рассматриваемый нами период большая часть войска была откомандирована для участия в сражениях Русско-Турецкой войны 1769–1774 гг., поэтому на линии несли дежурство лишь шестьсот казаков.

² За что впоследствии был удостоен презрительного замечания от генерал-аншефа гр. П.И. Панина: «...Бывши рожденным донским казаком, коим отнюдь не свойственно сокрытие в крепостях» и находился под следствием, но был помилован [4, р. 136; 32, р. 156–157].

³ Примечательно, что ранивший дротиком в бок и пленивший Ф.Д. Кутейникова яицкий казак «полковник» Иван Петрович Федулев (Федулов, Федульев) впоследствии явился одним из тех, кто арестовал самого Е.И. Пугачева и выдал его правительственным войскам [6, р. 221; 27, № 14230; 28, № 14233; 30, р. 160; 41, р. 324].

⁴ Саратовский историк Н.Ф. Хованский непонятно на каком основании указал в одной из своих работ, будто в сражении на р. Мечетной «Пугачев поспешил отступить» [9, р. 152].

⁵ Впоследствии на допросах Е.И. Пугачев скромно умолчал об этом своем распоряжении, упомянув лишь, что в сражении при р. Мечетной «поколот был один донской полковник» [10, р. 56; 41, р. 102].

⁶ Как уже отмечалось, некоторые исследователи ошибочно полагали, что эти четыреста казаков сдались еще в сражении при р. Мечетной. Это опровергается показаниями самих донских казаков [4, р. 160; 43, р. 174–175].

⁷ Действительно, при этом в руки мятежников попали десять знамен полков Ф.Д. Кутейникова и В.Я. Грекова [4, р. 160].

REFERENCES

1. Astafyev E. V. Neskolko mestnykh legend, svyazannykh s nashestviyem voysk Ye. I. Pugachova v Nizhneye Povolzhye v 1774 godu [Several Local Legends Associated with the Invasion of E. I. Pugachev's Troops into the Lower Volga Region in 1774]. *Nizhne-Volzhskiy istoricheskiy sbornik Tsaritsynskogo genealogicheskogo obshchestva* [Lower Volga Historical Collection of the Tsaritsyn Genealogical Society], iss. 17 (2024). Saratov, Tsaritsyn. genealog. o-vo, 2024, pp. 55–69.
2. Bуганов В. И. *Emelyan Pugachev*. Moscow, Prosveshcheniye Publ., 1990. 192 p.
3. Ovchinnikov R. V. et al., eds. *Dokumenty stavki Ye. I. Pugachova, povstancheskiykh vlastey i uchrezhdeniy. 1773–1774 gg.* [Documents of E. I. Pugachev's Headquarters, Rebel Authorities, and Institutions. 1773–1774]. Moscow, Nauka Publ., 1975. 524 p.
4. Pronshstein A. P., ed. *Don i Nizhneye Povolzhye v period krestyanskoy voyny 1773–1775 godov* [The Don and Lower Volga Region During the Peasant War of 1773–1775]. Rostov-on-Don, Izd-vo Rost. un-ta, 1961. 224 p.
5. Doneseniya o Pugachove tsaritsynskogo komendanta polkovnika Tsyplyateva [Reports on Pugachev by the Tsaritsyn commandant, Colonel Tsyplyatev]. *Rossiyskiy gosudarstvennyy arkhiv drevnikh aktov* (RGADA) [Russian State Archive of Ancient Acts], f. 6, inv. 1, d. 496. Microfilm.
6. Dopros Ye. Pugachova v Taynoy ekspeditsii v Moskve v 1774–1775 gg. [Interrogation of E. Pugachev During the Secret Expedition to Moscow in 1774–1775]. *Krasnyy Arkhiv (istoricheskiy zhurnal)* [Red Archive (Historical Journal)], vol. LXIX–LXX. Moscow, 1935, pp. 159–237.

7. *Doprosy Yemelyanu Pugachovu i pismo o nyom Gosudaryni Imperatritsy k grafu P. I. Paninu* [Interrogations of Yemelyan Pugachev and a Letter About Him from the Empress to Count P. I. Panin]. Moscow, Univ. tip., 1858. 60 p.
8. Dubrovin N.F. *Pugachov i yego soobshchniki. Epizod iz istorii tsarstvovaniya Imperatritsy Yekateriny II. 1773–1774 gg.* [Pugachev and His Accomplices. An Episode from the History of the Reign of Empress Catherine II. 1773–1774], vol. III. Saint Petersburg, Tip. I. N. Skorokhodova, 1884. 414 p.
9. Khovansky N.F. *Pugachov i pugachovshchina v syolakh i derevnyakh Saratovskoy gubernii* [Pugachev and the Pugachev Rebellion in the Villages and Hamlets of the Saratov Province]. *Trudy Saratovskoy uchonoy arkhivnoy komissii* [Transactions of the Saratov Scientific Archival Commission], iss. 29. Saratov, Tip. gubern. zemstva, 1912, pp. 151–155.
10. Krasnov S.A., ed. *Krestyanskaya voyna 1773–1775 godov v rayonakh sovremennoy Volgogradskoy oblasti (rekomentatsii-obosnovaniya dlya ustanovleniya pamyatnykh znakov po mestam khoda krestyanskoy voyny, a takzhe dlya propagandy pamyatnikov i pamyatnykh mest)* [The Peasant War of 1773–1775 in the Districts of Today's Volgograd Oblast (Recommendations and Justifications for the Establishment of Memorial Signs at the Sites of the Peasant War, as Well as for the Promotion of Monuments and Memorial Sites)]. Volgograd, Volgogr. obl. kom. VOOPIK, 1977. 76 p.
11. Mavrodin V.V., ed. *Krestyanskaya voyna v Rossii v 1773–1775 godakh. Vosstaniye Pugachova* [The Peasant War in Russia in 1773–1775. Pugachev's Rebellion], vol. III. Leningrad, Izd-vo Leningr. un-ta, 1970. 488 p.
12. Leopoldov A.F. *Istoricheskiy ocherk Saratova i Pugachovshchiny* [Historical Essay on Saratov and Pugachev's Region]. Saratov, Tip. Ishchenko, 1874. 66 p.
13. Leopoldov A.F. *O dostoprimechatelnykh mestakh i veshchakh Saratovskoy gubernii* [On the Notable Places and Things of the Saratov Province]. *Saratovskie gubernskie vedomosti* [Saratov Provincial Gazette], 1838, Supplement to iss. no. 15, April 30, pp. 13–15.
14. *Materialy po istorii Krestyanskoy voyny 1773–1775 gg. (vypiski)* [Materials on the History of the Peasants' War of 1773–1775 (Extracts)]. *Gosudarstvennyy arkhiv Volgogradskoy oblasti* (GAVO) [State Archives of the Volgograd Region], f. R-1875, inv. 1, d. 187. 102 l.
15. *Materialy Tsaritsynskoy komendantskoy kantselyarii o vosstanii pod rukovodstvom Ye. Pugachova* [Materials of the Tsaritsyn Commandant's Office on the Uprising Led by E. Pugachev]. *Gosudarstvennyy arkhiv Saratovskoy oblasti* (GASO) [State Archives of the Saratov Region], f. 407, inv. 2, d. 1318. 190 l.
16. Mavrodin V.V. *Klassovaya borba i obshchestvenno-politicheskaya mysl v Rossii v XVIII veke (1773–1790 gg.)* [Class Struggle and Socio-Political Thought in Russia in the 18th Century (1773–1790)]. Leningrad, Izd-vo Leningr. un-ta, 1975. 216 p.
17. Mavrodin V.V. *Pod znamenem Krestyanskoy voyny* [Under the Banner of the Peasant War]. Moscow, Mysl Publ., 1974. 151 p.
18. Mavrodin V.V. *Rozhdeniye novoy Rossii* [The Birth of a New Russia]. Leningrad, Izd-vo Leningr. un-ta, 1988. 531 p.
19. Mikhailov I.I. *Vtorzheniye Pugachova v predely Astrakhanskoy gubernii* [Pugachev's Invasion of the Astrakhan Province]. *Astrakhanskiy sbornik, izdavayemyy Petrovskim obshchestvom issledovateley Astrakhanskogo kraya* [Astrakhan Collection, Published by the Petrovsky Society of Astrakhan Region Explorers], iss. 1. Astrakhan, Tip. Astrakh. gubern. pravleniya, 1896, pp. 269–287.
20. Mordovtsev D.L. *Politicheskiye dvizheniya russkogo naroda* [Political Movements of the Russian People], vol. I. Saint Petersburg, S.V. Zvonarev, 1871. 416 p.
21. Mordovtsev D.L. *Samozvantsy i Ponizovaya volnitsa* [Impostors and the Ponizovaya Freebooters]. *Collected Works of D.L. Mordovtsev. Vol. XVII*. Saint Petersburg, N.F. Mertz, 1901. 242 p.
22. Muratov Kh.I. *Emelyan Ivanovich Pugachev*. Rostov-on-Don, Izd-vo Rost. un-ta, 1979. 240 p.
23. Nikolsky S.L. *Opis del Astrakhanskoy dukhovnoy konsistorii, kasayushchikhsya istorii gor. Saratova i saratovskikh gradskikh tserkvey* [Inventory of the Files of the Astrakhan Spiritual Consistory Concerning the History of the City of Saratov and Saratov City Churches]. *Trudy Saratovskoy uchonoy arkhivnoy komissii. 1893-y god* [Works of the Saratov Scientific Archival Commission. 1893], vol. IV, iss. 2. Saratov, Tip. gubern. zemstva, 1893, pp. 75–127.
24. Abalikhin B.S., Babkin V.I., Krasavin V.S., Lyushin S.P., Shepelev I.S., eds. *Ocherki po istorii Volgogradskogo kraya* [Essays on the History of the Volgograd Region]. Volgograd, Volgogr. ped. in-t, 1974. 296 p.
25. Ovchinnikov R.V. *Manifesty i ukazy Ye. I. Pugachova* [Manifestos and Decrees of E.I. Pugachev]. Moscow, Nauka Publ., 1980. 280 p.
26. *Perepiska grafa Petra Panina, otpravlennogo dlya usmireniya pugachovskogo «bunta»* [Correspondence of Count Pyotr Panin, Sent to Suppress Pugachev's "Rebellion"]. *RGADA* [Russian State Archive of Ancient Acts], f. 6, inv. 1, d. 490.

27. *Polnoye sobraniye zakonov Rossiyskoy imperii, s 1649 goda* (PSZRI) [Complete Collection of Laws of the Russian Empire, Since 1649], coll. 1, vol. XIX, 1770–1774. Saint Petersburg, Tip. 2-go otd-niya Yeye Imp. Velichestva Kantselyarii, 1830. 1082 p.
28. *PSZRI* [Complete Collection of Laws of the Russian Empire, Since 1649], coll. 1, vol. XX, 1775–1780. Saint Petersburg, Tip. 2-go otd-niya Yeye Imp. Velichestva Kantselyarii, 1830. 1044 p.
29. Pronshtein A.P., *Zemlya Donskaya v XVIII veke* [The Don Land in the 18th Century]. Rostov-on-Don, Izd-vo Rost. un-ta, 1961. 376 p.
30. *Pugachevshchina*, vol. 2. Moscow, Leningrad, Gos. izd-vo, 1929. 496 p.
31. Senyutkin M.Kh., *Dontsy. Istoricheskiye ocherki voyennykh deystviy, biografii starshin proshlogo veka, zametki iz sovremennogo byta i vzglyad na istoriyu Voyska Donskogo. V 2 ch. Ch. 1* [The Don Cossacks. Historical Essays on Military Operations, Biographies of Elders of the Last Century, Notes from Contemporary Life, and a Look at the History of the Don Host. In 2 Pts. Pt. 1]. Moscow, Tip. S. Selivanovskogo, 1866. 184 p.
32. Shchakhovskoy V.M. *Dontsy v borbe s pugachovtsami* [Don Cossacks in the Fight Against the Pugachevites]. *Istoricheskiy vestnik* [Historical Bulletin], vol. CV. Saint Petersburg, Tip. A.S. Suvorina, 1906, pp. 149–169.
33. Shumkov A.A. *Sebryakovy* [Sebryakovs]. Saint Petersburg, «VIRD», 1999. 46 p. (Collection of Generational Lists, iss. 8)
34. Simonov S. *Pugachevshchina. Tretya krestyanskaya revolyutsiya v Rossii* [The Pugachevshchina. The Third Peasant Revolution in Russia]. Kharkov, Proletar Publ., 1931. 160 p.
35. *Sodruzhestvo narodov Rossiyskoy imperii v Krestyanskoy voyne 1773–1775 gg.: glava monografii* [The Commonwealth of Peoples of the Russian Empire in the Peasants' War of 1773–1775: Chapter of a Monograph]. *GAVO* [State Archives of the Volgograd Region], f. R-1875, inv. 1, d. 167. 161.
36. *Sodruzhestvo narodov Rossiyskoy imperii v Krestyanskoy voyne 1773–1775 gg.: glava monografii* [The Commonwealth of Peoples of the Russian Empire in the Peasants' War of 1773–1775: Chapter of a Monograph]. *GAVO* [State Archives of the Volgograd Region], f. R-1875, inv. 1, d. 169. 401.
37. *Statyi i zametki Leopoldova po istorii Saratovskoy gubernii* [Articles and Notes by Leopoldov on the History of the Saratov Province]. *GASO*, f. 407, inv. 2, d. 1775. 342 l.
38. Zagorulko M.M., Tyumentsev I.O., eds. *Tsaritsynskiy i Kamyshinskiy uyezdy v opisaniyakh krayevedov (1727–1928)* [Tsaritsyn and Kamyshin Districts in the Descriptions of Local Historians (1727–1928)]. Volgograd, Izdatel Publ., 2010. 240 p.
39. Turovsky K.G. *Ocherki po istorii i geografii Tsaritsynskogo uyezda* [Essays on the History and Geography of the Tsaritsyn District]. Tsaritsyn, Tip. tovarishchestva «V. Balanin i bratya A. i V. Loshkarevy», 1911. 78 p.
40. *Vosstaniye Yemelyana Pugachova* [The Uprising of Yemelyan Pugachev]. Leningrad, OGIZ, 1935. 216 p.
41. Ovchinnikov R.V., ed. *Yemelyan Pugachov na sledstviy: sb. dok. i materialov* [Yemelyan Pugachev Under Investigation. Collection of Documents and Materials]. Moscow, Yaz. rus. kultury Publ., 1997. 464 p.
42. Alekseev V. *Yemelyan Pugachov v Nizhnem Povolzhye (dokumenty)* [Yemelyan Pugachev in the Lower Volga Region (Documents)]. Stalingrad, Obl. kn. izd-vo, 1937. 136 p.
43. Zizka M.V. *Yemelyan Pugachev*. Moscow, UCHPEDGIZ, 1950. 216 p.

Information About the Author

Evgeny V. Astafyev, Postgraduate Student, Department of History and International Relations, Volgograd State University, Prosp. Universitetsky, 100, 400062 Volgograd, Russian Federation; Chairperson, Tsaritsyn Genealogical Society, 410082 (poste restante), Saratov, Russian Federation, info@gen-volga.ru, <https://orcid.org/0000-0002-1921-7088>

Информация об авторе

Евгений Владимирович Астафьев, аспирант кафедры истории и международных отношений, Волгоградский государственный университет, просп. Университетский, 100, 400062 г. Волгоград, Российская Федерация; председатель Царицынского генеалогического общества, 410082 (до востребования), г. Саратов, Российская Федерация, info@gen-volga.ru, <https://orcid.org/0000-0002-1921-7088>

DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2026.3.3>

UDC 94(470.61)084.3:316.72

LBC 63.3(2Рос-13)612,1-283.31

Submitted: 07.04.2026

Accepted: 07.06.2026

PRESERVATION OF CULTURAL HERITAGE AND THE MEMORIAL SITUATION REGARDING THE PARTICIPATION OF THE DON COSSACKS IN THE CIVIL WAR IN THE LATE SOVIET PERIOD

Olga V. Rvacheva

Volgograd State University, Volgograd, Russian Federation

Abstract. *Introduction.* In the USSR, in the second half of the 20th century, the field of public history and its areas such as local history and the preservation of cultural heritage developed. They had a serious impact on local research formats of the Soviet past and the memorial situation regarding its events and participants. *Materials and methods.* The historiography of the topic is represented by works on the preservation of the cultural heritage of the Soviet past and works on the commemoration of the revolution and the Civil War in southern Russia. Source database: archival materials, published documents, memoir complexes. The theoretical framework of the study includes the concept of memory politics as a system of interaction and communication between various actors regarding the political use of the past and the concept of “heritage,” understood as a valuable common past that can be used as a tool for constructing the history of a nation. *Analysis.* In the 1960s, the topic of preserving the legacy of the Soviet past became more relevant, interest in local history increased, and memorial sites, events, and heroes were identified and popularized. The institutional basis for the preservation of cultural heritage was the VOOPK, the All-Union campaign to places of revolutionary, military, and labor glory; and the Red Pathfinder clubs. In the regions where the Don Cossacks live, interest in the Red Cossacks has increased. The stories of the first Red Cossack military units were created, the pantheon of heroes was complemented, a monumental practice using the theme of the Cossacks developed, and a powerful wave of memoir writing arose. *Results.* A new memorial situation has emerged in relation to the Cossacks; the memorial space has been transformed, and commemorative practices have expanded. This contributed to the preservation of the phenomenon of Cossacks in the socio-cultural space of southern Russia. *Funding.* This article was supported by the Russian Science Foundation, grant no. 25-28-20369, “The policy of memory regarding the participation of the Don Cossacks in the Civil War 1918–1920 year in Southern Russia in the Soviet and post-Soviet period: images of the Cossacks, memorial space, forms of commemoration,” and the Volgograd Region Administration.

Key words: cultural heritage, local history, memorial situation, Don Cossacks, civil war, Soviet past.

Citation. Rvacheva O.V. Preservation of Cultural Heritage and the Memorial Situation Regarding the Participation of the Don Cossacks in the Civil War in the Late Soviet Period. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 4. Istoriya. Regionovedenie. Mezhdunarodnye otnosheniya* [Science Journal of Volgograd State University. History. Area Studies. International Relations], 2026, vol. 31, no. 3, pp. 26–36. (in Russian). DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2026.3.3>

УДК 94(470.61)084.3:316.72

ББК 63.3(2Рос-13)612,1-283.31

Дата поступления статьи: 07.04.2026

Дата принятия статьи: 07.06.2026

СОХРАНЕНИЕ КУЛЬТУРНОГО НАСЛЕДИЯ И МЕМОРИАЛЬНАЯ СИТУАЦИЯ В ОТНОШЕНИИ УЧАСТИЯ ДОНСКОГО КАЗАЧЕСТВА В ГРАЖДАНСКОЙ ВОЙНЕ В ПОЗДНЕСОВЕТСКИЙ ПЕРИОД

Ольга Владимировна Рвачева

Волгоградский государственный университет, г. Волгоград, Российская Федерация

Аннотация. *Введение.* В СССР во второй половине XX в. развивалась сфера публичной истории и такие ее направления, как краеведение, сохранение культурного наследия. Они оказали серьезное влияние на локальные форматы исследования советского прошлого и мемориальную ситуацию в отношении его событий и участников. *Материалы и методы.* Историография представлена работами по теме сохранения культурного наследия советского прошлого и работами по коммеморации революции и Гражданской войны на юге России. Источниковая база: архивные материалы, опубликованные документы, комплексы воспоминаний. Теоретическая рамка исследования: концепция политики памяти, как системы взаимодействия и коммуникации различных акторов в отношении политического использования прошлого и концепция «наследие», понимаемое как ценное общее прошлое, которое может быть использовано как инструмент для конструирования истории нации. *Анализ.* В 1960-х гг. актуализировалась тема сохранения наследия советского прошлого, усилился интерес к локальной истории, выявлялись и популяризировались мемориальные места, события, герои. Институциональной основой сохранения культурного наследия стало ВООПИК, Всесоюзный поход по местам революционной, боевой и трудовой славы, клубы Красных следопытов. В регионах проживания донского казачества усилился интерес к красному казачеству. Создавались истории первых красных казачьих военных частей, дополнялся пантеон героев, развивалась монументальная практика с использованием темы казачества, возникла мощная волна написания воспоминаний. *Результаты.* Сформировалась новая мемориальная ситуация в отношении казачества, трансформировалось мемориальное пространство, расширились коммеморативные практики. Это способствовало сохранению феномена казачества в социокультурном пространстве юга России. *Финансирование.* Статья выполнена при поддержке РФФ, грант № 25-28-20369 «Политика памяти в отношении участия донского казачества в гражданской войне 1918–1920 гг. на юге России в советский и постсоветский период: образы казачества, мемориальное пространство, формы коммеморации» и Администрации Волгоградской области.

Ключевые слова: культурное наследие, краеведение, мемориальная ситуация, донское казачество, гражданская война, советское прошлое.

Цитирование. Рвачева О. В. Сохранение культурного наследия и мемориальная ситуация в отношении участия донского казачества в Гражданской войне в позднесоветский период // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 4, История. Регионоведение. Международные отношения. – 2026. – Т. 31, № 3. – С. 26–36. – DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2026.3.3>

Введение. Вторая половина XX в. в мире была отмечена ростом интереса к истории, акцентировке внимания на феномене культурного наследия, оформлению такого направления, как публичная история, развивавшегося в 1960–1970-х гг. в форматах локальной истории, краеведения, которые продвигали часто непрофессиональные историки [17, р. 80]. Такой «поворот к истории» возник под воздействием развития индустриального общества, влияния модернизации на традиционную культуру и сопротивление последней. Ответом на унификацию социального и культурного пространства стал растущий интерес людей к локальной истории и идентичности. История рассматривалась с позиции обычных людей, а не академических историков [1].

В России в послевоенное время в связи со значительными разрушениями в сфере материальной культуры сохранение памятников приобрело особое значение. В 1960-е гг. в СССР усиление интереса к местной истории и сохранению культурного наследия развивалось параллельно с аналогичными процесса-

ми в других странах. Появилась идея широкого привлечения к деятельности по сохранению культурного наследия советских граждан, а также общественных организаций, которые действовали параллельно государству, выполняющая масштабные задачи по сбору исторических данных, фиксации их, передачи в музеи, созданию пространства публичной истории.

Взросший интерес к национальной истории и культуре в СССР в 1960–1970-е гг. был проявлением общих мировых тенденций. Его особенностью стало сохранение культурного наследия советского прошлого. Активизировалось изучение истории Октябрьской революции и Гражданской войны в локальном измерении, выросло внимание к мемориальным практикам, реставрации и возведению памятников. На юге России усилилось внимание к изучению роли казачества в Гражданской войне и установлении советской власти.

Цель статьи – определение влияния политики сохранения культурного наследия на юге России в отношении советского прошло-

го и его роли в формировании мемориальных условий и форматов сохранения памяти в позднесоветский период об участии донского казачества в Гражданской войне.

Историография. В отношении наследия сложилась обширная исследовательская литература. В рамках темы статьи назовем те исследования, в которых рассматривались проблемы сохранения советского наследия в позднесоветский период. Это работы В. Донован [5; 6], Е.А. Мельниковой [11; 12], П.А. Неплюева [15; 16; 17], В.А. Ливцова [10]. Отдельно выделим работы, в которых рассматривалась тема коммеморации и сохранения наследия революции и Гражданской войны на юге России. Это работа В.В. Бондаря, А.Н. Еремеевой, О.Н. Марковой, Т.Ю. Юренина о развитии государственной монументальной пропаганды в России в разные периоды [2], О.М. Морозовой, анализировавшей опыт мемориализации Гражданской войны в раннесоветский период [14], Е.Ф. Кринко, выявившего и проанализировавшего практики мемориализации событий Гражданской войны на юге России [8].

Материалы и методы. Исследование основано на архивных материалах, связанных с деятельностью Всероссийского общества охраны памятников истории и культуры (ВООПИК), отложившихся в фонде Р-6911 Центра документации новейшей истории Волгоградской области, регламентирующих документах, определявших рамки деятельности общественных организаций, комплексах воспоминаний о событиях и участниках установления советской власти на Дону.

Теоретическую рамку исследования составили концепция политики памяти и концепция наследия. Политика памяти определяется А.И. Миллером как система взаимодействия и коммуникации различных акторов в отношении политического использования прошлого. Концепция позволяет раскрыть специфику мемориализации участия казачества в Гражданской войне. Концепт «наследие» используется в версии «ценного общего прошлого», которое может использоваться в качестве ресурса символического управления для конструирования истории нации.

Анализ. Институциональной основой развития практики в сфере сохранения куль-

турного наследия в позднесоветский период стала, прежде всего, деятельность ВООПИК. Оно было создано Постановлением Совета Министров РСФСР 23 июля 1965 г. и являлось общественной организацией, в которую вошли наряду со специалистами и деятелями науки и культуры обычные граждане, для которых тема сохранения культурного наследия страны стала важной частью их жизнедеятельности. Под эгидой ВООПИК развивались такие форматы, как, например, Всесоюзный поход по историческим местам, поисковые движения.

В республиках, краях и областях стали создавать региональные отделения ВООПИК, что соответствовало тенденции развития локальной истории и культурного наследия. Так, в Ростовской области в 1965 г. Областной совет народных депутатов трудящихся принял решение о создании Всероссийского общества охраны памятников истории и культуры, в Волгоградской области в 1967 г. было создано региональное отделение ВООПИК. Формировались низовые отделения региональных обществ в школах, учреждениях, на предприятиях.

Приоритетным направлением деятельности ВООПИК в сохранении культурного наследия и локальной истории были мероприятия в отношении средневековых памятников истории и культуры, а также памятников XVIII–XIX веков [11]. Однако идея широкого охвата культурного наследия регионов РСФСР, с одной стороны, и необходимость продвижения темы сохранения советского прошлого, касавшейся событий Октябрьской революции и Гражданской войны, с другой стороны, способствовали развитию деятельности ВООПИК в этом направлении.

Работа по сохранению советского прошлого, по мнению исследователей, была частью политики по укреплению советского режима. Одновременно она способствовала развитию региональной идентичности и местной культурной памяти [5]. События и артефакты истории установления советской власти и Гражданской войны были, как правило, широко представлены в пространстве регионов. Задача по привлечению к участию в создании и популяризации местной истории широких слоев населения требовала выявления мате-

риальных объектов, местных героев или героических событий. В этой связи продвижение в теме культурного наследия событий революции и Гражданской войны гарантировало удачные результаты поиска.

На юге России, в Ростовской и Волгоградской областях, с сохранением наследия советского прошлого была связана история участия донского казачества в революционных процессах и военных конфликтах периода Гражданской войны. Несмотря на это, казачество как особая социальная группа после Великой Отечественной войны перестало существовать, но в мемориальном пространстве оно осталось.

Списки памятников, подлежащих охране, которые составлялись регулярно на местах и передавались в областные советы ВООПИК, позволяют понять, какие памятники преимущественно находились в том или ином регионе, когда они создавались и какое им уделялось внимание. В Волгоградской области большая часть памятников, значившихся в списках памятников истории и культуры, относилась к событиям революции, Гражданской войны и Великой Отечественной войны. Основными видами памятных мест являлись братские могилы и основными видами памятников – обелиски на них.

Особенностями братских могил периода Гражданской войны являлось то, что они создавались по большей части по истечении довольно продолжительного времени (от нескольких месяцев до года), что связано было с тем, в чьих руках находилась местность. Поэтому нередко такие могилы были безымянными, так как останки погибших в тех условиях невозможно было идентифицировать. Возведение монументальных обелисков на них производилось часто уже в 1950–1960-е годы. Так, например, в списке памятников истории и культуры по Калачевскому району самый ранний памятник на братской могиле был сооружен в 1950 г., а самая поздняя дата сооружения такого памятника – 1965 год. Калач-на-Дону был известен как революционный центр на Верхнем Дону, здесь одним из первых был создан Совет, в период Гражданской войны шли ожесточенные бои, в которых участвовало как белое, так и красное казачество. Первая братская могила здесь была соору-

жена в 1920 году. Всего же в районе насчитывалось 9 братских могил периода Гражданской войны [22].

Трагичность событий Гражданской войны и их значимость для местных сообществ нередко имела очень большое значение. Так, в Алексеевском районе Волгоградской области в начале 1918 г. в период установления советской власти местными казаками был практически уничтожен отряд П. Васильева, также местного казака, примкнувшего к красным. Погибшие участники этого отряда были захоронены в двух братских могилах станицы Зотовской и станицы Алексеевской. В обеих станицах братские могилы располагались в центре на площади. Станица Алексеевская являлась районным центром и братской могиле участников Гражданской войны здесь уделялось особое внимание.

Уход за такими мемориальными местами закреплялся за определенными учреждениями, предприятиями. Чаще всего это означало, что здесь действует низовое отделение ВООПИК. На Пленуме Волгоградского областного отделения ВООПИК в апреле 1968 г. ставился вопрос о том, чтобы каждая первичная организация являлась шефом над памятниками [19].

Братские могилы становились местами проведения торжественных мероприятий, связанных с датами Октябрьской революции, создания Красной армии. Формировался и определенный ритуал таких торжеств. Братские могилы как мемориальные места в отношении формирования памяти об участии казачества в событиях Гражданской войны имели важную особенность. В них были захоронены те, кто воевали с белым казачеством и нередко не имели отношения к казакам, как, например, похороненные в братской могиле у станицы Боковской (современная Ростовская область) бойцы 4-го полка 2-й бригады 1-й Донской стрелковой дивизии, сформированной из Пензенской и Саратовской отдельных крепостных стрелковых бригад, погибших в результате столкновения с махновцами осенью 1920 года.

Из-за сложностей взаимоотношений казаков с большевистской властью братские могилы в раннесоветский период не имели большой популярности у местного населения.

После Великой Отечественной войны ситуация изменилась. Тема противостояния красных и белых казаков потеряла свою остроту, но символическая ценность братских могил, как мест памяти об установлении советской власти, усилилась.

В 1960–1970-е гг. проявилась еще одна особенность коммеморации советского прошлого на юге России. В этот период появились крупные мемориальные комплексы и памятники, посвященные героям установления советской власти на Дону, Кубани и других местах. На Дону главными революционными героями, как и в раннесоветский период, оставались представители революционного казачества Ф.Г. Подтелков и М.В. Кривошлыков. Первый памятник этого периода был установлен в 1962 г. у х. Пономарева, где они погибли и были похоронены. Памятник имел свою историю. Впервые он появился в 1920 г. в виде памятного камня с надписью: «Вы убили личности, мы убьем классы» [24]. В 1962 г. был возведен масштабный памятник с элементами мемориала. Памятник М.В. Кривошлыкову установили у него на родине в станице Боковской в 1962 году.

В 1974 г. в Новочеркасске на Троицкой площади был установлен большой памятник Ф.Г. Подтелкову и М.В. Кривошлыкову. В этом же году горельеф с изображением Ф.Г. Подтелкова и М.В. Кривошлыкова установили в Каменск-Шахтинске, в 1979 г. бюсты этим представителям революционного казачества были установлены в Кашарском районе, х. Верхнесвечниково. В 1970-х гг. в Волгоградской области в городе Серафимовиче бюст Ф.Г. Подтелкову установили перед входом в Серафимовичский техникум механизации и сельского хозяйства. В 1979 г. в х. Чеботари установлена мемориальная доска в память о Ф.Г. Подтелкове.

Процесс включения этих представителей красного казачества в пантеон героев Гражданской войны начался еще в 1920–1930-е гг., но тогда мемориализация ограничивалась топонимикой (появились колхозы, сельсоветы, районы, носившие их имена) и публикациями материалов о них в СМИ [21]. Развитие масштабной мемориальной практики в отношении Ф.Г. Подтелкова и М.В. Кривошлыкова свидетельствовало об окончательном закрепле-

нии их в качестве фундаментальных героев революционного периода на Дону.

В 1950–1970-х гг. появляются памятники, которые можно определить, как косвенные свидетельства важной роли красных казаков. К таким относится Обелиск в честь победы Первой конной армии над белогвардейцами, установленный в станице Егорлыкской Ростовской области в 1974 году. В 1930-х гг. наблюдался процесс сближения в мемориальном пространстве образа Первой конной и образа красных казаков, поэтому данный памятник также можно отнести к мемориализации красного казачества.

В лице Ф.Г. Подтелкова и М.В. Кривошлыкова в мемориальном пространстве закреплялся и образ красного советского казачества, а история участия казаков в установлении советской власти на Дону становилась элементом культурного наследия, которое необходимо сохранять. В этом направлении большую работу провели активисты-краеведы, развивавшие походы по местам боевых действий красноказачьих формирований, осуществлявшие обширный сбор информации в этом направлении. Ключевыми формами здесь являлись Всесоюзный поход по местам революционной, боевой и трудовой славы и движение Красных следопытов.

Вместе с ВООПИК в 1960-е гг. начал действовать Всесоюзный поход по местам революционной, боевой и трудовой славы. В его рамках работали поисковые отряды, которые занимались восстановлением имен погибших героев, разыскивали и встречались с их родственниками, воссоздавали детали исторических событий. Таким образом, Всесоюзный поход способствовал изучению молодежью революционных, боевых и трудовых страниц героического прошлого советских людей [18, р. 3]. По итогам походов открывались музеи, уголки боевой славы, устанавливались памятники, обелиски и мемориальные доски.

Движение следопытов-поисковиков оформляется в СССР в конце 1950-х – начале 1960-х годов. В качестве официальной даты называют 2 мая 1957 г. – дату публикации рассказа «Красные следопыты» в газете «Ленинские искры» о мальчике, разыскивавшем участников событий Октябрьской революции, Гражданской войны и Великой Отечественной

войны. Исторический поиск событий и героев революционного прошлого в своем регионе представлялся в форме игры, к которой планировалось привлечь школьников. Статья получила большой отклик [9]. Клубы и отряды Красных следопытов и их деятельность вскоре стали не только формами и методами воспитательной работы, но и институтами, выполнявшими коммеморативные функции [12, p. 30].

Активизация работы по сохранению культурного наследия советского прошлого в формате походов по памятным местам и встреч с ветеранами во второй половине 1960-х гг. связано было также со значимыми юбилейными датами: 50-летие советской власти, 50-летие советских вооруженных сил, 50-летие ВЛКСМ.

В Волгоградской области такие походы по местам боев Гражданской войны и Великой Отечественной войны активно проводились со второй половины 1960-х годов. В 1967 г. в Жирновском районе в Линевской средней школе были созданы два отряда Красных следопытов, которые отправились по разным маршрутам. Участники похода находили родственников тех, кто устанавливал советскую власть в области, посещали памятники и братские могилы, собирали местный материал о революционных и военных событиях и затем все это оформляли на стендах в школе.

Описание встреч с участниками исторических событий дает представление о специфике походов как формата сохранения культурного наследия. Так, участники многодневного велопохода по местам боев Гражданской и Великой Отечественной войн описывали встречу с бойцом 215-го стрелкового им. Пугачева полка 25-й стрелковой им. Чапаева дивизии: «Вот они, живые страницы истории, вот человек, на чью долю выпало бок о бок сражаться с прославленным полководцем В.И. Чапаевым, комиссаром Дм. Фурмановым» [4].

Краеведческий поиск велся и в рамках музейной работы. Так, в Новониколаевском районе Волгоградской области по заданию областного краеведческого музея следопыты собирали материал по истории Первого Донского советского казачьего кавалерийского

полка, казаках хутора Дуплятского и их командире М.Г. Филатове, известного тем, что во время февральской революции отказался разгонять в Петрограде рабочую демонстрацию и зарубил жандармского пристава [13]. Во время Гражданской войны сотня дуплятских казаков примкнула к красным. Поисковики на хуторе Дуплятском встречались с участниками Гражданской войны, посетили памятник на братской могиле погибших в этот период.

Красные следопыты из Новониколаевской школы № 1 прошли по местам формирования казачьего кавалерийского полка, посетили место гибели М.Г. Филатова. Они провели многочисленные беседы и встречи с участниками и очевидцами событий, в которых участвовал Первый Донской советский казачий кавалерийский полк, сопоставляли и проверяли исторические факты, собрали более ста фотографий, документов и вещественных памятников. Оформили карту «Борьба за советскую власть на Хопре» и три стенда «Первый Донской советский казачий кавалерийский полк» [3, л. 34].

Несмотря на то что поисковая работа не была направлена на выявление именно казаков – героев Гражданской войны, объективно она способствовала расширению мемориального пространства в отношении казачества. Выявляя детали событий и имена местных героев, дополняя историческую картину эпохи, поисковики максимально подробно фиксировали информацию и об участии местных красных казаков в военно-революционных событиях. Казачество в исторических событиях Гражданской войны в 1960–1970-х гг. присутствует с героическим статусом. Оно наряду с другими устанавливало и защищало советскую власть.

Утверждению красных казаков-героев в мемориальном пространстве позднесоветской эпохи способствовало и создание районных краеведческих музеев, в которых обязательно формировались экспозиции о революционном прошлом данной местности. Широкое создание краеведческих музеев соответствовало политике сохранения культурного наследия. Участие населения, школьников в формировании их экспозиций, сборе материалов отвечало задачам приобщения масс к истории, лучшему узнаванию родного края.

В 1968 г. было принято Постановление о создании народного историко-краеведческого музея в Калаче-на-Дону. Одна из первых экспозиций – «Установление советской власти и гражданская война в крае». В 1966 г. в поселке Михайловка Волгоградской области был открыт Музей боевой и трудовой славы. В станице Алексеевской Народный историко-краеведческий музей начал работать в 1975 году. В нем также была создана экспозиция на тему Октябрьской революции и Гражданской войны. Музей в г. Урюпинске был открыт в 1968 г. как филиал Волгоградского областного краеведческого музея. В 1967 г. в станице Егорлыкской Ростовской области открылся Музей боевой и трудовой славы.

В 1960–1970-х гг. музеи аккумулировали не только вещи и материальные ценности, но и рукописи воспоминаний участников Гражданской войны и установления советской власти на Дону. В 1960–1970-х гг. современниками и участниками тех событий массово создавались воспоминания о них. Комплексы воспоминаний оседали в краеведческих музеях. В Волгоградской области значительная часть таких документов находится в данный момент в фондах музея-панорамы «Сталинградская битва», куда были переданы документы из бывшего Волгоградского государственного музея обороны.

Создание воспоминаний отвечало общей ситуации повышенного интереса к истории со стороны широких масс. В отличие от периода сбора воспоминаний 1920–1930-х гг. в рамках деятельности Истпарта, в 1960–1970-х гг. этот процесс не был институционализирован и перед его участниками не стояла задача создания образа эпохи. Скорее воспоминания отвечали задачам сохранения культурного наследия, поскольку детализировали исторические события, создавали им особую мемориальную ценность. Вместе с тем 1960–1970-е гг. – это период юбилеев, что являлось историко-идеологической мотивацией создания таких воспоминаний. Что касается их возможного казачьего характера, то здесь он присутствовал, но по сравнению с истпартовским периодом имел свои особенности. Так, воспоминания создавались по просьбе музеев, поисковиков, красных следопытов, реконструировавших историю красных военных частей, их боевой

путь, особенно в той его части, который был связан с конкретной местностью. В случае с донскими казаками, воевавшими за красных, такие воспоминания становились источниками, не только содержащими историко-краеведческий материал о периоде Гражданской войны на Дону, но и отражавшими перемены в восприятии эпохи.

Так, поисковики из Новониколаевской школы № 1 решили собрать материал о 15-й дивизии Р.Ф. Сиверса, 6-й дивизии В.И. Киквидзе, 23-й дивизии Ф.К. Миронова, воевавших в годы Гражданской войны на Хопре и Дону. Руководитель школьного кружка красных следопытов И.С. Макеев так описал эту работу: «Во все концы участникам гражданской войны, в музеи и архивы отправлялись письма с просьбой помочь нам в работе. Со всех концов шли письма к следопытам школы. Здесь и теплые советы школьникам, и воспоминания, и копии документов, и фотографии» [3, л. 33]. Одним из тех, кто прислал материал по запросу новониколаевских красных следопытов, был З.Ф. Топилин. Зиновий Федорович Топилин в годы Гражданской войны был в числе казаков х. Дуплятского, примкнувших к красным. В апреле 1918 г. он вступил в Урюпинский добровольческий большевистский отряд. Впоследствии являлся членом казачьего отдела при Всероссийском Центральном исполнительном комитете [3, л. 33].

В 1977 г. им были написаны воспоминания с элементами исследования по истории участия донских казаков в Гражданской войне, которые он прислал в историко-краеведческий музей станицы Алексеевской Волгоградской области. Часть воспоминаний посвящена непосредственно событиям, произошедшим в период Гражданской войны в Хоперском округе. Они содержат подробности гибели отряда красных казаков Ф.А. Кузнецова в 1918 г., и так как автор сам участвовал в походе этого отряда, в них есть важные подробности о поведении жителей казачьих станиц, разгрома и спасения части отряда, указание на место расправы над пленными [23, р. 189]. В воспоминаниях есть описания еще ряда сражений, произошедших в Хоперском округе в 1918 г., которые позволяют не только детализировать события начального периода Гражданской войны. Автор попытался донести тра-

гичность ситуации, важность понесенных красными потерь. В воспоминаниях много имен местных казаков, участвовавших в событиях как с одной, так и с другой стороны.

Отдельная глава посвящена Ф.К. Миронову, что являлось важным изменением политической и мемориальной ситуации 1960–1970-х годов. В раннесоветский период память о красном командире, командарме 2-й конной армии Ф.К. Миронове была вытеснена за пределы официальной коммеморации из-за репрессий в отношении него. В 1960 г. Ф.К. Миронова реабилитировали и тогда же стали появляться первые материалы о нем. З.Ф. Топилин знал Ф.К. Миронова лично и раздел о нем он начинает словами: «Имя Филиппа Кузьмича Миронова интересует нас, участников Гражданской войны, знавших Миронова начальником отряда, начдивом 23 и командармом 2-й Конной армии. ...Многих интересует судьба этого человека и хочется знать о Миронове возможно полнее из объективных документальных источников...» [23, р. 258].

Другой значительный по объему и содержанию труд, основанный на воспоминаниях участников событий 1918–1920 гг. в Донской области, оставил директор школы хутора Артановского Нехаевского района Волгоградской области, руководитель кружка красных следопытов Николай Васильевич Подорожный. Его очерки о Гражданской войне были написаны в 1969 г. и основывались на архивных и музейных материалах, а также на воспоминаниях участников тех событий, воевавших в 5-м Заамурском полку и в Первом Добровольческом советском Хоперском полку. Собранные Н.В. Подорожным материалы содержали факты, раскрывавшие состояние казачьих станиц верхнего Дона и Хопра, первые переходы казаков в начале Гражданской войны на сторону красных, а также немало деталей разворачивавшегося на Дону противостояния [20].

В 1977–1979 гг. объемный труд в формате мемуаров создал М.В. Кабанов, уроженец станицы Алексеевской Алексеевского района Волгоградской области, участник Гражданской войны и первый комсомолец станицы. Будучи по образованию историком М.В. Кабанов понимал проблемы сохранения местной истории: «До крайности мало доку-

ментов, рассказывающих о том, как создавалась советская власть у нас в станице. Никто тогда не следовал по пятам событий и не фиксировал их, чтобы через десятки лет вспомнить об этих важнейших исторических событиях, являвших собой творчество народа...» [7]. Таким образом, участник установления советской власти на Дону и других событий раннесоветской эпохи М.В. Кабанов в своем мемуарном труде попытался реконструировать и сохранить для будущих поколений историю малой Родины, вписанную в контекст больших событий.

По Волгоградской области было выявлено по неполным данным 56 мемуаров, в которых в той или иной степени речь шла о донском казачестве. Большинство мемуаров создавалось в 1960–1970-х гг., они были различны по объему (от нескольких страниц до нескольких десятков листов), могли быть посвящены личности или определенному событию, как, например, воспоминания А.С. Афиногенова об установлении советской власти в с. Ильинка Донской области. Такая мемуарная активность являлась следствием активизации интереса к истории и отношения к советскому прошлому как культурному наследию, имеющему большую ценность.

Результаты. Итак, развитие во второй половине XX в. таких направлений в сфере изучения прошлого, как культурное наследие и публичная история, сформировало новую мемориальную ситуацию в отношении участия казачества в процессах становления советской власти на Дону. Так как они способствовали усилению внимания к локальной истории и восприятию событий недавнего советского прошлого как культурного наследия, которое необходимо сохранять и популяризировать, в регионах начался процесс поиска и выявления исторических материалов, которые позволяли дополнять историю становления советской власти в конкретных областях, районах и даже отдельных населенных пунктах. Развернулась масштабная краеведческая работа, суть которой заключалась в восприятии истории, как того, что могло непосредственно касаться каждого человека, позволяло ощутить живую личную связь с эпохой.

Для истории участия донского казачества в Гражданской войне это означало корректи-

ровку исторического и мемориального курсов. В тех районах, которые являлись историческими местами проживания донского казачества в Волгоградской и Ростовской областях на волне общественной инициативы, институционализированной в деятельности ВООПИК, Всесоюзного похода по местам революционной, боевой и трудовой славы, общества Красных следопытов, развернулась поисковая работа по выявлению исторических материалов о событиях революционного прошлого. Нередко такая поисковая работа прямо относилась к истории красного казачества: создание добровольческих отрядов, ревкомов, советов с участием казаков, выявление местных героев, имена которых были практически неизвестны в масштабах страны, но имели большое значение для локальных сообществ.

В целом восприятие истории участия казачества в Гражданской войне в позднесоветский период значительно потеряло свою конфликтность. Больше не было необходимости утверждать или насаждать образ советского казачества в политико-идеологических целях. Казаки — участники и активные деятели по установлению советской власти на Дону стали неотъемлемой частью публичной истории, а события и места, связанные с Гражданской войной — частью культурного наследия советской эпохи.

Новые мемориальные условия проявились в актуализации внимания к таким местам, как братские могилы, в отношении которых упорядочиваются организационные мероприятия по уходу, возведению обелисков или даже мемориалов. Братские могилы становятся местами торжественных ритуальных практик с отработанным сценарием действий.

Новая ситуация сформировалась и в отношении монументального увековечивания памяти революционного казачества. В 1960–

1970-х гг. создавались памятники и мемориалы, посвященные памяти Ф.Г. Подтелкова и М.В. Кривошлыкова, которые уже окончательно стали ключевыми фигурами пантеона революционного казачества.

Развивалась масштабная работа красных следопытов, проводились походы для сбора информации, пополнялись коллекции местных музеев. Экспозиции об Октябрьской революции и Гражданской войне с использованием местного материала становятся обязательной частью создаваемых краеведческих музеев.

Такая работа по сохранению культурного наследия являлась особенно важной в тех местах, в которых значимые исторические события, достойные увековечивания, ограничивались революцией, Гражданской войной и Великой Отечественной войной.

В 1960–1970-е гг. возникла новая мемориальная волна, связанная с революционными событиями и Гражданской войной. В отличие от периода работы Истпарта в 1920–1930-х гг. эти воспоминания являлись частью общественного низового активизма, были менее идеологизированными. Что же касается казачества, то оно представлялось прежде всего, как часть революционной силы, установившей советскую власть на Дону.

Таким образом, мемориальное пространство в отношении донского казачества в 1960–1970-е гг. расширялось по сравнению с раннесоветским периодом. Важным специфическим результатом этой мемориальной ситуации стало, на наш взгляд, то, что это укрепило историческую память сообщества, способствовало сохранению феномена казачества в социокультурном пространстве и подготовило почву для возрождения казачества в конце XX века.

REFERENCES

1. Akkerman F., Akkerman Ya., Littke A., Nisser Zh., Tomann Yu. *Prikladnaya istoriya ili publichnoe izmerenie proshlogo* [Applied History or the Public Dimension of the Past]. *Neprikosnovennyj zapas* [An Inviolable Reserve], 2012, no. 3. URL: <https://magazines.gorky.media/nz/2012/3/prikladnaya-istoriya-ili-publichnoe-izmerenie-proshlogo.html>
2. Bondar V.V., Ereemeeva A.N., Markova O.N., Yureneva T.Yu. *Gosudarstvennaya monumentalnaya politika: opyt, protivorechiya, perspektivy* [State Monumental Policy: Experience, Contradictions, Prospects]. Moscow, In-t naslediya Publ., 2022. 168 p.

3. Doklad na Plenumе «Leninskoe otnoshenie k istoricheskomu i kulturnomu naslediyu» rukovoditelya kruzhka Krasnyh sledopytov I.S. Makeeva [Report at the Plenum “Lenin’s Attitude to Historical and Cultural Heritage” by the Head of the Circle of Red Pathfinders I.S. Makeev]. *Centr dokumentacii novejshej istorii Volgogradskoj oblasti* [The Center of Documentation of the modern History of the Volgograd Region], f. r-6911, inv. 1, d. 2, l. 33-37.
4. Doklad uchitelya istorii Guzenko A.I. «Podvig borcov za svobodu (geroi Grazhdanskoj vojny)» na oblastnoj konferencii VOOPiK [The Report of the History Teacher A.I. Guzenko “The Feat of Freedom Fighters (Heroes of the Civil War)” at the Regional Conference of the All-Russian Society for the Protection of Historical and Cultural Monuments]. *TsDNIVO* [Center of Documentation of the Modern History of the Volgograd Region], f. r- 6911, inv. 1, d. 2, l. 26.
5. Donovan V. “How Well Do You Know Your Krai?” The Kraevedenie Revival and Patriotic Politics in Late Khrushchev-Era Russia. *Slavic Review*, vol. 74, no. 3, pp. 464-483.
6. Donovan V. «Idya nazad, shagaem vpered»: kraevedcheskie muzei i sozdanie mestnoj pamyati v Severo-Zapadnom regione. 1956–1981 [“Going Backwards, We Step Forward”: Local History Museums and the Creation of Local Memory in the North-Western Region. 1956–1981]. *Antropologicheskij forum* [Anthropological Forum], 2012, no. 16, pp. 379-402.
7. Kabanov M.V. Vospominaniya o sobyitiyah i lyudyah rodnogo kraja. Rukopis. Moskva, 1977–1979 [Memories of the Events and People of the Native Land]. *Alekseevskij rajonnyj istoriko-etnograficheskij kompleks Alekseevskogo municipalnogo rajona Volgogradskoj oblasti* [Alekseevsky District Historical and Ethnographic Complex of the Alekseevsky Municipal District of the Volgograd Region].
8. Krinko E.F. The Memorialization of the Events and Participants of the Revolution and the Civil War in the South of Russia. *Russkaya Starina*, 2017, vol. 8, no. 2, pp. 154-172. DOI: 10.13187/rs.2017.2.154
9. Lapchenko A. «Vsled za Genkoj – ordinarcem» [“Following Genka the Orderly”]. URL: https://zoom-journal.ru/krasnye_sledopyty
10. Livcov V.A. Uchastie Vserossijskogo obshchestva ohrany pamyatnikov istorii i kultury (VOOPiK) v sohranении kulturnogo naslediya narodov Rossijskoj Federacii [Participation of the All-Russian Society for the Protection of Historical and Cultural Monuments in the Preservation of the Cultural Heritage of the Peoples of the Russian Federation]. *75 let Paktu Reriha* [75 Years of the Roerich Pact], 2010, no. 1, pp. 317-336.
11. Melnikova E.A. Kanon naslediya i nacionalnye okrainy: ot sovetskikh spiskov pamyatnikov istorii i kultury k obyektam kulturnogo naslediya Rossii [The Canon of Heritage and National Suburbs: From Soviet Lists of Historical and Cultural Monuments to Russian Cultural Heritage Sites]. *Sibirskie istoricheskie issledovaniya* [Siberian Historical Research], 2025, no. 3, pp. 19-54.
12. Melnikova E.A. Rukami naroda: sledopytskoe dvizhenie 1960–1980-h gg. v SSSR [By the Hands of the People: The Investigative Movement of the 1960s – 1980s in the USSR]. *Antropologicheskij forum* [Anthropological Forum], 2018, no. 37, pp. 19-53.
13. Minaev D.M. *Kazaki na storone krasnyh* [The Cossacks Are on the Side of the Reds]. URL: https://samlib.ru/m/minaew_d_n/0_kaz_kras_2_1_9_1.shtml
14. Morozova O.M. Rannij opyt memorializacii Grazhdanskoj vojny na Yuge Rossii: pervyj pamyatnik geroyam-tamancam [The Early Experience of the Memorialization of the Civil War in the South of Russia: the First Monument to the Taman Army Heroes]. *Nasledie vekov* [Heritage of Centuries], 2020, no. 3, pp. 29-39. DOI: 10.36343/SB.2020.23.3.002
15. Neplyuev P.A. «Esli chelovek ravnodushen k pamyatnikam istorii svoej strany, znachit on ravnodushen k svoej strane»: istoriograficheskij obzor istoriko-kulturnogo aktivizma v pozdnesovetskij period [“If a Person Is Indifferent to the Historical Monuments of His Country, Then He Is Indifferent to His Country”: Historiographical Overview of Historical and Cultural Activism in the Late Soviet Period]. *Kulturnyj kod* [Cultural Code], 2020, no. 3, pp. 38-49.
16. Neplyuev P.A. *Deyatel'nost Vserossijskogo obshchestva ohrany pamyatnikov istorii i kultury kak fenomen publichnoj istorii v pozdnesovetskij period (1960–1980-e gg.): dis. ... kand. ist. nauk* [The Activity of the All-Russian Society for the Protection of Historical and Cultural Monuments as a Phenomenon of Public History in the Late Soviet Period (1960–1980s). Cand. hist. sci. diss.]. Perm, s.n., 2024. 261 p.
17. Neplyuev P.A. Publichnaya istoriya «po-sovetski». Regionalnye otdeleniya Vserossijskogo obshchestva ohrany pamyatnikov istorii i kultury: «byurokraticheskie pravila igry» i istoriko-kulturnyj aktivizm [Public History “In the Soviet Way”. Regional Branches of the All-Russian Society for the Protection of Historical and Cultural Monuments: “Bureaucratic Rules of the Game” and Historical and Cultural Activism]. *Vestnik Permskogo universiteta. Istoriya* [Perm University Herald – History], 2022, no. 3 (58), pp. 79-93.
18. O Vsesoyuznom turistskom pohode komsomolcev i molodezhi po mestam revolyucionnoj i trudovoj slavy sovetskogo naroda [About the All-Union Tourist Trip of Komsomol Members and Youth to the Places of Revolutionary and Labor Glory of the Soviet People]. *Postanovlenie byuro CK VLKSM, Centralnogo soveta po*

turizmu SSSR i Prezidiuma CK DOSAAF SSSR B 34/24 ot 5 fevralya 1966 goda Vsesoyuznyj turistskij pohod komsomolcev i molodezhi po mestam revolyucionnoj i trudovoj slavy sovetskogo naroda [All-Union Tourist Trip of Komsomol Members and Youth to the Places of Revolutionary and Labor Glory of the Soviet People]. Moscow, Molodaya Gvardiya Publ., 1966, pp. 3-7.

19. Plenum Volgogradskogo oblastnogo Soveta Obshchestva ohrany pamyatnikov istorii i kultury. 24 Aprelya. 1969 g. [Plenum of the Volgograd Regional Council of the Society for the Protection of Historical and Cultural Monuments on April 24, 1969]. *TsDNIVO* [Center of Documentation of the Modern History of the Volgograd Region], f. r-6911, inv. 1, d. 2, l. 47.

20. Podorozhnyj N.V. Rasskazy i ocherki o grazhdanskoj vojne [Stories and Essays About the Civil War]. *Rukopis. 1969 g. Kraevedcheskij muzej MBOU «Ust-Buzulukskaya srednyaya shkola» Alekseevskogo municipalnogo rajona Volgogradskoj oblasti* [Museum of Local Lore of the Municipal Budgetary Educational Institution Ust-Buzuluk Secondary School of the Alekseevsky Municipal District of the Volgograd Region].

21. Rvacheva O.V. Formirovanie prostranstva pamyati ob uchastii donskogo kazachestva v Grazhdanskoj vojne [Formation of the Memory Space of the Participation of the Don Cossacks in the Civil War in the 1920–1930s: Commemorative Practices, Plots, Images]. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 4. Istoriya. Regionovedenie. Mezhdunarodnye otnosheniya* [Science Journal of Volgograd State University. History. Area Studies. International Relations], 2025, vol. 30, no. 4, pp. 167-178. DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2025.4.14>

22. Spisok pamyatnikov istorii i kultury Kalachevskogo rajona [List of Historical and Cultural Monuments of Kalachevsky District]. *TsDNIVO* [Center of Documentation of the Modern History of the Volgograd Region], f. r-6911, no. 3, d. 135, l. 20.

23. Topilin Z.F. Potomki donskoj volnicy [Descendants of the Don Freeman]. *Rukopis. Moskva, 1977 g., Alekseevskij rajonnyj istoriko-etnograficheskij kompleks Alekseevskogo municipalnogo rajona Volgogradskoj oblasti* [Alekseevsky District Historical and Ethnographic Complex of the Alekseevsky Municipal District of the Volgograd Region]. 296 p.

24. Frenkel A.A. *Orly revolyucii* [Eagles of the Revolution], 1920. 42 p.

Information About the Author

Olga V. Rvacheva, Doctor of Sciences (History), Professor, Department of History and International Relations, Volgograd State University, Prosp. Universitetsky, 100, 400062 Volgograd, Russian Federation, olgarvacheva@mail.ru, ov_rvacheva@volsu.ru, <https://orcid.org/0000-0002-5039-4744>

Информация об авторе

Ольга Владимировна Рвачева, доктор исторических наук, профессор кафедры истории и международных отношений, Волгоградский государственный университет, просп. Университетский, 100, 400062 г. Волгоград, Российская Федерация, olgarvacheva@mail.ru, ov_rvacheva@volsu.ru, <https://orcid.org/0000-0002-5039-4744>

DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2026.3.4>

UDC 94(470)+323.22

LBC 63.3(2)7+63.3(2)61.1

Submitted: 02.10.2025

Accepted: 11.01.2026

THE COSSACK REVIVAL AND THE MEMORIALIZATION OF THE CIVIL WAR

Aleksandr A. Kamentsev

Volgograd State University, Volgograd, Russian Federation

Abstract. *Introduction.* This article examines how the Cossack revival movement activists conducted memory politics regarding the Russian Civil War by cooperating with, and sometimes opposing, local authorities in the Rostov and Krasnodar regions in the 1990–2010s. *Methods and materials.* The research uses the institutional approach to analyze memory policy as an interaction of multiple actors arguing for symbolic capital and political domination. It draws on a wide range of source material, some of which is analyzed for the first time in historiography. *Analysis.* In the early stages of the revival, the key theme for Cossack memorial activism was the Civil War and, as a consequence, the Soviet repressive policy of de-Cossackization, which activists conceptualized as genocide of the Cossacks in order to obtain preferences from the authorities. It was in the “Cossack” territories that the memorialization of the White heroes of the Civil War began in the form of monuments and museum exhibitions. The article argues that the demonstration of reconciliation and harmony in the form of the installation of monuments of the same name in Krasnodar and Novocherkassk was a political move by local Cossack elites seeking to legitimize their position in the power vertical. *Results.* The victim narrative about the genocide during the Civil War was a consensus for the entire Cossack movement until the mid-2000s, when the process of bureaucratization took shape. After that the narrative of de-Cossackization began to be used to emphasize the heroic nature of the Cossacks, who overcame suffering and once again took their place as defenders of Russia. The agonistic approach to the memory policy has changed to an antagonistic one. *Funding.* This article was supported by the Russian Science Foundation grant №25-28-20369 “The policy of memory regarding the participation of the Don Cossacks in the Civil War 1918–1920 year in Southern Russia in the Soviet and post-Soviet period: images of the Cossacks, memorial space, forms of commemoration” and the Administration of the Volgograd Region.

Key words: Cossack revival, collective memory, memory politics, genocide of the Cossacks, Civil War, history and modernity.

Citation. Kamentsev A.A. The Cossack Revival and the Memorialization of the Civil War. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 4. Istoriya. Regionovedenie. Mezhdunarodnye otnosheniya* [Science Journal of Volgograd State University. History. Area Studies. International Relations], 2026, vol. 31, no. 3, pp. 37–46. DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2026.3.4>

УДК 94(470)+323.22

ББК 63.3(2)7+63.3(2)61.1

Дата поступления статьи: 02.10.2025

Дата принятия статьи: 11.01.2026

ВОЗРОЖДЕНИЕ КАЗАЧЕСТВА И МЕМОРИАЛИЗАЦИЯ ГРАЖДАНСКОЙ ВОЙНЫ

Александр Андреевич Каменцев

Волгоградский государственный университет, г. Волгоград, Российская Федерация

Аннотация. *Введение.* В данной статье рассматривается, как активисты движения за возрождение казачества проводили мемориальную политику в отношении Гражданской войны в России, сотрудничая, а порой и противостоя местным властям в Ростовской области и Краснодарском крае в 1990–2010-х годах. *Методы и материалы.* В исследовании используется институциональный подход для анализа политики памяти как взаимодействия множества акторов, борющихся за символический капитал и политическое доминирование. Статья написана на основе архивного и полевого источникового материала, часть из которого впервые анализируется в историографии. *Анализ.* На раннем этапе возрождения ключевой темой для мемориального

активизма казаков была Гражданская война и, как ее следствие, советская репрессивная политика расказачивания, которую активисты концептуализировали как геноцид казаков для получения преференций от властей. Именно на «казачьих» территориях была начата мемориализация белых героев Гражданской войны посредством памятников и музейных экспозиций. В статье утверждается, что демонстрация примирения и согласия в виде установки одноименных памятников в Краснодаре и Новочеркасске являлась воплощением политических инициатив местных казачьих элит, стремившихся легитимировать свое положение в вертикали власти. *Результаты.* Виктимный нарратив о геноциде времен Гражданской войны был консенсусным для всего казачьего движения до середины 2000-х гг., когда оформился процесс бюрократизации. После этого обращаться к нарративу о расказачивании стали для того, чтобы подчеркнуть героическую природу казачества, которое преодолело страдания и снова заняло место защитников России. Агонистский подход в политике памяти сменился антагонистским. *Финансирование.* Статья выполнена при поддержке РНФ грант № 25-28-20369 «Политика памяти в отношении участия донского казачества в гражданской войне 1918–1920 гг. на юге России в советский и постсоветский период: образы казачества, мемориальное пространство, формы коммеморации» и Администрации Волгоградской области.

Ключевые слова: возрождение казачества, коллективная память, политика памяти, геноцид казаков, Гражданская война, современная история.

Цитирование. Каменцев А. А. Возрождение казачества и мемориализация Гражданской войны // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 4, История. Регионоведение. Международные отношения. – 2026. – Т. 31, № 3. – С. 37–46. – (На англ. яз.). – DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2026.3.4>

Introduction. A comprehensive historiography on the issue of Cossack memory politics in the post-Soviet period, including the memorialization of the Civil War in Southern Russia, has not yet been developed. Individual research works are either overviews [17; 28; 38] or fragmentary, devoted to the local memorials themselves [10]. In this article, using specific cases based on unpublished sources, I develop the idea of red-white memory and the political use of victim narrative, as expressed in my Russian-language article [14]. This article does not aim to describe all the memorial events of this period but focuses on key cases that allow us to trace the transformation of interactions and conflicts between the main actors in memory politics: Cossack activists and local authorities. The territorial boundaries of the study are the Rostov and Krasnodar regions, which set the trends in the revival of the Cossacks and the memorialization of the Civil War.

Methods and materials. The scholars, who write about the third wave in memory studies, suggest that the process of memory production should be seen as part of the process of identity production and group formation and as an interaction of multiple actors [7]. The attention should be on actors and institutions, seen both as organizations and as sustainable practices, and their interaction in broadly understood processes of commemoration (for adaptation of this approach to Russian material see: [27]). I share this approach when I focus on conflicts of

narratives, struggles over museums, monuments, and so on.

Memory politics is a part of broader symbolic politics which takes place on national, international, regional and local levels. It, on the one hand, reflects existing relations of power and dominance and, on the other hand, influences their dynamics [23]. The mnemonic configuration in a particular political arena (national, local, international) creates opportunities and constraints for political actors using the past. The dominance of some versions of memory and the marginalization of others should be seen as a dynamic result of symbolic struggle [1; 23]. I consider a case of contemporary Cossack memory politics as the transition from an agonistic approach, based on a dialogue of competing narratives [3; 29], to an antagonistic one. The last one leads to a situation where there could be only one hegemonic narrative [32].

The first group of sources includes the “Cossack” laws, the statutes of the Cossack societies, and the correspondence of the Cossack leaders both among themselves and with the state authorities, based on archival and published documents.

To analyze the media representations of the memory politics, I use the printed periodicals for the 1990s – 2000s and the Cossack websites for the 2010s. The discourse analysis [18] is my basic instrument for this research.

I have examined exhibitions in state regional museums dealing with Cossack history, as well

as the private museum, analyzing both the internal logic of the museum, its *Eigensinn* [21], and the heterogeneity of visitor perception [22].

Monuments serve as a field of competition for political actors and private interest groups to gain symbolic capital, defining official heroes and historical incidents that frame state or group identities [8]. I have found out actors interested in erecting main Cossack Civil War monuments or those who competed with them. Memorial conflicts often unfolded around these installations, highlighting different interests and interactions. I use metaphors of the memorial landscape as text, arena, and performance [6].

Finally, in-depth semi-structured interviews with leaders of the revival movement and Cossack activists shed light on topics not reflected in written sources.

Analysis. *Institutionalization of the Cossack Memory.* In 1991, the Cossacks were included in the list of the USSR's repressed peoples which must be rehabilitated. It was a result of the Cossack revival movement's lobby. From the viewpoint of first-generation "Cossack revival" activists, this concept was very suitable for the tasks of the movement, as it puts the Cossacks among the peoples and nations that were regaining their identity.

From the beginning, activists legitimized their status through symbolic politics on "Cossack territory" divided into the Rostov, Volgograd, Krasnodar, and Stavropol regions. They initiated the restoration of pre-revolutionary place names, the installation of memorials, commemorative events, and historical reenactments. Since the late 1980s, new local history museums devoted to Cossack history opened in stanitsas. The central theme was the Civil War and the subsequent Soviet repressive policy of de-Cossackization, which activists conceptualized as genocide.

The statutes of all revivalist organizations in the early 1990s contained the following clause: promoting the restoration of historical names and the removal of monuments dedicated to individuals involved in repressing Cossacks and preserving Cossack monuments [4]. In addition, it was stated that two of the main goals of the revival was restoring the historical truth about the Cossacks and their role in the creation of Russia and conducting a public trial of the ideologists of the de-Cossackization [5]. Thus, the heroic and victim

narratives constantly went hand in hand, complementing each other, and were instrumentalized depending on political goals. How did revival activists influence the symbolic landscape of southern Russia?

Since early 1991, the Krasnodar administration has been receiving requests from Cossacks to rename Sverdlov Street, arguing that in January 1919 he signed a directive of the Organizing Bureau of the Central Committee of the Russian Communist Party (Bolsheviks) and was the initiator of the Cossack genocide [19]. At a rally on January 26, 1991, on the occasion of the 72nd anniversary of the signing of the "Circular Letter", the Kuban Cossack organization demanded that monuments to Sverdlov be dismantled throughout the region and that streets named after Sverdlov and Ordzhonikidze be given back their historical names [36]. With the assistance of the Krasnodar Toponymic Commission, in 1993, Sverdlov Street was given back its historical name, Karasunskaya, and Sverdlov Square was renamed Druzhby Square. However, a more ambitious renaming of Krasnodar to Yekaterinodar was rejected in a 1993 referendum – with only 22% in favor [37]. The commemorative practices of the Cossacks, dedicated to the anti-Bolshevik movement of the Civil War, did not always find understanding among the city administration.

In 1992, with funds raised by the Kuban Cossack Union of the United States, a memorial was erected near Krasnodar to commemorate the soldiers who died during the First Ice Campaign under the command of General Kornilov [30]. The monument bears the inscription: "General Lavr Georgievich Kornilov died here on March 31, 1918." However, this site is located 10 kilometers from where Kornilov actually died. According to activists, the authorities deliberately chose a location for the monument that is far from the city and the highway. This demonstrates the peripheral place of the Civil War and the heroes of the White movement in the official memorial landscape.

Nevertheless, Kuban residents held annual parades on Krasnodar's main street and square to mark the adoption of the Law on the Rehabilitation of Repressed Peoples, commemorating the Cossacks who were victims of the Soviet regime since the Civil War. In addition, in memory of the

White Cossacks shot in 1918–1920, commemorations have been held annually since the early 1990s in various Kuban villages, where representatives of the entire Kuban Cossack Host gather in traditional uniform. A memorial cross has been erected in each of these villages. Also, since 1995, Kornilov commemorations have been held in Krasnodar on April 13 at the site of the general's death.

In 1995, thanks to the persistent initiative of Ataman Vladimir Gromov and his leading Cossack organization, the law "On the Symbols of the Krasnodar Region" was adopted. The 1919 Kuban People's Republic flag (blue-crimson-green), the coat of arms, and the Cossack anthem "You, Kuban, You Are Our Motherland" were adopted as regional symbols. A similar symbolic politics was held in the neighboring Rostov region. In 1996, the local authorities adopted the blue-yellow-red flag, the coat of arms with ataman's symbols and the anthem "The Orthodox Quiet Don was stirred and agitated" of the Civil War Cossack Don Republic as regional symbols. However, this was an initiative of the Rostov political elite, which led the main part of the Cossack movement, adopting their symbols to strengthen their own legitimacy [24]. However, the general population largely identifies these symbols with the Cossack lands rather than the specific Civil War republics.

On the one hand, memory of the Civil War was important to the politicized segment of Russian society in the 1990s, as the Soviet narrative was being completely reevaluated and the "white" idea, which took the form of nostalgia for "the Russia we lost", was once again becoming attractive. However, authorities were wary of initiatives to hold commemorative practices and create memorials dedicated to the Civil War due to the lack of public consensus [39, p. 352]. Thus, the Cossack movement, which had not yet been fully under state control, entered into a memorial conflict with the authorities, as the memory of the Civil War was directly linked to the then-current ideas of Cossack autonomy and the narrative of de-Cossackization.

Reconciliation and Harmony. The monument "To the Cossacks of the Quiet Don" was erected on a specially constructed mound by the road to the village of Veshenskaya in May 1994 in honor of the 89th anniversary of Mikhail

Sholokhov's birth. The sculptural composition depicts a collective image of a Cossack on horseback. It is popularly known as the monument of Grigory Melekhov. The Cossack is dressed in a greatcoat with a rifle on his back and a uniform cap on his head, reminiscent of the imperial army and the White movement. However, the first version of the monument, the concept of which was developed by sculptor N.V. Mozhaev back in 1956 for the upcoming exhibition marking the 40th anniversary of the October Revolution, assumed that the horseman would be wearing a Red Army Budenovka hat and have a youthful face. It was in this form that a bronze model of the sculpture entitled "The Eaglet" (Orlyonok) was cast and displayed at various exhibitions, while a plaster version was presented by the author to Mikhail Sholokhov in 1982 and is kept in his house museum in Veshenskaya [31].

Museum staff say that the first secretary of the Rostov Regional Committee (1966–1984), Ivan Bondarenko, while visiting Sholokhov, saw the model and suggested installing the monument at the entrance to Rostov-on-Don. The idea was revisited several years later, when the process of the Cossacks' revival began. During discussions with representatives of the Rostov administration about the creation of a full-size monument in 1990–1991, Cossack activists categorically protested against the figure of the horseman wearing a Budenovka hat, threatening to cut off his head [40].

Thus, the headdress played a key role in the symbolic meaning of the entire monument. In the original version the author conceived the monument, judging by its name, as a tribute to young revolutionary red cavalymen in general rather than specifically to the Cossacks. However, during the campaign for the Red Cossacks in the late 1980s, the Rostov regional authorities wanted to use the monument to commemorate the "right" (red) Cossacks. Revival activists, among whom there was an anti-communist consensus, insisted on replacing the Budenovka hat with a traditional cap with a visible Cossack forelock and a trademark moustache. The young Red Army soldier was transformed into a stern Don Cossack.

1997, the 80th anniversary of the revolution, was declared the Year of Reconciliation by President Yeltsin. In Krasnodar, a monument to Reconciliation and Harmony was laid and opened

in 1998, with a Red Army *budenovka* hat and a Cossack *papakha* hat lying side by side as its central composition. They are surrounded by a golden ring with the inscription “To the victims of the Civil War in Yekaterinodar”. That same year, Krasnodar’s mayor, Valeriy Samoylenko, warned Ataman Gromov against holding a mass event for General Kornilov, stating it would divide the population [20].

In this way, the local authorities attempted to make a conciliatory narrative dominant, without supporting the Cossacks’ proposals to commemorate anti-Bolshevik historical figures. At the same time, activists continued the tradition of holding commemorations in various Kuban villages for Cossacks killed by the Bolsheviks. These events attracted up to several thousand participants, including representatives of local administrations.

The first full-fledged monument to a White Civil War hero was erected in the Rostov region in 2003. Although it was not a monument to a Cossack but to General Sergei Markov, it was erected with the support of the leading Cossack organization Don Cossack Host. The main initiator of the monument was Moscow entrepreneur Alexander Alekaev, head of the patriotic project “White Warriors”. The Markov monument was originally planned to be erected in Rostov-on-Don. However, following a meeting of the city’s interdepartmental toponymic commission and the Ministry of Culture of the Rostov Region, it was decided to erect the monument in the city of Salsk, where Markov died in 1918. The initiative was supported by General Gennadiy Troshev, advisor to the president of Russia on Cossack issues, a number of high-ranking military and diplomatic officials, the governor of the Rostov Region, Vasiliy Chub, and his deputy, Ataman Victor Vodolatsky of the Don Cossack Host, who attended the opening [9]. Due to its rather peripheral location, the monument did not cause any serious public debate. Local residents, with the exception of left-wing radicals, took this event calmly, which was interpreted as a reconciliation over the Civil War.

In 2005 the monument of “Reconciliation and Harmony” was erected at the main symbolic place of the Don Cossacks – Yermak square in Novocherkassk. It was intended to symbolically cement the resolution of the conflict between the

descendants of the Red and White Cossacks among all 12 Cossack hosts, whose names are listed on the granite pedestals surrounding the sculptural composition. On the front edge of the pedestal, in the center, is engraved “The Great Don Host,” which stands out from all the other hosts listed. On one side of this inscription a *budenovka* hat and a rifle (“reds”) lie, and on the other side, a cap, a saber, and a hood (“whites”). On the separate marble pedestal there is an inscription: “In memory of the past. For the present and future of the Cossacks. We have come to reconciliation and harmony. Thank God, we are Cossacks.” However, despite its name and conceptual inscription, the monument is not about reconciliation.

The composition was unequivocally “white.” It featured a seven-meter Orthodox cross, a Cossack woman in traditional dress, and a boy in cadet uniform. The initiators were Ataman Vodolatsky and Grand Duchess Maria Vladimirovna, head of the Russian Imperial House. At the monument’s unveiling, they were accompanied by the well-known Gennadiy Troshev, Vasiliy Chub, and Anatoly Volkov – the mayor of Novocherkassk and concurrently the district Cossack ataman – as well as several high-ranking clergy and other Cossack atamans. Thus, there were representatives of the federal and regional political elite. The opening coincided with Novocherkassk’s 200th anniversary and the Second World Cossack Congress.

In his speech, Mayor Anatoly Volkov referred to history: “Two million Cossacks died during the turmoil and the revolution. Many of them perished during collectivization and repression. The monument puts an end to all strife among the Russian Orthodox people, among the Cossacks. I believe that we must strive together to make our state the strongest and most powerful” [33]. Volkov referred to the Cossack victim narrative which was formulated in the early 1990s. However, the scholars estimate real Cossack victims at 250–500 thousand [42].

The main point of Volkov’s speech is to convince everyone, especially federal authorities, that the Cossacks are true patriots who wish for state service. Ataman Vodolatsky has also emphasized loyalty and unity, stating that “destructive forces” benefited from Cossack disunity [2]. All his enthusiasm for using the theme of reconciliation among the Cossacks was aimed

at convincing the authorities that he controlled the fragmented movement and he was completely loyal to his Cossacks. This task was successfully accomplished, and Vodolatsky personally met with President Vladimir Putin and even “accepted” him into the Cossacks.

Zone of Conflicts. The Cossack nationalist and civil society activist Vladimir Melikhov became the focus of the memorial conflict between the authorities and Cossacks. In 2004, Melikhov began to construct a memorial dedicated to the Don Cossacks’ struggle against the Bolsheviks on his private property in the village of Elanskaya in the Rostov region, which opened in 2007. Its centerpiece was a statue of Pyotr Krasnov – leader of the Civil War Don Cossack Republic who emigrated to Europe and, during World War II, served Hitler and headed the Main Directorate of Cossack Troops. In Russian cultural memory, Krasnov is associated primarily with collaborationism.

The authorities found a monument to him unacceptable, and Vladimir Melikhov was arrested. However, in 2007, there was no memorial law on criminal liability for justifying Nazism. It was adopted in 2014, aimed at countering attempts to encroach on historical memory regarding the events of World War II, and reflected a view of history through the lens of national security [16; 25; 26]. So Melikhov was charged with tax evasion and released from custody eight months later due to lack of evidence. Melikhov argued the memorial focused on Krasnov’s Civil War role. He eventually replaced the plaque naming Krasnov with a general dedication to “the Don Cossack leaders, officers, Cossacks, and Cossack women who laid down their lives for their faith and their country,” but the statue remained until May, 2025. The memorial also included busts of other White Cossack leaders and crosses labelled “Lienz, June 1, 1945,” “Chataldzhi, 1920–1921,” “Crimea, November 1920,” and “Novorossiysk, April 1920” symbolizing tragic moments for White Cossacks. Melikhov extended the genocide narrative to World War II, interpreting it as a Second Civil War. Although activists claimed not to divide Cossacks into White and Red, they only commemorated anti-Bolshevik victims.

At the memorial entrance there is an inscription: “Eternal memory to the victims of the

Cossack genocide.” The museum’s exhibition reflects the title “Don Cossacks in the Struggle Against the Bolsheviks” and explicitly rejected reconciliation. Vladimir Melikhov formulates its mission: “The museum is like a guide whose task is not to lull memory to sleep, but to awaken it; not to reconcile it with the past, but to stimulate the mind; not to narrate the tragedy, but to analyze it. Museum exhibitions are intended not only, and not so much, to be ‘a feast for the eyes’ but to become ‘food for the mind’ – to make people think, to squeeze out, drop by drop, the poison of prejudice and false dogmas that Soviet ideology has thoroughly imbued the consciousness with” [43]. The exhibition relied on printed materials (posters, photographs, copies of documents) to convey a concentrated victim narrative claiming 4 million Cossack deaths, doubling Vladimir Gromov’s early-1990s figure.

The victim narrative is verified by Bolshevik documents framed on the wall: “Directive on the Suppression of the Cossacks, January 24, 1919”; “Instructions of the Revolutionary Military Council of the Southern Front for the Implementation of the Directive of the Central Committee of the Russian Communist Party (Bolsheviks) on the Fight Against Counterrevolution in the Don Region”; “Order to proceed with fire and sword. Directive of March 17, 1919, on the struggle against the rebellious Cossacks”; “Order of the All-Russian Central Executive Committee of May 25, 1919. Sverdlov. (Instruction on executions)”; “RSFSR VSNK (The Council of People’s Commissars of the Russian Socialist Federative Soviet Republic – the government of Soviet Russia) Strictly confidential. Order issued by Comrade Dzerzhinsky, Head of the Cheka, on April 10, 1920. The task of the Cheka organs is to ensure that the very word “Cossack” disappears from the Russian language once and for all. The Soviet government must mercilessly and universally destroy and punish the Cossacks as a class hostile to the proletariat. Pres. SNK Ulyanov-Lenin.” On the same level as the documents is the poster with the signature “Yakov Sverdlov” and an image of a man in front of a red banner with the inscription “All power to the Soviets.” Since 1989, the most vivid personified responsibility for the genocide is traditionally attributed to Sverdlov.

These texts are modern prints without references; they are not original documents or

even archival copies. Melikhov said that in the early 1990s the archives were opened, and they “took the part about the Verkhnedonsk uprising, telegrams, directives on de-Cossackization, on how to pacify the Verkhnedonsk Cossacks with fire and sword” [12]. However, a museum assistant admitted copies came from “some unreliable archives.” Thus, while using formal methods of argumentation, the exhibition’s reliability was questionable, functioning more as a museum of memory, where emotions and empathy for the victims play a major role in the victim narrative that is conveyed [41; 44].

The effectiveness of conveying ideas to the audience can be assessed through guest books. I analyzed about 200 reviews, and two topics are common to almost all of them: the exhibition allowed visitors to learn the true history of the Don Cossacks during the Soviet era and pride in “our Cossack museum” among visitors from the Rostov, Volgograd, Krasnodar and Lugansk regions. Its remote location meant visitors deliberately sought out this controversial exhibition.

In Kuban, a memorial conflict erupted over Ataman Vyacheslav Naumenko, who led the Kuban Host abroad from 1920–1958 and preserved its regalia. It was returned to Krasnodar and housed in the Felitsyn Historical and Archaeological Museum from 2007 to 2011, but the story of their return is controversial. During World War II, Naumenko was part of the same collaborationist Cossack Main Directorate as Krasnov, and his name is associated with it in Russia. Although Naumenko did not take part in combat operations, let alone commit war crimes, and was not convicted by any judge except public opinion. According to agreements between Ataman Gromov, who oversaw the process of returning the regalia, and Ataman Naumenko’s daughter Natalya Nazarenko, a commemorative plaque about Naumenko was to be installed in the museum exhibition. As a result, the exhibition features a stand dedicated to the return of the regalia, which highlights the role of Ataman Gromov, but there is no mention of Naumenko.

After the start of the Russian-Ukrainian crisis in 2014, authorities intensified scrutiny of links to Nazism. In 2015, Naumenko’s belongings were removed from the museum, and Cossack societies were ordered to withdraw booklets and posters depicting him [15]. However, in 2012,

after the regalia were finally returned to Krasnodar, Governor Alexander Tkachev and new Ataman of the Kuban Cossack Host Nikolai Doluda unveiled a memorial plaque on the Naumenko family home in the village of Petrovskaya. This sparked a wave of public discontent among the Cossack activists and non-Cossack population of Kuban.

The plaque was removed by a city court decision in 2016 after Tkachev left office [13]. The new governor, Veniamin Kondratyev, also actively uses the Cossack theme in his politics but abandoned references to Naumenko due to securitization of history. Activists attempting to restore Naumenko’s memory were not supported by the state-loyal Cossack leadership. During this period the authorities brought all registered Cossacks under their control. How was the victim narrative about the genocide of the Cossacks used under these circumstances?

Ataman Vladimir Gromov, a key promoter of the genocide narrative, explained its initial instrumental purpose: “It was necessary to enlist the support of those peoples who had been subjected to repression: the Karachays, Nogais, and others. It was necessary to enlist the support of those deputies of the Supreme Council who saw the Cossacks as a patriotic force. But what is meant by Cossacks? An estate is a transient category. Ethnicity is an eternal category, and its abolition means genocide and condemnation by the public and the law. That is why this word was used” [11]. When asked if he believed it was real genocide, Gromov answered, “There is a question here. They not only fought each other, but there was also a Cossack department in the All-Russian Central Executive Committee. That is, the Cossacks were in power there. But I will say that this policy began to be implemented in Kuban in March 1920, when Soviet power was established. These were repressions after the Civil War. Then this policy continued in the 1930s during the famine and the dispossession of the kulaks. Is this genocide or not? Some believe it was genocide, others say it was just repression and persecution of the Cossacks” [11]. Thus, a creator of the narrative, no longer politically active, refused to unequivocally endorse it.

During the 2011 parade in honor of the 20th anniversary of the adoption of the law “On the Rehabilitation of Repressed Peoples,” Ataman

Doluda began his speech with an appeal to the victim narrative: “At the beginning of the last century, the history of a valiant people – loyal defenders of the Russian state – was interrupted. ...Of the most numerous Cossack Host in Russia – the Kuban, which numbered 1.3 million people – just over 200,000 remained after the Civil War! Over the 20 years of the revival of cadet corps, we have raised a whole generation of young Cossacks. We pass on to them the identity of the Cossacks as a part of the great Russian people, instilling in them our culture and traditions. Once again, we are serving our country, defending its borders” [34]. The word “genocide” is not used officially, although the Cossacks are referred to as a distinct people, but only in connection with the defense of Russia.

Results. In the first stage of institutionalization, the political use of the past was crucial for Cossack activists to legitimize their place in the socio-political system. The narrative of genocide during the Civil War was a tool to gain recognition as a distinct people, enabling claims to property and autonomy, which were granted to rehabilitated peoples.

The division within the Cossack movement in the 1990s – 2000s was not based on sympathies for Reds or Whites from 1918–1921. The memory of the Civil War itself did not cause the split, as the victim narrative was consensual. It was instrumentalized by all societies for negotiations with authorities. The main dividing line was the issue of state service. This “reconciliation” was largely rhetorical. The revival movement did not include Red Cossacks supporting the original communist idea [14]. The erection of the Monument of

Reconciliation and Harmony had no effect on this. The Red Cossacks of the Civil War did not take their place alongside the White heroes in the collective memory of the revived Cossacks.

With the formation of the state service system for “registered” Cossacks in the 2000s – 2010s, leaders stopped using the genocide narrative for political gain. The theme of Cossack victims remained, but the emphasis shifted to overcoming suffering and heroic revival for Russia. The bureaucratization of the revival process led to the displacement of the victim narrative from official discourse and the dominance of a heroic narrative based on service to the Fatherland.

The agonistic principle of memory politics was replaced by an antagonistic approach. The victim narrative, where it persisted, was reconceptualized as part of the heroic narrative. In 2012, President Vladimir Putin expressed this at the highest level: “After the 1917 revolution, the Cossacks were subjected to the most brutal repression, in essence, genocide. However, the Cossacks survived, preserving their culture and traditions. And the task of the state is to help the Cossacks in every way possible, to involve them in military service and the military-patriotic education of the young people” [35]. The victim narrative ceased to be a political tool for obtaining preferences. It remains in the commemorative practices of non-registered Cossacks outside the power vertical. Some Cossack nationalists extend the victim narrative to World War II, conceptualizing it as a Second Civil War, a narrative suppressed by authorities, with its proponents facing legal proceedings.

REFERENCES

1. Bernhard M., Kubik J. *Introduction. Twenty Years After Communism: The Politics of Memory and Commemoration*. Oxford, Oxford University Press, 2014, pp. 1-7.
2. Bondarenko M. Kazhdyi ataman ostalsya pri svoei pravde [Each Ataman Stayed to His Own Truth]. *Nezavisimaya gazeta*, 2005, Oct. 3. URL: https://www.ng.ru/regions/2005-10-03/13_ataman.html
3. Bull A.C., Hansen H.L. On Agonistic Memory. *Memory Studies*, 2016, vol. 9 (4), pp. 390-404.
4. Charter of the Cossack Union, 1990, June 30. *Gosudarstvennyy arkhiv Rossiyskoy Federatsii* (hereinafter – GARF) [State Archive of the Russian Federation], f. 10144, inv. 1, d. 1, l. 3.
5. Charter of the Union of Cossacks of the Don Host Region, 1990, Nov. 18. *GARF* [State Archive of the Russian Federation], f. 10144, inv. 1, d. 6, l. 6.
6. Dwyer O., Alderman D. Memorial Landscapes: Analytic Questions and Metaphors. *GeoJournal*, 2008, vol. 73, no. 3, pp. 165-178.
7. Feindt G. et al. Entangled Memory: Toward a Third Wave in Memory Studies. *History and Theory*, 2014, vol. 53, no. 1, pp. 24-44.

8. Forest B., Johnson J. *The Politics of Public Space: What Can Political Science Contribute to the Study of Monuments? The Annual Meeting of the Canadian Political Science Association*. Montreal, 2010. URL: <https://www.cpsa-acsp.ca/papers-2010/Forest-Johnson.pdf>
9. Gagkuev R. Archivnye dokumenty pomogli sozdat pamyatnik generalu Markovu [Archival Documents Helped Create a Monument to General Markov]. *Otechestvennye arkhivy*, 2004, no. 1. URL: <https://rusk.ru/st.php?idar=322530>
10. Goncharov A. "To Winners and Losers": The Epoch of Civil Confrontation in Kuban and in the Black Sea Region in the Objects of Cultural Heritage. *Nasledie vekov*, 2018, no. 2, pp. 41-47.
11. *Interview with Vladimir Gromov (Krasnodar)*. The Author's Personal Archive, 2022, Oct. 8.
12. *Interview with Vladimir Melikhov (Moscow)*. The Author's Personal Archive, 2023, Apr. 3.
13. Indiscriminate Heroization: Why Nazi Collaborators Are Being Immortalized in Kuban, 2016, Mar. 17. *EADaily Website*. URL: <https://eadaily.com/ru/news/2016/03/17/geroizaciya-bez-razbora-pochemu-na-kubani-uvekovechivayut-pamyat-nacistskih-posobnikov>
14. Kamentsev A.A. *Vozrozhdenie kazachestva i krasno-belaya pamyat* [The Cossack Revival and Red-White Memory]. *Rossiia-XXI*, 2024, no. 3, pp. 120-141.
15. Kochergin A.A. Sovremennoe kubanskoe kazachestvo v poiskakh geroev: sluchaj atamana V.G. Naumenko [Modern Kuban Cossacks in Search of Heroes: The Case of Ataman V. G. Naumenko]. Syrov V.N., ed. *Istoricheskaya pamyat: travmy proshlogo, protivorechiya nastoyashhego, perspektivy budushhego*. Saratov, Nauka Publ., 2018, pp. 110-115.
16. Koposov N. Defending Stalinism by Means of Criminal Law: Russia, 1995–2014. Belavusau U., Gliszczynska-Grabias A., eds. *Law and Memory: Towards Legal Governance of History*. Cambridge, Cambridge University Press, 2017, pp. 293-309.
17. Krinko E.F. The Memorialization of the Events and Participants of the Revolution and the Civil War in the South of Russia. *Russkaya Starina*, 2017, no. 8 (2), pp. 154-172.
18. Laclau E., Mouffe C. *Hegemony and Socialist Strategy: Towards a Radical Democratic Politics*. London, Verso, 2001. 218 p.
19. Letter from Ataman A.G. Martynov of the SKR to N.I. Kondratenko, January 14, 1991. *Gosudarstvennyy arkhiv Krasnodarskogo kraia* (hereinafter – GAKK) [State Archive of Krasnodar Region], f. R-1843, inv. 1, d. 19, l. 16.
20. Letter from Mayor of Krasnodar V. A. Samoilenko to Ataman V. P. Gromov. *GAKK* [State Archive of Krasnodar Region], f. R-1843, inv. 1, d. 186, l. 78.
21. Lüdtke A. *Eigen-Sinn. Fabrikalltag, Arbeitererfahrungen und Politik vom Kaiserreich bis in den Faschismus*. Hamburg, 1993. 440 p.
22. Macdonald S. *Difficult Heritage: Negotiating the Nazi Past in Nuremberg and Beyond*. Routledge, 2009. 240 p.
23. Malinova O. Rezhim pamyati kak instrument analiza: problem kontseptualizatsii [Memory Regime as an Analytical Tool: the Problem of Conceptualization]. Miller A., Efremenko D., eds. *Politika pamyati v sovremennoy Rossii i stranah Vostochnoy Evropy* [Memory Politics in Contemporary Russia and Eastern Europe. Actors, Institutions, Narratives]. Saint Petersburg, Izd-vo Evrop. un-ta v Sankt-Peterburge, 2020, pp. 26-39.
24. Markedonov S.M. Kazachestvo: problema stanovleniya [Cossacks: the Problem of Shaping]. *Politiya*, 1999, no. 1 (11), pp. 140-149.
25. Meleshkina E.Yu. Memorialnye zakony v postkommunisticheskikh stranakh [Memory Laws in Post-Communist Countries]. Miller A., Efremenko D., eds. *Politika pamyati v sovremennoy Rossii i stranah Vostochnoy Evropy* [Memory Politics in Contemporary Russia and Eastern Europe. Actors, Institutions, Narratives]. Saint Petersburg, Izd-vo Evrop. un-ta v Sankt-Peterburge, 2020, pp. 232-249.
26. Miller A. Politika pamyati v postkommunisticheskoy Evrope i ee vozdejstvie na evropejskuyu kulturu pamyati [Memory Politics in Post-Communist Europe and Its Impact on European Memory Culture]. *Politiya*, 2016, no. 1, pp. 111-121.
27. Miller A., Efremenko D. *Politika pamyati v sovremennoy Rossii i stranah Vostochnoy Evropy* [Memory Politics in Contemporary Russia and Eastern Europe]. Saint Petersburg, Izd-vo Evrop. un-ta v Sankt-Peterburge, 2020. 632 p.
28. Miller A., Kamentsev A. The Cossacks of Southern Russia in 21st-Century Memory Politics. *Communist and Post-Communist Studies*, 2024, vol. 57 (3), pp. 41-58.
29. Molden B. Resistant Pasts Versus Mnemonic Hegemony: On the Power Relations of Collective Memory. *Memory Studies*, 2016, vol. 9 (2), pp. 125-142.
30. Monument Protection Committee Has Included the Memorial in the List of Newly Identified Historical and Cultural Heritage Sites. *GAKK* [State Archive of Krasnodar Region], f. R-1843, inv. 1, d. 186, l. 18.

31. Monument to the Cossacks of the Quiet Don. *Website of the M.A. Sholokhov State Museum-Reserve*. URL: <https://www.sholokhov.ru/objects/kruzhilino/memoria/>
32. Mouffe C. An Agonistic Approach to the Future of Europe. *New Literary History*, 2012, vol. 43 (4), pp. 629-640.
33. NovoCherkassk.net. *Pamyatnik* [Monument], 2005, Sept. 13. URL: <https://novoCherkassk.net/press/lavochka/2005/09/30964-pamyatnik>
34. News of the Taman Cossack Department, 2011, June 5, no. 3. *GAKK* [State Archive of Krasnodar Region], f. R-1913, inv. 1, d. 115, l. 82.
35. Putin V. Byt silnymi: garantii nacionalnoj bezopasnosti dlya Rossii [Being Strong: Guarantees of National Security for Russia]. *Rossiyskaya gazeta*, 2012, Febr. 19. URL: <https://rg.ru/2012/02/20/putin-armiya.html>
36. Rally to Mark the 72nd Anniversary of Sverdlov's Signing of the Circular Letter. *GAKK* [State Archive of Krasnodar Region], f. R-1843, inv. 1, d. 41, l. 14.
37. Referendum on Renaming the City to Yekaterinodar. *GAKK* [State Archive of Krasnodar Region], f. R-1843, inv. 1, d. 12, l. 255.
38. Rvacheva O.V. Vozrodit pamyat o kazakax: politika pamyati i kommеморативnye praktiki kazachego vozrozhdeniya na Yuge Rossii [Reviving the Memory of the Cossacks: Politics of Memory and Commemorative Practices of the Cossack Revival in Southern Russia]. Miller A.I., Efremenko D.V., eds. *Politika pamyati v sovremennoy Rossii i stranah Vostochnoy Evropy*. Saint Petersburg, Izd-vo Evrop. un-ta v Sankt-Peterburge, 2020, pp. 304-321.
39. Rvacheva O.V. *Vozrozhdenie kazachestva na yuge Rossii v sovetskij period (seredina 1920-kh – nachalo 1940-kh gg.): istoriko-sravnitelnyj analiz: dis. ... d-ra ist. nauk* [The Revival of the Cossacks in Southern Russia during the Soviet Period (Mid-1920s – Early 1940s): A Historical Comparative Analysis. Dr. hist. sci. diss.]. Volgograd, 2022. 582 p.
40. Sculptural Composition "To the Cossacks of the Quiet Don". *Website of Defenders of the Cultural and Historical Heritage of the Rostov Region*. URL: <https://voopiik-don.ru/main/2009-06-01-10-23-39/37-2009-06-01-06-57-03/258—q-q->
41. Sontag S. *Regarding the Pain of Others*. Paris, Presses Universitaires de France, 2003. 131 p.
42. Venkov A.V. Genotsid, golodomor i drugie uzhasy v istorii «kazatskogo naroda» [Genocide, Holodomor and Other Horrors in the History of the "Cossack People"]. *Novoe proshloe*, 2018, no. 1, pp. 275-290.
43. *Website of the Museum "Don Cossacks in the Fight Against the Bolsheviks"*. URL: <https://elankazak.ru/музей/>
44. Williams P. *Memorial Museums: The Global Rush to Commemorate Atrocities*. Oxford; New York, Berg Publishers, 2007. 226 p.

Information About the Author

Aleksandr A. Kamentsev, Junior Researcher, Department of History and International Relations, Volgograd State University, Prosp. Universitetskij, 100, 400062 Volgograd, Russian Federation, akamentsev@eu.spb.ru, <https://orcid.org/0009-0006-6310-6488>

Информация об авторе

Александр Андреевич Каменцев, младший научный сотрудник кафедры истории и международных отношений, Волгоградский государственный университет, просп. Университетский, 100, 400062 г. Волгоград, Российская Федерация, akamentsev@eu.spb.ru, <https://orcid.org/0009-0006-6310-6488>

DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2026.3.5>

UDC 930.272

LBC 63.3(2)4

Submitted: 02.02.2026

Accepted: 29.04.2026

VIKTOR YAKOVLEVICH MAUL – HISTORIAN OF POPULAR MOVEMENTS AND PSYCHOLOGY OF MASS PROTESTS IN EARLY MODERN RUSSIA

Nikolai A. Mininkov

Southern Federal University, Rostov-on-Don, Russian Federation

Abstract. This year marks the 60th anniversary of the birth of V. Ya. Maul, a renowned Russian researcher of the history of mass popular movements and the psychology of their participants. His focus was on the cultural aspect of the Pugachev Rebellion and other mass popular movements. V. Ya. Maul viewed the concept of the Russian rebellion, which is traditional for Russian historical thought, from a fundamentally new perspective as an expression of the culture of Russian society. V. Ya. Maul proposed a fundamentally new method for studying these events, aimed at understanding the person and society that rose up in a rebellion, paying attention to the psychology of the impostors and their followers. As a result of his research on the Chigirin conspiracy of 1877, V. Ya. Maul revealed the fact that the revolutionary intellectuals did not understand the psychology of the people.

Key words: V. Ya. Maul, history and historiography on the Pugachev Rebellion, historical and psychological method, study of imposture, Chigirin conspiracy.

Citation. Mininkov N. A. Viktor Yakovlevich Maul – Historian of Popular Movements and Psychology of Mass Protests in Early Modern Russia. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 4. Istoriya. Regionovedenie. Mezhdunarodnye otnosheniya* [Science Journal of Volgograd State University. History. Area Studies. International Relations], 2026, vol. 31, no. 3, pp. 47–57. (in Russian). DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2026.3.5>

УДК 930.272

ББК 63.3(2)4

Дата поступления статьи: 02.02.2026

Дата принятия статьи: 29.04.2026

ВИКТОР ЯКОВЛЕВИЧ МАУЛЬ – ИСТОРИК НАРОДНЫХ ДВИЖЕНИЙ И ПСИХОЛОГИИ МАССОВОГО ПРОТЕСТА В РОССИИ РАННЕГО НОВОГО ВРЕМЕНИ

Николай Александрович Мининков

Южный федеральный университет, г. Ростов-на-Дону, Российская Федерация

Аннотация. В нынешнем году исполняется шестьдесят лет со дня рождения известного российского исследователя истории массовых народных движений и психологии их участников В. Я. Мауля. В центре внимания его находится культурная составляющая Пугачевского восстания и других массовых народных движений. На традиционное для отечественной исторической мысли представление о русском бунте В. Я. Мауль смотрит с принципиально новой позиции, с точки зрения выражения в подобных явлениях культуры русского общества. В. Я. Мауль предложил принципиально новый метод исследования этих событий, направленный на понимание человека и общества, поднявшегося на восстание, обращая внимание на особенности психологии самозванцев и их последователей. В результате исследования чигиринского заговора 1877 г. В. Я. Мауль выявил факт непонимания народной психологии революционерами-разночинцами.

Ключевые слова: В. Я. Мауль, история и историография Пугачевского восстания, историко-психологический метод, изучение самозванчества, чигиринский заговор.

Цитирование. Мининков Н. А. Виктор Яковлевич Мауль – историк народных движений и психологии массового протеста в России раннего нового времени // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 4, История. Регионоведение. Международные отношения. – 2026. – Т. 31, № 3. – С. 47–57. – DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2026.3.5>

Введение. В нынешнем году празднует шестидесятилетний юбилей известный российский историк Виктор Яковлевич Мауль, исследователь массовых народных движений и общественной психологии народного протеста в Российской империи от бурных событий начала XVII в. до XIX века. Уроженец Искитима Новосибирской области, он поступил в 1983 г. на исторический факультет Томского университета. Томский истфак еще в советские годы отличался стремлением к научному поиску, в том числе по вопросам современной методологии исследований, социальной психологии, анализа опыта школы Анналов в изучении общественной ментальности средневековья и раннего нового времени, отечественной и зарубежной историографии. После окончания первого курса он был призван в Советскую армию. Демобилизовавшись в 1986 г., он вернулся в университет, и после его окончания был распределен в пединститут Комсомольска-на-Амуре, где вместе с коллегами выступил в качестве основателя исторического факультета.

Обсуждение. По существу, до сих пор общей характеристики научного творчества В.Я. Мауля нет. Но положениям и выводам, содержащимся в его исследованиях, современные историки внимание уделяли. В труде Е.В. Трефилова о Е. Пугачеве подчеркивалось, что, согласно В.Я. Маулю, «пугачевский бунт был своего рода защитной реакцией на проводившуюся в России модернизацию. Его предводитель мечтал “изменить страну, вернуть ее в традиционное русло”» [19, с. 10]. Как отмечал Д.А. Ляпин, в современном исследовании важно выявить и ход событий, и то, как их воспринимали люди изучаемого времени, «только при таком исследовательском ракурсе есть шанс уловить скрытое от потомков глубинное содержание, заложенное ими в свои действия, и ту информацию, которую они хотели донести до современников» [3, с. 45]. Д.В. Сень обоснованно отнес В.Я. Мауля к современным историкам массовых народных движений, у которых «заслуга состоит, прежде всего, в разработке и новаторском осмыслении / верификации моделей протестного поведения повстанцев (представлявших разные движения), проявления народного монархизма, самозванчества, повстанческого насилия;

в типологии самих народных движений; наконец, в переосмыслении феномена русского бунта» [18, с. 236]. В дискуссии по книге К. Ингерфлома «Аз есмь царь. История самозванства в России» между В.Я. Маулем как ее рецензентом и автором данной книги возникло взаимопонимание относительно массовой психологии и образа в ней царя в ходе народных движений в России. По оценке К. Ингерфлома, все «соображения» В.Я. Мауля, относящиеся к сложной и внутренне противоречивой истории самозванства в России и к культурно-психологической стороне русского бунта, «основаны на прочной эрудиции и особой чуткости к методологическим аспектам и теоретическим предпосылкам исторических исследований» [1, с. 77].

Материалы и методы. Материалом исследования являются научные труды В.Я. Мауля и методологические публикации. Они относятся к концу XX в., началу его деятельности, и к первой четверти XXI в., когда он стал признанным специалистом по истории массовых народных движений и психологии их участников. Методология исследования основана на принципе понимания человека и культуры изучаемого времени. Для анализа деятельности историка это означает учет общей культурной ситуации и поисков в области философии и методологии истории, соответствующих новому уровню развития науки, новых целей, ставившихся в научном историческом познании.

Анализ. Работая под руководством доктора исторических наук, профессора А.Г. Жеравиной, В.Я. Мауль сосредоточился на проблемах исторической психологии участников Пугачевского восстания. Такая направленность исследования соответствовала общей тенденции в гуманитарных дисциплинах того времени. Она заключалась в осознании того, что историко-социологическая направленность исследования на базе традиционной исторической науки и позитивизма, не вполне отвечает задаче познания событий и явлений в свете выражения их в индивидуальном и общественном сознании. Эта задача могла быть решена при условии сочетания историко-социологической и историко-культурологической направленности в научном историческом познании, в контексте представления о выражении особенностей культуры общества во вся-

ком событии, явлении и процессе, или о непосредственной связи между социальными отношениями в обществе и его культурой. Кроме того, в условиях антропологического поворота в гуманитарных дисциплинах новейшего времени, понимания того, что объектом научного исторического познания должен быть человек в обществе, подобное направление вызывало значительный интерес и имело перспективу. В исследованиях народного протеста в России и его форм, в обстановке пересмотра воззрений советских историков на традиционную характеристику наиболее крупных выражений этого протеста в качестве крестьянских войн такое направление открывало новое поле исследований этих явлений.

При всей новизне в подходе к изучению народных движений, в том числе Пугачевского восстания, которое оказалось в центре внимания В.Я. Мауля, в его анализе прослеживается глубокое и обоснованное внимание к историографической традиции при ее принципиальном переосмыслении. Это была концепция русского бунта, весьма популярная в историографии. Взгляд на «русский бунт, бессмысленный и беспощадный» был выражен героем А.С. Пушкина Петрушей Гриневым. Но эта точка зрения, которую почему-то иногда приписывали самому великому поэту и историку, на самом деле очень хорошо подчеркивала сущность воззрений на восстание современников из круга провинциального дворянства, пережившего ужасы «пугачевщины». Но сам А.С. Пушкин хорошо понимал узость и ограниченность такого понимания восстания. Поэтому он не случайно при сборе материала на Урале об этом событии пытался понять людей, вовлеченных в него, проводя беседы с теми из них, кто еще жил и помнил о Пугачеве. Концепцию русского бунта сохраняла государственная школа русской историографии, с объяснением этого явления в свете борьбы темных сил старого общества, к которым относились казаки и старообрядцы, участники массовых народных движений в России XVII–XVIII вв., против государственности и государственного порядка, обеспечивавшего развитие страны.

Отсюда В.Я. Мауль предложил концепцию, согласно которой Пугачевское восстание представляет собой «продукт отечественно-

го культурно-исторического опыта в различных его ипостасях, обусловленных социокультурной ситуацией переходного периода от традиционной эпохи к Новому времени» [11, с. 8]. Вместе с тем В.Я. Мауль дает формулировку по существу нового понимания периодизации восстания и того времени, когда оно произошло, и места, где оно происходило, что соответствовало понятию о необходимости конкретного учета места и времени как особенности исторического познания. Начало такой хронологии он прямо связывает с «усилением натиска культурных инноваций со времени Петра I», когда состояние русского «расколотого общества» стало очевидным даже на уровне внешних признаков культуры его верхов и низов. Конец он определяет тем, что «в Пугачевском восстании традиционная культура исчерпала свой эмоциональный заряд и уже не могла больше активно сопротивляться процессу модернизации, проводимой государственной властью» [11, с. 9]. Конечно, такая периодизация не укладывается в канон событийных периодизаций, поскольку Пугачевское восстание являлось конкретным событием истории екатерининского царствования со своей конкретной хронологией. Но на основе ее выстраивается представление о ситуации в культуре общества, в которой явился Пугачев, был принят народом в качестве самодержавного императора Петра Федоровича и произошло восстание. Она дает представление о динамике развития событий и нарастании непосредственных предпосылок этого восстания в связи с такой основополагающей базовой ценностной категорией народной культуры, как справедливость. Такая периодизация была направлена на понимание характера культуры, одним из выражений которой было Пугачевское восстание.

Однако характер культуры и ее особенности проявляются в действиях сообществ и отдельных людей, и в этой связи возможность ее познания исходит из опоры на соотношение в событиях не только объективных начал, но и их субъективного восприятия. Отсюда В.Я. Мауль обосновывает познавательную стратегию, направленную на понимание человека, общества и культуры. Такая стратегия обосновывалась в методологии истории еще на рубеже XIX–XX вв., когда, однако, не были

ясны конкретные методы проведения ее в конкретных исследованиях. С конца прошлого века наметились два пути в практической реализации данной методологии исторического познания. Первый относился к пониманию той части общества, которая была носителем письменной культуры, такой путь наглядно выражен И.Н. Данилевским в исследовании смыслов в летописном тексте.

Для познания психологии значительного большинства общества, не связанного с письменной культурой, или для его «молчаливого большинства», перспективы открывал иной путь, по которому пошел в исследовании Пугачевского восстания и других народных движений В.Я. Мауль. Метод его исследования заключается в том, чтобы «влезть в душу» повстанцев, попытаться понять внутреннюю мотивацию их насильственных действий» [13, с. 145]. Такой метод весьма напоминает положение методологии А.С. Лаппо-Данилевского с характеристикой психологической интерпретации источников, согласно которому «все понимание чужой душевной жизни предполагает личное переживание и воспроизведение ее, а не только пассивное восприятие ее продуктов» [2, с. 88]. Сложность состояла в неясности, каким образом историку другого времени и другой культуры настроиться на «личное переживание». Для этого, указывает В.Я. Мауль, было необходимо использование методов историко-психологического исследования, с ориентацией на учет умения человека пользоваться «динамической адаптацией», принимать во внимание, по каким причинам в сознании людей утвердилась «подавленная враждебность» к окружающей действительности. Это также учет характерной для человека средневековья и раннего нового времени низкой оценки жизни, сниженный страх его перед смертью, а также характерная для массового сознания подражательность, связанная с эффектом толпы. Предполагалась необходимость особого внимания к проявлениям в ходе изучаемых событий коллективного бессознательного на основе сложившейся системы ценностей и реакций людей на происходящее, устойчивых и мифологических представлений об окружающем мире и об обществе, имевших корни в культуре средневековья, и, наконец, сакрализации в сознании средневе-

кового человека монархической власти и механизмов, на основе которых проявляется харизматик, способный стать во главе движения, а также учета особенности социальной психологии такого общества. На тему комплексного анализа социальной психологии участников массовых народных движений в России XVII–XVIII вв. В.Я. Мауль защитил в 1996 г. в совете при Томском госуниверситете кандидатскую диссертацию [10]. Продолжая свои исследования, В.Я. Мауль защитил в 2005 г. докторскую диссертацию в совете Томского университета.

Вместе с тем В.Я. Мауль в полной мере осознает, что к предпосылкам восстания относилось самозванство как явление, уходившее своими корнями в период за сто лет до Петра I, в Смуту начала XVII века. Оно широко распространилось в этот период российской истории, сохранилось при первых Романовых и было известно также в истории других стран. Его появлению способствовала такая сторона традиционной русской культуры, как народное представление об истинном царе, который незаконно лишен престола и от которого народу следовало ожидать справедливости и защиты. В.Я. Мауль указывает на особенность положения самозванца, которым был Емельян Пугачев, – ему все время, по существу ежедневно, приходилось доказывать обществу свое царское происхождение [13, с. 128]. При этом использовалась доверчивость людей, которым самозванцы рассказывали «истории своего спасения и странствия» [13, с. 129]. То же самое относилось к рассказам о своих намерениях после победы восстания. И сами участники событий, доверившиеся самозванцу как истинному государю, стремились найти аргументацию, обосновавшую свое доверие. В.Я. Мауль ставит принципиально важный вопрос о степени доверия общества, а также людей из ближайшего окружения самозванца и его самого к реальному царскому статусу этой личности. Он обоснованно не соглашается с взглядом на всех самозванцев как на мошенников, обманывавших народ, и полагает, что в их отношении все было значительно сложнее и не все могло объясняться с помощью психологических и этических категорий обмана и доверчивости.

Вообще тема самозванства и самозванчества, традиционная для отечественной историографии со времени князя М.М. Щербатова, всегда вызывала живой интерес. Это не случайно, поскольку в ней с исключительной наглядностью проявляется тема человека в истории, характер общества, выдвигавшего самозванца и принимавшего его за царя. Как справедливо указывает В.Я. Мауль, «феномен самозванчества аккумулировал в себе целый комплекс социально-психологических стереотипов, характерных для доиндустриальных цивилизаций» [13, с. 139]. Одно из направлений в исследовании этой темы, относившееся к психологической характеристике участников народных движений и исторической типологии самозванцев, развивала школа, созданная В.Я. Маулем, к которой принадлежит его ученица Ю.А. Обухова. Она ставит в центр своего внимания самозванцев, бравших на себя царское имя, и указывает на отсутствие особого интереса в историографии к жизненному пути этих весьма своеобразных личностей и выразителей массовой культуры своего времени. Она стремится воссоздать фрагменты их биографий, которые заслуживают самого пристального внимания. В этой связи она критикует представления советской историографии, а отчасти и современных историков, о рациональных основах решения вопроса об истинности самозванца, с позиций которого будто бы могли рассуждать его современники [16, с. 46, 47]. Принимая во внимание метод исследования В.Я. Мауля о социально-психологической сущности вовлечения в массовые движения и доверия к самозванцу, Ю.А. Обухова указывает на необходимость опоры в ходе исследования на такие категории, как «ментальная “картина мира”», «мифологическое отождествление», “суггестия” и “идентификация”, “коды культуры”, “сакральность”, “харизма”, “богоизбранность” и т. д.» [16, с. 49]. С этих позиций возможно было понять причины и характер популярности самозванцев и причины их поддержки разными слоями населения, широкими массами народа, выступившего на стороне Пугачева, или немногими сторонниками. И, таким образом, в центр исследовательского внимания Ю.А. Обухова, пользуясь методом исследования В.Я. Мауля, предлагает ставить не только самих са-

мозванцев, но и отношение к ним в свете психологии и ментальности людей, вовлеченных в движение [16, с. 59].

В исследованиях В.Я. Мауля перед читателем проходит целая галерея исторических образов и сюжетов, связанных с пугачевским восстанием, с другими массовыми народными движениями. К наиболее интересным относится анализ внутренних смыслов казней, которыми при Пугачеве и в ходе других выступлений восставшие подвергали своих противников. Не отказываясь от характеристик историков прежнего времени этих казней как выражения жестокости и варварства, В.Я. Мауль находит в них связь с глубинными основами народной культуры и ментальности участников событий. Вместе с тем он верно обращает внимание на то, что ужасы подобных казней были характерны не только для восставших, но для аналогичных акций, совершавшихся государственной властью, когда сказывалась характерная для восставшего народа «подражательность», и сама власть, таким образом, само дворянство подавали народу своеобразный пример варварства и жестокости [13, с. 173]. Но при этом В.Я. Мауль подчеркивает, что в ходе казней, которые проводили восставшие, «заимствование было не прямым, но “творческим”» [13, с. 169].

Не меньше внимания уделяет В.Я. Мауль такому направлению в истории восстания и в целом истории России эпохи Просвещения, как «биографическая история Пугачевщины». Внимание его привлек один, по его словам, «из романтических героев» Афанасий Соколов, или Хлопуша, за которым было «бурное преступное прошлое» [14, с. 361, 362]. В качестве типичного «человека второго плана» В.Я. Мауль рассматривает видного пугачевца Тимофея Мясникова. При «минимуме данных для досконального воссоздания жизненного пути командира пугачевской гвардии» из яицких казаков он установил некоторые важнейшие стороны его биографии при опоре на анализ его психологии, благодаря чему им реставрируется «картина мира» этого казака, «склад его личности, умонастроения» [12, с. 53–60].

В условиях конца прошлого и начала нынешнего столетия, когда было заметно усиление общественного интереса к истории, а

особенно к наиболее острым ее сторонам, появлялась разнообразная популярная историческая литература. Оригинальный способ ее построения был предложен в 2007 г., когда в сборнике «Архетипы русского бунта XVIII столетия» были соединены произведения выдающихся писателей и поэтов о народных движениях – А.С. Пушкина и М.И. Цветаевой, и историка В.Я. Мауля. Построение сборника было исключительно удачным. В центре внимания авторов находилась тема человека в восстании в контексте художественного и научного осмысления. Анализ архетипов русского бунта, проделанный В.Я. Маулем, очень убедительно дополняет художественные образы великих художников и начинался с указания на противоречивые основы бунта, когда отмечалась необычность подобного явления. В то же время В.Я. Мауль указывает на неслучайность его, поскольку предпосылки вызревали в течение долгого времени, на то, что бунт далеко не просто казус, возникший сам по себе. Он видит в Пугачевском бунте историческое явление, связанное с глубокими социальными причинами и выражавшее основы культуры общества [17, с. 262]. Необычность обстановки, в которой произошел бунт, согласно В.Я. Маулю, вызывала в обществе чувства «тревоги и страха». Это «дополнялось эмоциональным негодованием, и взрывом враждебности из-за ущемления привычного (то есть традиционно – Н. М.) образа жизни». В такой обстановке «реанимировались архаичные культурные архетипы», «находили выход примитивные инстинкты», которые в обычной обстановке подавлялись нормами морали и этики. Кроме того, также бунты выполняли «своеобразную психотерапевтическую функцию», являлись «своего рода катарсисом» [17, с. 263]. В ходе самого бунта, указывает В.Я. Мауль, происходила постоянная смена настроений людей, соответствовавшая основным этапам восстания, в нем проявлялся «весь “букет” эмоциональных ощущений человека». Такие эмоции были непостоянны, страхи сменялись весельем и удовольствием, причем «вершиной эмоционального удовольствия» был пугачевский вариант «игры в царя» [17, с. 264]. Исследование такой «игры» как своеобразного элемента культуры народного восстания за последнее время получило свое продолжение в труде Д.А. Ля-

пина [4]. Объяснение событий, данное В.Я. Маулем, делало понятным для массового читателя поведение массы людей, решившихся на восстание.

Разносторонняя направленность исследования массовых народных движений В.Я. Маулем, прежде всего Пугачевского восстания, в наибольшей степени выразившим, по его оценке, самую суть русского бунта как социокультурного явления, предполагает возможность дальнейших исследований их истории и историографии. Представляется, что совершенно прав Д.В. Сень, когда указывал, что тема такого крупнейшего народного движения, как Разинского, не закрыта [18, с. 253], то же самое можно сказать и о других массовых народных движениях, особенно о Пугачевском как самого большого народного восстания при Екатерине II.

В творчестве В.Я. Мауля содержатся сведения о некоторых мало известных и неизвестных ранее сторонах пугачевской историографии. В частности, это относилось к Д.Г. Анучину, одному из «незаслуженно забытых историков Пугачевского бунта» [6, с. 77]. Интерес к труду Д.Г. Анучина, согласно В.Я. Маулю, в отражении в нем большого фактического материала, в выводе о крепостном праве как о важнейшей причине восстания, а также о том, что после подавления бунта крепостное право вступило в новую стадию своего существования, длившуюся почти столетие [6, с. 79].

Тема народного движения, его психологии и самозванчества не только за XVII–XVIII вв., но и в пореформенный период также находится в центре внимания В.Я. Мауля. Одному из значимых эпизодов этого движения, чигиринскому заговору, проходившему в Чигиринском уезде Киевской губернии 1877 г., он посвятил ряд статей. Внимание его к этой теме было не случайно. Как обращает внимание В.Я. Мауль, характерные черты массовой психологии крестьянства хорошо понимали в народнической среде. Это предопределило попытку народников Я.В. Стефановича, Л.Г. Дейча и И.В. Бохановского, входивших в кружок «Южных бунтарей», использовать эти черты, и с помощью подложных документов поднять крестьянское восстание. В.Я. Мауль при этом, наряду с И.Л. Андрее-

вым, отмечает, что характерное для советской историографии положение о наивном монархизме крестьян не раскрывает всей полноты и особенностей крестьянского сознания, является упрощением, и указывает на возможность говорить о крестьянах как «об убежденных традиционалистах и православных монархистах». Тем не менее В.Я. Мауль не отрицает «народный монархизм» и указывал на противопоставление в массовом сознании царя дворянам и чиновникам, на «святость его власти», полученной от бога, и на роль его как крестьянского союзника и защитника. И отсюда он говорит о «ключевой роли монархической идеи в народном протесте». Вместе с тем В.Я. Мауль подчеркивает, что народники ожидали возможность использовать «культурную преемственность» украинских крестьян из этих мест, помнивших об отдаленном прошлом, «о Гайдамахтине и Запорожской вольнице». Но также он указывает на несомненное наличие социально-экономических предпосылок крестьянского недовольства, без которых дело «Южных бунтарей» не имело шансов на успех [15, с. 223–226].

В связи с чигиринским заговором В.Я. Мауль обращает внимание на еще одну существенную проблему, относящуюся к возможности понимания и взаимодействия разных культур, в данном случае культуры и психологии народа, под которым имелось в виду крестьянство, и культуры разночинной интеллигенции. В советской историографии господствовало положение В.И. Ленина, что «страшно далеки ... от народа» были декабристы, тогда как революционеры-разночинцы были к народу несравненно ближе. Как показывал В.Я. Мауль, разночинцы были не ближе, несмотря даже на знание народной жизни. Все это, показывает он, проявилось в попытке Стефановича, Дейча и Бохановского поднять крестьян на восстание. Оказалось, писал В.Я. Мауль, что народ эти революционеры понимали не вполне. Это проявилось в самом выборе их для себя имен, когда народ ожидал, что у «царевых посланников» должны быть имена не какого-то Найды, но знатных лиц из хорошо известных в русской истории фамилий, явно неубедительный для крестьян их внешний вид, само принесение присяги «не в церкви, а тайно», что воспринималось в со-

знании крестьян не иначе как «кошунственные нарушения, казалось бы, вечного и нерушимого ритуала». Все это привело к провалу «так лихо начавшейся затеи» и в результате произошло «разоблачение» революционеров. В итоге чигиринского заговора, по словам В.Я. Мауля, с исключительной наглядностью проявилась «очередная констатация культурной пропасти между “верхами” и “низами”» общества, которая имела место и при С. Разине и Е. Пугачеве, и в России второй половины XIX в. [17, с. 230–237].

В полной мере осознавая историчность концепции русского бунта для русского средневековья и раннего нового времени, В.Я. Мауль не мог пройти мимо повышенного общественного интереса к вопросу о возможности повторения бунта в России новейшего времени, которая сохраняется до наших дней и которая, как он считает, имеет важность и научную актуальность. Как он отмечает, черты русского бунта проявились в новейшей истории России с 1917 г., когда произошло «появление Пугачева с университетским образованием», и когда он смог «довести бунт до победы, а перед Европой закамуфлировать суть происходящего привычными для европейского слуха понятиями». Он указывает, что «Октябрьская революция явилась первым в истории победившим бунтом». Обращаясь к современной ситуации, В.Я. Мауль замечает, что «современные мироощущение и мировосприятие людей сохраняют явственные слепки своего родового прошлого», а «Переходное состояние общества нередко пробуждает к жизни “демонические” силы традиционализма, использующие бунт в качестве защитного механизма». На вопрос о возможности повторения такого явления он прямо отвечает, что нечто подобное «очень может быть» [17, с. 270–272]. Уже позже, в своей рецензии на упомянутую книгу Г.С. Ингерфлова по истории самозванства в России, В.Я. Мауль указывает, что «книга эта – вовсе не о прошлой, а о современной России, и что история самозванства – «убедительный аргумент, что и сегодня прошлое живет в нас, обуславливая стереотипные общественные реакции и поведенческую активность власти» [8, с. 164], говоря тем самым об устойчивости и живучести психологических стереотипов, переходящих из

поколения в поколение и готовых проявиться в самых неожиданных ситуациях.

В соответствии с культурно-антропологической направленностью исторической науки новейшего времени В.Я. Мауль указывает на необходимость такого исследования вопросов истории массовых народных движений, которое дает возможность более полного и конкретного выявления состояния человека в необычных, резко отличающихся от повседневной рутины условиях. Он отмечает, что «человек бунтующий» как общий «идеальный тип» культуры разного времени и как проблема философско-исторического познания, которая выделяется на уровне историософии, конкретизируется в историческом исследовании, ставя в центр своего внимания выявление реальных проявлений личности в подобных событиях, с учетом привязанности человека к месту и времени, к условиям своего существования [5, с. 185].

Заметно в этой связи, что философским и теоретическим вопросам В.Я. Мауль уделяет пристальное внимание. Это касается такого важного для историка, занимающегося конкретной исторической проблематикой вопроса философии истории, как соотношение категорий закономерного и случайного. Он не принимает популярного среди ряда историков взгляда на историю как на совокупность казусов, идеи замены каузального казуальным. Но в то же время подчеркивает, что «закономерность не должна отождествляться с судьбой (или роком), она имеет свои пределы». Она «в существенной степени» зависит «от деятельности субъективного фактора, который во многом решает, быть или не быть этой закономерности» [7, с. 2, 3]. Такой взвешенный подход к сложному вопросу философии истории, который предлагает В.Я. Мауль, может оказать помощь историку при построении объяснительной модели сложных социокультурных процессов.

В нынешних условиях, считал и считает В.Я. Мауль, общество особенно нуждается в научных исторических знаниях и в понимании истории их развития, которые способны давать историческое образование, хотя и не всегда осознает это. Отсюда большое внимание к учебно-методической работе, которая тесно связана с его научными исследованиями. Еще

в 1999 г. им был издан курс лекций по историографии отечественной истории до начала XX века. В структуре курса правомерно было отведено место общей характеристике понятия об историографии, о месте ее в научном историческом познании, об этапах ее развития и историографических стереотипах, об особенностях состояния исторической науки новейшего времени. Особо была подчеркнута роль устного творчества в народном осмыслении истории, со своеобразными оценками событий и явлений. Было обращено внимание на первые учебники по истории, которыми В.Я. Мауль называет «Историю» Ф. Грибоедова и «Синописис», на становление основ исторической науки в России XVIII в., на особенности и значение для отечественной исторической науки трудов князя М.М. Щербатова, И.Н. Болтина, А.Л. Шлецера, Н.М. Карамзина. К основным направлениям отечественной историографии в XIX – начале XX в. В.Я. Мауль отнес скептическую школу, официально-охранительное направление, государственно-юридическую школу и петербургскую школу, обращая тем самым внимание современного историка на развитие исторической науки в России как на сложный процесс, развивавшийся в ходе борьбы научных идей. В лекционном курсе в полной мере проявилось методическое мастерство автора, умевшего краткими штрихами выделить самую суть историографического явления [9].

Но если курс лекций по историографии был написан для историков, то для студентов неисторических специальностей несколько позже, в 2010 г., В.Я. Мауль подготовил курс «Основы исторических знаний», который призван был дать представление об истории как о науке и о характере исследовательской работы историка. Вместе с тем по своему уровню это учебное пособие вполне подходит и для исторических факультетов и отделений как дополнительная литература. В пособии привлекает краткое и обстоятельное освещение вопросов философии и методологии истории, источниковедения, а также важнейших этапов и направлений в развитии исторической науки. Обращено внимание на принципы научного исторического исследования. Также освещен еще один вопрос, вызывающий интерес, который относится к значению исторического опы-

та в жизни общества, в роли исторических знаний для обоснования разных идеологий, для удовлетворения определенных политических интересов.

Результаты. Таким образом, исследования В.Я. Мауля подняли большую тему массовых народных движений на новый уровень. Сам по себе выбор в этой связи Пугачевского восстания и образов его участников был не случаен, поскольку в этом исключительно масштабном событии в концентрированном виде проявились характерные черты повстанческой психологии. Анализ чигиринского дела давал ему возможность наглядно показать устойчивость народной психологии, характерной для традиционного общества, продолжавшей свое существование в условиях буржуазных реформ. Новый уровень

исследования В.Я. Мауля был обусловлен уходом от узкого социологизма, он связывал процессы, происходившие в массовых народных движениях, непосредственно с психологией, системой ценностей и ментальностью их участников. Труды В.Я. Мауля находятся в русле «понимающей» модели исторического исследования, которая стала популярна в отечественной исторической науке с конца прошлого века. Особенность подхода В.Я. Мауля в том, что его анализ относится к носителям бесписьменной культуры, или народного «молчаливого большинства». В этом вклад известного современного ученого в современную историческую науку, в гуманитарное познание в целом. Находящемуся в расцвете своих сил В.Я. Маулю – продолжения своей плодотворной и важной для исторической науки работы!

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Ингерфлом К. С. Приближаясь к «истине» будто к горизонту: Благодарный ответ на критику историка Виктора Мауля // Новый исторический вестник. 2022. № 1 (71). С. 77–86.
2. Лаппо-Данилевский А. С. Методология истории. В 2 т. Т. 2. М.: РОССПЭН, 2010. 632 с.
3. Ляпин Д. А. Время праздника: об особенностях поведения участников народных волнений в российской провинции летом 1648 г. // Tractus Aevorum. 2019. Т. 6, № 1. С. 42–55.
4. Ляпин Д. А. Игра в царя: социально-политическая борьба в России во второй половине XVII века. СПб.: Центр гуманист. инициатив, 2022. 284 с.
5. Мауль В. Я. Бунт или не бунт и другие вопросы изучения темы (размышления о народных движениях XVII–XVIII вв.) // Новое прошлое / The New Past. 2021. № 2. С. 180–189.
6. Мауль В. Я. Д.Г. Анучин – историк Пугачевского бунта // Научное наследие профессора А.П. Пронштейна и актуальные проблемы исторической науки (к 105-летию со дня рождения выдающегося российского ученого). Ростов н/Д; Таганрог: Изд-во ЮФУ, 2024. С. 77–87.
7. Мауль В. Я. Закономерность и случайность в истории в историографическом контексте // Гуманитарный вестник. 2014. Вып. 3. С. 1–11.
8. Мауль В. Я. «Иже ся богу ровняли»: размышления по поводу книги Клаудио Ингерфлома «Аз есмь царь. История самозванства в России» // Новый исторический вестник. 2021. № 4 (70). С. 152–174.
9. Мауль В. Я. Историография отечественной истории с древнейших времен до начала XX века (курс лекций для студентов ист. фак.). Комсомольск-на-Амуре: Изд-во Комсом.-на-Амуре пед. ин-та, 1999. 120 с.
10. Мауль В. Я. Социальная психология участников народных движений в России XVII–XVIII вв.: автореф. дис. ... канд. ист. наук. Томск, 1996. 15 с.
11. Мауль В. Я. Социокультурное пространство русского бунта (по материалам Пугачевского восстания): автореф. дис. ... канд. ист. наук. Томск, 2005. 22 с.
12. Мауль В. Я. Тимофей Мясников – пугачевский атаман: опыт историко-психологической реконструкции // Уральский исторический вестник. 2012. № 3. С. 53–60.
13. Мауль В. Я. Харизма и бунт. Психологическая природа народных движений в России XVII–XVIII веков. Томск: Изд-во ТГУ, 2003. 217 с.
14. Мауль В. Я. «Хлопуша, самый бедный человек» (штрихи биографии пугачевского атамана) // Научное наследие профессора А.П. Пронштейна и актуальные проблемы исторической науки (к 95-летию со дня рождения выдающегося российского ученого). Ростов н/Д: Изд-во ФНО, 2014. С. 361–366.
15. Мауль В. Я. «Чигиринский заговор» и крестьянская психология // Quaestio Rossica. 2017. Vol. 5, № 1. С. 221–240.
16. Обухова Ю. А. Феномен монархических самозванцев в контексте российской истории (по материалам XVIII столетия). Томск: ТИУ, 2016. 266 с.

17. Русский бунт: сб. ист.-лит. произв. М.: Дрофа, 2007. 446 с.
18. Сень Д. В. Народное движение под предводительством С.Т. Разина в историографии середины 1990-х – 2000-х гг. (Новый этап изучения или «тема закрыта»?) // Историческая экспертиза. 2021. № 3 (28). С. 232–263.
19. Трефилов Е. В. Пугачев. М.: Молодая гвардия, 2015. 400 с.

REFERENCES

1. Ingerflom K.S. Priblizhajas k «istine» budto k gorizontu: Blagodarny otvet na kritiku istorika Viktora Maulja [Approaching “Truth” as if It Were a Horizon: A Grateful Response to the Criticism of Historian Victor Maul]. *Novyj istoricheskij vestnik*, 2022, no. 1 (77), pp. 77-86.
2. Lappo-Danilevsky A.S. *Metodologija istorii. V 2 t. T. 2* [Methodology of History. In 2 Vols. Vol. 2]. Moscow, ROSSPEN, 2010. 632 p.
3. Ljapin D.A. Vremja prazdnika: ob osobennostjakh povedenija uchastnikov narodnykh volnenij v rossijskoj provincii letom 1648 g. [Holiday Time: About the Behavior of Participants in the Popular Uprisings in the Russian Provinces in the Summer of 1648]. *Tractus Aevorum*, 2019, vol. 6, no. 1, pp. 42-55.
4. Ljapin D.A. *Igra v carja: socialno-politicheskaja borba v Rossii vo vtoroj polovine XVII veka* [The Game of the Tsar: Social and Political Struggles in Russia in the Second Half of the 17th Century]. Saint Petersburg, Centr gumanit. iniciativ, 2022. 284 p.
5. Maul V.Ya. Bunt ili ne bunt i drugije voprosy izuchenija temy (razmyshlenija o narodnykh dvizhenijakh XVII–XVIII vv. [A Riot or Not a Riot and other Questions About Studying the Topic]. *Novoje proshloje* [The New Past], 2021, no. 2, pp. 180-189.
6. Maul V.Ya. D.G. Anuchin – istoric Pugachovskogo bunta [D.G. Anuchin – The Historian of the Pugachov Rebellion]. *Nauchnoje nasledije professora A.P. Pronstejna i actualnyje problemy istoricheskoy nauki (k 105-letiju so dnja rozdenija vydajushchegosja rossijskogo uchenogo)* [The Scientific Legacy of Professor A.P. Pronstein and Current problems of Historical Science (On the 105th Anniversary of the Birth of the Outstanding Russian Scientist)]. Rostov-on-Don; Taganrog, Izd-vo JuFU, 2024, pp. 77-87.
7. Maul V.Ya. Zakonomernost i sluchainost v istorii v istoriograficheskom kontekste [Regularity and Chance in History in the Historiographical Context]. *Gumanitarnyj vestnik* [Humanitarian Bulletin], 2014, iss. 3, pp. 1-11.
8. Maul V.Ya. «Izhe sja bogu rovnjali»: razmyshlenija po povodu knigi Klaudio Ingerfloma «Az jesm tsar: Istorija samosvanstva v Rossii» [“Izhe sja bogu rovnjali”: Reflections of Claudio Ingerflom’s Book “I Am the Tsar: The History of Imposture in Russia”]. *Novyj istoricheskij vestnik*, 2021, no. 4 (70), pp. 152-174.
9. Maul V.Ya. *Istoriografija otechestvennoj istorii s drevneishikh vremen do nachala XX veka (kurs lekcij dlja studentov ist. fak.)* [Historiography of Russian History from Ancient Times to the Beginning of the 20th Century (A Course of Lectures for Students of Historical Faculties)]. Komsomolsk-on-Amur, Izd-vo Koms.-na-Amure ped. in-ta, 1999. 120 p.
10. Maul V.Ya. *Socialnaja psikhologija uchastnikov narodnykh dvizhenij v Rossii XVII–XVIII vv.: avtoref. dis. ... kand. ist. nauk* [Social Psychology of Participants in Popular Movements in Russia of the 17th – 18th Centuries. Cand. hist. sci. abs. diss.]. Tomsk, 1996. 15 p.
11. Maul V.Ya. *Sociokulturnoje prostranstvo russkogo bunta (po materialam Pugachevskogo vosstanija): avtoref. dis. ... kand. ist. nauk* [The Sociocultural Space of the Russian Riot (Based on the Materials of the Pugachev Uprising). Cand. hist. sci. abs. diss.]. Tomsk, 2005. 22 p.
12. Maul V.Ya. Timofej Mjasnikov – pugachovskii ataman: opyt istoriko-psikhologicheskoy rekonstrukcii [Timofej Mjasnikov – The Pugachev Ataman: An Attempt at Historical and Psychological Reconstruction]. *Uralskij istoricheskij vestnik* [Ural Historical Vestnik], 2012, no. 3, pp. 53-60.
13. Maul V.Ya. *Kharizma i bunt. Psikhologicheskaja priroda narodnykh dvizhenij v Rossii XVII–XVIII vekov* [Charisma and Rebellion. The Psychological Nature of Popular Movements in Russia in 17th – 18th Centuries]. Tomsk, Izd-vo TGU, 2003. 217 p.
14. Maul V.Ya. «Khlopusha, samyj bednyj chelovek» (shtrikhi biografii pugachevskogo atamana) [“Khlopusha, the Poorest Man” (Touches of the Biography of the Pugachev’s Ataman)]. *Nauchnoje nasledije professora A.P. Pronstejna i actualnyje problemy istoricheskoy nauki (k 95-letiju so dnja rozhdenija vydajushchegosja rossijskogo uchenogo)* [The Scientific Legacy of Professor A.P. Pronstein and Current Problems of Historical Science (On the 95th Anniversary of the Birth of the Outstanding Russian Scientist)]. Rostov-on-Don, Izd-vo FNO, 2014, pp. 361-366.
15. Maul V.Ya. «Chigirinskij zagovor» i krestjanskaja psihologija [“The Chigirinsky Conspiracy” and Peasant Psychology]. *Quaestio Rossica*, 2017, vol. 5, no. 1, pp. 221-240.
16. Obukhova Ju.A. *Fenomen monarkhicheskikh samozvancev v kontekste rossijskoj istorii (po materialam XVIII stoletija)* [The Phenomenon of Monarchical Pretenders in the Context of Russian History]. Tomsk, TIU, 2016. 266 p.

17. *Russkij bunt: sb. ist.-lit. proizv.* [Russian Rebellion. Collection of Historical-Literary Works]. Moscow, Drofa Publ., 2007. 446 p.

18. Sen D.V. Narodnoje dvizhenije pod predvoditelstvom S.T. Razina v istoriografii serediny 1990-kh – 2000-kh gg. (Novyj etap izuchenija ili «tema zakryta»?) [The Popular Movement Led by S.T. Razin in the Historiography of the Mid-1990s – 2000s (A New Stage of Study or “The Topic Is Closed”?)]. *Istoricheskaja ekspertiza* [Historical Expertise], 2021, no. 3 (28), pp. 232-263.

19. Trefilov E.V. *Pugachev*. Moscow, Molodaja gvardia Publ., 2015. 400 p.

Information About the Author

Nikolai A. Mininkov, Doctor of Sciences (History), Professor, Institute of History and International Relations, Southern Federal University, Pushkinskaja St, 160, 344006 Rostov-on-Don, Russian Federation, namininkov@sfedu.ru, <https://orcid.org/0000-0003-2390-4208>

Информация об авторе

Николай Александрович Мининков, доктор исторических наук, профессор института истории и международных отношений, Южный федеральный университет, ул. Пушкинская, 160, 344006 г. Ростов-на-Дону, Российская Федерация, namininkov@sfedu.ru, <https://orcid.org/0000-0003-2390-4208>

ВОСТОЧНЫЕ ОКРАИНЫ ИМПЕРИИ: СОЦИАЛЬНО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ КОНТЕКСТ РАЗВИТИЯ

DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2026.3.6>

UDC 94(47+57)“1853”:327

LBC 63.3(2)521.2-6

Submitted: 30.11.2024

Accepted: 15.01.2025

KAZAKH INFORMANTS IN THE AK-MECHET EXPEDITION IN 1853

Seilkhan T. Tokbolat

M.Kh. Dulaty Taraz University, Taraz, Kazakhstan

Abstract. *Introduction.* The 1853 Ak-Mechet Expedition was a pivotal moment in the Russian Empire's advance into Central Asia, aimed at consolidating its position in the region and weakening the influence of the Khoqand Khanate. The fortress of Ak-Mechet, a key stronghold of the Khoqandis in the lower Syrdarya region, held strategic significance for controlling the Kazakh steppes and trade routes. The expedition's success was not solely due to the military superiority of Russian forces but was also facilitated by the active involvement of Kazakh informants, who provided crucial intelligence on the political and military situation in the Khoqand Khanate. *Materials.* This study is based on archival documents from the Russian State Military-Historical Archive, the Central State Archive of the Republic of Kazakhstan, and the State Archive of the Orenburg Region. *Analysis.* The article examines the role of Kazakh informants in ensuring the success of the Ak-Mechet Expedition. Based on archival materials, including correspondence between Russian military officials and reports on events in Central Asia, the study analyzes how Kazakh informants gathered information on the strength of the fortress garrison, the condition of its fortifications, and the internal political climate within the Khoqand Khanate. Special attention is given to the organization of information gathering by the Orenburg administration and the role of the Kazakh tribal elite in supplying intelligence. *Results.* The findings indicate that the success of the Ak-Mechet Expedition was largely dependent on the intelligence provided by Kazakh informants. Their contributions enabled Russian forces to plan and execute the military campaign with minimal losses. Kazakh informants not only contributed to the expedition's strategic planning but also actively engaged in disinformation efforts, significantly weakening the fortress's defenses. Collaboration between Russian authorities and Kazakh elites was one of the key factors in the expedition's success, underscoring the importance of local alliances in military campaigns. This case study offers a deeper understanding of the mechanisms of Russian expansion in Central Asia, moving beyond traditional narratives of military superiority to highlight the role of local actors in shaping imperial strategies.

Key words: Ak-Mechet Expedition, Kazakh informants, Russian Empire, Khoqand Khanate, Central Asia, local collaboration.

Citation. Tokbolat S.T. Kazakh Informants in the Ak-Mechet Expedition in 1853. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 4. Istoriya. Regionovedenie. Mezhdunarodnye otnosheniya* [Science Journal of Volgograd State University. History. Area Studies. International Relations], 2026, vol. 31, no. 3, pp. 58-73. (in Russian). DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2026.3.6>

КАЗАХСКИЕ ИНФОРМАТОРЫ В АК-МЕЧЕТСКОЙ ЭКСПЕДИЦИИ 1853 ГОДА

Сейилхан Токболатулы Токболат

Таразский университет им. М.Х. Дулати, г. Тараз, Казахстан

Аннотация. *Введение.* Ак-Мечетская экспедиция 1853 г. стала важным этапом в продвижении Российской империи в Средней Азии, направленным на укрепление ее позиций в регионе и ослабление влияния Кокандского ханства. Крепость Ак-Мечеть, являвшаяся ключевым опорным пунктом кокандцев в низовьях Сырдарьи, имела стратегическое значение для контроля над казахскими степями и торговыми путями. Успех экспедиции был обусловлен не только военным превосходством русских войск, но и активным участием казахских информаторов, которые предоставляли сведения о политической и военной обстановке в Кокандском ханстве. *Материалы.* Исследование основано на архивных документах из Российского государственного военно-исторического архива (РГВИА), Центрального государственного архива Республики Казахстан (ЦГА РК) и Государственного архива Оренбургской области (ГАОО). *Анализ.* В статье рассматривается роль казахских информаторов в обеспечении успешного проведения Ак-Мечетской экспедиции. На основе архивных материалов, включая переписку русских военных чиновников и отчеты о событиях в Средней Азии, анализируется, каким образом казахские лазутчики собирали сведения о численности гарнизона Ак-Мечети, состоянии ее укреплений и внутривнутриполитической ситуации в Кокандском ханстве. Особое внимание уделяется систематизации деятельности сбора информации, организованной Оренбургской администрацией, и роли казахских родовых элит в предоставлении сведений. *Результаты.* Результаты исследования показывают, что успех Ак-Мечетской экспедиции во многом зависел от сведений, предоставленных казахскими информаторами. Их вклад позволил русским войскам спланировать и провести военную экспедицию с минимальными потерями. Казахские информаторы не только способствовали успешному планированию экспедиции, но и активно участвовали в дезинформации противника, что значительно ослабило оборону крепости. Сотрудничество между русскими властями и казахскими элитами стало одним из основных факторов успеха экспедиции, демонстрируя важность местных союзов в военных походах. Данный пример предлагает более глубокое понимание механизмов русских завоеваний в Средней Азии, выходя за рамки традиционных нарративов о военном превосходстве и подчеркивая роль местных акторов в формировании имперских стратегий.

Ключевые слова: Ак-Мечетская экспедиция, казахские информаторы, Российская империя, Кокандское ханство, Средняя Азия, местное сотрудничество.

Цитирование. Токболат С. Т. Казахские информаторы в Ак-Мечетской экспедиции 1853 года // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 4, История. Регионоведение. Международные отношения. – 2026. – Т. 31, № 3. – С. 58–73. – DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2026.3.6>

Введение. Военная экспедиция 1853 г., направленная на захват кокандской крепости Ак-Мечеть, стала важным этапом в процессе расширения влияния Российской империи в Средней Азии. Будучи северным форпостом Кокандского ханства, Ак-Мечеть играла значимую роль в контроле над казахской степью и служила плацдармом для распространения кокандского влияния на казахские кочевья. Как отмечал позже кокандский хронист мулла Нияз-Мухаммад Коканди, оплакивая падение крепости, что Ак-Мечеть была не просто укрепленным пунктом, но «воротами ко всем мусульманским землям» и «центром Дашти-и-Кипчака» [2, р. 120]. Действительно, ее зах-

ват не только укрепил позиции России в низовьях Сырдарьи, но и создал предпосылки для дальнейшего продвижения в южном направлении.

При изучении завоеваний Российской империей Среднеазиатских земель бросается в глаза относительная легкость, с которой русские войска захватывали степные укрепления, не неся при этом значительных потерь. Даже российские авторы, являвшиеся очевидцами этих событий, отмечали в своих трудах, что армии ханств, уступавшие в военном отношении, не могли оказать серьезного сопротивления [13, р. 7]. Российские военные писатели часто подчеркивали примитивность во-

оружения противников, объясняя этим их неспособность к эффективной обороне. В этом контексте показательным свидетельством Николая Гавриловича Залесова, офицера и участника дипломатической миссии в Хиву и Бухару в 1858 г., который указывал на архаичность вооружения хивинских войск, состоявшего из устаревших сабель, копий и фитильных ружей, способных производить не более трех выстрелов в сутки [36, р. 493].

Другие российские авторы также обращали внимание на отсутствие у среднеазиатских ханств регулярных профессиональных армий. Их военные формирования в основном представляли собой временные ополчения, собранные лишь на период военных действий. Эти отряды были не только плохо вооружены, но и не имели достаточной дисциплины и подготовки для ведения длительных и организованных боевых действий [35, р. 275].

На первый взгляд может показаться, что военное превосходство России объяснялось исключительно ее техническими и организационными преимуществами. Действительно, ряд исследователей связывает успехи Российской империи с так называемой «военной революцией» – концепцией, получившей широкое распространение в западной историографии. Согласно этой теории, завоевания европейских держав в XVII–XVIII вв. стали возможны благодаря военным новшествам, развитию огнестрельного оружия, реорганизации армий и модернизации фортификаций. Джеффри Паркер в своих работах проводит параллели между Россией и западноевропейскими государствами, отмечая, что Россия также пережила значительные военные преобразования под влиянием Западной Европы [25, с. 38]. Позднее схожую точку зрения выдвинул Майкл К. Пол, который утверждал, что, хотя Россия действительно испытала влияние «военной революции», эти изменения происходили медленнее и в меньших масштабах из-за внутренних социально-политических потрясений и специфики ее противников. Тем не менее влияние военных реформ позволило России не только избежать колониального подчинения, но и значительно расширить свои территории, что способствовало превращению ее в одну из крупнейших мировых империй [26].

Даже современные российские исследователи, такие как А.А. Михайлов [19], Е.А. Глущенко [14], В.В. Марюткин [17] и Р.Н. Рахимов [29], зачастую сосредотачиваются на описании военных сражений, представляя их как череду побед русских войск, которые якобы без особых усилий захватывали крепости. Однако объяснение успехов Российской империи исключительно военным превосходством представляется методологически ограниченным. Европейские исследователи Уильям Р. Томпсон [33] и Джереми Шарман [30] подвергали критике подход, сосредоточенный лишь на технологическом преимуществе. У.Р. Томпсон отмечал, что победы европейских держав в колониальных войнах часто зависели не только от вооружения, но и от альянса с местным населением.

Если в борьбе с казахскими повстанческими отрядами российские власти уже имели определенный опыт их усмирения, то противостояние с более централизованными и организованными среднеазиатскими ханствами, такими как Кокандское и Хивинское, ставило перед Российской империей качественно новые вызовы. К середине XIX в. у российского командования отсутствовало четкое понимание мобилизационного потенциала среднеазиатских государств, их способности к организации обороны крепостей и сопротивления хорошо вооруженным российским войскам. Именно поэтому Ак-Мечетская экспедиция, ставшая первой основательной военной экспедицией Российской империи против кокандского укрепления, опиралась не только на превосходство в вооружении и численности, но и на тщательный сбор разведывательных данных о противнике, его военных возможностях и внутрисполитической ситуации в среднеазиатских ханствах.

В данном контексте успех экспедиции во многом зависел от способности российского командования эффективно использовать разведывательные сведения, поступавшие от лояльных к русскому правительству казахских родовых элит. Будучи интегрированными в систему управления степью, эти элиты не только способствовали обеспечению логистики, но и предоставляли ценную информацию о противнике, географических особенностях региона, а также о военно-политической об-

становке в среднеазиатских ханствах. Как отмечает Г.С. Султангалиева, в казахстанской и российской историографии до сих пор не ставилась проблема колониального характера знания, культивируемого Санкт-Петербургом, как и роли этого знания в практических действиях местных и центральных властей [31, р. 71].

Но тем не менее в последние годы исследователи все чаще обращают внимание на значение местных знаний и ресурсов в процессе освоения новых территорий. Так, Иэн Кэмпбелл, анализируя ранние этапы включения степных территорий в состав Российской империи, подчеркивает, что администрация зачастую действовала в условиях ограниченных знаний и вынуждена была активно привлекать местных посредников [3, р. 5]. Особое значение в этом контексте приобретает исследование Александра Моррисона, посвященное Хивинскому походу 1839 года. Моррисон демонстрирует, что успех российской экспедиции во многом зависел от содействия казахов, которые не только обеспечивали войска выючными животными, но и выступали проводниками, ориентируясь в обширной степи. Без содействия казахов выступление Хивинской экспедиции из Оренбурга было бы невозможно [21].

Исходя из этого, Ак-Мечетская экспедиция, как и другие российские военные экспедиции в Средней Азии, требует более многогранного анализа. Несмотря на бесспорные военные успехи России, они стали возможны благодаря целому комплексу факторов, включая эффективную логистику и взаимодействие с местным населением, обладавшим глубокими знаниями о среднеазиатской степи. Осознание этих аспектов позволяет более полно понять механизмы завоевания Российской империи в XIX веке.

Казахи сыграли важную роль в подготовке и проведении Ак-Мечетской экспедиции, предоставляя российскому начальству важные знания о степи и военно-политической ситуации в Кокандском ханстве. Российское военное начальство было в зависимости от знаний коренного населения, что выражалось в тщательном анализе и использовании сведений, предоставленных казахами для выбора оптимального времени и плана военной эк-

спедиции. В связи с этим Ак-Мечетский поход представляет собой яркий пример тесного взаимодействия между имперской властью и местным населением. Поэтому анализ роли казахских информаторов в данном военном походе не только углубляет понимание российского продвижения, но и позволяет переосмыслить традиционные нарративы о завоевании Туркестанского края.

Данная статья не ставит целью детально описывать или анализировать ход военных действий и сражений. Основное внимание сосредоточено на изучении предпосылок взятия Ак-Мечети и роли казахских информаторов в планировании экспедиции российской администрацией. Хотя вопросы логистической поддержки со стороны казахов имели огромное значение, они остаются за рамками данного исследования. Особый акцент сделан на том, как информация, предоставленная казахскими лазутчиками, влияла на военно-политические решения русского командования до и во время военного похода. Важно провести анализ взаимоотношений между имперской администрацией и казахскими элитами, а также определить степень влияния казахских информаторов на успех Ак-Мечетской экспедиции. Основное внимание уделяется механизмам взаимодействия, которые позволили российской стороне эффективно использовать местные знания и сети для достижения своих военно-стратегических целей.

Материалы и методы. Основу работы составили документы из Российского государственного военно-исторического архива (РГВИА), в частности фонды 1441, 1449, 483 и 67. Эти материалы содержат переписку между государственными деятелями и военными чиновниками, что позволило получить детальную информацию о военной экспедиции, включая передвижение войск, стратегические решения и геополитические мотивы, лежавшие в ее основе.

Кроме того, были изучены материалы Центрального государственного архива Республики Казахстан (ЦГА РК) и Государственного архива Оренбургской области (ГАОО). Эти документы раскрывают локальные аспекты российских военных действий, в частности роль казахских информаторов в сборе разведанных. Основное внимание уделено пе-

реписке и отчетам, которыми обменивались российские военные и административные лица. Эти источники помогают глубже понять принимаемые решения, оперативные трудности и механизмы взаимодействия с местным населением. Особую ценность представляют материалы, связанные со слухами и сведениями из среднеазиатских стран, которые дополняют общую картину событий.

Теоретическая основа исследования опирается на критический подход Уильяма Р. Томпсона к концепции военного превосходства (military superiority). Этот подход позволяет пересмотреть традиционный акцент на технологическом и организационном превосходстве, уделяя больше внимания роли местных союзов и их вкладу в успех военных действий.

Анализ. Южный степной фронт в второй четверти XIX в. превратился в важнейший элемент внешнеполитической стратегии Российской империи в Средней Азии. Этот регион приобрел особую значимость в связи с активизацией среднеазиатских ханств, прежде всего Хивинского и Кокандского, а также в силу необходимости укрепления российского влияния на новых рубежах. Одним из важнейших шагов в этом направлении стало основание в 1847 г. Раимского укрепления в устье Сырдарьи. Данное мероприятие не только расширило рубежи империи до среднеазиатских владений, но и создало плацдарм для дальнейшего продвижения вглубь региона. Однако такое соседство неизбежно привело к обострению противоречий между Российской империей и среднеазиатскими ханствами, а также к конфликтам среди местного населения, разделенного между российским подданством и властью хивинских и кокандских правителей [34, р. 34].

К началу 1850-х гг. ситуация на приаралье еще более обострилась. Кокандские гарнизоны, размещенные в крепости Ак-Мечеть, активизировали набеги на казахские аулы, признавшие покровительство России [22, р. 49]. Эти нападения не только подрывали безопасность прифронтовых районов, но и создавали серьезные административные и военные трудности для российской власти, требуя решительных мер для защиты населения и утверждения российского контроля. Однако ситуация осложнялась тем, что как Хива, так и

Коканд категорически отказывались признавать расширение российского присутствия в регионе, рассматривая его как прямое посягательство на свои сферы влияния. Таким образом, борьба за контроль над казахскими кочевьями становилась все острее.

Возвращение Василия Алексеевича Перовского на пост генерал-губернатора Оренбурга в 1851 г. знаменовало собой смену вектора российской политики в степи. Подвергнув критике стратегию своего предшественника Владимира Афанасьевича Обручева, который делал ставку на систему укрепленных линий для подавления казахских восстаний и поддержания контроля над казахской степью, В.А. Перовский указал на ее недостаточную эффективность [32, р. 209]. По мнению главы Оренбургского края, статичные фортификационные сооружения не могли в полной мере предотвратить набеги и гарантировать безопасность казахских кочевий, находившихся под российским покровительством. В качестве альтернативы он предложил использовать мобильные военные подразделения, способные оперативно реагировать на угрозы и обеспечивать контроль над степными пространствами [20, р. 209].

В начале 1852 г. В.А. Перовский пересмотрел свою стратегию, сосредоточив основные усилия на военной экспедиции против кокандских укреплений вдоль Сырдарьи, центральным из которых являлась крепость Ак-Мечеть [16, р. 155]. Это решение было обусловлено сведениями о нарастающей внутренней нестабильности в Кокандском ханстве, где политические противоречия подрывали центральную власть. Одним из первых подтверждений нестабильности стал доклад старшего султана Акмолинского округа, майора Арслана Худаймендина, 20 марта 1852 г. Западно-Сибирскому начальству. В своем донесении А. Худаймендин сообщал о массовых беспорядках в Кокандском ханстве, вызванных казнью девяти видных ходжей, которые обсуждали ослабление власти кипчакской элиты в столице ханства. Это событие спровоцировало конфликт между кокандскими кипчаками и политическими группировками, поддерживавшими Ташкент [10, л. 1-4]. Данная информация оперативно дошла до оренбургской администрации и сыграла решающую роль в

принятии решения о подготовке военной экспедиции на Ак-Мечеть.

Осознавая благоприятные обстоятельства, В.А. Перовский инициировал серию рекогносцировочных операций для изучения оборонительных сооружений Ак-Мечети и определения наиболее удобных маршрутов для возможного наступления. В связи с этим 18 апреля 1852 г. из Аральского укрепления был направлен рекогносцировочный отряд из 80 человек под командованием офицера корпуса топографов, прапорщика Голова. Основной задачей экспедиции являлось обследование правого берега Сырдарьи вверх по течению вплоть до Ак-Мечети. Однако, достигнув урочища Кызыл-Джангл, расположенного в 35 верстах от Ак-Мечети, отряд столкнулся с сопротивлением кокандского гарнизона. Начальник укрепления Ак-Мечеть уведомил Голова о намерении применить силу в случае дальнейшего продвижения русских войск. Учитывая удаленность отрядов от Аральского укрепления, а также следуя строгому предписанию В.А. Перовского избегать боестолкновений, прапорщик Голова принял решение прекратить топографические действия и отступить. В результате миссия завершилась без выполнения поставленных задач [9, л. 16-17].

В то же время параллельно с рекогносцировкой В.А. Перовский активизировал сбор информации о внутривосточной ситуации в Кокандском ханстве, осознавая, что дестабилизация ханства могла способствовать успешному проведению наступательных действий. В итоге начальнику Оренбургской пограничной комиссии Михаилу Васильевичу Ладыженскому было поручено организовать тщательный сбор информации о «молве», распространявшейся в казахской степи относительно междоусобных конфликтов в Кокандском ханстве. В условиях отсутствия официальных дипломатических каналов основными источниками информации выступали торговые караваны, которые перемещались между Ташкентом и Оренбургом, а также сеть казахских агентов. Уже к 24 мая 1852 г. М.В. Ладыженский представил В.А. Перовскому подробное донесение, в котором сообщил о принятых мерах по организации разведывательной деятельности в Казахской степи. В частности, он поручил султанам-правителям сред-

них и восточных частей оренбургских казахов направить «благонадежных ордынцев» в качестве лазутчиков с целью сбора сведений о политической обстановке в Кокандском ханстве. Согласно полученной информации, основной причиной дестабилизации ханства стали репрессии против нескольких видных туркестанских ходжей, включая муфтия, которые были казнены по приказу Мусульманкула (главой кокандского войска и фактическим правителем ханства при молодом Худояр-хане) за попытку перейти под покровительство Бухары. Эти события спровоцировали обострение конфликта между кокандской и ташкентской элитами, в результате чего к моменту составления донесения войска Мусульманкула уже осадили Ташкент [24, л. 4-5 г.].

Информация о внутреннем кризисе в Кокандском ханстве и усилении конфликтов между кипчакской знатью играла ключевую роль для Оренбургской администрации при подготовке к военному походу. В.А. Перовский понимал, что обострение междоусобной борьбы среди правящих элит отвлекает внимание ханства и создает выгодные условия для реализации российских планов. В этой связи он без промедления инициировал организацию новой военной экспедиции. Уже в мае 1852 г., менее чем через месяц после первой рекогносцировочной экспедиции, В.А. Перовский распорядился направить к Ак-Мечети новый экспедиционный отряд под командованием корпусного обер-квартирмейстера, полковника Ивана Федоровича Бларамберга. Главной задачей миссии являлось детальное изучение маршрута от Аральского укрепления до кокандской крепости, а также подготовка к возможной осаде. В случае успешного продвижения Бларамбергу предписывалось уничтожить крепость, поскольку ее существование препятствовало реализации проекта Петербурга по соединению Сибирской линии с укреплениями на Сырдарье [9, л. 17-18 г.].

Однако данный план не был реализован в полной мере. Несмотря на тщательную подготовку, экспедиция столкнулась с нехваткой осадного оборудования, что значительно ограничило ее штурмовые возможности. Попытка взять Ак-Мечеть завершилась неудачей, русские войска понесли потери и были вынуждены отступить. Тем не менее, даже несмотр-

ря на провал осады главной крепости, Бларамбергу удалось разрушить ряд мелких кокандских укреплений и составить карту маршрута [32, с. 216].

После неудачи Бларамберга генерал-губернатор В.А. Перовский начинает подготовку к новой, но более масштабной военной экспедиции. Подчеркивая стратегическое значение Ак-Мечети как важного опорного пункта для закрепления российского контроля над Сырдарьей и дальнейшей интеграции казахской степи в состав империи, в письме военному министру, направленном в августе 1852 г., В.А. Перовский сформулировал две взаимодополняющие цели, обосновывавшие необходимость нового военного похода. Во-первых, он предлагал определить наиболее благоприятные территории вдоль нижнего течения Сырдарьи, пригодные для русского заселения. Во-вторых, выдвигал идею развития торговых отношений с Кокандским ханством, опираясь на экономический потенциал региона. В своем обосновании он ссылался на наличие в этих землях природных ресурсов, в частности лесных массивов, подходящих для строительства и судостроения, а также плодородных пастбищ, способствующих развитию животноводства [9, л. 32-33]. Однако представленные экономические аргументы носили, по сути, инструментальный характер, призванный убедить императорский двор в необходимости следующего военного наступления на Ак-Мечеть.

Несмотря на обоснованность доводов В.А. Перовского, император Николай I проявил осторожность и не торопился санкционировать новый военный поход. В официальном ответе подчеркивалась необходимость тщательной подготовки: «приступить к новой экспедиции, не обеспечив предварительно способов, которые доставили нам несомненную возможность успеха» [9, л. 38]. Однако В.А. Перовский продолжал настойчиво продвигать свою инициативу, рассматривая политическую нестабильность в Кокандском ханстве как уникальное окно возможностей для расширения российского влияния. В письме от 25 сентября 1852 г., адресованном товарищу министра иностранных дел, он вновь изложил стратегические и экономические обоснования экспедиции, подчеркивая, что внутренние конфликты в Кокан-

де открывают перспективу установления контроля над Сырдарьей и ослабления кокандского влияния на казахские родоплеменные группы [4, л. 77-78].

К осени 1852 г. сведения, поступившие от купцов, прибывших с караваном из Ташкента, указывали на прекращение военных действий между ташкентцами и кокандцами, однако сохранялась высокая вероятность возобновления конфликта [11, л. 13].

В свете этой информации в январе 1853 г. В.А. Перовский представил военному министру новое прошение о проведении военной экспедиции. В своем проекте он аргументировал необходимость похода устранением набегов со стороны кокандских и хивинских укреплений и стабилизацией положения среди оренбургских казахов. Он подчеркивал, что военная экспедиция будет способствовать развитию скотоводства, улучшению благосостояния местного населения и увеличению государственных доходов через сбор податей. Кроме того, генерал-губернатор акцентировал внимание на экономическом потенциале Сырдарьи, отмечая, что контроль над этим регионом откроет новые возможности для торговли с ханствами Средней Азии [23, л. 3]. Вероятно, эти доводы, а также ослабленное положение Кокандского ханства оказались достаточно убедительными, и император дал согласие на проведение военной экспедиции, но с важной оговоркой: «брать неприятельское укрепление только с достаточной уверенностью, что и сил, и способов на то предполагаемых достаточно» [27, л. 1].

После получения высочайшего одобрения перед В.А. Перовским встала задача сбора актуальных сведений о положении в Кокандском ханстве. Для успешного проведения военного похода Оренбургская администрация придавала первостепенное значение изучению системы кокандских укреплений вдоль Сырдарьи, а также оценки внутренней военно-политической ситуации в ханстве. В отчете военному министру от 7 марта 1853 г. В.А. Перовский доносил, что конкретный план военной экспедиции будет сформирован на основе сведений, собранных в ходе подготовки. Он признавал: «Я еще не составил себе никакого положительного плана действий. Однако направление делу дадут те местные сведения,

кои будут собраны в Аральске к моему туда прибытию. Сведения эти, по всей вероятности, изменят во многом все, что не было бы предначертано заранее и вдалеке от мест, где должен действовать экспедиционный отряд» [27, л. 4].

Зависимость Оренбургской администрации от местных источников информации была очевидна, поскольку казахские лазутчики могли проникать в стан противника. В связи с этим значительную роль в организации разведывательной деятельности играли казахские султаны-правители и влиятельные родоправители, делегировавшие доверенных лиц для сбора сведений и слухов. Эти агенты осуществляли наблюдение не только в пограничных районах, но и в глубинных территориях Кокандского ханства и других соседних ханств. Как отмечает Г. Султангалиева, администрация Оренбурга стремилась наладить контакты среди представителей местного населения — от казахской знати до рядовых кочевников — с целью привлечения лояльных к имперской власти лиц к выполнению разведывательных поручений. Особенно значимой была деятельность этих неформальных агентов в периоды политической нестабильности, когда они могли передавать сведения из лагеря противников Российской империи [31, р. 85].

В преддверии военной экспедиции против Ак-Мечети первичные разведывательные сведения, собранные казахскими лазутчиками вблизи мест их кочевий, передавались начальникам Уральского и Аральского укреплений, а затем поступали в Оренбургскую пограничную комиссию, выполнявшую роль посредника между казахской знатью и имперской администрацией. Однако к началу 1853 г. этот процесс оставался неструктурированным, а поступающие данные зачастую не соответствовали оперативным потребностям оренбургских властей. В связи с этим Пограничная комиссия инициировала разработку систематизированного подхода к сбору информации. В рамках оптимизации разведывательной деятельности была подготовлена специальная программа, включавшая тринадцать детально сформулированных вопросов, по которым лазутчики должны были ориентироваться при выполнении заданий. Основное внимание уделялось числен-

ности кокандского гарнизона в Ак-Мечети, состоянию ее укреплений, а также общей военно-политической ситуации в Кокандском ханстве [6, л. 14-17].

В соответствии с новой программой 12 марта 1853 г. начальник Оренбургской пограничной комиссии Михаил Ладыженский направил секретное предписание начальнику 53-й киргизской дистанции есаулу султану Сулейману Джигангерову: «Избрав из подведомственных Вам ордынцев самого ловкого, смышленного и известного своей преданностью киргиза [казаха], послать его к кочующим по направлению Сыра и при Ак-Мечети ордынцам под благовидным предлогом для разведывания о положении дел на Сыре и в Коканде, сообразно прилагаемой к сей программе. Содержание ее Вы обязываетесь толковать посланцу как можно понятнее, не давая, впрочем, ему в руки никакой письменной инструкции. Генерал-губернатор, весьма интересующийся кокандскими делами и положением их на Сыр-Дарье, особенно в Ак-Мечети, щедро вознаграждает за доставку ценных сведений. Без всякого сомнения, не останется без награды и посланный Вами человек, если поручение будет выполнено успешно. Вы должны снабдить его всем необходимым для поездки и немедленно доложить мне о результатах с пометкой “по секрету, в собственные руки”» [10, л. 209-210].

К этому времени некоторые казахские султаны уже начали направлять своих лазутчиков в соответствии с новой программой сбора сведений. Так, в письме от 31 марта 1853 г. султан-правитель Восточной части орды Мухаммед Джантурин сообщал начальнику пограничной комиссии: «Я отобрал опытного и надежного киргиза [казаха] для сбора сведений о кокандских войсках и общей ситуации в окрестностях Сырдарьи и Ак-Мечети. По его возвращении я представлю детальный отчет» [10, л. 255].

Но одним из наиболее активных участников разведывательной деятельности в пользу российской администрации был глава чумекеевского рода, султан Илекей Касымов. Его влияние среди казахов, кочевавших вдоль Сырдарьи, было столь велико, что он играл важную роль в формировании их лояльности к Российской империи. Отличаясь исключи-

тельной исполнительностью, он регулярно снабжал Оренбургскую администрацию детализированными отчетами о положении в степи и Кокандском ханстве. В частности, 8 января 1853 г. султан Илекей направил в Пограничную комиссию развернутый доклад о ситуации вокруг Ак-Мечети [10, л. 55-56]. В том же месяце лазутчик, отправленный им в крепость, доложил, что гарнизон насчитывает 1 500 вооруженных стрелков, а в хивинской крепости Ходжа-Нияз дислоцировано 200 человек, при этом в ближайшее время ожидалось прибытие еще 500 стрелков по приказу хивинского хана [10, л. 21-21 г.].

Несмотря на регулярные разведывательные отчеты, поступавшие от казахских лазутчиков, оренбургская администрация столкнулась с серьезной проблемой, что высокая степень зависимости от этих данных сопровождалась их значительной неоднородностью. Большая часть информации либо повторяла уже известные сведения, либо содержала явные противоречия. Отдельные разведывательные сводки, поступавшие от различных источников, существенно различались по деталям и оценке военной обстановки, что затрудняло формирование четкой картины ситуации [8, л. 23].

Поэтому, по мере приближения момента начала военной экспедиции, встала острая необходимость в получении точных и проверенных сведений о ситуации в среднеазиатских ханствах, особенно в Кокандском. Важным вопросом стало понимание того, удалось ли восстановить стабильность в ханстве или же внутренний раскол продолжал угрожать его целостности. Однако неэффективность существовавших методов сбора информации, основанных на противоречивых и зачастую недостоверных данных, выявила необходимость кардинального пересмотра подходов к организации разведывательной деятельности. Осознавая эту проблему, В.А. Перовский пришел к выводу о необходимости систематизации и верификации разведывательной информации. Он предложил назначить специального чиновника, который бы отвечал за отбор достоверных сведений и предотвращение распространения непроверенных слухов. После тщательного поиска кандидатуры выбор пал на чиновника Азиатского департамента Ми-

нистерства иностранных дел Иосифа Осмоловского [6, л. 4].

Выбор И. Осмоловского на столь ответственный пост отнюдь не был случайным. Его значительный опыт взаимодействия с казахскими родоплеменными элитами, глубокое знание их традиций и обычаев, а также владение восточными языками делали его идеальным кандидатом для выполнения этой задачи. В письме генерал-майора Ладыженского Оренбургскому генерал-губернатору от 31 марта 1853 г. особо подчеркивались профессиональные качества И. Осмоловского, включая его пятилетний опыт жизни среди кочевых сообществ, что позволило ему приобрести уникальные знания о местных нравах и обычаях [6, л. 4].

Вскоре, в марте 1853 г., И. Осмоловский выехал из Оренбурга в казахскую степь с задачей собрать актуальные сведения среди кочевых аулов и установить контакты с влиятельными представителями казахской элиты, в первую очередь с батырами младшего жуза Джанкожом Нурмухамедовым и Исетом Кутибаровым, а также с султаном Илекеем Касымовым [18, р. 543]. Последнему уделялось особое внимание в поручениях, данных И. Осмоловскому. Начальник Оренбургской пограничной комиссии, опираясь на предыдущие донесения Илекея и зная о его влиянии среди казахов, прямо указывал И. Осмоловскому: «Сближение с Илекеем и приобретение его уважения и благосклонности... облегчит для Вас предстоящий труд – собрание свежих и достоверных сведений» [6, л. 9]. Таким образом, установление доверительных отношений с султаном Илекеем рассматривалось как первостепенная задача.

Уже 13 апреля 1853 г. И. Осмоловский сообщил В.А. Перовскому о своем прибытии в Уральское укрепление, выбранное им в качестве опорного пункта для сбора сведений. Этот выбор был обусловлен близостью к кочевьям султана Илекея и удобством для координации дальнейших действий. Спустя неделю, 20 апреля, И. Осмоловский направил в Оренбург первый подробный отчет под заголовком «Записки киргизов о событиях в Хиве и Коканде». Этот отчет, основанный на информации, полученной от казахских лазутчиков, содержал оценку текущей политической и во-

енной обстановки в среднеазиатских ханствах. И. Осмоловский отмечал, что, несмотря на циркулировавшие слухи о возможном союзе Хивы и Коканда против России, достоверных подтверждений подготовки совместного военного выступления обнаружено не было. Вместе с тем он указывал на активные усилия кокандцев по укреплению своих позиций вдоль Сырдарьи, а также на их попытки заручиться поддержкой хивинцев в случае возможного продвижения российских войск [10, л. 289-294]. Эти сведения, хотя и не подтверждали непосредственной угрозы, требовали повышенного внимания со стороны оренбургской администрации.

Информация, переданная И. Осмоловским, заставила В.А. Перовского проявить особую бдительность. Осознавая потенциальную опасность союза Хивы и Коканда, он понимал, что такой альянс мог серьезно осложнить проведение запланированной военной экспедиции. В связи с этим в письме военному министру В.А. Перовский изложил возможные сценарии развития событий и предложил меры противодействия. В случае нападения хивинцев его план предусматривал переправу войск на правый берег Сырдарьи, захват хивинской крепости Ходжа-Нияз и последующее наступление на Ак-Мечеть. Император Николай I, одобряя меры предосторожности, отметил, что лучшим способом обеспечить безопасность экспедиции было бы формирование особого летучего отряда для наблюдения за хивинцами с наиболее вероятных направлений их появления. Однако относительно переправы войск через Сырдарью император выразил сомнения, считая эти действия крайне затруднительными [27, л. 7-8].

В.А. Перовский, опасаясь возможного союза Хивы и Коканда, столкнулся с множеством противоречивых разведывательных донесений, поступавших от казахских лазутчиков. Особую сложность вызывали сведения о ситуации в Ак-Мечети, которые зачастую противоречили друг другу, что затрудняло формирование окончательных выводов [27, л. 7]. Осознавая угрозу внезапного нападения, способного кардинально изменить ход экспедиции, В.А. Перовский предпринял ряд дипломатических шагов. В апреле 1853 г. он направил письмо хивинскому мехтеру Якубу Юсу-

фу, в котором заверял в мирных намерениях России, подчеркивая, что военный поход направлен исключительно против кокандских укреплений. Одновременно он предупредил, что любое вмешательство Хивы будет расценено как враждебный акт с соответствующими последствиями [10, л. 274]. Однако, понимая, что дипломатические меры не могут полностью исключить риск нападения, В.А. Перовский распорядился усилить разведывательные и оборонительные меры в степи.

В ответ на потенциальную угрозу со стороны хивинцев и поддерживаемых ими некоторых родов младшего жуза, 22 мая 1853 г. оренбургское командование поручило Управляющему Восточной частью Орды сформировать дополнительный казахский отряд численностью не менее 100 человек. В его состав следовало отобрать наиболее надежных, отважных и хорошо вооруженных казахов, способных действовать в условиях степи. Особое внимание уделялось подбору сметливых казахов в лазутчики, обладавших знанием местности и способностью быстро добывать достоверную информацию. Им предписывалось вести постоянное наблюдение за обстановкой, регулярно передавая сведения начальникам укреплений и транспортных команд, что обеспечивало бы оперативное реагирование на возможные угрозы [5, л. 17].

Несмотря на изначальную настороженность русского командования к сведениям, поступавшим от казахских лазутчиков, практика показала их полезность. В ходе экспедиции лазутчики регулярно сообщали о военной обстановке в кокандских крепостях, что позволяло русскому командованию оперативно корректировать свои планы. Так, 28 мая, когда отряд остановился на ночлег у устья реки Талдык по Иргизу, поступило донесение от лазутчика Бишбая, направленного султаном Илекеем в Ак-Мечеть. Он сообщил, что гарнизон крепости насчитывает 300 мергенов (стрелков), ожидается прибытие еще 700 человек, а в крепости имеются две крупные пушки и три малых орудия типа «китайча», перевозимые на двухколесных телегах [8, л. 4 г.]. Данные о численности защитников и вооружении укрепления впоследствии подтвердились тем, что после взятия Ак-Мечети стало очевидно, что крепость защищали около

300 кокандских стрелков, а также в наличии было 2 единорога и 3 фальконета [18, р. 556].

Особого внимания заслуживает деятельность казахских лазутчиков, которые не только проникали в стан противника, но и активно распространяли дезинформацию. Как выяснилось позже, малочисленность защитников Ак-Мечетского гарнизона была напрямую связана с действиями этих информаторов. За два месяца до наступления русских войск кокандцы, вероятно, получили от своих информаторов сведения о подготовке экспедиции, так как русские уже спустили пароход на воду в Аральском укреплении. Ожидая скорого наступления, командование Ак-Мечети отправило срочное послание в Ташкент с просьбой о подкреплении. В ответ в крепость прибыл дополнительный отряд из 70 стрелков [8, л. 37]. Однако Оренбургская администрация, используя своих лазутчиков, продолжала распространять ложные сведения, чтобы ввести противника в заблуждение. Особенно активно в этом участвовали агенты султана Илекея, которые поддерживали контакт с наместником Ак-Мечети. Во время одного из таких визитов лазутчик сообщил наместнику, что султан Илекей отказался предоставлять русским верблюдов для транспортировки. На вопрос о планах российской армии лазутчик ответил, что из-за нехватки транспорта наступление, скорее всего, не состоится. За это донесение лазутчик получил в награду халат, а наместник отправил гонца в Коканд с сообщением, что русские, вероятно, в этом году не начнут наступление [8, л. 19]. В результате большая часть кокандского гарнизона покинула крепость, оставив в ней около 300 стрелков. Из четырех казахских юзбашей, находившихся в крепости, трое – Бекбау, Кулбай и Канлыбай – ушли в свои кочевья, оставив оборону Ак-Мечети под командованием единственного оставшегося командира, каракалпака Лефеса [15, р. 310]. Таким образом, благодаря умелым действиям лазутчиков, русское командование смогло значительно ослабить оборону противника еще до начала активных боевых действий.

Помимо дезинформации лазутчики также сообщали о настроениях сырдарьинских казахов в отношении продвижения русских войск к Ак-Мечети. Эти сведения были край-

не важны для русских, так как позволяли оценить, как местное население воспринимает российское продвижение. Один из лазутчиков отметил в своем сообщении, что большинство казахов желают взятия Ак-Мечети и свержения кокандской власти, что обеспечило бы им защиту от притеснений со стороны Коканда. Некоторые даже выражали готовность зимовать в этом районе, особенно сырдарьинские казахи Джаппаского рода. Лазутчик сообщил, что казахи уже не могут скрывать своей поддержки русских, так как всем известно об их содействии и оказании услуг русскому начальству при передвижении отрядов [10, л. 409].

Однако, несмотря на активное содействие казахской родовой знати в подготовке и проведении военной экспедиции, далеко не все казахи демонстрировали лояльность по отношению к российской администрации. Некоторые представители степной элиты открыто противостояли военному походу, что показывало сложность и неоднозначность политической ситуации в казахской степи. Особенно выделялся своей антироссийской позицией влиятельный батыр Исет Кутебаров из рода Шекты. Несмотря на официальные распоряжения российских властей, требовавших оказать содействие в предоставлении верблюдов для транспортировки военных грузов в степные укрепления, Исет предпочел удалиться вглубь степи вместе со своим аулом, избегая прямого сотрудничества с экспедиционным отрядом [15, р. 301].

Тем не менее поток разведывательных сведений от казахских лазутчиков не прекращался даже в ходе самой экспедиции. С момента выхода военного контингента из Оренбурга В.А. Перовский регулярно получал отчеты от И. Осмоловского и казахских родовых правителей, которые освещали нарастающий политический кризис в Кокандском ханстве. Ценные сведения о ходе экспедиции на Ак-Мечеть сохранились в путевом дневнике Искандера Батыршина, переводчика Оренбургской Пограничной Комиссии, сопровождавшего русский отряд. Его записи представляют собой уникальный источник, в котором тщательно зафиксированы события похода, включая встречи В.А. Перовского с представителями местных элит. И. Батыршин отмечал, что казахские правители и старейшины

встречали В.А. Перовского в степных укреплениях в ходе похода, предоставляя ему отчеты о выполненных поручениях и собранную информацию. За содействие в предоставлении транспортных животных и сборе информации Оренбургская администрация стремилась укрепить отношения с лояльными казахскими лидерами, вознаграждая их деньгами и ценными подарками [15, р. 301].

По мере поступления информации становилось очевидным, что власть в ханстве была серьезно дестабилизирована, а его руководство, погруженное в междоусобные конфликты, не способно организовать эффективное сопротивление российскому наступлению. В частности, в июле 1853 г., уже во время осады Ак-Мечети, стали поступать сведения о новом витке борьбы за власть между Худояр-ханом и его старшим братом Маллабеком, наместником Ташкента. В своем донесении в Министерство иностранных дел, написанном под стенами Ак-Мечети, В.А. Перовский подробно описал внутривосточную ситуацию в Коканде: «Что касается положения дел в Кокандских владениях, то, по полученным в последнее время известиям, оно самое для нас выгодное. Сказывают, что правитель Ташкентской области Меллибек, родной и даже старший брат хана Кокандского Худояра, только от другой матери, задумал сделаться независимым, и вследствие того жители Ташкента разделились на две стороны: одна остается верной хану, а другая держит руку правителя» [8, I. 26 г. – 27]. Эти сведения были получены от казахов, сопровождавших экспедиционный отряд, которые расспросили каракалпака по имени Баймен Иляманов, проживавшего в окрестностях Бирказана (приток Сырдарьи близ Ак-Мечети). Б. Иляманов, недавно вернувшийся из Туркестана, где он находился по торговым делам, предоставил информацию о внутривосточной ситуации в Кокандском ханстве [8, I. 30]. Эти разгорающиеся внутренние распри окончательно убедили В.А. Перовского в том, что осажденная крепость не получит значительных подкреплений из Коканда, поскольку правящая верхушка ханства была полностью поглощена борьбой за власть.

К июлю 1853 г. российские войска, насчитывавшие 2 252 пехотинца, 97 офицеров и 200 казахов под командованием султана Иле-

кея, подошли к стенам Ак-Мечети [16, р. 218]. Гражданская война в Кокандском ханстве позволила русскому командованию выработать осторожную и методичную стратегию осады, которая продлилась 26 дней (самой продолжительной осадой крепости в сравнении с другими в Средней Азии). Однако, несмотря на нестабильность ханства, российские войска столкнулись с рядом дополнительных вызовов. 16 и 19 июля 1853 г. в лагерь В.А. Перовского под Ак-Мечетью прибыли казахские лазутчики, направленные ранее султаном Илекеем Касымовым в Туркестан. Они доставили сведения о том, что ташкентский наместник Маллабек сумел собрать небольшой отряд с целью направить подкрепление осажденному гарнизону крепости. Согласно их донесениям, из Ташкента выступил отряд численностью около 60 человек во главе с Мырза Даулетом. Достигнув Туркестана, командир отряда обратился к местным казахским старшинам с просьбой о военной поддержке. Казахские родовые лидеры, заявив, что не имеют оружия и не могут воевать против «сильных» русских войск, отказали в помощи и перекочевали в предгорья Каратау. Несмотря на это, в Туркестане ему удалось мобилизовать отряд численностью до 200 человек, который выступил в направлении Ак-Мечети. Однако на полпути к крепости Маллабек внезапно отозвал войска в связи с наступлением бухарской армии на Ура-Тюбе и две другие кокандские крепости, предпринятым по приглашению Худояр-хана [8, I. 34-36]. Эти события окончательно убедили русское командование в том, что Кокандское ханство, раздираемое внутренними конфликтами и внешними угрозами, не сможет оказать помощь защитникам Ак-Мечети.

Вероятно, сложившаяся ситуация в ханстве, усугубленная борьбой за власть между братьями и угрозой со стороны Бухары, вынудила ташкентского наместника сосредоточить усилия на защите Ташкента. Осознавая превосходство российских войск как в численности, так и вооружении, Маллабек предпочел сохранить свои силы для предстоящего противостояния с Худояр-ханом, полагая, что внутривосточная борьба представляет для него куда большую опасность, чем падение Ак-Мечети. Позднее кокандские хроники от-

мечали, что, несмотря на отчаянное положение гарнизона, ни сам Худояр-хан, ни ташкентский правитель, погруженные в междоусобные конфликты, не смогли организовать эффективную помощь осажденной крепости. Источники связывают поражение под Ак-Мечетью прежде всего с политическими интригами Маллабека, который, преследуя собственные интересы, пренебрег обороной Дашт-и-Кыпчака и его главного опорного пункта [1, р. 226].

Тем не менее В.А. Перовский с осторожностью относился к сведениям об отступлении кокандских войск, осознавая их возможную ненадежность. Чтобы нейтрализовать потенциальные угрозы, 21 июля 1853 г. он приказал летучему отряду под командованием генерал-майора Ивана Васильевича Падурова перехватить ожидаемые кокандские подкрепления и уничтожить ближайшую кокандскую крепость Джулек, расположенную в 150 верстах от Ак-Мечети. Не доходя нескольких верст до Джулека, командир отряда получил от казахского информатора сообщение о том, что гарнизон крепости, насчитывавший около 40 человек, узнав о приближении русских, поспешно бежали в сторону Туркестана, оставив имущество и даже оружие. В результате русский отряд без значительного сопротивления разрушил оборонительные сооружения крепости и 23 июля вернулся к Ак-Мечети, успешно выполнив поставленную задачу [12, л. 212 г. – 214 г.].

В итоге, 29 июля 1853 г., после успешного штурма Ак-Мечети, В.А. Перовский направил императору донесение о взятии крепости [28, л. 1]. Он оценивал численность гарнизона примерно в 400 человек, включая женщин и детей. После ожесточенного сопротивления в плен было взято лишь 74 кокандских стрелков, большинство из которых были тяжело ранены. Остальные защитники погибли под артиллерийским огнем, при обрушении укреплений или в рукопашной схватке во время прорыва русских войск. В том же отчете В.А. Перовский представил данные о российских потерях: 9 нижних чинов погибли, 46 офицеров и солдат получили ранения [11, л. 17-17 г.]. Несмотря на эти потери, военная экспедиция была признана успешной, обеспечив закрепление российского контроля над Ак-Мечетью.

В конечном итоге император, признавая значимость завоевания, издал указ о награждении всех участников экспедиции. В соответствии с этим распоряжением, офицерам и солдатам, принимавшим участие в походе, было выплачено годовое жалование сверх установленного оклада. Предложения генерал-губернатора В.А. Перовского о поощрении отличившихся были полностью одобрены Петербургом, а крепость Ак-Мечеть была переименована в форт Перовский. В общей сложности было вручено 117 наград, из них 36 офицеров получили ордена и золотые сабли, 67 были произведены в новые чины, а 14 удостоились денежных вознаграждений. Кроме того, нижним чинам, проявившим особую доблесть, было роздано 50 знаков отличия военного ордена, а также 12 аналогичных знаков, учрежденных специально для мусульман [16, р. 217].

Особое внимание было уделено казахам, чей вклад в успех экспедиции оказался значительным. Те, кто непосредственно участвовал в боевых действиях в составе русского отряда, а также лазутчики, предоставлявшие важные разведывательные сведения, были отмечены различными наградами. Согласно архивным документам, в декабре 1853 г. Оренбургский и Самарский генерал-губернатор распорядился о поощрении казахских участников похода. В частности, казахам, оказавшим содействие русским войскам, были пожалованы серебряные медали на Аннинской ленте «За усердие», серебряные рожки, а также значительные денежные выплаты. Среди награжденных числились представители различных казахских родов, включая бия Кузенева Искенина, который получил 50 рублей серебром и суконный кафтан за своевременно переданные разведывательные сведения о положении дел на Сырдарье. Подобные награды также были вручены старшинам, султанам и влиятельным биям, проявившим лояльность к русской администрации [7, л. 36].

Результаты. Статья объясняет, что успех военной экспедиции против Ак-Мечети в 1853 г. был бы невозможен без активного участия и поддержки казахской элиты, сыгравшей основную роль в сборе сведений о политической ситуации в Кокандском ханстве и обороноспособности крепости. Вся экспедиция строилась на непрерывном потоке сведе-

ний и слухов, поступавших через казахских лазутчиков, что позволяло российским властям принимать обоснованные решения на каждом этапе наступательных действий.

Как свидетельствуют источники, казахи стали основным, а зачастую и единственным источником информации для российской администрации. Так как, благодаря своей способности свободно перемещаться по степи и проникать на среднеазиатские владения, казахские информаторы могли собирать сведения, не вызывая подозрений. Даже данные, основанные на слухах, зачастую оказывались чрезвычайно ценными. Подробные сведения о военно-политической ситуации в Кокандском ханстве, численности гарнизона Ак-Мечети, его вооружении и состоянии укреплений, а также о действиях сред-

неазиатских ханств позволили российским войскам тщательно спланировать экспедицию, выбрать оптимальное время для наступления и подготовиться к осаде с учетом возможных трудностей. Это помогло минимизировать потери и в успешном взятии крепости.

Данное исследование свидетельствует о том, что в российских военных походах для достижения таких целей, как территориальные завоевания, обеспечение логистики и сбор разведанных, империя систематически опиралась на сотрудничество с местным населением. Лояльные казахские элиты нередко играли важную роль в обеспечении защиты военных экспедиций, охране транспортных караванов и, что наиболее важно, в предоставлении информации российскому руководству.

REFERENCES

1. Babajanov B.M. *Kokandskoje khanstvo: vlast, politika, religija* [The Khoqand Khanate: Power, Politics, Religion]. Tokyo; Tashkent, Yangi Nashr, 2010. 744 p.
2. Beisembijev T.K. *"Ta'rikh-i Shahrukhi" kak istoricheskij istochnik* ["Ta'rikh-i Shahrukhi" as a Historical Source]. Alma-Ata, Nauka Publ., 1987. 198 p.
3. Campbell Ian W. *Knowledge and the Ends of Empire: Kazak Intermediaries and Russian Rule on the Steppe, 1731–1917*. Ithaca; London, Cornell University Press, 2017. 288 p.
4. Delo o denezhnom voznagrazhdenii Kliuchareva za ustanovlenije torgovykh otnoshenij so stranami Srednej Azii i dostavljenije tsennykh svedenij o Kokande i Tashkente [Case on Financial Reward to Klyucharev for Establishing Trade Relations with Central Asian States and Delivering Valuable Information on Kokand and Tashkent]. *Gosudarstvennyy arkhiv Orenburgskoy oblasti* (GAOO) [State Archive of the Orenburg Region], f. 6, inv. 10, d. 6590a, l. 77-78.
5. Delo o dvizhenii sultana-pravitelja Vostochnoj chasti ordy v glubinu stepi s dvukhsotennym otrjadom [Case on the Movement of the Sultan-Ruler of the Eastern Horde with a 200-Man Detachment]. *GAOO* [State Archive of the Orenburg Region], f. 6, inv. 10, d. 6813, l. 17.
6. Delo o komandirovanii tituljarnogo sovetnika Osmolovskogo v Aralskoje ukreplenije dlja sobranija svedenij o dejstvijakh pri syrdarjinskikh sosedjakh nashikh [Case on the Assignment of Titular Counselor Osmolovsky to the Aral Fortification to Gather Information on Activities of Syr Darya Neighbors]. *GAOO* [State Archive of the Orenburg Region], f. 6, inv. 10, d. 6798, l. 4, 9, 14-17.
7. Delo o nagrazhdenii kazakhov-uchastnikov ekspeditsii protiv Kokandskogo khanstva [Case on the Rewarding of Kazakh Participants in the Expedition Against the Kokand Khanate]. *Tsentralnyy gosudarstvennyy arkhiv Respubliki Kazakhstan* (TsGA RK) [Central State Archive of the Republic of Kazakhstan], f. 4, inv. 1, d. 2725, l. 36.
8. Delo o proisshestvijakh v kirgizskoj stepi i sredneaziatskikh oblastjakh [Case on Events in the Kyrgyz Steppe and Central Asian Regions]. *Rossiyskiy gosudarstvennyy voyenno-istoricheskogo arkhiva* (RGVIA) [Russian State Military Historical Archive], f. 1441, inv. 1, d. 219, l. 4 r., 19, 23, 26 r.-27, 30-37.
9. Delo o rekognostsirovke r. Syr-Darji i unichtozhenii russkimi vojskami kokandskikh ukreplenij [Case on the Reconnaissance of the Syr Darya River and the Destruction of Kokand Fortifications by Russian Troops]. *RGVIA* [Russian State Military Historical Archive], f. 483, inv. 1, d. 30, l. 16-18, 32-33, 38.
10. Delo o slukhakh i sobytijakh v Srednej Azii [Case on Rumors and Events in Central Asia]. *TsGA RK* [Central State Archive of the Republic of Kazakhstan], f. 4, inv. 1, d. 3628, l. 1-4, 21-21 r., 55-56, 209-210, 255, 274, 289-294, 409.
11. Delo o volnenijakh i vosstanijakh v Kokandskom khanstve, vosstanii zhitelej Tashkenta protiv kipchakov [Case on Disturbances and Uprisings in the Kokand Khanate and the Uprising of the Residents of Tashkent Against the Kipchaks]. *RGVIA* [Russian State Military Historical Archive], f. 1449, inv. 1, d. 12, l. 13, 17-14 r.

12. Delo o zanjatiji Kokandskoj kreposti Ak-Mechet [Case on the Seizure of the Kokand Fortress Ak-Mechet]. *RGVIA* [Russian State Military Historical Archive], f. 1441, inv. 1, d. 58, l. 212-214 r.
13. E. U. Stepnaja voina v Turkestanskom kraje [Steppe War in the Turkestan Region]. *Vojennyj sbornik*, 1880, no. 7, pp. 69-95.
14. Glushchenko E.A. *Rossija v Srednej Azii: zavojevanija i preobrazovanija* [Russia in Central Asia: Conquests and Transformations]. Moscow, LitRes, 2010. 337 p.
15. *Istorija Kazakhstana v dokumentakh i materialakh: almanakh* [History of Kazakhstan in Documents and Materials. Almanac], vol. 2. Astana, TOO "Obshchestvo invalidov – Chernobylec", 2012. 438 p.
16. Maksheev A.I. *Puteshestvija po kirgizskim stepjam i Turkestanskomu kraju* [Travels Through the Kyrgyz Steppes and the Turkestan Region]. Saint Petersburg, Voen. tip., 1896. 257 p.
17. Mariutkin V.V. Pokhod V.A. Perovskogo na Ak-Mechet v 1853 godu [V.A. Perovskii's Campaign Against Ak-Mechet in 1853]. *Izvestija Saratovskogo universiteta*, 2022, vol. 22, no. 4, pp. 436-442. DOI: <https://doi.org/10.18500/1819-4907-2022-22-4-436-442>
18. Lobov N.G., ed. *Materialy po istoriko-statisticheskomu opisaniju Orenburgskogo kazach'ego vojska* [Materials on the Historical and Statistical Description of the Orenburg Cossack Army], vol. 11. Orenburg, Typo-Litografiya B.A. Breslina, 1913. 656 p.
19. Mikhailov A.A. *Pervyy brodok na jug* [The First Dash to the South]. Moscow, ACT; Saint Petersburg, Severo-Zapad Press, 2003. 429 p.
20. Morrison A. *The Russian Conquest of Central Asia: A Study in Imperial Expansion, 1814–1914*. Cambridge, Cambridge University Press, 2020. 640 p. DOI: 10.1017/9781139343381
21. Morrison A. Camels and Colonial Armies: The Logistics of Warfare in Central Asia in the Early 19th Century. *Journal of the Economic and Social History of the Orient*, 2014, vol. 57, no. 4, pp. 443-485. DOI: <https://doi.org/10.1163/15685209-12341355>
22. Nabiev R.N. *Iz istorii Kokandskogo khanstva* [From the History of the Kokand Khanate]. Tashkent, FAN, 1973. 388 p.
23. O zanjatiji Nizovjev reki Syr-Dar'ji [On the Occupation of the Lower Reaches of the Syr Darya River]. *RGVIA* [Russian State Military Historical Archive], f. 1441, inv. 1, d. 56, l. 3.
24. Ob umershchvlenii v Turkestane potomkov Azret Sultana [On the Killing of the Descendants of Azret Sultan in Turkestan]. *GAOO* [State Archive of the Orenburg Region], f. 6, inv. 10, d. 6665, 14-5 r.
25. Parker G. *The Military Revolution: Military Innovation and the Rise of the West, 1500–1800*. Cambridge, Cambridge University Press, 1996. 288 p.
26. Paul M. C. The Military Revolution in Russia, 1550–1682. *The Journal of Military History*, 2004, vol. 68, no. 1, pp. 9-45.
27. *Perepiska ob ekspeditsii 1853 g.* [Correspondence on the 1853 Expedition]. *RGVIA* [Russian State Military Historical Archive], f. 67, inv. 1, d. 46, l. 1-4, 7-8.
28. *Perepiska Perovskogo s imperatorom, 30 iulja 1853 g.* [Correspondence of Perovskii with the Emperor, July 30, 1853]. *RGVIA* [Russian State Military Historical Archive], f. 483, inv. 1, d. 33, l. 1.
29. Rakhimov R.N. Nachalo russkogo prodvizheniya v Turkestan: pokhod na Ak-Mechet 1853 g. V.A. Perovskogo i sozdanije Syrdarjinskoi linii [The Beginning of Russian Expansion into Turkestan: V. A. Perovskii's 1853 Campaign Against Ak-Mechet and the Creation of the Syr Darya Line]. Efimov S.V., ed. *Vojna i oruzhije. Novye issledovanija i materialy: tr. VII Mezhdunar. nauch.-prakt. konf.: v 5 ch., T. IV* [War and Weapons. New Research and Materials. Proceedings of the 7th International Scientific and Practical Conference. In 5 Pts., Vol. 4]. Saint Petersburg, VIMAIViVS, 2016, pp. 392-404.
30. Sharman J.C. *Empires of the Weak: The Real Story of European Expansion and the Creation of the New World Order*. Princeton, NJ, Princeton University Press, 2019. 216 p.
31. Sultangalijeva G., Suinova A. «O kirgiz-kaisatskikh i drugikh zagranichnykh obstojatelstvakh videl i slyshal»: informatory Rossijskoi imperii v Kazakhskoj stepi (vtoraja polovina XVIII – 60-je gg. XIX v.) [“About Kyrgyz-Kaisak and Other Foreign Circumstances I Have Seen and Heard”: Informants of the Russian Empire in the Kazakh Steppe (Second Half of the 18th – 60s of the 19th Century)]. *Ab Imperio*, 2022, no. 3, pp. 69-102.
32. Terentjev M. *Istorija zavojevanija Srednej Azii* [History of the Conquest of Central Asia], vol. 1. Saint Petersburg, Tipo-Litografiia V.V. Komarova, 1906. 534 p.
33. Thompson W.R. The Military Superiority Thesis and the Ascendancy of Western Eurasia in the World System. *Journal of World History*, 1999, vol. 10, no. 1, pp. 143-178.
34. Venyukov M.I. *Postupatelnoje dvizhenije Rossii v Srednej Azii* [The Progressive Movement of Russia in Central Asia]. Saint Petersburg, Tip. V. Bezobrazova i K, 1877. 49 p.

35. Vodvorenije russkoj vlasti v Srednej Azii [Establishment of Russian Power in Central Asia]. *Vojennyj sbornik*, 1868, no. 8, pp. 245-276.
36. Zalesov N. Pisma iz Khivy [Letters from Khiva]. *Vojennyj sbornik*, 1858, no. 4, pp. 491-497.

Information About the Author

Seilkhan T. Tokbolat, Candidate of Sciences (History), Associate Professor, M.Kh. Dulaty Taraz University, Suleimenov St, 7, 080000 Taraz, Kazakhstan, seiltokbolat@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0003-3987-2917>

Информация об авторе

Сейилхан Токболатулы Токболат, кандидат исторических наук, ассоциированный профессор, Таразский университет им. М.Х. Дулати, ул. Сулейменова, 7, 080000 г. Тараз, Казахстан, seiltokbolat@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0003-3987-2917>

DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2026.3.7>

UDC 94(575.4)

Submitted: 15.12.2024

LBC 63.3(2)5

Accepted: 30.03.2025

UYGHURS BETWEEN ECONOMY AND JUSTICE: AN EPISODE FROM THE HISTORY OF THE MURGHAB SOVEREIGN'S ESTATE

Dmitry V. Vasilyev

Moscow City University, Moscow, Russian Federation

Abstract. Introduction. Based on archival materials of the Department of Appanages of the Ministry of the Imperial Court and Appanages, the social history of the Murghab Sovereign's Estate is examined in the context of the fate of the Uyghurs. They were invited to participate in the construction of the Sultanbent dam. *Methods and materials.* The study is based on unpublished sources from the Russian State Historical Archive. *Analysis.* The office documents, as well as complaints from Uyghurs and materials of internal investigations, were analyzed. It was revealed that the Uyghurs were invited to permanently settle in the Murghab estate on preferential terms. However, the promises were not fulfilled. It was investigated that the reason for this was a change in the planning of land irrigation and a periodic increase in rent from farmers. The Uyghurs were forced to engage in various jobs in the Transcaspian Province in order to ensure their existence. The Main Administration of Appanages tried to find a solution to the issue. In the end, it was decided to destroy the Uyghur community and conclude ordinary lease agreements with the Uyghurs. *Results.* When the Murghab Sovereign's Estate was established, the task was to make it economically efficient in order to replenish the state treasury. The activities of the estate administration and of the main administration of appanages were aimed at extracting maximum profit from the estate's economy. The transfer of the Uyghurs to ordinary lease agreements was entirely consistent with the requirements of a capitalist economy. *Funding.* The study is supported by the grant of the Russian Science Foundation No. 24-28-00915, <https://rscf.ru/project/24-28-00915/>, implemented at the Russian Academy of Entrepreneurship.

Key words: Murghab Sovereign's Estate, Merv oasis, Taranchi, Uyghurs, irrigation, Sultanbent, Turkmen, Central Asia.

Citation. Vasilyev D. V. Uyghurs Between Economy and Justice: An Episode from the History of the Murghab Sovereign's Estate. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 4. Istoriya. Regionovedenie. Mezhdunarodnye otnosheniya* [Science Journal of Volgograd State University. History. Area Studies. International Relations], 2026, vol. 31, no. 3, pp. 74-83. (in Russian). DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2026.3.7>

УДК 94(575.4)

Дата поступления статьи: 15.12.2024

ББК 63.3(2)5

Дата принятия статьи: 30.03.2025

УЙГУРЫ МЕЖДУ ЭКОНОМИКОЙ И СПРАВЕДЛИВОСТЬЮ: ЭПИЗОД ИЗ ИСТОРИИ МУРГАБСКОГО ГОСУДАРЕВА ИМЕНИЯ

Дмитрий Валентинович Васильев

Московский городской педагогический университет, г. Москва, Российская Федерация

Аннотация. Введение. На основе архивных материалов Департамента уделов Министерства императорского двора и уделов рассматривается социальная история Мургабского государева имения в контексте судьбы уйгуров, приглашенных для участия в строительстве плотины Султанбент. *Методы и материалы.* Исследование основано на неопубликованных источниках из Российского государственного исторического архива. *Анализ.* Проанализированы делопроизводственные документы, а также жалобы уйгуров и материалы внутренних расследований. Выявлено, что уйгуры были приглашены на постоянную оседлость в Мургабском имении на льготных условиях. Однако обещания не были выполнены. Установлено, что причиной этого стали изменения планов орошения земли и периодическое повышение арендной платы с земледельцев. Уйгуры вынуждены были заниматься различными промыслами в Закаспийской области для того, чтобы обеспечить свое существование. Главное управление уделов пыталось найти решение вопроса. В конце

концов было решено разрушить уйгурскую общину и заключить с уйгурами обыкновенные арендные договоры. *Результаты.* При учреждении Мургабского государева имения была поставлена задача сделать его экономически эффективным с целью пополнения государственной казны. На строительство водохранилищ и ирригационных сооружений были затрачены огромные финансовые ресурсы. Деятельность администрации имения и Главного управления уделов была направлена на извлечение максимальной прибыли из хозяйства имения. Ради этого периодически повышалась арендная плата. При таких обстоятельствах власти не могли создавать привилегированные условия для значительной доли населения и сокращать возможность извлекать дополнительные доходы. Разрушение общины уйгуров и перевод их на обыкновенные договоры аренды вполне соответствовали требованиям капиталистической экономики. *Финансирование.* Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 24-28-00915, <https://rscf.ru/project/24-28-00915/>, реализуемого в Российской академии предпринимательства.

Ключевые слова: Мургабское государево имение, Мервский оазис, таранчи, уйгуры, ирригация, Султанбент, туркмены, Центральная Азия.

Цитирование. Васильев Д. В. Уйгуры между экономикой и справедливостью: эпизод из истории Мургабского государева имения // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 4, История. Регионоведение. Международные отношения. – 2026. – Т. 31, № 3. – С. 74–83. – DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2026.3.7>

Введение. Мургабское государево имение было создано в 1887 г. в неорошаемой части Мервского оазиса на стыке афганской и персидской границ с целью ее заселения земледельцами, которые бы обеспечили закрепление за Россией этой стратегически важной для империи территории. Самой большой проблемой при этом стало создание мощной оросительной системы, которая могла бы вдохнуть жизнь в некогда цветущую землю. А для этого требовались значительные средства, отсутствовавшие в государственной казне. И тогда было принято решение осуществить грандиозные планы за счет Департамента уделов с тем, чтобы возрожденный оазис со временем не только вернул затраченные на него средства, но и стал бы одним из источников пополнения Государственного казначейства. Иными словами, экономическая эффективность государева имения (получение чистой прибыли) изначально была заявлена в качестве одного из приоритетов его существования.

Другим приоритетом должна была стать колонизация имения опытными сельскохозяйственными производителями из числа русских и коренных жителей Центрально-Азиатского региона [2]. Одним из принципов учреждения имения стало невмешательство в земле- и водопользование туркмен. Можно сказать, что при создании имения государство в некоторой степени учитывало принцип социальной справедливости в том значении, которое мы придаем этому понятию сегодня.

Обращаясь к Мургабскому государеву имению, трудно обойти вниманием вопрос соотношения экономического и социального, которые тесно переплетались в его истории с самого момента его учреждения. Приглашенным для участия в строительстве амбициозной плотины, призванной оросить не менее 150 000 дес. мертвой земли, таранчам (совр. – уйгурам), оказавшимся на территории Семиреченской области после возвращения Китая Илийского края [3], были обещаны земли в потомственное пользование на льготных условиях.

Целью настоящей статьи является исследование вопроса о том, как сложилась судьба уйгуров в Мургабском государевом имении в условиях провала первоначального плана его орошения. Это тем более важно, что дает понять, какая цель в этом случае оказалась для Российской империи более важной – социальная или экономическая.

Историография. Среди совсем небольшого числа работ, освещающих историю Мургабского государева имения, следует назвать монографию М.Н. Тихомирова, который первым в отечественной исторической науке обратил внимание на имение, посвятив ему небольшой обобщающий параграф, чрезвычайно кратко характеризующий имение как «колониальное» предприятие [25]. Социальные аспекты истории Мургабского имения наиболее полно рассмотрены в книге Н.Н. Каноды [10]. В ней упоминается и история с уйгурами, но, ввиду неполноты источниковой базы,

сохранившейся в архивах Туркменистана, Н. Канода не смогла исследовать эту проблему детально. В современной зарубежной историографии тема Мургабского имения отчасти затрагивается в работе Дж. Китинг [26], в которой автор почти не касается социальных аспектов. Вопрос заселения территории имения, который можно рассматривать в качестве прелюдии к настоящей статье, освещен в другой публикации автора [1].

Методы и материалы. В методологическом отношении статья написана в контексте социальной истории, получившей мощное развитие в советский период отечественной историографии, а сегодня прекрасно поддержанной Б.Н. Мироновым [11].

Источниками являются материалы, хранящиеся в фонде 515 Российского государственного исторического архива (Главное управление уделов Министерства императорского двора), которые распадаются на две группы. Первую составляют документы, в которых сформулированы принципы колониационной политики, а вторую – материалы внутреннего разбирательства, касающегося права уйгур на льготное землепользование (жалобы и ответы на них удельного начальства). Сопоставление этих документов позволяет представить реальную направленность социальной политики администрации Мургабского государства имения.

Хронологические рамки статьи – 1890–1899 гг., после которых положение уйгуров несколько меняется. И это может стать предметом другого исследования.

Анализ. Известно, что осенью 1889 г. в Мургабском государевом имении работала комиссия Департамента уделов во главе с помощником управляющего Н.А. Вагановым. Итогом ее работы стала разработка Основных положений по устройству и колонизации Мургабского государева имения [13], принципиальные моменты которых получили высочайшее утверждение 2 марта 1890 года. В числе наиболее желательных поселенцев в имении были названы дунгане и уйгуры из Семиреченской области, кашгарцы из Китайского Туркестана [4, л. 135 об.]. Перед потенциальными жителями имения стояли задачи возделывания орошаемых земель и участие в строительстве Султанбентской плотины,

которая как раз и должна была стать основой новой оросительной системы.

Ожидая окончания работ на Султанбенте осенью 1890 г., управляющий Мургабским имением Н.А. Лутцау в самом начале того же года обратился к управляющему Департаментов уделов с просьбой разрешить вывезти из Семиреченской области 250 семей таранчей, дунган и кашгарцев, а также 500 холостых рабочих тех же народностей. Управляющий Уделами тайный советник П.А. Рихтер поддержал это предложение и направил в Семиреченскую область Н. Лутцау [14], который предложил проживавшим там представителям названных народов следующие условия их переселения на Мургаб.

Холостых уйгуров и кашгарцев планировалось набрать поровну на простые работы в имение с оплатой 10 руб. в месяц. А 250 семейных уйгуров предполагалось привлечь к работам в имении с оплатой от 10 до 15 рублей. Перевозка уйгурами грузов внутри имения была оценена в 15 руб. в месяц. Обоз, с которым переселенцы направлялись в имение, должен был быть также принят на работы. Перед отправкой на Мургаб желающие должны были получить заимообразно деньги для погашения казенных обязательств перед выпускающими обществами, а также необходимые средства для переезда и обустройства на месте. Возврат этих пособий планировалось растянуть на 2–3 года [15, л. 133 об. – 134]. Управляющий имением гарантировал своим будущим подопечным, что по завершении строительства плотины уже осенью 1890 г. «каждая семья... будет наделена четырьмя десятинами земли в бессрочное потомственное пользование из платежа за таковое пользование ежегодного хераджа или подати в размере десятой части урожая, взимаемой натурой» [15, л. 134].

Как позднее свидетельствовали переселенцы, им были обещаны разные льготы и преимущества: «устроить... на отдельных для каждого поселенца усадьбах жилые дома со всеми службами и хозяйственными приспособлениями, отвести для каждого домохозяина определенные участки земли с правом обрабатывать их из $\frac{1}{9}$ части урожая, или же за плату по 5 руб. за десятину деньгами. Для надобностей орошения... полей обещано было

всегда в достаточной мере снабжать... водой, что давало бы... возможность заблаговременно определить зимний и летний посев, посадку деревьев, разведение фруктовых садов, винограда и т. п.» [12, л. 19 об.].

Что же оказалось на деле. По сведениям мургабской администрации, в усадьбу имения Байрамали прибыли 142 [20, л. 5] (а не 250) семьи уйгуров, которые встретил новый управляющий имением полковник Н.А. Кашталинский. Он тотчас отправил их на работы по строительству Султанбентской плотины. А вот их обоз оказался невостребованным начальством, и содержание скота пало на долю переселенцев. Заработная плата при этом оказалась ниже объявленных условий. Когда строительство завершилось, полковник Кашталинский заявил, что официальное обещание его предшественника о выделении каждой семье по 4 дес. в бессрочное потомственное пользование с условием внесения $\frac{1}{10}$ части урожая натурой не имеет никакой силы и отказался от его исполнения.

Естественно, такое решение возмутило уйгуров, бежавших в свое время от произвола китайских чиновников, а позднее побросавших свои хозяйства в Семиречье, поддавшись на уговоры представителя Департамента уделов. Теперь их надежда на получение привилегированных наделов вслед за возведением плотины рухнула. Попытки восстановить справедливость были тщетными. Местные власти (уездная администрация) были не в состоянии оказать какое-либо влияние на чиновников Департамента уделов. Этим дело не ограничилось. После разрушения отстроенной плотины управляющий имением объявил уйгурам, что теперь для них вообще нет места в имении, и потребовал незамедлительно покинуть его территорию. И они занялись поиском средств к существованию на просторах Мервского уезда.

Но тут началось строительство новой Гиндукушской плотины. Уйгуры предложили свои услуги инженеру Ю.С. Андрееву. Тот согласился принять их на работу за меньшую в сравнении с другими плату, обосновав это личной заинтересованностью уйгур в результатах своего труда. И те «с радостью приступили к работе; работали вместе с детьми день и ночь на лошадях и пешими» [5, л. 127 об. – 128]. По

успешному окончанию работ и пуску воды в каналы, уйгуры вновь обратились к полковнику Кашталинскому с просьбой о выполнении первоначальных условий. Ответ управляющего, как можно догадаться, почти ничем не отличался от прежнего. «Но, – как свидетельствовали позднее уйгуры, – на этот раз, не выгоняя нас из Мургабского... имения, предложил отвести нам землю с тем, что за пользование ею с нас будет взиматься ежегодно не десятая, а четвертая часть дохода. Сознывая полную свою беспомощность, мы просили г[осподина] Кашталинского с нас, как первых поселенцев прибывших сюда по настойчивому приглашению управления Мургабским имением, взимать... хотя бы пятую, а не четвертую часть дохода, но г[осподин] Кашталинский... объявил нам, что при отказе с нашей стороны брать земли на предложенных им условиях, он немедленно выдворит всех нас из имения. Потеряв уже земли в Семиречье, и не имея никаких средств возвратиться туда, мы были вынуждены согласиться на условие г[осподина] Кашталинского...» [5, л. 128–128 об.].

В 1901 г. Кашталинского сменил С.Ю. Толстой. Но и он не только не восстановил справедливость, но и усугубил положение уйгуров. Вместо четвертой части урожая, которая зависела от орошения и климатических условий, он установил твердую натуральную ставку: с десятины пшеницы – 25 пудов, с десятины ячменя – 35 пудов, с десятины хлопка – 27 пудов, а с десятины клевера денежную – 60 рублей.

Уйгуры могли согласиться на такое лишь при выделении им земли недалеко от канала при условии достаточного обеспечения водой. Управляющий С. Толстой предложил участок «Большой Чар», который нуждался в выравнивании и обводнении. И когда через полтора месяца уйгуры закончили все работы, прорыли арыки и были готовы начать сев, управляющий отказался дать воду: «Пусть ваши посевы останутся без поливов, ибо государству выгоднее сберечь 5 000 десятин пшеницы и ячменя теке-туркменам, чем ваши посевы, составляющие только незначительную часть сравнительно с посевами туркмен» [5, л. 129].

Оставшись без воды, уйгуры остались без пшеницы и ячменя. Спасти им удалось только хлопок, доход от продажи которого по-

шел на погашение задолженности перед имением за полученную для пропитания пшеницу [5, л. 129]. С. Толстой пообещал компенсировать убыток за счет имения, но вскоре был отозван в столицу. Сменивший его В.В. Дубасов отказался исполнять эту договоренность.

Сами уйгуры были убеждены в том, что новый управляющий самочинно отказал им в праве на потомственное пользование 4 дес. орошенной мургабской земли и «предложил взять в аренду участок в 850 десятин сроком на 36 лет с водою на 6 сотых куб. саж. в секунду по 15 рублей за десятину» [5, л. 129 об.]. На самом же деле он лишь исполнял предписание вышестоящего начальства, потребовавшего, кроме того, взимать с уйгуров с 1903 г. дополнительный сбор натурой в размере $\frac{1}{9}$ части урожая хлопка с десятины (24 руб.) с тем, чтобы они получали привилегии наравне с другими арендаторами – бесплатно получали семена, освобождались от платы мирабам¹, весового сбора и сбора на содержание дайханской конторы², безвозмездно получали мешки, пользовались бесплатной очисткой хлопка на заводе и возможностью ремонтировать сельскохозяйственные орудия в мастерских имения [24].

Справедливости ради следует заметить, что через год, судя по всему по инициативе С. Толстого, ставшего уже помощником начальника Главного управления уделов, сбор в $\frac{1}{9}$ часть урожая хлопка был отменен. Повышение цены на хлопок делало его внесение весьма обременительным для уйгуров (6 767,43 руб.). Было решено взимать компенсацию за выданные имением семена и денежный сбор в 23 коп. с пуда (всего 4 036,50 руб. за прием хлопка, содержание дайханской конторы и очистку хлопка на заводе) [7, л. 46–46 об.]. Фактически Уделы сохранили планировавшийся размер денежных поступлений, отказавшись от взимания арендной платы натурой. Не исключено, что «экономия» для уйгуров более 2 700 руб., С.Ю. Толстой имел в виду осуществленные ими затраты на оказавшиеся бессмысленными ирригационные работы.

Находясь в бедственном положении и не встречая сочувствия у новой администрации, уйгуры в конце концов решили просить выдать им деньги за сданный хлопок и вернуться в Семиреченскую область, что и было санкционировано Главным управлением уделов. Но

В. Дубасов всеми способами затягивал окончательное разрешение вопроса: не давал деньги ни за хлопок, ни на новый посев, без которого уйгуры вообще остались бы без средств к существованию [12, л. 21–21 об.].

Сам Дубасов сообщал в Петербург, что выступавший в этом споре от имени уйгуров поверенный Амир-Хамза Сатинов подговаривал своих доверителей непременно отказаться от нового посева и покинуть имение. В условиях затянувшегося конфликта 62 семейства решили приступить к посевным работам, отложив переезд на осень. Позже к ним присоединились и доверители Сатинова, которого управляющий имением подозревал в противоправном намерении стать комиссионером по сбыту уйгурского сырца и в желании поддержать свою адвокатскую практику [22, л. 27–28].

Тем не менее управляющий Дубасов был убежден в том, что уйгуры для имения являются обузой, а потому не был против их возвращения в Карасуйскую волость Верненского уезда. При этом считал необходимым выдать им деньги за хлопок осенью с вычетом накопившихся долгов и оказать содействие в переезде в Семиречье, дабы адвокат Сатинов не присвоил их деньги себе и желаемый всеми переезд состоялся [21, л. 38 об. – 39].

Пока шли препирательства, уйгуры смогли засеять лишь 117 дес. хлопком, а Дубасов изменил условия землепользования. Вместо 15 руб. за десятину с них стали требовать по 25 руб. за десятину, засеянную пшеницей и ячменем, 60 руб. за десятину под клевером и треть от собранного хлопка натурой [5, л. 128–129 об.]. Но они не сдавались. Отстаивая идею 36-летней аренды с оброком в 20 руб., уйгуры просили срок льготного платежа (15 руб.) растянуть на 6 лет, дать круглогодичный доступ к воде и предоставить им право устраивать мельницы, прессы и другие приспособления. Они хотели получить возможность свободно распоряжаться выращенным хлопком в случае досрочного внесения причитающейся арендной платы [9]. Названное косвенно свидетельствует о том, что услуги, предоставлявшиеся имением его арендаторам, больше походили на навязанное благо. Иначе не возникло бы желание строить собственные прессы и искать сторонних покупа-

телей для своего хлопка. Управление имением пользовалось своим правом монополиста ради извлечения дополнительной прибыли.

Надо отдать должное С. Толстому, который не оставлял без внимания своих бывших подопечных. Он менее предвзято оценивал роль Сатинова потому, что лучше В. Дубасова знал реальное положение вещей. За его подписью в 7 делопроизводстве Главного управления был подготовлен доклад, который предлагал «...управляющему Мургабским государевым имением заключить с таранчинским обществом формальный договор на сдачу ему в аренду 850 дес. земли, орошаемых из нового Эгиркаинского регулятора, сроком на 36 лет, считая с 1-го января 1904 года...» [8, л. 47].

Этот доклад и условия аренды были утверждены управляющим Уделами князем В.С. Кочубеем 23 марта 1904 года. Среди главных – арендная плата в 15 руб. на первые 4 года и 20 руб. за десятину в последующие. Как и другие арендаторы, уйгуры должны были сдавать весь собранный хлопок на хлопкоочистительный завод для обработки и последующей продажи вместе с удельным хлопком в Москву, внося кроме арендной платы еще 23 коп. с пуда на расходы имения по приемке и очистке хлопка, а также на содержание дайханской конторы. Хлопковые семена уйгуры должны были получать от имения по закупочной цене. Накопившиеся к тому времени долги перед имением (36 072,75 руб.) следовало уплатить в течение ближайших трех лет [8].

Реализация этих правил выпала на долю нового управляющего имением Ю.Д. Еремеева (с 1904 г.). Однако уйгуры вновь жаловались императору на то, что он ввел дополнительные сборы. А выдавая ссуды, в основном под посев хлопка, стал требовать уплату процентов [5, л. 129 об. – 130]. Но именно Ю. Еремееву удалось выяснить, что уйгуры оказались не так уж и чисты на руку (хотя, наверняка, их действия оправдываются необходимостью выживания в условиях ликвидации огромного долга перед имением). Управляющий Еремеев докладывал в Главное управление уделов:

«Осенью минувшего 1905 года было обнаружено, что некоторые домохозяева общества таранчей, заключившие, с разрешения

Главного управления уделов, с Управлением государственного имения долгосрочный (на 36 лет) контракт на аренду 850 дес. при 4-м регуляторе, начали тайно провозить собранный ими на арендуемой земле хлопок в гор[од] Мерв, не сдавая таковой, вопреки вышеназванному контракту, на завод имения для очистки.

При ближайшем расследовании этого обстоятельства выяснено, что 30 домохозяев названного общества, подстрекаемые известным кляузником Сатиновым, действительно часть своего урожая хлопка продали частным лицам в гор[одах] Мерве и Йолотане и сделали это с целью избежать уплаты своей доли рассроченного всему обществу долга имению, какового долга на 1-е января 1906 г. числилось за обществом 13 673 рублей. Независимо от сего, в течение двухлетнего периода аренды обществом таранчей земель государственного имения на изложенных в упомянутом контракте условиях, неоднократно усматривалось существенное нарушение последних обществом. Причем главную причину того следует приписать малочисленности членов общества, не соответствующей арендуемой ими земельной площади (850 дес.) и обусловившей необходимость общества приглашать разных субарендаторов для совместной эксплуатации арендуемого участка, чем, помимо коренного нарушения заключенного ими контракта, теряется основной смысл последнего» [23, л. 109–109 об.].

Исходя из этого, Ю. Еремеев предлагал существовавший контракт с обществом уйгуров расторгнуть и заменить его договорами с отдельными домохозяйствами на общих с прочими арендаторами условиях, «с добавлением особых пунктов по улучшенным приемам культуры, а также с обязательством из первого урожая с[его] [1906] г[ода] уплатить по разверстке на каждого домохозяина-арендатора состоящий за таранчинским обществом долг имению, какового, за произведенными в январе месяце с[его] г[ода] уплатами, к настоящему числу числится всего 6 836 рублей» [23, л. 109 об.].

Управляющий имением свое мнение подкрепил прошением нескольких десятков домохозяев, которые готовы были отказаться от 36-летней аренды и перейти от

общественного к подворному землепользованию [17, л. 119].

В документах, связанных с уйгурским вопросом, сохранился рапорт агронома Н.М. Студенова, которому было поручено разбирательство по этому делу. Из документа следует, что в 1906 г. в имении состояло 111 уйгурских домохозяйств³, среди которых выделялись как экономически сильные, так и те, кто затягивал сельхозработы (либо вообще не желал заниматься хозяйством), и часть земли оставалась невозделанной. «Так как члены общества связаны круговой друг за друга порукой, то более состоятельным из них, как более трудолюбивым, приходится платить за менее трудолюбивых членов общества, что при большом проценте хозяев ленивых совсем разоряет людей трудолюбивых. В настоящем году... тридцать один домохозяин отказался заняться обработкой земли. Остальные восемьдесят хозяев рассчитали, что им всей площади не запахать, что при уплате в 1906 году арендной платы за всю арендуемую площадь, они не получают в свою пользу ни копейки, долг же их имению сильно возрастет. Вот та причина, которая окончательно парализовала хозяйство таранчей» [18, л. 111–112]. Параллельно их соплеменники, трудившиеся на собственных полях имения, демонстрировали при правильном землепользовании высокую доходность. 13 мая 1906 г. князь В. Кочубей разрешил осуществить предложение Ю. Еремеева об индивидуальных контрактах с уйгурами.

Известно, что в 1908 г. уйгуры все еще жаловались на свое бедственное положение и просили восстановить силу данных подполковником Н. Лутцау обещаний [5]. Их прошение на высочайшее имя от 30 июля 1908 г. (не исключено, что его появление было вызвано ревизией имения сенатором К.К. Паленом) было обнаружено в делах Управления Мургабским государевым имением. 18 сентября того же года оно было передано помощнику начальника Главного управления уделов С.Ю. Толстому. Следов дальнейшего движения этого прошения обнаружить не удалось ни тогда [19], ни сейчас.

В июле 1909 г. его копия была переслана вновь в Главное управление уделов, которое в январе этого года решило провести еще одну,

более глубокую, ревизию имения. Перед ней была поставлена задача – «исследование вопроса о пользовании землей таранчами с выяснением их положения в имении и степени основательности из жалоб» [16, л. 5]. Из этого можно сделать вывод, что прошение все-таки было принято во внимание, хотя и не попало на стол императора. Тем не менее в итоговом докладе ревизовавшего имение помощника начальника Главного управления уделов Н.П. Лихарева сведения об исполнении этого пункта предписания отсутствуют [6].

В итоге следует согласиться с утверждением адвоката Сатинова, что к концу первого десятилетия XX в. уйгуры из успешных земледельцев и старательных перевозчиков и хороших строителей превратились в нищих, вместо того, чтобы создать основу мургабских земледельцев. Все управляющие имением (за исключением подполковника Лутцау) фактически вели их к полному обнищанию.

Результаты. Конечно, можно винить круговую поруку и подозревать в лицемерии адвоката. Но следует признать, что ситуацию с уйгурами критично осложнил прорыв Султанбентской плотины, показавший невозможность орошения всей территории имения. С самого начала орошаемых земель стало не хватать. И естественно, что в условиях капиталистического производства непредвиденным лишениям подверглись те, кто не мог на прежних условиях быть полезным имению.

Оказавшись перед дилеммой всеми мерами обеспечивать прибыльность агропромышленного комплекса или терпеть убытки ради выполнения юридически не оформленных обещаний и реализации принципа социальной справедливости, администрация имения и Уделов выбрала первое. И это вполне соответствовало и до сих пор соответствует принципам рыночной экономики. Известно так же, что вплоть до ввода в строй Гиндукушской плотины (1895 г.) имение пользовалось водой, принадлежавшей, согласно высочайшей воле, исключительно коренным туркменам. Да и после этого, в условиях недостаточной мощности водохранилищ, имение отбирало у местных жителей значительную часть принадлежавшей им воды.

История с уйгурами в период становления имения (до 1909 г.) показывает, что экономические резоны взяли верх над заботой о выполнении прежних обещаний. Те, кто смог вписаться в новые капиталистические реалии, превратились в эффективных хозяйственников. Те же, кто рассчитывал на льготы и привилегии, вынужден был владеть жалкое существование и обращаться к властям безо всякой надежды на удачное разрешение конфликта. Экономические задачи превалировали над социальными целями. Уделы, заинтересованные в экономической эф-

фективности имения, не готовы были терпеть непроизводительные убытки.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Мираб – традиционно наблюдатель за распределением воды.

² Дайханская контора – учреждение, созданное в имении для упорядочения расчетов с субарендаторами исполщиками (дайханами).

³ Еще 18 семей работали издольщиками на собственных полях имения.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Васильев Д. В. Заселение территории Мургабского государственного имения и землепользование: планы и реальность // Вестник МГПУ. Серия «Исторические науки». 2024. № 4 (56). С. 116–130. DOI: <https://www.doi.org/10.24412/2076-9105-2024-456-116-130>
2. Васильев Д. В. Мургабское государственное имение: особенности экономического развития и процесса колонизации в конце 1880-х гг. // Журнал Белорусского государственного университета. История. 2024. № 4. С. 78–88.
3. Васильев Д. В., Асанова С. А. Приют для страждущих: миграция из Синьцзяна в Россию в 1860–1880-х гг. // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: История России. 2023. Т. 22, № 1. С. 34–46. DOI: <https://doi.org/10.22363/2312-8674-2023-22-1-34-46>
4. Всеподданнейший доклад министра императорского двора и уделов. 1890 г. // Российский государственный исторический архив (РГИА). Ф. 515. Оп. 44. Д. 71. Л. 133–138.
5. Высочайшее прошение уполномоченных общества таранчей Мургабского государственного имения. 1908 г. // РГИА. Ф. 515. Оп. 44. Д. 475. Л. 126–131 об.
6. Доклад о ревизии Мургабского государственного имения. 1910 г. // РГИА. Ф. 515. Оп. 81. Д. 164. Л. 353–364 об.
7. Доклад по 7 делопроизводству Главного управления уделов. 18 марта 1904 г. // РГИА. Ф. 515. Оп. 44. Д. 475. Л. 46–46 об.
8. Доклад по 7 делопроизводству Главного управления уделов. 22 марта 1904 г. // РГИА. Ф. 515. Оп. 44. Д. 475. Л. 47–47 об.
9. Заявление доверенного арендаторов земель Мургабского государственного имения в Главное управление уделов. 1904 г. // РГИА. Ф. 515. Оп. 44. Д. 475. Л. 13–13 об.
10. Канода Н. Н. Аграрная политика царизма в Туркменистане (1881–1917 гг.). Ашхабад: Ылым, 1991. 222 с.
11. Миронов Б. Н. Социальная история России периода империи (XVIII – начало XX в.): генезис личности, демократической семьи, гражданского общества и правового государства: в 2 т. СПб.: Дм. Буланин, 1999. Т. 2. 566 с.
12. Объяснение доверенного таранчей Амир-Хамзы Сатинова исправляющему должность начальника Главного управления уделов. 1904 г. // РГИА. Ф. 515. Оп. 44. Д. 475. Л. 19–22.
13. Основные положения по устройству и колонизации Мургабского государственного имения, выработанные комиссией под председательством помощника управляющего Департаментом уделов действительного статского советника Ваганова. 1889 г. // РГИА. Ф. 515. Оп. 44. Д. 71. Л. 67–71.
14. Отношение управляющего Департаментом уделов военному губернатору Семиреченской области. 1890 г. // РГИА. Ф. 515. Оп. 44. Д. 475. Л. 132.
15. Отношение управляющего Мургабским государственным имением военному губернатору Семиреченской области. 1890 г. // РГИА. Ф. 515. Оп. 44. Д. 475. Л. 133–134.
16. Программа подробной ревизии Мургабского государственного имения. 1909 г. // РГИА. Ф. 515. Оп. 81. Д. 164. Л. 5–6.
17. Прошение таранчинского общества при четвертом регуляторе. 1906 г. // РГИА. Ф. 515. Оп. 44. Д. 475. Л. 119–119 об.
18. Рапорт агронома Н.М. Студенова управляющему Мургабским государственным имением. 1906 г. // РГИА. Ф. 515. Оп. 44. Д. 475. Л. 111–118.

19. Рапорт исправляющего обязанности управляющего Мургабским государевым имением в Главное управление уделов. 1909 г. // РГИА. Ф. 515. Оп. 44. Д. 475. Л. 125.
20. Рапорт управляющего Мургабским государевым имением в Главное управление уделов. 1902 г. // РГИА. Ф. 515. Оп. 44. Д. 475. Л. 5–6.
21. Рапорт управляющего Мургабским государевым имением в Главное управление уделов. № 468. 1904 г. // РГИА. Ф. 515. Оп. 44. Д. 475. Л. 38–39.
22. Рапорт управляющего Мургабским государевым имением в Главное управление уделов. № 469. 1904 г. // РГИА. Ф. 515. Оп. 44. Д. 475. Л. 27–28.
23. Рапорт управляющего Мургабским государевым имением в Главное управление уделов. 1906 г. // РГИА. Ф. 515. Оп. 44. Д. 475. Л. 109–110.
24. Справка по 7 делопроизводству Главного управления уделов. 1903 г. // РГИА. Ф. 515. Оп. 44. Д. 475. Л. 8–9.
25. Тихомиров М. Н. Присоединение Мерва к России. М.: Вост. лит., 1960. 239 с.
26. Keating J. On Arid Ground. Political Ecologies of Empire in Russian Central Asia. Oxford: Oxford U. P., 2022. 252 p.

REFERENCES

1. Vasilyev D.V. Zaselenije territorii Murgabskogo gosudareva imenija i zemlepolzovanie: plany i realnost [Land Use and Settlement of the Territory of the Murghab Sovereign's Estate: Plans and Reality]. *Vestnik MGPU. Seriya «Istoricheskiye nauki»* [MCU Journal of Historical Studies], 2024, no. 4 (56), pp. 116–130. DOI: <https://www.doi.org/10.24412/2076-9105-2024-456-116-130>
2. Vasilyev D.V. Murgabskoje gosudarevo imenije: osobennosti ekonomicheskogo razvitiya i protsessa kolonizatsii v kontse 1880-kh gg. [Murghab Sovereign's Estate: Features of Economic Development and the Process of Colonisation in the Late 1880s]. *Zhurnal Belorusskogo gosudarstvennogo universiteta. Istorija* [Journal of the Belarusian State University. History], 2024, no. 4, pp. 78–88.
3. Vasilyev D.V., Asanova S.A. Prijut dlja strazhdushchikh: migratsija iz Sintszjana v Rossiju v 1860–1880-kh gg. [Shelter for the Afflicted: Migration from Xinjiang to Russia in the 1860s – 1880s]. *Vestnik Rossiyskogo universiteta družby narodov. Seriya: Istorija Rossii* [RUDN Journal of Russian History], 2023, vol. 22, no. 1, pp. 34–46. DOI: <https://doi.org/10.22363/2312-8674-2023-22-1-34-46>
4. Vsepoddannejšij doklad ministra imperatorskogo dvora i udelov. 1890 g. [The Most Humble Report of the Minister of the Imperial Court and Appanages. 1890]. *Rossijskij gosudarstvennyj istoričeskij arkhiv* (RGIA) [Russian State Historical Archives], f. 515, inv. 44, d. 71, l. 133–138.
5. Vysočajsheje proshenije upolnomochennykh obščestva taranchej Murgabskogo gosudareva imenija. 1908 g. [The Highest Petition of the Authorized Representatives of the Murghab Sovereign Estate Taranchi Society. 1908]. *RGIA* [Russian State Historical Archives], f. 515, inv. 44, d. 475, l. 126–131 r.
6. Doklad o revizii Murgabskogo gosudareva imenija. 1910 g. [The Report on the Audit of the Murghab Sovereign's Estate. 1910]. *RGIA* [Russian State Historical Archives], f. 515, inv. 81, d. 164, l. 353–364 r.
7. Doklad po 7 deloproizvodstvu Glavnogo upravljenija udelov. 18 marta 1904 g. [The Report of the 7th Office of the Main Administration of Appanages. March 18, 1904]. *RGIA* [Russian State Historical Archives], f. 515, inv. 44, d. 475, l. 46–46 r.
8. Doklad po 7 deloproizvodstvu Glavnogo upravljenija udelov. 22 marta 1904 g. [The Report of the 7th Office of the Main Administration of Appanages. March 22, 1904]. *RGIA* [Russian State Historical Archives], f. 515, inv. 44, d. 475, l. 47–47 r.
9. Zaiavlenije doverennogo arendatorov zemel Murgabskogo gosudareva imenija v Glavnoje upravljenje udelov. 1904 g. [Statement of the Advocate of Tenants of the Murghab Sovereign's Estate to the Main Administration of Appanages. 1904]. *RGIA* [Russian State Historical Archives], f. 515, inv. 44, d. 475, l. 13–13 r.
10. Kanoda N.N. *Agrarnaja politika tsarizma v Turkmenistane (1881–1917 gg.)* [Agrarian Policy of Tsarism in Turkmenistan (1881–1917)]. Ashkhabad, Ylym Publ., 1991. 222 p.
11. Mironov B.N. *Sotsialnaja istorija Rossii perioda imperii (XVIII – nachalo XX v.): genezis lichnosti, demokratičeskoj semji, graždanskogo obščestva i pravovogo gosudarstva: v 2 t.* [Social History of Russia in the Imperial Period (18th – Early 20th Century). Genesis of the Individual, Democratic Family, Civil Society, and the Rule of Law. In 2 vols.]. Saint Petersburg, Dm. Bulanin Publ., 1999, vol. 2. 566 p.
12. Objasnenije doverennogo taranchej Amir-Khamzy Satinova ispravliaiushchemu dolžnost nachalnika Glavnogo upravljenija udelov. 1904 g. [Explanation of the Taranchi Advocate Amir-Khamza Satinov to the Acting Head of the Main Administration of Appanages. 1904]. *RGIA* [Russian State Historical Archives], f. 515, inv. 44, d. 475, l. 19–22.

13. Osnovnyje polozhenija po ustrojstvu i kolonizatsii Murgabskogo gosudareva imenija, vyrobotannye komissijej pod predsedatelstvom pomoshchnika upravljajushchego Departamentom udelov dejstvitelnogo statskogo sovetnika Vaganova. 1889 g. [The Main Provisions on the Arrangement and Colonization of the Murghab Sovereign's Estate, Developed by the Commission chaired by the State Councilor Vaganov. 1889]. *RGIA* [Russian State Historical Archives], f. 515, inv. 44, d. 71, l. 67-71.
14. Otnoshenije upravljajushchego Departamentom udelov voennomu gubernatoru Semirechenskoj oblasti. 1890 g. [The Appeal of the Head of the Department of Appanages to the Military Governor of the Semirechye Province. 1890]. *RGIA* [Russian State Historical Archives], f. 515, inv. 44, d. 475, l. 132.
15. Otnoshenije upravljajushchego Murgabskim gosudarevym imenijem voennomu gubernatoru Semirechenskoj oblasti. 1890 g. [The Appeal of the Manager of the Murghab Sovereign's Estate to the Military Governor of the Semirechye Province. 1890]. *RGIA* [Russian State Historical Archives], f. 515, inv. 44, d. 475, l. 133-134.
16. Programma podrobnoj revizii Murgabskogo gosudareva imenija. 1909 g. [Program of Detailed Revision of Murghab Sovereign's Estate. 1909]. *RGIA* [Russian State Historical Archives], f. 515, inv. 81, d. 164, l. 5-6.
17. Proshenije taranchinskogo obshchestva pri chetvertom reguljatore. 1906 g. [Petition of the Taranchi Society Under the Fourth Regulator. 1906]. *RGIA* [Russian State Historical Archives], f. 515, inv. 44, d. 475, l. 119-119 r.
18. Raport agronoma N.M. Studenova upravljajushchemu Murgabskim gosudarevym imenijem. 1906 g. [The Report of Agronomist N.M. Studenov to the Manager of the Murghab Sovereign's Estate. 1906]. *RGIA* [Russian State Historical Archives], f. 515, inv. 44, d. 475, l. 111-118.
19. Raport ispravljajushchego objazannosti upravljajushchego Murgabskim gosudarevym imenijem v Glavnoje upravlenije udelov. 1909 g. [The Report of the Acting Manager of the Murghab Sovereign's Estate to the Main Administration of Appanages. 1909]. *RGIA* [Russian State Historical Archives], f. 515, inv. 44, d. 475, l. 125.
20. Raport upravljajushchego Murgabskim gosudarevym imenijem v Glavnoje upravlenije udelov. 1902 g. [The Report of the Manager of the Murghab Sovereign's Estate to the Main Administration of Appanages. 1902]. *RGIA* [Russian State Historical Archives], f. 515, inv. 44, d. 475, l. 5-6.
21. Raport upravljajushchego Murgabskim gosudarevym imenijem v Glavnoje upravlenije udelov. № 468. 1904 g. [The Report of the Manager of the Murghab Sovereign's Estate to the Main Administration of Appanages, no. 468. 1904]. *RGIA* [Russian State Historical Archives], f. 515, inv. 44, d. 475, l. 38-39.
22. Raport upravljajushchego Murgabskim gosudarevym imenijem v Glavnoje upravlenije udelov. № 469. 1904 g. [The Report of the Manager of the Murghab Sovereign's Estate to the Main Administration of Appanages, no. 469. 1904]. *RGIA* [Russian State Historical Archives], f. 515, inv. 44, d. 475, l. 27-28.
23. Raport upravljajushchego Murgabskim gosudarevym imenijem v Glavnoje upravlenije udelov. 1906 g. [The Report of the Manager of the Murghab Sovereign's Estate to the Main Administration of Appanages. 1906]. *RGIA* [Russian State Historical Archives], f. 515, inv. 44, d. 475, l. 109-110.
24. Spravka po 7 deloproizvodstvu Glavnogo upravlenija udelov. 1903 g. [Note of the 7th Office of the Main Administration of Appanages. 1903]. *RGIA* [Russian State Historical Archives], f. 515, inv. 44, d. 475, l. 8-9.
25. Tikhomirov M.N. *Prisojedinenje Merva k Rossii* [The Annexation of Merv to Russia]. Moscow, Vost. lit. Publ., 1960. 239 p.
26. Keating J. *On Arid Ground. Political Ecologies of Empire in Russian Central Asia*. Oxford, Oxford U. P., 2022. 252 p.

Information About the Author

Dmitry V. Vasilyev, Doctor of Sciences (History), Associate Professor, Professor, Department of History, Institute of Humanities, Moscow City University, 2-j Selskhozjajstvennyj Proyezd, 4, 129226 Moscow, Russian Federation, dvvasiliev@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-6616-0646>

Информация об авторе

Дмитрий Валентинович Васильев, доктор исторических наук, доцент, профессор, департамент истории института гуманитарных наук, Московский городской педагогический университет, 2-й Сельскохозяйственный проезд, 4, 129226 г. Москва, Российская Федерация, dvvasiliev@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-6616-0646>

DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2026.3.8>

UDC 94(476)“1861/1868”

LBC 63.3(4Бел)

Submitted: 03.02.2025

Accepted: 28.06.2025

VERIFICATION COMMISSIONS IN THE LAND ARRANGEMENT OF PEASANTS IN THE TERRITORY OF BELARUS (1861–1868)

Svetlana A. Tolmacheva

Belarusian State Pedagogical University named after Maxim Tank, Minsk, Republic of Belarus

Abstract. Introduction. The implementation of the agrarian reform of 1861 and its specific features in the territory of Belarus, as well as the outcomes of the verification commissions, have been reflected in historiography. However, the mechanism and regulation of their activities, personnel composition, and other aspects have not been the subject of specialized research. The aim of this article is to reveal the transformation and mechanism of the work of verification commissions in the process of land arrangement of former serf peasants from 1861 to 1868, in connection with changes in the political situation in the territory of Belarus. **Methods and materials.** The source base of the article consisted of legislative acts and materials from Belarusian, Russian, and Lithuanian archives, as well as published documents. The content of the article is based on the use of principles of historicism, objectivity, and a value approach, as well as general scientific and special historical methods (historical-systemic, historical-comparative, historical-genetic, etc.). **Results.** The legislation of 1861 provided for the creation of district verification commissions as stipulated by the “Local Regulations...” for the Vilna, Grodno, Minsk, and four districts of the Vitebsk province, where peasants were endowed with land on a household basis. In 1863–1864, in connection with the uprising, the government revised the charter documents, which were entrusted to the verification commissions. The number of these commissions increased to two or three per district, their composition changed, and their functions expanded. In particular, verification commissions are considered part of the system of local government bodies. The use of historical-comparative and historical-genetic methods allowed us to reveal the evolution of the functional responsibilities of the verification commissions, depending on the political situation in the region and the government’s goals for implementing agrarian reforms. Verification commissions, initially created only to verify the accuracy of calculating the size of allotments and peasant duties according to the charter documents, from 1863 had to correct these documents and compose redemption acts. In doing so, the commissions generally satisfied the interests of peasants, especially on the estates of Roman Catholic landlords, whom the government sought to deprive of economic weight. As a result of the activities of the verification commissions, the amount of allotment land for peasants in the territory of Belarus increased, and the size of the quitrent was reduced, significantly reducing the size of redemption sums.

Key words: Belarus, agrarian reform of 1861, verification commission, land arrangement of peasants, charter document, redemption act.

Citation. Tolmacheva S.A. Verification Commissions in the Land Arrangement of Peasants in the Territory of Belarus (1861–1868). *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 4. Istoriya. Regionovedenie. Mezhdunarodnye otnosheniya* [Science Journal of Volgograd State University. History. Area Studies. International Relations], 2026, vol. 31, no. 3, pp. 84–94. (in Russian). DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2026.3.8>

ПОВЕРОЧНЫЕ КОМИССИИ В ПОЗЕМЕЛЬНОМ УСТРОЙСТВЕ КРЕСТЬЯН НА ТЕРРИТОРИИ БЕЛАРУСИ (1861–1868 гг.)

Светлана Александровна Толмачева

Белорусский государственный педагогический университет им. Максима Танка,
г. Минск, Республика Беларусь

Аннотация. *Введение.* Реализация аграрной реформы 1861 г. и ее особенности на территории Беларуси, а также результаты работы поверочных комиссий нашли отражение в историографии. Однако механизм и регламентация их деятельности, кадровый состав и др. аспекты не стали предметом специального исследования. Цель статьи – раскрыть трансформацию и механизм работы поверочных комиссий в процессе поземельного устройства бывших помещичьих крестьян в 1861–1868 гг. в связи с изменениями политической обстановки на территории Беларуси. *Методы и материалы.* Источниковую базу статьи составили законодательные акты, материалы белорусского, российского и литовского архивов, а также опубликованных документов. Содержание статьи базируется на использовании принципов историзма, объективности и ценностного подхода, а также общенаучных и специально-исторических методов (историко-системного, историко-сравнительного, историко-генетического и др.). *Результаты.* Создание поверочных комиссий «Местными положениями...» от 19 февраля 1861 г. предполагалось лишь там, где крестьяне наделялись землей подворно, в частности в Виленской, Гродненской, Минской и четырех уездах Витебской губернии. На большей части территории империи преобладало общинное землепользование. В 1863–1864 гг. в связи с восстанием правительство для привлечения крестьян на свою сторону пошло на пересмотр уставных грамот, что было возложено на поверочные комиссии. Количество последних увеличилось до двух-трех на уезд, изменился их состав, а функции расширились. Поверочные комиссии, созданные сначала только для проверки точности исчисления размера наделов и повинностей крестьян по уставным грамотам, с 1863 г. должны были исправлять последние и составлять выкупные акты. При этом комиссии удовлетворяли интересы крестьян, как правило, в имениях помещиков римско-католического вероисповедания, которых правительство стремилось лишить экономического веса. В результате деятельности поверочных комиссий количество наделной земли у крестьян на территории Беларуси увеличилось, а размер оброка был уменьшен, что значительно уменьшило размер выкупных сумм.

Ключевые слова: Беларусь, аграрная реформа 1861 г., поверочная комиссия, поземельное устройство крестьян, уставная грамота, выкупной акт.

Цитирование. Толмачева С. А. Поверочные комиссии в поземельном устройстве крестьян на территории Беларуси (1861–1868 гг.) // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 4, История. Регионоведение. Международные отношения. – 2026. – Т. 31, № 3. – С. 84–94. – DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2026.3.8>

Введение. Во второй половине XIX в. территория современной Беларуси включала 4 из 6 уездов Виленской губернии, 5 из 11 – Витебской, 6 из 9 – Гродненской, всю Минскую и Могилевскую губернии. В официальных документах употреблялся термин «северо-западные губернии», под которым подразумевались 6 губерний: Виленская, Витебская, Гродненская, Ковенская, Минская и Могилевская.

Аграрная реформа 1861 г. была одной из важнейших реформ Александра II, поэтому ее реализация стала предметом многочисленных исследований как в дореволюционной, так и в

советской и современной историографии. Хорошо изучены результаты и особенности проведения реформы на территории Беларуси, а также результаты работы поверочных комиссий [1; 7; 8; 19; 22; 23; и др.]. Однако механизм и регламентация их деятельности, кадровый состав и др. аспекты не стали предметом специального исследования. *Цель статьи* – раскрыть трансформацию и механизм работы поверочных комиссий в процессе поземельного устройства бывших помещичьих крестьян в 1861–1868 гг. в связи с изменениями политической обстановки на территории Беларуси.

Методы и материалы. Источниковую базу статьи составили законодательные акты, материалы Национального исторического архива Беларуси, Российского государственного исторического архива, Литовского государственного исторического архива, а также опубликованные документы. Многие из материалов ранее не были введены в научный оборот либо подверглись критическому переосмыслению, исходя из принципов объективности, историзма и ценностного подхода с использованием как общенаучных, так специально-исторических методов (историко-системного, историко-сравнительного, историко-генетического и др.). В частности, поверочные комиссии рассматриваются как часть системы органов местного управления. Использование историко-сравнительного и историко-генетического методов позволило раскрыть эволюцию функциональных обязанностей поверочных комиссий в зависимости от политической обстановки в регионе и целей правительства по реализации аграрных преобразований.

Анализ. Проведение аграрной реформы 1861 г. на территории Беларуси имело ряд особенностей. Так, тут действовали два «Местных Положения...». В Виленской, Гродненской, Ковенской, Минской губерниях и инфляндских уездах Витебской до реформы 1861 г. преобладало подворное землепользование, поэтому крестьяне наделялись землей на двор и получали на выкуп наделы, которыми они пользовались до реформы, с определенными условиями [15, № 36665, с. 340–372]. В Могилевской и белорусских уездах Витебской преобладало общинное землепользование, а крестьяне наделялись землей на общину по количеству ревизских душ [15, № 36662, с. 231–273]. В губерниях с подворным землепользованием предусматривалось создание поверочных комиссий для проверки при необходимости правильности составления уставных грамот, однако состав и условия работы комиссий определены не были. В губерниях с общинным землепользованием поверочные комиссии не предполагались.

21 ноября 1862 г. были изданы «Дополнительные правила о проверке повинностей временно-обязанных крестьян в губерниях: Виленской, Гродненской, Ковенской, Минской и в уездах: Динабургском, Дризенском, Лю-

цинском и Режицком Витебской губернии» (далее – «Правила») [16, № 38938, с. 350–355]. «Правила» предусматривали создание временных поверочных комиссий в каждом уезде. На работу им отводилось до 2 лет. Однако «Местным Положением...» для названных территорий предусматривался 6-летний срок деятельности комиссий (ст. 219) [15, № 36665, с. 371–372].

В соответствии с «Правилами» 1862 г. в состав поверочных комиссий входили член от правительства по назначению министра внутренних дел (председатель), мировой посредник участка, где проводилась проверка повинностей, выборный член от поместного дворянства и представитель от крестьян, которого выбирали в каждой волости отдельно. Уездное дворянское собрание выдвигало двух кандидатов в члены от дворян из числа лиц, имевших право занимать должности мировых посредников. Два кандидата от крестьян определялись на волостном сходе, из них губернатор утверждал одного членом комиссии, а 2-го – кандидатом. При проверке повинностей в имении, принадлежавшем члену от дворян, а также в селении, где жил представитель от крестьян, их места занимали кандидаты.

Поверочные комиссии должны были начинать работу в каждом имении только после утверждения и введения в действие уставной грамоты. Они не действовали в тех сельских общинах и у отдельных домохозяев, которые заключили с помещиком добровольные соглашения о выкупе угодий, а также там, где после издания указанных «Правил» были с согласия крестьян введены в действие подписанные ими уставные грамоты [15, № 36665, с. 371–372].

К компетенции комиссии относилась только проверка размеров наделов и повинностей за них. «Правилами» определялись высший разряд в размере 3 руб. оброка с десятины земли и низший. Так, в части Витебской губернии он составлял 1 руб. 20 коп., Виленской и Гродненской – 1 руб., в Минской – 80 коп. за десятину удобной земли. В соответствии с названными двумя разрядами губернские присутствия определяли размер барщины. Высшему оброку в 3 руб. соответствовали 23 дня барщины, в 1 руб. 20 коп. – 9 дней, 1 руб. – 8 дней, 80 коп. – 6 дней барщины [16, № 38938, с. 350, 352].

Губернское по крестьянским делам присутствие определяло общий план работ, решало споры, устанавливало преобладавшие в каждом уезде разряды земель, условия, которыми должны были руководствоваться члены комиссий в определении таких разрядов и др. [20, с. 54–55]. Оно передавало в поверочные комиссии введенные в действие уставные грамоты, а те, не менее чем за неделю до прибытия, извещали помещиков и крестьян, где будет проводиться проверка.

Комиссия добивалась заключения добровольного соглашения между помещиками и крестьянами. При этом составлялась новая уставная грамота, которая подписывалась сторонами, свидетельствовалась поверочной комиссией, передавалась мировому посреднику для исполнения. Жалобы на действия комиссии подавались в губернское присутствие в двухмесячный срок со дня предъявления поверочных актов. На решения губернского присутствия жалобы приносились министру внутренних дел в течение двух месяцев, но только если присутствием не принималось единогласное решение. Такие жалобы рассматривались в Совете министра. До разрешения жалоб нельзя было начинать выкуп земли. Совет министра утверждал постановления губернского присутствия или определял основания, по которым грамоты подлежали исправлению поверочной комиссией [20, с. 55].

В связи с восстанием 1863–1864 гг. правительство пошло на облегчение условий выкупа земли крестьянами, чтобы предотвратить их участие в волнениях. Указ от 1 марта 1863 г. объявил о прекращении временнообязанного состояния и переводе крестьян на обязательный выкуп в Виленской, Гродненской, Ковенской, Минской губерниях и четырех уездах Витебской. Мировых посредников края обвинили в злоупотреблениях при утверждении уставных грамот в пользу «польских» помещиков (римско-католического вероисповедания). Тут одновременно с проверкой повинностей крестьяне переводились на выкуп наделов с понижением на 20 % нормы выкупных платежей [17, № 39337, с. 196–198]. 9 апреля 1863 г. Александр II утвердил новые правила о составе и порядке работы поверочных комиссий [17, № 39463, с. 308–314]. В соот-

ветствии с ними во всех уездах указанных губерний создавалось по одной поверочной комиссии. По сравнению с «Правилами» от 21 ноября 1862 г. состав комиссий значительно изменился. Теперь в каждую входили по два члена от правительства и мировой посредник участка, где проходила проверка повинностей и определение выкупных платежей. Один член комиссии от правительства назначался министром внутренних дел (председатель), второй – министром финансов. При наличии в уезде только одного мирового посредника он участвовал в работе поверочных комиссий всех участков [21, с. 28]. Это было вызвано тем, что в 1863 г. большая часть дворянства края римско-католического вероисповедания поддержала восстание, а многие посредники подали в отставку. В результате Виленский генерал-губернатор М.Н. Муравьев принял решение о полной смене кадрового состава мировых посредников, поэтому в ряде участков некоторое время должности оставались вакантными. Выборные представители от дворян и крестьян в составе комиссий теперь не предусматривались.

В соответствии с «Правилами» от 9 апреля 1863 г. проверка повинностей проходила следующим образом. До начала работы комиссий губернское по крестьянским делам присутствие распределяло на разряды крестьянские участки согласно их качеству. С высшим разрядом по-прежнему соотносился денежный оброк в 3 руб. с десятины земли, а низшему 60 коп. – в Минской губ., в Виленской и Гродненской – 80 коп., а в Ковенской и части Витебской губ. – 1 руб. за десятину. Таким образом, новыми «Правилами», по сравнению с «Правилами» от 21 ноября 1862 г., значительно понижалась стоимость низшего разряда. Между этими двумя крайними разрядами губернское по крестьянским делам присутствие определяло переходные разряды с однородными промежутками. Полагалось, что если эти промежутки будут составлять по 20 коп., то в Ковенской и части Витебской губерний получится 11, в Виленской и Гродненской – 12, а в Минской губ. – 13 разрядов. В результате платежи исчислялись бы следующим образом: 1-й – 3 руб. с десятины, 2-й – 2 руб. 80 коп., а 13-й – 60 коп. с десятины. При этом комиссиям предоставлялось право

определять еще меньшие платежи, если земли по качеству «находятся в исключительном, невыгодном положении» [17, № 39463, с. 311]. Однако в Инструкции поверочным комиссиям, составленной Виленским генерал-губернатором, предлагалось разделить земли указанных губерний не на 13, а на 10 разрядов с промежутками между семью высшими разрядами в 30 коп., а в трех низших – в 20 коп., добавлялась и таблица распределения. В ней приводились разряды с указанием качества земли и стоимости за десятину. При этом высшая и низшая цена за десятину осталась той же, что и в «Правилах» от 9 апреля 1863 г. [21, с. 43].

Такая неопределенность приводила к разночтениям в применении Инструкции. Например, при проведении поверочных работ в Минской губ. некоторые комиссии «допустили при своих действиях произвольные токования инструкции и распоряжений правительства» [13, л. 931]. В результате Минское губернское по крестьянским делам присутствие неоднократно возвращало в поверочные комиссии выкупные акты для исправления и пересоставления. Такие случаи часто повторялись в Мозырском и Слуцком уездах Минской губ., поэтому «для более успешного хода дела» состав этих комиссий был изменен [13, л. 931]. При этом новые комиссии пересматривали решения предыдущих. Так, первые два состава поверочных комиссий Слуцкого уезда определили качество почвы «глинистою» и отнесли их по Инструкции к 5-му и 6-му разрядам в 1 руб. 80 коп. и 1 руб. 50 коп. за десятину земли. Приняв этот оценочный разряд за основной, они затем понижали его до 60 коп. и даже 48 коп., ссылаясь на такие неудобства, которые не существовали или не были определены в Инструкции в качестве причины понижения цены. Например, во многих имениях князей Витгенштейна и Радзивилла было сделано понижение на 4 разряда: «за недостаточность», отдаленность или разбросанность сенокосов, плохое качество сена и др. По жалобам владельцев на неправомерность такого понижения Минское губернское по крестьянским делам присутствие, а в некоторых случаях и МВД, возвращали акты в комиссии для ликвидации несоответствующего Инструкции понижения оценки земли [10, л. 41 об. – 44].

В январе 1864 г. М.Н. Муравьев предложил комиссиям при разности почвы в нескольких поселениях одного поместья делать промежутки в оценке между разрядами не в 20–30 коп., как в Инструкции, а в 10 коп. [24, л. 55 об.]. Однако и это положение нередко нарушалось. Бывали и случаи резкого отличия оценки в смежных аналогичных селениях и даже разнопоместных частях одного селения. Так, в имении Бокшицы князя Витгенштейна в Слуцком уезде одно селение было оценено поверочной комиссией в 1 руб. 20 коп. за десятину, а другое, смежное и с таким же названием – в 60 коп. В том же уезде в имении Кокоричи часть земли у помещика Пашкевича была оценена в 1 руб. 10 коп., а другая часть Тарасевича и Забеллы – в 48 коп. ежегодного платежа [12, с. 52]. В связи с подобными случаями 10 февраля 1864 г. вышел циркуляр, рекомендовавший поверочным комиссиям и губернским присутствиям «внимательно относиться» к значительному снижению стоимости земли [24, л. 15–16]. Последнее распоряжение подтверждает тезис о том, что комиссии стремились удовлетворить интересы крестьян.

Поверочная комиссия в присутствии помещика или его представителя предъявляла крестьянам уставную грамоту и объявляла условия выкупа угодий. Обе стороны могли высказать свои замечания об особенностях всего имения или некоторых подворных участков: о качестве почвы, местных арендных ценах на земли разного качества и др. Крестьяне могли уточнить, какие конкретно угодья и в каком размере они предполагали приобрести. Комиссия составляла акт, где отмечались разряд и причины отнесения к нему земель, размер надела и т. д. Акты отправлялись на рассмотрение и заключение губернского по крестьянским делам присутствия, затем передавались в Главное выкупное учреждение, дававшее разрешение на выкуп [2, л. 21].

Циркуляром М.Н. Муравьева от 14 августа 1863 г. компетенция комиссий расширялась. Теперь при неправильном указании количества земли, лишении крестьян сенокосов и выгонов, сервитутов, неуказании неудоб и др., поверочные комиссии могли исправлять уставные грамоты и относительно крестьянского надела [21, с. 63–64].

В целом условия проверки земель, передаваемых крестьянам, не были четко определены, допускались неточности в измерении и при проверке размеров наделов в выкупных актах, а границы земель или вообще не определялись, или определялись, но с ошибками [10, л. 38]. Многие комиссии были мало знакомы с особенностями местных поземельных отношений, потому что преобладающее большинство их членов приехали после 1863 г. из внутренних губерний империи. Виленский генерал-губернатор А.Л. Потапов в июне 1868 г. отмечал, что «...личный состав поверочных комиссий и вообще мировых учреждений набран был весьма разнокалиберный и неподготовленный к делу. При таком составе, вместо назначения каждому точно определенного законом места и круга действий, сделано было им лишь общее воззвание к политической деятельности и к водворению русских начал, без всякого разумного указания им меры и согласования их действий» [10, л. 3–5; 24, л. 33–35].

В соответствии со ст. 13 «Правил» от 9 апреля 1863 г., каждое губернское по крестьянским делам присутствие должно было разработать свою инструкцию поверочным комиссиям губернии. Однако М.Н. Муравьев заменил их общей инструкцией для всего края с некоторыми отступлениями от основных направлений, обозначенных в «Правилах» от 9 апреля 1863 г. [9, л. 86–90 об.]. Так, отмечалось, что «оценке подлежат те земли, которые состояли в пользовании крестьян при обнародовании указа 1 марта 1863 г.» вместо «...земли, состоявшей в пользовании при обнародовании Положения 19 февраля 1861 г.», как это следовало из указанных «Положения» и указа. Инструкция была составлена в июне 1863 г. и без согласования с МВД дана для руководства поверочным комиссиям, начавшим свою работу с августа 1863 г. [10, л. 8–10, 38].

Политические обстоятельства требовали быстрого решения поземельного устройства крестьян. М.Н. Муравьев ходатайствовал перед Главным комитетом об устройстве сельского состояния о разрешении открывать по две поверочные комиссии в каждом уезде, а расходы на их содержание отнести на чрезвычайный контрибуционный сбор с местных

помещиков. 7 октября 1863 г. Главный комитет поддержал инициативу М.Н. Муравьева, а 22 октября 1863 г. ее утвердил Александр II [11, л. 2–11 об.; 18, № 40145, с. 123].

После этого в уездах начали создаваться по 2 и даже по 3 поверочные комиссии. По мере окончания работ они переводились в другие уезды и даже губернии. Так, в Гродненской губернии в августе 1863 г. комиссии начали работу в 6 уездах, а в сентябре – еще в двух. В 1864 г. были дополнительно созданы 5 комиссий. К 1 января 1865 г. по две поверочные комиссии работали в пяти уездах, а в трех – по одной. К 1 июля 1865 г. две комиссии действовали только в одном уезде, а в остальных – по одной. К концу 1865 г. ими были проверены 1 683 (98,8 %) имения с 176 391 ревизской душой, составлено 2 573 выкупных акта на 632 125 дес. земли. К 1 января 1867 г. все поверочные комиссии Гродненской губ. завершили свою работу [4, л. 1 об., 3; 10, л. 38; 14, л. 39–42, 72–76, 87 – 88 об.].

В Виленской губернии 1 февраля 1864 г. во всех уездах было по одной комиссии, а к 1 января 1865 г. по две комиссии действовали уже в пяти уездах. 1 ноября 1865 г. в трех уездах губернии осталось по одной поверочной комиссии, в двух – по две, а в одном стало три. Постепенно комиссии завершали свою работу, и 1 июля 1866 г. в губернии действовали по одной поверочной комиссии во всех уездах, а к 1 января 1867 г. они были ликвидированы [14, л. 19–135]. К этому времени комиссии составили 2 188 выкупных актов [7, с. 222–224].

В Витебской губернии предусматривалось создание поверочных комиссий только в четырех уездах. К 1 января 1866 г. в двух уездах действовало по две комиссии, в двух – по одной [14, л. 46–48а, 81–111а]. К 1 июля 1866 г. поверочные работы в губернии были завершены. При этом при проверке выяснилось много неточностей, допущенных при составлении и введении уставных грамот. Так, значительное количество неудобных земель, ранее облагаемых повинностями, было исключено, а оброк установлен в соответствии с качеством и площадью выкупаемых крестьянами угодий [13, л. 366–367].

В Минской губернии процесс составления и утверждения выкупных актов затянулся, так как проверка крестьянских наделов

проводилась только после их «инструментального измерения» [13, л. 927–927 об.]. Тут 1 января 1865 г. во всех уездах действовали по две поверочные комиссии. 1 января 1866 г. в двух уездах работали по три комиссии, а в остальных уездах – по-прежнему по две. 1 июля 1866 г. в трех уездах осталось уже по одной комиссии, еще в трех – по две, а в одном уезде – три. К 1 июля 1867 г. комиссии работали только в четырех уездах [14, л. 34–38, 92 – 99 об., 136–140]. 15 марта 1868 г. Виленский генерал-губернатор докладывал МВД о закрытии поверочных комиссий в Минской губ. [4, л. 63; 5, л. 149]. К 1 января 1870 г. Главным выкупным учреждением были окончательно утверждены 16 043 выкупных акта [4, л. 52–53; 7, с. 222–224].

Относительная медленность поверочных работ иногда была результатом разного подхода членов комиссии к ее работе. Так, в августе 1864 г. во 2-й поверочной комиссии Борисовского уезда Минской губ. произошли разногласия между двумя ее членами – членом от Министерства финансов И.Н. Никотиным и мировым посредником 3-го участка В.П. Раздеришиным. И.Н. Никотин в письме губернатору обвинял в медленности поверочных работ в Тумиловичской волости посредника, отмечая, что «позднее вставание от сна г. посредника не мало отнимало времени для дела даже до полдня, а иногда и более, <...> и эта задержка со стороны мирового посредника увеличивалась с каждым днем <...> мировой посредник стал отлучаться на целые дни, не заглядывая в комиссию» [3, л. 1–3 об.]. В ответ Раздеришин письменно отказался от участия в работе комиссии до возвращения председателя и поехал в свой участок исполнять срочные обязанности мирового посредника. В это время председатель комиссии – член от МВД О.Ф. Савинич – в течение трех недель находился «по делам службы» в г. Борисове, где был председателем уездного съезда мировых посредников, и г. Минск. Перед отъездом он поручил продолжать работу комиссии, не дожидаясь его возвращения, собирать сведения, необходимые для составления актов, распределить землемеров по имениям и контролировать их работу. Ссора привела к тому, что В.П. Раздеришин и И.Н. Никотин действовали в разных имениях. Конф-

ликт разбирался на заседании Минского губернского по крестьянским делам присутствия 22 сентября 1864 г., которое отправило для разбирательства на место работы комиссии члена присутствия Николаева. Этот инцидент стал основанием повторной проверки уже рассмотренных присутствием протоколов и выкупных актов [3, л. 18–22 об.].

В.П. Панютин утверждал, что «поверочные работы и составление выкупных актов, как и ранее уставных грамот, сопровождались злоупотреблениями помещиков и поверочных комиссий» [1, с. 93]. Это высказывание оспаривает содержание циркуляра М.Н. Муравьева от 16 ноября 1863 г., в котором отмечалось «одностороннее направление поверочных комиссий и назначение ими непомерно низких цен за земли» [12, с. 4], что свидетельствует о том, что поверочные комиссии зачастую стремились удовлетворить интересы крестьянства, а не помещичьего дворянства.

Первоначально закон предусматривал лишь проверку определенных в уставных грамотах крестьянских повинностей. Но на практике выяснилось, что при предъявлении крестьянам указанного за ними в уставной грамоте надела во многих случаях происходила отрезка или невключение части земельных угодий или урочищ, на которые крестьяне имели право. Поэтому циркуляром М.Н. Муравьева от 14 августа 1863 г. поверочные комиссии обязаны были исправлять все замеченные в грамотах неточности относительно состава и количества крестьянского надела и передавать крестьянам в собственность все земли, которые им должны были принадлежать в соответствии с «Местным Положением...» [12, с. 41].

В условиях недоверия к местным помещикам, особенно католикам, поверочные комиссии нередко отдавали предпочтение словам крестьян. Так, в Дисненском уезде Виленской губернии помещица Анна Лопацинская еще до работы поверочной комиссии измерила земли, которыми пользовались крестьяне. Для ликвидации чересполосицы по добровольному соглашению обменяла с крестьянами часть пахотных и пастбищных земель, при этом дала крестьянам больше угодий, чем они пользовались до реформы. Когда же в имении начала работу поверочная комиссия, то

крестьяне указали те земли, которые были в их пользовании до 1861 г., «забыв» сообщить о том, на какие угодья они были обменяны. Поверенного помещицы комиссия слушать не пожелала. В результате крестьянам отдали и бывшие земли, и новые, которыми крестьяне никогда раньше не пользовались [6, л. 12–13].

Кроме того, в одних циркулярах (14 апреля 1864 г. и 3 февраля 1865 г.) проверка количества земли и границ крестьянского надела требовалась от поверочных комиссий во всех случаях. В других циркулярах (14 августа 1863 г. и 17 июня 1864 г.) – только если крестьяне подадут жалобу или выскажут сомнение по поводу данных в уставной грамоте. При этом Инструкцией поверочным комиссиям в случае несогласия крестьян с размерами земли допускалось проводить измерение приблизительное [12, с. 41–42]. Временными правилами для поверочных комиссий разрешалось во время восстания 1863–1864 гг. проводить поверочные работы, даже не выезжая в имение, путем опроса сторон. Последние правила предполагалось применять на время волнений, но распоряжения о прекращении действия этих правил не последовало, и поверочные комиссии продолжали ими руководствоваться и позже [12, с. 42].

Таким образом, отсутствие четких правил относительно методов проверки крестьянского надела, а также неопределенность сделанных администрацией общих указаний стали причиной работы поверочных комиссий по своему усмотрению. Одни считали, что все уставные грамоты, составленные предыдущим составом мировых посредников «польского происхождения», были в пользу помещиков. Поэтому они стали подробно измерять крестьянские наделы в каждом имении с отнесением границ надела на план [24, л. 11–13]. Другие комиссии, желая ускорить свои работы, ограничивались или выкопировкой крестьянского надела из помещичьих планов, или приблизительным измерением лишь нескольких отдельных участков по выбору, или сведениями уставной грамоты, если крестьяне не выступали против нее. Были и такие случаи, когда крестьяне специально не указывали часть своего надела, рассчитывая этим уменьшить свои платежи [10, л. 41–44; 12, с. 42, 43, 52].

После исправления уставных грамот крестьянские наделы были увеличены за счет помещичьих фольварковых земель, а оброк – снижен. По подсчетам М.Б. Фридман, в Минской губ. количество наделной земли увеличилось почти на треть, а оброк был уменьшен в 2,5–3 раза [22, с. 164]. По данным Т.В. Долгач и А.Ф. Ратько, количество наделной земли по выкупным актам в сравнении с наделом 1861 г. в Минской губ. возросло на 20,6 %, в Гродненской – 13,8 %, Виленской – 7,5 %, Витебской (4 уезда) – на 17,1 %. При этом годовая величина платежей на десятину земли по выкупным актам в сравнении с уставными грамотами сократилась в Минской губ. в среднем на 1 руб. 50 коп. (75,4 %), Гродненской – на 1 руб. 48 коп. (68,8 %), в Виленской – на 1 руб. 37 коп. (64,9 %) [19, с. 178–179]. В целом, по мнению А.А. Комзоловой, при составлении выкупных актов в 1865–1866 гг. деятельность поверочных комиссий характеризовалась наиболее значительными уступками требованиям крестьян при определении размеров надела, его оценке, установлении разрядов угодий и их разверстании [8, с. 184]. Размер крестьянских земель возрос, а выкупная цена за них была значительно снижена.

В Могилевской и белорусских уездах Витебской губернии перевод на выкуп бывших помещичьих крестьян проводился иначе. Указом Александра II от 2 ноября 1863 г. обязательные отношения между временнообязанными крестьянами и помещиками прекращались. Тут уставные грамоты переводились в выкупные акты, а проверка повинностей для определения размеров выкупных платежей заменялась лишь удостоверением в правильности уставных грамот. Оно возлагалось на съезды мировых посредников, которые могли исправлять неточно составленные грамоты как относительно надела, так и повинностей. Затем грамоты передавались на утверждение в губернское по крестьянским делам присутствие и Главное выкупное учреждение [17, № 40172, с. 140–141].

Результаты. Создание уездных поверочных комиссий предусматривалось не на всей территории Беларуси, а только в Виленской, Гродненской, Минской и четырех уездах Витебской губ., потому что здесь крестьяне

наделялись землей подворно на основании особого «Местного Положения...». В 1863–1864 гг. в связи с политическими обстоятельствами в крае правительство для привлечения крестьян на свою сторону пошло на пересмотр уставных грамот, что было возложено на поверочные комиссии. Количество последних увеличилось до двух-трех на уезд, изменился их состав. Спешность работ и недостаточное знание чиновниками, присланными из внутренних губерний империи, местных особенностей в поземельных отношениях стали причиной многочисленных ошибок и неточностей.

Функции поверочных комиссий за время их существования постепенно расширялись. Созданные сначала для проверки точности исчисления размера повинностей крестьян по уставным грамотам, с 1863 г. они должны были переводить грамоты в выкупные акты. Стремление местных властей как можно скорее завершить работу по составлению и введению выкупных актов приводило к многочисленным ошибкам. В результате деятельности поверочных комиссий количество наделенной земли у крестьян увеличилось почти на треть, а размер оброка был уменьшен в 2,5–3 раза, что значительно уменьшило размер выкупных сумм.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Гісторыя сялянства Беларусі са старажытных часоў да нашых дзён. У 3 т. Т. 2: Гісторыя сялянства Беларусі ад рэформы 1861 г. да сакавіка 1917 г. / пад рэд. В. П. Панюціча. Мінск: Бел. навука, 2002. 552 с.
2. Дело Государственного Совета. О некоторых вопросах, относящихся до устройства быта крестьян Северо-Западного края // Российский государственный исторический архив (далее – РГИА). Ф. 1181. Оп. 1. Д. 63.25 л.
3. Дело о командировании членов Присутствия в уезды Минской губернии для проверки деятельности поверочных комиссий // Национальный исторический архив Беларуси (далее – НИАБ). Ф. 242. Оп. 1. Д. 392. 40 л.
4. Дело об окончании действий поверочных комиссий в Северо-Западном крае // РГИА. Ф. 1291. Оп. 33, 1865 г. Д. 531. 67 л.
5. Дело по отношению Виленского генерал-губернатора о закрытии дополнительных поверочных комиссий и поверочных комиссий в уездах: Минском, Борисовском, Игуменском, Новогрудском и Бобруйском и сдаче дел председателям уездных мировых съездов // НИАБ. Ф. 242. Оп. 1. Д. 811. 263 л.
6. Жалобы крестьян и помещиков Виленской губернии на действия поверочных комиссий // Литовский государственный исторический архив (далее – ЛГИА). Ф. 385. Оп. 1. Д. 4. 88 л.
7. Зайончковский П. А. Отмена крепостного права в России. М.: Просвещение, 1968. 368 с.
8. Комзолова А. А. Политика самодержавия в Северо-Западном крае в эпоху Великих реформ. М.: Наука, 2005. 383 с.
9. Местное положение о поземельном устройстве крестьян, водворенных на помещичьих землях в Виленской, Гродненской, Ковенской, Минской и части Витебской губерниях. 1861–1895 г. // РГИА. Ф. 577. Оп. 50. Д. 271. 105 л.
10. О мерах к устранению затруднений по крестьянскому делу в губерниях Виленской, Гродненской, Ковенской и Минской // РГИА. Ф. 1291. Оп. 33, 1868 г. Д. 34. 119 л.
11. Об увеличении числа поверочных комиссий в Северо-Западном крае // РГИА. Ф. 1181. Оп. 1, 1863 г. Д. 136. 12 л.
12. Отношение генерал-адъютанта Потапова к министру внутренних дел от 24 июня 1868 г. № 2265 // Научно-справочная библиотека Российского государственного исторического архива. Печатная записка 952.
13. Отчеты губернаторов за 1865 год. Часть 9-я // РГИА. Ф. 1263. Оп. 1. Д. 3260. 1095 л.
14. Переписка с Виленским, Гродненским и другими губернскими присутствиями о составе губернских и уездных по крестьянским делам учреждений по губерниям с 1862 по 1867 г. // НИАБ. Ф. 242. Оп. 1. Д. 172. 178 л.
15. Полное собрание законов Российской империи (далее – ПСЗРИ). Собрание второе. Т. 36 (1861). Отд. 1. СПб.: Тип. II отд-ния собств. Е. И. В. канцелярии, 1863. 1068 с.
16. ПСЗРИ. Собрание второе. Т. 37 (1862). Отд. 2. СПб.: Тип. II отд-ния собств. Е. И. В. канцелярии, 1865. 863 с.
17. ПСЗРИ. Собрание второе. Т. 38 (1863). Отд. 1. СПб.: Тип. II отд-ния собств. Е. И. В. канцелярии, 1866. 948 с.
18. ПСЗРИ. Собрание второе. Т. 38 (1863). Отд. 2. СПб.: Тип. II отд-ния собств. Е. И. В. канцелярии, 1866. 1148 с.

19. Сацыяльна-эканамічнае развіццё Беларусі (канец XVIII – пачатак XX ст.) / рэдкал.: В. В. Даніловіч (гал. рэд.). Мінск: Беларус. навука, 2020. 684 с.
20. Сборник правительственных распоряжений по устройству быта крестьян, вышедших из крепостной зависимости. СПб.: Земский отд. М-ва внутр. дел. Т. 3. Ч. 2: С 1-го июля 1862 по 1-е января 1863 года. 1863. [2], XXIII. 221 с.
21. Сборник правительственных распоряжений по устройству быта крестьян-собственников в Северо-западном крае. Вильна: Тип. Штаба Вилен. воен. окр., 1864. VI. 150 с.
22. Фридман М. Б. Отмена крепостного права в Белоруссии. Минск: Изд-во Белгосуниверситета, 1958. 200 с.
23. Хиллута В. А. Политика царизма и крестьянская реформа 1861 г. в Западной Беларуси // Регионалистика: сб. науч. тр. / науч. ред. В. Н. Ватыль. Гродно: ГрГУ, 2009. С. 133–151.
24. Циркуляры господина Главного начальника края // ЛГИА. Ф. 385. Оп. 1. Д. 2е. 190 л.

REFERENCES

1. *Gistoryja sjaljanstva Belarusi sa starazhytnyh chasow da nashyh dzjon. U 3 t. T. 2: Gistoryja sjaljanstva Belarusi ad rjeformy 1861 g. da sakavika 1917 g.* [The History of the Peasantry of Belarus from Ancient Times to the Present Days: In 3 Vols. Vol. 2. The History of the Peasantry of Belarus from the Reform of 1861 to March 1917]. Minsk, Bel. navuka Publ., 2002. 552 p.
2. Delo Gosudarstvennogo Soveta. O nekotorykh voprosakh, odnosjashchikhsja do ustrojstva byta krestjan Severo-Zapadnago kraja [Case of the State Council. On Some Issues Related to the Arrangement of Peasants' Lives in the Northwestern Region]. *Rossijskij gosudarstvennyj istoricheskij arkhiv* (hereinafter – RGIA) [Russian State Historical Archive], f. 1181, inv. 1, d. 63. 25 l.
3. Delo o komandirovanii chlenov Pristutstvija v ujezdy Minskoj gubernii dlja proverki dejatelnosti poverochnykh komissij [The Case of Sending Members of the Local Institution to the Districts of the Minsk Province to Check the Activities of the Verification Commissions]. *Natsionalnyj istoricheskij arkhiv Belarusi* (hereinafter – NIAB) [National Historical Archive of Belarus], f. 242, inv. 1, d. 392. 40 l.
4. Delo ob okonchanii dejstvij poverochnykh komissij v Severo-Zapadnom kraje [Case on the Completion of the Actions of Verification Commissions in the Northwestern Region]. *RGIA* [Russian State Historical Archive], f. 1291, inv. 33, 1865 g., d. 531. 67 l.
5. Delo po otnosheniju Vilenskogo general-gubernatora o zakrytii dopolnitelnykh poverochnykh komissij i poverochnykh komissij v ujezdakh: Minskom, Borisovskom, Igumenskom, Novogrudskom i Bobrujskom i sdache del predsedateljam ujezdnykh mirovykh sjezdov [Case Concerning the Vilna Governor-General About the Closure of Additional Verification Commissions and Verification Commissions in the Districts: Minsk, Borisov, Igumen, Novogrudok, and Bobrujsk and the Handover of Cases to the Chairmen of District World Congresses]. *NIAB* [National Historical Archive of Belarus], f. 242, inv. 1, d. 811. 263 l.
6. Zhaloby krestjan i pomeshchikov Vilenskoj gubernii na dejstvija poverochnykh komissij [Complaints of Peasants and Landowners of the Vilna Province About the Actions of the Verification Commissions]. *Litovskij gosudarstvennyj istoricheskij arkhiv* (hereinafter – LGIA) [Lithuanian State Historical Archive], f. 385, inv. 1, d. 4. 88 l.
7. Zajonchkovskij P.A. *Otmena krepostnogo prava v Rossii* [Abolition of Serfdom in Russia]. Moscow, Prosveshchenije Publ., 1968. 368 p.
8. Komzolova A.A. *Politika samodержavija v Severo-Zapadnom kraje v epokhu Velikikh reform* [The Policy of Autocracy in the Northwestern Region During the Era of the Great Reforms]. Moscow, Nauka Publ., 2005. 383 p.
9. Mestnoje polozhenije o pozemelnom ustrojstve krestjan, vodvorennykh na pomeshchichikh zemljakh v Vilenskoj, Grodnenskoj, Kovenskoj, Minskoj i chasti Vitebskoj gubernijakh. 1861–1895 g. [Local Regulations on the Land Arrangement of Peasants Settled on Landlords' Lands in the Vilna, Grodno, Kovno, Minsk, and part of the Vitebsk Provinces. 1861–1895]. *RGIA* [Russian State Historical Archive], f. 577, inv. 50, d. 271. 105 l.
10. O merakh k ustraneniu zatrudnenij po krestjanskomu delu v gubernijakh Vilenskoj, Grodnenskoj, Kovenskoj i Minskoj [On Measures to Eliminate Difficulties in Peasant Affairs in the Provinces of Vilna, Grodno, Kovno, and Minsk]. *RGIA* [Russian State Historical Archive], f. 1291, inv. 33, 1868 g., d. 34. 119 l.
11. Ob uvelichenii chisla poverochnykh komissij v Severo-Zapadnom kraje [On the Increase in the Number of Verification Commissions in the Northwestern Region]. *RGIA* [Russian State Historical Archive], f. 1181, inv. 1, 1863 g., d. 136. 12 l.
12. Otnoshenije general-adjutanta Potapova k ministru vnutrennikh del ot 24 ijunja 1868 g. № 2265 [Report by General Adjutant Potapov to the Minister of Internal Affairs dated June 24, 1868, No. 2265]. *Nauchno-spravochnaja biblioteka Rossijskogo gosudarstvennogo istoricheskogo arkhiva. Pечатная записка 952* [Scientific Reference Library of the Russian State Historical Archive. Printed Note 952].

13. Otchety gubernatorov za 1865 god. Chast 9-ja [Governors' Reports for the Year 1865. Part 9]. *RGIA* [Russian State Historical Archive], f. 1263, inv. 1, d. 3260. 1095 l.
14. Perepiska s Vilenskim, Grodnenskim i drugimi gubernskimi prisutstviami o sostave gubernskikh i ujezdnykh po krestjanskim delam uchrezhdenij po gubernijam s 1862 po 1867 g. [Correspondence with Vilna, Grodno, and Other Provincial Presences on the Composition of Provincial and District Institutions for Peasant Affairs from 1862 to 1867]. *NLAB* [National Historical Archive of Belarus], f. 242, inv. 1, d. 172. 178 l.
15. *Polnoje sobranije zakonov Rossijskoj imperii* (hereinafter – PSZRI). *Sobranije vtoroje. T. 36 (1861). Otd. 1* [Complete Collection of Laws of the Russian Empire. Second Collection. Vol. 36 (1861). Pt. 1]. Saint Petersburg, Tip. II otd-nija sobstv. Je.I.V. kantseljarii, 1863. 1068 p.
16. *PSZRI. Sobranije vtoroje. T. 37 (1862). Otd. 2* [Complete Collection of Laws of the Russian Empire. Second Collection. Vol. 37 (1862). Pt. 2]. Saint Petersburg, Tip. II otd-nija sobstv. Je.I.V. kantseljarii, 1865. 863 p.
17. *PSZRI. Sobranije vtoroje. T. 38 (1863). Otd. 1* [Complete Collection of Laws of the Russian Empire. Second Collection. Vol. 38 (1863). Pt. 1]. Saint Petersburg, Tip. II otd-nija sobstv. Je.I.V. kantseljarii, 1866. 948 p.
18. *PSZRI. Sobranije vtoroje. T. 38 (1863). Otd. 2* [Complete Collection of Laws of the Russian Empire. Second Collection. Vol. 38 (1863). Pt. 2]. Saint Petersburg, Tip. II otd-nija sobstv. Je.I.V. kantseljarii, 1866. 1148 p.
19. Danilovic V.V., ed. *Satsyialna-ekanamichnae razvitsse Belarusi (kanets XVIII – pachatak XX st.)* [Socio-Economic Development of Belarus (End of the 18th – Beginning of the 20th Century)]. Minsk, Belarus. navuka, 2020. 684 p.
20. *Sbornik pravitelstvennykh rasporjazhenij po ustrojstvu byta krestjan, vyshedshikh iz krepostnoj zavisimosti* [Collection of Government Orders on the Arrangement of the Lives of Peasants Who Have Left Serfdom]. Saint Petersburg, Zemskij otd. M-va vnutr. del, vol. 3, pt. 2: from July 1, 1862, to January 1, 1863. 2, XXIII. 221 p.
21. *Sbornik pravitelstvennykh rasporjazhenij po ustrojstvu byta krestjan-sobstvennikov v Severo-zapadnom kraje* [Collection of Government Orders on the Arrangement of the Lives of Peasant Owners in the Northwestern Region]. Vilna, Tip. Shtaba Vilen. voen. okr., 1864. VI. 150 p.
22. Fridman M.B. *Otmena krepostnogo prava v Belorussii* [Abolition of Serfdom in Belarus]. Minsk, Izd-vo Belgosuniversiteta, 1958. 200 p.
23. Khiljuta V.A. Politika tsarizma i krestjanskaja reforma 1861 g. v Zapadnoj Belarusi [The Policy of Tsarism and the Peasant Reform of 1861 in Western Belarus]. Vatył V.N., ed. *Regionalistika: sb. nauch. tr.* [Regionalistics. Collection of Scientific Works]. Grodno, GrGU, 2009, pp. 133-151.
24. Tsirkuljary gospodina Glavnogo nachalnika kraja [Circulars of the Chief Administrator of the Region]. *LGIA* [Lithuanian State Historical Archive], f. 385, inv. 1, d. 2e. 190 l.

Information About the Author

Svetlana A. Tolmacheva, Doctor of Sciences (History), Associate Professor, Head of the Department of History of Belarus and Slavic Nations, Belarusian State Pedagogical University named after Maxim Tank, Sovetskaya St, 18, 220030 Minsk, Republic of Belarus, tolmachova.sv@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-6708-0282>

Информация об авторе

Светлана Александровна Толмачева, доктор исторических наук, доцент, заведующий кафедрой истории Беларуси и славянских народов, Белорусский государственный педагогический университет им. Максима Танка, ул. Советская, 18, 220030 г. Минск, Республика Беларусь, tolmachova.sv@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-6708-0282>

DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2026.3.9>

UDC 94(470+571)“1920/1930”:334.716

LBC 63.3(2)61-2

Submitted: 15.01.2026

Accepted: 31.05.2026

LABOR FORCE AT INDUSTRIAL ENTERPRISES IN THE LOWER VOLGA REGION AT THE TURN OF THE 1920s AND 1930s: ORGANIZATION OF THE USE OF DEKULAKIZED LABOR

Taisiya V. Yudina

Volgograd State University, Volgograd, Russian Federation

Abstract. *Introduction.* The construction of new industrial enterprises in the Lower Volga region in the late 1920s and early 1930s, as well as the reconstruction of existing enterprises, required a constant influx of a labor force. Recruitment agencies ran various campaigns to hire workers, primarily from the countryside, by sending recruiters on trips to settlements in Saratov, Stalingrad, Astrakhan, and other nearby provinces. Despite the replenishment, many enterprises in the Lower Volga Region continued to experience an insufficient complement of the labor force. Because of such conditions in the early 1930s, a number of industrial enterprises in the region began to attract labor militia members, so-called “non-working elements,” or dekulakized peasants. *Methods and materials.* The use of a systematic approach, analysis, and synthesis allowed us to understand the specifics of the use of labor by the dekulakized and their family members. *Analysis.* The use of their labor was applied not only in civilian but also in military construction and was strictly centralized. The host enterprises, which needed a labor force, were obliged to provide the dekulakized with housing, tools, food, and necessary kitchen equipment. The distribution and movement of the dispossessed labor force were controlled by the Lower Volga Regional Labor Department and, upon agreement with the regional department, by the city ones. The use of the labor of the dispossessed in the enterprises of the Lower Volga region was regulated by the Model Agreement, which clearly defined the share contributions of each employee to the mandatory security for them and the labor authorities and fixed the amounts of cash payments from the earned funds. The Labor Code adopted in the RSFSR in 1918 did not apply to Soviet citizens who had been dekulakized, so their wages for the same work were significantly lower than those of other workers. *Results.* The state policy implemented towards dekulakized peasants who were not deported outside their region led to the use of cheap labor for industrial needs, while they and their family members were provided with the minimum necessary conditions for living and fulfilling their work obligations.

Key words: labor force, industrial enterprises, dekulakized, Lower Volga region, labor authorities.

Citation. Yudina T.V. Labor Force at Industrial Enterprises in the Lower Volga Region at the Turn of the 1920s and 1930s: Organization of the Use of Dekulakized Labor. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 4. Istoriya. Regionovedenie. Mezhdunarodnye otnosheniya* [Science Journal of Volgograd State University. History. Area Studies. International Relations], 2026, vol. 31, no. 3, pp. 95-104. (in Russian). DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2026.3.9>

УДК 94(470+571)“1920/1930”:334.716

ББК 63.3(2)61-2

Дата поступления статьи: 15.01.2026

Дата принятия статьи: 31.05.2026

РАБОЧАЯ СИЛА НА ПРОМЫШЛЕННЫХ ПРЕДПРИЯТИЯХ НИЖНЕ-ВОЛЖСКОГО КРАЯ НА РУБЕЖЕ 1920–1930-х гг.: ОРГАНИЗАЦИЯ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ ТРУДА РАСКУЛАЧЕННЫХ

Таисия Васильевна Юдина

Волгоградский государственный университет, г. Волгоград, Российская Федерация

Аннотация. *Введение.* Строительство новых промышленных предприятий в Нижне-Волжском крае в конце 1920-х – начале 1930-х гг. и реконструкция уже имевшихся требовали постоянного привлечения рабочей силы. Различные кампании по найму работников, в основном из сельской местности, проводили вербовочные органы, организовывая командировки вербовщиков в населенные пункты Саратовской, Сталинградской, Астраханской и других близлежащих губерний. Несмотря на пополнение, на многих предприятиях Нижне-Волжского края продолжала наблюдаться недостаточность комплектования рабочей силой. В условиях ее дефицита в начале 1930-х гг. на ряд промышленных предприятий края стали привлекать трудополченцев, так называемых «нетрудовых элементов», или раскулаченных. *Анализ.* Их труд использовали не только в гражданском, но и в военном строительстве. Это было строго централизовано. Принимавшие предприятия, нуждающиеся в рабочей силе, обязаны были обеспечивать раскулаченных жильем, инструментом, продуктами питания и необходимым кухонным инвентарем. Контроль за распределением и перемещением рабочей силы трудополченцев осуществлял Нижне-Волжский краевой отдел труда и при согласовании с краевым – городские. Использование их труда на предприятиях Нижне-Волжского края регламентировалось Типовым договором, в котором четко были определены долевые отчисления каждого работника на содержание обязательной охраны для них, органам труда, а также фиксированы суммы выдаваемых наличных средств от заработанных денег. Действие Кодекса законов о труде, принятого в РСФСР в 1918 г., не распространялось на советских граждан, относящихся к раскулаченным, поэтому их оплата труда за одну и ту же выполненную работу в сравнении с другими работниками была значительно меньше. *Результаты.* Реализуемая государственная политика в отношении раскулаченных, не выселенных за пределы своего края, привела к использованию дешевого труда для нужд промышленности, при этом им и членам их семей предоставлялись минимальные необходимые условия для проживания и выполнения трудовых обязательств.

Ключевые слова: рабочая сила, промышленные предприятия, раскулаченные, Нижне-Волжский край, органы труда.

Цитирование. Юдина Т. В. Рабочая сила на промышленных предприятиях Нижне-Волжского края на рубеже 1920–1930-х гг.: организация использования труда раскулаченных // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 4, История. Регионоведение. Международные отношения. – 2026. – Т. 31, № 3. – С. 95–104. – DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2026.3.9>

Введение. В конце 1920-х гг. переход к индустриализации, вызванный необходимостью преодоления технической отсталости СССР, потребовал создания новых промышленных предприятий в различных регионах страны, в том числе и в Нижне-Волжском крае, его центре (с 1932 г.) – Сталинграде, и привлечения рабочей силы, в основном из сельской местности [31]. В начале 1930-х гг., в условиях дефицита рабочей силы, на предприятия Нижне-Волжского края стали привлекать раскулаченных. Их труд использовали в государственном тресте деревообрабатывающей промышленности «Волго-Каспий-Лес», Нижне-Волжской краевой промышленно-строительной конторе «Нижневолпромстрой» [29; 26], на цементных заводах, лесозаводах Сталинграда и др. [14]. Цель статьи – выяснить специфику применения труда раскулаченных и трудоспособных членов их семей в Нижне-Волжском крае. Это позволит разобраться в вопросах организации труда, перемещения рабочей силы, оплаты труда, предоставления необходимых условий проживания и питания раскулаченным и членам их семей.

Проблема принудительного привлечения раскулаченных к работе в советской России является актуальной в исторической науке, однако исследования посвящены вопросам использования труда спецпереселенцев в районах Сибири и Северного края. Вопросы использования труда спецпереселенцев в Западной Сибири в 1930-е – начале 1950-х гг. изучались С.А. Крайильниковым, М.С. Саламатовой и С.Н. Ушаковой [10]. В работе Н.М. Игнатовой освещен труд спецпереселенцев на лесозаготовительных предприятиях Северного края в 1930-е гг. с целью ускоренного развития лесозаготовительной отрасли, проанализированы и сделаны выводы о результативности и эффективности их труда [9]. Исследования по применению труда трудополченцев, посвященных особенностям организации их трудового использования в Нижне-Волжском крае, отсутствуют. Недостаточно изученная проблема организации и использования труда раскулаченных как в общероссийском, так и региональном аспектах требует дальнейшего исследования.

Методы и материалы. Понять специфику применения труда раскулаченных и чле-

нов их семей на предприятиях Нижне-Волжского края позволило использование системного подхода, анализа и синтеза.

Историко-сравнительный и историко-описательный методы применялись при изучении архивных источников, выявленных в Государственном архиве Волгоградской области и Центре документации новейшей истории Волгоградской области, а также опубликованных документальных материалов. В вышеперечисленных документах и материалах выявлены сведения о роли краевого и городских отделов труда Нижне-Волжского края в распределении и перемещении рабочей силы раскулаченных, специфики использования и оплаты их труда.

Анализ. Тылополченцы как специальная категория в системе трудовых формирований появилась в нашей стране в годы Гражданской войны, состоявшая из так называемых «нетрудовых элементов» – граждан, не допущенных к несению военной службы. С 1930 г. контингент тыл-или-трудополченцев в Нижне-Волжском крае стал активно пополняться раскулаченными, которых привлекали на различные работы из-за резкого дефицита неквалифицированной рабочей силы.

В 1930 г. члены городской (Сталинградской) Особой комиссии по ликвидации кулачества как класса, обнаружившие наличие в селах Сталинградского округа не выселенных раскулаченных, совместно с отделом труда Сталинграда принимают решение о создании из них отдельных трудовых артелей для использования на строительных работах. В некоторых хуторах, например Расошка и Вертячий, члены комиссии провели учет кулаков, уже привлеченных организованным путем к работе на строительство и самовольно попавших на предприятия. За раскулаченными организовали систему наблюдения, проверили порядок оплаты труда и степень изоляции их от основных масс рабочих [28]. Учитывая имевшиеся случаи переселения раскулаченных в 1929 г. уполномоченными органами ОГПУ за пределы края, «в отдаленные места» [1, л. 1], Президиум Нижне-Волжского краевого исполкома принимает постановление о необходимости привлечения на строительные, погрузочные и другие виды работ раскулаченных и трудоспособных членов их семей в Нижне-

Волжском крае. Привлекать данную рабочую силу предполагалось в порядке найма органами труда с участием местных административных органов. В постановлении детально определяли вопросы организации привлеченных на работу: из них составлялись группы во главе с комендантом, назначенным районным административным отделением и оплачиваемым за счет предприятия (далее – хозорган), куда направляли раскулаченных. Комендант препровождал их на предприятия, наблюдал за выполнением ими правил внутреннего распорядка и проживания на местах работы [2].

Нижне-Волжскому краевому отделу труда Постановлением Президиума крайисполкома поручалось определить особые условия труда привлекаемых на работу раскулаченных, составить список объектов работ, куда могли допустить данную рабочую силу. Административный отдел разрабатывал правила внутреннего распорядка для трудополченцев на месте работ и пути их следования. Создаваемые «особые» условия труда для раскулаченных отличались от условий труда рабочих, трудившихся на советских предприятиях [26, л. 4].

Использование труда раскулаченных и членов их семей, имевшее свою специфику, было прописано в «Основных положениях использования труда раскулаченных и членов их семей в пределах Нижне-Волжского края» (далее «Основные положения...»). Так, для руководства организацией работы по привлечению раскулаченных крестьян в Нижне-Волжском крае на трудовые объекты создали комиссию из представителей краевого отдела труда, краевого управления милиции, ОГПУ и хозяйственного органа (треста, управления или предприятия, куда планировалось привлечение данной рабочей силы) [12, л. 12]. Обязательства по поставкам групповой рабочей силы из числа раскулаченных и трудоспособных членов их семей на предприятия в необходимом количестве исполняли органы труда: Нижне-Волжский краевой и городские отделы труда, заключавшие договоры с управлением конкретного хозяйственного органа (хозоргана). Последние также заключали договоры с ведомственной милицией для охраны указанной рабочей силы [25].

Раскулаченные и трудоспособные члены их семей (по Нижне-Волжскому краю в 1931 г.

их насчитывалось 15 000 чел., или, по нашим подсчетам, $\approx 3,75\%$ от общей численности ниже-волжских промышленных и сельских рабочих) привлекались в крае к выполнению самой тяжелой неквалифицированной работы. Мужчины и женщины занимались погрузкой и выгрузкой леса, дров, камней, земляными работами, разгрузкой плотов, лесозаготовками и др. в качестве каталей, грузчиков, бутоломов, возчиков и т. д. Их труд использовали на рудничных работах, торфоразработках, «проводках шоссейных и грунтовых дорог». Для них соблюдалось неукоснительное требование – работа предоставлялась им «изолированно от посторонней массы и других групп рабочих» и на тех объектах, где «вредительство отдельных лиц не может принести разрушительного действия в системе народного хозяйства» [12, л. 11].

Использование труда раскулаченных предполагалось не только на особо трудоемких работах, но и «возможно большего использования их зимой». Для организации привлечения данной рабочей силы были выделены ответственные лица; предполагалось «в ударном порядке», за 3 дня, до 15 августа 1930 г., сформировать группы и направить их на работы [2]. Однако по сохранившимся архивным документам становится ясно, что работа по организации и направлению трудополченцев на предприятия была инициирована только в феврале 1931 года. Подтвердить данное предположение возможно по выявленному Постановлению Президиума Нижне-Волжского крайисполкома от 02.02.1931, напечатанного в газете «Поволжская правда», с призывом к тылополченцам наниматься на работы. Такое обращение было обусловлено острым недостатком рабочей силы, что отражалось в невыполнении плановых заданий, например, на предприятии «Химтруда» г. Саратова и многих других [4].

Большой некомплект рабочей силы на многих предприятиях края отмечался членами Президиума и в последующие годы, например, в 1933 г. директора Химкомбината Бессонова обязали закончить вербовку рабочей силы менее чем за 1 месяц [3] для выполнения производственных программ. Реализация производственных задач по «непромышленному строительству, особенно по жи-

лищному» из-за недостатка трудовых резервов была затруднена и на флагмане индустриализации Нижне-Волжского края – Сталинградском тракторном заводе (СТЗ). В связи с этим на закрытом заседании строительной комиссии при Президиуме Нижне-Волжского крайисполкома 21.06.1933 было принято решение о пополнении строительства рабочей силы «за счет принудчиков» [27, л. 53 об.], то есть раскулаченных, которые ранее направлялись только на тяжелые неквалифицированные работы. Планировалось создать необходимые условия для рабочих «принудчиков», подготовить из них квалифицированных рабочих в количестве 200 чел. и «закрепить их как минимум на полгода на СТЗ». Такое нестандартное предложение и решение об использовании труда раскулаченных на СТЗ требовало согласования с Правительством РСФСР. Заместителю директора СТЗ Добрякову и начальнику, главному инженеру Сталинградского строительства Ананьину было поручено представить проект докладной записки в Президиум крайисполкома для обсуждения и дальнейшего направления в Правительство. Вероятно, согласование с Правительством обсуждалось ранее и было получено разрешение, поскольку в этот же день, 21 июня, члены закрытого заседания обратились в Нижне-Волжский краевой совет профсоюзов и отдел труда с просьбой разрешить удлинить рабочий день до 10 часов для данных рабочих [27, л. 53 об.].

Краевые власти использовали разные способы разрешения проблемы острой нехватки рабочей силы на предприятиях Нижней Волги для выполнения производственных планов. Так, исчерпав возможности привлечения местных трудовых резервов, в июле 1933 г. Нижне-Волжский краевой отдел труда обратился в Народный комиссариат труда с вопросом выделения для СТЗ дополнительного *внекраевого* (авторский курсив) наряда на вербовку 3000 рабочих-строителей [11].

План распределения рабочей силы раскулаченных составлял отдел труда Нижне-Волжского краевого исполкома Советов рабочих, крестьянских и красноармейских депутатов как по заявкам предприятий, так и самостоятельно. Весной 1931 г. заявки на предоставление рабочей силы раскулаченных

поступили в Нижне-Волжский краевой отдел труда (далее – НВКОТ) от треста «Волго-Каспий-Лес» на 4 850 чел. для работ на лесозаготовках и лесохозяйственных работах [8, л. 35]; «Стромтрестом» была подготовлена заявка на 6 200 чел. 4 апреля, а через 2 недели, 18 апреля трест сократил в повторной заявке требуемую численность почти в 2 раза – до 3 250 чел., из-за неподготовленности необходимого жилья и рабочих инструментов для вновь прибывающих [22]. С июня 1931 г. 740 раскулаченных использовались на камнеразработках: 110 чел. – в Пичуге, 220 чел. – в Водяном, 380 чел. – Пролейке и 30 чел. – Калаче-на-Дону [16]. Меньшее количество рабочей силы запрашивало руководство Волжского государственного речного транспорта – 200 чел. на погрузочно-разгрузочные работы [6]. Раскулаченные трудились в Балашовском, Б. Карабулакском, Вольском, Камышинском, Пугачевском районах и др. населенных пунктах Нижне-Волжского края [21, л. 66 об.].

В соответствии с «Основными положениями...» все хозорганы должны были организовывать перемещение раскулаченных к месту работы за счет своих средств; а также предоставлять им жилье – помещения барачного типа, изолированные от общежитий других рабочих, отдельное жилье – для охраны раскулаченных и членов их семей и обеспечивать их необходимыми инструментами для выполнения производственных работ [12]. Например, руководство управления сталинградскими камнеразработками «Стромтрест», хотя и нуждалось еще в 1 500 рабочих, но небезосновательно полагало, что при не предоставлении необходимого инвентаря и жилья раскулаченным возможны трудовые конфликты: «нет инструментов-бараков, бунт через 2 месяца» [7]. Сталинградская райконтора «Всевторстрой», ведущая оборонное строительство, в апреле 1931 г. отказалась от применения рабочей силы раскулаченных [23] из-за невозможности предоставить им необходимые условия по организации работ: «принять кулаков вашему наряду не можем. Отсутствует снабжение» [30].

Анализ документов показывает, что применение данной рабочей силы было строго централизовано. Так, заместитель заведующего НВКОТ направлял в каждую районную

инспекцию Нижне-Волжского края инструктивные письма с подробным изложением организации работ раскулаченных «из ближайших мест» на предприятиях. Все раскулаченные и трудоспособные члены их семей привлекались к работе в порядке найма по соответствующему Постановлению Нижне-Волжского крайисполкома. Из них формировали трудовые команды численностью не менее 100–120 чел. во главе с комендантом. Требования по организации труда, его оплате, предоставлению медицинской помощи были единые в отношении вербуемых. Так, каждая принимающая сторона должна была заключить договор с районными инспекторами труда на предоставление рабочей силы раскулаченных по прилагаемому Типовому договору НВКОТ. Далее, к моменту прибытия данной рабочей силы должны были быть приготовлены соответствующие помещения барачного типа и отдельное жилье для охранников раскулаченных. К приезду на место работы раскулаченных и членов их семей принимающее предприятие должно было обеспечить их продуктами питания и необходимым кухонным инвентарем [18].

В тех случаях, когда тресты, предприятия, нуждающиеся в рабочей силе, не могли обеспечить жильем и инструментом трудополченцев, они обращались в Нижне-Волжский краевой отдел труда с просьбой «воздержаться от посылки раскулаченных» до их «готовности принятия рабочих». Например, с таким письмом обращался заведующий специальным бюро краевого треста строительных материалов минерального происхождения «Стромтрест» Каменский, поясняя, что Камышинский район Сталинградского управления камнеразработок на карьере Уши «не имеет жилья и не обеспечен инструментами» [15, л. 49].

Нижне-Волжский краевой отдел труда осуществлял очень строгий контроль и за перемещением рабочей силы на предприятиях. Так, если хозорган планировал перемещение раскулаченных с одного места на другое и эта переброска происходила за пределы границ района или села от места первоначальной работы, то он мог это «производить только с санкции краевого отдела труда» [5, л. 58; 19; 20].

Такие строгие требования к хозорганам устанавливались для ежедневного, постоянного учета краевым отделом труда местонахождения раскулаченных. В частности, Сталинградскому управлению камнеразработок с 25 апреля 1931 г. требовалось 1 550 чел.: в Сталинградский район (у села Рынок – Мечетка) – 100 чел., Дубовский (у села Пичуга – 100, Водяное – 200, Пролейка – 450) – 750 чел., Камышинский (у с. Караваинка – 300, Антиповка – 200) – 500 чел., Калачевский (на правой стороне р. Дон) – 200 человек [5, л. 56]. Детальный договор с изложением географических мест, точных цифр требуемой рабочей силы был подготовлен управляющим камнеразработками В.Г. Ленским, согласован со Сталинградским городским отделом труда Н.П. Редкиным и только после этого направлен в Нижне-Волжский краевой отдел труда [5].

Рабочее время для раскулаченных, несмотря на то что они трудились изолированно от других рабочих, устанавливалось наравне с ними, за редким исключением, например на СТЗ, о чем было указано выше. Однако в вопросах оплаты труда наблюдалась дифференциация. Заработная плата в соответствии с «Основным положением...», а также Типовым договором (составленным в соответствии с «Основным положением...») организаций, предприятий, претендующих на использование труда раскулаченных, устанавливалась им на 25 % ниже существующих ставок, социальное страхование на данную категорию не распространялось. Медицинская помощь и лечение предоставлялись хозяйственным органом в течение 2 недель со дня утраты трудоспособности раскулаченного, но без сохранения заработной платы. Если по истечении 2 недель человек, потерявший трудоспособность, не восстанавливался, его отправляли по месту жительства [12]. Продовольственное снабжение для работающих раскулаченных организовывали представители хозоргана за счет самих рабочих, то есть с их зарплаты удерживали затраченные суммы на питание, израсходованные управлением хозорганов. При этом нормы снабжения и приобретение необходимого кухонного инвентаря согласовывались хозорганом с Нижне-Волжским краевым отделом снабжения [5, л. 57; 12, л. 12].

Возвращаясь к вопросу использования дешевого труда раскулаченных (на 25 % ниже в сравнении с остальными рабочими, трудившимися на одном предприятии) следует отметить, что ежемесячно, еще 25 % от их фактической зарплаты, вносилось на содержание обязательной охраны для них, предусмотренной договором. Разово, через 5 дней после приема на работу, органам труда отчислялось по 1 руб. 50 коп. с каждого работника. Оставшиеся 50 % заработной платы (по факту меньше, учитывая разовое отчисление органам труда; удержание сумм на питание) выдавались раскулаченным на руки 1 раз в месяц [5, л. 57–58].

Однако перечисление разовых отчислений органам труда хозорганами за предоставление рабочей силы, предусмотренное «Основным положением...» и Договором, не всегда соблюдалось. Так, 38-е Управление начальника военно-строительных работ не согласилось с разовым перечислением с зарплаты «рабочих, привлеченном в особом порядке», то есть раскулаченных и направило письмо 19 мая 1931 г. заместителю заведующего НВКОТ Костромитину о возможности заключения договора «при условии исключения п. 19...», пункта об отчислении по 1 руб. 50 коп. с человека. Отказ был аргументирован следующим пояснением: невыполнением обещаний НВКОТ о предоставлении рабочей силы с 1 мая 38-му Управлению согласно их заявке и срочного решения данного вопроса Управлением через другие органы [13]. Приведенный факт с 38-м Управлением свидетельствует, что использование труда раскулаченных в Нижне-Волжском крае применялось не только в гражданском, но и в военном строительстве. Приведем пример с еще одной военной строительной организацией: в НВКОТ с вопросом предоставления с 1 мая 1931 г. 1 000 человек из числа раскулаченных в г. Саратов, Урюпино, Балашов, Камышин, Пугачевск обращался временно исполняющий делами начальника работ «Военстроя» Жуков, обещая выделение им жилья и обеспеченность инструментов на 30 %.

Определяющее значение в организации использования труда раскулаченных и трудоспособных членов их семей имело ОГПУ Нижне-Волжского края (НВК). Данное ведомство

определяло задания сотрудникам НВКОТ по сбору заявок на возможное трудоустройство семей раскулаченных на предприятиях края, выявляло (отслеживало) самостоятельное трудоустройство раскулаченных. Также требовало от местных, городских и районных отделов труда оперативно доводить информацию об обращении к ним раскулаченных и членов их семей по возможному трудоустройству [24]. При этом своим распоряжением, без объяснения причин, ОГПУ НВК освобождал трудополченцев от работы, например, на камнеразработках, в июне 1931 г. [16].

14 октября 1931 г. ОГПУ определило перед органами труда НВК задачу «разместить в ближайшие дни на работах около 1500 чел.», членов семей раскулаченных, большинством из которых являлись женщины. Находившихся «в распоряжении» ОГПУ данных людей требовалось разместить в 4–5 пунктах края, обеспечить их прием на работу как штатных сотрудников, а также жильем на зимний период [17, л. 80]. По мнению сотрудников отдела труда НВК их можно было разместить в пригородных хозяйствах, на промыслах Госрыбтреста г. Астрахани, крупных стройках Сталинграда и т. д. Заведующим городских отделов труда предлагалось «проработать с соответствующими хозорганами это вопрос не позднее 25/X-1931 г.» [17, л. 80 об.], то есть за 10 дней. Выявленный материал свидетельствует как о недостаточном количестве рабочей силы в Нижне-Волжском крае в начале 1930-х гг., так и регламентирующей, определяющей роли органов государственного политического управления в организации труда раскулаченных и трудоспособных членов их семей.

Результаты. Использование труда раскулаченных и членов их семей в Нижне-Волжском крае, не выселенных за его пределы, диктовалось необходимостью восполнения дефицита рабочей силы для выполнения производственных программ промышленного развития региона. В основном их привлекали к выполнению самой тяжелой неквалифицированной работы, в том числе и на военно-строительные объекты. Однако, испытывая постоянные трудности в недостатке трудовых резервов, из трудополченцев стали готовить квалифицированных рабочих и для ведущего предприятия Нижне-Волжского края – Сталинградского тракторного завода. Организация труда раскулаченных и членов их семей была централизована. Комиссия из представителей отдела труда, управления милиции Нижне-Волжского края, ОГПУ и хозяйственных органов, заинтересованных в данной рабочей силе, определяла трудовые объекты, необходимое количество раскулаченных для выполнения производственных задач. Краевой и городские отделы труда проверяли степень готовности предприятий к их приему: наличие изолированных помещений барачного типа от жилья других рабочих, необходимых инструментов для обеспечения раскулаченных и выполнения ими производственных работ; достаточного количества продуктов питания. Несмотря на ограничения в вопросах оплаты труда, медицинского страхования, раскулаченные и члены их семей, оказавшиеся в тяжелых жизненных условиях, вербовались на тяжелые неквалифицированные работы и вносили свой посильный вклад в индустриальное развитие Нижне-Волжского края.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Воспоминания К. Москатова // Центр документации новейшей истории Волгоградской области (далее – ЦДНИВО). Ф. 149. Оп. 3. Д. 81. Л. 1–6.
2. Выписка из Постановления Президиума Нижне-Волжского крайисполкома от 12.08.1930 г. // Государственный архив Волгоградской области (далее – ГАВО). Ф. Р-509. Оп. 1. Д. 4. Л. 84.
3. Выписка из Постановления Президиума Нижне-Волжского крайисполкома от 26.05.1933 г. // ГАВО. Ф. Р-509. Оп. 1. Д. 14. Л. 43.
4. Газета «Поволжская правда» от 10.02.1931 г. // ГАВО. Ф. Р-509. Оп. 1. Д. 4. Л. 10.
5. Договор от 21.04.1931 г. Сталинградского горотдела труда и Сталинградского Управления камне-разработками // ГАВО. Ф. Р-509. Оп. 1. Д. 4. Л. 56–58.
6. Заявка на потребное количество рабсилы (раскулаченных) для работ на ВГРТ // ГАВО. Ф. Р-509. Оп. 1. Д. 4. Л. 39.

7. Заявка на потребное количество рабсилы (раскулаченных) для работ в Стромтресте // ГАВО. Ф. Р-509. Оп. 1. Д. 4. Л. 40.
8. Заявка на потребное количество рабсилы (раскулаченных) для лесозаготовок и лесохозяйственных работ // ГАВО. Ф. Р-509. Оп. 1. Д. 4. Л. 34–35.
9. Игнатова Н. М. Использование труда спецпереселенцев – «бывших кулаков» в лесозаготовительной промышленности Северного края в 1930-е гг. // Известия Коми научного центра УрО РАН. Вып. 4 (24). Сыктывкар, 2015. С. 93–99.
10. Красильников С. А., Саламатова М. С., Ушакова С. Н. Корни и щепки. Крестьянская семья на спецпоселении в Западной Сибири в 1930-х – начале 1950-х гг. М.: Полит. энцикл., 2010. 327 с.
11. О ходе строительства и монтажа специальных цехов СТЗ. Постановление Президиума Нижне-Волжского крайисполкома от 15.07.1933 г. // ГАВО. Ф. Р-509. Оп. 1. Д. 14. Л. 55.
12. Основные положения использования труда раскулаченных и членов их семей в пределах Нижне-Волжского края // ГАВО. Ф. Р-509. Оп. 1. Д. 4. Л. 11–12.
13. Письмо 38-го управления начальника военно-строительных работ заместителю заведующего Нижне-Волжским Краевым отделом труда Костромитину от 19.05.1931 г. // ГАВО. Ф. Р-509. Оп. 1. Д. 4. Л. 67.
14. Письмо директора цемзаводов Вольской группы в Нижне-Волжский краевой отдел труда от 25.04.1931 г. // ГАВО. Ф. Р-509. Оп. 1. Д. 4. Л. 54.
15. Письмо заведующего специальным бюро краевого треста строительных материалов минерального происхождения «Стромтрест» Каменского в Крайотдел труда от 12.04.1931 г. // ГАВО. Ф. Р-509. Оп. 1. Д. 4. Л. 49.
16. Письмо заместителя заведующего губернским отделом труда Сдобнова в Нижне-Волжский Краевой отдел труда от 12.06.1931 г. // ГАВО. Ф. Р-509. Оп. 1. Д. 4. Л. 75.
17. Письмо заместителя заведующего НВКОТ заведующим городскими отделами труда // ГАВО. Ф. Р-509. Оп. 1. Д. 4. Л. 80–80 об.
18. Письмо заместителя заведующего Нижне-Волжским Краевым отделом труда Костромитина от 18.04.1931 г. в районтруда Урюпино, Камышин, Балашов, Пугачев // ГАВО. Ф. Р-509. Оп. 1. Д. 4. Л. 48.
19. Письмо заместителя заведующего Нижне-Волжским Краевым отделом труда Костромитина от 16.04.1931 г. хозорганам // ГАВО. Ф. Р-509. Оп. 1. Д. 4. Л. 50.
20. Письмо заместителя заведующего Нижне-Волжским Краевым отделом труда Костромитина от 11.04.1931 г. «Стромтресту» // ГАВО. Ф. Р-509. Оп. 1. Д. 4. Л. 52.
21. Письмо заместителя заведующего Нижне-Волжским Краевым отделом труда Костромитина от 26.04.1931 г. начальнику военно-строительных работ // ГАВО. Ф. Р-509. Оп. 1. Д. 4. Л. 66–66 об.
22. Письмо заместителя заведующего Нижне-Волжским Крайтрудом Костромитина от 28.04.1931 г. в ГПУ // ГАВО. Ф. Р-509. Оп. 1. Д. 4. Л. 37.
23. Письмо заместителя управляющего трестом «Всевторстроя» // ГАВО. Ф. Р-509. Оп. 1. Д. 4. Л. 47.
24. Письмо начальника 1-го сектора НВКОТ Орлова ОГПУ Нижне-Волжского края // ГАВО. Ф. Р-509. Оп. 1. Д. 4. Л. 78.
25. Письмо начальника управления Саратовского «Водстроя» и ответственного исполнителя по труду в Нижне-Волжский Краевой отдел труда от 03.05.1931 г. // ГАВО. Ф. Р-509. Оп. 1. Д. 4. Л. 63.
26. Письмо Нижне-Волжской краевой промышленно-строительной конторы «Нижволпромстрой» от 24.02.1931 г. в Крайотдел труда // ГАВО. Ф. Р-509. Оп. 1. Д. 4. Л. 4–4 об.
27. Протокол № 4а закрытого заседания строительной комиссии при Президиуме Нижне-Волжского крайисполкома от 21.06.1933 г. // ГАВО. Ф. Р-509. Оп. 1. Д. 14. Л. 53–53 об.
28. Протокол заседания городской Особой комиссии по ликвидации кулачества как класса от 23.10.1930 г. // ЦДНИВО. Ф. 71. Оп. 1. Д. 48. Л. 1.
29. Распоряжение Крайотдела труда Нижне-Волжского края от 24.02.1931 г. № 60/224 // ГАВО. Ф. Р-509. Оп. 1. Д. 4. Л. 1–1 об.
30. Телеграмма инспектора Дубовского отдела труда Чуйкиной в НКВКОТ // ГАВО. Ф. Р-509. Оп. 1. Д. 4. Л. 70.
31. Юдина Т. В. Индустриализация Сталинграда и разрешение жилищной проблемы городского населения // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 4, История. Регионоведение. Международные отношения. 2023. Т. 28, № 4. С. 122–129. DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2023.4.9>

REFERENCES

1. Vospominaniya K. Moskatova [Memoirs of K. Moskatov]. *Tsentr dokumentacii novejshej istorii Volgogradskoj oblasti* (hereinafter – TsDNIVO) [Center for Documentation of the Contemporary History of the Volgograd Region], f. 149, inv. 3, d. 81, l. 1–6.

2. Vypiska iz Postanovlenija Prezidiuma Nizhne-Volzhskogo krajispolkoma ot 12.08.1930 g. [Extract from the Decree of the Presidium of the Lower Volga Regional Executive Committee Dated 12 August 1930]. *Gosudarstvennyj arkhiv Volgogradskoj oblasti* (hereinafter – GAVO) [State Archive of Volgograd Region], f. R-509, inv. 1, d. 4, l. 84.
3. Vypiska iz Postanovlenija Prezidiuma Nizhne-Volzhskogo krajispolkoma ot 26.05.1933 g. [Extract from the Decree of the Presidium of the Lower Volga Regional Executive Committee Dated 26 May 1933]. *GAVO* [State Archive of Volgograd Region], f. R-509, inv. 1, d. 14, l. 43.
4. Gazeta «Povolzhskaja pravda» ot 10.02.1931 g. [Povolzhskaja Pravda Newspaper, February 10, 1931]. *GAVO* [State Archive of Volgograd Region], f. R-509, inv. 1, d. 4, l. 10.
5. Dogovor ot 21.04.1931 g. Stalingradskogo gorotdela truda i Stalingradskogo Upravljenija kamne-razrabotkami [Agreement Dated 21.04.1931 Between the Stalingrad City Department of Labor and the Stalingrad Department of Stone Mining]. *GAVO* [State Archive of Volgograd Region], f. R-509, inv. 1, d. 4, l. 56-58.
6. Zajavka na potrebnije kolichestvo rabsily (raskulachennykh) dlja rabot na VGRT [Application for the Required Number of Workers (Dekulakized Peasants) for Work on the VGRT]. *GAVO* [State Archive of Volgograd Region], f. R-509, inv. 1, d. 4, l. 39.
7. Zajavka na potrebnije kolichestvo rabsily (raskulachennykh) dlja rabot v Stromtreste [Application for the Required Number of Workers (Dekulakized Peasants) for Work at Stromtrust]. *GAVO* [State Archive of Volgograd Region], f. R-509, inv. 1, d. 4, l. 40.
8. Zajavka na potrebnije kolichestvo rabsily (raskulachennykh) dlja lesozagotovok i lesokhozjajstvennykh rabot [Application for the Required Number of Workers (Dekulakized Peasants) for Logging and Forestry Work]. *GAVO* [State Archive of Volgograd Region], f. R-509, inv. 1, d. 4, l. 34-35.
9. Ignatova N.M. Ispolzovanie truda spetspereselentsev – «byvshikh kulakov» v lesozagotovitelnoj promyshlennosti Severnogo kraja v 1930-e gg. [The Use of Labor of Special Settlers – “Former Kulaks” in the Timber Industry of the Northern Region in the 1930s]. *Izvestija Komi nauchnogo centra UrO RAN. Vyp. 4 (24)* [Izvestiya of the Komi Scientific Center of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences. Iss. 4 (24)]. Syktyvkar, 2015, pp. 93-99.
10. Krasilnikov S.A., Salamatova M.S., Ushakova S.N. *Korni i shheпки. Krest'janskaya sem'ja na spetsposelenii v Zapadnoj Sibiri v 1930-kh – nachale 1950-kh gg.* [Roots and Splinters. A Peasant Family in a Special Settlement in Western Siberia in the 1930s and Early 1950s]. Moscow, Polit. encikl. Publ., 2010. 327 p.
11. O khode stroitelstva i montazha spetsialnykh tsekhov STZ. Postanovlenije Prezidiuma Nizhne-Volzhskogo krajispolkoma ot 15.07.1933 g. [On the Progress of Construction and Installation of Special Workshops at the STZ. Resolution of the Presidium of the Lower Volga Regional Executive Committee Dated July 15, 1933]. *GAVO* [State Archive of Volgograd Region], f. R-509, inv. 1, d. 14, l. 55.
12. Osnovnyje polozhenija ispolzovanija truda raskulachennykh i chlenov ikh semej v predelakh Nizhne-Volzhskogo kraja [Basic Provisions for the Use of the Labor of the Dekulakized and Their Family Members Within the Lower Volga Region]. *GAVO* [State Archive of Volgograd Region], f. R-509, inv. 1, d. 4, l. 11-12.
13. Pismo 38-go upravlenija nachalnika vo enno-stroitelnykh rabot zamestitelju zavedujushhego Nizhne-Volzhskim Kraevym otdelom truda Kostromitinu ot 19.05.1931 g. [Letter from the 38th Department of the Chief of Military Construction Work to the Deputy Head of the Lower Volga Regional Labor Department, Kostromitin, Dated May 19, 1931]. *GAVO* [State Archive of Volgograd Region], f. R-509, inv. 1, d. 4, l. 67.
14. Pismo direktora cementzavodov Volskoj grupy v Nizhne-Volzhskij krajevoj otdel truda ot 25.04.1931 g. [Letter from the Director of the Volsk Cement Factories to the Lower Volga Regional Labor Department Dated April 25, 1931]. *GAVO* [State Archive of Volgograd Region], f. R-509, inv. 1, d. 4, l. 54.
15. Pismo zavedujushhego specialnym bjuro krajevogo tresta stroitelnykh materialov mineralnogo proiskhozhdenija «Stromtrest» Kamenskogo v Krajotdel truda ot 12.04.1931 g. [Letter from Kamensky, Head of the Special Bureau of the Regional Trust for Construction Materials of Mineral Origin “Stromtrest”, to the Regional Labor Department, Dated April 12, 1931]. *GAVO* [State Archive of Volgograd Region], f. R-509, inv. 1, d. 4, l. 49.
16. Pismo zamestitelja zavedujushhego gubernskim otdelom truda Sdobnova v Nizhne-Volzhskij Krajevoj otdel truda ot 12.06.1931 g. [Letter from Sdobnov, Deputy Head of the Provincial Labor Department, to the Lower Volga Regional Labor Department, Dated June 12, 1931]. *GAVO* [State Archive of Volgograd Region], f. R-509, inv. 1, d. 4, l. 75.
17. Pismo zamestitelja zavedujushhego NVKOT zavedujushhim gorodskimi otdelami truda [Letter from the Deputy Head of the NVKOT to the Heads of the City Labor Departments]. *GAVO* [State Archive of Volgograd Region], f. R-509, inv. 1, d. 4, l. 80-80 r.
18. Pismo zamestitelja zavedujushhego Nizhne-Volzhskim Kraevym otdelom truda Kostromitina ot 18.04.1931 g. v rajintruda Uryupino, Kamyshin, Balashov, Pugachev [Letter from Kostromitin, Deputy Head of the Lower Volga Regional Labor Department, dated April 18, 1931, to the Labor Departments of Uryupino, Kamyshin, Balashov, and Pugachev]. *GAVO* [State Archive of Volgograd Region], f. R-509, inv. 1, d. 4, l. 48.

19. Pismo zamestitelja zavedujushhego Nizhne-Volzhskim Kraevym otделom truda Kostromitina ot 16.04.1931 g. khozorganam [Letter from Kostromitin, Deputy Head of the Lower Volga Regional Labor Department, Dated April 16, 1931, Household Agencies]. *GAVO* [State Archive of Volgograd Region], f. R-509, inv. 1, d. 4, l. 50.
20. Pismo zamestitelja zavedujushhego Nizhne-Volzhskim Kraevym otделom truda Kostromitina ot 11.04.1931 g. «Stromtrestu» [Letter from Kostromitin, Deputy Head of the Lower Volga Regional Labor Department, Dated April 11, 1931, «Stromtrest»]. *GAVO* [State Archive of Volgograd Region], f. R-509, inv. 1, d. 4, l. 52.
21. Pismo zamestitelja zavedujushhego Nizhne-Volzhskim Kraevym otделom truda Kostromitina ot 26.04.1931 g. nachalniku voenno-stroitelnykh rabot [Letter from Kostromitin, Deputy Head of the Lower Volga Regional Labor Department, Dated April 26, 1931, to the Head of Military Construction Works]. *GAVO* [State Archive of Volgograd Region], f. R-509, inv. 1, d. 4, l. 66-66 r.
22. Pismo zamestitelja zavedujushhego Nizhne-Volzhskim Kraejtrudom Kostromitina ot 28.04.1931 g. v GPU [Letter from Kostromitin, Deputy Head of the Lower Volga Territory, Dated April 28, 1931, to the GPU]. *GAVO* [State Archive of Volgograd Region], f. R-509, inv. 1, d. 4, l. 37.
23. Pismo zamestitelja upravljajushhego trestom «Vsevtorstroja» [Letter from the Deputy Manager of the Vsevtorstroy Trust]. *GAVO* [State Archive of Volgograd Region], f. R-509, inv. 1, d. 4, l. 47.
24. Pismo nachalnika 1-go sektora NVKOT Orlova OGPU Nizhne-Volzhskogo kraja [Letter from the Head of the 1st Sector of the NVKOT, Orlov, to the OGPU of the Lower Volga Region]. *GAVO* [State Archive of Volgograd Region], f. R-509, inv. 1, d. 4, l. 78.
25. Pismo nachalnika upravlenija Saratovskogo «Vodstroja» i otvetstvennogo ispolnitelja po trudu v Nizhne-Volzhskij Krajevoj otдел truda ot 03.05.1931 g. [Letter from the Head of the Saratov Water Construction Department and the Responsible Labor Executive to the Lower Volga Regional Labor Department Dated May 3, 1931]. *GAVO* [State Archive of Volgograd Region], f. R-509, inv. 1, d. 4, l. 63.
26. Pismo Nizhne-Volzhskoj krajevoj promyshlennno-stroitelnoj kontory «Nizhvolpromstroj» ot 24.02.1931 g. v Krajotdel truda [Letter from the Nizhny Volga Regional Industrial and Construction Office, Nizhvolpromstroy, Dated February 24, 1931, to the Regional Labor Department]. *GAVO* [State Archive of Volgograd Region], f. R-509, inv. 1, d. 4, l. 4-4 r.
27. Protokol № 4 a zakrytogo zasedanija stroitelnoj komissii pri Prezidiume Nizhne-Volzhskogo krajispolkoma ot 21.06.1933 g. [Minutes of the Closed Meeting of the Construction Commission at the Presidium of the Lower Volga Regional Executive Committee Dated June 21, 1933]. *GAVO* [State Archive of Volgograd Region], f. R-509, inv. 1, d. 14, l. 53-53 r.
28. Protokol zasedanija gorodskoj Osoboj komissii po likvidacii kulachestva kak klassa ot 23.10. 1930 g. [Minutes of the Meeting of the City Special Commission for the Elimination of the Kulaks as a Class, Dated 23 October 1930]. *TsDNIVO* [Center for Documentation of the Contemporary History of the Volgograd Region], f. 71, inv. 1, d. 48, l. 1.
29. Rasporjazhenije Krajotdela truda Nizhne-Volzhskogo kraja ot 24.02.1931 g. № 60/224 [Order No. 60/224 of the Lower Volga Region Labor Department Dated February 24, 1931]. *GAVO* [State Archive of Volgograd Region], f. R-509, inv. 1, d. 4, l. 1-1 r.
30. Telegramma inspektora Dubovskogo otдела truda Chujkinoj v NKVOT [Telegram from Chuykina, Inspector of the Dubovsky Labor Department, to the NKVT]. *GAVO* [State Archive of Volgograd Region], f. R-509, inv. 1, d. 4, l. 70.
31. Yudina T.V. Industrializatsija Stalingrada i razreshenije zhilishhnoj problemy gorodskogo naselenija [Industrialization of Stalingrad and the Solution of the Housing Problem for the Urban Population]. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 4. Istorija. Regionovedenie. Mezhdunarodnye otnosheniya* [Science Journal of Volgograd State University. History. Area Studies. International Relations], 2023, vol. 28, no. 4, pp. 122-129. DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2023.4.9>

Information About the Author

Taisiya V. Yudina, Doctor of Sciences (History), Professor, Department of History and International Relations, Volgograd State University, Prosp. Universitetskij, 100, 400062 Volgograd, Russian Federation, taisya.yudina@volsu.ru, <https://orcid.org/0000-0003-0526-6484>

Информация об авторе

Таисия Васильевна Юдина, доктор исторических наук, профессор кафедры истории и международных отношений, Волгоградский государственный университет, просп. Университетский, 100, 400062 г. Волгоград, Российская Федерация, taisya.yudina@volsu.ru, <https://orcid.org/0000-0003-0526-6484>

DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2026.3.10>

UDC 94(47)

LBC 63.3(2)614

Submitted: 13.10.2024

Accepted: 18.01.2025

CHANGES IN URBAN EVERYDAY LIFE UNDER COLLECTIVIZATION CONDITIONS (BY THE EXAMPLE OF THE STALIN COLLECTIVE FARM IN THE CITY OF STAVROPOL IN THE NORTH CAUCASUS KRAI)

Karine R. Ambartsumyan

North-Caucasus Federal University, Stavropol, Russian Federation

Tamara A. Bulygina

North-Caucasus Federal University, Stavropol, Russian Federation

Abstract. *Introduction.* The understanding of urban everyday life during Soviet modernization is deepened in contemporary studies with an account of Stavropol's experience of daily routine. The relevance of the topic stems from active development of such fields as the history of urban everyday life and intellectual history, as well as new local history, which allows us to understand the regional dimension of Soviet history. *Methods and materials.* The paper aims to study the process of transformation of everyday life in the city of Stavropol under the influence of collectivization at the turn of the 1920s and 1930s. For the first time, a set of archival materials dedicated to the creation of the Stalin collective farm and stored in collection 329 of the State Archives of the Stavropol Krai is introduced into scientific circulation. The basic approach, along with traditional methods of history, was new local history. The main sources were official documents: applications for membership and withdrawal from the collective farm, as well as minutes of board meetings of the artel or individual sectors. *Analysis.* With the launch of collectivization, the main trend in urban everyday life was the outflow of peasants to cities. The case was different in Stavropol. Here, the urban socio-cultural space was traditionally intertwined with the features of rural life. Therefore, under the conditions of collectivization, three collective farms emerged in the urban area. One of them is the Stalin collective farm, which existed from 1929 to 1957. Different aspects of the everyday life of city dwellers, motives for joining and leaving the collective farm, and various domestic difficulties have been studied. Collective farm establishment was carried out under the guidance of the city council, from the decision to use city property, city land, and city premises. In addition, not only city farmers joined the collective farm but also city residents: workers and employees. *Results.* In terms of everyday life, collectivization had a specific manifestation in Stavropol. The city demonstrated a special way of Soviet urban everyday life as the urban population became collective farmers with their own unique way of life. *Authors' contribution.* K. Ambartsumyan studied the peculiarities of collective farm construction in the city of Stavropol with reference to archival material. T. Bulygina identified the features of the socio-cultural space of Stavropol and studied its transformation during collectivization. The empirical material was collected and processed collaboratively. *Funding.* The reported study was funded by the Russian Science Foundation, project No. (№ 24-18-20073), <https://rscf.ru/project/24-18-20073/>

Key words: Stavropol, everyday life, collectivization, Stalin collective farm, new local history.

Citation. Ambartsumyan K.R., Bulygina T.A. Changes in Urban Everyday Life Under Collectivization Conditions (By the Example of the Stalin Collective Farm in the City of Stavropol in the North Caucasus Krai). *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 4. Istoriya. Regionovedenie. Mezhdunarodnye otnosheniya* [Science Journal of Volgograd State University. History. Area Studies. International Relations], 2026, vol. 31, no. 3, pp. 105-116. DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2026.3.10>

**ИЗМЕНЕНИЯ ГОРОДСКОЙ ПОВСЕДНЕВНОСТИ
В УСЛОВИЯХ КОЛЛЕКТИВИЗАЦИИ
(НА ПРИМЕРЕ КОЛХОЗА им. СТАЛИНА
В СТАВРОПОЛЕ СЕВЕРО-КАВКАЗСКОГО КРАЯ)**

Каринэ Размиковна Амбарцумян

Северо-Кавказский федеральный университет, г. Ставрополь, Российская Федерация

Тамара Александровна Булыгина

Северо-Кавказский федеральный университет, г. Ставрополь, Российская Федерация

Аннотация. *Введение.* Понимание городской повседневной жизни в условиях советской модернизации в современной науке углубляется за счет изучения Ставрополя, имевшего своей частный опыт повседневного бытования. Актуальность темы обусловлена активным развитием такого направления, как история городской повседневности и интеллектуальная история, а также новая локальная история, которая позволяет понять региональное измерение советской истории. *Методы и материалы.* Целью исследования является изучение процесса трансформации повседневности города Ставрополя под влиянием коллективизации в черте города на рубеже 1920–1930-х годов. Впервые вводится в научный оборот пласт архивных материалов, посвященных созданию колхоза им. Сталина и хранящихся в фонде 329 Государственного архива Ставропольского края. Базовым подходом, наряду с традиционными методами исторического исследования, стала новая локальная история. Главными источниками являются делопроизводственные документы – заявления о вступлении и выходе из колхоза, а также протоколы собраний правления артели и отдельных секторов. *Анализ.* С началом коллективизации в стране основной тенденцией изменений городской повседневности стал фактор оттока крестьян в города. Иначе было в Ставрополе. Здесь городское социокультурное пространство традиционно переплеталось с признаками сельской жизни. Поэтому в условиях коллективизации на городской территории возникли три колхоза. Один из них – колхоз им. Сталина, просуществовавший с 1929 по 1957 год. Исследованы разные стороны трудовой повседневности горожан, мотивы для вступления и выхода из колхоза, различные бытовые сложности. Колхозное строительство осуществлялось под руководством горсовета: от решения до городского имущества, городской земли, городских помещений. Кроме того, в колхоз вступали не только земледельцы города, но и городские жители: рабочие и служащие. *Результаты.* Коллективизация специфически отразилась на повседневной жизни Ставрополя. Город демонстрировал пример особой советской городской повседневности, когда население города становилось колхозниками, но со своим особым укладом. *Вклад авторов.* К.Р. Амбарцумян изучила на архивном материале особенности колхозного строительства в черте города Ставрополя. Т.А. Булыгина выявила особенности социокультурного пространства Ставрополя, исследовала его трансформацию в период коллективизации. Эмпирический материал собран и обработан авторами совместно. *Финансирование.* Представленное исследование было профинансировано Российским научным фондом, проект № (24-18-20073), <https://rscf.ru/project/24-18-20073/>

Ключевые слова: Ставрополь, повседневность, коллективизация, колхоз им. Сталина, новая локальная история.

Цитирование. Амбарцумян К. Р., Булыгина Т. А. Изменения городской повседневности в условиях коллективизации (на примере колхоза им. Сталина в Ставрополе Северо-Кавказского края) // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 4, История. Регионоведение. Международные отношения. – 2026. – Т. 31, № 3. – С. 105–116. – (На англ. яз.). – DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2026.3.10>

Introduction. In modern science, there is a general concept of the city, which is the stronghold of economic and settlement systems [36, p. 201]. The diversity of features typical of a particular city also includes the peculiarities of urban everyday

life as a consequence of civilizational, historical, and local characteristics. The French sociologist A. Lefebvre contributed to the study of the processes of urban space transformation, developing the thesis that each type of society and

mode of production form a unique urban physical and social space [44, pp. 51-52]. According to Lefebvre, if a revolution does not entail a change in space and a new formation, then it is lost. The proposition is essential for our study, as one of the main tenets of the Bolsheviks concerned the creation of a new world, including individuals and their everyday life. A novel construct of sociocultural space in cities as a prerequisite for the birth of an original everyday life became one of the tasks of the Soviet power in the first two decades of its existence.

Since the late 1920s in Soviet Russia, under the influence of the social reality of theoretical disputes between urbanists and de-urbanists, the models of the future Soviet society were formed. The city served its center as an example of a new form of collective relations and a new way of life [41, p. 254].

Everyday life in the Soviet urban environment has been the subject of interest for foreign historians [5; 6; 8; 10]. Already in the late 1920s – early 1930s, a series of notes, *Everyday Life in Russia* by L.H. Putney, was written after a trip to the USSR and published in the *Bulletin of Education at Boston University* [35]. In Russian historiography, everyday life in the Soviet urban environment became most in demand in the last quarter of the 20th century [1; 9; 11; 13; 14; 16; 17; 41; 43]. In local historiography, the problems of everyday life of the relevant period are addressed in the works on the history of the Cossacks, the collective farm movement, and collectivization [7; 15; 38]. However, the topic of everyday life in the urban environment has been little studied. A number of appealing observations and generalizations on the history of everyday life in the Soviet Union by the example of the southern regions are given in the monograph by E.F. Krinko, T.P. Khlynina, and I.G. Tazhidinova [12], yet examining urban everyday life was not specifically the subject of the study.

Methods and materials. The purpose of the paper is to examine a particular feature of everyday life associated with the process of collectivization in the city of Stavropol. With reference to approaches from new local history [3], the process of change in the urban everyday life of the southern province under Stalin's modernization is examined. New local history draws on the real historical experience of

urban local communities with their unique circumstances and exclusive features. According to A.S. Senyavskiy, a city has always been understood as a settlement distinct from its rural surroundings in terms of functionality and even appearance. However, a city has many facets: the size, the number of residents, economic parameters, and administrative status. The set of parameters is variable [37].

With regards to unique characteristics of Stavropol, its distinctiveness is determined by its origins, specifically Fortress No. 8 of the Azov-Mozdok defensive line and the rural outskirts of Stavropolskaya Stanitsa and Soldatskaya Slobodka. The duality between a military and bureaucratic city and a rural way of life persisted in Stavropol until the mid-20th century and found its reflection in everyday life. One of the aspects of this duality concerns collectivization.

New local history helps to reveal the uniqueness of particular urban history while simultaneously embedding it within a national context [2]. The subject of this study is the daily life of members of one of three collective farms in the city of Stavropol during the formation of the collective farm in 1929–1930. The choice of the Stalin Collective Farm is preconditioned by the use of a new local history approach, which addresses the history of local communities, including urban ones. In this case, the members of the collective farm are treated as such.

The State Archives of Stavropol Krai houses a separate collection dedicated to this collective farm (GASK Fund 329). The study used applications for membership and withdrawal and minutes of board meetings of the Stalin Collective Farm and its individual sectors. The reference to microhistory allows us to uncover hidden information about everyday life in official documents and gain insight into the collective farm workers in the urban environment.

Analysis. According to the 1923 census, more than half of the population of Stavropol (50.7%) was concentrated in Pyatigorsk and Stavropol [16]. At the same time, many city residents were rural by way of life. A significant part of the Stavropol population of the outlying districts of Stavropol was engaged in commercial agricultural production. With the launch of the collectivization policy, the situations in the cities changed, respectively. In general, collectivization

and dispossession provoked peasants to move to the cities, which led to the acceleration of urbanization [11]. A historical peculiarity is that collective farm construction was carried out within the boundaries of the urban territory of Stavropol. In 1929, the Stalin Collective Farm was organized, which actually existed until February 25, 1957. The decision to establish collective farms was made not by the district, but by the city council. A meeting of the Stalin Collective Farm with the city council was held on November 20, 1929 [19, l. 24]. A month later, at a meeting of the city council, a plan was adopted for the “complete collectivization of the agricultural population on the outskirts of Stavropol city,” and the Committee for Assistance to the Complete Collectivization of the City of Stavropol was organized [45, l. 14].

Labor is an aspect of everyday human existence. Collectivization intruded into this daily routine, introducing a new work-related reality. A study of applications for membership and withdrawal from the agricultural artel provides an opportunity to construct a comprehensive portrait of city residents involved in collective farm construction and to identify reactions to novel working conditions. The portrait rendered certain features to the urban community as collectivization unfolded. The analysis of applications from collective farmers and those wishing to join the artel reflects the general trend of the first stage of collectivization, when peasants became disillusioned with the potential of the collective farm, where they had to work for everyone as much as for themselves. Thus, from January 24 to March 20, 1930, 24 applications for membership in the artel and 58 for withdrawal were submitted [56; 57]. Evidently, stricter conditions could have provoked a social upheaval, especially in grain-producing regions. That could have disrupted collectivization, which is why Stalin’s article *Dizzy with Success* [40] and a decree on excesses in the collective farm movement [18] were published.

A study of the minutes of collective farm board meetings also reveals enforced expulsions from the collective farm, reflecting the city peasants’ attitude toward the collective farm as something non-owned, something one does not mind. A common reason for expulsion from the artel was failure to show up for work. Theft of collective farm property was also common [23,

l. 29-29 r.]. Alongside the policy of fighting “excesses,” administrative measures were in effect. At production meetings, it was stated, “...the recruitment commissions for the brigades are working poorly; the inflow of new members into the collective farm is insignificant” [33, l. 21]. This did not help increase the number of collective farmers in the Stavropol collective farm.

The social composition of those joining the collective farm can illustrate the impact of collectivization on everyday urban life in 1930. Among them were middle and wealthy peasants as well as workers and the poor. The motives of these urban residents varied. 1st Mutnyanskaya Street alone demonstrates the social diversity of those wishing to join the artel. For example, Sergey F. Maryin, a 56-year-old laborer, joined the artel with one dairy cow, a plot of vegetable and garden land, and potato seeds [48, l. 1-1 r.]. M.V. Samovarov, a 38-year-old peasant from the same street, also joined; his possessions included not only a garden and vegetable plot but also cultivated areas. His property records also indicated forage, a horse with harness, tools for cultivating the land, and a pig [51, l. 2-2 r.]. Among those who expressed interest in joining the collective farm was 65-year-old Lavr S. Tarasov, a watchman in the city executive committee’s public utilities department and a former employee. In the former case, the motive was either the propaganda image of the collective farm as a source of collective prosperity or the desire to improve one’s financial state [52, l. 3-3 r.]. In the latter case, the motive was either the fear of dispossession or the hope of regaining the prestigious status of a full citizen, unlike those disenfranchised.

The city collective farm attracted local workers. For example, metalworker O.L. Glushchenko, who joined the artel in February 1930, was the head of a family of seven and had no property [46, l. 12]. During the same period, tinsmith M.V. Zaitsev, also propertyless and with three children, applied [55, l. 15]. For these applicants, joining the artel was a means of survival. It should be noted that while all these people were considered city dwellers, their lifestyles, standards of living, and social practices varied. By becoming collective farmers, they became equal in social status, living, and working conditions. Applications for membership were filled in on pre-printed forms,

which, on the one hand, makes it impossible to get the human emotions of those signing up for the collective farm, but on the other, allows for the use of quantitative analysis, in particular content analysis, to derive more comprehensive qualitative characteristics.

A more varied picture is presented by requests to leave the collective farm. Unlike applications for membership, these were written in free form, which allows us to understand the expectations and feelings of city residents who had been collective farmers. Many did not understand the purpose of the collective farm movement, were dissatisfied with the collective labor that engendered egalitarianism, and were disappointed with their hopes for easy living on the collective farm. It should be noted that none of the applicants directly stated these reasons; they can be discerned in slips of the tongue, stylistic turns of phrase, or between the lines. The most common reasons for leaving the collective farm were personal issues. These included poor health and family disagreement. Sergey Malykh, a resident of the Novoforstadt district of the city, requested that he and his sons be deregistered from the artel due to "trouble with his wife," who refused to join the collective farm [47, l. 49]. In March 1930, Mikhail Kharitonovich Panibratets, a peasant from the Novoforstadt district, applied for resignation. He was unable to work in the fields due to disability; moreover, he was a tailor by profession [49, l. 26]. Ksenia Volodina, a city resident, asked to leave the collective farm because of her young children, whom she, as a widow, could not leave alone [54, l. 21]. Maria Prozorova, a resident of the Vorobyevsky district of Stavropol, declared her resignation in March 1930 because she "no longer wished to remain on the collective farm" [50, l. 3]. It conveyed disillusionment with collective farm life. The applications reflect, like a mirror, a whole gallery of portraits of city residents with a unique way of life. A study of the daily life of the city collective farmers shows that a Stavropol resident, being an agricultural producer, had the opportunity to earn money through non-agricultural types of labor, while a member of the artel did not.

Letters to the collective farm office also reveal peculiarities of social self-identification. The formulas for addressing and communicating within Soviet society, developed by the authorities,

were unstable in the public consciousness even by the early 1930s. The most literate, in the old-fashioned way, wrote not "applications" but "petitions," which testified to the transitional state not only of society but also of mass consciousness. In the application of the semi-literate Konstantin Pavlovich Gavrilchenko, the first entry was "from the comrade," which was then crossed out and replaced with "from the citizen." He submitted his application to the collective farm without parental consent, claiming "...how could they allow me to do this in their absence, even though I am now doing forced labor?" [53, l. 11].

One of the features of daily life on the city collective farms (three were established in Stavropol) was the opportunity to earn extra income, which the collective farm leaders sternly discouraged. Poverty was the driving force behind the search for work. Thus, M.P. Matyushenko and I.A. Iskakov appealed to the board to allow them to work but were refused: "The request is denied. The comrades recommended to begin working in the artel in order to provide for themselves" [29, l. 53].

City residents' petitions to the collective farm board reveal their attitudes toward collective farm construction. Most of those who joined did not expect financial support. There were recorded cases where the head of the family and children signed up for the collective farm, but the property was registered in the name of the wife, who had not joined the artel. In such cases, the property remaining in the woman's name was not socialized [30, l. 12 r.]. The leadership classified such cases as 'kulak tricks' [30, l. 12 r.]. Symptomatic was the appeal of the collective farm board to the city council requesting the liquidation of kulak farms, which included strong middle peasants [34, l. 15 r.]. Such appeals served as an administrative resource for eliminating competitors to the weak collective farm and contributed to the implementation of the policy of eliminating the kulak as a class.

Located in the city of Stavropol, the Stalin Artel interacted with city authorities and municipal government. The daily life of the collective farm was, to varying degrees, intertwined with city structures and the municipal economy. There were numerous reasons for appealing to the city, including a labor shortage for field work, which was compensated for by sending Komsomol members

and students from city schools [28, l. 38]. In October 1930, the artel faced a labor shortage during the harvest, so the collective farm leaders approached the city council and the trade union council with a request to organize subbotniks (community work days) for city workers and employees, as well as to recruit residents of the city outskirts who were not members of the collective farm for agricultural work. The decision was made at a joint meeting of the board of the Stalin Artel and the board of the Stavropol Industrial Cooperative [21, l. 88].

The placement of the collective farm within the city borderline raised questions about the use of the confiscated property. The artel laid claim to many of the premises, while the city authorities were free to use them for their own needs. At the end of 1929, the city communal department (GORKO) of Stavropol signed an agreement with the Probuzhdenie gardeners' artel for the lease of several dachas (summer houses) within the city border: the Pavlov dacha (owned by one of the honorary citizens of the city, a well-known philanthropist), the Grubi dacha (owned by a family of brewers of Czech origin), and the Alafuzov gardens (a well-known family of entrepreneurs and brewers in Stavropol) [4, l. 32]. A few months later, as collectivization was unfolding in 1930, GORKO signed an agreement with the Comrade Stalin Artel for the lease of the same territories, and the agreement with the Probuzhdenie artel was annulled [4, l. 39 r.].

Moreover, in November 1930, the artel board decided to petition the city council for space for the communalized livestock, seeds, and inventory. The collective farm petitioned the city authorities to allocate the Armenia Hotel with "a number of adjacent Kovalev courtyards" for such needs and requested that the labor exchange building be vacated for the artel office. There was a shortage of space for various economic needs (stables, forges, and warehouses) of the artel, and they were sought on the outskirts of the city, including the buildings of the former St. John the Baptist and St. Mary convents [34, l. 15 r.]. In an attempt to increase employment for women, including mothers with children, the artel board was concerned with the establishment of childcare facilities. However, additional space was also needed for these. Some of the houses of dispossessed city residents ended up under city control; the artel requested that they be transferred

to childcare facilities and that all residents be evicted [20, l. 45].

There was also a shortage of land to expand the production plan and grow the artel, which was replenished at best with the farms of middle peasants. In January 1931, the list of the Karabino-Kamenolomskaya brigade included 34 farms of poor peasants, 4 farm laborers, 2 middle peasants, and 5 farms were classified as artisans [39, l. 20-26]. The Tashla district at the end of 1930 had 121 farm laborers, 119 poor peasants, 28 middle peasants, 7 workers, 1 employee, and 2 artisans. As for the farms, the poor and farm laborers together made up 122, while the middle peasants had 23 [42, l. 16]. By the end of 1931, poor peasants and farm laborers' families constituted the majority of collective farmers; only 10 percent were middle peasants. This circumstance was declared a success in collective farm construction [31, l. 37]. This composition correlated with the ideological foundations of the Soviet state, but economically, the artel needed individual farmers, a fact that was the subject of decisions that were common at meetings.

The collective farm board asked the city council to allocate a land plot of 5 thousand hectares [32, l. 43]. There were seizures of collective farm lands (they were sown by residents of the Stavropol outskirts who did not join the artel), and then the collective farm board turned to the city council and the city committee with a request to get these areas back [27, l. 34]. Due to the weak organizational capabilities of the artel, the resulting kulak property was not always used on the farm. For example, socialized movable property could be stored in municipal utility warehouses, which the artel rented. In this regard, the collective farm board sought to sell unused property and "transfer household ownership to self-financing" [32, l. 43]. Some of the households (for example, in the Mamaika area – Kudryashev's house; in the Vorobyovka area – Sinelnikov's property; and in Tashla – Zinoviev's and Novikov's houses), the board decided to allocate for children's playgrounds [20, l. 45]. Another seized house (owned by Zhuravlev, the kulak) was planned to be used as a hostel for farm laborers and the poor. Residents who were not members of the collective farm lived on such premises, so they tried to evict them through the courts in order to free up living space for the artel

members [20, l. 45]. Kudryashev's house had already been claimed by the hunters' union (Okhotsoyuz), and the city council made a positive decision on this issue. However, the collective farm board asked him to reconsider this decision and give the premises to a children's institution [26, l. 48]. Judging by the available minutes of meetings of the collective farm board in 1930 on confiscated kulak real estate, it was not easy to come to an agreement with the City Council. Numerous mentions of the question in the protocols indicate its sustained relevance. The board of the artel stubbornly demanded that the kulak houses be transferred from the city economy to the management of the artel.

Cultural and educational work among collective farmers was also carried out through the city political education department, demonstrating the integration of collective farm daily life into urban affairs. The collective farm expressed dissatisfaction with the quality of educational work, demanding that it improve the quality of work among artel members and eliminate general and political illiteracy. The collective farm board requested that they be given more attention and even that a special structure be created specifically for working with collective farmers [24, l. 13]. The need to strengthen the connection between political education and the collective farm was ritually reiterated in a number of minutes of meetings at various levels [22, l. 2 r.]. The daily work life of the collective farm dictated new directions for cultural and educational work, which were determined by the needs of production. The problem with the seed fund and cases of seed sales in city markets provoked the artel's request to the political education structures to oblige the *izbachi* (hut workers) to conduct public work with the public condemnation of seed hoarders [22, l. 1 r.]. The problems of labor, arable land, equipment, seeds, and work organization were more pressing and acute than ideological issues.

The fact that numerous meetings were held and the issues discussed at them were repeated proves that the tasks of collective farm construction were poorly carried out and the work of the artel was ineffective: there were no foremen, a shortage of seed stock, a shortage of forage, practically no work was done to involve women in the collective farm, etc. [25, l. 10].

For instance, on January 29, 1931, a general meeting of artel members was held, which is documented in protocol No. 167 [25, l. 10]. Firstly, the protocol number confirms the thesis that real efficiency was being replaced by a huge number of meetings and conferences. Secondly, judging by the content of the discussions, the participants once again identified the difficulties in involving new participants in collective farm construction, as "to involve new participants in the collective farm, preparations must be made: playgrounds, canteens, and the workforce must be properly deployed. It is necessary to attract the individual farmer to the collective farm with all his equipment so as not to go from house to house buying up the missing seed material" [25, l. 10]. Apparently, the management understood that without restructuring the collective farm life, the problem of recruiting and involving people in the collective farm could not be solved. The problem had a gender dimension, since women who joined the artel constituted a low percentage, and it was necessary to provide for the living conditions of working women. Compared to the industrial centers of Russia, industrial workers in Stavropol were few in number, and families retained a patriarchal structure for a longer period, which affected women's participation in public life. One of the speakers at the meeting emphasized, "Here at the meeting there is a clampdown; women want to speak, but here they are not allowed" [25, l. 10-10 r.]. Moreover, it was noted that no separate work was being done to involve women in the collective farm. One of the points of the resolution was the decision to organize women's production meetings [25, l. 10-10 r.].

The All-Union Communist Party of Bolsheviks policy of dispossession and the central government rhetoric of searching for an internal enemy were viewed not only by local city officials but also by the collective farm board as a guide to action. The following context can serve as an example of a failed effort: "There is a counterrevolutionary nest in the Old Forstadt. It is unthinkable for a city council member to speak out against the collective farm. Such members should be recalled from the City Council. Kulaks' yes-men have become city council members" [25, l. 10 r.]. The fact is that the artel's performance varied across the city. For example, the Old Forstadt area is often considered a problem area,

in part due to the high number of refusals to go to the fields.

Over time, the leadership of the collective farm and its individual sectors began to embrace the political rhetoric of the center. However, in the initial stages of collective farm development, practical issues were of far greater concern to the artel leadership. Referring again to the minutes of board meetings, one can note that issues of combating the kulaks, “hangers-on,” “grabbing and abuse,” “the artel’s impurity with unnecessary and alien characters,” and so on, were discussed formally, largely in connection with economic and organizational problems, which comprised the majority of agenda items.

The socialization of property and labor was accompanied by the socialization of elements of everyday life. Improving living conditions and providing the artel members with all necessities was a concern for both the collective farm management and the leadership of individual sectors. The reasons for their involvement and immersion in the everyday lives of ordinary collective farmers were explained by pragmatism and production necessity. Everyday trivialities often became items on the agenda of general meetings. At a meeting of collective farmers in the Tashlyansky sector in October 1930, the issue of supplying collective farmers with clothing and footwear was discussed, since in the

autumn “the untimely supply of footwear threatens to disrupt the harvesting of vegetables from the fields” [25, l. 28-28 r.].

Results. Thus, collectivization in Stavropol created a unique atmosphere in the everyday life of this local community. Not only were elements of rural and urban life intertwined, but a new model of Soviet everyday life was also being developed. The process occurred in close collaboration between the ideas of socialist cities and the collective farm village. This symbiosis can be seen as a drag on Soviet urbanization in Stavropol, which only fully unfolded in the 1960s. The transformation of urban everyday life in Stavropol occurred not only in line with Soviet changes but also under the influence of collective farm construction, but in a somewhat different way than in the larger cities of Soviet Russia. The population of Stavropol did not increase through the influx of peasants fleeing from collectivization; on the contrary, it included collective farmers with their own way of life. A distinctive feature of Stavropol everyday life, as sources indicate, was the more diverse social composition, including workers and lower-class employees among those joining the collective farm. They brought not only their property with them but also their habits, their way of life, which were leveled out in the process of organizing collective farm life.

REFERENCES

1. Barysheva E.V. Prazdnichnoe ubranstvo sovetskikh gorodov 1920–1930-kh gg. [Festive Decorations of Soviet Cities in the 1920s and 1930s]. *Uralskiy istoricheskiy vestnik* [Ural Historical Bulletin], 2016, no. 3 (52), pp. 23-32.
2. Bulygina T.A. Istoriya povsednevnosti i «novaya lokalnaya istoriya»: issledovatel'skiye pole i issledovatel'skiy instrument [Everyday History and the “New Local History”: Research Field and Research Tool]. *Novaya lokalnaya istoriya: po sledam Internet-konferenci. 2007–2014* [New Local History: In the Footsteps of Internet Conferences. 2007–2014]. Stavropol, Izd-vo Sev.-Kav. feder. un-ta, 2014, pp. 113-117.
3. Bulygina T.A., Malovichko S.I. Sovremennaya istoricheskaya nauka izucheniya novoy lokalnoy istorii [Modern Historical Science of Studying New Local History]. Bulygina T.A., Malovichko S.I., eds. *Novaya lokalnaya istoriya: metody, istochniki, stolichnaya i provincialnaya istoriografiya. Vyp. 1: materialy internet-konf., 23 maya 2003 g.* [New Local History: Methods, Sources, Capital and Provincial Historiography. Iss. 1. Proceedings of the Internet Conference. May 23, 2003]. Stavropol, Izd-vo Stavropol. gos. un-ta, 2003, pp. 6-23.
4. Dogovor 1929 g. oktyabrya 15-go dnya [Treaty of 1929 October 15th]. *Gosudarstvennyy arkhiv Stavropolskogo kraya* [State Archives of Stavropol Krai], f. R-329, inv. 1, d. 12. 50 l.
5. Kiaer C., Naiman E., eds. *Everyday Life in Early Soviet Russia: Taking the Revolution Inside*. Bloomington, Indiana University Press, 2005. 310 p.
6. Fitzpatrick Sh. *Everyday Stalinism: Ordinary Life in Extraordinary Times: Soviet Russia in the 1930s*. Oxford, Oxford University Press, 1999. 288 p.
7. Gadickaja M.A., Bondarev V.A. *Trudovaya povsednevnost kolkhoznoy derevni: skladyvanie novykh proizvodstvennykh otnosheniy v selakh i stanicakh Yuga Rossii 1930-kh godov* [Everyday Life in a Collective

Farm Village: The Emergence of New Production Relations in the Villages and Stanitsas of Southern Russia in the 1930s]. Novocherkassk, Lik Publ., 2014. 282 p.

8. Goldman W. *Women, the State and Revolution. Soviet Family Policy and Social Life, 1917–1936*. Cambridge, Cambridge University Press, 1993. 294 p.

9. Ivancov I.G. Povsednevnost provincialnogo goroda 1920–1930-kh godov, kulturnaya istoriya emociy v dokumentakh organov partiynogo gosudarstvennogo kontrolya VKP (b) [Everyday Life of a Provincial Town in the 1920s and 1930s, the Cultural History of Emotions in the Documents of the Party and State Control Bodies of the All-Union Communist Party (Bolsheviks)]. *Kulturnaya zhizn Yuga Rossii* [Cultural life of the South of Russia], 2014, no. 2 (53), pp. 68–72.

10. Johnston T. *Being Soviet: Identity, Rumour, and Everyday Life under Stalin 1939–1953*. New York, Oxford University Press, 2011. 240 p.

11. Kessler H. Kollektivizatsiya i begstvo iz dereven – socialno-ekonomicheskie pokazateli, 1929–1939 gg. [Collectivization and Escape from Rural Area: Socio-Economic Indicators, 1929–1939]. Borodkin L., ed. *Ekonomicheskaya istoriya. Obzrenie* [Economic History. Review], iss. 9. Moscow, Izd-vo Mosc. gos. un-ta, 2003, pp. 77–79.

12. Krinko E.F., Tazhidinova I.G., Khlynina T.P. *Povsednevny mir sovetskogo cheloveka 1920–1940-kh gg.: zhizn v usloviyakh socialnykh transformatsiy* [Everyday Life of a Soviet Person in the 1920s–1940s: Life in Conditions of Social Transformations]. Rostov-on-Don, Izd-vo Yuzhn. nauch. tsentra RAN, 2011. 359 p.

13. Leбина N. *Sovetskaya povsednevnost: normy i anomalii. Ot voennogo kommunizma k bolshomu stilu* [Everyday Life in the Soviet Union: Norms and Anomalies. From War Communism to Grand Style]. Moscow, Novoe lit. obzrenie Publ., 2015. 488 p.

14. Leбина N.B. *Povsednevnyaya zhizn sovetskogo goroda: normy i anomalii 1920–1930-kh gg.* [Everyday Life in a Soviet City: Norms and Anomalies of the 1920s–1930s]. Saint Petersburg, Jurnal “Neva”, 1999. 320 p.

15. Malceva N.A. *Ocherki istorii kollektivizatsii na Stavropol’ye* [Essays on the History of Collectivization in Stavropol]. Saint Petersburg, Nestor Publ., 2000. 143 p.

16. Nogina E.V. *Sociokulturnoe razvitiye gorodskogo naseleniya Stavropolya v 1920–1930-e gody: opyt istoricheskogo issledovaniya* [Social and Cultural Development of the Urban Population of Stavropol in the 1920–1930s: An Experience of Historical Research]. Stavropol, 2004. 263 p.

17. Orlov I.B. *Sovetskaya povsednevnost: istoricheskiy i sociologicheskiy aspekty stanovleniya* [Soviet Everyday Life: Historical and Sociological Aspects of Formation]. Moscow, Izd-vo Vyssh. shk. ekonomiki, 2010. 320 p.

18. Postanovlenie CK VKP(b) o borbe s iskrivleniyami partiynoy linii v kolkhoznom dvizhenii [Resolution of the Central Committee of the All-Union Communist Party (Bolsheviks) on the Fight Against Distortions of the Party Line in the Collective Farm Movement]. *Tragediya sovetskoy derevni. Kollektivizatsiya i raskulachivanie. Dokumenty i materialy. Tom 2. Noyabr 1929 – dekabr 1930* [The Tragedy of the Soviet Village. Collectivization and Dispossession. Documents and Materials. Volume 2. November 1929 – December 1930]. Moscow, ROSSPEN, 2000, pp. 303–305.

19. Protokol № 1 ob’edinennogo Pravleniya Soveta i Revkomissii Stavropolskoy gorodskoy krupnoy s.h. arteli im. Stalina, sostoyavshegosya 20 noyabrya 1929 g. [Record No. 1 of the Joint Board of the Council and the Commission of the Stavropol City Large Agricultural Artel Named After Stalin, Held on November 20, 1929]. *Gosudarstvennyy arkhiv Stavropolskogo kraya* [State Archives of Stavropol Krai], f. R-329, inv. 1, d. 5. 110 l.

20. Protokol № 1 zasedaniya pravleniya s.h. arteli im. Stalina 13 maya 1930 [Record No. 1 of the Meeting of the Board of the Artel Named After Stalin, May 13, 1930]. *Gosudarstvennyy arkhiv Stavropolskogo kraya* [State Archives of Stavropol Krai], f. R-329, inv. 1, d. 10. 120 l.

21. Protokol № 10 zasedaniya rabochey troyki pravleniya arteli im. Stalina 01.10.1930 g. [Record No. 10 of the Meeting of the Working Triple of the Board of the Stalin Artel on 1 October 1930]. *Gosudarstvennyy arkhiv Stavropolskogo kraya* [State Archives of Stavropol Krai], f. R-329, inv. 1, d. 10. 120 l.

22. Protokol № 14 ocherednogo zasedaniya s.h. arteli im. Stalina 6–7 marta 1930 [Record No. 14 of the Regular Meeting of the Agricultural Artel Named After Stalin on March 6–7, 1930]. *Gosudarstvennyy arkhiv Stavropolskogo kraya* [State Archives of Stavropol Krai], f. R-329, inv. 1, d. 10. 120 l.

23. Protokol № 14 sobraniya kolhoznikov Tashlyanskogo sektora 2-go sentyabrya 1930 g. [Record No. 14 of the Meeting of Collective Farmers of the Tashlyansky Sector on September 2, 1930]. *Gosudarstvennyy arkhiv Stavropolskogo kraya* [State Archives of Stavropol Krai], f. R-329, inv. 1, d. 67. 50 l.

24. Protokol № 16 zasedaniya pravleniya arteli im. Stalina 22–23 marta 1930 goda [Record No. 16 of the Meeting of the Board of the Agricultural Artel Named After Stalin, March 22–23, 1930]. *Gosudarstvennyy arkhiv Stavropolskogo kraya* [State Archives of Stavropol Krai], f. R-329, inv. 1, d. 10. 120 l.

25. Protokol № 167 obshhego sobraniya chlenov arteli im. Stalina v chisle 130 chelovek ot 29 yanvarya 1931 [Record No. 167 of the General Meeting of Members of the Agricultural Artel Named After Stalin, Numbering 130 People, January 29, 1931]. *Gosudarstvennyy arkhiv Stavropolskogo kraya* [State Archives of Stavropol Krai], f. R-329, inv. 1, d. 43. 147 l.

26. Protokol № 2 zasedaniya pravleniya s.h. arteli im. Stalina 22 maya 1930 g. [Record No. 2 of the Meeting of the Board of the Agricultural Artel Named After Stalin, May 22, 1930]. *Gosudarstvennyy arhiv Stavropolskogo kraya* [State Archives of Stavropol Krai], f. R-329, inv. 1, d. 10. 1201.
27. Protokol № 20 zasedaniya pravleniya s.h. arteli im. Stalina 27 aprelya 1930 g. [Record No. 20 of the Meeting of the Board of the Agricultural Artel Named After Stalin, April 27, 1930]. *Gosudarstvennyy arhiv Stavropolskogo kraya* [State Archives of Stavropol Krai], f. R-329, inv. 1, d. 10. 1201.
28. Protokol № 21 zasedaniya pravleniya s.h. arteli im. Stalina 8 maya 1930 g. [Record No. 21 of the Meeting of the Board of the Agricultural Artel Named After Stalin, May 8, 1930]. *Gosudarstvennyy arhiv Stavropolskogo kraya* [State Archives of Stavropol Krai], f. 329, inv. 1, d. 10. 1201.
29. Protokol № 3 zasedaniya pravleniya s.h. arteli im. Stalina 2 iyunya 1930 [Record No. 3 of the Meeting of the Board of the Agricultural Artel Named After Stalin, June 2, 1930]. *Gosudarstvennyy arhiv Stavropolskogo kraya* [State Archives of Stavropol Krai], f. R-329, inv. 1, d. 10. 1201.
30. Protokol obshhego sobraniya chlenov arteli im. Stalina prozhivayushhih v Oktyabrskom rayone g. Stavropolya ot fevralya 14 dnya 1930 goda [Record of the General Meeting of Members of the Artel Named After Stalin Living in the Oktyabrsky District of Stavropol, February 14, 1930]. *Gosudarstvennyy arhiv Stavropolskogo kraya* [State Archives of Stavropol Krai], f. R-329, inv. 1, d. 4. 221.
31. Protokol obshhego sobraniya arteli im. Stalina s uchastie edinolichnikov St. Forshtadskoy brigady ot 18.11.1931 [Record of the General Meeting of the the Agricultural Artel Named After Stalin with the Participation of Individual Farmers of the Old Forstadt Brigade, November 18, 1931]. *Gosudarstvennyy arhiv Stavropolskogo kraya* [State Archives of Stavropol Krai], f. R-329, inv. 1, d. 43. 1471.
32. Protokol obshhego sobraniya upolnomochennyh s.h. arteli im. Stalina 2-go sozyva 11 maja 1930 [Record of the General Meeting of Authorized Representatives of the Agricultural Artel Named After Stalin of the 2nd Convocation, May 11, 1930]. *Gosudarstvennyy arhiv Stavropolskogo kraya* [State Archives of Stavropol Krai], f. R-329, inv. 1, d. 10. 1201.
33. Protokol proizvodstvennogo soveshaniya pri s.h. arteli im. Stalina ot 04.12.1930 [Record of the Production Meeting at the Agricultural Artel Named After Stalin, 04.12.1930]. *Gosudarstvennyy arhiv Stavropolskogo kraya* [State Archives of Stavropol Krai], f. R.-329, inv. 1, d. 4. 221.
34. Protokol zasedaniya pravleniya arteli im. Stalina ot 18.11.1930 g. [Record of the Meeting of the Board of the Agricultural Artel Named After Stalin, November 18, 1930]. *Gosudarstvennyy arhiv Stavropolskogo kraya* [State Archives of Stavropol Krai], f. R-329, inv. 1, d. 4. 221.
35. Putney L.H. Everyday Life in Russia. *The Journal of Education*, 1929, no. 20, pp. 520-525.
36. Savchenko V.A. Bolshie, srednie i malye goroda v strategii prostranstvennogo razvitiya Stavropolskogo kraya [Large, Medium and Small Cities in the Spatial Development Strategy of Stavropol Krai]. *Vektor nauki TGU* [Vector of Science Tomsk State University], 2014, no. 4 (30), pp. 201-205.
37. Senyavskiy A.S. Ekonomicheskie osnovy rossiyskogo urbanizatsionnogo processa: teoreticheskiy analiz (strukturnye i institucionalnye aspekty) [Economic Foundations of the Russian Urbanization Process: Theoretical Analysis (Structural and Institutional Aspects)]. *Voprosy teoreticheskoy ekonomiki* [Issues of Theoretical Economics], 2019, no. 1, pp. 133-146.
38. Skorik A.P. *Mnogolikost kazachestva Yuga Rossii v 1930-e gg.: ocherki istorii* [The Many Faces of the Cossacks of the South of Russia in the 1930s: Essays on History]. Rostov-on-Don, Izd-vo Sev. kav. nauch. tsentra vyssh. obrazovaniya JuFU, 2008. 344 p.
39. Spisok chlenov s.h. arteli im. Stalina Karabino-Kamenolomskoy brigady polevodchesko-zhivotnovodcheskogo sektora po sostoyaniyu na 01.01.1921 g. [List of Members of the Agricultural Artel Named After Stalin, Karabino-Kamenolomskaya Brigade of the Field and Livestock Sector, January 1, 1921]. *Gosudarstvennyy arhiv Stavropolskogo kraya* [State Archives of Stavropol Krai], f. R-329, inv. 1, d. 43. 1471.
40. Stalin I.V. Golovokruzhenie ot uspehov. K voprosam kolhoznoho dvizheniya [Dizzy with Success. On the Issues of the Collective Farm Movement]. Stalin I.V. *Sochineniya* [Essays], vol. 12. Moscow, Gos. izd-vo polit. lit, 1949, pp. 191-199.
41. Stas I. Urban History: mezhdru istoriey i socialnymi naukami [Urban Histori: Between History and Social Sciences]. *Sociologicheskoe obozrenie* [Sociological Review], 2022, vol. 21, no. 3, pp. 250-285.
42. Svedeniya o lichnom sostave s.h. arteli im. Stalina Tashlyanskogo sektora po sostoyaniyu na 01.01.1930 g. [Information on the Personnel of the Agricultural Artel Named After Stalin, Tashlyansky Sector, January 1, 1930]. *Gosudarstvennyy arhiv Stavropolskogo kraya* [State Archives of Stavropol Krai], f. R-329, inv. 1, d. 38. 1071.
43. Turkina V.G., Antonova E.L. Sovetskiy gorod v prostranstve sovetsoy povsednevnosti [Soviet City in the Space of Soviet Everyday Life]. *Colloquim-Journal*, 2019, no. 21 (45), pp. 74-78.

44. Vershinina I.A. Anri Lefevr: ot «prava na gorod» k «urbanisticheskoy revolyucii» [Henri Lefebvre: From the Right to the City to the Urban Revolution]. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 18. Sociologiya i politologiya* [Moscow University Bulletin. Series 18. Sociology and Political Science], 2018, vol. 24, no. 2, pp. 48-60.
45. Vypiska iz protokola № 35 zasedaniya Prezidiuma Stavropolskogo gorodskogo soveta ot 27 dekabrya 1929 g. [Extract from Minutes No. 35 of the Meeting of the Presidium of the Stavropol City Council Dated December 27, 1929]. *Gosudarstvennyy arhiv Stavropolskogo kraya* [State Archives of Stavropol Krai], f. R-329, inv. 1, d. 5. 110 l.
46. Zayavlenie Glushhenko A.S. v pravlenie s.h. arteli im. Stalina [Application of A.S. Glushchenko to the Board of the Agricultural Artel Named After Stalin]. *Gosudarstvennyy arhiv Stavropolskogo kraya* [State Archives of Stavropol Krai], f. R-329, inv. 1, d. 88. 21 l.
47. Zayavlenie Malyh S.I. v pravlenie s.h. arteli im. Stalina [Application of Malikh S.I. to the Board of the Agricultural Artel Named After Stalin]. *Gosudarstvennyy arhiv Stavropolskogo kraya* [State Archives of Stavropol Krai], f. R-329, inv. 1, d. 89. 65 l.
48. Zayavlenie Mar'ina S.F. v pravlenie s.h. arteli im. Stalina [Application of S.F. Maryin to the Board of the Agricultural Artel Named After Stalin]. *Gosudarstvennyy arhiv Stavropolskogo kraya* [State Archives of Stavropol Krai], f. R-329, inv. 1, d. 89. 65 l.
49. Zayavlenie Panibratca M.H. v kontoru arteli im. Stalina [Application of Panibrats M.Kh. to the Office of the Stalin Artel]. *Gosudarstvennyy arhiv Stavropolskogo kraya* [State Archives of Stavropol Krai], f. R-329, inv. 1, d. 89. 65 l.
50. Zayavlenie Prozorovoy M.A. v pravlenie kolhoza im. Stalina [Application of Prozorova M.A. to the Board of the Stalin Collective Farm]. *Gosudarstvennyy arhiv Stavropolskogo kraya* [State Archives of Stavropol Krai], f. R-329, inv. 1, d. 88. 21 l.
51. Zayavlenie Samovarova M.F. v pravlenie s.h. arteli im. Stalina [Application of Samovarov M.F. to the Board of the Agricultural Artel Named After Stalin]. *Gosudarstvennyy arhiv Stavropolskogo kraya* [State Archives of Stavropol Krai], f. R-329, inv. 1, d. 89. 65 l.
52. Zayavlenie Tarasova L.S. v pravlenie s.h. arteli im. Stalina [Application of Tarasov L.S. to the Board of the Agricultural Artel Named After Stalin]. *Gosudarstvennyy arhiv Stavropolskogo kraya* [State Archives of Stavropol Krai], f. R-329, inv. 1, d. 89. 65 l.
53. Zayavlenie v kontoru kolhoza imeni tovarishha Stalina Gavrilchenka K.P. [Application to the Office of the Collective Farm Named After Comrade Stalin Gavrilchenko K.P.]. *Gosudarstvennyy arhiv Stavropolskogo kraya* [State Archives of Stavropol Krai], f. R-329, inv. 1, d. 89. 65 l.
54. Zayavlenie Volodinoy K.N. v pravlenie kolhoza im. Stalina [Application of Volodina K.N. to the Board of the Collective Farm Named After Stalin]. *Gosudarstvennyy arhiv Stavropolskogo kraya* [State Archives of Stavropol Krai], f. R-329, inv. 1, d. 88. 21 l.
55. Zayavlenie Zayceva M.V. v pravlenie s.h. arteli im. Stalina [Application of Zaitsev M.V. to the Board of the Agricultural Artel named after Stalin]. *Gosudarstvennyy arhiv Stavropolskogo kraya* [State Archives of Stavropol Krai], f. R-329, inv. 1, d. 88. 21 l.
56. Zayavleniya grazhdan o prieme i uvolnenii iz kolhoza [Applications of Citizens for Admission and Dismissal from the Collective Farm]. *Gosudarstvennyy arhiv Stavropolskogo kraya* [State Archives of Stavropol Krai], f. R-329, inv. 1, d. 89. 65 l.
57. Zayavleniya kolhoznikov o prieme i ob isklyuchenii ih iz chlenov kolhoza im. Stalina [Applications of Collective Farmers About Their Admission and Exclusion from Membership in the Stalin Collective Farm]. *Gosudarstvennyy arhiv Stavropolskogo kraya* [State Archives of Stavropol Krai], f. R-329, inv. 1, d. 88. 21 l.

Information About the Authors

Karine R. Ambartsumyan, Doctor of Sciences (History), Associate Professor, Department of World Politics and Foreign Regional Studies, North-Caucasus Federal University, Pushkina St, 1, 355017 Stavropol, Russian Federation, karina-best21@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-9397-6197>

Tamara A. Bulygina, Doctor of Sciences (History), Professor, Leading Researcher, Department of the History of Russia, North-Caucasus Federal University, Pushkina St, 1, 355017 Stavropol, Russian Federation, bul.tamara2011@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0003-1846-9360>

Информация об авторах

Каринэ Размиковна Амбарцумян, доктор исторических наук, доцент департамента мировой политики и зарубежного регионоведения, Северо-Кавказский федеральный университет, ул. Пушкина, 1, 355017 г. Ставрополь, Российская Федерация, karina-best21@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-9397-6197>

Тамара Александровна Булыгина, доктор исторических наук, профессор, ведущий научный сотрудник кафедры истории России, Северо-Кавказский федеральный университет, ул. Пушкина, 1, 355017 г. Ставрополь, Российская Федерация, bul.tamara2011@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0003-1846-9360>

DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2026.3.11>

UDC 94(470.61+620):613.115.6

LBC 63.3(2)614-210.6

Submitted: 21.12.2023

Accepted: 05.03.2024

**WORK OF STUDENTS OF THE PARTY UNIVERSITY
IN COLLECTIVE FARMS OF THE AZOV – BLACK SEA REGION OF RUSSIA
(BASED ON THE MATERIALS OF INDUSTRIAL PRACTICE IN 1934)**

Nikita V. Tikhomirov

Russian State University for the Humanities, Moscow, Russian Federation

Abstract. Introduction. The article is devoted to the study of the summer industrial practice of students of the All-Union Communist Agricultural University named after Ya.M. Sverdlov in 1934. The relevance of the work is determined by the high demand for the topic of collectivization in the scientific community and the growing interest of historians in the issues of Soviet everyday life in the 1930s. **Methods and materials.** The analyzed materials are stored in the State Archives of the Russian Federation and have not yet received serious study in historical research. Thus, the novelty of the work is associated, first of all, with the introduction into scientific circulation of a little-studied complex of historical sources, the disclosure of their information potential for the study of collective farm construction in the USSR, the everyday life of the collective farm peasantry and student activists. The materials are presented by the reporting documentation of students and teachers of the university. **Analysis.** The study reveals the features of students' participation in the organization of artel production in the village, the main difficulties in the work of collective farms and ways to overcome them. The conditions and environment of the working life of interns in the agricultural regions of the Azov-Black Sea region of the RSFSR are shown. The work is based on the anthropological approach, which involves a detailed consideration of the facts of life, work and everyday consciousness of people, allowing us to study the features of everyday life of villagers from different sides. **Results.** The findings allow us to expand our understanding of the specifics of the socialist restructuring of the village at its final stage, to determine the role of students of communist universities in this process, and to clarify ideas about the key problems of collective farms in the early period of their existence. The presented results can serve for further development of the problem of involving students of communist universities in the work of collective farm construction.

Key words: history of everyday life, collectivization, collective farms, communist university, students.

Citation. Tikhomirov N.V. Work of Students of the Party University in Collective Farms of the Azov – Black Sea Region of Russia (Based on the Materials of Industrial Practice in 1934). *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 4. Istoriya. Regionovedenie. Mezhdunarodnye otnosheniya* [Science Journal of Volgograd State University. History. Area Studies. International Relations], 2026, vol. 31, no. 3, pp. 117-131. (in Russian). DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2026.3.11>

УДК 94(470.61+620):613.115.6

ББК 63.3(2)614-210.6

Дата поступления статьи: 21.12.2023

Дата принятия статьи: 05.03.2024

**РАБОТА СТУДЕНТОВ ПАРТИЙНОГО ВУЗА
В КОЛХОЗАХ АЗОВО-ЧЕРНОМОРСКОГО РЕГИОНА РОССИИ
(ПО МАТЕРИАЛАМ ПРОИЗВОДСТВЕННОЙ ПРАКТИКИ 1934 г.)**

Никита Вадимович Тихомиров

Российский государственный гуманитарный университет, г. Москва, Российская Федерация

Аннотация. Введение. Статья посвящена исследованию летней производственной практики учащихся Всесоюзного коммунистического сельскохозяйственного университета им. Я.М. Свердлова (ВКСХУ) в

1934 году. Актуальность работы определяется высокой востребованностью темы коллективизации в научном сообществе и растущим интересом историков к вопросам советской повседневности 1930-х годов. *Методы и материалы.* Анализируемые материалы хранятся в Государственном архиве Российской Федерации и до настоящего времени не получили серьезной проработки в исторических изысканиях. Таким образом, новизна работы связана, прежде всего, с введением в научный оборот малоизученного комплекса исторических источников, раскрытием их информационного потенциала для исследования колхозного строительства в СССР, быденной жизни колхозного крестьянства и студентов-активистов. Материалы представлены отчетной документацией студентов и преподавателей ВКСХУ. *Анализ.* В исследовании раскрыты особенности участия студентов в организации артельного производства в деревне, выявлены основные трудности в работе колхозов и способы их преодоления. Показаны условия и обстановка рабочего быта практикантов в сельскохозяйственных районах Азово-Черноморского края РСФСР. В основу работы положен антропологический подход, предполагающий подробное рассмотрение фактов быта, труда и быденного сознания людей, позволяющих изучить с разных сторон особенности повседневной жизни селян. *Результаты.* Полученные выводы позволяют расширить понимание специфики социалистической перестройки деревни на ее завершающем этапе, определить роль студентов коммунистических вузов в этом процессе, уточнить представления о ключевых проблемах колхозов в ранний период их существования. Представленные результаты могут служить дальнейшей разработке проблемы вовлечения учащихся комвузов в дело колхозного строительства.

Ключевые слова: история повседневности, коллективизация, колхозы, коммунистический университет, студенчество.

Цитирование. Тихомиров Н. В. Работа студентов партийного вуза в колхозах Азово-Черноморского региона России (по материалам производственной практики 1934 г.) // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 4, История. Регионоведение. Международные отношения. – 2026. – Т. 31, № 3. – С. 117–131. – DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2026.3.11>

Введение. Высшие коммунистические учебные заведения сыграли важную роль в подготовке руководящих кадров для социалистического хозяйства СССР в первые после-революционные десятилетия. В 1920-е гг. они решали задачу насыщения вновь созданных советских учреждений и организаций социалистически ориентированными специалистами, обладавшими прочной базой теоретических знаний [2, с. 142; 3, с. 100]. Переход к ускоренному построению социализма, произошедший на рубеже 1920–1930-х гг., заметно отразился на системе коммунистических вузов.

Кампания сплошной коллективизации поставила на повестку дня новую проблему: вновь созданные артели нередко оказывались нежизнеспособными, их члены не умели надлежащим образом наладить совместную работу и дать ожидаемые советским руководством плановые показатели. Это потребовало смены тактики. Середина 1930-х гг. рассматривается в историографии как завершающий этап колхозного строительства в СССР [7, с. 64]. В это время перед государством остро стояла задача подготовки специалистов, способных занять руководящие должности в колхозах, став «организаторами социалистического земледелия» [1, с. 144].

Постановлением ЦК ВКП(б) от 21 сентября 1932 г. коммунистические университеты, за исключением КУТВ¹ и КУНМЗ², подлежало реорганизовать в высшие коммунистические сельскохозяйственные школы [12, с. 418]. Преобразования затронули и коммунистический университет им. Я.М. Свердлова в Москве, ставший с этого времени Всесоюзным коммунистическим сельскохозяйственным университетом им. Я.М. Свердлова (далее – ВКСХУ).

Целью ВКСХУ, как и других подобных заведений, была подготовка будущих организаторов и руководителей производства в крупном хозяйстве социалистического типа. Для закрепления знаний и развития навыков, приобретенных в процессе обучения, студенты ежегодно направлялись в сельскую местность для прохождения практики при совхозах, колхозах и МТС. Такой вид работы составлял неотъемлемую часть образовательного процесса [10].

Тема коллективизации вызывает высокий интерес у современных историков, о чем свидетельствует растущее число научных трудов, раскрывающих различные стороны данного процесса [4; 5]. Вместе с тем вопрос об участии в нем студентов партийных вузов ос-

тается не достаточно изученным. Цель настоящей работы – показать роль студентов одного из ведущих коммунистических университетов СССР в социалистическом преобразовании деревни на завершающем этапе коллективизации на примере отдельно взятого региона страны.

Решаемые в этой связи задачи: на конкретных примерах рассмотреть участие студентов-коммунистов в социалистическом преобразовании деревни на завершающем этапе коллективизации; исследовать отдельные стороны жизненного мира колхозных крестьян; выявить проблемы, характерные для быта и труда колхозников выбранного региона, и проанализировать роль практикантов в их разрешении.

Данная тема мало изучена и слабо отражена в современной историографии [6, с. 13]. Таким образом, исследование расширяет научные представления о колхозном строительстве и вкладе в его проведение студентов партийных вузов.

Методы и материалы. В Государственном архиве Российской Федерации (ГАРФ) отложился комплекс материалов, связанных с производственной практикой учащихся ВКСХУ и представленных преимущественно отчетными документами за 1934–1937 гг. (11 дел в составе 3 описей). Материалы каждого года обладают внутренней спецификой, обусловленной характером и содержанием практики, а также местом ее прохождения студентами. Документы отражают работу воспитанников университета в нескольких регионах РСФСР: Воронежской (1936), Калининской (1935), Курской (1936), Московской (1935), Саратовской (1937) и Ярославской (1936) областях и Азово-Черноморском крае (1934). Все материалы сгруппированы в 11 архивных дел по хронологическому принципу. Документы, связанные с практикой в Азово-Черноморском (1934) и Орджоникидзевском (1937) краях, обобщены в отдельную единицу хранения. Именно они были использованы в качестве источника для настоящего исследования. Это обусловлено необходимостью локализовать изучаемый объект во времени и пространстве для выяснения его качественного своеобразия: факты, отраженные в указанных материалах, географически и хронологически отличаются от фактов, описанных практикантами в последующие годы.

Проблема колхозного строительства в указанном регионе (на Дону и Кубани) получила отражение в ряде научных трудов, среди которых исследования В.А. Бондарева [1], А.П. Скорика [11], Р.Г. Тикиджьяна [13] и др. Ими исследуются особенности социально-экономического уклада деревни, противоречия в отношениях крестьян и советской власти. Наше исследование призвано развить и углубить выводы, представленные в данных трудах, чему служит вовлечение в научный оборот комплекса принципиально новых источников. Представленные в них сведения отражают особенности организации и протекания производственной практики студентов преобразованного университета, обучавшихся по обновленной программе в соответствии с новой установкой – сосредоточить усилия на проведении в жизнь программы колхозного строительства. Наличествующая документация касается практической работы учащихся 2-го курса 3-годичного отделения ВКСХУ. Это протоколы студенческих собраний по итогам летней практики (5), отчеты руководителей практики – преподавателей университета, сопровождавших студентов (6), и характеристики, полученные от руководства политотделов Машино-тракторных станций (8), отзывы отдельных студентов об опыте проведенной работы (2), а также документы организационного назначения – планы и фрагменты переписки об организации студенческой практики.

Особенностями названных документов предопределены некоторые трудности в работе с ними, а именно отсутствие в ряде случаев названий колхозов и фамилий ответственных работников. Следует отметить, что такая проблема встречается и при работе с документами других дел в составе архивного фонда: хотя в них представлены преимущественно отчеты и дневники, их авторы подчас опускали названия обслуживаемых предприятий, указывая лишь район; соответствующие уточнения производились, вероятно, уже в ходе проработки материалов на уровне профильной университетской комиссии.

При анализе отчетных материалов нужно учитывать возможную субъективность их авторов при оценке своей работы и работы своих подопечных. Уточнению свидетельств этих документов помогает сопоставление со-

державшихся в них положений с отзывами партийных работников МТС. Такой диалектический подход к работе с источниками позволил всесторонне рассмотреть и оценить труд практикантов в колхозах.

Исследование проводилось в историко-антропологическом ключе, что предполагает подробное рассмотрение различных сторон жизни человека в конкретных исторических условиях. С этим связано соответствующее требование к использованию в работе описательно-повествовательного метода, служащего в данном случае для создания так называемого «плотного описания» (по выражению К. Гирца) действительности, что помогает воспроизвести отдельные структуры повседневности студентов коммунистического университета в период пребывания на практике. Сравнительный анализ источников позволил сделать обобщающие выводы о качественном своеобразии быта и труда практикантов, их взаимоотношениях с колхозниками и сотрудниками МТС в Азово-Черноморском регионе России в начале второй советской пятилетки.

Обсуждаемые материалы содержат информацию о подготовке и организации летней практики, порядке ее прохождения студентами, возникавших проблемах и подходах к их разрешению. Преподаватели и практиканты описали трудности, с которыми столкнулись в колхозах и МТС, показали насущные проблемы сельских работников и рассказали о достигнутых успехах в деле колхозного строительства.

Это позволяет сделать выводы о том, с какими конкретными трудностями была сопряжена работа по социалистической модернизации деревни и какие противоречия встречали активисты в попытках осуществить партийно-правительственные установки в сельской местности в рассматриваемый период. Благодаря этому открывается возможность для лучшего понимания процесса коллективизации на микроуровне, в условиях конкретной местности, что в свою очередь ведет к более полному и всестороннему пониманию данного процесса в целом, в масштабах страны.

Добавим, что анализируемые документы отразили сравнительно малую часть ме-

роприятий, в которые были вовлечены студенты ВКСХУ за весь период их обучения. Познавательные возможности отчетов существенно ограничены по временным и пространственным параметрам: согласно наличным данным, студенты распределялись каждый год в новые районы с нередко разительно отличающимися условиями. По сути, молодых людей направляли туда, где возникала необходимость оздоровить или попросту спасти артельную организацию. Такой подход со стороны университетского руководства был, вероятно, подсказан общими задачами народного хозяйства, требовавшими *ad hoc* мобилизации усилий на трудных участках: география студенческой практики в последующие годы охватывает значительную часть европейской России – от Южного Урала до нечерноземного Севера. Таким образом, проследить эволюцию отдельно взятых МТС и колхозов за несколько лет отчетные материалы не позволяют. Но, несмотря на это, представленные документы имеют серьезный информационный потенциал для решения поставленных задач исследования.

Анализ. Студенты были организованы в семь кружков³ числом от 12 до 21 человека, всего 113 практикантов. Все они были командированы в заранее намеченные вузом районы, где поступили в распоряжение руководства конкретной МТС (каждый кружок делился на две группы – по одной на станцию) и были распределены им по местам непосредственной работы – в колхозы. В некоторых случаях выделялось по человеку на колхоз [9, л. 31], иногда – по несколько с прикреплением к разным бригадам [9, л. 39 об]. Группу сопровождал руководитель из числа преподавателей университета, которому надлежало посещать практикантов по месту работы, оказывая необходимую помощь.

Отправке в колхозы могли предшествовать общие организационные мероприятия. Например, с группами некоторых кружков после их приезда на МТС были проведены совещания с участием старшего агронома и директора станции. Они знакомили практикантов с производственным планом и планом уборочных работ, располагаемыми средствами производства. Затем начальник политотдела рассказывал молодым людям о работе

своего подразделения и его насущных задачах, описывал состояние партийно-массовой работы в МТС и давал характеристику руководящих работников тех колхозов (председатель, парторг, бригадир, член правления), куда предстояло отправиться студентам [9, л. 31].

Большинство из них были назначены в низовые звенья колхозных организаций – помощниками бригадиров и парторгов полевых бригад, некоторые получили должности заместителей бригадиров тракторных и колхозных бригад, помощников председателей правления и помощников парторгов артелей. Основание для этого давала не только теоретическая подготовка, полученная в университете, но и партийный стаж, который в обязательном порядке имелся у всех принимаемых на обучение в ВКСХУ [11]. Среди студентов преобладала возрастная группа 20–30 лет. Указанная расстановка, по замыслу, позволяла практикантам участвовать как в процессах управления и организации труда, так и во всех видах сельскохозяйственных работ весеннего сева, наиболее разнообразных в части конкретных операций и применения машинной техники [9, л. 53 об.].

План производственной практики для каждого кружка разрабатывал его руководитель и согласовывал с агрономами и начальниками политотделов МТС. Документ содержал большое число задач для разных отраслей сельскохозяйственного производства. Так, перечень работ, составленный для студентов 2-го кружка, включал в себя 47 пунктов. Он охватывал такие направления, как: сбор данных о ходе уборочных работ, составление коллекций семян и растений, знакомство с разными сельскохозяйственными машинами и работа на них, изучение организации труда в колхозных и тракторных бригадах, ознакомление с постановкой животноводческого дела и др. [9, л. 23–24].

В документах отражены названия МТС, которым были приданы практиканты, районы их расположения; число и названия большинства колхозов; количество студентов, посланных в конкретное хозяйство. В ряде случаев отдельные категории данных отсутствуют (например, в отчете о деятельности 3-го кружка не указаны названия колхозов и то, как были распределены по ним практиканты). Однако

в целом имеющиеся сведения достаточно представительны для понимания количественных и территориальных параметров охвата практикой ВКСХУ Азово-Черноморского региона. В таблице 1 отображены данные о распределении практикантов по местам работы. В таблице 2 приведены общие количественные показатели.

Отметим, что документы не содержат (за очень редкими исключениями) личной информации о работниках колхозов и МТС – их именах, фамилиях, биографиях. Сведения такого рода были избыточны для учета и анализа результатов работы студентов.

После установочной беседы практиканты попадали непосредственно в производственные коллективы. Условия их размещения были скромны и подчас даже суровы. Во время работы практиканты проживали вместе с колхозными бригадами, находившимися, как правило, в «таборах» – вновь застроенных участках посреди поля. Размещались в общих домах и кормились у одного котла. Здесь положение свердловцев⁴ бывало даже худшим, поскольку колхозники, кроме общей пищи, зачастую получали еду из дома. Добиться от районного руководства улучшения в питании студентов удавалось не везде – сказывались отсутствие продуктов и простая нерасторопность ответственных лиц. Покупать что-либо на колхозном рынке практиканты тоже могли не всегда, поскольку университет несвоевременно высылал им деньги [9, л. 53]. Имели место проблемы санитарно-эпидемического порядка. Многие практиканты и некоторые преподаватели заразились распространившейся в регионе малярией, причем некоторые страдали от нее до самого конца работы и много позже [9, л. 12, 53 об.]. Это коснулось кружков, направленных в районы, расположенные в речных бассейнах Дона и Кубани. Особенности рельефа местности служили причиной того, что после весенних паводков местность отчасти заболачивалась и возникали условия для размножения комаров – переносчиков заболевания. То обстоятельство, что практиканты во множестве страдали от малярии, свидетельствует как о плохой организации системы профилактики заболеваний и оказания медицинской помощи на местах, так и о слабой осведомленности универ-

ситетского руководства по части санитарной обстановки в регионе.

В ходе работы практиканты изучали положение дел в бригадах, МТС и колхозах, определяя, прежде всего, степень готовности коллектива к началу весеннего сева. На этом этапе выявлялись основные проблемы, связанные с организацией труда и общей постановкой дела на конкретном участке. Студен-

ты не стеснялись подвергать порой «довольно жесткой критике» директоров и начальников политотделов МТС, к которым были прикреплены [9, л. 31 об.]. Так, студентка Емельянова сообщала, что, обнаружив «зажим самокритики» в колхозе «Трудовая колонна» (Атамановская МТС), принялась критиковать и председателя колхоза, и бригадира [9, л. 34 об.]. При этом напористость практикан-

Таблица 1. Распределение практикантов по районам, МТС и колхозам

Table 1. Distribution of interns by districts, MTS and collective farms

Кружок	Район	МТС	Колхоз	Чел.
1	Кущевский	Кисляковская	Им. XVII партсъезда, «Красная поляна»	8
		Розентальская	«Борец», «Красноармеец», Кугейский	7
2	Лабинский	Лабинская	Им. Буденного, «Волна революции», «Вперед к социализму», «Память Ленина»	8
	Лабинский	Переправная	«Путь Ленина», «Путь к социализму», «Свободный мир», «Центральная Лаба»	7
3	Белоглинский	Белоглиновская	14 колхозов, названия не указаны	14
	Песчанокоспский	Песчанокоспская		
4	Не удалось установить	Атамановская	«12 годовщина Октября», «Вторая пятилетка», им. Димитрова, «Трудовая колонна», «Ударник», им. Шеболдаева	8
	Не удалось установить	Качальницкая	«Гигант социализма», «Красная гвардия», «Новый мир», «Победа красных партизан»	8
5	Калниболотский	Калниболотская	Несколько колхозов, нет данных	6
	Новопокровский	Еянская	«Всемирная революция», «Завет Ильича», «Красное знамя», им. Политотдела	9
6	Константиновский	Усть-Быстрянская	Им. Дзержинского, «Донец»	4
			2 колхоза, названия не указаны	6
		Николаевская-на-Дону	Им. Кагановича, «Красный Дон», «Мировой Октябрь»	5
			1 колхоз, название не указано	6
7	Цимлянский	Цимлянская	Им. Андреева, им. Карла Маркса, им. Короткова, «Красный Октябрь», «Новь»	7
			При политотделе	1
		Романовская	Им. Буденного, «Второй пятилетки», им. Димитрова, «Путь Ленина», «Цимлянская дружина», им. Черникова	9

Таблица 2. Количественные показатели практики 1934 года

Table 2. Quantitative indicators of the practice of 1934

Студентов проходило практику	Охвачено районов	Охвачено МТС	Охвачено колхозов	
			минимум	максимум
113	9–10	14	61	67 *

Примечание. * Для Калниболотской МТС отсутствуют указания, как были распределены 6 практикантов. Согласно сведениям, приведенным в таблице 1, в колхозы могли распределять от 1 до 3 человек. Таким образом, возможен вариант, когда шестеро студентов, работавших в районе Калниболотской МТС, были распределены по 1 человеку в колхоз, в связи с чем указано возможное максимальное значение охваченных артелей.

Note. * For Kalnibolotskaya MTS, there is no indication of how the 6 interns were distributed. According to the information provided in Table 1, from 1 to 3 people could be assigned to collective farms. Thus, it is possible that six students who worked in the Kalnibolotskaya MTS area were assigned to a collective farm, one person at a time, which is why the possible maximum number of teams covered is indicated.

тов давала порой результаты, обратные тем, каких они ожидали. Не приходится сомневаться, что студенты, будучи носителями систематических знаний об организации ряда сельскохозяйственных работ⁵, рассчитывали на понимание со стороны сельских руководителей. Однако нередко встречали отрешенное и даже неприязненное расположение к себе. К примеру, директор одной из МТС⁶ вообще не понимал, зачем приехали студенты, потому для занятий на тракторе, предусмотренных программой практики, им приходилось просить у него особого разрешения. К указаниям о недостатках в работе директор относился раздражительно: «Ты не вмешивайся в производственную практику, выпускай газету». Представители Усть-Быстринской МТС в Константиновском районе даже не встретили прибывших студентов и полагали, что те там не нужны [9, л. 63]. Директор и агроном другой МТС⁷ относились к практикантам плохо и даже враждебно [9, л. 46 об.]. В одном из колхозов⁸ председатель в ответ на замечания практикантов «о недостатках в работе» «начал восстанавливать колхозников» против них [9, л. 46–46 об.]. По замечанию студента Максимова, председатели колхозов (Константиновский район) относились к нему и его товарищам «зверски» [9, л. 63]. Документы не раскрывают причин такого отношения. Можно предположить, что сами практиканты не только стремились искоренить изъяны, выявленные в работе колхозов, но могли также с избыточной резкостью критиковать местных руководителей за допущенные нарушения. Похожие ситуации описаны, например, в отчетах о практике студентов Ленинградской высшей сельскохозяйственной школы им. С.М. Кирова за 1936 год. Руководитель одной из групп так описывал поведение подопечных на итоговом совещании в МТС: «навели крепкую критику методам работы руководства МТС <...> Правда, критика была несколько резкая по форме, но зато правильная по существу» [9, л. 29 об.]. Результатом явилось то, что директор станции переписал уже готовые характеристики наиболее дерзких студентов, указав намеренно, что те якобы работали плохо и не выполнили поставленных задач [9, л. 30]. В материалах фонда Свердловского университета подобных подробностей не со-

держится, но можно предположить, что и в упомянутом случае мог иметь место своего рода конфликт характеров.

Выявив нарушения в производственных процессах, студенты пытались исправить их, давая советы и указания, внедряя рациональные подходы к производству тех или иных операций. Некоторые из них обнаруживали в этой связи недоверие и сопротивление со стороны ответственных лиц. Так, в Новопокровском районе практиканты не могли убедить ни колхозное, ни районное руководство, что в артелях неправильно проводятся агротехнические мероприятия. Например, предметом разногласий стало нарушение колхозниками требований по глубине перепашки чистых паров, что в споре со студентом Горбачевым признал даже старший агроном. Несмотря на это, секретарь райкома настаивал, что в условиях данной местности меры, применяемые колхозами, следует считать правильными, а студентке в личной беседе заявил, что ВКСХУ готовит невежд [9, л. 47].

Некоторые работники вовсе проявляли отчужденность во всякой работе. Со слов практиканта Дзутцева, председатель колхоза, где он работал (Константиновский район), «ходил с водкой», пустив подготовку сева и жизнь артели на самотек. Местного бригадира, донского казака, студент называл саботажником: «ничего не делал, а мы ему помогай» [9, л. 62]. Упоминания в ряде случаев о казацком происхождении колхозников не несет, как представляется, смысловой нагрузки, а вызвано общим впечатлением некоторых студентов от столкновения с непривычной им действительностью. Такое положение дел говорит не только о распушенности отдельных работников, но также о дезорганизации всего колхозного хозяйства. Люди не умели организовать работу по принципам и правилам научной агротехники, как того требовали насаждавшиеся формы социалистической экономики. Зримым проявлением этого становилось безразличие к собственному труду, колхозному имуществу, коллективному благополучию, с которым селяне не сопрягали представления о своем собственном благополучии.

Приведенные сообщения позволяют заключить, что многим студентам приходилось

трудиться в условиях высокой эмоциональной нагрузки, нравственного давления со стороны ряда ответственных лиц. Это требовало повседневного напряжения духовных сил и значительной волевой работы.

В других районах практиканты сумели наладить добрые отношения с местными руководящими кадрами и, критикуя недостатки в их работе, не встречали враждебности. Напротив, колхозное руководство благоволило практикантам, поскольку те деятельно помогали артельщикам в их работе, оказывая ощутимую помощь как носители полезных знаний, умений и навыков. Так, практикантка Емельянова «рассказываниями» повышала агрономическую грамотность колхозников [9, л. 34 об.]. Студент Баглюк, обнаружив слабую подготовку трактористов, был вынужден «работать и трактористом» [9, л. 35]. Вероятно, в ходе такой работы он сумел повысить квалификацию местных кадров, передав им собственный опыт. Студент Загидулин, оценивая общие итоги практики, отмечал: «Мы учились сами, но учились и у нас» [9, л. 62]. А студент Городилов прямо заявил на отчетном собрании, что ему приходилось «не учиться, а учить» [9, л. 35 об.].

Такие свидетельства красноречиво характеризуют не столько высокий уровень подготовки свердловцев (который, безусловно, наличествовал), сколько низкий уровень профильных знаний сельских работников, их слабое понимание возможностей и значимости научно-технического прогресса в хозяйственной деятельности. Артельное хозяйство студенты обнаруживали подчас в удручающем состоянии. В разных колхозах практиканты зачастую отмечали схожую картину упадка: значительная часть полей была занята сорняками, с которыми не вели должной борьбы; скирды соломы, оставленные на прошлогодних токах, обрастали сорняками; межи и дороги не опахивались [9, л. 47]. Брошенные становища единоличников не уничтожались, покрываясь кустарником и сорняками; там же находились старые колодцы, в которые ненароком заезжали трактора [9, л. 49 об.].

Провалы в работе колхозов могли возникать по причине плохой организации труда, а также ввиду отсутствия простейшего контроля над выполнением работ. Нередко в арте-

лях остро стояла проблема оплаты за трудодни, от чего напрямую зависело материальное благополучие колхозников. Как отмечал в своем отчете руководитель 3-го кружка Пронин, «студент <...> воочию убедился, что такое обезличка» [9, л. 31]. Вследствие небрежного учета трудодней крестьяне теряли интерес к работе и веру в перспективы колхозного строительства. Студенты подмечали и выправляли такие недочеты. Так, практикант Васильев наладил в своей бригаде колхоза им. Красной гвардии (при Атамановской МТС) вывешивание ежедневных сводок для наглядного представления результатов труда каждого работника [9, л. 39 об.]. Студент Шиошвили, работавший в колхозе им. Карла Маркса (Цимлянская МТС), также завел в бригаде учет выполненных работ и учредил прогрессивную сдельщину, чем сумел повысить производительность труда в 3–4 раза [9, л. 72].

Нередко райкомы направляли студентов в наиболее запущенные и неразвитые артели, возлагая на практикантов задачу их оздоровления и укрепления в качестве хозяйственных единиц. В тех случаях, когда студенты оказывались в неблагополучных колхозах, их работа обретала вид напряженной борьбы за сохранение и восстановление артельного хозяйства. Студент Суслин, попавший в колхоз «Красная гвардия» – по его словам, самый плохой колхоз района – характеризовал обстановку там следующим образом: «Колхозники игнорировали предколхоза, некоторые активисты разбазаривали колхоз»⁹, на работу не выходили до 70 % артельщиков, бригадир насаждал антиколхозные настроения, а в ответственный момент сева вовсе сбежал [9, л. 36]. Формально существовавшая артель была фактически нефункциональна, пребывая в состоянии глубокого вырождения. В колхозе «Вторая пятилетка» (Атамановская МТС) студент Лысаченко выявил ошибки в расстановке сил и машин, допущенные при планировании посевных мероприятий. Организация труда была развалена: звеньевое деление существовало лишь на бумаге, была высока текучесть работников. Попытки укрепить дисциплину не нашли поддержки у бригадира, который, со слов практиканта, «пил водку и имел половую распущенность» [9, л. 33 об.].

Примечательно, что понимание колхозной дисциплины в отдельных вопросах у студентов разнилось: например, некоторые полагали, что все, включая домохозяек, должны выходить на работу с восходом солнца, другие отвергали такой подход [9, л. 34 об.]. Так или иначе, традиционные формы организации труда продолжали влиять на протекание полевых работ, и практиканты не всегда могли побороть привычки крестьян. Так, студент Лысаченко (колхоз «Вторая пятилетка») сетовал: «Когда я стал напирать на дисциплину и организацию труда <...> Никто не пошел мне навстречу» [9, л. 33 об.].

Установки, привитые комвузовским образованием, определяли широту понимания студентами их насущных задач в сельской местности. Воспитанные в духе социалистических идеалов, они рассматривали свой труд как подчиненный большой цели – построению нового общества. Поэтому вопросы сугубо хозяйственного порядка в сознании свердловцев не отделялись от вопросов культурного переустройства жизни населения. Студенты обращали пристальное внимание на бытовые условия колхозников, предпринимали меры к их улучшению. К примеру, студент Майоров сумел не только добиться от правления колхоза ¹⁰ решения о постройке бани, но и воплотить замысел в жизнь: за месяц было возведено добротное кирпичное сооружение, после чего соседние колхозы пожелали занять у себя такие же заведения. До этого во всем районе была лишь одна общественная баня [9, л. 32].

Студент Чекменидзе (колхоз «Ударник», Атамановская МТС) «бывал часто в доме колхозников, говорил с ними, создавал условия для их работы. Организовывал питание, еду – все, чтобы выполнить план» [9, л. 35]. Студентка Заболоцкая, трудившаяся в колхозе «Донец», добилась постройки столовой и душа для колхозной бригады, чего раньше в артели не было [9, л. 57]. Как видно, студенты старались по возможности комплексно подходить к осуществлению стоявших перед ними задач. Своими действиями они порой выходили за рамки программы университетской практики, становясь проводниками культурного обновления в российской глубинке.

Проявляя настойчивость, практиканты решающим образом влияли не только на по-

становку работы, но и на руководящий состав артелей. Студент Белый добился снятия с работы председателя колхоза «Новый мир» за «сопротивление в выполнении указаний» центральных органов ¹¹ [9, л. 37]. Его коллега Суслин отчитывался, что сменил руководство артели «Красная гвардия» (Качальницкая МТС) и отдал под суд выявленных расхитителей коллективной собственности из числа колхозников (о конкретном содержании проступков не сообщается) [9, л. 36]. Таким образом, практиканты выполняли функцию передаточных звеньев между низовыми хозяйственными организациями и советскими руководителями в районах. Благодаря этому происходило выстраивание работоспособной системы управления, включение колхозов и МТС в единую административную вертикаль.

Несмотря на то что студенты работали зачастую в наиболее отсталых колхозах, с их помощью те не только смогли достичь плановых показателей по севу, но сделать это прежде некоторых более благополучных артелей [9, л. 47]. Практиканты проявляли настойчивость и последовательность. В колхозе «Мировой Октябрь», одном из худших по Константиновскому району Азово-Черноморского края, студенты Мамаев и Уренцов сумели в короткий срок оздоровить бригаду с полностью развалившейся дисциплиной – добиться выхода на работу всех членов «и даже старух», организовать социалистическое соревнование и подтянуть к уровню лучшей бригады МТС [9, л. 58]. Студент Уренцов отчитывался, что вместе с другими практикантами сумел поднять дисциплину среди работников своей бригады: «бегали за нами, как цыплята» [9, л. 64]. О студенте Липатове руководитель практики заключал, что тот показал «большие чудеса» в работе. За несколько суток его бригада, слывшая худшей в колхозе, стала образцовой: полностью были устранены прогулы, превышение норм выработки составило 3–4 раза. Студента характеризовали как прекрасно знакомого с крупным социалистическим хозяйством, что может указывать на уже имевшийся у него опыт работы в данной области [9, л. 72].

Способов, которыми студенты могли воздействовать на крестьян с целью улучшения

показателей труда, было немного. В отсутствие административных полномочий практикантам оставалось использовать убеждение и личный пример¹². Так, Уренцов (колхоз «Мировой Октябрь») писал: «Я внушал бригадир, как руководить» [9, л. 64]. Показательна в этом отношении характеристика, данная практикантам 7-го кружка начальников политотдела Романовской МТС: «...все студенты настойчиво и упорно проводили линию партии не только голой агитацией, но и личным примером, личным участием в труде. <...> Тов. Роговой сыграл большую роль в сплочении бригады, в перевоспитании бригадира и колхозников <...> в сплочении не только колхозников, но в привлечении единоличников к работе в колхозе. <...> Тов. Липатов <...> постоянно участвовал в работе личным трудом, пользовался большим авторитетом и в короткий срок добился заметных результатов в сплочении бригады. <...> <Кондратьев> принимал личное участие во всех видах работ вплоть до ремонта инвентаря, поднимая этим своим участием не только свой авторитет, но и авторитет коммуниста, агента партии в бригаде...» [9, л. 68].

Одним из важнейших достижений практики, в чем сходились преподаватели и студенты, было то, что последние основательно приобщились к жизни сельских работников. Руководитель 3-го кружка практикантов Пронин, преподаватель кафедры механизации университета, отмечал: «Студент узнал, что такое рядовой колхозник, активист и руководитель бригады. Твердо уяснил, как можно и нужно с ними работать. В каком руководстве и помощи они нуждаются» [9, л. 31]. В некотором смысле практика имела для свердловцев исследовательский уклон: многие знакомились с новой для себя средой, ее нравами, привычками, отношением к жизни. Выходцы из крестьянской среды легче приноравливались к обстановке, хотя порой сказывались региональные различия. Практикант Чемоданов жаловался: «Я с Сибири, юга не знаю, поэтому мне было очень трудно работать» [9, л. 37 об.].

В целом студенты сумели снискать уважение работников и сельских руководителей своим подходом и отношением к делу. Сильное впечатление на селян студенты произве-

ли тем, что проживали непосредственно в бригадах и трудились наравне с их членами. Это резко отличало их от районных уполномоченных, которых привыкли видеть колхозники. Те бывали в артелях короткими наездами, отговариваясь «невозможностью жить в бригаде» [9, л. 32]. В свердловцах же крестьяне обнаружили «товарищей, которые дают хорошие советы» и участвуют в совместной работе [9, л. 46 об.].

Сами студенты подчеркивали, что требовать условий лучших, чем у рядовых колхозников, недопустимо – «будут указывать пальцами» [9, л. 35 об.]. Даже там, где был обустроен скверно и существовали проблемы с питанием, практиканты считали правильным «не выделяться в особую группу» [9, л. 46 об.]. Они принимали непосредственное участие в работах по косовице, обмолоту, копнению и скирдованию. Студент Мамаев сообщал: «Мы вмешивались во все дела – садились на трактор, если пахали мелко, спрашивали почему. Менялись мнением с местным агрономом» [9, л. 62 об.]. Причем, подчас агрономы оказывались подготовлены слабее практикантов.

Колхозники были впечатлены таким отношением: «У нас еще до сего времени не было таких уполномоченных, которые бы вместе с нами работали в поле» [9, л. 39 об.]. Высокую оценку работе студентов дали в письменных отзывах и руководители политотделов МТС [9, л. 42]. В представленных характеристиках они подтверждали, что «среди парторганизации и колхозников товарищи пользовались авторитетом» [9, л. 52], смогли вывести некоторые МТС «из особо тяжелого положения» [9, л. 57].

Уважение и авторитет, которые студенты приобретали среди работников и руководителей, вели к тому, что в большинстве случаев они фактически возглавляли работу своих бригад [9, л. 39 об.]. В сравнении с местными кадрами студенты выгодно отличались наличием твердых идейных установок и систематических знаний. Надо отметить, что иногда это были знания о таких довольно простых вещах, как, например, организация работы звеньями. Но в условиях сельской действительности середины 1930-х гг. и такие представления приходилось насаждать с из-

вестными трудностями. В этом просматривается тот великий разрыв, который существовал между городом как носителем рационального начала и преимущественно традиционной деревней в первые десятилетия советской власти.

Организация самой практики также не была свободна от изъянов. Студенты отмечали различные недостатки в действиях университетского руководства. Указывали на скверные условия доставки к месту работы, обусловленные тем, что вуз не принял своевременно мер или не считал нужным приобрести для студентов места в плацкартных вагонах. Один из ребят возмущался «бюрократическим, формальным» отношением учебной части к их отправке на практику: «погрузили в вагон, как поросят» [9, л. 47]. Учитывая, что длительность пути в районы Азово-Черноморского края составляла не менее двух суток, негодование выглядит вполне обоснованным.

Также студенты и преподаватели единодушно указывали на ошибочность подхода к распределению студентов. При назначении мест прохождения практики студентом одного кружка не учитывалась их географическая разбросанность. Следствием этого становилось нарушение связи между студентами и руководителем практики. Так, преподаватель Бадерьян, отвечавший за деятельность 1-го кружка практикантов, указывал, что тесного педагогического общения с ними у него «не было и не могло быть» в силу того, что две МТС, куда распределили студентов, отстояли одна от другой на 90 км [9, л. 9 об.]. Транспорта для перемещения на такое расстояние в распоряжении сотрудника вуза не было. Руководитель практикой 3-го кружка Пронин также замечал, что практиканты находились в условиях, когда все возникавшие «вопросы и сомнения» они должны были решать самостоятельно [9, л. 31 об.].

Студенты 4-го кружка были распределены по колхозам, которые обслуживали МТС, расположенные на удалении 50 км одна от другой [9, л. 39]. А группа 7-го кружка, работавшая в Цимлянском районе на левом берегу Дона, вовсе оказалась «отрезана от внешнего мира» после весеннего половодья. Переправ через реку не было, и связь группы с руководителем практики, находившимся в кол-

хозе на правом берегу, была утеряна на месяц [9, л. 73].

Студенты с огорчением подчеркивали, что их работа в значительной степени протекала помимо преподавателя, без его советов и наставлений [9, л. 12]. Практикант Золотарев признался, что первое время работал «ощупью». Прибыв на место, он поначалу даже не считал нужным вмешиваться в дела колхозной бригады [9, л. 37 об.]. Студент Чемоданов (колхоз им. Шеболдаева, Атамановская МТС) поначалу также не понимал, как подойти к работе, и вел себя пассивно. Лишь получив указания на производственном совещании при МТС (видимо, после приезда преподавателя), он сумел-таки произвести положительные подвижки – наладил звеньевую организацию, добился выхода людей на работу [9, л. 39 об.].

Лишенные систематической поддержки преподавателя, студенты порой пребывали в растерянности, не понимая, как подступиться к порученному им делу. Они указывали на такое упущение, как отсутствие у них индивидуальных планов работы, которые следовало бы загодя составить с учетом особенностей конкретных колхозов [9, л. 11 об.]. Положение усугублялось нехваткой теоретических знаний: учебная программа ВКСХУ и производственная практика не были до конца согласованы. Уже по итогам всех мероприятий преподаватели заключали о необходимости предварительного прочтения студентам курса лекций по основным вопросам организации хозяйства в период уборочной кампании. Без этого, как показал опыт лета 1934 г., студенты были вынуждены на месте самостоятельно набираться нужных знаний и, не имея возможности включиться в руководство процессами, занимались поначалу лишь «отдельными физическими работами» [9, л. 9 об.].

Одним из важнейших элементов практики должно было стать освоение студентами сельскохозяйственных машин. Однако с этим зачастую возникали затруднения, порой неразрешимые. Так, студенты 4-го кружка жаловались, что не имели возможности толком освоить сельскохозяйственную технику по причине ее отсутствия в колхозах. На итоговом собрании студент Фафорихин указал, что по его месту практики (колхоз «Победа крас-

ных партизан», Качальницкая МТС) были только лобогрейки и молотилки [9, л. 33]. Ганцева, работавшая в соседнем колхозе «Гигант социализма», «не освоила и не видела» машин [9, л. 34]. Гусева (колхоз им. Димитрова, Атамановская МТС) отмечала: «Механизмов у нас не было, и с ними не освоилась» [9, л. 34].

В годы первых пятилеток отношение колхозников к механизации труда зачастую оставалось неоднозначным, от безразличия до враждебности [8, с. 173]. Практиканты 5-го кружка, трудившиеся в Калниболотском и Новопокровском районах, стали заложниками такого отношения к машинам сельских работников: техника у колхозов была, но в силу «антикомбайновых настроений», они ее не использовали [9, л. 53 об.]. Студент из 6-го кружка иронично заметил, что на практике получил знания о том, «как нельзя работать на машинах»: трактора по несколько недель стояли в ремонте, а директор Николаевской-на-Дону МТС не показывался в бригадах [9, л. 61 об.]. Отсутствие возможности на практике закрепить ранее полученные знания вызывало общую разочарованность у студентов. Некоторые отмечали, что были, по сути, не практикантами, а помощниками политотделов [9, л. 63], занимаясь агитационной и просветительской работой. Указанные обстоятельства, безусловно, подрывали общие усилия советского руководства по выстраиванию эффективной системы хозяйствования на селе. И как видно по студенческим сообщениям, проблема не ограничивалась недостаточностью производственных мощностей машиностроительных предприятий. Причины провалов социализации деревни коренились в образе мышления сельских обывателей, их отношении к труду, невосприимчивости к представлению о личной ответственности в производственном коллективе.

Болезненной проблемой для практикантов и опосредованно для ВКСХУ становилось поведение некоторых студентов, превратно понявших свою роль в отношениях с колхозниками. Недостаток жизненного опыта и знания людей подвигали отдельных свердловцев к использованию в работе сомнительных методов, порой откровенно вредивших делу колхозного строительства. Так, о студенте Акименко его товарищ Соболев сообщал, что тот скомпрометировал себя, «захватывая чужие

функции» [9, л. 35 об.]. О студенте Максимове рассказывали, что тот бездельничал и вдобавок появлялся на людях в одних трусах, что, вероятно, селянами воспринималось неодобрительно [9, л. 64 об.].

Некоторые практиканты допускали чрезмерную резкость в обращении с колхозниками, бездумно пользуясь распорядительно-приказным подходом в решении назревших противоречий. Руководителю бригады, где существовала проблема невыхода женщин на работу (Константиновский район), студент Попов посоветовал бить их плеткой, как в былые, дореволюционные, времена. Среди работниц это вызвало переполох, и некоторые заявили, что после такого на работу вовсе не выйдут [9, л. 65].

Но в основном студенты старались влиять на колхозников убеждением и личным примером, показывая достойные образцы работы и подходы к ее организации. Это отмечалось и многими селянами. Руководитель 7-го кружка Пинковский сообщал в своем отчете: «колхозники говорили, что мы много видели уполномоченных с Москвы и краевых организаций, но таких, как свердловцы, видим первый раз, которые сами работают и сумели нас вовлечь в работу по-ударному, не администрированием, а своими примерами работ и проведением массовой работы среди нас» [9, л. 71–71 об.]. Таким образом, производственная практика студентов ВКСХУ дала положительные результаты, благотворно повлияв на большинство сельскохозяйственных организаций (артелей и МТС), охваченных их деятельностью. Это подтверждают характеристики начальников политотделов МТС, давших сугубо положительные оценки работе практикантов. Среди них встречаются такие: «т. Мишин <...> оказал громадную практическую помощь колхозу в части перестройки организации труда и по политическому воспитанию колхозников» (Переpravская МТС); «т. Райтенко в практической работе умел любой хозяйственно-бытовой вопрос поднять на принципиальную политическую высоту, мобилизовать вокруг этих вопросов массу колхозников, этим самым помогать партийной организации колхоза ускорять ход уборки хлебов» (Лобинская МТС) [9, л. 17]; «Каждый день пребывание Свердловцев в колхозе повышал

его авторитет в глазах колхозников» (Атаманоская МТС) [9, л. 42]; «Политотдел выражает большую благодарность всем студентам-практикантам <...> просит ректорат университета прислать к посевной кампании группу студентов для отбывания производственной практики в нашей МТС» (Цимлянская МТС) [9, л. 66] и т. д.

Результаты. Изучение отчетных материалов, отразивших жизнь и труд молодых партийцев в период их пребывания в колхозных и тракторных бригадах, позволяет по-новому взглянуть на проблему социалистического преобразования деревни. Рассмотрение коллективизации на микроуровне обнаруживает ряд явлений, значимых для понимания тех противоречий, которые предопределили общие темпы колхозного строительства, его достижения и провалы в разные моменты истории. Диалектичность этих процессов отчетливо проявилась в столкновении рационально-модернового и традиционного начал в советской деревне. Их воплощением были, с одной стороны, студенты коммунистического вуза, а с другой – сообщества сельских обывателей. Сообщения практикантов о характере и содержании своего повседневного труда, превратностях быта колхозных работников открывают исследователю новые познавательные возможности.

Вышеуказанные обстоятельства показывают, что проблемы артельного строительства в середине 1930-х гг. не исчерпывались материальными затруднениями, которые деревня испытывала вследствие раскулачивания, голода и прочих потрясений. Перестройка крестьянского труда на новых организационных принципах требовала привития обывателям новой этики, поведенческих навыков. Этому препятствовали низкая квалификация управленческих кадров и неготовность бывших единоличников к насаждавшимся сверху формам социально-экономических отношений.

Обеспечение нормальной повседневной работы сельхозорганизаций требовало подчас чрезвычайных организационных мер, о чем прямо и косвенно свидетельствуют практиканты. Будучи формально помощниками бригадиров, они в некоторых случаях выступали организаторами всей работы, то есть по сути руководили бригадами, принимая на себя куда

большой объем обязанностей, нежели предусматривала программа практики. Эта инициативность помогала улучшить хозяйственные показатели артелей, что отмечали местные партийные работники.

Вклад воспитанников ВКСХУ в дело коллективизации был порой существенным. Студенты на практике учились, но также учили, передавая крестьянам конкретные знания об организации труда, расстановке сил, обращении с машинами, чему способствовало наличие специальных знаний, полученных в университете. Они содействовали улучшению бытового обслуживания колхозников, что служило не только обеспечению повседневных потребностей последних, но также их культурному воспитанию.

Таким образом, на рассмотренном примере практики студентов ВКСХУ им. Я.М. Свердлова в 1934 г. можно наблюдать, как действовали механизмы коллективизации на микроуровне – в отдельно взятом регионе советской России.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Коммунистический университет трудящихся Востока.

² Коммунистический университет национальных меньшинств Запада им. Ю.Ю. Мархлевского.

³ В документах, вероятно, имеются в виду партийные кружки, которые формировались в комвузах на базе университетской ячейки ВКП(б) и не совпадали по составу с учебными группами.

⁴ Употребляемое в тексте понятие «свердловцы» в 1920–1930-е гг. служило обиходным обозначением обучающихся коммунистического университета им. Я.М. Свердлова (сам вуз часто именовали «Свердловка» или «Свердловия», последнее также являлось названием газеты, служившей органом парткома университета). В обсуждаемых документах им пользуются сами студенты [9, л. 47], преподаватели в своих отчетах [9, л. 53, 69], начальники политотделов МТС в отзывах на работу практикантов [9, л. 42, 57, 58].

⁵ Об объеме знаний практикантов дают некоторое представление планы производственной практики. Например, план, составленный преподавателем ВКСХУ им. Я.М. Свердлова для студентов 2-го кружка, включал следующие положения: определение спелости хлебов; определение степени засоренности озимой пшеницы, овса и ячменя; организация скоски и укладки снопов; организа-

ция сгребания и подбора колосьев на жнивье; определение урожайности озимой пшеницы, овса и ячменя; определение качества пахоты; агротехническая оценка принятых в колхозах севооборотов и др. [9, л. 23–25].

⁶ Речь идет о Калниболотской либо Еянской МТС. Точного указания в документах не содержится.

⁷ То же.

⁸ То же.

⁹ Выражение «разбазаривали колхоз», использованное автором, наводит на мысль, что люди могли присваивать и продавать в личных интересах имущество колхоза, в частности, инвентарь и машины, которые не использовались в работе по причине плохой организации труда и отсутствия налаженного учета и контроля.

¹⁰ Колхоз в ведении Белоглинской либо Песчанокской МТС. Точного указания в документах не содержится.

¹¹ В тексте слова о характере указаний написаны неразборчиво. Вероятно, речь идет о решениях райкома или вышестоящих органов касаясь конкретных объемов полевых работ (норм выработки) и заготовки продукции.

¹² Следует заметить, что в 1930-е гг. многие студенты до поступления в комвуз обладали некоторыми навыками руководящей работы (в райкомах, сельсоветах, комсомоле и т. д.), что явствует из материалов личных дел студентов (анкет и автобиографий), отложившихся в обсуждаемом фонде ГАРФ. Также в указанных документах нередко упоминается об их участии в кампании коллективизации, хотя и без указания конкретных мероприятий.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Бондарев В. А. Крестьянство и коллективизация: многоукладность социально-экономических отношений деревни в районах Дона, Кубани и Ставрополья в конце 20-х – 30-х годах XX века. Ростов н/Д: СКНЦ ВШ, 2006. 520 с.
2. Ергин Ю. В. Башкирский коммунистический университет (1931–1939) // Педагогический журнал Башкортостана. 2008. № 5. С. 141–151.
3. Иванцов И. Г. Система партийного образования в СССР в 1930-е годы (на примере Северного Кавказа) // Вестник Адыгейского государственного университета. 2011. № 4. С. 99–105.
4. Ильиных В. А. «Великий перелом» в деревне: предпосылки и этапы // 1929: «Великий перелом» и его последствия: материалы XII Междунар. науч. конф., Екатеринбург, 26–28 сентября 2019 г. М.: Полит. энцикл., 2020. С. 277–285.
5. Кедров Н. Г. Апокриф аграрной историографии: очерки изучения коллективизации в советской и российской исторической науке. Вологда: Полиграф-Периодика, 2022. 339 с.
6. Кедров Н. Г. Лапти сталинизма. Политическое сознание крестьянства Русского Севера в 1930-е годы. М.: РОССПЭН, 2013. 280 с.
7. Мельникова Т. А. Историография аграрной политики СССР 30-х гг. // Историческая и социально-образовательная мысль. 2009. № 2. С. 61–70.
8. Нефедов С. А. Аграрные и демографические итоги сталинской коллективизации. Тамбов: ТГУ, 2003. 283 с.
9. Отчеты студентов 2-го курса 3-го учебного отделения университета о летней производственной практике 1934 года // Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф. Р-5221. Оп. 25. Д. 1. 75 л.
10. Панин Е. В. Роль производственной практики в обучении студентов коммунистических вузов в 1920-е гг. (на примере Коммунистического университета национальных меньшинств Запада) // Электронный журнал «Вестник МГОУ». 2013. № 2. URL: <https://www.evestnik-mgou.ru/jour/article/view/747/744>
11. Скорик А. П. Казачество Юга России в эпоху коллективизации: казачество Юга России в 30-е годы XX века: исторические коллизии и опыт преобразований. Saarbrücken: Lambert Academic Publ., 2011. 583 с.
12. Постановление ЦК ВКП(б) от 21.IX.32 г. «Об организации высших коммунистических сельскохозяйственных школ» // Коммунистическая партия Советского Союза в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК. В 5 т. Т. 5: 1929–1932. М.: Изд-во полит. лит., 1984. С. 418–420.
13. Тикиджьян Р. Г. Донское казачество и крестьянство на переломе исторических эпох: между имперской и советской социалистической модернизацией (1855–1939). Ростов н/Д: ДГТУ, 2024. 334 с.

REFERENCES

1. Bondarev V.A. *Krestjanstvo i kollektivizatsija: mnogoukladnost sotsialno-ekonomicheskikh otnoshenij derevni v rajonakh Dona, Kubani i Stavropolija v kontse 20-kh – 30-kh godakh XX veka* [Peasantry and Collectivization: The Complexity of Social-Economic Relations of Villages in the Regions of Don, Kuban and Stavropol in the Late 20s – 30s of the 20th Century]. Rostov-on-Don, SKNTs VSh Publ., 2006. 520 p.

2. Ergin Yu. V. Bashkirskij kommunisticheskij universitet (1931–1939) [Bashkir Communist University (1931–1939)]. *Pedagogicheskij zhurnal Bashkortostana* [Pedagogical Journal of Bashkortostan], 2008, no. 5, pp. 141–151.
3. Ivancov I. G. Sistema partijnogo obrazovanija v SSSR v 1930-je gody (na primere Severnogo Kavkaza) [The System of Party Education in the USSR in the 1930s (On the Example of the North Caucasus)]. *Vestnik Adygejskogo gosudarstvennogo universiteta* [Bulletin of the Adygea State University], 2011, no. 4, pp. 99–105.
4. Iljinykh V. A. «Velikij perelom» v derevne: predposylki i etapy [“The Great Turning Point” in the Village: Prerequisites and Stages]. 1929: «Velikij perelom» i jego posledstviya: materialy XII Mezhdunar. nauch. konf., Jekaterinburg, 26–28 sentjabrja 2019 g. [1929: “The Great Turning Point” and Its Consequences. Proceedings of the 12th International Scientific Conference. Yekaterinburg, September 26–28, 2019]. Moscow, Polit. entsikl. Publ., 2020, pp. 277–285.
5. Kedrov N. G. *Apokrif agrarnoj istoriografii: ocherki izuchenija kollektivizacii v sovetskoj i rossijskoj istoricheskoi nauke* [The Apocrypha of Agrarian Historiography: Essays on the Study of Collectivization in Soviet and Russian Historical Science]. Vologda, Poligraf-Periodica Publ., 2022. 339 p.
6. Kedrov N. G. *Lapti stalinizma. Politicheskoe soznaniye krestjanstva Russkogo Severa v 1930-je gody* [Bast Shoes of Stalinism. Political Consciousness of the Peasantry of the Russian North in the 1930s]. Moscow, ROSSPEN Publ., 2013. 280 p.
7. Melnikova T. A. Istoriografija agrarnoj politiki SSSR 30-kh gg. [Historiography of Agrarian Policy of the USSR of the 1930s]. *Istoricheskaja i sotsialno-obrazovatel'naja mysl* [Historical and Socio-Educational Thought], 2009, no. 2, pp. 61–70.
8. Nefedov S. A. *Agrarnyje i demograficheskie itogi stalinskoj kollektivizacii* [Agrarian and Demographic Results of Stalinist Collectivization]. Tambov, TGU Publ., 2003. 283 p.
9. Otchety studentov 2-go kursa 3-godichnogo otdeleniya universiteta o letnej proizvodstvennoj praktike 1934 goda [Reports of the 2nd Year Students of the 3-Year Department of the University on the Summer Production Practice in 1934]. *Gosudarstvennyj arkhiv Rossijskoj Federacii* (GARF) [State Archive of the Russian Federation], f. R-5221, inv. 25, d. 1. 75 l.
10. Panin E. V. Rol proizvodstvennoj praktiki v obuchenii studentov kommunisticheskikh vuzov v 1920-je gg. (na primere Kommunisticheskogo universiteta nacionalnykh men'shinstv Zapada) [The Role of Industrial Practice in Teaching Students of Communist Universities in the 1920s (Using the Example of the Communist University of National Minorities of the West)]. *Elektronnyj zhurnal «Vestnik MGOU»* [The Electronic Journal “Bulletin of MSRU”], 2013, no. 2. URL: <https://www.evestnik-mgou.ru/jour/article/view/747/744>
11. Skorik A. P. *Kazachestvo Juga Rossii v epokhu kollektivizatsii: kazachestvo Juga Rossii v 30-je gody XX veka: istoricheskie kollizii i opyt preobrazovanij* [Cossacks of the South of Russia in the Era of Collectivization: Cossacks of the South of Russia in the 30s of the 20th Century: Historical Collisions and Experience of Transformations]. Saarbrücken, Lambert Academic Publ., 2011. 583 p.
12. Postanovlenije CK VKP(b) ot 21.IX.32 g. «Ob organizacii vysshikh kommunisticheskikh selskokhozyajstvennykh shkol» [Resolution of the Central Committee of the ARCP(b) of 21.09.32 “On the Organization of Higher Communist Agricultural Schools”. *Kommunisticheskaja partija Sovetskogo Sojuza v rezolutsijakh i reshenijakh sjezdov, konferentsij i plenumov TsK: v 5 t. T. 5. 1929–1932* [The Communist Party of the Soviet Union in Resolutions and Decisions of Congresses, Conferences and Plenums of the Central Committee. In 5 Vols. Vol. 5. 1929–1932]. Moscow, Izd-vo Polit. lit., 1984, pp. 418–420.
13. Tikhidzhjan R. G. *Donskoje kozachestvo i krestjanstvo na perelome istoricheskikh epokh: mezdu imperskoj i sovetskoj sotsialisticheskoi modernizatsiej (1855–1939)* [Don Cossacks and Peasantry at the Turning Point of Historical Epochs: Between Imperial and Soviet Socialist modernization (1855–1939)]. Rostov-on-Don, DGTU Publ., 2024. 334 p.

Information About the Author

Nikita V. Tikhomirov, Candidate of Sciences (History), Associate Professor, Department of Source Studies, Russian State University for the Humanities, Miusskaya Sq., 6, 125047 Moscow, Russian Federation, tikhomirov_n@rambler.ru, <https://orcid.org/0000-0002-2808-3763>

Информация об авторе

Никита Вадимович Тихомиров, кандидат исторических наук, доцент кафедры источниковедения, Российский государственный гуманитарный университет, Миусская пл., 6, 125047 г. Москва, Российская Федерация, tikhomirov_n@rambler.ru, <https://orcid.org/0000-0002-2808-3763>

DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2026.3.12>

UDC 94(470.45)“19”:351.746.1

LBC 63.3(2Рос-4Вор)53-36

Submitted: 11.07.2025

Accepted: 25.11.2025

THE ACTIVITIES OF SECRET AGENTS IN POLITICAL SURVEILLANCE IN TSARITSYN IN THE EARLY 20th CENTURY

Ivan E. Kochetov

Volgograd State University, Volgograd, Russian Federation

Abstract. *Introduction.* The article examines the organization and operations of the political surveillance system in Tsaritsyn (early 20th century), focusing on three categories of secret agents: internal informants, surveillance agents (filers), and mail interceptors (perlustrators). A distinctive feature of the Tsaritsyn region was the absence of its own security department, which placed all responsibilities on the Saratov Provincial Gendarme Directorate. *Methods and materials.* The study is based on archival materials from the State Archive of the Volgograd Region (fond No. 6) and employs historical-genetic, comparative, and statistical methods. *Analysis.* The mechanisms of recruitment (often coercive), working conditions, and challenges faced by agents are analyzed: chronic understaffing, cumbersome bureaucracy, difficulties with maintaining secrecy (e.g., securing safe houses), and creating credible cover stories. The centralized control of the Directorate in Tsaritsyn is emphasized, which limited initiative of agents and provocations compared to Saratov. Key surveillance methods are highlighted: provocation (controlled growth of organizations), systematic suppression (targeted strikes against leaders), and the “Zubatov tactic” (fomenting internal conflicts). Despite systemic difficulties, by 1907–1908, the Directorate achieved significant results: the RSDLP combat unit was dismantled, the SR committee was crushed, and the revolutionary underground in Tsaritsyn was effectively neutralized. Effectiveness was ensured by a combination of undercover work, physical surveillance, and mail interception (though the latter developed belatedly in the province). *Results.* It is proven that the Tsaritsyn agent network, despite its limitations, achieved operational success mainly through the analysis of existing cells, strict secrecy, and the comprehensive application of methods. However, weak cover stories of agents and restrictions on their active role reduced the quality of intelligence. The decline of the organized underground after 1908 forced the surveillance system to artificially maintain the appearance of activity.

Key words: political surveillance, secret agents, Tsaritsyn, Saratov Provincial Gendarme Directorate, revolutionary organizations, internal surveillance agents, mail interception, secrecy.

Citation. Kochetov I.E. The Activities of Secret Agents in Political Surveillance in Tsaritsyn in the Early 20th Century. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 4. Istoriya. Regionovedenie. Mezhdunarodnye otnosheniya* [Science Journal of Volgograd State University. History. Area Studies. International Relations], 2026, vol. 31, no. 3, pp. 132-142. (in Russian). DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2026.3.12>

УДК 94(470.45)“19”:351.746.1
ББК 63.3(2Рос-4Вог)53-36

Дата поступления статьи: 11.07.2025
Дата принятия статьи: 25.11.2025

ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ СЕКРЕТНЫХ АГЕНТОВ ПОЛИТИЧЕСКОГО СЫСКА В ЦАРИЦЫНЕ В НАЧАЛЕ XX ВЕКА

Иван Евгеньевич Кочетов

Волгоградский государственный университет, г. Волгоград, Российская Федерация

Аннотация. *Введение.* В статье исследуются организация и деятельность системы политического сыска в Царицыне в начале XX в. с акцентом на трех категориях секретных агентов: внутренних осведомителей, филерах и перлюстраторах. В Царицыне, в отличие от Саратова, не было собственного охранного отделения, поэтому функции политического сыска выполняло Саратовское губернское жандармское управление (далее – СГЖУ). *Методы и материалы.* Исследование основано на материалах Государственного архива Волгоградской области (фонд № 6); применены историко-генетический, сравнительный и статистический методы. *Анализ.* Анализируются механизмы вербовки (часто принудительной), условия работы и проблемы агентов: хронический недокомплект кадров, громоздкая бюрократия, сложности с конспирацией (например, арендой безопасных квартир) и созданием убедительных легенд. Централизованный контроль СГЖУ в Царицыне, в отличие от ситуации в Саратове, ограничивал инициативу агентов и проведение провокаций. Выделены ключевые методы сыска: провокация (контролируемый рост организаций), системное подавление (точечные удары по лидерам) и «зубатовская тактика» (разжигание внутренних конфликтов). Несмотря на системные трудности, к 1907–1908 гг. СГЖУ добилось значимых результатов: ликвидирована боевая дружина социал-демократов (РСДРП), разгромлен комитет социалистов-революционеров (ПСР), революционное подполье в Царицыне было фактически нейтрализовано. Эффективность обеспечивалась сочетанием агентурной работы, наружного наблюдения и перлюстрации (с запоздалым развитием в губернии). *Результаты.* Доказано, что царицынская агентурная сеть, несмотря на ограничения, достигла оперативных успехов главным образом за счет анализа существовавших ячеек, жесткой конспирации и комплексного применения методов. Однако слабая проработка легенд агентов и запреты на их активную роль снижали качество информации. Упадок организованного подполья после 1908 г. поставил сыск перед проблемой искусственного поддержания видимости активности.

Ключевые слова: политический сыск, секретные сотрудники, Царицын, Саратовское губернское жандармское управление, революционные организации, агенты внутреннего наблюдения, перлюстрация, конспирация.

Цитирование. Кочетов И. Е. Деятельность секретных агентов политического сыска в Царицыне в начале XX века // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 4, История. Регионоведение. Международные отношения. – 2026. – Т. 31, № 3. – С. 132–142. – DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2026.3.12>

Введение. В начале XX в. российская политическая полиция столкнулась с ростом числа законспирированных революционных организаций, что потребовало новых методов оперативной работы. Ключевым инструментом в этой борьбе стали секретные сотрудники 3 категорий: внутренние осведомители, агенты наружного наблюдения и перлюстраторы. Особую значимость эта система приобрела в промышленных центрах, к числу которых относился и Царицын – важный транспортный узел и один из центров рабочего движения на юге России. Сыск в этом регионе курировало Саратовское губернское жандармское управление, имевшее 2-й разряд, что формально отражало повышенную сложность

службы в промышленно развитых «проблемных» губерниях с активным революционным движением. Такая классификация предопределяла и оправдывала особое внимание к развитию разыскных методик, создавая условия для деятельности охранных отделений (далее – ОО). В этой связи существенный интерес представляет анализ механизмов вербовки и работы секретных сотрудников непосредственно в Царицыне, их взаимодействия с саратовскими коллегами, а также специфики применения различных категорий агентов в условиях промышленного города. Изучение этих аспектов позволяет реконструировать систему политического сыска в отдельно взятом регионе и выявить общие закономерности фун-

кционирования охранных структур Российской империи в период нарастания революционных настроений.

Целью настоящей статьи является изучение региональной специфики политического сыска в ключевом промышленном центре (Царицын) в период революционных потрясений посредством исследования вербовки, работы и проблем секретных агентов, выявления методов сыска и их применения в городе, определения результативности агентов против революционного подполья.

Историография. Исследование политического сыска в Российской империи опирается на работы, выявившие различные аспекты данной системы. Е.Е. Гладышева детально проанализировала структуру, финансирование агентуры и развитие перлюстрации в Саратовской губернии [3]. Е.А. Гончарова исследовала методы вербовки секретных сотрудников, динамику их оплаты в СГЖУ и специфику работы перлюстраторов [4]. З.И. Перегудова предоставила общеимперскую статистику перлюстрации и охарактеризовала нормативные ограничения наружного наблюдения [11]. М.С. Чудакова показала, как общая полиция выполняла функции политического сыска [20]. Т.М. Лаврик изучила сроки службы внутренних агентов и оплату «штучников» [9]. Ю.Ф. Овченко классифицировал ключевые методы борьбы с революционерами [10]. А.В. Филонов и Д.Г. Заброда описали требования к филерам [15]. М.Н. Бродникова раскрыла практики вербовки кандидатов [1]. Автор данной статьи впервые детально показал, как именно работали секретные сотрудники (осведомители, филеры, перлюстраторы) в условиях Царицына и как их деятельность под руководством СГЖУ позволила добиться значительных успехов в подавлении революционного подполья к 1907–1908 годам.

Методы и материалы. В работе использовались историко-генетический (реконструкция развития системы сыска в Царицыне – от отсутствия агентов до их внедрения и смены тактик), историко-сравнительный метод (выявление специфики Царицына – централизация, запрет провокаций – в сравнении с Саратовом) и статистический методы (анализ количественных данных: оплата агентов, масштаб операций – аресты, ликвидация организаций).

Основу исследования составил комплекс источников из фондов Государственного архива Волгоградской области. Ключевым источником явились документы фонда № 6 «Помощник начальника Саратовского губернского жандармского управления в Царицынском уезде (г. Царицын)». Данные материалы представлены отчетами о деятельности агентуры; перепиской с СГЖУ по вопросам вербовки, финансирования и контроля агентов; списками секретных сотрудников с указанием псевдонимов, окладов и оперативных заданий; актами внедрения в революционные организации. Фрагментарность сохранившихся дел фонда № 6 компенсировалась привлечением региональных исследований по Саратовской губернии. Также использовались дополнительные источники: периодика, в частности газета «Царицынская жизнь» для верификации данных об инсценированных арестах агентов, и воспоминания А.П. Григорьева, опубликованные В.И. Томаревым.

Анализ. Политический сыск в Царицыне в начале XX в. осуществляло исключительно Саратовское ГЖУ, поскольку Царицынского ОО не было. Саратовское ОО действовало преимущественно в губернском центре и подключалось к царицынским делам лишь при прямой связи местных революционеров с саратовскими [2, л. 3].

Агентурой руководил помощник начальника СГЖУ (обычно ротмистр) в Царицыне, подчинявшийся начальнику управления (полковнику) в Саратове [8, л. 128]. В Саратове определяли стратегию, в Царицыне – непосредственный контроль.

Охранные отделения Российской империи, функционировавшие в 1902–1914 гг. в ответ на революционный подъем, задумывались как специальные наиболее компетентные органы политического розыска, сконцентрированные прежде всего на агентурной работе. Это сместило центр реальной оперативной власти, отдавая губернским жандармским управлениям второстепенную роль в данной сфере, хотя за ними сохранялись важные функции ведения дознаний по государственным преступлениям. Разделение ведомств создавало конкуренцию и зависимость их финансирования от результатов.

До 1905 г. СГЖУ, как и другие управления, было «спокойным местом службы»: его сотруд-

ники ограничивались формальными дознаниями и светским общением с элитой. Политические идеи были уделом интеллигенции, организованных революционных комитетов в Царицыне не существовало. Характерен пример врача Н.С. Розанова, устраивавшего в январе 1905 г. банкет с участием администрации, студентов и жандармов [14, л. 62].

В Царицыне долгое время отсутствовали постоянные секретные агенты. Хотя запросы об их учреждении поступали еще в 1902 г. [2, л. 4], Департамент полиции (далее – ДП) начал рекомендовать внедрять агентов в революционные круги только с 1906 г. [4, с. 27]. Критической проблемой было то, что до 1906 г. агентов внедряли не до, а уже после возбуждения дела, как показывает пример дела Загрековой 1904 г. [2, л. 3]. Такое запоздалое внедрение существенно снижало эффективность сыска, позволяя революционерам действовать бесконтрольно (например, на митингах 1905 г. не задерживали демонстрантов). Отсутствие постоянной агентуры лишало СГЖУ понимания реальной ситуации с политическим сыском в городе.

Главными акторами политического сыска были внутренние агенты, филеры (наружные агенты) и перлюстраторы. Агенты принимались на службу с одобрения начальника СГЖУ, он же давал им псевдонимы [17, л. 15]. При личном общении и в переписке запрещалось называть агентов настоящими именами, чтобы избежать разоблачения. Требования рассылались циркулярно даже в 1909 г. [8, л. 137], так как полицейские пренебрегали этим правилом.

Вербовка внутренних агентов велась среди идейных граждан, преступников и пойманных революционеров, которые под страхом тюрьмы или разоблачения о поимке стражами порядка соглашались стать сотрудниками полиции. Население относилось к жандармам негативно, поэтому приглашение граждан к сотрудничеству с ними вызывало возмущение [9, с. 425]. Часто вербовка носила принудительный характер – кандидатов приглашали или задерживали на улицах для собеседования [1, с. 38]. Завербованных заключенных освобождали якобы за отсутствием улик [1, с. 39], иногда инсценировали побег [4, с. 19]. Наиболее приветствовались

симпатизировавшие царизму кандидаты, наименьшее предпочтение отдавалось материально нуждавшимся [3, с. 151]. В июле 1916 г. начальник СГЖУ требовал у помощников найти для него желающего стать филером среди уволенных жандармов [18, л. 30]. Также филеров набирали из полицейских стражников, закрепленных за СГЖУ [12, л. 443].

Агенты внутреннего наблюдения внедрялись в революционные организации, кружки, легальные структуры, такие как больничные кассы, и докладывали начальству о добытых сведениях в записках и на встречах с помощником начальника СГЖУ на конспиративных квартирах. Агенты записывали добытые сведения и беседовали с жандармами на конспиративных квартирах, после чего составлялись сводки, передававшиеся в управление и ДП. Помимо них, политический сыск активно опирался на вспомогательные категории секретных сотрудников. К их числу относились осведомители-«штучники», получавшие вознаграждение за каждое конкретное сведение [3, с. 99], а также лица, сообщавшие информацию эпизодически. Количественный учет и идентификация «штучников» затруднены, поскольку размер их вознаграждения, в отличие от регулярных окладов внедренных агентов, часто не отражался в ведомостях и проходил по статье «секретных расходов». Значительную часть информации до 1906 г. местные жандармы получали именно от таких источников – как платных осведомителей, так и случайных заявителей, чьи сведения требовали перепроверки.

Обычно внутренние агенты часто менялись и работали максимум 5 лет [9, с. 426]. В Царицыне с 1906 г. были (здесь и далее указаны агенты под псевдонимами. – *Ред.*) Тит и Терентьев, в 1911–1912 гг. их сменили Сербов и Брянский [4, с. 16]; в 1916 г. действовали уже Петров и Серов [18, л. 35]. Частая смена объяснялась психологической нагрузкой, низким качеством сотрудников и ухудшением со временем передаваемой информации. Так, агент Тит часто сознательно давал неверные сведения, чтобы полнее осветить деятельность большевика С.К. Минина: выдумал несуществовавший тогда областной комитет РСДРП и места партийных собраний [7, л. 194–194 об.]. Предательство товарищей приводило к психологическому слому и алкоголизму,

поэтому ДП рекомендовал следить за ними первые годы службы [3, с. 90].

В обязанности агентов наружного наблюдения входило сопровождение подозреваемых, иногда даже в поездках в другие губернии [3, с. 129], дежурство на вокзале в случае прибытия поднадзорного лица из других губерний [3, с. 127]. Штат комплектовался из запасных унтер-офицеров [4, с. 46]. Агентов «наружки» набирали из неприметных людей, не носивших бороды и усов, с хорошей физической подготовкой, острым зрением, слухом и хорошей памятью [15, с. 55]. Филеры формировали списки членов революционного движения с выяснением места их работы и жительства для проведения обыска в подходящий момент, а также вели дневники наблюдений за поднадзорными, где указывали их социальные контакты, занятия, перемещение, социальное положение, политические и религиозные взгляды [13, л. 66].

Точную численность штатных филеров в Царицыне установить сложно как из-за фрагментарности архивных данных, так и по причине практики совмещения обязанностей: унтер-офицеры и сотрудники общей полиции часто выполняли филерские функции. В сохранившихся документах прямо упоминается лишь один сотрудник, принятый именно как филер, Чернов (апрель 1911 г.) [17, л. 15]. Исследователи приводят общую численность филеров по всему СГЖУ: около 20 человек в 1908 г. [3, с. 90] и 15 – в 1913 г. [4, с. 47], но распределение этих сил по уездам (включая Царицын) не указано.

Перлюстрация, несмотря на запрет, оставалась важным инструментом сыска. В Саратовской губернии не было «черных кабинетов» и не хватало специалистов [3, с. 181; 12, с. 279]. ГЖУ и ОО вербовали почтово-телеграфных служащих. Отказчиков заносили в списки неблагонадежных [3, с. 140]. До 1911 г. развитие губернской перлюстрации было слабым, затем началась массовая вербовка.

Процедура была отработана: сотрудники откладывали подозрительную почту для жандармов, регистрировали вскрытие. Почтальон К.Ф. Степанов в январе 1910 г. получал 25 коп. за письмо и 1 руб. за сведения о «незаконности» [4, с. 79], числясь секретным сотрудником. Выявленных адресатов / отправителей вызывали на допрос.

Выплата жалования агентам определялась по личному усмотрению начальника СГЖУ. Стабильные ежемесячные выплаты были у внутренних агентов, тогда как в наружном наблюдении часто участвовали «штучники», у которых не было стабильного оклада – им платили за конкретные сведения. В СГЖУ плата агентам варьировалась в зависимости от ценности сотрудника. По оценке Е.А. Гончаровой, в 1909 г. сотрудники получали от 15 до 30 руб. [4, с. 15], царицынские агенты Тит и Терентьев ежемесячно получали 25 руб. и 30 руб. соответственно [4, с. 15]. В 1914 г. разброс зарплат составил уже от 20 до 200 руб., царицынским агентам Сербову и Брянскому платили 45 руб. и 20 руб. соответственно [4, с. 16]. Временные средства мог выдавать его помощник до включения агента в постоянный штат [17, л. 15]. По оценке Е.Е. Гладышевой, в Саратове филеры в начале XX в. получали 30–50 руб. [3, с. 91]. «Штучники» получали от 2 до 10 руб. за конкретное сведение в зависимости от важности информации [9, с. 426].

Царицынская агентура испытывала хронический дефицит сотрудников. Численность внутренних агентов оставалась крайне недостаточной для быстрорастущего промышленного города (свыше 100 тыс. жителей): всего 2 агента и 3 унтер-офицера. Несмотря на регулярные запросы СГЖУ об увеличении штата, ситуация не менялась. В июле 1916 г. директор ДП констатировал в городе «совершенное отсутствие агентурного освещения рабочей массы» и требовал увеличения числа осведомителей [18, л. 35]. Агенты традиционно работали лишь по одному в среде эсеров и социал-демократов.

Из-за хронического недокомплекта жандармского штата сотрудники общей и политической полиции были вынуждены исполнять обязанности филеров, а внутренние агенты часто совмещали наружное и внутреннее наблюдение, что ДП не рекомендовал [3, с. 154; 11, с. 177]. Также до разрешения наблюдения за подозреваемым могла следить общая полиция [12, л. 159]. Начальник СГЖУ в ноябре 1907 г. писал помощникам, что унтер-офицеры могут находиться в штатском платье только при исполнении филерских обязанностей [19, л. 461]. В августе 1916 г. помощник начальника СГЖУ в Царицыне И.Е. Тарасов

просил разрешения поручить наблюдение за военнопленными двум унтер-офицерам в штатском [12, л. 292]. Царицынские приставы вели негласный надзор за ссыльными. Подобная практика встречалась и в других крупных городах страны: в Ярославле в 1904 г. политическим сыском ведала общая полиция, а городские исполняли функции агентов наружного наблюдения [20, с. 29]. Даже в 1910 г. филеров остро не хватало – для слежки за С.К. Мининым начальник СГЖУ командировал из Саратова в Дубовку двух филеров, Бычкова и Спиридонова [7, л. 195].

Конспирация агентов строго регламентировалась. Ключевым принципом была изоляция: им запрещалось контактировать друг с другом. Нарушения пресекались – например, о случайной встрече агентов Петрова и Тита в 1909 г. было немедленно доложено [8, л. 137]. Безопасные места для встреч организовывались тщательно. Из-за нехватки средств в Царицыне для 2 внутренних агентов арендовали лишь одну квартиру, используя ее поочередно. Выбранное жилье предварительно проверялось, включая хозяев [3, с. 160].

Еще одной сложностью политического сыска являлась громоздкая бюрократия, из-за которой оценить реальную эффективность жандармерии было непросто. Поскольку ГЖУ конкурировало с ОО за финансирование, ведомствам приходилось искусственно завышать показатели успешности в отчетах.

Исторически сыск применял 3 ключевых метода противодействия революционерам:

1) провокация – это официально неодобряемый метод активного подстрекательства к преступлениям со стороны секретных агентов, выходящий за рамки простого контроля, так как его целью было создать состав преступления, а затем его раскрыть, что бросало тень на всю полицейскую систему;

2) системное подавление – точечные удары по лидерам движения, их частые задержания и блокировка внешней поддержки;

3) «зубатовская тактика» – подрыв единства революционеров через искусственное разжигание конфликтов между фракциями [10, с. 38].

До 1905 г. предпочтение отдавалось первому методу, но с ростом протестов перешли ко второму, и именно ОО добились здесь наибольших результатов. Однако после разгро-

ма основных социалистических партий перед властями встал неожиданный вопрос: кого арестовывать, если организации уничтожены, а их руководители уже в тюрьмах? Выход нашли в имитации борьбы: ГЖУ и ОО сохраняли несколько ослабленных групп с внедренными агентами, создавая видимость активности [3, с. 162–163].

ДП запрещал агентам «провокационные действия» внутри революционных групп [8, л. 128], опасаясь их идеологического перерождения и угрозы сети. Однако необходимость в отчетности о наличии революционных организаций в губерниях для сохранения финансирования приводила к компромиссам: агенты искусственно поддерживали «активность» (создавая ячейки, подстрекая к действиям), хоть ДП это и запрещалось [3, с. 149]. В Саратове провокации применялись активно, но в Царицыне из-за слабой агентуры и строгого контроля СГЖУ их почти не было. Агентам Терентьеву и Титу прямо запрещали активную роль в организациях [8, л. 136–138].

До 1908 г. отсутствовала единая система учета агентов, и при переводе в другое управление они вынуждены были раскрывать настоящие имена. Лишь в 1908 г. сведения о сотрудниках стали централизованно направляться в ДП, где на каждого заводилась карточка [3, с. 101]. Яркий пример – случай агента ОО Данилина (настоящее имя И.Е. Туркин); работая в нескольких городах под началом тамбовского ротмистра, он был срочно переброшен в Царицын из-за угрозы разоблачения [8, л. 111]. По прибытии 13 мая 1908 г. он вынужден был идентифицироваться перед царицынским ротмистром Бетковским и получил задание внедриться в эсеровскую группировку. Однако уже 22 мая выяснилось, что революционеры заподозрили в нем провокатора. Несмотря на это, Данилину удалось выявить подготовку экспроприации, которую возглавлял местный лидер эсеров Орлов (здесь и далее указан партийный псевдоним. – *Ред.*) [8, л. 112]. Агент участвовал в операции, чтобы выявить методы революционеров, после чего должен был имитировать побег от жандармов, сохраняя легенду.

Внедрение агентов в революционные организации требовало гибких тактик, зависевших от конкретной ситуации. Например, агент Данилин успешно проникал в эсеровс-

кие круги, имитируя поиск явочной квартиры № 13 в Царицыне в октябре 1908 г., что помогло ему выйти на членов организации – Шурку, Катку (здесь и далее указан партийный псевдоним. – *Ред.*) и группу студентов [8, л. 112]. В отличие от агента Терентьева, которому приходилось доказывать лояльность действиями, Данилин использовал более тонкий подход. Однако даже успешное внедрение не гарантировало безопасности – Данилина опознал московский революционер, что едва не привело к расправе [8, л. 113]. Хотя агент избежал расправы, его дальнейшая работа в Царицыне стала невозможной, и руководство спешно перевело его в Черный Яр. Этот случай показывает, насколько шатким было положение секретных сотрудников и как быстро могла рухнуть тщательно выстроенная легенда.

Саратовское охрannое отделение провело в Царицыне операцию по ликвидации верхушки эсеров, не известив СГЖУ [8, л. 113]. Реакция СГЖУ была оперативной: уже в мае 1908 г. управление получило данные о реорганизации ПСР (создание комитета, типография) и установило имена членов [8, л. 116]. 29 мая полиция задержала 6 членов комитета (включая Орлова, Шурку и Катку) на их собрании, после чего провела обыски у 25 человек, изъяв пропаганду и оружие [8, л. 117–118].

Внутренние агенты представляли особую ценность для политического сыска, поскольку их внедрение в революционные организации требовало значительного времени и усилий. Для сохранения конспирации полиция применяла особые меры защиты, включая инсценировку арестов. Например, в январе 1906 г. агент Петров был «задержан» при обыске на квартире революционеров, однако в протокол сознательно не внесли его имя и какие-либо сведения о нем [16, с. 3]. Аналогичные меры предосторожности соблюдались и при облавах – жандармы проводили обыски у секретных сотрудников, чтобы сохранить их конспирацию [6, л. 40 об.].

В 1907–1908 гг. СГЖУ успешно подавило революционные организации в Царицыне. В ноябре 1907 г. боевая дружина эсеров была ликвидирована, а ее члены получили от 6 до 25 лет каторги [8, л. 105]. К лету 1908 г. эсеры попытались восстановить комитет, но он был

сразу разгромлен [8, л. 117]. Партийной работы не было даже в мелких кружках, что свидетельствовало о крахе революционного подполья. К 1909 г. ситуация достигла критической точки для сыска: агент Терентьев вынужден был работать в РСДРП из-за отсутствия эсеровских организаций, а ротмистр жаловался на бесполезность его донесений [8, л. 130]. К февралю 1916 г. в городе остались лишь разрозненные кружки без признаков организованной деятельности [12, л. 109].

Провал агента Терентьева в 1909 г. показал ключевую проблему: вынужденная пассивность из-за запрета СГЖУ на реальную работу в кружках вызывала подозрения («ничего не делает, но знает, что делают другие») [8, л. 139]. Слабая легенда (чиновник-эсер) и отсутствие поручителей усугубили недоверие. Попытка установить контакт с врачом Шапиро провалилась из-за его подозрительности [8, л. 140], вынудив агента свернуть операцию. Этот случай доказал критическую важность надежной легенды и связей.

В среде большевиков действовал и пассивный агент Талалаев, работавший жестянщиком. Его деятельность вскрылась в январе 1906 г. после неожиданных обысков. Провокатор предоставил квартиру для хранения гектографа и листовок. 26 января, по воспоминаниям А.П. Григорьева, у дома появился «разведчик», наблюдавший за окнами [5, с. 55]. Через 1,5–2 часа прибыли жандармы с понятыми. Этот случай демонстрирует стандартную схему организации провокаций с последующим силовым захватом.

Результаты. Политический сыск в Царицыне (СГЖУ), несмотря на отсутствие местного ОО и хронический недокомплект кадров, достиг к 1907–1908 гг. значительных успехов в нейтрализации революционного подполья.

Ключевые факторы эффективности:

1. Комплекс методов: внедрение внутренних агентов, наружное наблюдение, в наименьшей степени перлюстрация.
2. Жесткая централизация управления СГЖУ.
3. Строгая конспирация (изоляция агентов, проверка квартир).
4. Тактика системного подавления: точечные удары по лидерам, блокировка поддержки, ведущая к распаду групп (в отличие от саратовских провокаций).

Фундаментальные противоречия системы:

1. Реактивность: успех базировался на анализе существующих ячеек, а не упреждающем выявлении угроз.

2. Ограничения агентов: запреты на их активную роль и слабые оперативные легенды снижали доверие революционеров, вели к провалам.

3. Кризис после 1909 г.: разгром подполья привел к искусственному поддержанию

ослабленных групп с агентами для имитации «борьбы» и отчетности.

Опыт Царицына иллюстрирует адаптацию имперского сыска к провинциальному центру. Успехи достигались централизацией и консервативным подавлением, но ценой бюрократической ригидности, тактических ограничений и последующего кризиса.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Бродникова М. Н. К вопросу о методах работы политической полиции Российской империи с секретной агентурой в начале XX века // Гуманитарные и юридические исследования. 2016. № 2. С. 37–43.
2. Выписка из дела по наблюдению за О.А. Загрековой, подозреваемой в агитации среди учителей. 1902–1904 // Государственный архив Волгоградской области (далее – ГАВО). Ф. 6. Оп. 1. Д. 92. 5 л.
3. Гладышева Е. Е. Политический сыск в России в начале XX века: 1902 год – февраль 1917 года: на материалах Саратовской губернии: дис. ... канд. ист. наук. Саратов, 2006. 207 с.
4. Гончарова Е. А. Методы политического сыска России в борьбе с революционным движением в 1904–1914 годах: на материалах Саратовской губернии. Саратов: Науч. кн., 2006. 96 с.
5. Григорьев А. П. Из революционного прошлого // 1905 год в Царицыне (воспоминания и документы). Сталинград: Кн. изд-во, 1960. С. 50–60.
6. Дело о производстве дознания о социал-демократической группе «пораженцев» Преснякова, Чалого и др. 25.08.1916–08.01.1917 // ГАВО. Ф. 6. Оп. 1. Д. 433. 180 л.
7. Дело по наблюдению за деятельностью Царицынской организации РСДРП. 13.01.1910–31.12.1910 // ГАВО. Ф. 6. Оп. 1. Д. 249. 310 л.
8. Копии документов Саратовского губернского жандармского управления: политического обзора за 1907 год, донесений о демонстрациях, митингах, забастовках, крестьянских выступлениях, крестьянском союзе Ольховской волости, прокламаций и газетных статей. 14.10.1905–21.02.1911 // ГАВО. Ф. 6. Оп. 1. Д. 101. 149 л.
9. Лаврик Т. М. Развитие внутренней агентуры Российской империи в конце XIX – начале XX в.: организационно-правовой аспект // Вестник Тамбовского университета. Серия: Гуманитарные науки. История и археология. 2008. № 5 (61). С. 423–427.
10. Овченко Ю. Ф. Политический розыск – средство обеспечения безопасности российского самодержавия. 1880–1917 гг.: дис. ... д-ра ист. наук. М., 2007. 487 с.
11. Перегудова З. И. Политический сыск России, 1880–1917. М.: РОССПЭН, 2000. 432 с.
12. Переписка с начальником Саратовского губернского жандармского управления о деятельности комиссии по выборам рабочих в военно-промышленный комитет, царицынских корреспондентах Самарской рабочей газеты «Наш голос», пении революционных песен и распространении прокламаций Харьковской организации РСДРП студентами, направлявшимися в Царицын в запасной батальон, наблюдении за Илиодором и по другим вопросам, список лесозаводов на ст. Бекетовка. 03.01.1916–31.12.1916 // ГАВО. Ф. 6. Оп. 1. Д. 434. 599 л.
13. Политический обзор Царицынского и Камышинского уездов за 1900 г.; списки лиц, находящихся под гласным и негласным надзором полиции, привлеченных к формальным дознаниям, уведомления о возбуждении дознаний за оскорбление царя; сведения об урожае озимых и яровых хлебов в Царицынском и Камышинском уездах в 1901 г. 01.01.1901–21.12.1901 // ГАВО. Ф. 6. Оп. 1. Д. 60. 119 л.
14. Политический обзор Царицынского уезда за 1904 г., донесения начальника СГЖУ о деятельности царицынских групп РСРП и соц-революционеров до октября 1905 г., о распространении прокламаций среди солдат и выступлении солдат 226-го Бобруйского полка, о крестьянском союзе Ольховской волости, циркуляр департамента полиции со списками разыскиваемых по политическим делам, по циркулярам значатся В.И. Ульянов, М.И. Ульянов, Ф.Э. Дзержинский. 21.01.1905–22.05.1907 // ГАВО. Ф. 6. Оп. 1. Д. 100. 331 л.
15. Филонов А. В., Заброда Д. Г. Деятельность жандармерии и охранных отделений в борьбе с терроризмом в Российской империи на рубеже второй половины XIX – начала XX столетия // Образование. Наука. Научные кадры. История и археология. 2022. № 2. С. 52–59. DOI: 10.24412/2073-3305-2022-2-52-59
16. Царицынская жизнь. 1906. 10 янв. (№ 5).

17. Циркуляры департамента полиции и Саратовского губернского жандармского управления о розыске лиц, распространении нелегальной литературы, вербовке агентов, забастовке рабочих лесопильного завода Калашникова. Циркуляр департамента полиции от 26 июня 1902 г. о розыске Ф.Э. Дзержинского. 26.06.1902 – 25.02.1917 // ГАВО. Ф. 6. Оп. 1. Д. 68. 16 л.

18. Циркуляры департамента полиции об изменении шрифта, выдержка из письма директора департамента полиции о необходимости увеличения секретной агентуры в Царицыне и переписка об охране военных заводов и другим вопросам. 03.03.1915 – 12.11.1916 // ГАВО. Ф. 6. Оп. 1. Д. 415. 68 л.

19. Циркуляры департамента полиции, штаба Отдельного корпуса жандармов Саратовского губернского жандармского управления о борьбе с забастовками, распространением нелегальной литературы, революционной агитацией в войсках и по другим вопросам, копии документов партии эсеров. 09.01.1899 – 10.12.1908 // ГАВО. Ф. 6. Оп. 1. Д. 43. 548 л.

20. Чудакова М. С. Проблемы взаимоотношений общей и политической полиции царской России // Вестник Томского государственного университета. 2010. № 3 (11). С. 26–38.

REFERENCES

1. Brodnikova M.N. K voprosu o metodakh raboty politicheskoy politsii Rossijskoj imperii s sekretnoj agenturoj v nachale XX veka [On the Methods of the Russian Empire's Political Police in Working with Secret Agents in the Early 20th Century]. *Gumanitarnye i juridicheskie issledovaniya*, 2016, no. 2, pp. 37–43.

2. Vypiska iz dela po nabludeniju za O.A. Zagrekovo, podozrevaemoj v agitatsii sredi uchitelej. 1902–1904 [Excerpt from the Surveillance File on O.A. Zagrekova, Suspected of Agitation Among Teachers. 1902–1904]. *Gosudarstvennyy arkhiv Volgogradskoy oblasti* (hereinafter – GAVO) [State Archive of the Volgograd Region], f. 6, inv. 1, d. 92. 51.

3. Gladysheva E.E. *Politicheskij sysk v Rossii v nachale XX veka: 1902 god – fevral 1917 goda: na materialakh Saratovskoj gubernii: dis. ... kand. ist. nauk* [Political Surveillance in Russia in the Early 20th Century: 1902 to February 1917 (Based on Materials from Saratov Province). Cand. hist. sci. diss.]. Saratov, 2006. 207 p.

4. Goncharova E.A. *Metody politicheskogo syska Rossii v borbe s revolyutsionnym dvizhenijem v 1904–1914 godakh: na materialakh Saratovskoj gubernii* [Methods of Political Surveillance in Russia in the Fight Against the Revolutionary Movement (1904–1914): Based on Materials from Saratov Province]. Saratov, Nauch. kn. Publ., 2006. 96 p.

5. Grigorjev A.P. Iz revolyutsionnogo proshlogo [From the Revolutionary Past]. *1905 god v Tsaritsyne (vospominaniya i dokumenty)* [The Year 1905 in Tsaritsyn (Memoirs and Documents)]. Stalingrad, Kn. izd-vo, 1960, pp. 50–60.

6. Delo o proizvodstve doznaniya o sotsial-demokraticeskoy gruppe «porazhentsev» Presnjakova, Chalogo i dr. 25.08.1916 – 08.01.1917 [Investigation File on the Social-Democratic “Defeatist” Group of Presnyakov, Chaly et al.]. *GAVO* [State Archive of the Volgograd Region], f. 6, inv. 1, d. 433. 180 l.

7. Delo po nabludeniju za deyatelnostju Tsaritsynskoj organizatsii RSDRP. 13.01.1910 – 13.12.1910 [Surveillance File on Activities of Tsaritsyn RSDLP Organization]. *GAVO* [State Archive of the Volgograd Region], f. 6, inv. 1, d. 249. 310 l.

8. Kopii dokumentov Saratovskogo gubernskogo zhandarmskogo upravlenija: politicheskogo obzora za 1907 god, doneseniya o demonstratsijakh, mitingakh, zabastovkakh, krestjanskikh vystuplenijakh, krestjanskom sojuze Olkhovskoj volosti, proklamatsii i gazetnykh statey. 14.10.1905 – 21.02.1911 [Copies of Documents from Saratov Provincial Gendarme Directorate: Political Review for 1907, Reports on Demonstrations, Rallies, Strikes, Peasant Uprisings, Peasant Union of Olkhovskaya Volost, Proclamations and Newspaper Articles]. *GAVO* [State Archive of the Volgograd Region], f. 6, inv. 1, d. 101. 149 l.

9. Lavrik T.M. Razvitije vnutrennej agentury Rossijskoj imperii v kontse XIX – nachale XX v.: organizatsionno-pravovoj aspekt [The Development of Internal Secret Agents in the Russian Empire in the Late 19th – Early 20th Century. Organizational and Legal Aspects]. *Vestnik Tambovskogo universiteta. Serija: Gumanitarnye nauki. Istorija i arkheologija*, 2008, iss. 5 (61), pp. 423–427.

10. Ovchenko Iu.F. *Politicheskij rozysk – sredstvo obespechenija bezopasnosti rossijskogo samodержavija. 1880–1917 gg.: dis. ... d-ra ist. nauk* [Political Surveillance as a Means of Ensuring the Security of Russian Autocracy. 1880–1917. Dr. hist. sci. diss.]. Moscow, 2007. 487 p.

11. Peregudova Z.I. *Politicheskij sysk Rossii, 1880–1917* [Political Surveillance in Russia, 1880–1917]. Moscow, ROSSPEN, 2000. 432 p.

12. Perepiska s nachalnikom Saratovskogo gubernskogo zhandarmskogo upravlenija o deyatelnosti komissii po vyboram rabochikh v voenno-promyshlennyj komitet, Tsaritsynskikh korrespondentakh

Samarskoj rabochej gazety «Nash golos», penii revoljutsionnykh pesen i rasprostranenii proklamatsiy Kharkovskoj organizatsii RSDRP studentami, napravljavshimisja v Tsaritsyn v zapasnoj bataljon, nablyudenii za Ilidorom i po drugim voprosam, spisok lesozavodov na st. Beketovka. 03.01.1916 – 31.12.1916 [Correspondence with the Head of Saratov Provincial Gendarme Directorate Concerning Activities of the Commission for Electing Workers to the Military-Industrial Committee, Tsaritsyn Correspondents of Samara Workers Newspaper “Our Voice”, Singing Revolutionary Songs and Distribution of Proclamations by Kharkov RSDLP Organization by Students Sent to Tsaritsyn Reserve Battalion, Surveillance of Ilidor and Other Matters, List of Sawmills at Beketovka Station]. *GAVO* [State Archive of the Volgograd Region], f. 6, inv. 1, d. 434. 599 l.

13. Politicheskij obzor Tsaritsynskogo i Kamyshinskogo ujezdov za 1900 g.; spiski lits, nakhodjashchikhsja pod glasnym i neglasnym nadzorom politsii, privilechennykh k formalnym doznaniyam, uvedomlenija o vozbuzhdenii doznaniy za oskorblenije tsarja; svedenija ob urozhaje ozimyykh i jarovykh khlebov v Tsaritsynskom i Kamyshinskom ujezdakh v 1901 g. 01.01.1901 – 21.12.1901 [Political Review of Tsaritsyn and Kamyshin Districts for 1900; Lists of Persons Under Overt and Covert Police Surveillance, Those Subject to Formal Investigations, Notices of Initiated Investigations for Insulting the Tsar; Information on Winter and Spring Grain Harvests in Tsaritsyn and Kamyshin Districts in 1901]. *GAVO* [State Archive of the Volgograd Region], f. 6, inv. 1, d. 60. 119 l.

14. Politicheskij obzor Tsaritsynskogo ujezda za 1904 g., doneshenija nachalnika SGZhU o dejatelnosti Tsaritsynskikh grupp RSRP i sots-revoljutsionerov do oktjabrja 1905 g., o rasprostranenii proklamatsij sredi soldat i vystuplenij soldat 226-go Bobrujskogo polka, o krestjanskom sojuze Olkhovskoj volosti, tsirkuljar departamenta politsii so spiskami razyskivajemykh po politicheskim delam, po tsirkuljaram znachatsja V.I. Uljanov, M.I. Uljanov, F.E. Dzerzhinskij. 21.01.1905 – 22.05.1907 [Political Review of Tsaritsyn District for 1904, Reports of the Saratov Provincial Gendarme Directorate Chief on the Activities of Tsaritsyn RSDLP and Socialist-Revolutionary Groups Until October 1905, on the Distribution of Proclamations Among Soldiers and the Protest of Soldiers from the 226th Bobrujsk Regiment, on the Peasant Union of Olkhovskaja volost, Police Department Circular with Lists of Persons Wanted for Political Crimes, Including V.I. Ulyanov, M.I. Ulyanov, F.E. Dzerzhinsky]. *GAVO* [State Archive of the Volgograd Region], f. 6, inv. 1, d. 100. 331 l.

15. Filonov A.V., Zabroda D.G. Dejatelnost zhandarmerii i okhrannykh otdelenij v borbe s terrorizmom v Rossijskoj imperii na rubezhe vtoroj poloviny XIX – nachala XX stoletija [The Activities of the Gendarmerie and Security Departments in Combating Terrorism in the Russian Empire at the Turn of the Late 19th – Early 20th Century]. *Obrazovanie. Nauka. Nauchnye kadry. Istorija i arheologija*, 2022, no. 2, pp. 52-59. DOI: 10.24412/2073-3305-2022-2-52-59

16. *Tsaritsynskaja zhizn* [Tsaritsyn Life], 1906, Jan. 10 (no. 5).

17. Tsirkuljary departamenta politsii i Saratovskogo gubernskogo zhandarmskogo upravlenija o rozyske lits, rasprostranenii nelegalnoj literatury, verbovke agentov, zabastovke rabochikh lesopilnogo zavoda Kalashnikova. Tsirkuljar departamenta politsii ot 26 ijunja 1902 g. o rozyske F.E. Dzerzhinskogo. 26.06.1902 – 25.02.1917 [Circulars of the Police Department and Saratov Provincial Gendarme Directorate Concerning Search for Individuals, Distribution of Illegal Literature, Agent Recruitment, Strike at Kalashnikov’s Sawmill. Police Department Circular of June 26, 1902 on Search for F.E. Dzerzhinsky]. *GAVO* [State Archive of the Volgograd Region], f. 6, inv. 1, d. 68. 16 l.

18. Tsirkuljary departamenta politsii ob izmenenii shrifta, vyderzhka iz pisma direktora departamenta politsii o neobkhodimosti uvelichenija sekretnoj agentury v Tsaritsyne i perepiske ob okhrane vojennykh zavodov i drugim voprosam. 03.03.1915 – 12.11.1916 [Circulars of the Police Department on Changing Fonts, Excerpt from Police Department Director’s Letter on the Need to Increase Secret Agents in Tsaritsyn, and Correspondence on Protection of Military Plants and Other Matters]. *GAVO* [State Archive of the Volgograd Region], f. 6, inv. 1, d. 415. 68 l.

19. Tsirkuljary departamenta politsii, shtaba Otdelnogo korpusa zhandarmov Saratovskogo gubernskogo zhandarmskogo upravlenija o borbe s zabastovkami, rasprostraneniem nelegalnoj literatury, revoljutsionnoj agitatsijej v vojskakh i po drugim voprosam, kopii dokumentov partii eserov. 09.01.1899 – 10.12.1908 [Circulars of the Police Department, Headquarters of Separate Corps of Gendarmes and Saratov Provincial Gendarme Directorate Concerning Struggle Against Strikes, Distribution of Illegal Literature, Revolutionary Agitation in Troops and Other Matters, Copies of Socialist Revolutionary Party Documents]. *GAVO* [State Archive of the Volgograd Region], f. 6, inv. 1, d. 43. 548 l.

20. Chudakova M.S. Problemy vzaimootnoshenij obshchej i politicheskoy politsii tsarskoj Rossii [Issues in the Relationship Between General and Political Police in Tsarist Russia]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta*, 2010, iss. 3 (11), pp. 26-38.

Information About the Author

Ivan E. Kochetov, Postgraduate Student, Department of History and International Relations, Volgograd State University, Prosp. Universitetsky, 100, 400062 Volgograd, Russian Federation, ina-241_619295@volsu.ru, <https://orcid.org/0009-0008-2778-2635>

Информация об авторе

Иван Евгеньевич Кочетов, аспирант кафедры истории и международных отношений, Волгоградский государственный университет, просп. Университетский, 100, 400062 г. Волгоград, Российская Федерация, ina-241_619295@volsu.ru, <https://orcid.org/0009-0008-2778-2635>

DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2026.3.13>

UDC 271.2-1

LBC 63.3(2)

Submitted: 24.09.2025

Accepted: 24.03.2026

**ASSISTANCE OF PARISH BOARDS OF TRUSTEES TO FAMILIES OF SOLDIERS
IN THE LOWER VOLGA REGION DURING THE WORLD WAR I (1914–1916)****Irina N. Litvinova**

Volgograd State University, Volgograd, Russian Federation

Oksana A. Karagodina

Volgograd State University, Volgograd, Russian Federation

Abstract. *Introduction.* The article addresses the issues of care and support for families of reservists and servicemen called up to combat units by parish councils, using the Astrakhan and Saratov dioceses as examples. parish charity work to help the wives, children, and elderly parents of front-line soldiers is presented in a multifaceted way, especially during the first two years of the war, which were characterized by the most active work of parish boards of trustees. *Methods and materials.* The research is based on traditional methods: historical-genetic, historical-systemic, documentary analysis, and the principles of historicism and objectivity. Materials from wartime periodicals served as the basis for the work. *Analysis.* The main directions and forms of support for fellow citizens by parish boards of trustees have been identified, ranging from systematic coin donations to the establishment of nurseries and rural patronages for soldiers' children. The authors have traced and reflected the growth in the number of parish boards of trustees and the number of families receiving monetary payments and food rations and have presented information on monetary contributions made by the boards themselves to local charity organizations. *Results.* Overall, the significant contribution of the Russian Orthodox Church as an active organizer of social charity during wartime is shown, providing assistance to the army, wounded soldiers, and families of front-line soldiers with the direct participation of parish boards of trustees. *Authors' contributions.* I.N. Litvinova – searching for sources on the topic, working with literature and sources, and writing the sections of the article “Methods and Materials,” “Analysis,” and “Results.” O.A. Karagodina – searching for sources and literature of the pre-Soviet period on the topic under study, writing an abstract for the article, and sections “Introduction,” “Analysis,” and “Results.” *Funding.* The study was funded by the Russian Science Foundation grant No. 26-28-20505, <https://rscf.ru/project/26-28-20505/>, and by the budget of the Volgograd Region.

Key words: World War I, Saratov, Tsaritsyn and Astrakhan dioceses, parish boards of trustees, charity, families of soldiers, donations.

Citation. Litvinova I.N., Karagodina O.A. Assistance of Parish Boards of Trustees to Families of Soldiers in the Lower Volga Region During the World War I (1914–1916). *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 4. Istoriya. Regionovedenie. Mezhdunarodnye otnosheniya* [Science Journal of Volgograd State University. History. Area Studies. International Relations], 2026, vol. 31, no. 3, pp. 143–153. (in Russian). DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2026.3.13>

УДК 271.2-1

ББК 63.3(2)

Дата поступления статьи: 24.09.2025

Дата принятия статьи: 24.03.2026

**ПОМОЩЬ ПОПЕЧИТЕЛЬСКИХ ПРИХОДСКИХ СОВЕТОВ СЕМЬЯМ ВОИНОВ
В НИЖНЕМ ПОВОЛЖЬЕ В ГОДЫ ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ (1914–1916 гг.)****Ирина Николаевна Литвинова**

Волгоградский государственный университет, г. Волгоград, Российская Федерация

Оксана Александровна Карагодина

Волгоградский государственный университет, г. Волгоград, Российская Федерация

Аннотация. *Введение.* Статья посвящена теме попечения и призрения церковно-приходскими советами семейств воинов, призванных в боевые соединения, на примере Астраханской и Саратовской епархий. Приходская благотворительность по оказанию помощи женам, детям и пожилым родителям фронтовиков представлена многоаспектной картиной, особенно в первые два года войны, отличавшихся наибольшей активностью работы церковно-приходских попечительских советов. *Методы и материалы.* Исследование базируется на традиционных методах – историко-генетическом, историко-системном, методе документального анализа, принципах историзма и объективности. Основой для работы послужили материалы периодических изданий военного времени. *Анализ.* Выявлены основные направления и формы поддержки сограждан попечительскими советами: от систематических кружечных пожертвований до обустройства яслей и сельских патронатов для детей воинов. Авторами прослежены и отражены показатели роста количества попечительских приходских советов и численности семейств, получивших денежные выплаты и продовольственные пайки, представлены сведения о сборах самими советами на благотворительность местным организациям. *Результаты.* В целом показан весомый вклад Русской православной церкви как активного организатора социальной благотворительности в условиях войны по оказанию помощи армии, раненым воинам и семьям фронтовиков при непосредственном участии приходских попечительских советов. *Вклад авторов:* И.Н. Литвинова – поиск источников по теме, работа с литературой и источниками, написание разделов статьи «Методы и материалы», «Анализ», «Результаты». О.А. Карагодина – поиск источников и литературы досоветского периода по исследуемой теме, написание аннотации к статье, разделов «Введение», «Анализ», «Результаты». *Финансирование.* Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 26-28-20505, <https://rscf.ru/project/26-28-20505/> и за счет средств бюджета Волгоградской области.

Ключевые слова: Первая мировая война, Саратовская, Царицынская и Астраханская епархии, попечительские приходские советы, благотворительность, семьи воинов, пожертвования.

Цитирование. Литвинова И. Н., Карагодина О. А. Помощь попечительских приходских советов семьям воинов в Нижнем Поволжье в годы Первой мировой войны (1914–1916 гг.) // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 4, История. Регионоведение. Международные отношения. – 2026. – Т. 31, № 3. – С. 143–153. – DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2026.3.13>

Введение. События Первой мировой войны повлекли за собой трансформацию всех сфер общественной жизни: политической, экономической, социальной и духовной. Глубокие изменения произошли в российском обществе, поскольку с самого начала войны в стране наблюдался стремительный рост верноподданнических настроений и социальной активности, принимавшей различные формы деятельности. Граждане охотно откликались на патриотические призывы властей и православной церкви по организации денежных сборов в помощь русской армии и тылу, а также братьям-сербам и странам-союзникам. Сама война в ту пору воспринималась не иначе как вторая отечественная.

В условиях войны наиболее действенной и эффективной формой выражения гражданского долга являлось создание различных общественных объединений филантропической направленности, миссии которых были нацелены на оказание помощи армии и флоту, раненым воинам и семьям фронтовиков. Среди учрежденных комитетов и попечительств, работавших в тот период в Нижневолжском регионе, наименее исследованными остаются социальные практики церковно-приходских

попечительских советов, решавших важные задачи в сфере призрения семейств лиц, призванных в войска. Анализ авторских публикаций показал, что общая картина церковной благотворительности в военных обстоятельствах представлена историком Т.Г. Леонтьевой на примере губерний Центральной России и Петрограда [8].

Исследователи Т.М. Гусева и Н.Ю. Михалкович на материалах периодической печати Пензенской губернии освещают роль различных церковных организаций в оказании помощи раненым воинам и семьям фронтовиков, отмечают весомый вклад приходских попечительских советов, образованных в годы войны для прихожан в местной епархии [4]. Научный труд Т.В. Царевой, выполненный на материалах Нижегородской епархии, посвящен социальной деятельности Русской православной церкви в годы Великой войны. Исследователь подчеркивает многоаспектность задач церковной социальной деятельности, включавших как оказание практической помощи пострадавшим от военных действий, так и организацию «мероприятий по поддержанию духовного состояния населения» [15, с. 34].

Наиболее близки нашей теме работы исследователей И.В. Кучерук [7], И.Н. Литвиновой и О.Ю. Редькиной [9], анализирующих вопросы социального служения в Астраханской и Царицынской епархиях. Авторы в том числе рассматривают вопросы по поддержке приходской общественностью семейств нижних чинов запасных (рядовых) и ратников (ополченцев).

В целом спектр публикаций по тематике благотворительной помощи, оказанной православной церковью русской армии, раненым воинам и семьям фронтовиков в годы Первой мировой войны, достаточно широк. Написано много работ, посвященных вопросам духовно-патриотической деятельности церкви. Тем не менее региональный аспект научных исследований по данной теме по-прежнему остается актуальным и нуждается в введении новых фактологических материалов. В этой связи деятельность важных общественных структур, появившихся в военных обстоятельствах, по определению Святейшего правительствующего синода (далее – Св. синод), в виде приходских попечительских советов, с учетом региональной принадлежности, требует более тщательного анализа. Попечительские советы на приходах вносили в жизнь семей фронтовиков не только материальные блага, но имели глубокое духовно-нравственное значение для общества в целом и его единения вокруг православной церкви, особенно в первые два года войны.

Методы и материалы. Проведенное исследование базируется на принципах историзма и объективности. Статья подготовлена с использованием общенаучных и специальных исторических методов. Историко-генетический метод применялся в ходе изучения создания церковно-приходских советов, их количественного роста в условиях войны и развития направлений деятельности. Историко-системный метод необходим в исследовании мер и форм поддержки семей воинов попечительскими советами. Приходской совет как таковой представлял собой систему, активно взаимодействовавшую с социумом и другими социальными организациями, имел с ними много общего, несмотря на церковную специфику, и был включен в единое целое благотворительных практик. Для исследования был

важен документальный анализ опубликованных источников по заявленной теме, методом которого является познание документированной информации в целях извлечения исторически значимых сведений.

В рамках нашей работы ценными источниками являются материалы периодических изданий – журналов и газет дореволюционного периода. Особенно важны для исследования сведения из журнала «Известия Верховного совета по призрению семей лиц, призванных на войну, а также семей раненых и павших воинов», издававшегося в Петрограде в 1914–1917 гг. и являвшегося официальным печатным органом данной благотворительной организации. В нем публиковались отчеты епархий, в том числе по церковно-приходской деятельности, а также материалы Елизаветинского комитета, земских комитетов и др. Как исторические источники периода военных событий значимы материалы журнала «Церковные ведомости», издававшегося Св. синодом, а также сведения из Обзоров деятельности Ведомства православного исповедания.

В то же время региональная печать, имевшая статус официальных периодических изданий епархий Русской православной церкви, представленная «Саратовскими епархиальными ведомостями» и «Астраханскими епархиальными ведомостями» за 1914–1917 гг., не оправдала надежд авторов статьи на наличие богатого печатного материала, представляющего интерес по исследуемой проблематике. Отсутствие отчетов и статистических сведений в журналах по нашей теме затрудняет решение задач по анализу и оценке событий, связанных с работой попечительских церковно-приходских советов в епархиях. Были использованы лишь отдельные сведения из этих журналов. Кстати, стоит отметить, что в одном из апрельских номеров «Астраханских епархиальных ведомостей» за 1915 г. имеется замечание: «...то обстоятельство, что отчеты о деятельности организаций духовенства епархии в деле помощи семьям ратникам и увечным воинам остаются не опубликованными, что вызывает, порой, нареkanie на духовное сословие, будто бы, за недеятельность его в общем деле, то это объясняется, скорее всего, скромностью и нежеланием говорить о себе» [1, 1915, вып. 11, с. 260].

Анализ. Русская православная церковь внесла весомый вклад в организацию и оказание помощи армии, флоту и категориям населения, пострадавшим от военных действий. Обращения и призывы духовных лиц побуждали сограждан проявлять особую заботу к раненым воинам, но также к оказанию «действенного утешения и облегчения печали» жен, детей, престарелых родителей воинов, ушедших на войну. Участь семейств фронтовиков явилась предметом особого внимания и заботы Св. синода. Общественные попечительские структуры, организованные в приходах, стали неотъемлемой частью повседневной жизни прихожан – семей воинов, их призрения. Значимым оказалось то, что данная форма помощи осуществлялась попечительскими приходскими советами помимо официально установленных выплат, полагавшихся от казны семьям воинов, призванных в войска. По закону от 25 июня 1912 г. и приложенному к нему Положению о призрении нижних воинских чинов и их семейств, помощь семьям предоставлялась в виде ежемесячного денежного пособия, определявшегося из расчета стоимости продовольственного пайка, называвшегося «кормовой нормой». Согласно п. 63 Положения о призрении стоимость продуктов, входивших в паек, соответствовала расценкам в совокупности: 1 пуда 28 фунтов муки (27,85 кг), 10 фунтов крупы (4,095 кг), 4 фунтов (1,64 кг) соли и 1 фунта постного масла (0,4095 кг) [11, п. 63, ст. 1198]. Цены на продукты могли варьироваться в разных губерниях и волостях. Призрением пользовались не только жена и дети воина нижнего чина, но также его отец, мать, дед, бабка, братья и сестры, если содержались трудом мобилизованного в войска [11, п. 61, ст. 1198].

В первые дни войны (20 июля 1914 г.) в определениях Св. синода за № 6502 в «Церковных ведомостях» были опубликованы основные направления по организации и осуществлению благотворительной помощи пострадавшему от военных действий населению [16, с. 348]. Св. синод обратился с призывом к монастырям, религиозным общинам и пастве о сборе пожертвований на благие цели – помощи раненым и больным воинам, также семьям лиц, призванных на войну. В определении (за № 6502) для выполнения поставленных задач

предлагались конкретные формы помощи, первой из которых значились кружечные сборы пожертвований от прихожан как церковные благотворительные практики, причем на постоянной основе, после каждого богослужения.

В рамках исследуемой темы наибольшую значимость представляют сведения второй части определений Св. синода за № 6503 относительно организации во всех православных приходах «особых попечительных советов» для оказания помощи семьям лиц, находящихся в войсках [16, с. 349]. В первую очередь попечительским приходским советам надлежало разъяснять Положение о призрении семьям воинов, которое большинство из них не знало. В состав попечительских советов входили выборные прихожане из уважаемых сограждан, непременно священнослужители и церковные старосты. Обязанности и задачи, возлагавшиеся на приходские советы, включали следующее: ведение учета призреваемых семей, организацию сборов «кружечных» пожертвований и поддержку семейств денежными и другими видами пособий. Например, работа по учету семей фронтовиков представляла собой составление и обновление списочного состава призреваемых, выяснение их имущественного положения. В этих целях попечительские советы обязали вести специальные ведомости, представлявшие своеобразные статистические отчеты по расходным статьям благотворения, которые ежемесячно отражались в донесениях предстоятелям местных епархий [16, с. 350]. Как обозначено выше, главным источником для благотворительности приходских советов являлся сбор пожертвований в приходе, также в пользу призреваемых разрешалось брать средства из церковных сумм, но не более 50 руб., иначе следовало получать дозволение епархиального начальства. К февралю 1915 г. в приходах страны действовало уже 26.784 попечительских совета. Всего за семь месяцев работы советов было собрано пожертвований на сумму 1.764.844 руб., что помогло обеспечить денежными пособиями 1.211.194 семьи фронтовиков [13, с. 852].

Делопроизводственные документы позволяют проследить данные о материальной помощи семьям воинов попечительски-

ми советами в Саратовской и Астраханской епархиях фактически по месяцам. Так, в Саратовской епархии к 1 ноября 1914 г. действовали 483 приходских совета, причем из них 59 работали совместно с земскими волостными комитетами и другими организациями по оказанию помощи семьям призванных на войну. Остальные 424 попечительства действовали самостоятельно, оказывая помощь по предварительному согласованию с волостными попечительствами и другими обществами [5, вып. 1, с. 150]. Поддержка призреваемых семейств к ноябрю 1914 г. составила 26.591 руб. 34 коп., а сумма, израсходованная из церковных денег, включала лишь 235 руб., остальные средства были собраны в кружках от прихожан. Всего помощь получили 7.365 семейств в размере приблизительно 3,60 руб. [5, вып. 1, с. 150]. Помимо денежных выплат в сентябре-октябре поддержка призреваемым семействам предоставлялась дровами и одеждой. В условиях города на приходах, особенно в дни православных праздников, для семей фронтовиков организовывались бесплатные обеды. В нескольких сельских приходах епархии при трапезных церквей также действовали столовые. В военных обстоятельствах помощь семьям, проживавшим в сельской местности, являлась особо ценной. Она оказывалась личным трудом общественными активистами (волонтерами) как из числа членов попечительских советов, так и по их приглашению «однообщественниками» – крестьянами из той же сельской общины. Волонтеры помогали солдаткам и в ремонте домов, хозяйственных построек.

В конце ноября 1914 г. приходскими советами Саратовской епархии денежная поддержка была оказана 2.308 семействам фронтовиков в сумме, равной 3.398 руб. 24 коп. [5, вып. 2, с. 127]. Помимо того, помощь оказывалась и продуктами. Средства на все это расходовались исключительно из собранных в приходе добровольных пожертвований.

В следующем рассматриваемом периоде, с 1 декабря 1914 г. по 2 января 1915 г., помощь попечительскими советами епархии была оказана 1.852 семействам лиц, призванных в ряды войск, на сумму 4.737 руб. 64 коп., в том числе 38 руб. 76 коп. – из церковных средств. Следовательно, к концу года число

призреваемых семейств сократилось на 456 чел., но существенно возросла сумма выданных пособий – на 1.339 рублей. В среднем денежная выплата семье в месяц составила 2 руб. 55 коп., помимо казенных денег. Советами епархии в зимнее время особое внимание уделялось обеспечению семей дровами, режее углем, а также теплой одеждой и обувью [5, вып. 3, с. 190].

В Астраханской епархии фактически с первых дней мобилизации также стали действовать благотворительные комитеты и особые церковно-приходские попечительские советы. Проследим и проанализируем по аналогии с Саратовской епархией количественные характеристики роста приходских попечительств и суммы материальной поддержки, оказанной семействам воинов.

Так, в августе 1914 г., в первый же месяц после вступления России в войну, в Астраханской губернии действовало 126 приходских попечительских советов. К сентябрю помощь пособиями советы оказали 2.623 семействам, на что было израсходовано 6.551 руб. 46 коп. [5, вып. 1, с. 155]. В целом денежная поддержка выражалась в размере от 1 до 4 рублей.

Впоследствии, в ноябре 1914 г., в епархии действовало уже 200 попечительских советов «О семействах лиц, призванных в ряды войск», утвержденных Св. синодом. Следовательно, за три месяца после начала войны количество церковно-приходских советов возросло на 74 ед., что позволило оказывать поддержку значительно большему числу семей фронтовиков. Согласно источникам, в ноябре 1914 г. приходскими попечительствами было собрано пожертвований в количестве 5.082 руб. 27 коп., а из церковных сумм отчислено 755 руб. 19 коп. Следует признать, что это были большие денежные суммы для того времени. В общей сложности пособия получили 1.810 семейств в размере 4.288 руб. 11 коп. [5, вып. 2, с. 180].

Ввиду наступавших холодов, помимо денежных выплат, в приходах епархии обеспечивались снабжением жен и детей воинов теплой одеждой, обувью, а также продуктами наборами, состоящими из зерна или муки, чая и сахара, причем последние, представлявшие колониальные товары, в услови-

ях войны особо ценились и были востребованы населением.

В январе 1915 г. в Астраханской епархии работал 201 попечительский совет (вместо 126 в августе). Для семейств воинов собрали пожертвований на 4.623 руб. 60 коп., доля церковных сумм составила 1.035 руб. 99 коп. Получателями стали 2.455 семей данной категории, получившие помощь в размере 5.659 руб. 60 коп. [5, вып. 3, с. 180–181]. По нашим подсчетам, на каждую семью пришлось по 2,30 рубля. Жены воинов могли получить помощь от попечительского приходского совета в размере от 1,5 до 4 руб., в зависимости от количества детей и престарелых родителей.

Не идеализируя материальное положение семей фронтовиков, следует обозначить, что в 1914–1916 гг. на выделяемые приходскими попечительскими советами средства для пропитания можно было содержать семью из 4–5 человек приблизительно месяц, до следующей денежной помощи. Например, по ценам, установившимся в тыловых губерниях в период с октября 1914 г. по октябрь 1915 г., на 1 руб. 48 коп. можно было купить следующее: мешок картофеля – 35 коп., 2 ведра капусты – 50 коп., 3 десятка яиц – 42–45 коп., еще 3 крынки молока стоимостью 18 коп. [12]. Разумеется, продуктовый паек, получаемый семьей от казны, учитывался отдельно.

Наглядно рассмотрим работу такой организации на примере попечительского совета Свято-Троицкой церкви г. Астрахани. К проблеме выявления нуждающихся в материальной помощи семей нижних чинов, призванных на фронт, подходили ответственно и основательно. Совет развил особенно «кипучую деятельность по случаю военного времени»: были зарегистрированы все проживающие в приходе семейства фронтовиков и «тут же был открыт сбор пожертвований в пользу означенных воинов». С августа по январь 1915 г. семьям воинов выдано деньгами 313 руб. 60 коп., дровами – на 120 руб.; мукой – 16 пуд. 20 фунт. на сумму 44 руб. 28 коп., чаем – 11 фунтов на 15 руб. 40 коп., и сахаром – 3 пуда на 20 руб. 08 коп. Всего выдано припасов на сумму 514 руб. [1, 1915, вып. 14, с. 319].

Многие попечительские советы активно оказывали помощь фронтовикам в качестве посылок в действующую армию. Необходи-

мо подчеркнуть, что данные практики не входили в обязанности попечительских советов, но совершались на добровольной основе, по желанию прихожан. В Астраханской епархии «сборы натурой» для воинских частей проводились «...чаем, сахаром, табаком, бумагой; заготавливались и отсылались потребные для той же армии теплые вещи: рубашки, чулки, носки, варежки и прочее» [5, вып. 3, с. 181]. Приходили ответные письма-благодарности прихожанам из воинских частей, публиковавшиеся в местной прессе. В ситуациях, связанных с отправкой посылок в действующие войска, попечительские приходские советы организовывали и принимали с благодарностью участие в работе своих прихожан и общественных активистов – учащихся духовной семинарии, епархиального женского училища, гимназистов. Поскольку все поступающие от населения вещи прежде необходимо было рассортировать, привести в порядок, упаковать и отправить в армейские части, что представляло собой немало хлопот добровольной работы и являлось важным вкладом в военно-благотворительную деятельность приходов.

Активно помогали армии и флоту и приходские советы Саратовской епархии. В декабре священник М.Я. Дроздов, возглавлявший попечительский совет Введенской церкви г. Саратова, представил епархиальному комитету перечень товаров и продовольствия рождественских посылок воинам 47-й и 82-й пехотных дивизий. В частности, было приобретено и упаковано подарков на общую сумму в 1 000 руб.: «сорочек – 100, кальсон – 100, чулок – 120 пар, варег (варежки) – 148 пар, полотенце – 103, жилетов – 100; бумаги – 21/2 стопы, карандашей – 6 дюжин, конвертов – 5 000; чая – 20 фунт., сахара – 10 пуд.; ветчины – 5 пуд. 4 фунт.; сала – 1 пуд, воблы – 3 000 шт., сельдей – 1 000 шт., балыка – 22 фунт.». Очевидно, что посылка оказалась весомой и была отправлена с уполномоченными нарочными от г. Саратова» [14, 1915, вып. 36, с. 1544–1545]. В том же декабре комиссия епархиального комитета в очередной раз ассигновала 1000 руб. на приобретение / изготовление подарков для воинов в помощь благотворительной организации, работавшей при Ставке императора и оказывавшей помощь для всех армий.

Помимо выполнения основной задачи по поддержке семей фронтовиков, попечительскими приходскими советами совершались пожертвования благотворительным обществам, в том числе местным организациям. В частности, в 1914 г. в Астраханской епархии сборы денежных средств на социальные расходы волостным попечительствам и объединенному комитету при городской управе составили 10.341 руб. 38 коп., а советами Саратовской епархии было собрано и направлено подобным структурам 27.016 руб. 62 коп. [3, с. 16–17, 18–19]. В условиях войны такого рода мероприятия и акции совершались регулярно. Так, в январе 1916 г. пожертвований социальным структурам от советов Астраханской епархии поступило в размере 7.659 руб. 49 коп., от приходских попечительств Саратовской епархии – 24.061 руб. 60 коп. [10, с. 72].

Статистические данные иллюстрируют целостное восприятие картины по оказанию помощи семьям фронтовиков приходскими попечительскими советами в стране за два года. Так, общее число семейств в империи, которым была оказана помощь данными организациями, в 1914 г. превышало 1.200.000, а к августу 1915 г. их количество возросло до 2.146.242. На данные цели в 1914 г. всего было израсходовано 1.563.724 руб., основой которых являлись пожертвования прихожан [10, с. 72]. В августе 1915 г., то есть за прошедший год после начала войны, общая сумма выданных средств семьям воинов была еще более внушительной – 6.358.570 руб. [10, с. 72].

Следует учесть то обстоятельство, что в распоряжение приходских советов всех епархий в пользу семей воинов немалые средства были получены от центральных организаций социальной направленности, в том числе Елизаветинского комитета. Общая сумма сторонней поддержки внушительна – 2.905.977 руб. [10, с. 72]. С помощью сторонних денежных поступлений в приходах решалась еще одна важная проблема – наем работников в период посевной и уборочной кампаний, в помощь сельскому хозяйству из-за нехватки рабочей силы по причине мобилизации мужчин в войска.

Примечательным является тот факт, что в первый год войны приходские советы собрали денежных средств для нужд призреваемых

семей значительно больше, чем израсходовали на пособия и продуктовые пайки. Из оставшихся средств был создан «запасной фонд», представлявший своеобразный задел для предстоящих благотворительных мероприятий. Численность попечительских советов в православных приходах страны со временем существенно возросла: если в сентябре 1914 г. действовало 12.871 ед., то по истечении первого года войны, в августе 1915 г., работало уже 36.118 приходских попечительств [10, с. 72]. Следовательно, за год количество данных общественных структур увеличилось в 2,8 раза, что способствовало улучшению качества жизни призреваемых семейств.

Возвращаясь к вопросу о количественной характеристике новых советов в двух нижеволжских губерниях, организованных в военных обстоятельствах, отметим, что в январе 1916 г. в Астраханской епархии действовало 201 приходское попечительство, что на 75 ед. больше по сравнению с количеством за декабрь 1914 года. В более крупной Саратовской епархии за год, то есть с конца ноября 1914 г. на начало января 1916 г., число данных общественных структур выросло на 122 ед. и составило 605 приходских попечительств вместо прежних 483 [10, с. 16–17]. В 1916 г. количество церковных попечительских советов осталось фактически без изменения, хотя появлялись новые приходские церкви: в Саратовской епархии к январю 1916 г. было построено шесть новых церквей, а в Астраханской – две. Следовательно, основное количество попечительских советов в приходах было образовано в первые полгода после начала войны.

Как обозначено выше, весь спектр благотворительных мероприятий для семей воинов, помимо выдачи денежных пособий, продуктовых «припасов», вещей и топлива, включал также помощь в сельском хозяйстве. В начале 1915 г. местные власти, земские уездные комитеты, уделяли повышенное внимание вопросам проведения посевной кампании, а впоследствии – уборке урожая. В определении от 3–4 марта 1915 г. Св. синод призвал попечительские советы организовать «самую деятельную и широкую помощь семействам воинов в аграрных работах» [10, с. 5]. В мес-

тной прессе публиковались призывы губернаторов и представителей губернских земств об оказании помощи крестьянским воинским семьям. Более того, для сельхозработ данной категории земствами выделялись из казенных запасов семена, сельхозинвентарь и обозы. Главный вопрос, который необходимо было решать властям и общественным комитетам, заключался в организации и реализации комплекса мероприятий по обеспечению армии и гражданского населения продовольствием. В этой связи ответственность в делах по обработке полей, организации сенокоса, уборке яровых хлебов и овощей была закреплена за сельскими обществами и сельскими приходскими советами.

Заслуживает внимания исторический факт, связанный с появлением в условиях Первой мировой войны нового движения в помощь крестьянским хозяйствам фронтовиков, которое организовалось в форме трудовых дружин из учащейся городской молодежи. Например, в Царицыне в конце июня 1915 г. были созданы сельхоздружины численностью более 100 чел., трудившихся на уборке хлеба в трех селах Царицынского уезда – самого южного в Саратовской губернии [2, с. 3]. Эти дружины под руководством казенного агронома и присмотром старост сельских приходских советов оказали существенную помощь семьям солдаток. За 1,5 мес. ими было убрано (сжато и свезено на гумно) озимого и ярового хлеба более 500 дес., что соответствует 545 га; обмолочено более 2,5 тыс. пудов ржи, что равноценно 500 ц [2, с. 3].

Одним из ответов на призыв Св. синода к попечительским приходским советам явилась организация яслей-приютов для детей фронтовиков. Решение данной проблемы способствовало освобождению матерей от забот с маленькими детьми и возможности их участия в сельхозработах – сенокосе, жнитве и иной деятельности. Согласно источникам, на время полевых работ в 1915 г. в Саратовской епархии было открыто яслей в 140 пунктах [10, с. 20]. На содержание приютов от приходских советов поступали денежные средства и продукты – молоко, белый хлеб, крупы. Обычный режим работы яслей в сельской местности: открытие заведений в шесть часов утра,

заккрытие в восемь часов вечера. Возраст призываемых детей в яслях – от полугода до пяти лет включительно. Вследствие временного устройства детей в приюты их матери получали возможность не только вести собственное хозяйство, но нередко и «подзаработать на стороне (в садах, огородах и пр.) рублей до 70–100 в летнюю пору» [1, 1916, вып. 23, с. 449].

В условиях войны призрение детей воинов являлось одним из сложных направлений работы государственно-общественных комитетов, особенно в отношении сирот и полусирот, оставшихся без отцов-кормильцев. Существенную поддержку в организации яслей и патронатов оказывал Романовский комитет по призрению сирот, находившийся под покровительством императора. Помощь этого комитета предназначалась именно для детей бедного сельского населения, причем любой социальной принадлежности, «для объединения правительственной, общественной и частной деятельности в этом направлении» и их координации. С июля по ноябрь 1914 г. усердием и заботой сотрудников Романовского комитета в открытых яслях и патронатах империи призрелись 1.909 детей-сирот, которые были ухожены и обеспечены питанием. В частности, на эти цели потребовалось 70.690 руб. [5, вып. 1, с. 95].

Детские приюты открывались и в дальнейшем. Обобщенно, по данным историка А.П. Керзума, в январе 1916 г. в губернских городах Романовским комитетом было учреждено 63 приюта, а в сельской местности, что особо ценно, их действовало 380. В приютах с сельским укладом жизни призревалося 13.322 воспитанника, а в городских – 4.402. Общая сумма пособий, направленная на финансирование приютов за 1,5 года, превысила 2 млн руб. [6]. В годы войны открывались приюты для детей воинов, в том числе на средства Духовного ведомства, причем всецело содержались за счет благотворительного округа, например, как в г. Балашове и г. Камышине Саратовской епархии. В октябре 1914 г. духовенством г. Камышина, «движимым чувством патриотизма», был открыт приют для детей фронтовиков, рассчитанный на 12 детей возрастом от двух до восьми лет. С этой целью в храмах был объявлен сбор пожерт-

вований. Отметим лишь некоторые факты поступившей помощи вещами, деньгами и различными материалами. Так, от священника Троицкой церкви о. Петра Петропавловского – церковная квартира под помещение для приюта (на безвозмездной основе), от священника Дмитрия Позднева – 100 руб., от священника о. Николая Лебедева и диакона Николая Орлова – 6 саж. собранных ими дров и многое другое от прихожан церквей [14, 1915, вып. 7, с. 298–299].

Ключевая роль в укреплении духовно-нравственных устоев и поддержании морального духа общества в это суровое время принадлежала священнослужителям, исполнявшим церковные нужды и требы верующих, дававшим религиозные наставления и слова утешения своей пастве в храмах, на приходах и умело управлявшим попечительскими советами.

Результаты. Проведенное исследование позволяет утверждать, что деятельность Русской православной церкви в годы Первой мировой войны была многоаспектной, успешно совмещавшей духовную миссию с социальной, поддерживавшей и крепившей нравственные устои и материальное положение своей паствы. В большей степени данный тезис относится к первому периоду войны (1914–1916 гг.). Руководство епархий и приходское духовенство вдохновляли сограждан на патриотические поступки и милосердные дела. Благотворительность православной церкви стала одним из важнейших направлений деятельности по оказанию помощи русской армии и флоту, раненым воинам и семьям фронтовиков в условиях войны.

Особая роль в оказании материальной поддержки согражданам, повышении их благополучия принадлежала попечительским церковно-приходским советам – новым обществам, созданным церковью в самом начале военных действий. Наряду с другими благотворительными структурами приходские советы активно участвовали в общественной жизни страны: выявляли нуждающиеся семьи лиц, мобилизованных в войска, организовывали разные виды помощи миллионам семейств фронтовиков империи – женам, детям-сиротам и полусиротам, престарелым родителям воинов. В рядах при-

зреваемых находились и десятки тысяч семейств фронтовиков из 806 приходских советов Саратовской и Астраханской епархий. Социальная поддержка семей выражалась в различных формах – денежных выплатах, основой которых являлись поступления от «кружечных» сборов в храмах и по подписным листам, также продуктами, дровами, вещами и что важно – трудом добровольцев в сельскохозяйственных работах и призванием детей в приютах. Успехи церковных попечительств во многом зависели от грамотного и компетентного руководства священниками приходскими советами. Помимо материальной составляющей, важной сферой деятельности на приходах являлось патриотическое воспитание детей защитников Отечества, представлявшее основу их духовно-нравственного становления. Попечительские советы на своем низовом уровне способствовали консолидации православных приходских общин и организаций на основе общественной благотворительности во имя главных целей государства в условиях беспощадной войны. Данная сфера деятельности характерна для периода до февральских событий 1917 г., после которых церковь столкнулась с новыми вызовами, повлиявшими на нее как на социальный институт крайне негативно. Те события были связаны с узаконением свободы совести, то есть освобождением мирян от обязательных церковных обрядов и таинств, изъятием у церкви церковно-приходских школ, и самым разрушительным стал факт перехода власти в приходах в руки мирян. Все эти факторы привели к серьезному ослаблению духовного влияния церкви на российское общество, но данные вопросы не входят в рамки нашей работы, так как требуют специального исследования.

Таким образом, анализ благотворительной деятельности Астраханской и Саратовской епархий в 1914–1916 гг. посредством приходских попечительских советов показал, что они принимали активное участие в поддержке государства, брали на себя обязанность и значительные расходы по оказанию существенной материальной, вещевой и продуктовой помощи семьям фронтовиков, но также по поддержанию их морального духа в лютую пору военных событий.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Астраханские епархиальные ведомости. 1915. № 11, 14; 1916. № 23.
2. Волго-Донской край. 1915. 30 июля. С. 3.
3. Всеподданнейший отчет Ober-прокурора Святейшего синода по Ведомству православного исповедания за 1914 г. Пг., 1914. 144 с.
4. Гусева Т. М., Михалкович Н. Ю. Социальное служение православной церкви на территории Пензенской епархии в годы Первой мировой войны // Центр и периферия. 2024. Т. 19, № 3. С. 43–49.
5. Деятельность попечительных советов по Ведомству православного исповедания // Известия Верховного совета по призрению семей лиц, призванных на войну, а также семей раненых и павших воинов. Вып. 1–4, 6. Пг.: Гос. тип., 1915.
6. Керзум А. П. Романовский комитет для призрения сирот сельского состояния // Благотворительность в Санкт-Петербурге. 1703–1918. СПб.: Лики России, 2016. С. 518–520.
7. Кучерук И. В. Благотворительная деятельность Астраханской епархии во второй половине XIX – начале XX века // Каспийский регион: политика, экономика, культура. 2017. № 2 (51). С. 19–22.
8. Леонтьева Т. Г. Церковная благотворительность в годы Первой мировой войны // Российская история. 2023. № 4. С. 153–164. DOI: 10.31857/S2949124X23040119
9. Литвинова И. Н., Редькина О. Ю. Общество и Православная Церковь в тыловой провинции периода Первой мировой войны (на материалах г. Царицына Саратовской губернии) // Вестник ПСТГУ. Сер. II: История. История Русской Православной Церкви. 2018. Вып. 82. С. 68–83. DOI: 10.15382/sturII201882.68-83
10. Обзор деятельности Ведомства православного исповедания за 1915 год. Пг.: Синод. тип., 1917. 145 с.
11. Положение о призрении нижних воинских чинов и их семейств // Собрание узаконений. 1912. 10 июля. Отд. 1. Ст. 1198.
12. Пядышев Д. Цены и жалования в царской России. URL: <https://dzen.ru/a/YlgtA7oNQjr-ynrs>
13. Рылова Н. Е., Лобова В. В. Донское отделение Комитета Великой княгини Елизаветы Федоровны // Былые годы. 2018, Т. 48, № 2. С. 850–860. DOI: 10.13187/bg.2018.2.850
14. Саратовские епархиальные ведомости. 1915. № 7, 36.
15. Царева Т. В. Социальная деятельность Русской православной церкви в 1914–1915 гг. (на примере Нижегородской епархии) // Локус: люди, общество, культуры, смыслы. 2023. Т. 14, № 3. С. 31–44. DOI: 10.31862/2500-2988-2023-14-3-31-44
16. Церковные ведомости, издаваемые при Святейшем правительствующем Синоде. В II ч. Спб., 1914. 26 июля (№ 30). Ч. 1, 2. С. 348–350.

REFERENCES

1. *Astrakhanskije jeparkhialnyje vedomosti* [Astrakhan Diocesan Sheets], 1915, no. 11, 14; 1916, no. 23.
2. *Volgo-Donskoj kraj* [Volga-Don Region], 1915, July 30, p. 3.
3. *Vsepoddannejšij otchet Ober-prokurora Svjatejšego Sinoda po Vedomstvu Pravoslavnogo ispovedanija za 1914 g.* [Applications. The Most Submissive Report of the Chief Procurator of the Holy Synod on the Department of the Orthodox Confession for 1914]. Petrograd, 1914. 144 p.
4. Guseva T.M., Mihalkovich N.Ju. Socialnoje sluzhenije pravoslavnoj cerkvi na territorii Penzenskoj jeparkhii v gody Pervoj mirovoj vojny [Social Service of the Orthodox Church on the Territory of the Penza Diocese During the First World War]. *Centr i periferija* [Center and Periphery], 2024, vol. 19, no. 3, pp. 43–49.
5. Deyatel'nost' popechitel'nykh sovetov po Vedomstvu pravoslavnogo ispovedaniya [Activities of the Boards of Trustees of the Department of the Orthodox Confession]. *Izvestija Verkhovnogo Soveta po prizreniju semej lic, prizvannykh na vojnu, a takzhe semej ranenyykh i pavshikh voinov. Vyp. 1–4, 6* [News of the Supreme Council for the Charity of Families of Persons Called Up for War, as Well as Families of Wounded and Fallen Soldiers. Iss. 1–4, 6]. Petrograd, Gos. tip., 1915.
6. Kerzum A.P. Romanovskij komitet dlja prizrenija sirot selskogo sostojanija [Romanovsky Committee for the Charity of Orphans of the Rural State]. *Blagotvoritel'nost' v Sankt-Peterburge. 1703–1918* [Charity in St. Petersburg. 1703–1918]. Saint Petersburg, Liki Rossii Publ., 2016, pp. 518–520.
7. Kucheruk I.V. Blagotvoritel'naja dejatel'nost' Astrakhanskoj eparkhii vo vtoroj polovine XIX – nachale XX veka [Charitable Activities of the Astrakhan Diocese in the Second Half of the 19th – Early 20th Centuries]. *Kaspijskij region: politika, ekonomika, kultura* [Caspian Region: Politics, Economy, Culture], 2017, no. 2 (51), pp. 19–22.
8. Leont'jeva T.G. Cerkovnaja blagotvoritel'nost' v gody Pervoj mirovoj vojny [Church Charity During the First World War]. *Rossijskaja istorija* [Russian History], 2023, no. 4, pp. 153–164. DOI: 10.31857/S2949124X23040119

9. Litvinova I.N., Redkina O.Yu. Obshchestvo i Pravoslavnaja Tserkov v tylovoj provintsii perioda Pervoj mirovoj vojny (na materialakh g. Tsaritsyna Saratovskoj gubernii) [Society and the Orthodox Church in the Rear Province During the World War I (Based on the Materials of Tsaritsyn, Saratov Province)]. *Vestnik PSTGU. Ser. II. Istorija. Istorija Russkoj Pravoslavnoj Tserkvi* [St. Tikhon's University Review. Series 2. History. History of the Russian Orthodox Church], 2018, iss. 82, pp. 68-83. DOI: 10.15382/sturII201882.68-83
10. *Obzor dejatel'nosti Vedomstva pravoslavnogo ispovedanija za 1915 god* [Review of the Activities of the Office of the Orthodox Confession for 1915]. Petrograd, Synod. tip., 1917. 145 p.
11. Polozhenije o prizrenii nizhnikh voinskikh chinov i ikh semejstv [Regulation on the Charity of Lower Military Ranks and Their Families]. *Sobranije uzakonenij* [Collection of Legalizations], 1912, July 10, dep. 1, art. 1198.
12. Pjadyšev D. *Ceny i zhalovanija v carskoj Rossii* [Prices and Salaries in Tsarist Russia]. URL: <https://dzen.ru/a/YlgtA7oNQjr-ynrs>
13. Rylova N.Je., Lobova V.V. Donskoje otdelenije Komiteta Velikoj knjagini Jelizavety Fedorovny [Don Branch of the Committee of Grand Duchess Elizabeth Fedorovna]. *Bylyje gody*, 2018, vol. 48, no. 2, pp. 850-860. DOI: 10.13187/bg.2018.2.850
14. *Saratovskije jeparkhialnyje vedomosti* [Saratov Diocesan Sheets], 1915, no. 7, 36.
15. Careva T.V. Socialnaja dejatel'nost Russkoj pravoslavnoj cerkvi v 1914–1915 gg. (na primere Nizhegorodskoj jeparkhii) [Social Activities of the Russian Orthodox Church in 1914–1915 (On the Example of the Nizhny Novgorod Diocese)]. *Lokus: ljudi, obshchestvo, kul'tury, smysly* [Locus: People, Society, Cultures, Meanings], 2023, vol. 14, no. 3, pp. 31-44. DOI: 10.31862/2500-2988-2023-14-3-31-44
16. *Cerkovnyje vedomosti, izdavajemyje pri Svjatejšem Pravitel'stvujushhem Sinode. V 2 ch.* [Church Sheets Published Under the Holy Governing Synod. In 2 Pts.]. Saint Petersburg, 1914, July 26 (no. 30), pt. I, II, pp. 348-350.

Information About the Authors

Irina N. Litvinova, Candidate of Sciences (History), Associate Professor, Department of Pedagogy, Psychology and Social Work, Volgograd State University, Prosp. Universitetskij, 100, 400062 Volgograd, Russian Federation, litvinova@volsu.ru, <https://orcid.org/0000-0002-0611-336X>

Oksana A. Karagodina, Candidate of Sciences (Philosophy), Associate Professor, Department of Pedagogy, Psychology and Social Work, Volgograd State University, Prosp. Universitetskij, 100, 400062 Volgograd, Russian Federation, karagodina@volsu.ru, <https://orcid.org/0000-0002-8337-4942>

Информация об авторах

Ирина Николаевна Литвинова, кандидат исторических наук, доцент кафедры педагогики, психологии и социальной работы, Волгоградский государственный университет, просп. Университетский, 100, 400062 г. Волгоград, Российская Федерация, litvinova@volsu.ru, <https://orcid.org/0000-0002-0611-336X>

Оксана Александровна Карагодина, кандидат философских наук, доцент кафедры педагогики, психологии и социальной работы, Волгоградский государственный университет, просп. Университетский, 100, 400062 г. Волгоград, Российская Федерация, karagodina@volsu.ru, <https://orcid.org/0000-0002-8337-4942>

DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2026.3.14>

UDC 94(470.45):334.736

LBC 63.3(2)613-2

Submitted: 30.03.2026

Accepted: 07.06.2026

HOUSING COOPERATION IN TSARITSYN – STALINGRAD AS A MEANS OF OVERCOMING THE HOUSING CRISIS DURING THE IMPLEMENTATION OF THE NEW ECONOMIC POLICY (1921–1928)

Alena A. Simakova

Volgograd State University, Volgograd, Russian Federation

Abstract. *Introduction.* The article considers the problem of overcoming the housing crisis with the help of housing cooperation in Tsaritsyn – Stalingrad during the implementation of the new economic policy. The intensification of industrial construction in Stalingrad led to the rapid growth of the city's population and, as a result, the actualization of the problem of housing shortages. Under these conditions, cooperative experience was in demand, and in the 1920s, it began to be introduced not only into agriculture, trade, and the financial system, but also into housing and communal services. *Methods and materials.* The introduction of cooperation in the housing sector was of a systemic state nature, which left behind a rich array of documentation. The sources of the study were legislative acts (decrees of the All-Russian Central Executive Committee and the Council of People's Commissars) and paperwork (circulars and instructions of the NKVD and materials of the local executive committee and the city council, deposited in the State Archives of the Volgograd Region and the Center for Documentation of the Modern History of the Volgograd Region) and periodical printing. *Results.* Housing and rental cooperation took over the functions of managing houses, unloading the local communal department. By the end of NEP, up to half of the city's households were transferred to rental cooperatives, which under the new conditions took over the functions of repairing the housing stock and resolving all current economic issues in coordination with local communal departments. Building cooperatives, both civil and workers, were created to directly address the housing crisis. Construction cooperation showed its potential in the construction season of 1924/25, ensuring the commissioning of more than 50% of the new housing stock. In total, during the NEP period, housing cooperatives rebuilt up to 30% of the living space of the total housing construction. The study found that the shortcomings noted in the functioning of the new system were due, inter alia, to the social composition of such associations (often unearned categories), insufficient administration, which gave rise to speculative practices with housing stock, and non-compliance with existing legislative norms. The lack of financial independence of housing cooperation, depending on the subsidies of the communal bank, also narrowed the field of activity of the cooperative system. Despite the existing problems, housing cooperation contributed, to a certain extent, to reducing the severity of the housing crisis and improving the state of the city's housing stock (including by involving initiative groups of the population in resolving current issues). By the end of NEP, housing cooperation, remaining a participant in housing construction in matters of organization and financing, began to significantly yield to departmental state construction. *Funding.* The article was prepared with the financial support of the Ministry of Education and Science of the Russian Federation within the framework of the project FZUU-2026-0006 "Development of methods and algorithms in the field of historical 3D reconstruction and development of technologies for creating virtual excursions."

Key words: housing crisis, housing cooperation, NEP, Tsaritsyn, Stalingrad.

Citation. Simakova A.A. Housing Cooperation in Tsaritsyn – Stalingrad as a Means of Overcoming the Housing Crisis During the Implementation of the New Economic Policy (1921–1928). *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 4. Istoriya. Regionovedenie. Mezhdunarodnye otnosheniya* [Science Journal of Volgograd State University. History. Area Studies. International Relations], 2026, vol. 31, no. 3, pp. 154–163. (in Russian). DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2026.3.14>

ЖИЛИЩНАЯ КООПЕРАЦИЯ В ЦАРИЦЫНЕ – СТАЛИНГРАДЕ КАК СПОСОБ ПРЕОДОЛЕНИЯ ЖИЛИЩНОГО КРИЗИСА В ПЕРИОД РЕАЛИЗАЦИИ НОВОЙ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ПОЛИТИКИ (1921–1928 гг.)

Алена Александровна Симакова

Волгоградский государственный университет, г. Волгоград, Российская Федерация

Аннотация. *Введение.* В статье рассматривается проблема преодоления жилищного кризиса при помощи жилищной кооперации в Царицыне – Сталинграде в период реализации новой экономической политики. Активизация промышленного строительства в Сталинграде обусловила стремительный рост населения города и, как следствие, актуализацию проблемы жилищного дефицита. В этих условиях оказался востребован кооперативный опыт, который в 1920-е гг. стал внедряться не только в сферу сельского хозяйства, торговлю, финансовую систему, но и в сферу жилищно-коммунального хозяйства. *Методы и материалы.* Внедрение кооперации в жилищную сферу носило системный государственный характер, что оставило после себя богатый массив документации. Источниками исследования выступали законодательные акты и делопроизводственная документация, периодическая печать. *Анализ и результаты.* Жилищно-арендная кооперация принимала на себя функции по управлению домами, разгружая местный коммунальный отдел. К концу нэпа до половины домовладений города были переданы арендным кооперативам, которые в новых условиях приняли на себя функции ремонта жилищного фонда и решения всех текущих хозяйственных вопросов при согласовании с местными коммунальными отделами. Строительные кооперативы, как гражданские, так и рабочие, создавались для непосредственного разрешения жилищного кризиса. Строительная кооперация проявила свой потенциал в строительный сезон 1924/25 г., обеспечив ввод более 50 % нового жилого фонда. Всего за период нэпа жилищно-строительными кооперативами было отстроено до 30 % жилой площади от общего объема жилищного строительства. В ходе исследования установлено, что изъяны, отмечавшиеся в процессе функционирования новой системы, были обусловлены социальным составом таких объединений (часто нетрудовые категории) и недостаточным администрированием, что порождало спекулятивные практики с жилым фондом и несоблюдение существовавших законодательных норм. Отсутствие финансовой самостоятельности жилищной кооперации, зависевшей от дотаций коммунального банка, также сужало поле деятельности кооперативной системы. Несмотря на существовавшие проблемы, жилищная кооперация способствовала снижению остроты жилищного кризиса и улучшению состояния жилого фонда города (в том числе путем привлечения инициативных групп населения к разрешению текущих вопросов). К исходу нэпа жилищная кооперация, оставаясь участником жилищного строительства, в вопросах организации и финансирования стала значительно уступать ведомственному государственному строительству. *Финансирование.* Статья подготовлена при финансовой поддержке Минобрнауки РФ в рамках проекта FZUU-2026-0006 «Развитие методов и алгоритмов в области исторической 3D реконструкции и разработки технологий создания виртуальных экскурсий».

Ключевые слова: жилищный кризис, жилищная кооперация, нэп, Царицын, Сталинград.

Цитирование. Симакова А. А. Жилищная кооперация в Царицыне – Сталинграде как способ преодоления жилищного кризиса в период реализации новой экономической политики (1921–1928 гг.) // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 4, История. Регионоведение. Международные отношения. – 2026. – Т. 31, № 3. – С. 154–163. – DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2026.3.14>

Введение. После революции и накануне введения новой экономической политики страна оказалась на грани жилищного коллапса. Существовавший жилой фонд был реквизирован и передавался в руки местных советов, однако механизмов и практики жилищного хозяйствования у молодого советского госу-

дарства не было. С этой целью в рамках уже новой экономической политики была сделана ставка на жилищные кооперативы как воплощение идей коллективизма и один из возможных способов разрешения жилищного кризиса на местах. Проблема жилищного кризиса особенно остро проявлялась в развивавшихся

промышленных центрах, каким становился Царицын – Сталинград в 1920-е годы.

Становление жилищной кооперации в период нэпа получило освещение в контексте изучения жилищного кризиса 1920-х годов. Однако исследования, посвященные непосредственно жилищной кооперации, как фактору и методу преодоления кризиса, появились сравнительно недавно – в последние десятилетия. В работах В.Н. Горлова [11], А.Н. Зуева [34; 35], Р.Ю. Червякова [4], А.Ю. Давыдова [5] детально изучаются процессы становления и развития жилищной кооперации, организационно-правовые формы кооперативных объединений, механизмы их создания и функционирования в масштабах страны.

Региональная историография располагает корпусом работ по жилищному кризису, городскому благоустройству и быту, где упоминается и практика жилищной кооперации. В работах А.О. Тюрина [29], В.А. Чолахяна [3], Т.Н. Кузьминой [13] изучаются на материалах Нижнего Поволжья проблемы бытового и хозяйственного состояния региона в условиях кризиса. На примере Сталинграда тема затрагивается в работах П.П. Олейникова [18], А.В. Луночкина и Е.Л. Фурман [14]. Несмотря на активизацию исследований по проблеме жилищного кризиса, строительства Царицына – Сталинграда в 1920–1930-е гг., кооперативная практика в жилищном строительстве в период нэпа в Царицыне – Сталинграде на сегодняшний день не подвергалась детальному исследованию.

Целью статьи является определение вклада жилищной кооперации в преодоление жилищного кризиса в Сталинграде. Опыт функционирования жилищной кооперации в 1920-е гг. представляет высокий научный и практический интерес. В контексте сохраняющейся социальной значимости жилищной проблемы в Российской Федерации изучение механизмов, выработанных в период нэпа, позволяет использовать исторический опыт взаимодействия государственного, частного и коллективного секторов в современных условиях в сфере решения жилищного вопроса.

Методы и материалы. В настоящем исследовании применялись историко-описательный, историко-генетический, историко-сравнительный методы. Исследование опира-

ется на комплекс источников различных типов. В их числе законодательные акты республиканского и общесоюзного значения, нормативно-правовая документация, представленная инструкциями и циркулярами Народного комиссариата внутренних дел (далее – НКВД). Основу исследования составили документы, отложившиеся в Государственном архиве Волгоградской области (Ф. Р-71, Ф. Р-278), Центре документации новейшей истории Волгоградской области (Ф. 1, Ф. 71): делопроизводственная документация хозяйственных и кооперативных организаций, органов партийно-государственной власти Царицына – Сталинграда. В исследовании также использовались материалы периодической печати, в частности, газета «Борьба», выходившая в Царицыне – Сталинграде с 1917 г., и журнал всесоюзного организационного бюро жилищной кооперации и районных жилищных товариществ Москвы «Жилищная кооперация».

Анализ. Жилищный кризис, охвативший советские города в период восстановления народного хозяйства, особенно острую форму приобрел в развивавшихся промышленных центрах, каким становился Сталинград. В городе с момента реализации новой экономической политики наблюдался стремительный рост численности населения: только с 1923 по 1928 г. число жителей города увеличилось практически на 50 %. Тем временем расширялся и муниципальный фонд города: если в 1924 г. он составлял 142 тыс. м², то к концу нэпа (1928 г.) его площадь достигала 249 тыс. м² (подъем на 75 %) [2, л. 65]. Но отмечавшийся прирост не разрешал жилищный кризис, так как большую часть домов занимали партийные и хозяйственные организации. С учетом частновладельческих построек, средняя жилая норма за период нэпа по городу составляла 4,5–5 м² (а в рабочих районах и менее) [12, л. 38]. Известно, что в 1925 г. около 30 тыс. горожан нуждались в жилье: одни ютились в помещениях, не отвечающих минимальным санитарным требованиям, другие были полностью лишены жилплощади [19, л. 35]. При установленной санитарной норме 8 м² на человека жилищный дефицит в 1925 г. достигал примерно 240 тыс. м² [33, р. 13].

Партийными органами власти кооперация мыслилась как действенный аппарат для

делегирующая снабженческой и хозяйственной деятельности, как инструмент для согласования частных интересов с общегосударственными приоритетами посредством механизма контроля и регулирования. Как форма институционального объединения частного и государственного, кооперация выступала атрибутом новой экономической политики и в вопросах жилищного кризиса. В 1922 г. кооперативным объединениям было предоставлено право застройки, а с 1924 г. жилищно-арендная и строительная кооперация становились ключевым участником преодоления жилищного кризиса [9].

Правовая основа функционирования жилищной кооперации была заложена постановлением ЦИК и СНК от 1924 г. [22], установившим три типа организации: жилищно-арендные (далее – ЖАКТ), рабочие строительные (далее – РЖСКТ) и общегражданские строительные товарищества. Строительство велось на базе договоров о праве застройки с жесткими сроками реализации. Сами же кооперативы наделялись статусом юридического лица, а их капитал формировался за счет паевых взносов до 20 рублей, доходов с имущества и аренды, а также за счет займов [8; 17, р. 58]. Постановление закрепляло социальные гарантии: рабочие сохраняли членство даже при безработице, в отличие от жильцов ведомственных домов. Для кооперативов действовали льготные кредиты (6 % годовых вместо 10 %) и длительные сроки застройки: для каменных зданий они выросли с 49 до 65 лет [21]. Жилищные кооперативы обладали льготами в вопросах снабжения материалами, выделения участков под застройку и освобождении от основной и дополнительной земельной ренты до истечения трехлетнего срока [7]. Помимо этого, вводилось налогообложение нетрудовых элементов, за счет которого создавались специальные фонды, направленные на обеспечение рабочего жилищного кооперативного строительства.

После выхода постановления в 1924 г. в Царицыне появились первые ЖАКТы. К 1925 г. насчитывалось уже 60 объединений, которым было передано в аренду 110 домовладений, но общая площадь этих строений составляла всего 7,2 % от муниципального жилого фонда [15, л. 36]. Руководство самих ЖАКТов строилось

на принципах саморегулирования через общее собрание и правление, которые ведали финансовыми, кадровыми и хозяйственными вопросами. Однако автономия кооперативов была ограниченной: они встраивались в городскую вертикаль власти, где домовладения закреплялись за товариществами, а общее руководство и контроль – за коммунальными отделами советов [30, р. 131].

В период 1924–1928 гг. наблюдалась положительная динамика развития жилищно-арендной кооперации благодаря государственной поддержке и коммунальным органам, предоставлявшим ЖАКТам приоритетное право застройки и льготные условия аренды земельных участков [32, р. 10]. В 1928 г. ЖАКТам было передано 457 домовладений общей площадью 89 425 м², что по отношению к общему объему жилой площади составляло 39,5 % [2, л. 61]. За пять лет количество домов увеличилось более чем в четыре раза. ЖАКТы управляли почти 40 % муниципального жилищного фонда в городе за сравнительно короткий срок реализации политики по кооперированию и стали доминирующей силой в хозяйствовании жильем.

Несмотря на преимущества и стремительный рост ЖАКТов, система отражала и закрепляла социальное неравенство: взносы и платежи создавали финансовый барьер, закрывавший большинству граждан доступ к такому жилью. Известно, что в 1928 г. в Сталинграде членством в ЖАКТах обладали 3 690 человек, но только 30 % из них были рабочими [31, р. 3]. Рабочие неохотно заселялись в ЖАКТы, сосредоточенные преимущественно в центральной части города, поскольку те находились далеко от предприятий. Как следствие, в наиболее хорошо сохранившихся домах чаще оказывались представители номенклатуры и обеспеченные кустари-частники. Жилые помещения ЖАКТов обходились значительно дороже муниципальных: доходность одного квадратного метра составляла 3 руб. [10, л. 25 г.], против 19 коп. в муниципальном фонде [2, л. 63]. В среднем аренда кооперативных квартир рассчитывалась в размере 12–18 руб., что было непосильно для трудовых категорий населения [31, р. 3]. В итоге жилые площади ЖАКТов становились «рассадником» нетрудовых элементов, нередко

пренебрегающих положениями местных коммунальных отделов, пользующихся излишками площадей, спекулирующих ими, что и обусловило регулярные «чистки» в администрации ЖАКТов и различного рода санкции.

Хотя стоимость жилых площадей ЖАКТов была высокой, их доходность оставалась незначительной. В качестве примера можно привести данные о поступлениях от арендной платы 1-го сталинградского ЖАКТа за эксплуатацию двух домовладений в центральной части города в период с 1924 по 1928 год. Если в 1924 г. (на начальном этапе становления жилищно-арендной кооперации) доходы от аренды составляли 168 руб., то в последующие периоды они рассчитывались в размере 3 тыс. руб. в год [27, л. 30], тогда как средняя стоимость ремонта и содержания помещения оценивалась в 3,5 тыс. руб. [24, л. 117]. Проблема накопления оборотного капитала, используемого для содержания помещений, была связана с задолженностями по арендной плате, что стало распространенным явлением в системе жилищно-арендных товариществ. Так, в Ленинграде в 1925 г. домоуправлению пришлось обратиться в суд в отношении одного из неплательщиков, и только после судебного разбирательства удалось добиться его выселения [5, р. 146]. В результате борьба с арендными недоимками сталкивалась с серьезными препятствиями, что негативно сказывалось на прочности финансовой базы.

Несмотря на требования по обязательному ремонту, реальные расходы на эту статью в Сталинграде оставались крайне низкими: в 1925 г. на ремонт кооперативного имущества по всему городу было потрачено 43 500 руб., что составляло около 400 руб. на одно домовладение [2, л. 62]. В последующие годы суммы увеличились, и уже в строительный сезон 1926/27 г. на одно домовладение было затрачено порядка 800 руб. [2, л. 62], однако и это не соответствовало установленным договором требованиям. Даже с учетом роста расходов на ремонт (почти двухкратное увеличение за два года), фактические расходы составляли около 20 % от нормативных требований. Значительная часть арендных поступлений либо направлялась на другие цели, либо распределялась неэффективно, что

неизбежно вело к накоплению отложенных проблем.

Непосредственная роль в преодолении жилищного кризиса отводилась жилищно-строительным кооперативам, демонстрировавшим в Сталинграде высокие темпы строительства. Однако следует отметить, что, по имеющимся данным, в Сталинграде действовали главным образом рабочие жилищно-строительные кооперативы. РЖСКТ были подотчетны не только хозяйственным органам власти, но и заводоуправлениям, что определяло специфику их территориального размещения – в рабочих поселках.

Уже в первый строительный сезон (1925 г.) функционировало девять РЖСКТ [16, л. 10 г.] и было построено 23 614 м², что составило 61,2 % от общего объема строительства [2, л. 62]. Несмотря на впечатляющий старт, кооперативное строительство утрачивало динамику из-за организационных дефектов, дефицита управленческого опыта и низкой активности населения. В строительный сезон 1926/27 г. РЖСКТ было введено в эксплуатацию не менее 29 жилых домов, а всего отстроено 6 037 м² [26, л. 193]. В 1927/28 г. объем несколько вырос и составил около 11 тыс. м², однако в общем массиве строительных работ по городу это составило лишь 25 %. Наглядное сравнение дают данные по Саратову: за период с 1925 по 1927 г. роль жилищно-строительной кооперации оставалась минимальной, а в 1927/28 г. ее силами было отстроено лишь 5 548 м², что значительно ниже показателей сталинградской кооперации, однако это компенсировалось частным строительством [3, р. 66]. Итак, отчетливо прослеживается тенденция к снижению доли кооперативного сектора: к концу нэпа его удельный вес в Сталинграде сократился в два раза.

Жилищно-строительными кооперативами отстраивались преимущественно одноэтажные дома, либо дома-коттеджи. Например, в районе завода «Красный Октябрь» в 1928 г. велось строительство семи таких коттеджей, каждый из которых состоял из трех комнат, кухни, прихожей и внутреннего двора; общая жилая площадь одного дома составляла 39,6 м² [1, л. 25]. В 1926 г. рабочим строительным кооперативом завода «Электролес» было построено восемь одноэтажных домов,

каждый из которых на две квартиры [28, л. 192]. В районе лесного поселка им. Я.З. Ерманова кооперативом было отстроено 4 дома на 12 квартир [26, л. 193]. К таким же практикам обращались московские жилищно-строительные кооперативы, например, товарищество рабочих «Мастижарстрой» отстраивало одноэтажные дома с палисадниками и надворным хозяйством [6, р. 33]. Малогабаритные дома были практичными и экономически оправданными, поскольку строительство такого типа домов позволяло оперативно обеспечивать жильем пайщиков, не требовало значительных объемов строительных материалов и рабочей силы. Это соответствовало ограниченным ресурсным возможностям рабочих кооперативов и позволяло постепенно разрешать жилищную проблему за счет небольших, но достаточно быстро реализуемых строительных проектов.

Для увеличения объемов строительства создавались новые финансовые институты: Центральный коммунальный банк и сеть местных комбанков, кредитовавших в том числе кооперативный сектор. Учрежденный в 1925 г. на средства исполкома царицынский (с апреля 1925 г. – сталинградский) коммунальный банк стал главным инструментом преодоления кризиса: в 1925/26 г. он выделил ЖАКТах кредиты на 84 тыс. руб., причем в дальнейшем объемы финансирования продолжали расти [2, л. 65]. Доля банковских средств в капиталовложениях на строительство и ремонт жилых домов в 1926–1927 гг. достигала 53,7 %, а в дальнейшем ремонтные работы осуществлялись исключительно за счет кредитов. В 1927 г. губернский жилищный союз отчитывался о планируемых кредитах: из общей суммы в 451 809 руб. только 40 209 руб. отходили на собственные средства кооперации [25, л. 20]. Во второй половине 1920-х гг. основная роль в финансировании отводилась специальным фондам и комитетам, среди которых были Комитет содействия строительству рабочих жилищ (далее – Комсод) и Фонд по улучшению быта рабочих (далее – ФУБР). До 75,2 % отводилось на субсидии Комсода в 1925/26 г. и до 43 % – на субсидии ФУБРа в 1926/27 г. [2, л. 65].

Таким образом, деятельность строительной кооперации в значительной степени зави-

села от внешних источников финансирования – займов и субсидий, выдаваемых через структуру коммунального банка. Это было характерно и для других регионов, например, успех строительной кампании Иваново-Вознесенского союза стройкооперации в условиях расширения жилищного строительства напрямую зависел от кредитования [35, р. 66]. Собственные средства кооперативных организаций (оборотный капитал) оставались недостаточными для самостоятельного развертывания масштабного жилищного строительства.

Дефицит собственных ресурсов объяснялся во многом неспособностью большей части населения нести высокие финансовые обязательства. Например, расширение жилищной кооперации рабочего поселка им. С.К. Минина (завода «Электролес») сдерживалось из-за значительного размера выплат – минимальный ежемесячный взнос составлял 15 руб. [20, л. 42], что превышало финансовые возможности большинства рабочих. Заметные изменения наметились лишь к концу нэпа, когда в состав участников строительной кооперации стали активнее вовлекаться рабочие категории.

К 1927–1928 гг., в связи с переходом к директивным методам регулирования, стал сокращаться удельный вес в новом строительстве и ремонтных работах жилищно-арендной и, особенно, жилищно-строительной кооперации. Жилищная кооперация продолжала функционировать, однако главным застройщиком в городах становились промышленные предприятия и местные советы, как оплот строительства нового социалистического быта среди рабочих и служащих [23, р. 796]. Дома, возведенные кооперативами, нередко не соответствовали идеям обобществленного быта, существовала практика спекуляции жилплощадью и низкая рентабельность.

Результаты. Жилищная кооперация в лице строительных и арендных объединений выступала как форма организации и метод преодоления жилищного кризиса в условиях многоукладной экономики периода нэпа. Две функциональные формы кооперации – арендные и строительные по-своему разрешали жилищные проблемы.

Жилищно-арендная кооперация, не устраняя жилищный кризис как таковой, выступала инструментом административной разгрузки:

она обеспечивала децентрализацию управления жилым фондом, перемещая оперативную ответственность за его содержание с местной власти непосредственно на жильцов. На завершающих этапах нэпа жилищно-арендные кооперативы в Сталинграде управляли почти половиной домовладений местного жилого фонда, однако площадь этих объектов оставалась сравнительно небольшой (39,5 %). Структурные слабости кооперативной модели, такие как ограниченность финансовых ресурсов, недостаточная квалификация управленческих кадров, отсутствие действенного общественного контроля, порождали коррупцию и спекуляцию жилой площадью. В условиях хронического жилищного дефицита кооперативы становились не столько инструментом решения социальной проблемы, сколько аренной перераспределения дефицитного ресурса в пользу экономически активных групп населения, что дискредитировало саму идею кооперации.

В непосредственном преодолении жилищного кризиса особое место отводилось жилищно-строительной кооперации, взявшей на себя в первые строительные сезоны инициативу. За пятилетний период (1924–1928 гг.) строительная кооперация ввела в эксплуатацию 57 346 квадратных метров жилой площади, предназначенной преимущественно для ведомственных служащих и граждан с высоким доходом, тогда как рабочие обеспечивались жильем по остаточному принципу. Подобное распределение отражало реальное соотношение сил в кооперативном движении: наиболее организованными оказались те группы населения, которые были связаны с государственными структурами, обладали административными и финансовыми возможностями для поддержки жилищного строительства.

Жилищно-строительная кооперация, даже в условиях нестабильного строительства и колебаний сезонных работ, частично компенсировала дефицит жилья в быстро растущем Сталинграде за счет малогабаритного строительства. Такой подход позволял в кратчайшие сроки удовлетворить потребности пайщика и при этом рационально распорядиться ограниченными ресурсами. Тем не менее ее вклад оставался вспомогательным и не мог полностью удовлетворить потребности города. Нестабильность строительных темпов отражала общие противоречия переходного периода: между декларируемыми целями и реальными возможностями, между потребностями растущего города и ограниченностью ресурсов.

Жилищная кооперация не являлась универсальным способом решения проблемы, однако служила действенным инструментом преодоления жилищного кризиса и занимала видное место в системе жилищного хозяйства. Особенно активно жилищная кооперация участвовала в первые строительные сезоны 1924–1926 годов. Это было обусловлено сочетанием двух обстоятельств: острого жилищного кризиса и наличия свободных частных капиталов, которые государство стремилось мобилизовать для решения социальных задач. Однако по мере развития кооперативного движения в его структуре и деятельности стали проявляться противоречия, вступавшие в конфликт с классовой политикой государства. Кооперативы, формально открытые для производственных категорий населения, фактически обслуживали обеспеченные группы – «нэпманов», служащих, что подрывало идеологическую легитимность системы.

REFERENCES

1. Akt № 3 osmotra domov, otstroennykh RZhSKT «Krasny Oktyabr» v poselke im. A.I. Rykova na ploshchadi 10 oktyabrya. 12 yanvarya 1929 g. [Act No. 3 of the Inspection of Houses Built by the Red October Housing and Construction Cooperative in the A.I. Rykov Settlement on October 10. January 12, 1929]. *Gosudarstvennyy arkhiv Volgogradskoy oblasti* (hereinafter – GAVO) [State Archive of Volgograd Region], f. R-278, dep. 1, d. 108, l. 25-25 r.
2. Akt obsledovaniya zhilogo fonda v Stalinsgrade. Ne ranee 1928 g. [Act of Survey of Housing Stock in Stalingrad. Not Earlier Than 1926]. *GAVO* [State Archive of Volgograd Region], f. R-71, inv. 1, d. 405, l. 61-74.
3. Cholakhian V.A. Zhilishchnye usloviya i blagoustroennost gorodov Nizhnego Povolzh'ya v 1920–1930-kh godakh [Housing Conditions and Amenities of the Cities of the Lower Volga Region in the 1920–1930s]. *Izvestiya*

Saratovskogo universiteta. Novaya seriya. Seriya: Istoriya, Mezhdunarodnye otnosheniya [Proceedings of the Saratov University. New Series. Series: History, International Relations], 2009, vol. 9, no. 2, pp. 64–73.

4. Chervyakov R.Iu. Formirovanie rukovodyashchikh kadrov zhilishchno-arendnykh kooperativov SSSR v 1920–1930-e gg. [Formation of Senior Personnel of Housing and Rental Cooperatives of the USSR in the 1920s–1930s]. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 21. Upravlenie i obshchestvo* [Bulletin of the Moscow University. Episode 21. Management and Society], 2023, vol. 20, no. 3, pp. 109–124. DOI: 10.55959/MSU2073-2643-21-2023-3-109-124

5. Davydov A.Iu. *Kooperatory sovetskogo goroda v gody nipa. Mezhdru «voennym kommunizmom» i sotsialisticheskoy rekonstruktsii* [Cooperative Members of a Soviet City During the NEP. Between “War Communism” and Socialist Reconstruction]. Saint Petersburg, Aleteiya Publ., 2011. 216 p.

6. Deyatel'nost zhilishchno-stroitel'nykh kooperativov [Activities of Housing Cooperatives]. *Zhilishchnaya kooperatsiya: dvukhnedel'ny zhurnal Vsesoyuznogo organizatsionnogo byuro zhilishchnoy kooperatsii i rayonnykh soyuzov zhilishchnykh tovarishchestv gor. Moskvy* [Housing Cooperation: A Two-Week Magazine of the All-Union Organizational Bureau of Housing Cooperation and District Unions of Housing Associations in Moscow], 1924, no. 9, pp. 33–35.

7. Dekret TsIK i SNK SSSR «O sodeystvii kooperativnomu stroitel'stvu rabochikh zhilishch» 16 maja 1924 g. [Decree of the Central Executive Committee and the Council of People's Commissars of the USSR “On Promoting Cooperative Construction of Workers' Housing” of May 16, 1924]. *Sobranie zakonov SSSR* (hereinafter – SZ RSFSR) [Collection of Laws of the USSR], 1924, dep. 1, no. 63, art. 636.

8. Dekret VTsIK i SNK RSFSR «O prave zastroyki zemel'nykh uchastkov» ot 14.08.1922 g. [Decree of the All-Russian Central Executive Committee and the Council of People's Commissars of the RSFSR “On the Right to Develop Land Plots” of August 14, 1922]. *SZ RSFSR* [Collection of Laws of the RSFSR], 1922, dep. 1, no. 51, art. 645.

9. Dekret SNK RSFSR «O meropriyatiyakh po provedeniyu v zhizn postanovleniya TsIK i SNK SSSR ot 19 avgusta 1924 goda “O zhilishchnoy kooperatsii”» ot 21 noyabrya 1924 g. [Decree of the Council of People's Commissars of the RSFSR “On Measures to Implement the Decree of the Central Executive Committee and the Council of People's Commissars of the USSR of August 19, 1924 ‘On Housing Cooperation’ ” of November 21, 1924]. *SZ RSFSR* [Collection of Laws of the RSFSR], 1924, dep. 1, no. 89, art. 896.

10. Doklad ob ekonomike i kooperativnoy sisteme gubernii, rabote gubernskogo kooperativnogo soveta. Ne ranee 1927 g. [Report on the Economy and Cooperative System of the Province, the Work of the Provincial Cooperative Council. Not Earlier Than 1927]. *Tsentral'naya dokumentatsiya novoyshykh istorii Volgogradskoy oblasti* (hereinafter – TsDNIVO) [Center for Documentation of Recent History of the Volgograd Region], f. 1, inv. 1, d. 165a, l. 1–48.

11. Gorlov V.N. Klassovaya politika sovetskogo gosudarstva pri stanovlenii i razviti zhilishchnoy kooperatsii v 1920–1930-e gg. [The Class Policy of the Soviet State in the Formation and Development of Housing Cooperation in the 1920–1930s]. *Lokus: lyudi, obshchestvo, kul'tura, smysly* [Locus: People, Society, Cultures, Meanings], 2020, vol. 11, no. 4, pp. 13–29. DOI: 10.31862/2500-2988-2020-11-4-13-29

12. Kratkaya kharakteristika zhilogo voprosa v gorode Stal'ingrade. Ne ranee 1928 g. [A Brief Description of the Residential Issue in the City of Stalingrad. Not Earlier Than 1928]. *GAVO* [State Archive of Volgograd Region], f. R-71, inv. 1, d. 405, l. 36–39.

13. Kuzmina T.N. Zhilishchno-kommunalnoe stroitel'stvo v Nizhnem Povolzh'ye (vtoraya polovina 20-kh – nachalo 30-kh gg. XX v.) [Housing and Communal Construction in the Lower Volga region (Second Half of the 20s – Beginning of the 30s of the Twentieth Century)]. *Izvestiya Samarskogo nauchnogo tsentra Rossiyskoy akademii nauk* [Bulletin of the Samara Scientific Center of the Russian Academy of Sciences], 2009, vol. 11, no. 6, pp. 144–149.

14. Lunochkin A.V., Furman E.L. Stal'ingrad nakanune industrializatsii: sotsialno-kul'turnoe razvitiye i blagoustrojstvo [Stalingrad on the Eve of Industrialization: Social and Cultural Development and Improvement]. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 4. Istoriya. Regionovedenie. Mezhdunarodnye otnosheniya* [Science Journal of Volgograd State University. History. Area Studies. International Relations], 2020, no. 3, pp. 6–20. DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2020.3.1>

15. Materialy k dokladu «Zhilishchny vopros» i deyatel'nost munitsipalnogo zhilishchnogo otdela gubkommunotdela. Ne ranee 1926 g. [Materials for the Report “Housing Issue” and the Activities of the Municipal Housing Department of the Provincial Communal Department. Not Earlier Than 1926]. *GAVO* [State Archive of Volgograd Region], f. R-71, inv. 1, d. 311, l. 36–37.

16. Materialy k ustanovleniyu stoimosti ekspluatatsii edinitsy zhiloy ploshchadi i vozvodimoy novoy kvartplaty po gor. Stal'ingradu (Ne ranee 05.05.1925 g.) [Materials for Establishing the Operating Cost Per Unit of Living Space and the New Rent Being Erected in the City of Stalingrad. No Earlier than May 5, 1925]. *GAVO* [State Archive of Volgograd Region], f. R-278, inv. 1, d. 7, l. 10–10 r.

17. Normalny ustav zhilishchno-stroitelnykh kooperativnykh tovarishchestv [Standard Charter of Housing and Construction Cooperative Associations]. *Zhilishchnaya kooperatsiya: dvukhnedelny zhurnal Vsesoyuznogo organizatsionnogo byuro zhilishchnoy kooperatsii i rayonnykh soyuzov zhilishchnykh tovarishchestv gor. Moskvy* [Housing Cooperation: A Two-Week Magazine of the All-Union Organizational Bureau of Housing Cooperation and District Unions of Housing Associations in Moscow], 1924, no. 2, pp. 57-61.

18. Oleynikov P.P. *Arkhitekturnoye nasledie Stalingrada* [Architectural Heritage of Stalingrad]. Volgograd, Izdatel Publ., 2012. 560 p.

19. Otchet kommunalnogo otdela okruzhnomu ispolkomu ot 22 dekabrya 1928 g. [Report of the Communal Department to the District Executive Committee of December 22, 1928]. *GAVO* [State Archive of Volgograd Region], f. R-71, inv. 1, d. 405, l. 35-35 r.

20. Otchet o rabote prezidiuma rayonnogo soveta pos. im. Minina za period s 1-go oktyabrya 1926 g. po 1-e oktyabrya 1927 g. Ne ranee 1927 g. [Report on the Work of the Presidium of the District Council Named After Minin for the Period from October 1, 1926 to October 1, 1927. Not Earlier tThan 1927]. *GAVO* [State Archive of Volgograd Region], f. R-71, inv. 1, d. 402, l. 39-47.

21. Postanovlenie VTsIK i SNK RSFSR «Ob izmenenii stat'i 71 Grazhdanskogo kodeksa RSFSR» ot 21 noyabrya 1927 g. [Decree of the All-Russian Central Executive Committee and the Council of People's Commissars of the RSFSR "On Amending Article 71 of the Civil Code of the RSFSR" of November 21, 1927]. *SZ RSFSR* [Collection of Laws of the RSFSR], 1927, dep. 1, no. 117, art. 797.

22. Postanovlenie TsIK i SNK SSSR «O zhilishchnoy kooperatsii» ot 27 sentyabrya 1924 g. [Decree of the Central Executive Committee and the Council of People's Commissars of the USSR "On Housing Cooperation" of September 27, 1924]. *SZ SSSR* [Collection of Laws of the USSR], 1924, dep. 1, no. 5, art. 60.

23. Postanovlenie TsIK i SNK SSSR «O zhilishchnoy politike» ot 4 noyabrya 1928 g. [Decree of the Central Executive Committee and the Council of People's Commissars of the USSR "On Housing Policy" of November 4, 1928]. *Direktivы KPSS i sovetskogo pravitelstva po khozyaystvennym voprosam. T. 1. 1917–1928 gg.* [Directives of the CPSU and the Soviet Government on Economic Issues. Vol. 1. 1917–1928]. Moscow, Gos. izd-vo polit. lit., 1957, pp. 796-803.

24. Primerny tip usloviy arendy s ZhAKTami. Ne ranee 1926 g. [Provisional Type of Lease Terms with Housing Offices. Not Earlier Than 1926]. *GAVO* [State Archive of Volgograd Region], f. R-71, inv. 1, d. 322, l. 117-117 r.

25. Protokol № 5 zasedaniya plenuma kommunalnoy sektiі stalingradskogo gorsoвета ot 23 maya 1927 g. [Report 5 of the Meeting of the Plenum of the Communal Section of the Stalingrad City Council of May 23, 1927]. *GAVO* [State Archive of Volgograd Region], f. R-71, inv. 1, d. 357, l. 20-23 r.

26. Svedeniya o zhilstroitelstve po zhilishchno-stroitelnoy kooperatsii stalingradskogo gubzhilsoyuza za 1926 g. Ne ranee 1926 g. [Information on Housing Construction on Housing Construction Cooperation of the Stalingrad Provincial Union for 1926. Not Earlier Than 1926]. *GAVO* [State Archive of Volgograd Region], f. R-278, inv. 1, d. 24, l. 193-201.

27. Svedeniya o postupivshikh dokhodakh i proizvedennykh raskhodov 1-m Stalingradskim ZhAKTom za vremya s 01.08.1924 po 01.04.1928 po ekspluatatsii munvladenii № 4/6 Gogolevskoy i Proletkultskoy ulitse po dannym analiticheskogo ucheta. Ne ranee 1928 g. [Information on Income Received and Expenses Incurred by the 1st Stalingrad Housing and Communal Services for the Period from 01.08.1924 to 01.04.1928 on the Operation of Municipalities No. 4/6 of Gogolevskaja and Proletkultskaja Streets According to Analytical Accounting. Not Earlier Than 1928]. *GAVO* [State Archive of Volgograd Region], f. R-71, inv. 1, d. 405, l. 30.

28. Tablitsa zhilishchnogo stroitelstva za 1926 g. po gubernskomu gorodu. Ne ranee 01.01.1926 [Housing Construction Table for 1926 in the Provincial Capital. Not Earlier Than January 1, 1926]. *GAVO* [State Archive of Volgograd Region], f. R-278, dep. 1, d. 24, l. 192.

29. Tyurin A.O. Zhilishchny vopros v gorodakh Sovetskoy provintsii vo vtoroy polovine 20-kh – 30-kh gg. XX v. (na materiale Nizhnego Povolzh'ya) [Housing Issue in the Cities of the Soviet Province in the Second Half of the 20s – 30s 20th Century (Based on the Material of the Lower Volga Region)]. *Vestnik Rossiyskogo universiteta družby narodov. Seriya: Istoriya Rossii* [Bulletin of the Peoples' Friendship University of Russia. Series: History of Russia], 2006, no. 2 (6), pp. 113-121.

30. Tsirkulyar NKVD № 109 «O sokrashchenii raspredelitelnykh funktsiy zhilishchnykh organov» ot 25 marta 1926 g. [NKVD Circular № 109 "On the Reduction of the Distribution Functions of Housing Bodies" Dated March 25, 1926]. *Byulleten NKVD* [NKVD Bulletin], 1926, no. 10, pp. 131-132.

31. Uspekhi zhilkooperatsii [Success of Housing Cooperation]. *Borba* [Fighting], 1928, Nov. 4 (no. 258 (3250)).

32. Zhilishchnaya kooperatsiya i kommunalnye organy [Housing Cooperation and Communal Authorities]. *Zhilishchnaya kooperatsiya: dvukhnedelny zhurnal Vsesoyuznogo organizatsionnogo byuro zhilishchnoy kooperatsii i rayonnykh soyuzov zhilishchnykh tovarishchestv gor. Moskvy* [Housing Cooperation: A Two-Week

Magazine of the All-Union Organizational Bureau of Housing Cooperation and District Unions of Housing Associations in Moscow], 1924, no. 1, pp. 8-10.

33. Zhilishchnaya ploshchad i novaya stroyka [Housing Area and New Construction]. *Zhilishchnaya kooperatsiya: dvukhnedelny zhurnal Vsesoyuznogo organizatsionnogo byuro zhilishchnoy kooperatsii i rayonnykh soyuzov zhilishchnykh tovarishchestv gor. Moskvy* [Housing Cooperation: A Two-Week Magazine of the All-Union Organizational Bureau of Housing Cooperation and District Unions of Housing Associations in Moscow], 1924, no. 9, pp. 13-15.

34. Zuev A.N. Preodolenie zhilishchnogo krizisa v Rossii v pervye gody sovetskoy vlasti i rol zhilishchno-stroitelnoy kooperatsii [Overcoming the Housing Crisis in Russia in the First Years of Soviet Power and the Role of Housing and Construction Cooperation]. *Vestnik Kostromskogo gosudarstvennogo universiteta* [Bulletin of Kostroma State University], 2019, vol. 25, no. 1, pp. 56-60. URL: https://www.elibrary.ru/download/elibrary_37353095_50270059.pdf

35. Zuev A.N. Rol zhilishchno-stroitelnoy kooperatsii po razresheniyu zhilishchnogo voprosa v Sovetskom Soyuze vo vtoroy polovine 20-kh gg. XX v. (po materialam oblastey Verkhnego Povolzh'ya) [The Role of Housing Construction Cooperation in Resolving the Housing Issue in the Soviet Union in the Second Half of the 1920s (Based on Materials from the Regions of the Upper Volga Region)]. *Istoriya povsednevnosti* [History of Everyday Life], 2018, no. 2 (7), pp. 61-71. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/rol-zhilishchno-stroitelnoy-kooperatsii-po-razresheniyu-zhilishchnogo-krizisa-v-sovetskom-soyuze-vo-vtoroy-polovine-20-h-gg-hh-v-po-materialam/viewer>

Information About the Author

Alena A. Simakova, Postgraduate Student, Department of History and International Relations, Volgograd State University, Prosp. Universitetsky, 100, 400062 Volgograd, Russian Federation, simakova@volsu.ru, <https://orcid.org/0009-0009-6532-9206>

Информация об авторе

Алена Александровна Симакова, аспирант кафедры истории и международных отношений, Волгоградский государственный университет, просп. Университетский, 100, 400062 г. Волгоград, Российская Федерация, simakova@volsu.ru, <https://orcid.org/0009-0009-6532-9206>

DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2026.3.15>

UDC 94(470.45)“19”:304

LBC 63.3(2P-4Bor)613-7

Submitted: 24.03.2026

Accepted: 27.06.2026

TRANSFER OF THE CENTER OF THE LOWER VOLGA REGION TO STALINGRAD (1932–1933): PREREQUISITES, CONDITIONS, IMPLEMENTATION

Ekaterina L. Furman

Volgograd State University, Volgograd, Russian Federation

Abstract. *Introduction.* The article examines the process of transferring the capital of the Lower Volga region to Stalingrad and the associated organizational and managerial decisions made during the construction of the new regional center (in the context of the socio-political and economic conditions that had developed in Stalingrad by the early 1930s). *Methods and materials.* The research was carried out relying on traditional methods of historical research (historical-comparative, historical-systemic). A significant part of the documentary base consisted of materials from the office documentation of the state and party authorities of the Lower Volga region (state archives of the Volgograd region) and periodicals of the region under consideration. *Analysis.* The study aims to establish the circumstances surrounding the transfer of the Lower Volga region's capital to Stalingrad and the conditions for the organization and development of the new regional capital. *Results.* On the one hand, the transfer gave impetus to large-scale, multi-million-dollar investments (in housing and utilities, industrial, and infrastructure projects), creating an infrastructure base and inertia for subsequent investments and projects after 1933. On the other hand, under extremely tight deadlines and multitasking, along with a lack of a clear understanding within the administrative apparatus of the depth and scope of necessary infrastructure changes, it led to a chaotic construction and management process, the emergence of a significant budget deficit, and exposed bottlenecks in management practices. *Financing.* This article was prepared with financial support from the Russian Ministry of Education and Science as part of project FZUU-2026-0006 “Development of Methods and Algorithms in Historical 3D Reconstruction and Development of Virtual Tour Creation Technologies.”

Key words: Lower Volga region, Stalingrad, relocation of the regional capital, construction, party and state authorities.

Citation. Furman E.L. Transfer of the Center of the Lower Volga Region to Stalingrad (1932–1933): Prerequisites, Conditions, Implementation. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 4. Istoriya. Regionovedenie. Mezhdunarodnye otnosheniya* [Science Journal of Volgograd State University. History. Area Studies. International Relations], 2026, vol. 31, no. 3, pp. 164–176. (in Russian). DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2026.3.15>

УДК 94(470.45)“19”:304

ББК 63.3(2P-4Bor)613-7

Дата поступления статьи: 24.03.2026

Дата принятия статьи: 27.06.2026

ПЕРЕВОД ЦЕНТРА НИЖНЕ-ВОЛЖСКОГО КРАЯ В СТАЛИНГРАД (1932–1933 гг.): ПРЕДПОСЫЛКИ, УСЛОВИЯ, РЕАЛИЗАЦИЯ

Екатерина Львовна Фурман

Волгоградский государственный университет, г. Волгоград, Российская Федерация

Аннотация. *Введение.* В статье рассматривается процесс перевода центра Нижне-Волжского края в Сталинград и связанные с этим организационно-управленческие решения, осуществляемые в ходе строительства нового краевого центра (в разрезе сложившихся в Сталинграде к началу 1930-х гг. социально-полити-

ческих и хозяйственно-экономических условий). *Методы и материалы.* Научная работа осуществлена с опорой на традиционные методы исследования (историко-сравнительный, историко-системный). Значимую часть документальной базы составили материалы делопроизводственной документации государственно-партийных органов власти Нижне-Волжского края (государственных архивов Волгоградской области) и периодических печатных изданий рассматриваемого региона. *Анализ.* Исследование нацелено на установление обстоятельств перевода центра Нижне-Волжского края в Сталинград и функционирования краевого и городского аппарата управления в условиях масштабирования строительных работ. *Результаты.* С одной стороны, перевод дал толчок к масштабным многомиллионным инвестициям (в жилищно-коммунальные, промышленные, инфраструктурные проекты), сформировав инфраструктурную базу и инерцию для последующих инвестиций и проектов уже после 1933 года. С другой стороны, в условиях крайне сжатых сроков и многозадачности, отсутствия в аппарате управления четкого понимания глубины и объема необходимых инфраструктурных изменений, привел к хаотизации процесса строительства и управления, появлению ощутимого бюджетного дефицита, выявил «узкие» места в управленческих практиках. *Финансирование.* Статья подготовлена при финансовой поддержке Минобрнауки РФ в рамках проекта FZUU-2026-0006 «Развитие методов и алгоритмов в области исторической 3D реконструкции и разработки технологий создания виртуальных экскурсий».

Ключевые слова: Нижне-Волжский край, Сталинград, перевод краевого центра, строительство, партийно-государственные органы власти.

Цитирование. Фурман Е. Л. Перевод центра Нижне-Волжского края в Сталинград (1932–1933 гг.): предпосылки, условия, реализация // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 4, История. Регионоведение. Международные отношения. – 2026. – Т. 31, № 3. – С. 164–176. – DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2026.3.15>

Введение. Вслед за восстановительным этапом 1920-х гг., когда все усилия были направлены на восстановление хозяйственного комплекса, разрушенного в ходе Гражданской войны, в период модернизации Сталинград трансформировался в промышленный центр Нижнего Поволжья – один из 12 советских соцгородов. Изменение роли города, масштабность запущенных к строительству и модернизация существующих крупнейших промышленных объектов потребовали приближения управленческого звена к центру глобальной промышленной стройки Нижнего Поволжья. В статье предпринимается попытка выяснить предпосылки, условия и ход переноса центра Нижне-Волжского края в Сталинград, определить спектр стоявших перед краевыми и городскими органами власти задач и механизмы их реализации.

Историография. В научной литературе проблема перевода центра Нижне-Волжского края в Сталинград в 1932 г. рассматривалась преимущественно в рамках исследований по истории архитектурной мысли и практики воплощения плана реконструкции Сталинграда начала 1930-х гг. в работах П.П. Олейникова [6; 7; 21], Ю.В. Янушкиной [4], в контексте политической борьбы между разными группами партийно-государственных органов власти Нижне-Волжского края в работе

Н.В. Саранцева и А.А. Ракитина [22]. Между тем самостоятельные исследования, которые раскрывали бы этапы перевода краевого центра в Сталинград, особенности краевого строительства в контексте социально-экономических условий, сложившихся в Сталинграде в начале 1930-х гг., на сегодняшнем этапе отсутствуют.

Методы и материалы. Научная работа состоялась с опорой на традиционные методы исследования – историко-сравнительный, историко-системный. В процессе работы привлекались источники, сосредоточенные в Государственном архиве Волгоградской области, в фонде Нижне-Волжского крайисполкома (Ф. Р-313), Сталинградского городского совета рабочих, крестьянских и красноармейских депутатов (Ф. Р-71), Центре документации новейшей истории Волгоградской области, в фонде Сталинградского городского комитета ВКП(б) (Ф. 71). Основу документов составили материалы делопроизводственной документации органов партийно-государственной власти региона, а также материалы периодической печати.

Анализ. За годы первой пятилетки крупнейшие города Нижнего Поволжья стали средоточием промышленного строительства. Валовой объем промышленной продукции, произведенной в крае в 1931 г., в ценовом вы-

ражении составил 600 млн руб., что было больше, чем в 1930 г. на 64 % [14, Jan. 12, 1932, № 10 (1120)]. Устойчивый рост демонстрировал и сельскохозяйственный сектор – в 1931 г. посевная достигла 9 298 500 га (рост на 29 % по сравнению с 1929 г.) [14, Jan. 12, 1932, № 10 (1120)], завершался процесс коллективизации крестьянских хозяйств (87,6 %). По производству качественных сталей Нижне-Волжский край, и в первую очередь Сталинград, вышел на лидирующие позиции в стране – в 1931 г. на край приходилось $\frac{1}{6}$ всей стали, производимой в СССР [14, Jan. 14, 1932, № 11 (1121)].

Рост промышленного сектора в Сталинграде (Сталинградский тракторный завод (СТЗ), в южной части города – СталГРЭС, Судоверфь, модернизированные «Красный Октябрь», «Баррикады») привел к стремительному увеличению численности рабочих, в первую очередь в радиусе строительства флагманов первой пятилетки (в районе СТЗ с 1929 г. к 1931 г. с 3 600 до 25 800 чел.) [3, p. 161].

В сложившихся условиях трансформации Сталинграда в промышленный центр Нижнего Поволжья, в «образцовый социалистический город» (один из 12 советских соцгородов), ставился вопрос о целесообразности дальнейшего отрыва краевого руководства от основного промышленного центра. В новых условиях Саратов мыслился, в большей мере, как академический центр. Новый импульс развитию прежнего краевого центра должно было придать строительство Саратово-Миллеровской железной дороги для связи города с восточными регионами страны [14, Jan. 14, 1932, № 11 (1121)].

За обретение Сталинградом роли столицы Нижнего Поволжья еще в период формирования Нижне-Волжской области (позже края) активно выступали лидеры партийно-государственных органов власти Сталинграда (секретарь губкома ВКП(б) В.В. Птуха и председатель губисполкома М.Ф. Болдырев). Тогда данную идею по ряду причин реализовать не удалось. По мнению исследователя Н.В. Саранцева, уже будучи лидером краевой партийной организации, В.В. Птуха во многом поспособствовал принятию решения о переносе столицы Нижне-Волжского края в Сталинград [22, pp. 142-143, 200-204]. Этот вопрос обсуждался на третьем пленуме Нижне-

Волжского крайисполкома. Решение крайисполкома о переносе краевого центра из Саратова в Сталинград было принято 7 января 1932 г., с соответствующим представлением президиум Нижне-Волжского крайисполкома обратился во Всероссийский центральный исполнительный комитет (ВЦИК РСФСР) и 10 января 1932 г. была получена телеграмма – президиум ВЦИК утвердил принятое краевыми органами власти решение [14, Jan. 14, 1932, № 11 (1121); 17, l. 258].

13 февраля 1932 г. начала свою работу комиссия по переводу краевого центра из Саратова в Сталинград (в составе председателей двух горсоветов, членов президиума Нижне-Волжского крайисполкома). Постановления комиссии под руководством Евгения Эдуардовича Фрешера, секретаря Нижне-Волжского крайкома ВКП(б), являлись обязательными для исполнения краевыми и городскими организациями [14, Febr. 20, 1932, № 42 (1152)]. Далее будет сформирована городская строительная комиссия в составе партийно-советского руководства города и общественных организаций для контроля и дальнейшей координации строительных работ в новом краевом центре [19, l. 63-65 г.].

Проблема трансформации Сталинграда в краевой центр, в образцовый социалистический город Нижнего Поволжья, предполагала изменение внешнего облика города, его системную перестройку и осложнялась тем, что системного планирования и проектной застройки до начала 1930-х гг. город не знал, строительство ранее осуществлялось зачастую хаотично. В разных частях растущего Сталинграда регулярно появлялись самовольные застройки, искажавшие облик города [9, l. 294]. Не решенной оставалась проблема жилищного строительства – по мере роста городского населения «душевая» норма системно снижалась, достигая в рабочих густонаселенных районах 2,5–3,5 кв. м на человека (в 1931 г. в районе Металлогорода) [20, l. 78, 101 г. – 102], остро проявлялась проблема водоснабжения – прокладка единой системы водопровода для города, растянувшегося вдоль Волги на десятки километров, становилась слишком дорогим проектом. В 1931 г. в отдельных районах города (в первую очередь рабочих) на человека приходилось не более

9 л воды в сутки, при санитарной норме в 60–80 л [20, л. 79, 250].

Новому краевому центру Нижнего Поволжья требовалось расширение транспортной сети (наибольшую нагрузку испытывали трамвайные линии). Из общей площади городских улиц (11 млн кв. м) в 1930 г. было замощено только 5 %, проложено тротуаров – 4,9 %, имеющиеся мостовые были изношены на 50 % [20, л. 104]. Не решенной оставалась проблема электрификации города, сеть канализационных труб была построена еще до революции и охватывала только центральную часть города, на окраинах и включенных в черту города районах канализация отсутствовала полностью, город испытывал катастрофический дефицит зеленых насаждений [20, л. 79 г.].

Между тем реализация запланированного грандиозного строительства (в рамках концепции Л.М. Сабсовича, Н.А. Милютина [4, р. 67], положенной в основу плана реконструкции Сталинграда 1930 г. (разработка Гипрогора)) столкнулась с целым рядом проблем.

Сталинградский краевой институт по планировке городов и населенных мест (далее – крайпрогор), по соглашению со сталинградским горсоветом взявший на себя обязательство по производству всех работ «по размещению краевого центра и соответствующего жилищного и культурно-бытового строительства в городе», должен был предоставить горсовету к 1 марта 1932 г. основные «показатели к детальной планировке и застройке Сталинграда в границах “старого города” и проект госзадания на полный объем работ» [5, л. 10]. В итоге из-за недостатка квалифицированных кадров и крайне сжатых сроков крайпрогор сконцентрировался на проектах надстроек к существующим зданиям. Надстройка зданий, имевших соответствующие конструктивные характеристики, на один или два этажа, рассматривалась в качестве одного из вариантов быстрого ввода в эксплуатацию административного и жилищного фонда в городе. К надстройкам были запланированы здания в так называемой административной (центральной) части города и в Зацарицынской (современный Ворошиловский район г. Волгограда).

В первую очередь должен был надстраиваться 2-й Дом советов на два этажа (учеб-

ная часть авиашколы, прилежавшей к Площади павших борцов революции) и бывший дом Сталинградстроя [14, Febr. 20, 1932, № 42 (1152)]. Площадь запланированных в центральной части города надстроек составляла 15 тыс. кв. м [14, Mar. 6, 1932, № 55 (1165)]. На площади Павших борцов революции под снос шел квартал домов по ул. Гоголевской (напротив гостиницы «Люкс»), где строилось здание 2-й гостиницы («Большая Сталинградская») [14, Febr. 20, 1932, № 42 (1152)]. К числу ударных объектов были отнесены дом краевого финансового управления (далее – крайфу), дом Госбанка по ул. Волгодонской, торговый корпус № 9, а также надстройка 2-го Дома советов и шесть надстраиваемых домов в Зацарицынской части Сталинграда. Работы планировалось завершить к 25 июля 1932 г. [14, Mar. 1, 1932, № 51 (1161)].

В соответствии с планом, разработанным привлеченными к проектированию города ленинградскими архитекторами, центр тяжести краевого строительства должен был быть смещен в район площади 9 января (площадь им. В.И. Ленина), где было запланировано строительство, кроме ряда крупных жилых домов, Дома промышленности, здания Госбанка, двух домов крайисполкома, домов Объединенного государственного политического управления (далее – ОГПУ), краевого земельного управления (далее – крайзу), краевого союза потребительских союзов (из двух корпусов, жилого и административного по проекту арх. В. Кочадамова, проект остался не реализован, в 1938 г. было построено здание облпотребсоюза, ныне известное как Дом сержанта Павлова) [14, Apr. 2, 1932, № 77 (1187); 18, л. 71 г.; 21, р. 39]. Но ключевым архитектурным объектом на этом участке должен был стать гигантский Дом советов, где планировалось разместить все отделы крайисполкома. Дом по проекту должен был иметь спуск на набережную Волги и 8 этажей только в средней части здания (проектные затраты на строительство большого Дома советов / Дворца советов составляли 4 млн руб.). Проект так и не был реализован, был вырыт котлован и работы остановлены [13, л. 7; 14, Oct. 20, 1933, № 242 (1653)].

Прежде чем дать старт строительным работам, все переезжающие организации дол-

жны были заключать договоры: со сталинградским горсоветом – на площади для строительства или надстроек, с крайпрогором на проекты надстроек, со 2-м стройтрестом, проводившим основные строительные работы в городе, на осуществление строительных работ, с поставщиками – на стройматериалы [14, March 6, 1932, № 55 (1165)]. Однако к началу марта 1932 г. не было заключено ни одного договора с заказчиками строительства, представители застройщиков не выехали в Ленинград для заключения договоров с ленинградскими архитекторами. Краевой союз профессиональных союзов (далее – КСПС) был единственной организацией, которая на начало марта 1932 г. заключила договор на строительство Дворца труда.

В краевой «Поволжской правде» по этому поводу отмечалось: «Многие думают, что весь переезд заключается в том, чтобы упаковать дела учреждений и на завтра начать работать в другом городе. Чтобы не допустить перебоев в работе краевых организаций, Сталинград должен подготовиться к приему их. Сталинград, в прошлом уездный купеческий городишко Царицын, должен быть превращен и превращается в образцовый социалистический город» [14, Apr. 17, 1932, № 90 (1210)].

Размещение краевых работников предполагалось в первую очередь на территории «старого города», в результате те дома, которые попадали под категорию домов «краевого назначения», подлежали скорейшему расселению, «хибары», оказавшиеся в зоне застройки в связи с переносом краевого центра, также попадали под снос. Всеми работами по расселению жильцов из квартир «краевого назначения» и изысканию жилплощади для краевых сотрудников и жильцов расселяемых домов занимался сталинградский городской отдел коммунального хозяйства (далее – горко) с опорой на отделы горсовета, райсоветы, жилищную тройку (в составе руководителя горко, сотрудников контрольной комиссии рабоче-крестьянской инспекции (горКК-РКИ), прокуратуры и городской профсоюзной организации, решения которой приравнивались к постановлениям горкома партии и президиума горсовета) [14, Febr. 20, 1932, № 42 (1152)].

По плану горко для краевых работников и переселяемых жильцов требовалось

1 500 комнат (на первом этапе), из которых 400 необходимо было предоставить краевым учреждениям к 1 апреля 1932 г. [18, l. 71 г.], 400 комнат сталинградский горсовет выделял переезжающим краевым работникам из освобожденных под переселение домов и 700 комнат к середине мая 1932 г. должна была дать надстройка домов [14, Mar. 1, 1932, № 51 (1161)].

Учреждения и небольшие предприятия межрайонного значения, напрямую не связанные с городом по характеру своей деятельности, в ускоренном темпе выселялись в Дубовку или на территорию бывшего Красноармейского района (Постановлением ВЦИК РСФСР от 20.10.1931 г. район ликвидировался с разделением его территорий между смежными Ленинским, Котельниковским, Сталинградским районами и Калмообластью) [10].

Всем заводоуправлениям, руководителям советских и хозяйственных организаций не позднее 25 марта 1932 г. следовало освободить и передать в распоряжение горко намеченную по плану расселения жилплощадь за счет «более жесткого уплотнения учреждений». Руководству СТЗ, «Красного Октября», «Баррикад», Судверфи, СталГРЭСа, Энергостроя и других заводов и предприятий, а также председателям райсоветов в декадный срок предписывалось предоставить квартиры тем рабочим, которые занимали жилплощадь в жилищно-арендных кооперативных товариществах (далее – ЖАКТах) и домах жилищного треста Сталинграда (далее – Жилтрест) в районах «старого города» [18, l. 71 г.; 21, p. 39].

В качестве компенсации для ЖАКТов и домовладельцев, лишившихся жилья, планировалось строительство 20 двухэтажных каркасных деревянных домов на 640 комнат (9 000 кв. м) [18, l. 71 г.]. Рабочие и специалисты предприятий, проживавшие в центре города, должны были переселяться непосредственно к месту работы [18, l. 203]. В процессе ускоренного уплотнения и выселения жителей было допущено значительное количество нарушений. Так, на отдельные семьи из 3–5 человек предоставлялись комнаты 6–10 кв. м, в полуподвальных сырых помещениях, сараях и летних кухнях, на одну семью могли предоставить две комнаты, но расположенные в разных домах. Тем не менее из

77 жалоб, поданных от жильцов, только 24 были удовлетворены [18, л. 167-167 г.].

На исходе первой декады апреля 1932 г. в рамках краевого строительства было выполнено только 2 % от общего объема капиталовложений (36 % строительной программы 2-го стройтреста) [18, л. 146 г. – 147]. К 20 апреля у 2-го стройтреста была только общая схема расположения участков и план ответственного участка первого квартала краевого центра, включавший улицы Ташкентскую, Пермскую, Казанскую (так называемые Балканы – современная центральная часть города от пл. Ленина до ул. Бакинской) и участок № 4 по улицам Республики, Пензенской, Нижегородской и Киевской, где планировалось строить три дома по 12 тыс. куб. м [14, Арг. 17, 1932, № 90 (1210)].

Между тем новый краевой центр должен был принять и разместить почти 200 краевых учреждений и около 4 тыс. краевых работников (первая партия), не считая членов семей, но фактически к приезду краевых учреждений строительные организации только заканчивали ремонт бывшего Дворца труда (усилиями управления коммунального строительства), помещения школы летчиков и Сталинградодежды, «образцового общежития работников краевых организаций» [1, July 2, № 151 (4328)].

В условиях фактического срыва сроков ввода в строй новых зданий и надстроек к уже существовавшим, затруднений по линии уплотнения жилфонда сталинградский горком ВКП(б) поставил вопрос о пересмотре решения Нижне-Волжского крайкома ВКП(б) о переводе краевого центра во второй половине мая 1932 года. Наиболее реальным сроком для перевода краевого центра (учитывая выполнение планов строительства) назывался октябрь – ноябрь 1932 г. [18, л. 32 г. – 33]. В итоге переезд крайцентра был сдвинут, но несущественно, что кардинальным образом не меняло ситуацию. Несмотря на целый комплекс нерешенных проблем, часть организаций и сотрудников должны были переехать в Сталинград к середине мая 1932 г., другая – в первой-второй декаде июля и основной корпус ключевых учреждений 15 июля 1932 года.

Одними из первых в Сталинград прибыли сотрудники организаций, обеспечивавших

краевое строительство – крайпрогора, краевого коммунального банка (далее – крайкомбанк), краевого коммунального управления, краевого союза жилищной кооперации. 30 июня из Саратова в Сталинград по Волге отправлялись работники краевого отдела здравоохранения. В этот же день городской отдел здравоохранения (далее – горздрав), лечебные учреждения Сталинграда и прибывшие ранее сотрудники крайздрава (далее – крайздрав) вышли на субботник по уборке помещений для размещения прибывающих. 2 июля 1932 г. была организована торжественная встреча приезжающих [1, July 2, № 151 (4328)]. В ночь на 7 июля 1932 г. в город прибывало краевое управление милиции и крайпрокуратура (сотрудников разместили в развернутом в Зацарицынской части Сталинграда общежитии на 40 чел., также было выделено 7 номеров в гостинице «Москва», три квартиры в горотделе милиции) [1, July 8, № 156 (4333)]. 9 июля в Сталинград на пароходе «Повелитель бурь» прибыло крайзу [1, July 10, № 158 (4335)].

14 июля 1932 г. в Сталинград отправились 62 сотрудника Нижне-Волжского крайисполкома (без членов президиума), 85 сотрудников крайкома ВКП(б) (без членов бюро), от крайкома ВЛКСМ – 28 чел., 16 июля выехали сотрудники краевой контрольной комиссии рабоче-крестьянской инспекции (далее – КК-РКИ) – 64 чел., 18 июля – работники краевой плановой комиссии (далее – крайплан) и управления народно-хозяйственного учета – 132 чел. [26, л. 10].

Переезд краевого центра в Сталинград с воодушевлением описывался на страницах краевого издания «Поволжская правда»: «Вчера (15 июля 1932 г.) на пароходе “Николай Янсон” в Сталинград прибыли крайком ВКП(б) и крайисполком. Начиная с четырех часов вечера вверх по Волге вышли пароходы и баркасы с рабочими делегациями Тракторного, “Красного Октября”, водников и др. <...> На борту “Николая Янсона” на красной ленте четко выведен лозунг: “Городу Сталина, промышленному центру края – большевистский привет”. Вся набережная заполнена делегациями рабочих фабрик и заводов...» [14, July 16, 1932, № 163 (1273)].

Вечером этого же дня в городском театре состоялся торжественный пленум гор-

совета. На пленуме выступали представители партийно-государственных органов власти краевого уровня (председатель крайисполкома Н.К. Козлов, секретарь краевого комитета ВКП(б) В.В. Птуха и др.), открывал заседание председатель сталинградского горсовета А.Я. Гринштейн.

Наибольшее внимание уделялось отправке документации краевых учреждений. В особом режиме перемещалась секретная, особо секретная и мобилизационная делопроизводственная документация – исключительно через отдел связи полномочного представительства ОГПУ. Часть документов спецчастей организаций, не подлежащих длительному хранению, уничтожалась особой комиссией при участии представителя спецотдела ПП ОГПУ по Нижне-Волжскому краю [16, л. 89-90].

Согласно плану, разработанному в июне 1932 г. краевой комиссией по переводу краевого центра совместно с партийно-государственными организациями Сталинграда, организации «первого уровня» (президиум Нижне-Волжского крайисполкома, крайком ВКП(б), крайком ВЛКСМ, крайком РКК, крайплан) следовало разместить в здании бывшей учебной части авиашколы. Отдельно размещалось на ул. Ленинской, 12 краевое управление прокуратуры, крайсуду было запланировано выделить помещения фабрично-заводского училища текстильной промышленности с обязательством организации общежития для сотрудников на 20–30 коек (в противном случае помещение могло быть изъято). Самым приемлемым вариантом размещения краевых учреждений, в условиях отсутствия свободных площадей, стало их объединение с родственными профильными городскими организациями, например, аппарат ОГПУ размещали в 30-м квартале в помещении сталинградского оперативного сектора, краевое финансовое управление совместно с городским финансовым отделом Сталинграда, крайоно с городским отделом народного образования, крайздрав совместно со сталинградским горздравом и т. д. [18, л. 228 г. – 229; 14, June 18, 1932, № 140 (1250)].

Также под общежития краевых управлений передавались студенческие общежития и учебные корпуса училищ и вузов Сталингра-

да, номера в гостиницах города («Россия», «Турист», «Москва») [18, л. 228 г. – 229; 14, June 18, 1932, № 140 (1250)]. С целью изыскания пригодной для размещения краевых организаций площади в мае 1932 г. в горсовет был представлен список учебных заведений Сталинграда (в списке, среди прочих учебных заведений (21), значились детдома, детские изоляторы). Интерес в первую очередь представляли организации, находившиеся в «старой» части города, обладавшие наибольшим фондом «пригодной» площади [25, л. 13].

Так, например, из Сталинграда в Дубовку была перемещена совпартшкола, в связи с переводом в краевой центр филиала института красной профессуры. В итоге значительная часть студентов перестала посещать занятия, что привело к отсеву и угрозе срыва плана приема на новый учебный год [18, л. 178 г., 263 г.].

Выселение учебных заведений из своих учебных корпусов и общежитий вызвало ожидаемый ажиотаж, высказывали свое несогласие с проводимым перемещением в ходе учебного процесса и шефские организации. Так, в ответ на решение о выселении к 1 мая 1932 г. из своего помещения сталинградского энергохимтехникума (в помещении, расположенное на ул. Октябрьской, 26, вселялся крайснаботдел) наркомат тяжелой промышленности (далее – наркомтяжпром) высказал свое категорическое несогласие с принятым сталинградским горсоветом решением: «выселение без предоставления помещения равносильно ликвидации» [8, л. 25-25 г.]. На строительство нового здания на территории химкомбината Сталинграда наркомтяжпромом уже было выделено более 300 тыс. руб., но здание планировалось построить только к концу 1932 г. [8, л. 23].

Между тем не все организации при распределении жилищного фонда и рабочих помещений оказались в равных условиях. В первую очередь жильем обеспечивались работники крайисполкома, крайкома, сотрудники организаций, имевших ключевую роль в проводимых хозяйственно-экономических и социально-политических кампаниях (крайфу, крайснаб). В самом уязвимом положении оказались сотрудники крайоно. Год спустя после перевода краевого центра профессора из Москвы, Ле-

нинграда продолжали «проживать в отделе, где и работали, к столовой не были приписаны» [13, л. 120]. Значительная часть сотрудников, несмотря на неоднократно принимавшиеся на уровне краевых и городских органов власти решения, так и не получили жилья. При этом предложение переселить отдел, работавший в здании школы, в помещение бывшей сапожной мастерской (80 кв. м) на окраине города, воспринималось руководством отдела, как «издевательство» [2, л. 38–46]. Да и сам факт размещения крайоно в помещении школы также грозил санкциями со стороны КК-РКИ, так как школьные здания, согласно правительственному постановлению, должны были использоваться исключительно «под нужды школьно-воспитательной работы» [12].

При этом попытки отдельных предприятий, располагавших свободными средствами, покупать жилье, как в случае с отделением Союзпушнина, сотрудники которого попытались приобрести квартиру за 800 руб., критиковались, как создающие ажиотаж в жилищной сфере [14, July 11, 1933, № 158 (1569)]. Прецедентом, фактически узаконившим практику приобретения жилых домов или квартир организациями для своих сотрудников, стало разрешение на приобретение крайсуду у Госбанка одного восьмиквартирного стандартного дома (строившегося за счет средств Госбанка для своих работников). Шесть квартир планировалось выделить крайсуду и две крайпрокуратуре. Но возможным данный способ стал уже после того, как жилищная проблема сотрудников крайсуда в 1933 г. была озвучена на уровне председателя Верховного суда РСФСР [14, July 15, 1932, № 162 (1272); 13, л. 133 г.].

Последующие, как правило, принимавшиеся на уровне краевых органов власти с многочисленными оговорками (в «виде исключения», «секретно» и т. д.), санкции на приобретение жилплощади для особо дефицитных сотрудников организаций так не смогут в тотально дефицитной жилищной сфере снизить остроту проблемы [13, л. 142, 147, 148]. Уже через год после переезда краевого центра в Сталинград на страницах краевой печати можно было увидеть объявление следующего содержания (апрель 1933 г.): «Нижне-Волжская край-

страхкасса в центре города строит 48-квартирный жилой дом, нуждающиеся в жилых квартирах краевые и городские организации могут принять деловое участие в строительстве. Об условиях можно узнать в крайстрахкассе на ул. Гоголевской, д. 6» [14, Apr. 28, 1933, № 98 (1509)].

Кроме решения жилищного вопроса в ускоренном режиме необходимо было решить и проблему организации общественного питания для сотрудников переезжающих учреждений. До 1 июля 1932 г. горобщепиту Сталинграда следовало обустроить помещение, которое ранее находилось в распоряжении районного потребительского общества, для организации «культурной кафе-закусочной». Помещение, располагавшееся под Домом Советов, до 16 июня освобождалось под распределитель краевого актива [18, л. 228 г. – 229; 14, June 18, 1932, № 140 (1250)].

Актуальной проблемой являлся и вопрос организации отдыха крайпартактива. Новому краевому центру требовался статусный дом отдыха, где могли бы с комфортом отдыхать переехавшие в Сталинград советские и партийные работники. В результате одним из спецобъектов краевого строительства стал дом отдыха крайпартактива в «Латошинском саду». Открыть обустроенный дом отдыха (с собственной пристанью) планировалось к 1 июня 1933 года. Территория будущего дома отдыха «освобождалась» от посторонних построек – лагерей отдыха, школы летчиков (для них подыскивалось новое место в окрестностях Сталинграда). Вследствие важности вопроса непосредственный контроль за строительством был возложен на полномочное представительство ОГПУ (ПП ОГПУ) по Нижне-Волжскому краю (охрану территории дома отдыха также должны были осуществлять сотрудники ОГПУ, включая коменданта, а также сотрудника политуправления) [13, л. 64–64 г.]. Дом отдыха был рассчитан на «крайне ограниченный круг лиц»: члены бюро крайкома ВКП(б), отдельные работники крайисполкома (часть президиума, предположительно, партийная фракция), аппарат правления КСПС и руководство ОГПУ.

Обретение Сталинградом нового статуса краевого центра потребовало скорейшего разрешения давно назревшей проблемы орга-

низации стабильной радио-, телефонной и телеграфной связи центра с районами и городами края. В 1932 г. планировалось установить в Сталинграде не менее 13 тыс. радиоточек, уделяя особое внимание радиофикации крупнейших промышленных районов города [18, л. 32 г. – 33]. 10 мая 1932 г. было заявлено о пуске сталинградской телефонной станции (АТС), но спустя два месяца к приезду основной массы краевых работников телефонная станция практически не работала. В штате АТС не хватало квалифицированных работников, выявилось много недоделок. Отсутствовал телефонный справочник с актуальными номерами. На момент переезда краевых работников связь с предприятиями города отсутствовала, не было связи с экстренными службами [14, July 15, 1932, № 162 (1272)]. К концу лета 1932 г. фактически не были известны ни точные адреса, ни телефоны переехавших в Сталинград краевых учреждений, что не могло не влиять на оперативность принимаемых решений и в целом систему управления в городе и крае [14, Aug. 2, 1932, № 177 (1287); Aug. 22, 1932, № 194 (1304)].

Масштабная строительная кампания, несмотря на инвестиции Центра, очевидно стала большим испытанием для краевого бюджета. В итоге на 1933 г. перешла задолженность в размере 11 200 000 руб., при этом только по 2-му стройтресту объем капиталовложений в строительство на 1933 г. составлял 10 371 000 рублей. В условиях, когда темпы развернутого жилищно-коммунального строительства не должны были снижаться, под сокращение попадали социальные расходы, включая один из наиболее болезненных вопросов – борьбу с детской беспризорностью [27].

Одновременный запуск сразу десятков краевых объектов (заморозка отдельных), перманентные проблемы со строительными материалами, транспортом, обеспечением продовольствием и жильем рабочих и инженерно-технического персонала основных строительных предприятий – далеко не полный круг вопросов, возникших в условиях масштабного краевого строительства. Так, системные проблемы с продовольствием, тяжелые бытовые условия рабочих и ИТР приводили к высочайшему уровню ротации. На исходе

лета 1933 г. на основных строительных объектах Сталинграда имелось рабочих строителей от 25 до 60 % от требуемого контингента [14, Sept. 1, 1933, № 201 (1602); 20, л. 74 г.]. Самый высокий уровень ротации отмечался среди рабочих транспортного отдела 2-го стройтреста (до 70 %), где в бараках процветало пьянство, игра в карты, воровство: «Пьянство среди рабочих 2-го стройтреста, прорабов – это главный бич на строительстве крайцентра» [13, л. 14]. В системе краевого управления дорожного строительства (крайдорстрой) рабочие, строившие одну из главных транспортных магистралей в городе (Центр – СТЗ), по несколько месяцев не получали зарплату (50 руб.), некоторые вынуждены были продавать личные вещи и на вырученные деньги покупать продукты [1, Aug. 2, 1932, № 177 (4354)].

Между тем затруднения в решении продовольственной проблемы на стройках краевого центра являлись лишь частным проявлением острого продовольственного кризиса 1932–1933 гг., требовавшего системных мероприятий. Так, из сводок полномочного представительства ОГПУ по Нижне-Волжскому краю следовало, что за несколько весенних месяцев (март – май) 1933 г. массовый характер приобрели факты опуханий: «значительно возросло число случаев смерти на почве истощения и голода», особенно в крупных городах – Сталинграде, Саратове. В связи с проведением ряда мероприятий по очистке основных промышленных предприятий от «кулацких и социально-чуждых элементов» на улицах городов края наблюдалось большое количество бродячего, нищенствующего элемента («базарные площади Сталинграда, Саратова, Астрахани заполнены им»). В Саратове за период с января по апрель на улицах было найдено 211 трупов, в Сталинграде – 181 [15, л. 98-99].

В этом смысле наибольший запас прочности имели приоритетно финансируемые крупные промышленные предприятия Сталинграда. В бедственном положении оказались рабочие мелких промышленных предприятий и мастерских, рабочие строители, находившиеся вне системы централизованного снабжения. Среди попавших под сокращение строителей на «Красном Октябре»

было зафиксировано свыше 20 случаев опухания [15, л. 98-99]. На этом фоне менялась и криминогенная обстановка в городе. Отмечался как общий рост мелких краж продуктов питания, так и крупных вооруженных бандитских налетов на продовольственные склады. Осложняли криминальную обстановку в городе и бежавшие в крупные города в процессе нажима на «классово чуждые элементы» в деревне зажиточные и кулаки. Всего по Сталинграду во время рейдов было изъято с улиц только в апреле 1932 г. 1 000 человек. Наибольшее число кулаков было обнаружено на СТЗ, Электролесе, аэродроме [24, л. 203-203 г.]. Места заключения в системе краевого управления исправительно-трудовых учреждений (КУИТУ) повсеместно были переполнены [13, л. 128-128 г.].

В Сталинграде в первом из городов Нижне-Волжского края стартовала кампания по выдаче паспортов. Сталинград был отнесен к числу 26 советских городов – «крупнейших пролетарских промышленных центров», где должен был быть установлен особый паспортный режим [14, Aug. 14, 1933, № 186 (1597)]. Выдача паспортов и прописка граждан должны были осуществляться в городе с 1 марта по 15 мая 1933 года. В новых условиях паспортизация рассматривалась, как возможность очистить краевой центр от чуждых элементов. К процессу привлекались старые кадры чекистов, были организованы пункты выдачи паспортов [19, л. 77].

Проблема организации досуга в новом краевом центре также оказалась одной из самых острых. В саду им. К. Маркса ночью и вечером из-за хулиганов было небезопасно, в саду около городского театра были разбиты клумбы, но не было еще ни одной скамейки [14, July 20, 1932, № 166 (1276)]. По сути, единственным местом отдыха в центральной части города был народный сад, где из развлечений стоял кегельбан и аттракцион «Ловля рыбок», организованную в кафе сада «читальню» пришлось закрыть из-за отсутствия работника, духовой оркестр играл лишь изредка. Вечером сад, освещенный фрагментарно (проблемы с электроснабжением в разных районах города так до конца и не удалось решить), оказывался во власти хулиганов [1, July 2, 1932, № 151 (4328)]. Открытым оставался вопрос

организации так называемых баз шестого дня отдыха (турбазы, места отдыха за р. Волгой), которые организовывались с начала 1930-х гг. практически во всех крупнейших промышленных центрах СССР.

К строительству запроектированного парка культуры и отдыха на площади 400 га в конце 1933 г. так и не приступили (бригада московских архитекторов под руководством арх. М.П. Коржева, проектное финансирование 10 млн руб.). Проекты по сооружению парков в центральной части города, на территории Металлогорода были закончены только на 70 % [14, Dec. 4, 1933, № 278 (1689)].

Между тем, несмотря на очевидные трудности в рамках краевого строительства, организации оптимального функционирования краевых и городских органов власти в новых условиях, в Сталинграде за бурлила общественная жизнь. С начала марта 1933 г. Сталинград встречал делегатов краевого съезда колхозников-ударников, который открыл свою деятельность 7 марта приветствием рабочих города. Из разных районов края в Сталинград прибыло около 100 делегатов, которых разместили в клубе им. Воровского, Доме туристов, Доме колхозника [14, Febr. 20, 1933, № 42 (1152); Febr. 24, 1933, № 46 (1457)].

16 июля 1933 г. Сталинград посетил видный представитель международного коммунистического движения, член исполкома Коминтерна Пьер Семар [14, July 16, 1933, № 162 (1573)], 9 августа – писатель А.С. Серафимович [14, Aug. 11, 1933, № 184 (1595)], также в августе 1933 г. стартовала краевая детская спартакиада [14, Aug. 11, 1933, № 184 (1595)]. Открыл свои двери для зрителей краевой драматический театр, первым спектаклем которого стала постановка пьесы Л. Славина театра им. Вахтангова «Интервенция» [14, Sept. 20, 1933, № 217 (1628); Nov. 14, 1933, № 261 (1672)].

Тем временем, по сводкам ОГПУ, и через полгода после перевода краевого центра в Сталинград вопрос целесообразности данного мероприятия продолжал бередить общественность. Часть населения, приехавшего строить новый краевой центр, с воодушевлением включилась в созидательный процесс, но другая часть восприняла данное событие весьма негативно. В этом смысле репрезен-

тативно выглядит высказывание представителя творческой интеллигенции (нередко фрондерствующей): «Забросили нас в этот Сталинград, это и не город, а так, грязная деревня» (художник Зубов), «вот сидим мы в этой дыре, где нет даже приличного ресторана» (писатель Голубев), «идея перевода краевого центра принадлежит крайкому. Умнее ничего не придумали. Говорят, за эту идею попало и Птухе и еще кое-кому. И за дело. Я слышал в партийных кругах обсуждают вопрос о переводе краевого центра обратно в Саратов. Ведь в самом деле, кто будет в Сталинграде жить. Дураков нет. Я думаю, что к зиме все работники уедут обратно в Саратов...» [23, л. 24, 26].

Через несколько лет после старта краевого и областного строительства, как первого этапа крупнейшей административной реформы в СССР, начался процесс разукрупнения сформированных в 1920-х гг. административно-территориальных единиц. Созданные в процессе реформы края и области оказались слишком громоздкими, плохо управляемыми, хозяйственно-экономическая целесообразность в их дальнейшем существовании представлялась высшему руководству весьма спорной. В январе 1934 г. было принято постановление ВЦИК РСФСР «О разделении Нижне-Волжского края на Саратовский край с центром в г. Саратов и Сталинградский край с центром в г. Сталинград (в состав Сталинградского края были включены территории бывших округов – Астраханского, Камышинского, Сталинградского и Хоперского, а также Калмыцкая автономная область (с октября 1935 г. АССР))» [11].

В жилищное строительство Сталинграда за три года (1931–1933 гг.) было вложено 47 млн руб., в коммунальное – более 23 млн руб. [14, Jan. 11, 1934, № 10 (1721)]. На 1934 г. план капиталовложений по жилищно-коммунальному хозяйству составлял 73 млн руб., из которых 41 млн должен был направляться на жилищное строительство, более 22 млн руб. – на коммунальное. В планах в Сталинградском крае было строительство Волго-Донского канала, еще одного нового промышленного гиганта – автомобильного завода, что подразумевало не снижение инвестиций

и внимания центра, в связи с разукрупнением Нижне-Волжского края и выделением Сталинградского и Саратовского краев в самостоятельные административные единицы, а их стабилизацию.

Результаты. Перевод центра Нижне-Волжского края в Сталинград в 1932 г. стал, по сути, очередной вехой административно-территориальной реформы, проводившейся в СССР с начала 1920-х гг., и для города – возможностью усиления модернизационных преобразований в условиях первой пятилетки. Многомиллионные инвестиции в жилищно-коммунальное хозяйство, крупнейшие инфраструктурные проекты, промышленное развитие региона с опорой на передовые архитектурные решения должны были превратить в кратчайшие сроки Сталинград, ставший за годы первой пятилетки крупнейшим промышленным городом Нижнего Поволжья, в административный и культурный центр региона. Перевод краевых учреждений в город, одновременный запуск десятков различных по уровню сложности проектов на определенном этапе привели к хаотизации строительного процесса, что наряду с текущими задачами хозяйственно-экономического развития, а также общими проявлениями социально-экономического кризиса 1932–1933 гг. вело к системному наращиванию бюджетных расходов и в итоге к дефициту бюджета. К моменту разукрупнения Нижне-Волжского края так и не решенной оказалась проблема жилищного дефицита, во многом обусловившая, наряду с продовольственной проблемой, перманентный дефицит рабочих кадров и инженерно-технических специалистов.

В январе 1934 г. Сталинград стал центром более компактного Сталинградского края, при этом очевидное сокращение амплитуды принимаемых решений в рамках нового краевого объединения не привело к симметричному сокращению инвестиций (на территории края развивались промышленные объекты союзного масштаба), что подразумевало не сокращение, а поддержание и возможное наращивание темпов хозяйственно-экономического развития, но уже в условиях оптимизации управленческих решений.

REFERENCES

1. *Borba: gazeta: organ Stalingradskogo gorkoma VKP(b), gorsoвета i gorprofsoвета* [Fighting: Newspaper of the Stalingrad City Committee of the CPSU(b), City Council and City Council], 1932.
2. Dokladnaya zapiska zaveduyushhego Nizhne-Volzhskim krayotdelom narodnogo obrazovaniya Makeeva v Nizhne-Volzhskiy krayispolkom. 25.10.1933 g. [Report of the Head of the Lower Volga Regional Department of Public Education Makeyev to the Lower Volga Regional Executive Committee. Oct. 25, 1933]. *Gosudarstvennyy arkhiv Volgogradskoy oblasti* (hereinafter – GAVO) [State Archive of Volgograd Region], f. R-313, inv. 3, d. 39, l. 38-46.
3. Furman E.L., Lunochkin A.V., Yudina T.V. Stalingrad v konce 1920-kh – nachale 1930-kh gg.: naselenie, zhilishhno-kommunalnoe hozyaystvo, blagoustroystvo goroda [Stalingrad in the Late 1920s – Early 1930s: Population, Housing and Communal Services, City Improvement]. *Ekonomicheskaya Istoriya* [Economic History], 2020, vol. 16, no. 2, pp. 156-166. DOI: 10.15507/2409-630X.049.016.202002.156-166
4. Janushkina Ju.V. *Arhitektura Stalingrada 1925–1961 gg. Obraz goroda v kulture i ego voploshhenie* [Architecture of Stalingrad 1925–1961. The Image of the City in Culture and Its Embodiment]. Volgograd, VolgGASU, 2014. URL: https://vgasu.ru/attachments/oi_yanushkina_01.pdf
5. Komissiya po perevodu krayevogo centra v Stalingrad v prezidium stalingradskogo gorsoвета (Grinshteynu). 23.02.1932 g. [Commission for the Transfer of the Regional Center to Stalingrad to the Presidium of the Stalingrad City Council (To Grinstein). Febr. 23, 1932]. *GAVO* [State Archive of Volgograd Region], f. R-71, inv. 1, d. 589, l. 10.
6. Oleynikov P.P. *Arkhiturnoe nasledie Stalingrada* [The Architectural Heritage of Stalingrad]. Volgograd, Izdatel Publ., 2012. 560 p.
7. Oleynikov P.P. *Mastera arhitektury Stalingrada. Arhitekt Viktor Kochedamov* [Masters of Architecture of Stalingrad. Architect Viktor Kochedamov]. Saint Petersburg, Preserved Culture, 2022. 204 p.
8. Perepiska stalingradskogo gorsoвета s organizatsiyami po voprosu vyseleniya uchebnykh zavedeniy za predely Stalingrada. 01.04–22.05.1932 g. [Correspondence Between the Stalingrad City Council and Organizations Regarding the Relocation of Educational Institutions Outside Stalingrad. Apr. 1 – May 22, 1932]. *GAVO* [State Archive of Volgograd Region], f. R-71, inv. 1, d. 586, l. 23-41.
9. Pismo Stalingradskomu gubkomu Stalingradskiy gorsovet. Sekret. 26.12.1927 g. [Letter to the Stalingrad Provincial Committee of the Stalingrad City Council. Secret. December 26, 1927]. *Tsentr dokumentatsii novyeyshey istorii Volgogradskoy oblasti* (TsDNIVO) [Center of Documentation of the Contemporary History of the Volgograd Region], f. 1, inv. 1, d. 211, l. 294.
10. Postanovlenie VCIK RSFSR «Ob uprazhnenii Krasnoarmeyskogo rayona Nizhne-Volzhskogo kraia» ot 20.10.1931 g. [Resolution of the All-Russian Central Executive Committee of the RSFSR “On the Abolition of the Krasnoarmeysky District of the Lower Volga Region”. Oct. 20, 1931]. *Sobranie zakonov RSFSR* (hereinafter – SZ RSFSR) [Collection of Laws of the RSFSR], 1931, dep. 1, no. 67, art. 482.
11. Postanovlenie VCIK RSFSR «O razdelenii Nizhne-Volzhskogo kraia na Saratovskiy kraj s centrom v g. Saratove i Stalingradskiy kraj (pozzhe oblasti) s centrom v g. Stalingrade» ot 10.01.1934 g. [Resolution of the All-Russian Central Executive Committee of the RSFSR “On the Division of the Lower Volga Region into the Saratov Region with Its Center in the City of Saratov and the Stalingrad Region (Later the Region) with Its Center in the City of Stalingrad.” Jan. 10, 1934]. *SZ RSFSR* [Collection of Laws of the RSFSR], 1934, dep. 1, no. 5, art. 34.
12. Postanovlenie CIK i SNK SSSR «Ob ispolzovanii shkolnykh pomeshcheniy». 07.04.1932 g. [Resolution of the Central Executive Committee and the Council of People’s Commissars of the USSR “On the Use of School Premises.” Apr. 7, 1932]. *SZ SSSR* [Collection of Laws of the USSR], 1932, dep. 1, no. 25, art. 153.
13. Postanovleniya i protokoly zasedaniy byuro frakcii VKP(b) prezidiuma Nizhne-Volzhskogo krayispolkoma. 19.01–21.12.1933 g. [Resolutions and Minutes of Meetings of the Bureau of the All-Union Communist Party (Bolsheviks) Fraction of the Presidium of the Lower Volga Regional Executive Committee. Jan. 19 – Dec. 21, 1933]. *GAVO* [State Archive of Volgograd Region], f. R-313, inv. 3, d. 32. 283 l.
14. *Povolzhskaya Pravda: gazeta Nizhne-Volzhskogo kraevogo komiteta VKP(b), krayispolkoma, kraysovproufa, Saratovskogo gorkoma VKP(b) i gorsoвета* [Povolzhskaya Pravda. Newspaper of the Lower Volga Regional Committee of the CPSU(b), Regional Executive Committee, Regional Trade Union, Saratov City Committee of the CPSU(b) and City Council], 1932–1934.
15. PP OGPU po Nizhne-Volzhskomu krayu v Nizhne-Volzhskiy kraykom VKP(b) (Ptuha), krayispolkom (Ozeryanskomu). Sekret. 13.05.1933 g. [PP of the OGPU for the Lower Volga Region to the Lower Volga Regional Committee of the All-Union Communist Party (Bolsheviks) (Ptukha), Regional Executive Committee (Ozeryansky). Secret. May 13, 1933]. *GAVO* [State Archive of Volgograd Region], f. R-313, inv. 3, d. 41, l. 98-99.
16. PP OGPU po Nizhne-Volzhskomu krayu vsem rukovoditelyam kraevykh uchrezhdeniy, organizatsiy i predpriyatiy. Sekret. Aprel 1932 g. [PP OGPU for the Lower Volga Region to All Heads of Regional Institutions,

Organizations and Enterprises. Secret. Apr. 1932]. *GAVO* [State Archive of Volgograd Region], f. R-313, inv. 3, d. 13, l. 89-90.

17. Protokol № 33D AU 715/14 ot 10 yanvarja 1932 g. «O perevode centra Nizhnevolzhskogo kraja iz g Saratova v g Stalingrad» [Protocol No. 33D AU 715/14 of Jan. 10, 1932 “On the Transfer of the Center of the Lower Volga Region from Saratov to Stalingrad”]. *GAVO* [State Archive of Volgograd Region], f. R-313, inv. 1, d. 68, l. 258.

18. Protokoly zasedaniy byuro stalingradskogo gorkoma VKP(b) № 1-40. 09.01–25.12.1932 g. [Minutes of the Meetings of the Bureau of the Stalingrad City Committee of the All-Union Communist Party (Bolsheviks) No. 1-40. Jan. 9 – Dec. 25, 1932]. *TsDNIVO* [Center of Documentation of the Contemporary History of the Volgograd Region], f. 71, inv. 1, d. 100. 321 l.

19. Protokoly zasedaniy byuro stalingradskogo gorkoma VKP(b) № 41-79. 29.12.1932 g. – 20.12.1933 g. [Minutes of the Meetings of the Bureau of the Stalingrad City Committee of the All-Union Communist Party (Bolsheviks) No. 41-79. Dec. 29, 1932 – Dec. 20, 1933]. *TsDNIVO* [Center of Documentation of the Contemporary History of the Volgograd Region], f. 71, inv. 1, d. 101. 327 l.

20. Protokoly i rezolyucii I–III gorodskoy konferencii VKP(b) g. Stalingrada. 27.05.1930 g. – 21.01. 1932 g. [Protocols and Resolutions of the 1st – 3rd City Conference of the All-Union Communist Party (Bolsheviks) in Stalingrad. May 27, 1930 – Jan. 21, 1932]. *TsDNIVO* [Center of Documentation of the Contemporary History of the Volgograd Region], f. 71, inv. 1, d. 1. 322 l.

21. Ptichnikova G.A., Oleynikov P.P. Arhitektura konstruktivizma i postkonstruktivizma Stalingrada 1930-kh godov: doma specialistov [Architecture of Constructivism and Post-Constructivism in Stalingrad in the 1930s: Houses of Specialists]. *Academia. Arhitektura i stroitelstvo* [Academia. Architecture and Construction], 2025, vol. 1, no. 4, pp. 36-43. DOI: 10.22337/2077-9038-2025-1-36-43

22. Sarancev N.V., Rakitin A.A. *Elita RKP(b) – VKP(b) Saratovskogo regiona. 20–30-e gg. XX v.: istoriko-sociologicheskie aspekty* [Elite of the RCP(b) – VKP(b) of the Saratov Region. 1920s–1930s: Historical and Sociological Aspects]. Saratov, 2009. 236 p.

23. Spetsvodka «O nastroyeniyakh pisateley, khudozhnikov i gazetnykh rabotnikov po Nizhne-Volzhskomu krayu» po dannym SPO PP OGPU. 20.10.1932 g. [Special Report “On the Mood of Writers, Artists and Newspaper Workers in the Lower Volga Region” Based on Data from the SPO PP OGPU. Oct. 20, 1932]. *TsDNIVO* [Center of Documentation of the Contemporary History of the Volgograd Region], f. 71, inv. 3, d. 10, l. 24-26.

24. Spetsvodki sekretno-politicheskogo otdela PP OGPU po Nizhne-Volzhskomu krayu i opersektora OGPU. 19.01–19.05.1932 g. [Special Reports of the Secret Political Department of the PP OGPU for the Lower Volga Region and the OGPU Operations Sector. Jan. 19 – May 19, 1932]. *GAVO* [State Archive of Volgograd Region], f. R-71, inv. 3, d. 53. 252 l.

25. Spisok uchebnykh zavedeniy s ukazaniem zanimayemykh ploshhadi. 02.05.1932 g. [List of Educational Institutions with Indication of the Area Occupied. May 2, 1932]. *GAVO* [State Archive of Volgograd Region], f. R-71, inv. 1, d. 584, l. 13.

26. Spiski rabotnikov Nizhne-Volzhskogo krayispolkoma, perevodimykh v Stalingrad. 04.06–06.07.1932 g. [Lists of Employees of the Lower Volga Regional Executive Committee Transferred to Stalingrad. June 4 – July 6, 1932]. *GAVO* [State Archive of Volgograd Region], f. R-313, inv. 1, d. 1634, l. 10.

27. V prezidium VCIK sov. sekretno Nizhne-Volzhskiy krayispolkom [To the Presidium of the All-Russian Central Executive Committee, Secret, Lower Volga Regional Executive Committee. Aug. 16, 1933]. *GAVO* [State Archive of Volgograd Region], f. R-313, inv. 3, d. 39, l. 24-24 r.

Information About the Author

Ekaterina L. Furman, Candidate of Sciences (History), Associate Professor, Department of History and International Relations, Volgograd State University, Prosp. Universitetsky, 100, 400062 Volgograd, Russian Federation, ekaterina.furman@volsu.ru, <https://orcid.org/0000-0001-7346-295X>

Информация об авторе

Екатерина Львовна Фурман, кандидат исторических наук, доцент кафедры истории и международных отношений, Волгоградский государственный университет, просп. Университетский, 100, 400062 г. Волгоград, Российская Федерация, ekaterina.furman@volsu.ru, <https://orcid.org/0000-0001-7346-295X>

DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2026.3.16>

UDC 94(470.45)“1953/1964”:642.58

LBC 63.3(2Рос-4Вор)632-2

Submitted: 18.12.2025

Accepted: 12.02.2026

DEVELOPMENT OF THE PUBLIC CATERING NETWORK IN STALINGRAD (VOLGOGRAD) IN THE ERA OF “KHRUSHCHEV REFORMS” (1953–1964)

Andrei V. Lunochkin

Volgograd State University, Volgograd, Russian Federation

Abstract. *Introduction.* The purpose of this article is to analyze the development of the public catering network in the city of Stalingrad (Volgograd) in 1953–1964, a time when the social sphere in the USSR was experiencing rapid development. *Methods and materials.* The study utilized special historical methods and the method of quantitative analysis. The article is based on unpublished sources from the archives of the Volgograd Region, as well as periodicals. *Analysis.* The article traces the process of construction and opening of new canteens, cafes, and restaurants, equipping them with modern technological equipment and inventory and introducing new progressive methods of production and service to the population. The activities of the city party and Soviet authorities in implementing the instructions of the central government are shown. Attention is drawn to the objective and subjective difficulties in the development of the public catering network. *Results.* The main task during this period was to increase production capacity – the construction of new canteens, primarily at factories and institutions. Between 1953 and 1964, the Stalingrad (Volgograd) public catering network expanded significantly. The number of establishments of all types nearly doubled, and their seating capacity increased by 3.6 times. Most workers and students were able to receive hot meals on-site. However, a shortage of publicly accessible canteens persisted. To meet the demand for cultural recreation, alongside the construction of new cafeterias, evening restaurants and cafes were opened in large canteens, cafeterias in stores, and vending machines were opened. But the development of specialized cafes lagged. Kitchens began to widely use prepared foods, and all canteens converted to self-service with post-payment. However, a number of innovations (vending machines, take-home lunches, and unattended buffets) failed to catch on and were phased out. *Funding.* The work was carried out with the financial support of the Ministry of Education and Science of the Russian Federation within the framework of the project FZUU-2026-0006, “Development of methods and algorithms in the field of historical 3D reconstruction and development of technologies for creating virtual excursions.”

Key words: public catering, Stalingrad (Volgograd), Khrushchev reforms, canteens, cafes, restaurants.

Citation. Lunochkin A. V. Development of the Public Catering Network in Stalingrad (Volgograd) in the Era of “Khrushchev Reforms” (1953–1964). *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 4. Istoriya. Regionovedenie. Mezhdunarodnye otnosheniya* [Science Journal of Volgograd State University. History. Area Studies. International Relations], 2026, vol. 31, no. 3, pp. 177–187. (in Russian). DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2026.3.16>

УДК 94(470.45)“1953/1964”:642.58

ББК 63.3(2Рос-4Вор)632-2

Дата поступления статьи: 18.12.2025

Дата принятия статьи: 12.02.2026

РАЗВИТИЕ СЕТИ ОБЩЕСТВЕННОГО ПИТАНИЯ г. СТАЛИНГРАДА (ВОЛГОГРАДА) В ЭПОХУ ХРУЩЕВСКИХ РЕФОРМ (1953–1964 гг.)

Андрей Валентинович Луночкин

Волгоградский государственный университет, г. Волгоград, Российская Федерация

Аннотация. *Введение.* Целью настоящей статьи является анализ развития сети общественного питания г. Сталинграда (Волгограда) в 1953–1964 гг., когда социальная сфера в СССР переживала бурное развитие. *Методы и материалы.* Статья основана на неопубликованных источниках из архивов Волгоградской области и на материалах периодической печати. *Анализ.* В статье прослежен процесс строительства и открытия новых столовых, кафе и ресторанов, оснащения их современным технологическим оборудованием и инвентарем, внедрения новых прогрессивных методов производства и обслуживания населения. Показана деятельность местных партийных и советских властей по выполнению указаний центральных органов власти. Обращается внимание на объективные и субъективные трудности в развитии сети общественного питания. *Результаты.* Главной задачей в этот период считалось увеличение производственных мощностей – строительство новых столовых, прежде всего на заводах и в учреждениях. За 1953–1964 гг. сеть общественного питания Сталинграда (Волгограда) значительно выросла. Количество предприятий всех типов увеличилось почти в два раза, а посадочных мест в них – в 3,6 раза. Большинство трудящихся и учащихся получили возможность горячего питания на рабочем месте. В то же время сохранялась нехватка общедоступных столовых. Для удовлетворения спроса на культурный отдых наряду со строительством новых открывались вечерние рестораны и кафе в крупных столовых, кафетерии в магазинах, автомат-закусочные. Однако развитие специализированных кафе отставало. На кухнях стали широко использоваться полуфабрикаты, все столовые были переведены на метод самообслуживания с последующим расчетом. В итоге ряд новаций (обслуживание автоматами, продажа обедов на дом, буфеты без продавца) не прижились и оказались практически свернуты. *Финансирование.* Работа выполнена при финансовой поддержке Минобрнауки России в рамках проекта FZUU-2026-0006 «Развитие методов и алгоритмов в области исторической 3D реконструкции и разработки технологий создания виртуальных экскурсий».

Ключевые слова: общественное питание, Сталинград (Волгоград), хрущевские реформы, столовые, кафе, рестораны.

Цитирование. Луночкин А. В. Развитие сети общественного питания г. Сталинграда (Волгограда) в эпоху хрущевских реформ (1953–1964 гг.) // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 4, История. Регионоведение. Международные отношения. – 2026. – Т. 31, № 3. – С. 177–187. – DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2026.3.16>

Введение. В период хрущевской оттепели (1953–1964 гг.) развитие системы общественного питания занимало большое место в социальной политике СССР. Оно должно было не только обеспечить воспроизводство рабочей силы, но и стать одним из инструментов строительства коммунистического общества, освобождая женщин от ведения домашнего хозяйства [29, с. 553]. В третьей программе КПСС выражалась уверенность, что «общественное питание в течение 10–15 лет сможет занять преобладающее место по сравнению с питанием в домашних условиях» [20, с. 97]. Основные направления его развития были определены постановлениями ЦК КПСС и Совета Министров СССР от 13 октября 1953 г., 1 марта 1956 г. и 20 января 1959 года. Там были названы основные проблемы советского общепита: недостаточное количество предприятий общепита, их малая пропускная способность, однообразный ассортимент и низкое качество блюд, низкая производительность труда из-за плохого оснащения технологическим и холодильным оборудованием. Потому главными задачами в этой

сфере считались рост числа предприятий и количества посадочных мест в них, механизация приготовления пищи, широкое использование полуфабрикатов. Особое внимание обращалось на новые формы организации обслуживания населения [29, с. 282–288, 552–558].

Историография. Развитие общественного питания в СССР привлекает внимание исследователей как одно из направлений социальной политики государства и в рамках изучения «истории повседневности». Так, Д.А. Попов выделил период 1950–1960-х гг. как время масштабного технологического перевооружения отрасли [12]. По мнению Н.Б. Лебиной, хрущевские реформы в общественном питании стали важными инструментами в процессе «деструкции сталинского быта» [7, с. 90]. А.Д. Попова и М.О. Масловский исследовали материалы периодической печати как источник по истории советского общепита [13]. Е.В. Буреева изучала феномен молодежных кафе 1960-х годов [1]. Трудности в внедрении новых форм обслуживания в 3 областях Нижнего Поволжья отметил А.А. Гуменюк [3]. Однако развитие общественного питания именно в Сталин-

раде (Волгограде) еще не становилось предметом специального исследования. Целью настоящей статьи является выяснение процесса развития сети предприятий общественного питания в городе в 1953–1964 гг., укрепления ее материально-технической базы, а также внедрения новых форм обслуживания.

Методы и материалы. В работе над статьей использовались методы: историко-описательный и историко-сравнительный, позволяющий сопоставить успешность развития общепита по различным критериям. При изучении делопроизводственной документации привлекался метод количественного анализа. Автор обращался к неопубликованным источникам из фондов Сталинградского городского комитета КПСС в Центре документации новейшей истории Волгоградской области. Это постановления бюро горкома партии, доклады и справки о состоянии общественного питания. Основной материал содержится в фондах городского управления торговли (далее – ГУТ) исполнительного комитета Сталинградского городского совета народных депутатов (горисполком), 2 городских трестов столовых и областного треста ресторанов и кафе в Государственном архиве Волгоградской области. Это приказы по текущей деятельности, статистические и бухгалтерские отчеты, аналитические записки, результаты проверок и т. п. Привлекались также материалы областных газет «Волгоградская правда» и «Молодой ленинец».

Анализ. В 1953 г. в Сталинграде работало 430 предприятий общественного питания разной ведомственной принадлежности. Однако из этого числа подавляющее большинство (314) было представлено небольшими буфетами и закусочными, а столовых насчитывалось лишь 99. Еще хуже обстояло дело с ресторанами и кафе. Во всем городе имелось 6 ресторанов (из них 3 сезонных), 8 чайных и всего 3 кафе. Сеть общепита Сталинграда располагала 9 693 посадочными местами, что было явно недостаточно для населения города, насчитывавшего уже около 450 тыс. человек [8, с. 134]. В ряде рабочих поселков не имелось ни столовых, ни даже буфетов, а Северный поселок Сталинграда даже попал в текст постановления от 1 марта 1956 г. в качестве отрицательного примера [29, с. 282].

Выполняя указания центральной власти, руководство Сталинграда существенно увеличило внимание к общественному питанию. В первую очередь развернулась работа по строительству новых предприятий. После выхода постановления от 13 октября 1953 г. бюро Сталинградского горкома КПСС приняло решение открыть в 1954–1956 гг. 164 предприятия общепита, из них 7 ресторанов, 42 столовых и чайных, 115 кафе, закусочных и буфетов [22, л. 157–159]. В дальнейшем планы постоянно менялись в сторону увеличения. В соответствии с директивами XX съезда партии, требовавшими увеличить за шестую пятилетку сеть столовых не менее чем на 50 %, Сталинградские горком КПСС и горисполком наметили к концу 1960 г. открыть 150 новых единиц общепита и довести городскую сеть до 556 единиц (из них 200 столовых) [9, л. 92]. Но еще до окончания пятилетки, 20 февраля 1959 г., вышло постановление, где ставилась задача за 1959–1965 гг. удвоить выпуск продукции общепита, для чего требовалось увеличение сети не только путем нового строительства, но и «за счет приспособления пригодных для этой цели зданий, более рационального использования помещений действующих столовых». При строительстве предприятий и учебных заведений наличие столовых становилось обязательным [29, с. 554]. В октябре 1959 г. пленум Сталинградского горкома КПСС принял новую программу развития общепита. До конца 1965 г. предстояло открыть 284 предприятия (в том числе 110 столовых) на 18 230 посадочных мест [35, л. 245].

Реализация этих программ проходила с большими трудностями. Намеченные годовые задания не выполнялись либо совсем (в 1954 г. при плане 41 предприятие было открыто только 29 [26, л. 47]), либо только после авральных мероприятий в самом конце года. В это время в Сталинграде шло масштабное строительство сразу нескольких новых промышленных гигантов, в разных частях города возводились большие жилые массивы, и у строителей просто не хватало работников и материалов на все начатые объекты. Проблемы со строительством столовых возникали даже на заводах, где дирекция не всегда помогала со средствами и рабочими руками. На стройках же общедоступных столовых («открыто-

го» типа) работы велись с постоянными задержками. Не помогало и обязательное выделение для них помещений в нижних этажах жилых домов. В августе 1957 г. горисполком констатировал: «Как правило, помещения предприятий торговли и общественного питания в первых этажах сдаются через много месяцев после заселения жилого дома» [27, л. 12]. Так, кафе «Молодежное» в центре города было открыто в 1963 г., только через 3 года после сдачи строителями жилого дома, на первом этаже которого оно располагалось. Еще хуже обстояло дело со строительством отдельно стоящих зданий. Ресторан «Маяк» на набережной Волги строился более 5 лет и вступил в строй только в 1958 г., причем со значительными недоделками.

Недооценка значения общественного питания наблюдалась не только у строителей, но и у заказчиков – городских властей. В начале 1960 г. развернулась борьба за помещения первых этажей в готовящемся к сдаче комплексе жилых домов в самом центре Сталинграда, на Аллее Героев. Там планировалось разместить 2 столовые и кафе, однако комиссия горисполкома заменила их на ателье художественной вышивки, зубопротезную поликлинику и городскую библиотеку. В письме на имя секретаря горкома КПСС Л.С. Куличенко и председателя горисполкома А.В. Дынкина начальник ГУТ В.В. Андреев справедливо возражал: «Парадная часть города должна иметь сеть торговли и общепита, рассчитанных не только на потребности проживающих здесь жителей, но и приезжающих транзитных пассажиров и туристов... В центральной части города тяжело пообедать, т.к. существующие столовые перегружены... Это положение усугубляется летом, когда усиливается поток в город туристов, спортсменов и приезжих» [25, л. 13–14]. Доводы возымели действие, и эти помещения были оставлены за предприятиями общепита.

Второй причиной хронического недовыполнения планов расширения сети общепита являлось размещение многих столовых и буфетов во временных постройках, наспех возведенных в первые послевоенные годы. По мере ввода в строй новых столовых приходилось постоянно закрывать обветшавшие старые, и таким образом чистый прирост числа предприятий происходил медленнее заплани-

рованного. Так, за 1963 г. в Волгограде открылось 61 предприятие общепита, но в то же время было закрыто 28, и общий прирост составил лишь 33 единицы на 2 376 мест [28, л. 12–13].

Несмотря на трудности, за семилетку 1959–1965 гг. в Сталинграде, ставшем Волгоградом, было вновь открыто 275 предприятий общепита на 15 347 посадочных мест, а всего к началу 1965 г. в городе работало 786 предприятий на 35 053 места [4, л. 2]. По сравнению с 1953 г. сеть увеличилась на 356 единиц, число посадочных мест стало больше в 3,6 раза. В целом главную задачу общепита по обеспечению работников горячим питанием удалось выполнить. Количество посадочных мест в заводских столовых даже превышало установленную норму. В то же время существенно отставала открытая сеть, особенно в заводских районах. При нормативе 25 мест на тысячу жителей общедоступная сеть Волгограда располагала всего 9,6 места [4, л. 43].

В отличие от столовых, находившихся на особом контроле у властей, развитие предприятий общепита более высокого уровня происходило медленнее. В марте 1954 г., сравнивая Сталинград с Ростовом-на-Дону, где «уютные кафе встречаются чуть ли не на каждом углу», журналист областной газеты сетовала: «До каких же пор можно вызывать о необходимости открытия в городе нескольких настоящих, хороших, культурных кафе?» [6]. Отвечая на критику, городские власти открыли осенью 1954 г. 4 вечерних кафе и вечерние рестораны «Якорь» и «Прибой» на базе лучших столовых [24, л. 98]. В феврале-марте 1956 г. были открыты еще 3 вечерних ресторана при столовых окраинных районов [16, л. 29, 42, 94]. Правда, вскоре из-за жалоб жителей там была прекращена торговля винно-водочными изделиями, что привело к падению их популярности и товарооборота. После 1957 г. эти рестораны не упоминаются в отчетности трестов столовых. Видимо, они вскоре закрылись.

Во второй половине 1950-х гг. стали вступать в строй капитальные здания, где разместились несколько ресторанов и кафе. В центре города открылись рестораны «Сталинград» и «Интурист» при гостиницах, ресторан «Маяк» и кафе «Дружба», а также 3 кафе в

рабочих районах города. В 1959 г. у набережной Краснооктябрьского района открылся плавающий ресторан «Чайка». Правда, из-за высоких затрат на содержание дебаркадера он приносил одни убытки. Не помогло и его перемещение в акваторию Волго-Донского судоходного канала, в итоге в 1963 г. ресторан был закрыт. Отношение властей к ресторанам было непоследовательным. В 1960 г. из-за жалоб на нехватку столовых ресторан «Южный» был переоборудован под столовую, а ресторан «Маяк» превратился в кафе. После открытия в начале 1960-х гг. сразу нескольких крупных столовых острота вопроса спала и интерес к ресторанам снова вырос. Уже в 1961 г. кафе «Маяк» снова стало рестораном, а в 1963 г. городские власти открыли сразу 6 вечерних ресторанов на базе столовых в заводских районах, 2 из которых, «Космос» и «Юность», вскоре стали полноценными ресторанами. В 1963–1964 гг. вступили в строй 2 ресторана в новых зданиях («Волна» и «Кристалл») и один в помещении бывшей столовой («Огонек»). В итоге к концу 1964 г. в Волгограде работало 9 круглогодичных ресторанов и 3 летних [4, л. 7].

В начале 1960-х гг. внимание руководства оказалось обращено и на кафе, которые представлялись теперь не типом закусочной, а местом культурного отдыха граждан. В 1962 г. открылись 4 летних кафе из сборных металлоконструкций. Вся полезная площадь в них была занята под производство, а посетители сидели на улице под зонтиками-грибками. С 1963 г. началась кампания по строительству недорогих типовых сборно-металлических кафе, прозванных в народе «стекляшками». В 1963 г. появилось 6 таких кафе, а в мае 1964 г. была принята программа, предусматривавшая строительство за 2 года 22 сборных кафе [4, л. 7]. Они возводились в каждом микрорайоне и существенно ослабили остроту проблемы с нехваткой посадочных мест в общепите. Заметным событием в культурной жизни Волгограда стало открытие в марте 1963 г. кафе «Молодежное». Оно отличалось ультрасовременным интерьером и должно было стать, как и в других городах, местом встреч творческой молодежи, проведения тематических вечеров и диспутов. В итоге к концу 1964 г. в Волгограде работало 28 кафе [4, л. 3].

Одним из недостатков волгоградского общепита по сравнению с соседними городами являлось малое количество специализированных предприятий. Шашлычные не прижились из-за постоянных проблем в снабжении мясом. Так, в 1953 г. ОРС завода «Красный Октябрь» открыл первую в городе шашлычную, но вскоре зав. ОРСом жаловался на одном из совещаний: «У нас шашлык бывает только раз в неделю, потому что у нас нет баранины вообще» [36, л. 329]. Главная причина отсутствия блинных, кафе-молочных и т. п. заключалась в дешевизне их продукции. Для выполнения плана товарооборота приходилось прибегать к привычному методу – продаже спиртных напитков, которые быстро вытесняли профильные блюда. Весной 1960 г. в центре Сталинграда были открыты 2 кафе-молочных. Но уже в начале 1961 г. местная газета писала об одном из них: «Кафе-молочная, где вечером по-настоящему любили отдыхать сталинградцы, превратилось в обычную забегаловку. <...> Многие любители спиртного уже раскусили, что под вывеской “кафе-молочная” скрывается обычный пивбар, где можно выпить и закусить» [5]. На 1962 г. ГУТ намечало открыть 6 пышных, 6 котлетных, 6 блинных, 8 вареничных, 6 бутербродных и 12 чайных, для их размещения горисполком обязал райисполкомы и промышленные предприятия выделить 30 одноквартирных помещений на первых этажах жилых домов. Но дома были сданы, а помещения не выделены. Две докладные записки начальника ГУТ в горисполком не привели ни к чему [14, л. 267]. Правда, в 1964 г. было выделено 9 квартир, но в них решили открыть не специализированные, а мини-кафе с обычным ассортиментом, включая пиво [17, л. 85]. В итоге количество специализированных предприятий к 1965 г. осталось мизерным – по одной пирожковой в каждом из 2 трестов столовых ипельменная в тресте ресторанов и кафе. На весь город имелось 3 кафе-мороженых [4, л. 3].

Важным направлением развития общепита стало массовое поступление на предприятия современного, в том числе импортного, технологического оборудования и инвентаря. Оснащенность сталинградских столовых техникой с 1954 по 1959 г. выросла в 5 раз (с 298 до 1 398 единиц) [34, л. 3] и росла дальше.

В столовых и кафе стали обычными электрические жарочные и духовые шкафы, холодильники, мясорубки и картофелечистки. Существенно облегчила труд кухонных работников газификация Сталинграда, проходившая в 1950-х годах. В столовых и закусочных появились практичные металлические стулья и столы с пластиковым покрытием, исчезли тканевые скатерти и необходимость в их стирке.

С конца 1950-х гг. в кафе, столовых и буфетах стали появляться кофеварки, миксеры для приготовления молочных коктейлей, автоматы для изготовления пончиков и кукурузных хлопьев. В магазинах открывались кофе-отделы, а в 1964 г. – кафетерии в 14 крупнейших продовольственных и промтоварных магазинах города. Правда, использование этого оборудования оставляло желать лучшего. Хлопот оно приносило много, а выручка от пончиков, хлопьев, коктейлей и кофе не помогала выполнять план. Рейд «Волгоградской правды» в апреле 1963 г. показал, что из 14 пончиковых автоматов работал только один. На вопрос о причинах такого равнодушия к новой технике в ГУТ объяснили: «Каждый автомат дает за смену 5–6 тыс. пончиков. Нужно очень многолюдное место, чтобы их продать. Помещения для торговли пончиками нам выделяют обязательно где-то в стороне от центра. Производство становится нерентабельным, директора столовых отмахиваются от них, как от чумы» [2].

Венцом модернизации советского общества должны были стать закусочные-автоматы. Первое такое заведение в Сталинграде открылось 19 января 1958 г. на углу ул. Рабоче-Крестьянской и КИМ. Газета сообщала: «В зале для посетителей восемь автоматов, выдающих бутерброды и холодные закуски, четыре – наливающих пиво. Тут же будут установлены автоматы для соков, газводы, табачных изделий» [31]. К концу года работало уже 6 закусочных-автоматов, однако это новшество оказалось недолговечным. Автоматы ломались без должного обслуживания, запчастей, специалистов для ремонта не хватало. В 1962 г. фельетонист саркастично описывал порядок работы в одной из закусочных-автоматов: «Для того, чтобы купить пирожок, надо постучать в окно автомата, оттуда высовывается рука, берет деньги, затем подает

требуемое» [30]. Закусочные-автоматы оказались оккупированы любителями выпить, приносившими водку с собой. Из-за жалоб жильцов окружающих домов они постепенно закрывались. В 1964 г. осталась лишь одна закусочная-автомат при ресторане «Волгоград», где в течение года бездействовало 28 торговых автоматов [18, л. 31].

Упростить работу кухонь и сократить вспомогательный персонал должен был перевод столовых на работу с полуфабрикатами. В 1957 г. на базе 4 крупных столовых было организовано производство овощных, мясных и рыбных полуфабрикатов для использования в более мелких столовых. В октябре 1957 г. на пленуме горкома КПСС было решено уже в текущем году открыть 2 цеха по производству полуфабрикатов, в 1958 г. – 5 цехов, а в каждом районе города открыть фабрику-кухню [21, л. 29–31]. Но реализация этих планов затянулась. Первый трест столовых в 1961 г. своими силами оборудовал цехи по изготовлению мясных полуфабрикатов и очистке картофеля. В результате в тресте из 63 предприятий, имевших кухни, 60 снабжались мясными полуфабрикатами, и 51 – чищенным картофелем [10, л. 185]. Первая в городе столовая-заготовочная открылась только в конце 1963 г. в Кировском районе. Она имела мясной, рыбный, овощной, картофельный и кондитерский цехи и должна была полностью обеспечить полуфабрикатами столовые Второго треста.

Еще одним направлением развития общепита стало внедрение новых форм обслуживания населения. На предприятиях организовывался прием предварительных заказов от рабочих на обеды за 2–3 часа до обеденного перерыва, вводилась продажа комплексных обедов и абонементов на них. Начался перевод столовых на самообслуживание, что позволяло сократить расходы на зарплату официанток. Это происходило небыстро. В начале 1956 г. предварительная продажа чеков на обеды производилась всего в 13 столовых, питание по абонементам было организовано лишь в нескольких студенческих столовых. На самообслуживание было переведено 36 столовых, или 30 % [23, л. 134]. В постановлении от 1 марта 1956 г. ставилась задача полностью перевести на самообслуживание

все столовые, кафе и чайные к концу 1956 года. Стремясь выполнить задание, местные власти переводили общепит на новые формы обслуживания без должной подготовки. В январе 1958 г. «Сталинградская правда» объявила, что на самообслуживание в областном центре переведено уже 99 % столовых [38]. Однако на самом деле было лишь отменено обслуживание официантами. Вместо ожидания за столом посетители теряли время в нескольких очередях – сначала в кассу, а затем к окошкам раздачи на кухне. В одной из справок о работе столовых говорилось: «Фронт раздачи очень мал, вследствие чего у окошка раздачи создается теснота (сутолока, толкотня), и покупатель, неискушенный в переноске, особенно первых блюд, толкаясь, обливает и себя, и рядом стоящих товарищей» [33, л. 55]. Лишь в июле 1957 г. после реконструкции открылась первая столовая, переоборудованная для работы по принципу самообслуживания с последующим расчетом, где посетитель двигал поднос вдоль линии раздачи по металлическим направляющим. В результате время, потраченное посетителем на обед, сократилось с 40–50 и более минут до 20–25 минут, столовая увеличила продажу продукции в три раза, были высвобождены 16 официанток, что позволило дополнительно открыть несколько буфетов [32]. Работа по реконструкции предприятий общепита потребовала больших затрат и затянулась на несколько лет. Лишь в апреле 1962 г. на пленуме горкома КПСС было объявлено о переводе всех столовых города на самообслуживание с последующим расчетом [37, л. 24–31].

Одной из новых форм обслуживания населения стала также продажа обедов на дом. К июню 1956 г. это делали 20 столовых, в среднем продававшие на дом 800–1 000 блюд в день [23, л. 134]. С 1958 г. в жилых массивах стали открываться домовые кухни и магазины кулинарных изделий и полуфабрикатов. К концу 1964 г. в Волгограде работало 10 домовых кухонь и 28 магазинов «Кулинария» [4, л. 3]. Они внесли несомненный вклад в удовлетворение потребностей населения (особенным спросом пользовалось тесто и кондитерские изделия собственного производства), но массовой популярности не снискали. В погоне за выполнением плана «Кулинарии» вмес-

то приготовления полуфабрикатов зачастую занимались продажей в розницу продуктов, предназначенных для приготовления блюд (сыра, колбасы, яиц) и необработанного сырья (субпродуктов, крупных кусков мяса, птицы тушками). Чтобы не допускать этого, в феврале 1964 г. для кулинарных магазинов был установлен обязательный ассортиментный минимум мясных полуфабрикатов и кулинарных изделий. В них было категорически запрещено продавать колбасы, сыры, молоко и молочные продукты [15, л. 3]. Но в условиях нарастающего дефицита продуктов их поставки в кулинарные магазины сокращались и покупателей встречали полупустые прилавки. Так, при проверке в апреле 1964 г. в кулинарном магазине от столовой № 14 Второго треста никаких кулинарных изделий и полуфабрикатов в продаже не оказалось. Имелись только квашеная капуста, соленые огурцы и помидоры, а в кондитерском отделе – пирог с повидлом и коржики [19, л. 101]. Не оправдались надежды и на домовые кухни. Обеды в них обходились дороже домашних, а качество приготовления блюд было низким. Уже в 1963 г. во Втором тресте столовых отпуск обедов на дом сократился по сравнению с 1962 г. вдвое именно по причине плохого качества пищи [19, л. 45].

Воплощением линии Н.С. Хрущева на повышение общественных начал в жизни страны стала кампания по устройству буфетов без продавца. Первым стал завод «Баррикады», где в конце 1954 г. в 5 цехах открылись такие буфеты. Инициатива была одобрена, и к октябрю 1956 г. в городе было организовано 18 буфетов без продавцов [11, л. 22]. Правда, об их дальнейшей судьбе документы ничего не сообщают. Новая кампания началась после XXII съезда КПСС, провозгласившего курс на переход к коммунизму. В январе 1962 г. одна из раздаточных линий столовой нефтеперерабатывающего завода первой перешла на работу без кассира. Комплексный обед стоил 35 коп., деньги покупатель опускал в ящик. Почин был подхвачен, и в апреле 1962 г. саморасчет был введен в 9 столовых и буфетах города [37, л. 24]. Но, видимо, население опять оказалось не готово к коммунистическим началам. В последующие годы упоминания о саморасчете исчезли из документов и газетных материалов. Одной из причин стали, как

и везде по стране, постоянные недостатки кассы, вызванные кражами [7, с. 83].

Результаты. В 1953–1964 гг. сеть общественного питания Сталинграда (Волгограда) получила значительное развитие. Количество предприятий всех типов увеличилось почти в 2 раза, а посадочных мест в них – в 3,6 раза. Столовые, раздатки или буфеты имелись практически на каждом заводе, стройке, в учебном заведении и крупном учреждении, у большинства работников появилась возможность получать горячее питание. Выросло также число ресторанов и кафе, одним из путей решения проблемы их нехватки стали вечерние рестораны и кафе, открывавшиеся на базе крупных столовых. В начале 1960-х гг. началось повсеместное строительство типовых кафе, что расширило возможности культурного досуга населения. Развитие было не только количественным, но и качественным. Появились кафетерии в магазинах, автомат-закусочные, произош-

ла смена поколений в технологическом оборудовании и интерьере торговых залов. Был достигнут значительный прогресс в использовании полуфабрикатов, все столовые были переведены на метод самообслуживания с последующим расчетом. Это позволило существенно сократить очереди, особенно в пиковое время обеденного перерыва. Вместе с тем оставались и нерешенные проблемы. Существенно отставало развитие общедоступной сети столовых, в городе имелось очень мало специализированных кафе. Современное оборудование часто простаивало из-за незаинтересованности работников и отсутствия ремонтной базы. Автомат-закусочные превращались населением в распивочные, автоматы быстро выходили из строя. Домовые кухни не получили популярности у населения из-за низкого качества обедов. Преждевременным оказалось и внедрение коммунистических начал в виде буфетов без продавца и саморасчета.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Буреева Е. В. История создания молодежных комсомольских кафе в 1960-х годах // Новейшая история России. 2021. Т. 11, № 1. С. 184–198. DOI: 10.21638/11701/spbu24.2021.112
2. Весна застала врасплох // Волгоградская правда. 1963. 20 апр.
3. Гуменюк А. А. Новые формы советской торговли и бытового обслуживания в повседневной жизни советского человека в 1953–1985 гг. (на материалах Нижнего Поволжья) // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: История. Международные отношения. 2016. Т. 16, вып. 3. С. 359–364. DOI: 10.18500/1819-4907-2016-16-3-359-365
4. Доклад начальника управления о работе за семилетку // Государственный архив Волгоградской области (далее – ГАВО). Ф. Р-3436. Оп. 9. Д. 57а. 104 л.
5. Ефидолин Ф. Каша и романтика // Молодой ленинец. 1961. 27 янв.
6. Игорева Е. Почему в городе нет кафе? // Сталинградская правда. 1954. 4 марта.
7. Лебина Н. Б. Повседневность эпохи космоса и кукурузы: Деструкция большого стиля. Ленинград, 1950–1960-е годы. СПб.: Крига: Победа, 2015. 484 с.
8. Луночкин А. В. Система общественного питания Сталинграда после отмены продовольственных карточек (1947–1953 гг.) // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 4, История. Регионоведение. Международные отношения. 2025. Т. 30, № 1. С. 127–137. DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2025.1.11>
9. Материалы постоянной комиссии по торговле // ГАВО. Ф. Р-71. Оп. 1. Д. 1601. 175 л.
10. Отчеты, справки по проверке выполнения приказов вышестоящих организаций по общественному питанию // ГАВО. Ф. Р-3436. Оп. 8. Д. 324. 307 л.
11. Переписка с Министерством торговли РСФСР // ГАВО. Ф. Р-3436. Оп. 8. Д. 51. 96 л.
12. Попов Д. А. Общественное питание: советская организация // Вестник Хабаровского государственного университета экономики и права. 2017. № 3 (89). С. 123–135.
13. Попова А. Д., Масловский М. О. Где поесть рабочему человеку? Проблема развития советского общепита в 1950–1970-х годах на страницах периодических изданий и в обращениях граждан // Вестник Рязанского государственного университета им. С.А. Есенина. 2025. № 3 (88). С. 35–46. DOI: 10.37724/RSU.2025.88.3.004
14. Постановления и решения партийно-советских органов по вопросам общественного питания // ГАВО. Ф. Р-3436. Оп. 8. Д. 355. 285 л.
15. Приказы городского и областного управления торговли // ГАВО. Ф. Р-4967. Оп. 1. Д. 104. 24 л.

16. Приказы директора треста по производственным вопросам // ГАВО. Ф. Р-4967. Оп. 1. Д. 5. 184 л.
17. Приказы директора треста по производственным вопросам // ГАВО. Ф. Р-4967. Оп. 1. Д. 106. 257 л.
18. Приказы начальника областного управления торговли по общим вопросам // ГАВО. Ф. Р-3648. Оп. 9. Д. 611. 220 л.
19. Приказы начальника управления по производственным вопросам // ГАВО. Ф. Р-3436. Оп. 9. Д. 55. 449 л.
20. Программа Коммунистической партии Советского Союза. М.: Политиздат, 1961. 144 с.
21. Протокол IX Пленума Сталинградского горкома КПСС 21 октября 1957 г. // Центр документации новейшей истории Волгоградской области (далее – ЦДНИВО). Ф. 71. Оп. 28. Д. 9. 102 л.
22. Протоколы бюро горкома КПСС № 1–9 // ЦДНИВО. Ф. 71. Оп. 19. Д. 24. 395 л.
23. Протоколы заседаний бюро горкома КПСС № 4–9 // ЦДНИВО. Ф. 71. Оп. 25. Д. 14. 221 л.
24. Распоряжения Сталинградского городского треста столовых // ГАВО. Ф. Р-2866. Оп. 1. Д. 197. 196 л.
25. Решения горисполкома об организации торговли // ГАВО. Ф. Р-3436. Оп. 8. Д. 222. 144 л.
26. Решения горисполкома об открытии магазинов и столовых // ГАВО. Ф. Р-3436. Оп. 8. Д. 14. 68 л.
27. Решения исполкома горсовета за 1957 г. // ГАВО. Ф. Р-3436. Оп. 8. Д. 81. 72 л.
28. Решения исполкома облсовета по вопросам Второго треста столовых // ГАВО. Ф. Р-4967. Оп. 1. Д. 103. 25 л.
29. Решения партии и правительства по хозяйственным вопросам (1917–1967 гг.). В 5 т. Т. 4. 1953–1961. М.: Политиздат, 1968. 734 с.
30. Селезнев В. Неавтоматические автоматы // Волгоградская правда. 1962. 10 июня.
31. Сергеев А. Первая закусочная-автомат // Сталинградская правда. 1958. 23 янв.
32. Соколовский И. Новые формы обслуживания в столовых // Сталинградская правда. 1958. 5 янв.
33. Справки о работе треста за 1957 г. // ГАВО. Ф. Р-4967. Оп. 1. Д. 17. 121 л.
34. Справки об обеспеченности предприятий торговли г. Сталинграда холодильным и др. оборудованием // ГАВО. Ф. Р-3436. Оп. 8. Д. 182. 17 л.
35. Стенограмма и протокол VIII пленума Сталинградского горкома КПСС 9 октября 1959 г. // ЦДНИВО. Ф. 71. Оп. 32. Д. 5. 326 л.
36. Стенограмма совещаний работников торговли и общепита за 1953 г. // ГАВО. Ф. Р-3436. Оп. 7. Д. 156. 407 л.
37. Стенограмма IV Пленума Сталинградского горкома КПСС 6 апреля 1962 г. // ЦДНИВО. Ф. 71. Оп. 37. Д. 39. 227 л.
38. Ширшов П. Общественное питание – дело государственной важности // Сталинградская правда. 1958. 8 янв.

REFERENCES

1. Bureeva E.V. Istorija sozdanija molodezhnykh komsomolskikh kafe v 1960-kh godakh [History of the Creation of Youth Komsomol Cafes in the 1960s]. *Novejšaja istorija Rossii* [Modern History of Russia], 2021, vol. 11, no. 1, pp. 184–198. DOI: 10.21638/11701/spbu24.2021.112
2. Vesna zastala vrasplokh [Spring Caught Us by Surprise]. *Volgogradskaja pravda*, 1963, Apr. 20.
3. Gumenyuk A.A. Novyje formy sovetskoj trgovli i bytovogo obsluzhivanija v povsednevnoj zhizni sovetskogo cheloveka v 1953–1985 gg. (na materialakh Nizhnego Povolzh'ja) [New Forms of Soviet Retail Trade and Public Service in the Daily Life of a Soviet Citizen in 1953–1985 (Based on the Data of the Lower Volga Region)]. *Izvestija Saratovskogo universiteta. Novaja serija. Seriya: Istorija. Mezhdunarodnyje otnoshenija* [Bulletin of the Saratov University. New Series. Series: History. International Relations], 2016, vol. 16, iss. 3, pp. 359–364. DOI: 10.18500/1819-4907-2016-16-3-359-365
4. Doklad nachalnika upravljenija o rabote za semiletku [Report of the Head of the Administration on the Work for the Seven-Year Plan]. *Gosudarstvennyj arhiv Volgogradskoy oblasti* (hereinafter – GAVO) [State Archive of the Volgograd Region], f. R-3436, inv. 9, d. 57a. 104 l.
5. Jefidolin F. Kasha i romantika [Porridge and Romance]. *Molodoj leninets*, 1961, Jan. 27.
6. Igoreva Je. Pochemu v gorode net kafe? [Why Are There No Cafes in the City?]. *Stalingradskaja pravda*, 1954, Mar. 4.
7. Lebina N.B. Povsednevnost epokhi kosmosa i kukuruzy: Destruktsija bolshogo stilja. Leningrad, 1950–1960-je gody [Everyday Life in the Age of Space and Corn: The Destruction of the Grand Style. Leningrad, 1950s–1960s]. Saint Petersburg, Kruga Publ., Pobeda Publ., 2015. 484 p.
8. Lunochkin A.V. Sistema obshchestvennogo pitaniya Stalingrada posle otmeny prodovolstvennykh kartochek (1947–1953 gg.) [Public Catering System in Stalingrad After the Abolition of Food Cards (1947–1953)]. *Vestnik*

Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 4. Istoriya. Regionovedenie. Mezhdunarodnye otnosheniya [Science Journal of Volgograd State University. History. Area Studies. International Relations], 2025, vol. 30, no. 1, pp. 127-137. DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2025.1.11>

9. Materialy postojannoj komissii po trgovle [Materials of the Constant Committee on Trade]. *GAVO* [State Archive of the Volgograd Region], f. R-71, inv. 1, d. 1601. 175 l.

10. Otchety, spravki po proverke vypolnenija prikazov vyshestojashchikh organizatsij po obshchestvennomu pitaniyu [Reports, Certificates on Verification of Compliance with Orders of Higher-Level Organizations on Public Catering]. *GAVO* [State Archive of the Volgograd Region], f. R-3436, inv. 8, d. 324. 307 l.

11. Perepiska s Ministerstvom trgovli RSFSR [Correspondence with the Ministry of Trade of the RSFSR]. *GAVO* [State Archive of the Volgograd Region], f. R-3436, inv. 8, d. 51. 96 l.

12. Popov D.A. Obshchestvennoje pitaniye: sovetskaja organizatsiya [Public Catering: Soviet Organization]. *Vestnik Khabarovskogo gosudarstvennogo universiteta ekonomiki i prava* [Bulletin of the Khabarovsk State University of Economics and Law], 2017, no. 3 (89), pp. 123-135.

13. Popova A.D., Maslovskij M.O. Gde pojest rabochemu cheloveku? Problema razvitiya sovetskogo obshchepita v 1950–1970-kh godakh na stranitsakh periodicheskikh izdaniy i v obrashcheniyakh grazhdan [Where Can a Working Man Have Lunch? Problems of Public Catering in Soviet Periodicals of the 1950s – 1970s and in Readers' Letters]. *Vestnik Rjazanskogo gosudarstvennogo universiteta im. S.A. Jesenina* [The Bulletin of Ryazan State University Named for S.A. Yesenin], 2025, no. 3 (88), pp. 35-46. DOI: 10.37724/RSU.2025.88.3.004

14. Postanovleniya i resheniya partijno-sovetskikh organov po voprosam obshchestvennogo pitaniya [Resolutions and Decisions of Party and Soviet Bodies on Public Catering Issues]. *GAVO* [State Archive of the Volgograd Region], f. R-3436, inv. 8, d. 355. 285 l.

15. Prikazy gorodskogo i oblastnogo upravleniya trgovli [Orders of the City and Regional Trade Administration]. *GAVO* [State Archive of the Volgograd Region], f. R-4967, inv. 1, d. 104. 241.

16. Prikazy direktora tresta po proizvodstvennym voprosam [Orders of the Director of the Trust on Production Issues]. *GAVO* [State Archive of the Volgograd Region], f. R-4967, inv. 1, d. 5. 184 l.

17. Prikazy direktora tresta po proizvodstvennym voprosam [Orders of the Director of the Trust on Production Issues]. *GAVO* [State Archive of the Volgograd Region], f. R-4967, inv. 1, d. 106. 257 l.

18. Prikazy nachalnika oblastnogo upravleniya trgovli po obshchim voprosam [Orders of the Head of the Regional Trade Department on General Issues]. *GAVO* [State Archive of the Volgograd Region], f. R-3648, inv. 9, d. 611. 220 l.

19. Prikazy nachalnika upravleniya po proizvodstvennym voprosam [Orders of the Head of the Department on Production Issues]. *GAVO* [State Archive of the Volgograd Region], f. R-3436, inv. 9, d. 55. 449 l.

20. *Programma Kommunisticheskoy partii Sovetskogo Sojuza* [Program of the Communist Party of the Soviet Union]. Moscow, Politizdat, 1961. 144 p.

21. Protokol IX Plenuma Stalingradskogo gorkoma KPSS 21 oktjabrja 1957 g. [Protocol of the 9th Plenum of the Stalingrad City Committee of the CPSU, October 21, 1957]. *Tsentr dokumentatsii noveyshey istorii Volgogradskoy oblasti* (hereinafter – TsDNIVO) [Center for Documentation of the Contemporary History of the Volgograd Region], f. 71, inv. 28, d. 9. 102 l.

22. Protokoly bjuro gorkoma KPSS № 1–9 [Protocols of the City Committee of the CPSU Bureau no. 1–9]. *TsDNIVO* [Center for Documentation of the Contemporary History of the Volgograd Region], f. 71, inv. 19, d. 24. 395 l.

23. Protokoly zasedaniy bjuro gorkoma KPSS № 4–9 [Protocols of the Meetings of the City Committee of the CPSU Bureau no. 4–9]. *TsDNIVO* [Center for Documentation of the Contemporary History of the Volgograd Region], f. 71, inv. 25, d. 14. 221 l.

24. Rasporyazheniya Stalingradskogo gorodskogo tresta stolovykh [Orders of the Stalingrad City Canteen Trust]. *GAVO* [State Archive of the Volgograd Region], f. R-2866, inv. 1, d. 197. 196 l.

25. Resheniya gorispolkoma ob organizatsii trgovli [Decisions of the City Executive Committee on the organization of trade]. *GAVO* [State Archive of the Volgograd Region], f. R-3436, inv. 8, d. 222. 144 l.

26. Resheniya gorispolkoma ob otkrytii magazinov i stolovykh [Decisions of the City Executive Committee on the Opening of Shops and Canteens]. *GAVO* [State Archive of the Volgograd Region], f. R-3436, inv. 8, d. 14. 68 l.

27. Resheniya ispolkoma gorsoveta za 1957 g. [Decisions of the Executive Committee of the City Council for 1957]. *GAVO* [State Archive of the Volgograd Region], f. R-3436, inv. 8, d. 81. 72 l.

28. Resheniya ispolkoma oblsoveta po voprosam Vtorogo tresta stolovykh [Decisions of the Executive Committee of the Regional Council on Issues of the Second Canteen Trust]. *GAVO* [State Archive of the Volgograd Region], f. R-4967, inv. 1, d. 103. 25 l.

29. *Resheniya partii i pravitelstva po khozjajstvennym voprosam (1917–1967 gg.). V 5 t. T. 4. 1953–1961* [Decisions of the Party and Government on Economic Issues (1917–1967). In 5 Vols. Vol. 4. 1953–1961]. Moscow, Politizdat, 1968. 734 p.

30. Seleznev V. Neavtomaticheskiye avtomaty [Non-Automatic Machines]. *Volgogradskaja pravda*, 1962, June 10.
31. Sergejev A. Pervaja zakusochnaja-avtomat [The First Machine Snack Bar]. *Stalingradskaja pravda*, 1958, Jan. 23.
32. Sokolovskiy I. Novye formy obsluzhivaniya v stolovykh [New Forms of Service in Canteens]. *Stalingradskaja pravda*, 1958, Jan. 5.
33. Spravki o rabote tresta za 1957 g. [Information on the Work of the Trust for 1957]. *GAVO* [State Archive of the Volgograd Region], f. R-4967, inv. 1, d. 17. 121 l.
34. Spravki ob obespechennosti predpriyatij trgovli g. Stalingrada kholodilnym i dr. oborudovaniem [Information on the Provision of Trade Enterprises in the City of Stalingrad with Refrigeration and Other Equipment]. *GAVO* [State Archive of the Volgograd Region], f. R-3436, inv. 8, d. 182. 171.
35. Stenogramma i protokol VIII plenuma Stalingradskogo gorkoma KPSS 9 oktjabrja 1959 g. [Transcript and Protocol of the 8th Plenum of the Stalingrad City Committee of the CPSU, October 9, 1959]. *TsDNIVO* [Center for Documentation of the Contemporary History of the Volgograd Region], f. 71, inv. 32, d. 5. 326 l.
36. Stenogramma soveshchaniy rabotnikov trgovli i obshchepita za 1953 g. [Transcript of Meetings of Trade and Catering Workers for 1953]. *GAVO* [State Archive of the Volgograd Region], f. R-3436, inv. 7, d. 156. 407 l.
37. Stenogramma IV Plenuma Stalingradskogo gorkoma KPSS 6 aprelja 1962 g. [Transcript of the 4th Plenum of the Stalingrad City Committee of the CPSU, April 6, 1962]. *TsDNIVO* [Center for Documentation of the Contemporary History of the Volgograd Region], f. 71, inv. 37, d. 39. 227 l.
38. Shirshov P. Obshchestvennoje pitaniye – delo gosudarstvennoj vazhnosti [Public Catering Is a Matter of National Importance]. *Stalingradskaja pravda*, 1958, Jan. 8.

Information About the Author

Andrei V. Lunochkin, Candidate of Sciences (History), Associate Professor, Department of History and International Relations, Volgograd State University, Prosp. Universitetsky, 100, 400062 Volgograd, Russian Federation, andrei.lunochkin@volsu.ru, <https://orcid.org/0000-0002-7431-8906>

Информация об авторе

Андрей Валентинович Луночкин, кандидат исторических наук, доцент кафедры истории и международных отношений, Волгоградский государственный университет, просп. Университетский, 100, 400062 г. Волгоград, Российская Федерация, andrei.lunochkin@volsu.ru, <https://orcid.org/0000-0002-7431-8906>

ПРОИЗВОДСТВЕННЫЙ ОПЫТ И ТРУДОВАЯ СОЦИАЛИЗАЦИЯ

DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2026.3.17>

UDC 94(47)
LBC 63.3(2)5

Submitted: 07.11.2024
Accepted: 25.03.2025

THE ROLE OF THE COMMITTEE ON REFRIGERATING BUSINESS IN THE DEVELOPMENT OF FOOD EXPORTS FROM THE REGIONS OF WESTERN SIBERIA AT THE BEGINNING OF THE 20th CENTURY

Roman Yu. Fedorov

Earth Cryosphere Institute – Tyumen Scientific Centre of the Siberian Branch of the Russian Academy Sciences,
Tyumen, Russian Federation

Abstract. *Introduction.* At the beginning of the 20th century, the massive introduction of artificial cooling technologies created intercontinental markets for sale of perishable products. In 1909, the Committee on Refrigerating Business was established in St. Petersburg. Its mission included the development of infrastructure in Russia for the storage and transportation of food. *Methods and materials* are based on the analysis of archival sources and publications in periodicals reflecting the activities of the Committee on Refrigerating Business. *Analysis.* In the 1910s, in the total supply of the food from Western Siberia, the share of livestock products quickly began to increase. This became possible due to the fact that shortly after the opening of the Siberian Railway, ice storage facilities were built at its large stations and glacier cars began to operate. However, due to the lack of necessary refrigeration equipment, the supply of meat and fish from Siberia was mainly focused on the domestic market. In an attempt to overcome this situation, the Committee on Refrigerating Business developed practical measures to develop technical capabilities for organizing the export of these products to a number of European countries. *Results.* The time of activity of the Committee on Refrigerating Business fell on a short period from 1910 to 1914. Subsequently, changes in the geopolitical situation that occurred as a result of the First World War and the revolution of 1917 deprived Russia of the chance to become one of the largest players in the then-emerging global market for trade in perishable products. Despite this, the committee's activities played a significant role in the implementation of P.A. Stolypin's agrarian reform and laid the scientific and organizational foundation for the subsequent development of refrigeration in the USSR. *Funding.* This research has been supported by the state assignment of the Earth Cryosphere Institute № 126022618021-5.

Key words: Committee on Refrigerating Business, export of food from Siberia, commercial relations of Russia at the beginning of the 20th century, P.A. Stolypin's agrarian reform, Ministry of Trade and Industry of the Russian Empire.

Citation. Fedorov R. Yu. The Role of the Committee on Refrigerating Business in the Development of Food Exports from the Regions of Western Siberia at the Beginning of the 20th Century. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 4. Istoriya. Regionovedenie. Mezhdunarodnye otnosheniya* [Science Journal of Volgograd State University. History. Area Studies. International Relations], 2026, vol. 31, no. 3, pp. 188-198. (in Russian). DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2026.3.17>

РОЛЬ КОМИТЕТА ПО ХОЛОДИЛЬНОМУ ДЕЛУ В РАЗВИТИИ ЭКСПОРТА ПРОДОВОЛЬСТВИЯ ИЗ РЕГИОНОВ ЗАПАДНОЙ СИБИРИ В НАЧАЛЕ XX ВЕКА

Роман Юрьевич Федоров

Институт криосферы Земли Тюменского научного центра СО РАН, г. Тюмень, Российская Федерация

Аннотация. *Введение.* В начале XX в. массовое внедрение технологий искусственного охлаждения сформировало межконтинентальные рынки торговли скоропортящимися продуктами. В 1909 г. в Санкт-Петербурге был создан Комитет по холодильному делу. В его задачи входило развитие в России инфраструктуры для хранения и транспортировки продуктов. *Материалы и методы* опираются на анализ архивных источников и публикаций в периодических изданиях, отражающих деятельность Комитета по холодильному делу. *Анализ.* В 1910-е гг. в общем объеме поставок из Западной Сибири быстро стала возрастать доля продуктов животноводства. Это стало возможным благодаря тому, что вскоре после открытия Сибирской железной дороги на ее крупных станциях были построены льдохранилища и начали эксплуатироваться вагоны-ледники. Однако ввиду недостатка необходимого холодильного оборудования поставки мяса и рыбы из Сибири были в основном ориентированы на внутренний рынок. Пытаясь преодолеть сложившуюся ситуацию, Комитет по холодильному делу разрабатывал практические меры по развитию технических возможностей для организации экспорта этих продуктов в ряд европейских стран. *Результаты.* Период активной деятельности Комитета по холодильному делу пришелся на короткий период с 1910 по 1914 год. В дальнейшем изменения геополитической ситуации, наступившие в результате Первой мировой войны и революции 1917 г., лишили Россию шанса стать одним из крупнейших игроков на формировавшемся в то время глобальном рынке торговли скоропортящимися продуктами. Несмотря на это, деятельность Комитета по холодильному делу сыграла заметную роль в реализации аграрной реформы П.А. Столыпина и заложила научную и организационную основу для последующего развития холодильного дела в СССР. *Финансирование.* Работа выполнена Институтом криосферы Земли Тюменского научного центра СО РАН в рамках государственного задания Министерства науки и высшего образования Российской Федерации (рег. № 126022618021-5).

Ключевые слова: Комитет по холодильному делу, экспорт продовольствия из Сибири, торговые связи России в начале XX в., аграрная реформа П.А. Столыпина, Министерство торговли и промышленности Российской империи.

Цитирование. Федоров Р. Ю. Роль Комитета по холодильному делу в развитии экспорта продовольствия из регионов Западной Сибири в начале XX века // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 4, История. Регионоведение. Международные отношения. – 2026. – Т. 31, № 3. – С. 188–198. – DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2026.3.17>

Введение. Деятельность Комитета по холодильному делу (далее также – Комитет), созданного в 1909 г. в Санкт-Петербурге при Министерстве торговли и промышленности, продолжает оставаться малоизученной темой в исследованиях отечественной истории начала XX века. Одна из причин лежит в кажущемся на первый взгляд «прозаическим» и узкоспециальным круге задач, которыми занималось данное учреждение. Отсутствие специализированных исследований на эту тему в советский период во многом было обусловлено установками на преуменьшение роли дореволюционных государственных институтов и связанных с ними исторических личностей в развитии экономики Российской империи.

После долгих лет забвения в первые десятилетия XXI в. было напечатано незначительное число публикаций об истории Комитета, преимущественно в профильных технических изданиях [1; 4; 16] и др. Одним из немногих исключений стала книга С.А. Рогатко, в которой деятельность Комитета была отчасти освещена в контексте изучения модернизации агропромышленного комплекса России в начале XX века [18]. Однако несмотря на появление таких публикаций, историческая значимость документальных источников, связанных с деятельностью Комитета по холодильному делу, на сегодняшний день продолжает оставаться недооцененной. Это обусловлено тем, что, помимо информации об истории развития

отрасли, данные источники содержат целый ряд сведений, изучение которых дает возможность получить общее представление о многих важных аспектах торгово-экономического развития России в начале XX века. Среди них особый интерес представляет исследование вклада Комитета в организацию экспорта продовольствия из Сибири, сельское хозяйство которой переживало на тот момент бурное развитие.

Материалы и методы. Основой источниковой базы исследования послужили документы, отражающие деятельность Комитета по холодильному делу, хранящиеся в Российском государственном историческом архиве, и печатные издания Комитета, среди которых следует выделить выходивший с 1912 по 1916 г. журнал «Холодильное дело», а также ряд научно-популярных книг и брошюр, изданных по инициативе Комитета. Среди этих источников особого внимания заслуживают малоизвестные статистические данные, отражающие объемы перевозок и экспорта скоропортящихся продуктов из Сибири. Исходя из этого, в первоочередные задачи настоящей статьи входило введение данных источников в научный оборот, а также их анализ в контексте социально-экономических и геополитических процессов, имевших место в России начала XX века. Использование историко-генетического метода было обусловлено необходимостью раскрыть предпосылки к созданию Комитета по холодильному делу, подвергнуть анализу основные направления его деятельности и их влияние на экономику России, а также выявить причины прекращения его существования. Обращение к историко-системному методу дало возможность проследить роль развиваемых Комитетом технологий охлажденной транспортировки продуктов питания в формировании их внутренних и международных рынков сбыта.

Анализ. В традиционной хозяйственной деятельности русских и других народов России природный холод издревле использовался для длительного хранения продуктов. К примеру, во многих русских деревнях широкое бытование имели погреба-ледники, куда весной закладывался лед или снег, позволявший на протяжении летнего периода хранить в них скоропортящиеся продукты. Со времен Петра I

в крупных городах России стали строить каменные ледяные склады по существовавшим в то время европейским образцам. Они были в основном предназначены для обслуживания крупных частных хозяйств и торговых заведений. Эксплуатация железнодорожных вагонов-ледников для транспортировки скоропортящихся продуктов была начата в России в конце XIX века. Вместе с тем при отсутствии централизованной поддержки темпы развития холодильного дела в России значительно отставали от ряда стран Европы и Нового Света. Так, в первом выпуске журнала «Холодильное дело» (1912 г.) сообщалось, что, по примерным подсчетам редакции, в США на тот момент насчитывалось 15 000 холодильных установок, в Германии – 6 000, во Франции – 1 500, в Дании – 1 000, в России – не более 220 [14, с. 6]. Несмотря на приблизительность приведенных журналом показателей, было очевидно, что Россия с трудом могла конкурировать со многими другими странами в области экспорта скоропортящихся продуктов, о чем свидетельствовал тот факт, что во второй половине XIX в. массовое внедрение технологий их охлажденной транспортировки на морском и железнодорожном транспорте впервые создало глобальные межконтинентальные рынки торговли мясом, рыбой, сливочным маслом, фруктами и целым рядом других видов продуктов, которые ранее было невозможно перевозить на большие расстояния. Данный процесс повлек за собой настоящую «холодную революцию» в мировой торговле, коренным образом изменив сложившиеся в ней веками закономерности и правила. Так, С.Н. Прокопович в своем докладе «Экономика и статистика холодильного дела в России» (1913 г.) отмечал, что развитие современного парового транспорта в сочетании с внедрением на нем технологий охлажденной перевозки продуктов разрушает некоторые, еще недавно казавшиеся незыблемыми, законы концентрических поясов «Уединенного государства», сформулированные известным немецким экономистом И. Тюненом [17, с. 5–6]. Рассуждая о таких революционных сдвигах, редакция журнала «Холодильное дело» в те годы с энтузиазмом писала: «Холод перестал быть синонимом смерти, но наравне с огнем и его теплом вошел в число проявлений силы природы, нам необходимых, и недалеко то время, когда

людям будет казаться непонятным, как могла сложиться культурная жизнь человека без гармоничного сочетания искусственных тепла и холода» [14, с. 5].

Холодильные технологии получили особенно интенсивное развитие в США, Австралии, Новой Зеландии, Аргентине и некоторых других странах Нового Света, которые смогли не только преодолеть изолированность своих продуктовых рынков, но и стать лидерами в сфере поставки в Европу отдельных наименований скоропортящихся продуктов посредством широкого развития холодильных технологий. По самым скромным подсчетам, в начале XX в. Европа получала из одних только стран Южного полушария около 15 миллионов пудов (245 700 000 кг) мяса в год [17, с. 3]. На таком фоне Россия, остававшаяся преимущественно аграрной страной, ввиду недостаточного развития холодильных технологий была способна реализовать лишь малую часть своего экспортного потенциала на этом динамично развивавшемся глобальном рынке. Актуальность данной проблемы усугубилась благодаря началу развития в России капиталистической экономики, в которой вопросы поиска удаленных рынков сбыта продукции начали играть решающую роль. Об этом свидетельствовала положительная динамика роста экспорта скоропортящихся продуктов из России (табл. 1), которая, однако, могла стать значительно более высокой при должном развитии технологий их охлажденного хранения и транспортировки.

Официальное открытие Комитета по холодильному делу состоялось в Санкт-Петербурге

12 апреля 1909 года [13, л. 51]. Несмотря на то что попытки создания подобного учреждения неоднократно обсуждались ранее, они были воплощены в жизнь при поддержке государства лишь после участия России в 1908 г. в Первом международном конгрессе по холодильному делу, состоявшемся в Париже [19]. В записке Министерства торговли и промышленности от 22 декабря 1908 г., адресованной помощнику управляющего делами Совета министров Н.В. Плеве сообщалось о том, что шталмейстер В.И. Денисов, уполномоченный от группы лиц, принимавших участие в работе конгресса, обратился в министерство с ходатайством об учреждении Комитета по холодильному делу на основании разработанной этой группой проекта положения о его создании [13, л. 2]. Инициаторы создания Комитета отмечали, что искусственное охлаждение имеет особенно важное значение для России, с ее колоссальными расстояниями, «отделяющими места производства скоропортящихся продуктов от средоточений их сбыта» [13, л. 3]. Авторы записки рассматривали в единой связи проблемы сбыта продукции в сфере маслodelия, мясной, рыбной и фруктовой торговли и внедрения современных технологий искусственного охлаждения. В приложенном к записке «Положении о Комитете по холодильному делу» был сформулирован основной круг задач создаваемого учреждения, в числе которых было «изучение холодильного дела в различных областях его применения; содействие лицам и учреждениям к развитию в России холодильного дела и связанных с ним производств; изучение и испы-

Таблица 1. Основные показатели экспорта скоропортящихся продуктов из России (1899–1910 гг.)

Table 1. Main indicators of the perishable products export from Russia (1899–1910)

Годы	Масло		Яйца		Битая птица	
	в тоннах	цена в руб.	штук	цена в руб.	в тоннах	цена в руб.
1899	10 200	7 450 000	1 686 000 000	30 230 000	–	8 340 000
1900	19 200	14 220 000	1 777 000 000	23 870 000	–	9 140 000
1905	37 500	33 250 000	2 993 000 000	64 420 000	8 347	10 780 000
1906	49 100	46 550 000	2 831 000 000	59 270 000	9 460	12 140 000
1907	55 600	50 080 000	2 606 000 000	56 200 000	9 444	11 150 000
1908	48 400	48 010 000	2 589 000 000	57 890 000	10 002	12 870 000
1909	52 000	51 090 000	2 846 000 000	65 660 000	12 126	15 090 000
1910	–	52 430 000	2 998 000 000	66 870 000	–	14 380 000

Примечание. Составлено автором по данным журнала «Холодильное дело» [2, с. 338].

тание новейших холодильных устройств и приспособлений; возбуждение перед подлежащими учреждениями ходатайств об удовлетворении тех или иных нужд по холодильному делу; сообщение заключений по вопросам холодильного дела, возбуждаемым правительственными и общественными учреждениями, а также частными лицами; организация чтений, докладов и издание книг, брошюр, бюллетеней, периодических изданий и всякого рода печатных материалов по холодильному делу; устройство съездов, конкурсов и выставок по холодильному делу и подготовка материалов к международным конгрессам по холодильному делу; участие, через своих представителей, в комиссиях, совещаниях и съездах, на коих возбуждаются вопросы, касающиеся производства скоропортящихся продуктов и торговли ими, а равно и всякого рода применения искусственного охлаждения» [13, л. 5] и т. д. В число действительных членов Комитета входили представители государственных ведомств, земских и городских учреждений, научных обществ и высших учебных заведений, а также общественных организаций [8].

Переписка Комитета с представителями Государственной думы и других органов

власти свидетельствует о том, что просьбы о его финансовой поддержке неоднократно встречали административные и бюрократические препятствия. Примечательно, что на этапе создания активная поддержка Комитету была оказана П.А. Столыпиным [13, л. 34]. Его личная заинтересованность в деятельности Комитета была связана с тем, что развитие в России холодильного дела открывало широкие возможности для налаживания сбыта в ее центральную часть и некоторые страны Европы сельскохозяйственной продукции из Сибири, объемы производства которой стали значительно увеличиваться в результате проводимой под его руководством аграрной реформы. В 1910-е гг. в общем объеме поставок из Западной Сибири быстро начала возрастать доля продуктов животноводства [12]. Это стало возможным благодаря тому, что вскоре после открытия Сибирской железной дороги на ее крупных станциях были построены льдохранилища и начали эксплуатироваться вагоны-ледники.

Среди скоропортящихся продуктов наиболее динамично развивались поставки сливочного масла (табл. 2, 3). Крупнейшими станциями, с которых отправлялось сибирское мас-

Таблица 2. Объемы поставок масла по Сибирской железной дороге (1894–1912 гг.)

Table 2. Oil supplies via the Siberian Railway (1894–1912)

Год	Объем в пудах (килограммах)
1894	400 (6 552)
1900	1 050 000 (17 199 000)
1905	2 039 000 (33 398 820)
1910	3 917 000 (64 160 460)
1912	4 459 000 (73 038 420)

Примечание. Составлено автором по данным журнала «Холодильное дело» [21, с. 456].

Таблица 3. Крупнейшие населенные пункты, в которые осуществлялись поставки масла из Сибири железнодорожным транспортом (1910–1912 гг.)

Table 3. The largest settlements where oil was supplied from Siberia by rail (1910–1912)

Годы	Рига		Виндава		Петроград		Н. Порт		Москва		Пр. ст		Всего
	тыс. пудов (кг)	%	тыс. пудов (кг)	%	тыс. пудов (кг)	%	тыс. пудов (кг)	%	тыс. пудов (кг)	%	тыс. пудов (кг)	%	
1910	298 (4 881)	7,7	2 347 (38 443)	60,4	401 (6 568)	10,3	653 (10 696)	16,8	32 (524)	0,8	155 (2 539)	4,0	3 888 (63 685)
1911	239 (3 914)	5,5	3 020 (49 467)	70,1	206 (3 374)	4,8	651 (1 063)	15,2	11 (180)	0,3	180 (2 948)	4,2	4 310 (70 597)
1912	190 (3 112)	4,1	3 008 (49 271)	64,5	322 (5 274)	6,9	789 (12 923)	16,9	35 (573)	0,8	319 (5 225)	6,9	4 666 (76 429)

Примечание. Составлено автором по данным журнала «Холодильное дело» [21, с. 456].

ло, являлись Ново-Николаевск (ныне Новосибирск), Омск и Курган [21, с. 456].

Основным распределительным пунктом для дальнейшего экспорта сибирского масла в Англию и ряд стран Европы являлся город Виндава (ныне – Вентспилс, Латвия), расположенный на берегу Балтийского моря. На его долю приходилось от 60 до 70 процентов от общего количества поставок.

Второе место по объему поставок занимали свинина и говядина. Как видно из таблицы 4, в отличие от ориентированного на экспорт в страны Европы масла, вывоз из Сибири мясных продуктов был в основном предназначен для удовлетворения нужд внутреннего рынка. Одна из причин этого крылась в невозможности обеспечить необходимую регулярность поставок и качество охлажденной транспортировки мясных продуктов, которые могли бы позволить составить конкуренцию странам Нового Света.

Третье место в потоке скоропортящихся продуктов, доставлявшихся из Сибири, занимали яйца, дичь и свежая рыба [20, с. 351]. Несмотря на богатство сибирских рек рыбой, промышленное рыболовство там стало развиваться сравнительно поздно, а условия для транспортировки свежемороженой рыбы были плохо развиты. Этим объясняется ее незначительная доля вывоза в те годы из Сибири.

Статистика движения товаров по Сибирской железной дороге за 1913 г. показывала, что количество перевезенных по ней скоропортящихся продуктов составило около 10 миллионов пудов (163 800 000 кг). Из них молочных продуктов (в большинстве своем масла) было

перевезено 5 500 000 пудов (90 090 000 кг), мясных продуктов – 2 982 000 пудов (48 845 160 кг), рыбы – 699 000 пудов (11 449 620 кг) [21, с. 455]. Несмотря на это, ввиду существенного недостатка специально оборудованных вагонов-ледников экспортные возможности стремительно развивавшегося сельского хозяйства Сибири были реализованы далеко не в полной мере. Лидирующее положение масла в списке экспортируемых продуктов было обусловлено организованным на достаточно высоком уровне процессом его транспортировки. Однако нехватка холодильного оборудования отрицательно сказывалась на поставках ряда других видов продуктов. К примеру, вывоз дичи и битой птицы вынужденно прекращался в период с апреля по октябрь – время, которое как раз считалось наиболее благоприятным для их сбыта [20, с. 351]. Самой восточной точкой Сибири, с которой начинались незначительные потоки поставок в западном направлении масла и мяса, являлся Красноярск. Объемы перевозки этих продуктов значительно возрастали в Ново-Николаевске, Омске, Петропавловске, Кургане и Челябинске [21, с. 459]. Исходя из этого, следует, что основная масса поставок скоропортящихся продуктов осуществлялась с территории Западной Сибири. В то же время отсутствие необходимой инфраструктуры не позволяло развить экспорт продуктов животноводства из Восточной Сибири. Основная масса охлажденной рыбной продукции с Дальнего Востока поступала на рынки Сибири, главными распределительными центрами которой являлись Иркутск, Ново-Николаевск и Омск. Второе

Таблица 4. Крупнейшие пункты спроса на сибирское мясо в России (1909–1913 гг.)

Table 4. The largest demand for Siberian meat in Russia (1909–1913)

Пункты вывоза	Объем вывезенной продукции (пудов/кг)			
	1909	1911	1913	Среднее
Петроград	531 413 (8 704 545)	734 555 (12 032 011)	996 860 (16 328 567)	754 276 (12 355 040)
Москва	549 791 (9 005 577)	438 561 (7 183 629)	365 853 (5 992 672)	451 401 (7 393 948)
Н. Порт	–	16 185 (265 110)	29 949 (490 565)	23 063 (377 772)
Виндава	5 813 (95 217)	18 460 (302 375)	29 133 (477 199)	17 802 (291 597)
Рига	1 253 (20 524)	6 879 (112 678)	61 061 (1 000 179)	23 064 (377 788)

Примечание. Составлено автором по данным журнала «Холодильное дело» [21, с. 459].

место после Сибири занимали рынки Европейской России. На них же приходилась большая часть поставок красной икры горбуши и кеты [11, с. 360].

Анализируя вклад Комитета в развитие экспорта продуктов из Сибири, следует в первую очередь отметить «пробуждение общественной инициативы в холодильном деле» [13, л. 53]. Принимавшие активное участие в работе Комитета общественные деятели, ученые-исследователи и практики в области холодильного дела Н.А. Бородин, Д.Н. Головин, М.Т. Зароченцев и др. разрабатывали проекты создания не только отдельных охлаждающих устройств, но и единой инфраструктуры для хранения и транспортировки скоропортящихся продуктов, оказывали консультации производителям холодильного оборудования и представляли их интересы в различных государственных инстанциях. Благодаря деятельности Комитета были организованы первые опытные перевозки скоропортящихся грузов из Сибири в Москву, Петербург и Варшаву [5, с. 144–145]. Большое значение имело проведение Комитетом первых обобщающих статистических и аналитических исследований, посвященных роли холодильного дела в развитии экономики России. Так, председателем московского комитета профессором Д.Н. Головиным впервые были систематизированы данные о перевозке скоропортящихся грузов по российской сети железных дорог. С.Н. Проккоповичем были изданы труды по экономике и статистике холодильного дела в России, на основе которых им были прочитаны лекции в Московском народном университете им. А.Л. Шанявского. В изданиях и отчетах Комитета были предприняты попытки обобщения и систематизации статистики, характеризующей количество имеющегося в стране холодильного оборудования, показателей объемов внутренних и экспортных перевозок скоропортящихся продуктов, а также их стоимости. Основными источниками для этих обобщений послужили данные Министерства торговли и промышленности, Министерства путей сообщения, центрального и губернских статистических комитетов, земств, государственных и частных торгово-промышленных объединений, а также собственные опросы и изыскания. Не менее важным являлось созда-

ние Комитетом площадок для обсуждения вопросов по внедрению холодильного дела в различные отрасли экономики благодаря проведению в разных городах конгрессов, съездов и других публичных мероприятий.

По мнению членов правления Комитета, наметившуюся положительную динамику роста экспорта из России скоропортящихся продуктов можно было значительно усилить путем создания в стране развитой инфраструктуры, которая обеспечивала бы: а) хранение продуктов в местах производства; б) их перевозку на рынок сбыта и распределенный рынок; в) хранение продуктов на рынке сбыта вплоть до появления на них спроса [13, л. 89]. О несоразмерности развития имевшейся в те годы инфраструктуры экспортным возможностям России свидетельствовали следующие данные, которыми располагал Комитет. В соответствии с ними по состоянию 1 января 1910 г. на российских железных дорогах числилось 2 427 казенных и 421 частных вагонов-ледников с общей грузоподъемностью в 1,87 миллиона пудов (30 630 600 кг). В США по состоянию на тот же год эксплуатировалось около 100 000 вагонов-ледников и около 50 000 вентиляторных вагонов. При этом В.И. Денисов обосновывал острую нехватку холодильного транспорта в России следующими цифрами. Для перевозки сибирского масла в 1910 г. (3,9 миллиона пудов, или 63 882 000 кг на сумму 47,6 миллиона рублей) было использовано 1 444 вагона-ледника, что составляло около половины всего их парка, имевшегося на то время в стране. Далее, по замечанию В.И. Денисова, в этой ситуации очевидно, что оставшихся вагонов-ледников не хватило бы на экспорт одних только яиц, которых в том же году было вывезено 2 998 миллионов штук, или около 12 миллионов пудов (196 560 000 кг) на сумму 62,7 миллиона рублей [13, л. 63]. Из этого В.И. Денисовым был сделан вывод о том, что имевшиеся на то время в России вагоны-ледники могли обслужить лишь около 5 % всех скоропортящихся грузов [13, л. 63]. Статистика свидетельствует о том, что, несмотря на меры, предпринимаемые Комитетом, в последующие годы сложившуюся ситуацию не удалось коренным образом изменить. Так, по подсчетам Съезда маслоэкспортеров, для вывоза масла в кампанию 1913 г.

требовалось 6 320 вагонов-ледников. Сибирская железная дорога на тот момент эксплуатировала лишь 1 339 таких вагонов. После привлечения свободных вагонов-ледников, имевшихся в распоряжении других региональных участков железной дороги, их количество возросло до 1 471, что не смогло существенно улучшить сложившуюся ситуацию [5, с. 18].

Недостаточное развитие инфраструктуры для охлажденного хранения и транспортировки скоропортящихся продуктов особенно болезненно сказывалось на ограниченных возможностях их поставок из России в Европу. Незадолго до начала Первой мировой войны у России наметилась положительная динамика экспорта мяса, масла и яиц в Англию, Германию, Францию, Голландию и некоторые другие страны Западной Европы. Рост поставок бекона в Англию возрос с 59 897 центнеров в 1906 г. до 136 021 центнера в 1910 году [9, с. 258]. В 1913 г. Россия поставила в Англию 371 826 пудов (6 090 510 кг) битой птицы на общую сумму 3 446 650 руб., значительно опередив в объеме поставок США. В этом же году Россия занимала лидирующее место в поставках в Англию масла, которого было экспортировано 2 329 383 пуда (38 155 293 кг) на сумму 38 313 660 рублей. Также Россией в Англию было поставлено 137 439 324 пуда (2 251 256 127 кг) свежих яиц на сумму 47 452 290 рублей. По другим наименованиям скоропортящихся продуктов лидерами поставок в Англию продолжали оставаться США, Австралия, Аргентина и другие страны Нового Света [7, с. 4–5]. В 1911 г. Россия поставила на рынок Голландии 14 535 кг яиц, заняв около трети общего объема их экспорта в эту страну [3, с. 186].

В 1912 г. значительное подорожание мяса в Европе вынудило Германию снять имевшиеся ранее ограничения на его ввоз из России [15, л. 26]. Однако отсутствие технических возможностей для регулярной транспортировки мяса из Сибири сделало возможным его экспорт в Германию лишь из наиболее близко расположенного к ней Привислинского края (Варшавская, Петроковская, Радомская, Келецкая и Люблинская губернии) [15, л. 26]. При этом в переписке Министерства торговли и промышленности и Комитета по холодильному делу с германскими фирмами об экс-

порте мяса из России отмечалось: «К сожалению, позволительно предположить, что при отсутствии в настоящее время в местах убоя скота в России складов-холодильников, а также специально приспособленного вагонного парка и регулярных срочных рейсов пароходо-рефрижераторов доставление значительного количества русского мяса в Германию окажется в текущем сезоне вряд ли исполненным, тем более что и в крупных русских центрах потребления, как например, в Петербурге и Москве, население с явной невыгодой для себя питается не привозным мясом, а мясом привозного скота» [15, л. 27]. Следствием сложившейся ситуации стал довольно небольшой объем поставок российского мяса в Германию.

Для осуществления заметного прорыва в массовом развитии холодильного дела и экспорта скоропортящихся продуктов, которые оно могло бы обеспечить, большие надежды возлагались на проведение в 1916 г. в Санкт-Петербурге Четвертого международного конгресса по холодильному делу. Идея проведения международного конгресса в России впервые была озвучена В.И. Денисовым в 1913 году. Первые два таких конгресса с большим успехом прошли в Париже (1908) и Вене (1910). Третий конгресс должен был состояться в 1914 г. в Чикаго. Планировалось, что на нем российская делегация огласит свое предложение о проведении следующего конгресса на своей территории. Предполагалось, что для организации мероприятия правительству России придется выделить не менее 50 тыс. рублей [13, л. 93]. Однако этим планам не суждено было сбыться. Начавшаяся в 1914 г. Первая мировая война осложнила международные отношения России и свела на нет наметившуюся положительную динамику экспорта из нее в Европу скоропортящихся продуктов. Только наладившийся рынок сбыта продуктов в Германию был полностью потерян. В 1915 г. Виндава была занята немецкими войсками, в результате чего дальнейший экспорт масла через ее порт в Европу стал невозможным. В результате этого поставки масла из Сибири в годы Первой мировой войны были в значительной мере переориентированы на внутренние рынки и нужды армии. Также в эти годы предпринимались попытки наладить постав-

ки масла в Европу через Архангельск и Финляндию, однако доля его экспорта в военное время резко сократилась. Объем поставок продуктов из России в Англию упал, при этом в нем усилилось влияние Аргентины, Австралии и Новой Зеландии, которые находились далеко от театра военных действий [7, с. 9].

К началу Первой мировой войны производством холодильной техники в России занимались лишь два машиностроительных завода – «Франц Крулль» в Риге и «Феникс» в Петрограде. Увеличившаяся потребность России в холодильных установках делала страну зависимой от их импорта из США, Англии, Швеции и Дании [10, с. 293].

В военные годы акцент деятельности Комитета по холодильному делу был во многом смещен на решение нужд российской армии. В их числе была организация поставок мяса и других видов скоропортящегося продовольствия на фронт, снабжение льдом лазаретов и санитарных поездов, имитация зимних условий для испытания в летнее время работы новых моделей противогазов [7, с. 3–4] и т. д.

Результаты. Изменения геополитической ситуации, наступившие в результате Первой мировой войны и революции 1917 г., лишили Россию (и Сибирь в частности) шанса стать одним из крупнейших игроков на складывавшемся в начале XX в. глобальном рынке торговли скоропортящимися продуктами. Исторические потрясения тех лет не позволили воплотить в жизнь многие начинания Комитета по холодильному делу, которые были связаны с развитием единой инфраструктуры для охлажденного хранения и транспортировки скоропортящихся продуктов, которая могла бы существенно расширить экспортные возможности России. Революция окончательно поставила крест на деятельности Комитета. Последние известные нам документы, связанные с его работой, датированы 1918 годом [6]. Судьба создателя Комитета В.И. Денисова в годы советской власти остается неиз-

вестной. Другие видные организаторы холодильного дела, Н.А. Бородин и М.Т. Зароченцев, эмигрировали из России и впоследствии смогли реализовать успешную профессиональную карьеру в США. Несмотря на то что расцвет деятельности Комитета пришелся на короткий отрезок времени, с 1910 по 1914 г., его работа способствовала росту общественного внимания к развитию в России холодильного дела и послужила толчком к появлению многих оригинальных научно-практических разработок, исследований и дискуссий, которые нашли свое отражение на страницах журнала «Холодильное дело» и в многочисленных сборниках и брошюрах. Сохранившиеся архивные документы и издания Комитета содержат большое количество фактических и статистических сведений, отражающих роль применения искусственного холода в развитии отечественной экономики начала XX в., что делает их ценными, но еще до конца не осмысленными источниками в сфере экономической истории России.

Подводя итог исследованию этих источников, можно сделать вывод о том, что Комитет по холодильному делу входил в число важных государственных институтов, призванных осуществить техническую модернизацию агропромышленного комплекса России. При этом деятельность Комитета была тесно связана с задачами аграрной реформы П.А. Столыпина. В результате ее воплощения в жизнь стал активно развиваться рынок скоропортящихся продуктов, поставляемых крестьянскими хозяйствами Сибири, который остро нуждался в эффективной инфраструктуре сбыта. Несмотря на то что внешние и внутренние политические факторы не дали возможность в полной мере реализовать внедрение революционных для своего времени технологий транспортировки продуктов питания, деятельность Комитета заложила научную и организационную основу для последующего развития холодильного дела в Советском Союзе.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. 100 лет первому Национальному комитету по холодильному делу в России // Холодильная техника. 2009. Т. 98, № 12. С. 4–6.
2. Английская прозорливость // Холодильное дело. 1912. № 6. С. 336–340.

3. Ввоз русских яиц в Голландию // Холодильное дело. 1912. № 3. С. 186–187.
4. Грико Т. И. Холодильное дело в России на рубеже XIX–XX вв. (проблема развития инфраструктуры) // Известия МГТУ МАМИ. 2012. № 2 (14). С. 261–267.
5. Журналы заседаний XV юбилейного съезда маслоэкспортеров и деятелей по молочному хозяйству и холодильному делу, 5–9 декабря 1913 г. Омск: Электро-тип. Акм. обл. правления. 1914. 145 с.
6. Журналы Комитета по холодильному делу // Российский государственный исторический архив (далее – РГИА). Ф. 23. Оп. 26. Д. 121. 87 л.
7. Зароченцев М. Т. Холодильное дело на службе армии и городов // Холодильное дело. 1916. № 1. С. 3–15.
8. Историческая справка о Российском комитете по холодильному делу // РГИА. Ф. 23. Оп. 32. Д. 8. 6 л.
9. К вопросу о вывозе свиных туш из России в Англию // Холодильное дело. 1912. № 4. С. 258–260.
10. К вопросу о недостатке холодильных машин в России // Холодильное дело. 1916. № 6. С. 293.
11. К положению дальневосточной рыбной промышленности // Холодильное дело. 1915. № 8–9. С. 359–361.
12. Об устройстве холодильника в гор. Верхнеудинск, Забайк. обл. // Холодильное дело. 1916. № 6. С. 190–191.
13. Об учреждении Комитета по холодильному делу // РГИА. Ф. 1276. Оп. 4. Д. 172. 177 л.
14. От редакции // Холодильное дело. 1912. № 1. С. 5–6.
15. Переписка с Министерством, Комитетом по холодильному делу и германскими фирмами об экспорте мяса из России в юго-западную и южную Германию // РГИА. Ф. 23. Оп. 32. Д. 47. 214 л.
16. Полевой А. А. Зарождение холодильной промышленности в дореволюционной России // Холодильная техника. 2011. № 10. С. 52–56.
17. Прокопович С. Н. Экономика и статистика холодильного дела в России. М.: Тип. П.П. Рябушинского, 1913. 42 с.
18. Рогатко С. А. История продовольствия России с древних времен до 1917 года. Историко-экономический взгляд на агропромышленное развитие Российской империи. М.: Рус. панорама, 2014. 1024 с.
19. Списки представителей Русского комитета Первого международного конгресса по холодильному делу в Париже // РГИА. Ф. 32. Оп. 2. Д. 113. 8 л.
20. Холодильное дело в Сибири // Холодильное дело. 1915. № 8–9. С. 351–352.
21. Экономическая часть // Холодильное дело. 1915. № 11. С. 455–462.

REFERENCES

1. 100 let pervomu Natsionalnomu komitetu po kholodilnomu delu v Rossii [100 Years to the First National Committee on Refrigerating Business in Russia]. *Kholodilnaja tekhnika* [Refrigeration Equipment], 2009, vol. 98, no. 12, pp. 4–6.
2. Anglijskaja prozorlivost [English Insight]. *Kholodilnoje delo* [Refrigerating Business], 1912, no. 6, pp. 336–340.
3. Vvoz russkikh jait v Gollandiju [Import of the Russian Eggs to Holland]. *Kholodilnoje delo* [Refrigerating Business], 1912, no. 3, pp. 186–187.
4. Griko T.I. Kholodilnoje delo v Rossii na rubezhe XIX–XX vv. (problema razvitija infrastruktury) [Refrigeration in Russia at the Turn of the 19th – 20th Centuries (The Problem of Infrastructure Development)]. *Izvestija MGTU MAMI* [Herald MGTU MAMI], 2012, no. 2 (14), pp. 261–267.
5. *Zhurnaly zasedanij XV jubilejnogo s'ezda masloeksporterov i dejatelej po molochnomu khozjajstvu i kholodilnomu delu, 5–9 dekabrja 1913 g.* [Registers of the 15th Anniversary Congress of Butter Exporters and Figures on Dairy Farming and Refrigerating Business, on December 5–9, 1913]. Омск, Электро-Тип. Акм. обл. правления, 1914. 145 p.
6. Zhurnaly Komiteta po kholodilnomu delu [Journals of the Refrigeration Committee]. *Rossiiskij gosudarstvennyj istoricheskij arkhiv* (hereinafter – RGIA) [The Russian State Historical Archive], f. 23, inv. 26, d. 121. 87 l.
7. Zarochentsev M.T. Kholodilnoje delo na sluzhbe armii i gorodov [Refrigerating Business on Service of Army and the Cities]. *Kholodilnoje delo* [Refrigerating Business], 1916, no. 1, pp. 3–15.
8. Istoricheskaja spravka o Rossijskom komitete po kholodilnomu delu [Historical Information About the Russian Committee on Refrigeration]. *RGIA* [The Russian State Historical Archive], f. 23, inv. 32, d. 8. 6 l.
9. K voprosu o vyvoze svinykh tush iz Rossii v Angliju [On the Question of Export of Pork Carcasses from Russia to England]. *Kholodilnoje delo* [Refrigerating Business], 1912, no. 4, pp. 258–260.
10. K voprosu o nedostatke kholodilnykh mashin v Rossii [On the Question of a Lack of Refrigerators of Russia]. *Kholodilnoje delo* [Refrigerating Business], 1916, no. 6, p. 293.
11. K polozheniju dalnevostochnoj rybnoj promyshlennosti [About the Situation in Fishing Industry in the Far East]. *Kholodilnoje delo* [Refrigerating Business], 1915, no. 8–9, pp. 359–361.

12. Ob ustrojstve kholodilnika v gor. Verkhneudinsk, Zabajk. obl. [About the Arrangement of a Refrigerator in the Town of Verkhneudinsk of Zabaykalskaja Oblast]. *Kholodilnoje delo* [Refrigerating Business], 1916, no. 6, pp. 190-191.
13. Ob uchrezhdenii Komiteta po kholodilnomu delu [On the Establishment of the Committee on Refrigeration]. *RGIA* [The Russian State Historical Archive], f. 1276, inv. 4, d. 172. 177 l.
14. Ot redaktsii [From Editorial Board]. *Kholodilnoje delo* [Refrigerating Business], 1912, no. 1, pp. 5-6.
15. Perepiska s Ministerstvom, Komitetom po kholodilnomu delu i germanskimi firmami ob eksporte mjasa iz Rossii v jugo-zapadnuju i juzhnuju Germaniju [Correspondence with the Ministry, the Committee on Refrigeration and German Companies on the Export of Meat from Russia to Southwestern and Southern Germany]. *RGIA* [The Russian State Historical Archive], f. 23, inv. 32, d. 47. 214 l.
16. Polevoj A.A. Zarozhdenije kholodilnoj promyshlennosti v dorevoljutsionnoj Rossii [Origin of the Refrigerating Industry in Pre-Revolutionary Russia]. *Kholodilnaja tekhnika* [Refrigeration Equipment], 2011, no. 10, pp. 52-56.
17. Prokopovich S.N. *Ekonomika i statistika kholodilnogo dela v Rossii* [Economy and Statistics of Refrigerating Business in Russia]. Moscow, Tip. P.P. Rjabushinskogo, 1913. 42 p.
18. Rogatko S.A. *Istorija prodovolstvija Rossii s drevnikh vremen do 1917 goda. Istoriko-ekonomicheskij vzgljad na agropromyshlennoe razvitije Rossijskoj imperii* [The History of Russian Food from Ancient Times to 1917. Historical and Economic View on the Agro-Industrial Development of the Russian Empire]. Moscow, Rus. panorama Publ., 2014. 1024 p.
19. Spiski predstavitelej Russkogo komiteta Pervogo mezhdunarodnogo kongressa po kholodilnomu delu v Parizhe [Lists of Representatives of the Russian Committee of the First International Congress on Refrigeration in Paris]. *RGIA* [The Russian State Historical Archive], f. 32, inv. 2, d. 113. 8 l.
20. Kholodilnoje delo v Sibiri [Refrigerating Business in Siberia]. *Kholodilnoje delo* [Refrigerating Business], 1915, no. 8-9, pp. 351-352.
21. Ekonomicheskaja chast [Economical Part]. *Kholodilnoje delo* [Refrigerating Business], 1915, no. 11, pp. 455-462.

Information About the Author

Roman Yu. Fedorov, Doctor of Sciences (History), Chief Researcher, Earth Cryosphere Institute – Tyumen Scientific Centre of the Siberian Branch of the Russian Academy Sciences, Malygina St, 86, 625026 Tyumen, Russian Federation, r_fedorov@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-3658-746X>

Информация об авторе

Роман Юрьевич Федоров, доктор исторических наук, главный научный сотрудник, Институт криосферы Земли Тюменского научного центра СО РАН, ул. Малыгина, 86, 625026 г. Тюмень, Российская Федерация, r_fedorov@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-3658-746X>

DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2026.3.18>

UDC 94(47).084.8

LBC 63.3(2-2СП6)

Submitted: 18.06.2025

Accepted: 04.12.2025

THE LENINGRAD GARAGE ELECTRICAL EQUIPMENT PLANT AND ITS DIRECTOR, M.S. CHAMAEV IN 1934–1941

Andrei M. Riabkov

European University at Saint Petersburg, Saint Petersburg, Russian Federation;
The Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Moscow,
Russian Federation

Abstract. *Introduction.* The publication is devoted to a stage in the history of one of the industrial enterprises of pre-war Leningrad – the Garage Electrical Equipment Plant, a significant part of whose workforce consisted of blind and visually impaired people. *Methods and materials.* The author identified a number of documents in the funds of the Central State Archive of Historical and Political Documents of St. Petersburg and the Central State Archive of St. Petersburg that made it possible to reconstruct the history of the plant from 1934 to 1941. *Analysis.* The plant, which previously produced beds and shoes, was reorganized to produce electric motors and special electrical equipment. In the six pre-war years, the plant's director M.S. Chamaev turned the plant into a promising electrical engineering enterprise that made it possible to carry out social adaptation of those who lost their sight during the Soviet-Finnish War. In August 1941, the plant was included in the program for the production of the Degtyarev submachine gun and ammunition; the blind mastered new technological operations in a short time. *Results.* Despite the efforts made by M.S. Chamaev to organize new military production, a clash occurred between the director and the party leadership of Leningrad, as a result of which the director himself, the secretary of the party committee, and the chief engineer of the plant were fired; the plant ceased operations until May 1942.

Key words: Chamaev Mikhail Semenovich, Garage Electrical Equipment plant, Garage Electrical Equipment, Leningrad industry, Degtyarev submachine gun.

Citation. Riabkov A.M. The Leningrad Garage Electrical Equipment Plant and Its Director, M.S. Chamaev in 1934–1941. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 4. Istoriya. Regionovedenie. Mezhdunarodnye otnosheniya* [Science Journal of Volgograd State University. History. Area Studies. International Relations], 2026, vol. 31, no. 3, pp. 199–210. (in Russian). DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2026.3.18>

УДК 94(47).084.8

ББК 63.3(2-2СП6)

Дата поступления статьи: 18.06.2025

Дата принятия статьи: 04.12.2025

ЛЕНИНГРАДСКИЙ ЗАВОД АВТОГАРАЖНОГО ЭЛЕКТРООБОРУДОВАНИЯ И ЕГО ДИРЕКТОР М.С. ЧАМАЕВ В 1934–1941 ГОДАХ

Андрей Маркович Рябков

Европейский университет в Санкт-Петербурге, г. Санкт-Петербург, Российская Федерация;
Российская академия народного хозяйства и государственной службы
при Президенте Российской Федерации, г. Москва, Российская Федерация

Аннотация. *Введение.* Публикация посвящена этапу истории одного из промышленных предприятий довоенного Ленинграда – заводу Автогаражного электрооборудования (далее – завод АГЭ), значительную часть трудового коллектива которого составляли слепые и слабовидящие. *Методы и материалы.* Автор выявил в фондах Центрального государственного архива историко-политических документов Санкт-Петербурга и Центрального государственного архива Санкт-Петербурга ряд новых документов, позволивших реконструировать историю завода АГЭ с 1934 по 1941 год. *Анализ.* Завод, выпускавший кровати и туфли, перестроился на производство электромоторов и специального электрооборудования. Директор завода

М.С. Чамаев за шесть предвоенных лет превратил завод в перспективное электротехническое предприятие, позволявшее осуществлять социальную адаптацию потерявших зрение в ходе Советско-финляндской войны 1939–1940 годов. В августе 1941 г. завод был включен в программу выпуска пистолета-пулемета Дегтярева и боеприпасов, незрячие в сжатые сроки осваивали новые технологические операции. *Результат.* Несмотря на приложенные М.С. Чамаевым усилия по организации новых военных производств, произошло столкновение директора с партийным руководством Ленинграда. В результате горком ВКП(б) утвердил волонтаристическое решение районного комитета партии о смене руководства завода АГЭ. Директор, секретарь партийного комитета и главный инженер завода оказались уволенными; завод прекратил работу до мая 1942 года.

Ключевые слова: Чамаев Михаил Семенович, завод Автогаражного электрооборудования, АГЭ, промышленность Ленинграда, пистолет-пулемет Дегтярева.

Цитирование. Рябков А. М. Ленинградский завод Автогаражного электрооборудования и его директор М.С. Чамаев в 1934–1941 годах // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 4, История. Регионоведение. Международные отношения. – 2026. – Т. 31, № 3. – С. 199–210. – DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2026.3.18>

Введение. Отечественная историография уделяла достаточно много внимания деятельности промышленных предприятий СССР и России. В общесоюзной книжной серии «История фабрик и заводов» (ИФЗ) за годы советской власти вышло порядка 200 изданий, посвященных только ленинградской индустрии (общее количество книг серии значительно больше). Не остановился процесс создания летописей предприятий и в постсоветский период, хотя формально серия прекратила свое существование. Главным образом, в ИФЗ освещалась работа предприятий – «гигантов» (Кировский, Ижорский заводы, «Электросила», «Красный Треугольник»), в то время как прочие заводы и фабрики, в подавляющем большинстве, не получили собственной историографии, а изданные труды изобиливали информационными лакунами, появлявшимися по идеологическим и цензурным соображениям¹. Также крайне скудны опубликованные сведения о хозяйственных и партийных руководителях в сфере производства.

Между тем, особенно в свете текущих событий, опыт, полученный отечественной промышленностью в эпоху 1930–1940-х гг. перед лицом постоянной военной угрозы, нуждается в тщательном изучении.

Методы и материалы. Одним из методов исследования является разработка микроисторий отдельных предприятий на основе вновь выявленных архивных документов с целью последующего установления общего и особенного в процессах управления на производстве, в методах взаимодействия руководителя с подчиненными и собственным руководством, в целеполагании и

мотивации. В качестве примера подобных микроисторий можно привести работы Н.А. Виноградовой, Е.П. Сизенова, А.М. Рябкова [1; 24; 25].

Исследование выполнено по материалам фондов Центрального государственного архива историко-политических документов Санкт-Петербурга и Центрального государственного архива Санкт-Петербурга.

Анализ. К 1941 г. Ленинград обеспечивал 10,2 % валовой промышленной продукции СССР, в городе находилось 470 заводов и фабрик, 50 полиграфических предприятий², 280 артелей, на которых трудилось порядка 780 тыс. человек [8, с. 14]. В основном предприятия занимали помещения дореволюционной постройки, новое строительство велось ограниченно.

Так, в 1934 г., в западной части Петроградского острова, на Большой Колтовской улице, дом 16/18 наркоматом социального обеспечения РСФСР было начато строительство завода, на котором могли бы работать слабовидящие и незрячие. Последовавшие в Ленинграде вслед за убийством С.М. Кирова репрессии и перестановки кадров ударили по многим промышленным и строительным программам города. Не стал исключением и завод Наркомсобеса, который должен был объединить 8 разрозненных площадок учебно-производственного комбината Ленинградского общества слепых (производство чемоданов, туфель, спасательных кругов, матрацев) под одной крышей, предоставив трудящимся с особыми нуждами (порядка 400 человек) приспособленные помещения. На одном из этапов, в апреле 1936 г., строившийся завод, получив-

ший название «Завод электромоторов и экспедиционного снаряжения» (далее – ЗЭМЭС), возглавил Михаил Семенович Чамаев.

Родился М.С. Чамаев в 1896 г. в Двинске, рано

Михаил Семенович Чамаев

остался без матери, почти не учился – смог закончить всего 3 класса, помогая отцу по столярной мастерской. В сентябре 1914 г. был призван в армию, после первого ранения покинул ее ряды: в Петрограде работал в различных кустарных мастерских. В 1915 г. был возвращен на службу,

осужден корпусным судом и приговорен за дезертирство из действующей армии к 5 неделям тюремного заключения «с отбыванием на хлебе и воде после окончания войны» [7, л. 9].

«Пиком» карьеры Чамаева в годы Гражданской войны стала должность коменданта здания исполкома Коминтерна в Москве, которую он занимал с октября 1921 г. по февраль 1922 года. Последующее десятилетие работал столяром в Москве, Пензе и Ленинграде, к 1933 г. став председателем артели «Деревообделочник».

Удачный поворот в карьере Чамаева произошел в сентябре 1933 г., когда он был переведен директором на ленинградский завод № 8 «Конструктор» наркомата просвещения РСФСР и вскоре получил направление на заочные годичные курсы повышения квалификации в Промышленную академию имени Сталина. Через год, в 1935 г., Чамаеву была присвоена квалификация хозяйственника и выдано удостоверение о среднем образовании, а в апреле 1936 г. последовало назначение на ленинградский завод Наркомсобеса [7, л. 29].

Приход М.С. Чамаева оказался для завода драматическим событием, поскольку новый руководитель поставил своей задачей не только закончить его строительство, но и «переквалифицировать труд слепых на промышленную продукцию». Новый директор

пошел на кардинальные кадровые перестановки, чем вызвал недоумение трудового коллектива, вынужденного обратиться за защитой в районный комитет ВКП(б). Результаты проведенного Приморским райкомом расследования показали, что «завод ЗЭМЭС предназначен для использования труда слепых и только в силу этого завод находится в системе Наркомсобеса. На заводе занято 550 человек инвалидов, из которых около 50 % слепых.

Несмотря на то что руководство заводом и все руководящие должности (начальники цехов) были заняты слепыми, завод с заданием на 1935 г. справился удачно (115 % выполнения годового плана и 608 тысяч рублей получено накоплений).

В апреле месяце приказом зам. Наркома социального обеспечения т. Коковихиным³ от 14 числа за № 173 снят с работы директор завода, член ВКП(б) тов. Петрушанский⁴. Причины снятия Петрушанского в приказе не были указаны. Сам т. Петрушанский и секретарь парткома т. Тихомиров⁵ узнали о замене директора только из самого приказа, предоставленного им вновь назначенным директором т. Чамаевым.

Директор завода т. Чамаев, в свою очередь, снял с работы двух начальников цехов – т. Прехтеля⁶, инженера, члена ВКП(б), слепого, и т. Титова, тоже слепого. Попытка снятия третьего начальника цеха слепого т. Алексеева была приостановлена Пром[ышленным] отделом ЛК ВКП(б)» [2].

Из материалов расследования следует, что снятие начальников цехов произошло с ведома Наркомсобеса, который санкционировал «политически вредную» точку зрения нового директора о том, что на руководящих должностях, хотя бы и технических, слепые работать не должны. Доводами Чамаеву служили утверждения, что зрячий начальник цеха более эффективен, а также то, что слепой начальник повышает пожарную опасность предприятия. Действия Чамаева игнорировали положения инструкции Всероссийского общества слепых (далее – ВОС) и Наркомсобеса от 13 мая 1935 г., в соответствии с которыми ни один из руководящих работников-слепых не мог быть снят с работы из invalidных организаций без согласования с ВОС. Кроме того, были выявлены факты разбазаривания госу-

дарственных средств с целью обустройства присланного из Москвы технорука (технического руководителя) завода Протопопова.

Промышленно-транспортный отдел Ленинградского горкома ВКП(б) (далее – ЛГК ВКП(б)) усмотрел в действиях М.С. Чамаева попытку превратить завод в чисто хозяйственную единицу вместо его настоящего назначения – производственного использования труда инвалидов, однако до смены руководства дело не дошло.

Необходимо отметить, что и через восемь месяцев после назначения Чамаева к работе завода имелись серьезные замечания. В своей докладной записке от 3 января 1937 г. заведующий промышленным отделом горкома И.П. Светиков⁷ отмечал, что еще в начале 1936 г. завод должен был закончить реконструкцию и организовать производство в новых корпусах, однако «в результате безответственного отношения технического руководства, с порученной работой по реконструкции завод не справился», новый тип промышленного электромотора не освоил и едва ли освоит в 1937 г., «ибо технологический процесс отсутствует» [3].

В ноябре 1936 г. на заводе числилось 140 стахановцев, из них 101 слепой и 39 зрячих. «Таким образом, среди инвалидов насчитывается 46 % стахановцев, а среди здоровой части рабочих – 25 % стахановцев⁸. Несмотря на это, на заводе не создают условий для нормальной работы слепых <...> В цехах отсутствует вентиляция, воздух спертый, а завком проходит мимо такого положения. Для нормальной работы на заводе слепых необходимо добиться от Наркомсобеса отпуска средств в 1937 г. на строительство при заводе жилого дома – заключал И.П. Светиков» [3].

Передача завода из Наркомсобеса в наркомат Местной промышленности РСФСР состоялась в 1938 году. К этому времени произ-

водство малогабаритных электромоторов уже велось, их серийный выпуск, несмотря на опасения И.П. Светикова, начался в 1937 г. и составил 200 штук.

В программу завода 1938 и 1939 гг. вошли разнотипные моторы, походные кровати и спортивные туфли (табл. 1) [26].

В конце 1939 г. завод вместе со всей разнотипной производственной программой был переведен в ведение наркомата автомобильного транспорта РСФСР (далее – НКАТ).

Трудности периода Советско-финляндской войны 1939–1940 гг. затронули завод, учитывая его специфику, в большей степени, чем остальные ленинградские предприятия. С 13 декабря из-за сокращения отпуска электроэнергии на простой встали производственные участки слепых, а со 2 января 1940 г. по этой же причине остановился весь завод, что заставило М.С. Чамаева обратиться за содействием непосредственно ко второму секретарю ЛГК ВКП(б) А.А. Кузнецову⁹ – фактически, в высшую инстанцию по вопросам работы ленинградской промышленности [10].

В начале 1940 г. претерпело изменение название предприятия – оно стало именоваться Ленинградский электромеханический завод (ЛЭМЕЗ, или ЛЭМЗ). В 1940 г. контингент завода пополнился за счет участников Советско-финляндской войны, потерявших зрение в ходе боевых действий. Производство походных кроватей и спортивных туфель продолжалось, и было передано, вместе с оборудованием, артелям кооперации инвалидов только в конце 1940 года. Взамен завод освоил выпуск газотронных выпрямителей для зарядки аккумуляторов¹⁰, которых в 1940 г. изготовил 1100 штук, «а в 1941 году намечено к выпуску 1300 штук» [26]. Сообразно профилю, в конце 1940 г. предприятие было вновь переименовано и стало называться «Завод автогаражного электрооборудования» (далее – завод АГЭ).

Таблица 1. Продукция, выпускаемая заводом ЗЭМЭС / ЛЭМЗ в 1937–1940 годах

Table 1. Products manufactured by the Electric Motors and Expeditionary Equipment plant/ Leningrad Electromechanical plant in 1937–1940

Основные виды выпускаемой продукции	1937 г.	1938 г.	1939 г.	1940 г.	план на 1941 г.	факт за 1941 г.
Электромоторы (шт.)	200	12 000	16 000	18 700	20 000	13 552
Походные кровати (шт.)	нет данных	150 000	50 000	7 000	нет	
Спортивные туфли (пар)	нет данных	350 000	350 000	50 000	нет	

Долгое сохранение в программе непрофильных изделий, равно как и неспешное освоение новых образцов, связано в том числе и с трудностями, которые могли испытывать слабовидящие при усвоении новых двигательных навыков на технологических операциях. Но, как бы то ни было, к концу 1930-х гг. профиль завода, благодаря настойчивости директора, окончательно оформился – промышленные электромоторы мощностью от 0,25 до 2,2 кВт с ежемесячным выпуском до 2 500 штук. В конце 1940 и в первом полугодии 1941 г. заводом, кроме газотронных выпрямителей, были освоены приборы для проверки автосвечей под давлением и на герметичность; контрольно-испытательные стенды для комплексной проверки электрооборудования; приборы для проверки якорей динамо автомобилей; влагоустойчивые моторы мощностью 4,2 кВт; репульсионные моторы мощностью 0,6 кВт. Труд работающих на заводе слепых был применен на большинстве операций (на револьверных станках «Орджоникидзе», на штамповке, на сборке статоров и на сборке моторов в целом) [11].

К началу Великой Отечественной войны завод мобилизационного плана не имел. Согласно телеграфному распоряжению НКАТ, инициированному постановлением Совнаркома СССР от 7 июля 1941 г., заводу было предложено в период войны продолжать работу по электромоторостроению.

Объявленная мобилизация привнесла в работу завода серьезные коррективы. Не все рабочие завода были инвалидами по зрению, наличие на производстве здоровых сотрудников являлось необходимостью, поскольку без их присутствия работа слабовидящих существенно затруднялась. По словам М.С. Чамаева, «в течение июля и августа с завода ушли в армию лучшие кадры, как ИТР, так и рабочих. Помимо этого, большое количество рабочих было отвлечено на трудовую работу¹¹, и тем самым производственная программа июля и августа не была выполнена» [11].

В конце июля 1941 г. городским руководством перед предприятиями Ленинграда был поставлен вопрос об освоении производства пистолетов-пулеметов Дегтярева (далее – ППД). Координатором работ в общегородском масштабе выступало Особое конструкторское бюро № 43 (ОКБ-43), выпускающим

предприятием определен Сестрорецкий инструментальный завод им. Воскова, ложи должна была поставлять Лесотехническая академия, затворы – заводы им. Ильича и «Гидропривод», дисковые магазины – завод АГЭ.

Руководство завода АГЭ подготовило заявку на необходимые материалы из расчета выпуска 1 000 магазинов («изделие М-133»), 4 августа 1941 г., направило ее в оборонный отдел горкома и, вероятно, посчитало свою часть работы выполненной [6].

Между тем уже 8 августа появилось постановление бюро горкома № 138гс об изготовлении в Ленинграде «автомата» ППД. Заводу АГЭ предписывалось организовать производство магазинов для ППД, причем в постановлении было указано, что первый выпуск должен был быть осуществлен в недельный срок, с выпуском с 15 августа 400 штук ежедневно, и с 1 сентября по 800 штук [16].

Последующим постановлением бюро горкома № 181гс от 13 августа завод был обязан организовать производство корпусов 85-мм зенитных снарядов с выпуском уже в августе 3 000 штук и в сентябре 20 000 штук [17].

Реакция М.С. Чамаева больше всего напоминала возмущение: «При подготовке этих решений оборонный отдел Горкома не считал даже нужным предварительно согласовать это задание со мною. Оборонный отдел знал, что для производства магазинов ППД требуется свыше 110 штампов и приспособлений и свыше 100 наименований мерительного инструмента, а для изделий М-85 – большое количество приспособлений к станкам и специальный режущий инструмент.

Кроме того, при посещении завода заведующим Оборонным Отделом Горкома т. Корочины¹² было ясно установлено, что на заводе отсутствует оборудование, как для первого, так и для другого производства.

Таким образом, Оборонный Отдел Горкома, подготавливая задание, заведомо знал о невозможности его выполнения в указанный срок, учитывая, кроме отсутствия оборудования, также и те обстоятельства, что на заводе в тот момент остались исключительно слепые рабочие-инвалиды» [11].

По количеству деталей (27) дисковый магазин ППД был сопоставим с затвором и спусковым механизмом пистолета-пулемета,

имел непростую внутреннюю механику и требовал высокой точности при сборке (сварке) базовых деталей. Соответственно, и штампы для вырубki этих деталей требовали особой тщательности при изготовлении, что не могло не сказаться на сроках начала серийного производства. Уровень подготовки последнего к началу осени (4 сентября 1941 г.) оценивался руководством ОКБ-43 как неудовлетворительный. Начало выпуска магазинов ожидалось не ранее 10–12 сентября, для чего заводу следовало выделить 6 дополнительных станков [4].

Сам М.С. Чамаев видел ситуацию следующим образом: «Несмотря на тяжелую обстановку, заводом в течение недельного срока (в августе. – *А. Р.*) было изготовлено 110 шт. штампов и приспособлений, и через месяц после решения Горкома была выпущена первая партия магазинов для ППД, и с октября начался серийный выпуск.

Обеспечить полностью задание завод не имел возможности из-за отсутствия рабочих кадров, несмотря на неоднократную постановку данного вопроса, как перед районным комитетом партии, так и перед Горкомом, и в данное время (3 декабря 1941 г. – *А. Р.*) еще завод испытывает недостаток в рабочей силе для обеспечения задания» [11].

В то же время количество выпускающих ППД предприятий в Ленинграде росло. Связано это было, с одной стороны, с тем, что завод им. Воскова не справлялся с освоением производства [14, л. 65] (в том числе и по причине перемещения из Сестрорецка в Ленинград), с другой – с тем, что Краснознаменный Балтийский флот (КБФ) формировал отряды моряков для действий на сухопутном фронте, которым

срочно требовалось стрелковое оружие. Так, к концу сентября к выпуску ППД были привлечены завод № 7 им. Фрунзе наркомата вооружений СССР¹³ и два завода наркомата судостроительной промышленности (далее – НКСП) СССР – приборный завод № 209 им. Кулакова и торпедный завод № 181 «Двигатель». Появилось две производственных линии ППД – армейская (заводы им. Воскова и № 7) и флотская (заводы № 181 и № 209). Соответственно, заводу АГЭ теперь предстояло снабжать магазинами ППД не одно, а четыре предприятия, что грозило срывом программы.

Для решения наметившейся проблемы к выпуску деталей для магазина был привлечен завод № 209 НКСП. 27 сентября директор завода № 209 А.А. Терещенко¹⁴ обратился на завод АГЭ с предложением схемы кооперирования между двумя предприятиями [9]. Среди прочего, схемой предполагалась логистическая операция с обратным движением деталей, едва ли приемлемая в условиях срочного и массового производства.

6 октября вышло постановление бюро обкома и горкома № 13гс «О производстве автоматов ППД на ленинградских заводах в октябре месяце 1941 г.», «узаконившее» выпуск ППД заводами № 7, № 209 и № 181. Заводу АГЭ надлежало «изготовить в октябре месяце 20 тысяч шт. магазинов к ППД и сдать на комплектацию автоматов заводу им. Воскова 8 000 шт., заводу № 7 – 8 000 шт., заводу № 209 – 1 000 шт. готовых магазинов и на 7 000 шт. штампованных деталей и заводу № 181 – 3 000 шт. магазинов» [18] (на один ППД полагалось 3 магазина – один примкнут, два в подсумках).

Таблица 2. Выпуск заводом АГЭ фронтовых заказов во втором полугодии 1941 года

Table 2. Production of front-line orders by the Garage Electrical Equipment plant in the second half of 1941

Наименование изделий	Ед. измерения	Начало освоения	Запуск в серийное производство	Производство				
				сент.	окт.	нояб.	дек.	2-е полугодие
М-133	шт.	Сент. 1941	Нояб. 1941	484	1 752	5 691	7 988	15 915
№ 85	шт.	Нояб. 1941				170	50	220
Комплект изделий М-133	руб.				7 300	7 900		15 200

Примечание. М-133 – магазин ППД, № 85 – корпус 85-мм снаряда.

Как следует из годового отчета завода АГЭ, выпуск дисковых магазинов для ППД велся нарастающим темпом. Однако достичь плановых показателей заводу в 1941 г. не удалось (табл. 2) [13, л. 34].

Начало выпуска корпусов 85-мм зенитных снарядов завод затянул до ноября, хотя еще в сентябре должен был выйти на производительность 20 000 штук, за что к директору были применены санкции дисциплинарного характера: 6 октября постановлением бюро горкома М.С. Чамаеву были объявлены выговор («за необеспечение выпуска корпусов снарядов 85 мм и магазина ППД в установленные сроки») и предупреждение о привлечении к строгой ответственности, если выпуск корпусов снарядов не будет налажен «в ближайшие три дня». Также было предложено освободить главного инженера Я.В. Лейбошица от занимаемой должности за необеспечение своевременной технологической подготовки (инструментарий и т. п.) производства корпусов снарядов 85 мм [19].

По стечению обстоятельств в тот же день, 6 октября, в секретариат А.А. Жданова поступило анонимное письмо от группы рабочих АГЭ, в котором содержались жалобы на руководство завода и заводской столовой. Главным было обвинение в присвоении «львиной доли» картофеля, выращенного в подсобном хозяйстве, а также в трудоустройстве «многочисленных родственников директора Чомоева» [15]. На следующий день письмо было переадресовано секретарю Приморского райкома И.С. Харитонову¹⁵ и, вероятно, сыграло в дальнейшей судьбе М.С. Чамаева негативную роль.

В производстве снарядов кардинальных перемен, ни «в ближайшие три дня», ни позднее, не произошло. Более того, М.С. Чамаев перешел в наступление, обратившись 11 октября 1941 г. напрямую к секретарю горкома по промышленности Я.Ф. Капустину¹⁶ с просьбой (а по общему тону письма – с требованием) из шести пунктов, где перечислил необходимые заводу материалы, оборудование и кадры [12], без которых выпуск 85-мм снаряда в необходимом количестве обеспечить было невозможно. Передача этих ресурсов с других предприятий была санкционирована вынесенными ранее решениями Военно-

го Совета и горкома, однако игнорировалась исполнителями. М.С. Чамаев просил Я.Ф. Капустина «употребить власть» с целью заставить нерадивых коллег выполнить свои обязательства.

Вместо этого санкции последовали по отношению к самому М.С. Чамаеву. Резолюция, наложенная Капустиным на обращение Чамаева от 11 октября, больше напоминает приговор: «т. Лысенко¹⁷. Надо Чамаеву дать почувствовать, как надо выполнять решения ГК. Капустин. 16.X-41.». И далее: «Читал 22.X. Лысенко».

Возможно, именно эта резолюция определила дальнейшую судьбу строптивого директора. Кроме того, Чамаев отказался уволить главного инженера Якова Владимировича Лейбошица, трудившегося на заводе АГЭ с 1938 г. Задержка же с началом выпуска 85-мм снарядов имела, по мнению Чамаева, объективную причину: «По снарядам завод до 1-го октября не мог приступить к проектированию технологического процесса, так как оборудование было получено заводом лишь 27 сентября, без чего завод не мог приступить к изготовлению оснащения, не зная характеристик оборудования» [11].

Как бы то ни было, прошел еще месяц, в продолжение которого у горкома, возможно, оставалась надежда, что завод АГЭ работает так, как от него ожидалось. Однако и на этот раз ожидания горкома оказались обманутыми. Ноябрьский выпуск снарядов не превысил 200 штук, и М.С. Чамаев вместе с секретарем парторганизации Д.В. Тихомировым был снят с занимаемой должности. Решение принималось на бюро Приморского райкома 21 ноября 1941 года.

В тексте постановления бюро [22] о слепых рабочих не упоминается – речь идет будто о рядовом предприятии со слабой трудовой дисциплиной. С другой стороны, косвенно признается недостаток кадров и оборудования. Что же касается «директив» и «указаний» бюро райкома о том, как следует осваивать выпуск 85-мм снаряда, то их возможно охарактеризовать не иначе, как «демагогические».

27 ноября появилось постановление бюро горкома № БГ49/95г о директоре завода Автогаражного электрооборудования. М.С. Ча-

маева освобождали от обязанностей директора завода АГЭ, как «не обеспечившего руководства». Этим же постановлением назначался новый директор завода АГЭ Я.Е. Егоров [20].

М.С. Чамаев воспротивился несправедливому, на его взгляд, решению и выступил 3 декабря 1941 г. с апелляцией на имя А.А. Кузнецова, в заключение которой заявил: «Считаю, что постановление Приморского райкома ВКП(б) об освобождении меня от исполнения обязанностей директора завода является неправильным и осуществлено в порядке перестраховки, тем более что районный комитет почти никакой помощи заводу не оказал.

Работая на заводе непрерывно шестой год, я все свои силы и способности направлял исключительно на пользу дела и должен был бы быть отмечен с положительной стороны, а не освобожден от работы.

Прошу пересмотреть вопрос о моем освобождении от работы и восстановить меня на прежней должности, так как считаю, что в настоящий момент, когда закончен весь организационный период и период освоения и налажен серийный выпуск обоих изделий, дальнейший их выпуск является делом бесспорным и очевидным, и я уверен, что при помощи партийной организации я с поставленной перед заводом задачей вполне справлюсь и в самый короткий срок сумею доказать это на деле» [11].

Апелляцию рассмотрел отдел кадров (далее – ОК) горкома, но сделал предсказуемое заключение о справедливости решения бюро Приморского райкома [5]. В тексте итогового заключения ОК горкома снова не упоминается о слепых рабочих, сам же Чамаев представлен руководителем, не способным воспринимать указания («не понимал и не понимает, что перед заводом стояла совершенно новая задача в период военного времени...»). При этом фактическая правота утверждений бывшего директора была подтверждена самим горкомом еще 9 декабря. Непосредственно после снятия Чамаева и Тихомирова вышло постановление бюро 143гс «Об увеличении выпуска магазинов ППД», в котором фактически дублировались просьбы-требования Чамаева о предоставлении оборудования, кадров (350 человек) и полуфа-

брикатов [21]. Иными словами, горком задним числом признавал и отсутствие должного количества работников, и недостаток оборудования, и слабую помощь по обеспечению кооперации.

Окончательный итог подвел годовой отчет завода АГЭ, составленный в начале 1942 г. уже при новом директоре, в котором вся озвученная М.С. Чамаевым проблематика повторялась фактически дословно: «Выпуск изделий оборонного значения ограничивался отсутствием необходимого оборудования; сварочных аппаратов, плоско-шлифовальных станков, прессов двойного действия. На выполнение производственной программы по М-133 требовалось 5 сварочных аппаратов, а завод располагал одним, плоско-шлифовальных станков требовалось 3, а завод располагал одним, и лишь в декабре завод получил требуемое оборудование за исключением прессов двойного действия.

Отсутствовала рабочая сила. Ко времени запуска изделия М-133 в серийное производство по заданию требовалось 790 чел. рабочих, а завод располагал только 80 чел., в том числе 10 слепыми. И только 13 декабря завод получил с завода «Красногвардеец» 350 чел., из них 100 чел. больных, которые приступили к изучению и освоению технологического процесса изделия М-133.

В последних числах декабря завод получил в порядке оказания социалистической помощи ряд работников с завода «Вулкан», в большинстве своем неквалифицированные рабочие» [13].

При этом заводы-поставщики по кооперированным деталям (№ 209, № 7 и «Красногвардеец»), продолжили несвоевременно и не полностью поставлять заводу АГЭ требуемые изделия (на 25–30 %).

Как сложилась дальнейшая судьба Михаила Семеновича Чамаева в годы войны, по доступным документам выяснить не удалось. Можно лишь утверждать, что он пережил «смертное время» и 7 декабря 1945 г. получил назначение на должность начальника отдела капитального строительства завода «Металлист» наркомата резиновой промышленности [23]. Завод АГЭ, как и подавляющее большинство ленинградских предприятий, в декабре 1941 г. фактически встал на простой из-за отсутствия

электроэнергии и возобновил деятельность по выпуску магазинов ППД только в апреле 1942 года. Главный инженер Я.В. Лейбошиц в декабре 1941 г. ушел с завода АГЭ на должность старшего инженера в НИИ-24 наркомата боеприпасов СССР и в июле 1942 г. был эвакуирован в Алма-Ату, благополучно пережив войну. Должность главного инженера занял Арон Шмеркович Окунь, откомандированный с 1-й авиарембазы. Новый директор завода АГЭ Егоров был освобожден от работы по личной просьбе менее чем через год, в августе 1942 г. [27], ему на смену был выдвинут А.Ш. Окунь, проработавший на этом посту до конца войны.

Результаты. Судя по действиям М.С. Чамаева после назначения его директором завода ЗЭМЭС, по количеству и характеру его обращений в вышестоящие инстанции в довоенный и военный периоды (в том числе и на примере письма А.А. Кузнецову в январе 1940 г.), он был человеком жестким, несентиментальным, предельно прагматичным, амбициозным и решительным, умел отстаивать интересы своего завода на самом высоком уровне, «не взирая на лица». Поэтому довод о «непринятии решительных мер» директором осенью 1941 г., выдвинутый райкомом как основание для увольнения М.С. Чамаева и поддержанный горкомом ВКП(б), может быть расценен как попытка переложить ответственность за собственную нераспорядительность и равнодушие на нижестоящие инстанции. Ситуация с нехваткой личного состава также ясна – квалифицированные рабочие в Ленинграде были в дефиците даже в мирное время, к тому же действовали ограничения на свободное перемещение рабочей силы, наложенное указом Президиума Верховного Совета от 26 июня 1940 года. Следовательно, укомплектовать оборонное производство персоналом можно было только централизованно, путем переброски рабочей силы с предприятия на предприятие, и организация такого процесса находилась вне компетенции директора отдельного завода.

Сам характер постановления райкома и заключения отдела кадров горкома, содержавших демагогические «рекомендации», но не упоминавших о слепых – весомой части коллектива завода АГЭ, заставляет предполагать, что партийные инстанции, избавляясь от М.С. Чамаева, не столько заботились о про-

изводстве магазинов ППД и 85-мм снарядов, сколько исполняли «заказ» Я.Ф. Капустина, то есть показывали директору завода АГЭ, «как надо выполнять решения горкома». Иными словами, интересы дела обороноспособности Ленинграда были принесены в жертву амбициям одного из его партийных руководителей.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Например, цензурный запрет на упоминание «номерных» предприятий в печатных изданиях, на освещение процесса выпуска военной продукции в мирное время.

² По подсчетам автора.

³ Коковихин Михаил Николаевич (1883–1965). В 1934–1938 гг. заместитель наркома социального обеспечения РСФСР.

⁴ Петрушанский Яков Петрович, 1901 г.р. Зрение потерял после службы в армии в 1918–1920 гг. Возможно – инвалид боевых действий.

⁵ Тихомиров Дмитрий Васильевич, 1901 г.р. В 1938–1941 гг. секретарь парторганизации завода ЗЭМЭС/АГЭ.

⁶ Прехтель Валериан Платонович, 1902 г.р. Окончил Ленинградскую промышленную академию тяжелой промышленности с оценкой «отлично», в 1935 г. был направлен промышленно-транспортным отделом Ленинградского обкома ВКП(б) на должность начальника электромоторного цеха завода ЗЭМЭС.

⁷ Светиков Иван Петрович (1899–1937). С апреля 1936 г. по февраль 1937 г. заведующий промышленно-транспортным отделом ЛГК ВКП(б).

⁸ Можно предположить, что общее количество рабочих на заводе в рассматриваемый период составляло 372 человека – 216 слепых и 156 зрячих.

⁹ Кузнецов Алексей Александрович (1905–1950). С февраля 1938 г. по январь 1945 г. 2-й секретарь ЛГК ВКП(б).

¹⁰ Выпрямитель переменного тока для зарядки аккумуляторов типа ВГ-1 мощностью 275 ватт, работающий на газотронной лампе «Тунгар ВГ-176». Габаритные размеры 320 × 210 × 500 мм. Стоимость 850 рублей.

¹¹ Трудовую повинность.

¹² Корочин Павел Герасимович, 1907 г.р. С мая 1941 г. по август 1943 г. заведующий отделом оборонной промышленности ЛГК ВКП(б).

¹³ Затворы для ППД завода № 7 изготавливал завод № 349 им. ОГПУ НК Вооружений.

¹⁴ Терещенко Александр Акимович (1905–1987). С марта 1941 г. по октябрь 1946 г. директор завода № 209 им. Кулакова народного комиссариата судостроительной промышленности.

¹⁵ Харитонов Илья Степанович (1903–1950). С февраля 1939 г. по июль 1944 г. 1-й секретарь Приморского РК ВКП(б).

¹⁶ Капустин Яков Федорович (1904–1950). С февраля 1940 г. по январь 1945 г. секретарь по промышленности ЛГК ВКП(б).

¹⁷ Лысенко Иван Кузьмич (1904–1942). С марта 1941 г. секретарь ЛГК ВКП(б) по транспорту. В его ведении находились заводы т.н. «транспортной группы» (наркоматов путей сообщения, морского и речного флотов и т. п.), в том числе и завод АГЭ НКАТ.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Виноградова Н. А. Обуховский завод в годы войны и блокады // Ленинград. Война. Блокада. Город-фронт. 2-е изд., испр. и доп. СПб.: ГАЛАРТ, 2019. С. 452–463.
2. Докладная записка о снятии с работы инвалидов (слепых) на ЗЭМЭС // Центральный государственный архив историко-политических документов Санкт-Петербурга (далее – ЦГАИПД СПб). Ф. Р-24. Оп. 2в. Д. 1673. Л. 216.
3. Докладная записка о состоянии работы на ЗЭМЭС // ЦГАИПД СПб. Ф. Р-24. Оп. 2в. Д. 2343. Л. 1–2.
4. Донесение о состоянии производства ППД // ЦГАИПД СПб. Ф. Р-24. Оп. 26. Д. 1152. Л. 38–39.
5. Заключение отдела кадров ЛГК ВКП(б) // ЦГАИПД СПб. Ф. Р-24. Оп. 2в. Д. 5369. Л. 37–38.
6. Заявка завода АГЭ на материалы // ЦГАИПД СПб. Ф. Р-24. Оп. 26. Д. 1110. Л. 65–66.
7. Личное дело М.С. Чамаева // ЦГАИПД СПб. Ф. Р-1728. Оп. 1. Д. 313508. 30 л.
8. На защите Невской твердыни. Ленинградская партийная организация в годы Великой Отечественной войны. Л.: Лениздат, 1965. 644 с.
9. Обращение директора завода № 209 к руководству завода АГЭ // ЦГАИПД СПб. Ф. Р-24. Оп. 26. Д. 1132. Л. 42.
10. Обращение М.С. Чамаева к А.А. Кузнецову // ЦГАИПД СПб. Ф. Р-24. Оп. 2в. Д. 4425. Л. 15.
11. Обращение М.С. Чамаева к А.А. Кузнецову // ЦГАИПД СПб. Ф. Р-24. Оп. 2в. Д. 5369. Л. 39–40.
12. Обращение М.С. Чамаева к Я.Ф. Капустину // ЦГАИПД СПб. Ф. Р-24. Оп. 26. Д. 1132. Л. 41.
13. Отчет о работе завода АГЭ за 1941 г. // Центральный государственный архив Санкт-Петербурга (далее – ЦГА СПб). Ф. 4965. Оп. 3. Д. 40. Л. 29–35.
14. Отчет о работе завода № 349 за 1941 г. // ЦГА СПб. Ф. 4965. Оп. 3. Д. 42. Л. 46–100.
15. Письмо работников завода АГЭ на имя А.А. Жданова // ЦГАИПД СПб. Ф. Р-24. Оп. 26. Д. 861. Л. 14.
16. Постановление бюро ЛГК ВКП(б) // ЦГАИПД СПб. Ф. Р-25. Оп. 2а. Д. 148. Л. 134.
17. Постановление бюро ЛГК ВКП(б) // ЦГАИПД СПб. Ф. Р-25. Оп. 2а. Д. 150. Л. 84.
18. Постановление бюро ЛГК ВКП(б) // ЦГАИПД СПб. Ф. Р-25. Оп. 2а. Д. 158. Л. 49.
19. Постановление бюро ЛГК ВКП(б) // ЦГАИПД СПб. Ф. Р-25. Оп. 2а. Д. 158. Л. 56.
20. Постановление бюро ЛГК ВКП(б) // ЦГАИПД СПб. Ф. Р-25. Оп. 2. Д. 3834. Л. 21.
21. Постановление бюро ЛГК ВКП(б) // ЦГАИПД СПб. Ф. Р-25. Оп. 2а. Д. 165. Л. 79.
22. Постановление бюро Приморского РК ВКП(б) // ЦГАИПД СПб. Ф. Р-24. Оп. 2в. Д. 5369. Л. 41–42.
23. Приказ по народному комиссариату резиновой промышленности № 333к от 7.12.1945 г. // ЦГАИПД СПб. Ф. Р-25. Оп. 13. Д. 170. Л. 19.
24. Рябков А. М. Кировский завод в 1941–1942 гг. // Ленинград. Война. Блокада. Город-фронт. 2-е изд., испр. и доп. СПб.: ГАЛАРТ, 2019. С. 441–451.
25. Сизенов Е. П. Ижорский завод в годы войны и блокады // Ленинград. Война. Блокада. Город-фронт. 2-е изд., испр. и доп. СПб.: ГАЛАРТ, 2019. С. 422–436.
26. Справка о заводе электро-гаражного оборудования // ЦГАИПД СПб. Ф. Р-24. Оп. 2в. Д. 4867. Л. 69–71.
27. Телеграмма Я.Ф. Капустина наркому НКАТ А.Н. Куршеву // ЦГАИПД СПб. Ф. Р-24. Оп. 2в. Д. 6185. Л. 45.

REFERENCES

1. Vinogradova N.A. Obukhovskij zavod v gody vojny i blokady [Obukhov Plant During the War and Blockade]. *Leningrad. Vojna. Blokada. Gorod-front* [Leningrad. War. Siege. Frontline City]. Saint Petersburg, GALART, 2019, pp. 452–463.
2. Dokladnaja zapiska o snjatii s raboty invalidov (slepykh) na ZEMES [Memorandum on the Dismissal of Disabled People (Blind) from Work at ZEMES]. *Tsentralnyy gosudarstvennyy arkhiv istoriko-politicheskikh dokumentov Sankt-Peterburga* (hereinafter – TsGAIPD SPb) [Central State Archive of Historical and Political Documents of St. Petersburg], f. R-24, inv. 2v, d. 1673, l. 216.

3. Dokladnaja zapiska o sostojanii raboty na ZEMES [Report on the Status of Work at ZEMES]. *TsGAIPD SPb* [Central State Archive of Historical and Political Documents of St. Petersburg], f. R-24, inv. 2v, d. 2343, l. 1-2.
4. Donesenije o sostojanii proizvodstva PPD [Report on the Status of production of PPD]. *TsGAIPD SPb* [Central State Archive of Historical and Political Documents of St. Petersburg], f. R-24, inv. 2b, d. 1152, l. 38-39.
5. Zakljuchenie otdela kadrov LKG VKP(b) [Conclusion of the Personnel Department of the LCG VKP(b)]. *TsGAIPD SPb* [Central State Archive of Historical and Political Documents of St. Petersburg], f. R-24, inv. 2v, d. 5369, l. 37-38.
6. Zajavka zavoda AGE na materialy [Application of the AGE Plant for Materials]. *TsGAIPD SPb* [Central State Archive of Historical and Political Documents of St. Petersburg], f. R-24, inv. 2b, d. 1110, l. 65-66.
7. Lichnoje delo M.S. Chamaeva [Personal file of M. S. Chamaev]. *TsGAIPD SPb* [Central State Archive of Historical and Political Documents of St. Petersburg], f. R-1728, inv. 1, d. 313508. 301.
8. *Na zashchite Nevskoj tverdini. Leningradskaja partijnaja organizacija v gody Velikoj Otechestvennoj vojny* [In Defense of the Neva Fortress. Leningrad Party Organization During the Great Patriotic War]. Leningrad, Lenizdat, 1965. 644 p.
9. Obrashhenije direktora zavoda № 209 k rukovodstvu zavoda AGE [Appeal of the Director of Plant No. 209 to the Management of the AGJe Plant]. *TsGAIPD SPb* [Central State Archive of Historical and Political Documents of St. Petersburg], f. R-24, inv. 2b, d. 1132, l. 42.
10. Obrashhenije M.S. Chamajeva k A.A. Kuznecovu [Appeal from M.S. Chamaev to A.A. Kuznetsov]. *TsGAIPD SPb* [Central State Archive of Historical and Political Documents of St. Petersburg], f. R-24, inv. 2v, d. 4425, l. 15.
11. Obrashhenije M.S. Chamajeva k A.A. Kuznecovu [Appeal from M.S. Chamaev to A.A. Kuznetsov]. *TsGAIPD SPb* [Central State Archive of Historical and Political Documents of St. Petersburg], f. R-24, inv. 2v, d. 5369, l. 39-40.
12. Obrashhenije M.S. Chamajeva k Ja.F. Kapustinu [Appeal of M. S. Chamaev to Ya. F. Kapustin]. *TsGAIPD SPb* [Central State Archive of Historical and Political Documents of St. Petersburg], f. R-24, inv. 2b, d. 1132, l. 41.
13. Otchet o rabote zavoda AGE za 1941 g. [Report on the Work of the AGE Plant for 1941]. *Tsentralnyj gosudarstvennyj arkhiv Sankt-Peterburga* (hereinafter – TsGA SPb) [Central State Archives of St. Petersburg], f. 4965, inv. 3, d. 40, l. 29-35.
14. Otchet o rabote zavoda № 349 za 1941 g. [Report on the Work of Plant No. 349 for 1941]. *TsGA SPb* [Central State Archives of St. Petersburg], f. 4965, inv. 3, d. 42, l. 46-100.
15. Pismo rabotnikov zavoda AGE na imja A.A. Zhdanov [Letter from the Workers of the AGE Plant to A.A. Zhdanov]. *TsGAIPD SPb* [Central State Archive of Historical and Political Documents of St. Petersburg], f. R-24, inv. 2b, d. 861, l. 14.
16. Postanovlenije bjuro LGK VKP(b) [Resolution of the of the LG VKP(b) Bureau]. *TsGAIPD SPb* [Central State Archive of Historical and Political Documents of St. Petersburg], f. R-25, inv. 2a, d. 148, l. 134.
17. Postanovlenije bjuro LGK VKP(b) [Resolution of the of the LG VKP(b) Bureau]. *TsGAIPD SPb* [Central State Archive of Historical and Political Documents of St. Petersburg], f. R-25, inv. 2a, d. 150, l. 84.
18. Postanovlenije bjuro LGK VKP(b) [Resolution of the of the LG VKP(b) Bureau]. *TsGAIPD SPb* [Central State Archive of Historical and Political Documents of St. Petersburg], f. R-25, inv. 2a, d. 158, l. 49.
19. Postanovlenie bjuro LGK VKP(b) [Resolution of the of the LG VKP(b) Bureau]. *TsGAIPD SPb* [Central State Archive of Historical and Political Documents of St. Petersburg], f. R-25, inv. 2a, d. 158, l. 56.
20. Postanovlenije bjuro LGK VKP(b) [Resolution of the of the LG VKP(b) Bureau]. *TsGAIPD SPb* [Central State Archive of Historical and Political Documents of St. Petersburg], f. R-25, inv. 2, d. 3834, l. 21.
21. Postanovlenije bjuro LGK VKP(b) [Resolution of the of the LG VKP(b) Bureau]. *TsGAIPD SPb* [Central State Archive of Historical and Political Documents of St. Petersburg], f. R-25, inv. 2a, d. 165, l. 79.
22. Postanovlenije bjuro Primorskogo RK VKP(b) [Resolution of the of the Primorsky District Committee of the All-Union Communist Party (Bolsheviks) Bureau]. *TsGAIPD SPb* [Central State Archive of Historical and Political Documents of St. Petersburg], f. R-24, inv. 2v, d. 5369, l. 41-42.
23. Prikaz po narodnomu komissariatu rezinovoj promyshlennosti № 333k ot 7.12.1945 g. [Order of the People's Commissariat of the Rubber Industry No. 333k Dated 12.07.1945]. *TsGAIPD SPb* [Central State Archive of Historical and Political Documents of St. Petersburg], f. R-25, inv. 13, d. 170, l. 19.
24. Riabkov A.M. Kirovskij zavod v 1941–1942 gg. [Kirov Plant in 1941–1942]. *Leningrad. Vojna. Blokada. Gorod-front* [Leningrad. War. Siege. Frontline City]. Saint Petersburg, GALART, 2019, pp. 441-451.
25. Sizenov E.P. Izhorskij zavod v gody vojny i blokady [Izhora Plant During the War and Blockade]. *Leningrad. Vojna. Blokada. Gorod-front* [Leningrad. War. Siege. Frontline City]. Saint Petersburg, GALART, 2019, pp. 422-436.

26. Spravka o zavode elektro-garazhnogo oborudovanija [Information About the Electrical Garage Equipment Plant]. *TsGAIPD SPb* [Central State Archive of Historical and Political Documents of St. Petersburg], f. R-24, inv. 2v, d. 4867, l. 69-71.

27. Telegramma Ja.F. Kapustina narkomu NKAT A.N. Kurshevu [Telegram from Ya. F. Kapustin to the People's Commissar of the People's Commissariat of the Agrarian Trade Union A. N. Kurshev]. *TsGAIPD SPb* [Central State Archive of Historical and Political Documents of St. Petersburg], f. R-24, inv. 2v, d. 6185, l. 45.

Information About the Author

Andrei M. Riabkov, Research Specialist, Faculty of History, European University at Saint Petersburg, Gagarinskaya St, 6/1, 191187 Saint Petersburg, Russian Federation; Researcher, Research Center for Economic and Social History, The Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Prosp. Vernadskogo, 82, 119571 Moscow, Russian Federation, andrejryabkov@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-3306-1382>

Информация об авторе

Андрей Маркович Рябков, специалист-исследователь, факультет истории, Европейский университет в Санкт-Петербурге, ул. Гагаринская, д. 6/1, литера А, 191187 г. Санкт-Петербург, Российская Федерация; научный сотрудник, Научно-исследовательский центр экономической и социальной истории, Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, просп. Вернадского, 82, 119571 г. Москва, Российская Федерация, andrejryabkov@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-3306-1382>

DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2026.3.19>

UDC 94(47).084.9

LBC 63.3(2)632

Submitted: 13.05.2024

Accepted: 10.09.2024

MECHANISMS FOR STIMULATING THE INNOVATION OF EMPLOYEES OF ENTERPRISES IN THE USSR IN THE CONTEXT OF THE REFORMS OF THE MID-1950s – MID-1960s

Daria A. Pinaeva

Kazan National Research Technological University, Kazan, Russian Federation

Abstract. *Introduction.* The article analyzes organizational and economic mechanisms aimed at stimulating innovative activity and the speedy implementation of innovations at enterprises of the USSR. The contribution of public associations that promoted the development of mass invention and innovation, which is considered the most important resource for ensuring the country's competitiveness, especially in industries not related to the military-industrial complex, is shown. *Methods and materials.* The research is based on the study of published (official statistical and regulatory data) and unpublished documents from federal and regional archives. *Analysis.* The competitiveness of the socialist economic model depended on the effectiveness of solving the problems of production of consumer goods in the second half of the 20th century. Much attention was paid to the development of the factory sector of science, as well as the development of mass forms of invention. Public scientific and technical associations played a key role in improving the general and technical level of education of employees of enterprises and contributed to the accumulation and dissemination of scientific and technical information. Having an extensive structure and a wide staff, scientific and technical associations were supposed to become a link between the actors of the innovation process, provide initiative, and promote fruitful ideas in management structures. Quantitative and qualitative indicators of innovative activity are analyzed. It is indicated that the development of mass invention allowed the USSR to take the leading positions in the world in terms of the number of registered applications for inventions, and the economic efficiency from the implementation of inventions demonstrated steady growth throughout the studied period. *Results.* The practices of stimulating innovation developed and implemented in the USSR reflect global trends in innovative development but have a number of features characteristic of a planned economy. Excessive administrative pressure led to the hollowing out of valuable initiatives and formalism. The creation of associations with a duplicate set of functions worsened the controllability of the system, multiplying sources of information and scattering responsibility. These problems and contradictions in the implementation of innovation-stimulating practices did not allow us to realize their potential. *Funding.* The research was funded by the Russian Science Foundation as part of the scientific project No. 23-28-00697 <https://rscf.ru/project/23-28-00697/>.

Key words: USSR science and technology policy, implementation of the achievements of scientific and technological revolution, innovative activity, innovations, State Committee for Science and Technology, All-Union Society of Inventors, Scientific and Technical societies in USSR.

Citation. Pinaeva D.A. Mechanisms for Stimulating the Innovation of Employees of Enterprises in the USSR in the Context of the Reforms of the Mid-1950s – Mid-1960s. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 4. Istoriya. Regionovedenie. Mezhdunarodnye otnosheniya* [Science Journal of Volgograd State University. History. Area Studies. International Relations], 2026, vol. 31, no. 3, pp. 211-224. (in Russian). DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2026.3.19>

**МЕХАНИЗМЫ СТИМУЛИРОВАНИЯ НОВАТОРСТВА
РАБОТНИКОВ ПРЕДПРИЯТИЙ В СССР
В КОНТЕКСТЕ РЕФОРМ СЕРЕДИНЫ 1950-х – СЕРЕДИНЫ 1960-х ГОДОВ**

Дарья Алексеевна Пинаева

Казанский национальный исследовательский технологический университет,
г. Казань, Российская Федерация

Аннотация. *Введение.* В статье анализируются организационно-экономические механизмы, направленные на стимулирование новаторской активности работников и скорейшее внедрение новшеств на предприятиях СССР. Показан вклад общественных объединений, которые способствовали развитию массового изобретательства и рационализаторства, которое рассматривается как важнейший ресурс обеспечения конкурентоспособности страны, особенно в производствах, не связанных с обеспечением ВПК. *Методы и материалы.* В основу исследования положены историко-логический, сравнительно-исторический, историко-генетический, хронологический и ретроспективный методы. Поскольку в качестве доказательства выводов использован большой массив количественных данных, применялись также статистические методы. Исследование основано на изучении опубликованных (официальные статистические, нормативные данные) и неопубликованных архивных документов. Наибольшую значимость для исследования представляли материалы фондов Государственного комитета по изобретениям и открытиям (Ф. 373) и Государственного комитета Совета Министров СССР по новой технике и его приемников (Ф. 9480) Российского государственного архива экономики. Данные о деятельности общественных научно-технических объединений получены в ходе исследования фондов Всесоюзного совета научно-технических обществ (Ф. 5587) и Всесоюзного общества изобретателей и рационализаторов (Ф. 7752) Государственного архива Российской Федерации. *Анализ.* От эффективности решения проблем производства товаров народного потребления во второй половине XX в. зависела конкурентоспособность социалистической модели хозяйствования. Большое внимание было обращено на развитие заводского сектора науки, а также развитие массовых форм изобретательства и рационализаторства. Общественные научно-технические объединения играли ключевую роль в повышении общего и технического уровня образованности работников предприятий, способствовали аккумуляции и распространению научно-технической информации. Анализируются количественные и качественные показатели новаторской активности. Указывается, что развитие массового изобретательства позволило выйти СССР на передовые позиции в мире по числу регистрируемых заявок на изобретения, а экономическая эффективность от внедрения рационализаторских предложений и изобретений демонстрировала устойчивый рост на протяжении всего изучаемого периода. *Результаты.* Разрабатываемые и реализуемые в СССР практики стимулирования новаторства отражают общемировые тенденции инновационного развития, однако имеют ряд характерных для плановой экономики особенностей. Чрезмерное административное давление приводило к выхолащиванию ценных инициатив и формализму. Создание объединений с дублирующим набором функций ухудшало управляемость системы, преумножая источники информации и расплывая ответственность. Указанные проблемы и противоречия внедрения стимулирующих новаторство практик, не позволили реализовать их потенциал в полной мере. *Финансирование.* Исследование выполнено при финансовой поддержке Российского научного фонда, проект № 23-28-00697 <https://rscf.ru/project/23-28-00697/>.

Ключевые слова: научно-техническая политика СССР, внедрение достижений научно-технической революции, новаторская активность, инновации, Государственный комитет по науке и технике, Всесоюзное общество изобретателей и рационализаторов, научно-технические общества.

Цитирование. Пинаева Д. А. Механизмы стимулирования новаторства работников предприятий в СССР в контексте реформ середины 1950-х – середины 1960-х годов // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 4, История. Регионоведение. Международные отношения. – 2026. – Т. 31, № 3. – С. 211–224. – DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2026.3.19>

Введение. Экономическая безопасность страны во многом зависит от темпов инновационного развития, от эффективности использования научно-технического потенциала. В очередной раз государство ставит перед наукой и производством задачу «догнать и перегнать» развитые страны в научно-технологическом отношении. Проблема состоит в том, что при наличии высокого инновационного потенциала и значительных инвестиций, эффективность инновационной деятельности невысока [15, с. 16–17]. Исследователи пытаются оценить эффективность системы управления инновациями, предложить механизмы стимулирования инновационной активности, обращаясь в том числе к советскому опыту научно-технического развития, к механизмам мобилизационной экономики [6]. Актуализация советского опыта вызвана необходимостью выявления устойчивых институтов научно-технологического развития, а также изучения сложившейся модели поведения в научно-производственной среде, то есть факторам, способным как ускорить, так и оказать негативное влияние на эффективность мер по стимулированию инновационной активности. Западные исследователи почти единодушно указывают на враждебность директивной экономики инновационной деятельности [7; 10; 38]. Просчеты советского руководства в определении приоритетов развития, обусловившие отставание СССР, а потом и современной России в ряде направлений научно-технического прогресса, являются предметом изучения современных исследователей [3, с. 368]. Вместе с тем определенный оптимизм вызывает факт, что СССР в период перехода к четвертому технологическому укладу уже удалось совершить технологический рывок и стать одним из технологических лидеров.

Методы и материалы исследования. Исследование базируется на изучении нормативно-правовой документации, в основу систематизации которой положен хронологический принцип с учетом юридической значимости. Большую часть нормативных документов составили Пленумы ЦК КПСС и Постановления Совета Министров СССР, в которых отражены основные решения, характеризующие научно-техническую политику в СССР. Важным источником исследования стали дан-

ные официальной статистики, касающиеся развития изобретательства и рационализаторства, работы научно-технических объединений. Из опубликованных статистических источников изучались статистические сборники «Народное хозяйство СССР» (по годам), которые выпускало Центральное статистическое управление СССР и в которых был подраздел «Изобретательство и рационализация». Не только цифры, но и то, какие показатели включались в данный раздел, дают возможность сделать определенные выводы об эволюции политики государства в отношении развития технического прогресса.

Из неопубликованных источников наибольшее значение для исследования имели материалы фондов Государственного архива Российской Федерации (Ф. Р-5587 – Всесоюзный совет научно-технических обществ и научно-технические общества (ВСНТО); Ф. Р-7752 – Всесоюзное общество изобретателей и рационализаторов (далее – ВОИР)), а также документы фондов Российского государственного архива экономики (Ф. 373 – Государственный комитет по изобретениям и открытиям при ГКНТ СССР; Ф. 9480 – Государственный комитет Совета Министров по науке и технике (ГКНТ)). Данные фонды содержат большой массив статистической информации, материалы пленумов Центральных советов организаций и съездов изобретателей и рационализаторов, отчеты о проверках развития изобретательства и рационализаторства на предприятиях, переписку с органами государственной власти и пр.

Концептуальной основой исследования стали теории многолинейной модернизации и национальных инновационных систем. В основу исследования положены конкретно исторические методы: историко-логический, сравнительно-исторический, историко-генетический, хронологический и ретроспективный методы, а также статистические методы и методы смежных наук (политического и правового анализа).

Анализ. В начале 1950-х гг. задачи послевоенного восстановления были в основном решены: четвертый пятилетний план был досрочно выполнен промышленностью, производство предметов потребления в 1952 г. превысило довоенный уровень на 58 % [20, с. 47].

Вместе с тем геополитическая ситуация вновь толкала государство к расставлению приоритетов в пользу военно-промышленного комплекса и тяжелой промышленности. Ответом на внешние вызовы стали научно-технические достижения мирового уровня в ядерной энергетике, ракетостроении, авиации, средствах связи [4, с. 206]. Е.Т. Артемов указывает, что в СССР в этот период наметился отход от имитационной модели развития [2, с. 155]. Постоянная угроза военного вмешательства, приоритет национальной безопасности привели, по сути, к формированию двух секторов хозяйства – военно-промышленного (финансируемого по приоритетному принципу) и гражданского. Практически все качественные ресурсы (кадры, оборудование, технологии) были сосредоточены в первом секторе. При этом в условиях отсутствия прямого военного столкновения сверхдержав ожидания советских людей постепенно перенастраивались на результаты не столько военного, сколько экономического соревнования с Западом [11, с. 148–151]. Конкурентоспособность социалистической модели хозяйствования зависела теперь не только от открытий и изобретений, напрямую связанных с обеспечением военного паритета со странами Запада, но и от того, насколько эффективно будут решены проблемы производства товаров народного потребления.

Серьезное внимание было обращено на развитие заводского сектора науки, а также расширение массовых форм изобретательства и рационализаторства. При этом в отличие от стран Запада, где инновационная система функционировала в условиях частной собственности и конкурентной среды, а изобретательство являлось одной из форм коммерческой деятельности, в СССР право собственности на продукты интеллектуальной деятельности принадлежало государству, а инновационная система функционировала в соответствии с требованиями плановой экономики, создавая ряд особенных организационных форм. В СССР возникло беспрецедентное явление – движение изобретателей и рационализаторов, которое было представлено научно-техническими обществами (далее – НТО), ВОИР. Эти формы, возникшие еще в 1920–1930-е гг. как формализация инициати-

вы трудящихся, были фактически инкорпорированы в партийно-государственные структуры.

Впервые требование об ускорении технического прогресса прозвучало на июльском (1955 г.) Пленуме ЦК КПСС, научно-технический прогресс стал объектом государственного планирования, учета и контроля. С трибуны Президиума Академии наук СССР звучали идеи о начинающейся величайшей технико-экономической революции [14, с. 22]. То есть в СССР были замечены принципиально новые тенденции, определенные как научно-техническая революция. Вместе с тем тот же июльский Пленум ЦК КПСС подтвердил правильность приоритета тяжелой промышленности: «Тяжелая индустрия и впредь должна развиваться быстрее других отраслей народного хозяйства. Чем выше будет в нашей стране уровень развития тяжелой промышленности, определяющей дальнейший подъем всех отраслей народного хозяйства, тем полнее мы сможем удовлетворить непрерывно растущие потребности советского народа, быстрее создать изобилие предметов потребления и осуществить переход от социализма к коммунизму» [31, с. 226].

Одной из первых реформ, направленных на модернизацию системы управления научно-техническим прогрессом, можно считать воссоздание в мае 1955 г. Государственного комитета Совета Министров СССР по новой технике (Гостехника СССР), в структуре которого работал Комитет по делам изобретений и открытий. Гостехника возводилась в ранг министерства, должна была осуществлять контроль и инспектирование министерств и ведомств. Первые же проверки Комитета по делам изобретений и открытий выявили серьезные недостатки в существующей системе производственно-ведомственных взаимодействий. Так, проверка, проведенная в Министерстве химической промышленности, показала, что с 1 января 1951 г. по 1 апреля 1956 г. по министерству имелось 938 выданных авторских свидетельств на изобретения. Из них было внедрено 195 (20,8 %). В плане на 1956 г. для внедрения было утверждено 21 изобретение [33, л. 8, 12]. При таких темпах для внедрения хотя бы половины числящихся на балансе Министерства изобретений потребова-

лось бы больше 20 лет. Проверки предприятий показали, что внедрялось огромное количество рационализаторских предложений и очень мало изобретений. Так, в 1957 г. на заводе «Запорожсталь» (г. Запорожье) было принято к внедрению 1078 рационализаторских предложений и всего 1 изобретение, на Горьковском автомобильном заводе – 9 742 рационализаторских предложения и 10 изобретений [36, л. 7, 11].

По сути, стимулирование новаторства – это процесс создания преимуществ для предприятий, разрабатывающих и осваивающих новшества. Однако в условиях централизованного планирования внедрение технологии, которая могла изменить производственный цикл, представляло определенные трудности, поскольку требовало пересмотра уже имеющихся планов, а также грозило срывами планов производства. Отраслевые ведомства, основной задачей которых являлось обеспечение стабильности производственных процессов, сопротивлялись ситуации неопределенности и риска, связанного с внедрением крупных изобретений. Предприятия также не стремились к созданию и скорейшему внедрению новой техники, поскольку это сулило крупные затраты и зачастую приводило к снижению расценок за единицу продукции, а значит, к снижению оплаты труда. При этом система премирования за создание и внедрение новой техники была гораздо более слабой, чем система материального поощрения за рост объема продукции. Поэтому производители ориентировались не на растущие темпы научно-технического прогресса и запросы потребителей, а на планы производства, утвержденные соответствующими ведомствами. Поскольку сбытовая составляющая находилась за пределами научно-производственных взаимодействий, а понятие «внедрение» не имело формально определенного нормативного содержания, процесс внедрения фактически заканчивался созданием новой техники в одном экземпляре или малой серии [30, с. 73–74]. Государство в такой ситуации вынуждено было разрабатывать механизмы «принуждения» предприятий к внедрению изобретений [13, с. 200–201]. Необходимо отметить, что тенденция на увеличение количества рационализаторских предложений была связана с дово-

енной практикой мобилизации усилий производителей на минимизацию поломок и списаний работающих станков и оборудования, особенно зарубежного образца [21, с. 486–489]. Та же тенденция сохранилась и в послевоенное время.

В западных странах основным фактором, определяющим невыгодность технического застоя, выступала острая конкуренция, которая, в том числе, способствовала созданию эффективной системы распространения научно-технической информации. Механизмы рыночной экономики и демократии создавали внутренние стимулы развития. Особенностью реформизма Хрущевского периода была децентрализация системы управления, имевшая целью разрушение «ведомственного эгоизма» путем создания институтов с дублирующим набором полномочий и функций, что должно было создавать нечто вроде институциональной конкуренции и способствовать интенсивному развитию, а также приближение органов управления непосредственно к объектам управления [22]. В 1957 г. отраслевые министерства были упразднены, а их место заняли советы народного хозяйства (далее – СНХ). В экономических районах стали образовываться научно-производственные объединения. Считалось, что это облегчит процесс внедрения новой техники в производство. Однако руководство страны, желая создать рациональную систему на местах, сблизить управление и производство, способствовало ее разобщению. Ликвидация отраслевых органов управления, ставивших задачи и науке, и производству, оборвала налаженные связи. СНХ в вопросах научно-технического развития выработывали программу развития в регионах без учета научно-технических интересов всей страны [13, с. 198].

Реализация идеи демократизации управления нашла воплощение в реформировании общественных научно-технических объединений. Считалось, что научно-технические объединения, имевшие разветвленную сеть первичных организаций и широкий состав участников, будут способствовать не только новаторской активности, но и продвижению ценных идей наверх, в управленческие структуры. В 1954 г. научно-технические общества были реорганизованы по отраслям и переданы в управление

профсоюзам [27, с. 419–420]. Однако поспешность и непродуманность реформы привела к разобщенности специалистов, работавших на родственных по профилю производства предприятиях, и отрицательно сказалась на обмене опытом между этими специалистами. Так, специалисты-судостроители были объединены двумя отраслевыми НТО – НТО судостроительной промышленности и НТО водного транспорта [9, л. 57]. То есть фактически реорганизованные НТО были организационно построены не столько по производственному, сколько по ведомственному принципу.

Одной из серьезных организационных проблем НТО стала нехватка кадров. Все большее усложнение и разветвление структуры НТО требовало комплектации квалифицированными кадрами. Только за период с 1955 г. по 1958 г. количественный состав членов НТО возрос более чем в 2 раза, было создано более 10 тыс. новых первичных организаций, а численный состав штатных работников остался на уровне 1954 г. [9, л. 15–16]. Кроме того, деятельность НТО подвергалась критике за недостаточное вовлечение рабочих в свои ряды. При увеличении численности за 1955–1958 гг. более чем в 2 раза доля рабочих в составе НТО увеличилась всего на 2 % и составляла не более 15 % от общей численности (табл. 1).

Для массового вовлечения рабочих в научно-техническое творчество в 1958 г. было воссоздано ВОИР. Теперь вся работа по развитию изобретательства должна была осуще-

ствляться Комитетом по делам изобретений и открытий совместно с ВОИР, государственные ведомства – учитывать рекомендации общественных объединений при составлении планов по новой технике, а работы по внедрению изобретений – включаться в планы предприятий [27, с. 422]. То есть в СССР в середине 1950-х гг. начала складываться особая система взаимодействия различных акторов инновационного процесса, своеобразный аналог открытых инноваций, только в условиях плановой экономики [28, с. 12–15]. Комитет по делам изобретений и открытий должен был отбирать наиболее значимые изобретения и рекомендовать их для внедрения соответствующим министерствам и ведомствам. ВОИР И НТО должны были воздействовать непосредственно на изобретателей и рационализаторов, обеспечивая участие масс в новаторской деятельности.

Руководство ВОИР получило право осуществлять контроль выполнения плана внедрения изобретений и рационализаторских предложений. Проверка, проведенная в конце 1958 г., показала, что более половины из рекомендованных КОМПДИЗом изобретений лежали в министерствах, ведомствах и совнархозах без движения [29, л. 28–31]. Фактически подобные проверки никакого практического значения не имели, поскольку ни Комитет по делам изобретений и открытий, ни тем более ВОИР не обладали полномочиями, позволявшими влиять на деятельность министерств и ведомств.

Таблица 1. Динамика численности НТО СССР в 1955–1965 годах

Table 1. Dynamics of the number of scientific and technical personnel of the USSR in 1955–1965

Год	Количество первичных организаций	Число членов НТО, тыс. чел.	Из них рабочих, тыс. чел.	Число рабочих, в %
1955	12 651	389,2	18,1	8,3
1956	17 156	542,6	50,5	9,3
1957	18 978	616,7	58,4	9,4
1958	23 668	796,8	81,4	10,2
1959	29 023	1 058,7	115,7	10,9
1960	34 236	1 374,8	169,0	12,3
1961	39 585	1 658,2	207,9	12,5
1962	45 221	1 931,6	269,5	13,9
1963	49 881	2 205,0	307,1	14,0
1964	53 872	2 477,4	355,1	14,3
1965	58 952	2 781,5	390,7	14,0

Примечание. Составлено по: [9, л. 76, 11; 32, л. 1, 1 об.; 23, с. 326].

Основная деятельность ВОИР и НТО должна была быть сосредоточена на привлечении широких масс трудящихся к активному участию в изобретательской и рационализаторской работе. При участии ВОИР и НТО реализовывались организационно-экономические механизмы стимулирования новаторской активности, включающие различные формы и методы воздействия на непосредственных участников производства.

Одним из важнейших факторов новаторской активности является уровень общей и технической образованности. С целью повышения научно-технической грамотности работников в рамках ВОИР и НТО была создана сеть школ, курсов, университетов технического творчества. В 1965 г. в СССР действовала 11 991 школа рационализатора и изобретателя, в которых было обучено 251 612 человек. Для распространения передового опыта советами ВОИР организовывались выставки, кабинеты и уголки рационализаторов и изобретателей. К 1965 г. количество кабинетов и уголков рационализаторов и изобретателей на предприятиях достигло 44 767 [23, с. 307–308]. С этой же целью проводились лекции, доклады, беседы, собрания, организовывались экскурсии и командировки на передовые предприятия.

Важнейшей задачей ВОИР было создание системы методического сопровождения новаторской деятельности рабочих. Для оказания помощи по правовым и техническим вопросам (составление чертежей, оформление заявок на предполагаемое изобретение) организациями ВОИР была создана широкая сеть консультационных пунктов. В 1965 г. их насчитывалось более 26 тысяч. Ежегодно ими проводилось около 300 тыс. консультаций, которыми пользовались более 800 тыс. изобретателей и рационализаторов [35, л. 17]. Кроме того, Советы ВОИР и НТО участвовали в разработке методических указаний по планированию изобретательской работы на предприятиях.

Одной из самых действенных организационных форм стимулирования творческой активности и скорейшего внедрения новшеств, было создание на предприятиях комплексных творческих бригад. В такие бригады наряду с работниками предприятий включались уче-

ные. Благодаря такому сотрудничеству комплексные творческие бригады участвовали в решении крупных производственных задач. Кроме того, это позволяло в некоторых случаях, минуя этап изготовления головного образца нового изделия, приступить к выпуску опытно-промышленной серии. Так, советом первичной организации НТО Свердловского завода приборостроительной промышленности в 1958 г. была создана творческая бригада в составе старшего мастера литейного участка, рабочего литейщика, инженера заводской лаборатории и научного работника Уральского политехнического института, которая разработала технологию по устранению пористости в отливках из алюминиевых сплавов, после внедрения в производство брак по крупным отливкам сократился на 60–70 % [9, л. 11]. Проблема состояла в том, что не был разработан правовой механизм включения ученых в творческие бригады. Ученые занимались разработками в составе творческих бригад, как правило, на общественных началах. Создание научно-производственных объединений в конце 1960-х гг. частично решило данную проблему.

Одним из перспективных направлений деятельности научно-технических объединений была организация открытых конкурсов на лучшее решение конкретной производственно-технической задачи. Масштабы подобных конкурсов в рамках СССР впечатляют. Так, только в 1966 г. по линии ВОИР было проведено 21 216 конкурсов, на которые было подано свыше 600 тысяч работ [35, л. 2]. Однако победа в конкурсе не давала практически никаких привилегий победителю за исключением небольшой премии и не была гарантией внедрения предложения [27, с. 425].

Рост валовой промышленной продукции в 1962 г. по сравнению с 1940 г. составил 627 %, в том числе по производству товаров народного потребления – 374 % [17, с. 124]. Вместе с тем обнажились проблемы, связанные с темпами роста: необходимость повышения качества и надежности продукции, экономии ресурсов, а также проблема патентной чистоты регистрируемых изобретений. Основываясь на идее демократизации общественных институтов руководство страны пыталось создать механизм внутренней саморегуляции

промышленного производства. В начале 1960-х гг. на промышленных предприятиях стали создаваться контрольные посты, группы и бригады внедрения новой техники, общественные бюро экономического анализа (ОБЭА), общественные бюро технической информации (ОБТИ), научной организации труда и пр. [27, с. 423–424]. Данные структуры дополняли уже имеющиеся на предприятиях штатные подразделения. Количество подобных общественных структур росло стремительными темпами (табл. 2). Отметим, что и в других странах примерно в это же время появляются схожие организационные формы и практики [25].

В конце 1950-х гг. начала формироваться новая система морального и материального стимулирования новаторства. Размер вознаграждения за изобретения и рационализаторские предложения устанавливался в виде процента от суммы годовой экономии, к которому добавлялась фиксированная выплата. Для изобретений с 1959 г. минимальный размер вознаграждения составлял 200 руб. (20 руб. после денежной реформы 1961 г.), а максимальный – 200 000 руб. (20 000). Для рационализаторского предложения минимальный размер вознаграждения устанавливался в 100 (10) руб., максимальный – в 50 000 (5 000) рублей. На предприятиях предусматривалось создание фондов материального стимулирования рационализаторского движения в размере 35 % от суммы вознаграждения [1, с. 138]. Вместе с тем права изобретателей и рационализаторов на

выплату вознаграждения очень часто нарушались. Так, изобретение «Холодильник-концентратор барабанного типа» было внедрено Новомосковским производственным объединением «Азот» в 1960 г., Уральским заводом химического машиностроения – в 1962 г., однако только в 1977 г., то есть через 15–17 лет, эти предприятия отразили факт использования изобретения в статистической отчетности – основополагающем документе при расчетах с авторами [37, л. 32]. Отчасти такая ситуация складывалась из-за установки, что побудительным мотивом к творчеству для советского человека является не материальная заинтересованность, а советский патриотизм [26, с. 2]. В СССР был разработан целый комплекс мер, направленных на нематериальное стимулирование новаторов. В 1961 г. было учреждено почетное звание «Заслуженный рационализатор РСФСР». Авторам изобретений, использованных в производстве, предоставлялся внеконкурсный прием в вузы. Кроме того, авторы изобретений, имеющих большое народнохозяйственное значение, имели право на дополнительную жилплощадь. Создание благоприятного творческого климата, способствующего появлению крупных изобретений, неразрывно было связано с широкой гласностью и умело ведущейся пропагандой результатов труда их создателей.

Таким образом, в СССР в середине 1950-х гг. была сделана попытка создания комплексного механизма стимулирования но-

Таблица 2. Динамика общественных форм работы на предприятиях и в организациях СССР в 1960-е годы

Table 2. Dynamics of forms of community work at enterprises and organizations in the USSR in the 1960s

Название объединения		1962 г.	1966 г.	1966 г. в % к 1962 г.
Комплексные творческие бригады	Количество	44 082	136 353	309
	Число участников	201 234	473 327	235
	Разработано и внедрено предложений	66 024	307 959	466
Общественные конструкторские и технологические бюро (ОКБ и ОТБ)	Количество	16 344	26 093	160
	Число участников	160 187	255 819	160
	Разработано и внедрено предложений	78 860	121 215	154
Общественные бюро экономического анализа (ОБЭА)	Количество	14 232	54 715	384
	Число участников	132 584	448 878	339
	Разработано и внедрено предложений	28 401	117 839	415

Примечание. Составлено по: [34, л. 8, 10, 12; 23, с. 435; 35, л. 4].

ваторской активности работников предприятий, включавшего различные организационные формы и методы. Безусловно, данные усилия имели определенный положительный эффект. Количество изобретателей и рационализаторов, а также количество внедренных предложений за десятилетие с 1955 по 1965 гг. увеличилось более чем в два раза (табл. 3). Данные тенденции характерны для всех союзных республик [23, с. 306]. Количество предложений от предприятий в общем объеме предложений также постоянно увеличивалось. Если в 1962 г. от предприятий поступило 1,2 % заявок, то в 1963 г. этот процент составил уже 14,1 %, а в 1968 г. доля заявок от предприятий достигла 64,7 % [8, л. 6]. То есть, если до середины 1960-х гг. основным поставщиком изобретений были научно-исследовательские институты и Академии наук, то с середины 1960-х гг. – это были предприятия и организации. Экономический эффект от использования изобретений и рационализаторских предложений стабильно повышался на протяжении 1960–1970-х годов. Так, по данным официальной статистики средний экономический эффект, полученный от использования рационализаторских предложений, составлял в 1965 г. 617,5 руб., а в 1975 г. – 1 731 руб., от внедрения изобретений – 22,9 и 45,5 тыс. руб. соответственно [19, с. 99]. В позднесоветских исследованиях отмечалось, что отдача от использования изобретений и рационализаторских предложений превосходила отдачу от зат-

рат на науку. В 1980 г. условная прибыль на один рубль затрат на изобретательство и рационализацию составила около 18 руб., в то время как отдача на 1 руб. затрат в передовых НИИ АН УССР составляла всего 5–7 руб. [5, с. 229].

Однако большинство начинаний реализовывались при помощи административных методов, за их исполнение несли ответственность руководящие работники предприятий, которые прилагали немало усилий для вовлечения новаторов в деятельность общественных объединений, а также для поддержания видимости эффективности проводимых мероприятий. В результате большинство практик приобретали формальный характер. Так, например, согласно официальным данным, доля рабочих в составе ВОИР была значительно выше, чем в составе НТО [1, с. 163]. Однако значительная часть рабочих лишь формально числилась его членами. Показателен пример формирования ВОИР в Татарской АССР. На первую Татарскую областную конференцию ВОИР, проведенную в августе 1958 г., было избрано 80 делегатов, и из них только 10 чел. (12,5 %) были рабочими [24, л. 89]. Основная деятельность ВОИР также была сосредоточена на осуществлении административных функций. Почти половина вопросов, выносившихся на заседания советов ВОИР, – это организационные вопросы, связанные с выборами руководящих органов, сбором членских взносов и т. п., и лишь 5 % вопросов было свя-

Таблица 3. Динамика изобретательской и рационализаторской деятельности в 1955–1965 годах

Table 3. Dynamics of inventive and rationalization activities in 1955–1965

Год	Число изобретателей и рационализаторов, подавших предложения, тыс.	Количество поступивших предложений, тыс.	Количество внедренных изобретений и рацпредложений, тыс.	Количество внедренных предложений, в %	Экономия от внедрения предложений, млн руб.
1955	1 139	2 080	1 160	56	625
1956	1 341	2 376	1 405	59	736
1957	1 458	2 503	1 537	61	813
1958	1 725	2 961	1 816	61	972
1959	2 080	3 506	2 162	62	1 173
1960	2 431	3 987	2 536	64	1 457
1961	2 594	4 152	2 676	64	1 620
1962	2 732	4 259	2 818	66	1 695
1963	2 757	4 120	2 745	67	1 645
1964	2 836	4 053	2 761	68	1 724
1965	2 935	4 076	2 841	70	1 908

Примечание. Составлено по: [1, с. 135; 16, с. 65; 17, с. 69; 18, с. 124].

зано с оказанием технической помощи новаторам производства [12]. Кроме того, созданное многообразие форм контроля приводило к умножению источников информации о положении дел, но не решало проблемы. Показательным является вопрос с повышением надежности и качества продукции. Так, на Запорожском электрометаллургическом заводе «Днепроспецсталь» им. А.П. Кузьмина, несмотря на многочисленные мероприятия по повышению качества продукции, за 9 месяцев 1964 г. потери от брака составили почти 1,5 млн руб. [23, с. 447]. Сложно решаемыми оставались и вопросы новизны создаваемых и внедряемых объектов техники. Ни штатные, ни общественные бюро технической информации не обладали достаточной квалификацией для проведения качественного патентного поиска. Так, в 1963 г. Госкомитет по координации научно-исследовательских работ СССР обязал все организации, представляющие образцы машин, приборов, оборудования и технологические процессы для включения в планы на 1964–1965 гг. предварительно проверять их на новизну. Если образец заимствовался из зарубежной техники, организации обязаны были делать ссылки на источник заимствования. Однако организации данное требование не выполнили, поэтому решение о включении в планы новой техники только образцов, являющихся новыми с точки зрения мировой новизны, так и осталось декларацией о намерениях [9, л. 2–3].

Результаты. В реформировании структур прямо или косвенно связанных с реализацией научно-технической политики государства проявились определенные противоречия. СССР, в том числе благодаря развитию массового изобретательства, действительно вышел на передовые позиции по числу регистрируемых заявок на изобретения. Стимулирование изобретательства и рационализаторства в условиях гонки вооружений послужило интенсификации производства в гражданских отраслях и стало своеобразным способом компенсации конструкторских и технологических недоработок. Однако погоня за количественными показателями в данной сфере, которые должны были превосходить показатели капиталистических стран, чему в немалой степени способствовала широта применения совет-

ского закона об изобретениях, приводила к выдаче авторских свидетельств на огромное количество малоценных изобретений. Большинство крупных изобретений создавалось в стенах профильных НИИ и конструкторских бюро, однако внедрение именно крупных изобретений встречало на своем пути немало трудностей. Охотно реализуемые предприятиями мелкие усовершенствования продлевали возможность эксплуатации устаревшего оборудования, что создавало проблему его консервации. Показатели отчетности также усугубляли проблему. Учет процента внедренных предложений к числу поданных, что и обеспечивало рост процента внедренных предложений в 1970–1980-е гг., на практике привел к обратному эффекту. Организации, «для галочки» выполнявшие показатель поданных изобретений и рационализаторских предложений (независимо от того, нужны они производству или нет), потом начинали их внедрять, что нередко заканчивалось неприятностями для производства. На автозаводах СССР даже сложилось мнение, что качество машин после доводки ухудшается из-за рационализаторских предложений.

Таким образом, в середине 1950-х – 1960-х гг. в СССР разрабатывались различные организационно-экономические механизмы стимулирования новаторства работников и скорейшего внедрения новшеств на предприятиях. Значительную роль играли общественные научно-технические объединения, заслугой которых стало повышение научно-технического уровня работников предприятий, распространение передового производственного опыта. Достоинством создаваемой системы была ее комплексность. Развитие получили организационные, финансовые, информационные методы стимулирования творческой активности масс. Немаловажно, что практики внедрения механизмов саморегуляции, повышения мотивации, создания системы взаимодействия различных акторов для решения научно-производственных задач отражают общемировые тенденции. Однако административное давление зачастую приводило к выхолащиванию ценных инициатив и формализму. Создание институтов с дублирующим набором полномочий и функций ухудшало управляемость системы, распыляя

ответственность между многочисленными ведомствами. В основу учета развития изобретательства и рационализации были положены количественные показатели, рост которых должен был подтверждать правиль-

ность и перспективность выбранного курса. Несовершенство системы управления научно-технической деятельностью порождало серьезные проблемы, требующие новых управленческих решений.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Алексеев Г. М. Движение изобретателей и рационализаторов в СССР, 1917–1982. М.: Мысль, 1983. 252 с.
2. Артемов Е. Т. Научно-техническая политика в советской модели постиндустриальной модернизации. М.: РОССПЭН, 2006. 356 с.
3. Бодрова В. Е., Калинов В. В. Изменение правительственного курса в отношении развития вычислительной техники в СССР во второй половине 1960-х годов // Научный диалог. 2024. Т. 13, № 2. С. 364–380. DOI: 10.24224/2227-1295-2024-13-2-364-380
4. Бодрова В. Е., Калинов В. В., Красивская В. Н. К вопросу об эффективности промышленной и научно-технической политики советского государства в 1950-е гг. // Вестник Сургутского государственного педагогического университета. 2023. № 3 (84). С. 197–209. DOI: 10.26105/SSPU.2023.3.84.020
5. Врублевский В. К. Труд на пороге третьего тысячелетия. Киев: Высш. шк., 1980. 450 с.
6. Гришков В. Ф., Плотников В. А., Фролов А. О. Мобилизационная экономика в современной России: теоретические аспекты // Известия Санкт-Петербургского государственного экономического университета. 2022. № 3 (135). С. 7–13.
7. Грэхэм Л. Сможет ли Россия конкурировать? История инноваций в царской, советской и современной России. М.: Манн, Иванов и Фербер, 2014. 272 с.
8. Доклад об итогах изобретательской и рационализаторской деятельности в СССР за 1963 г. // Российский государственный архив экономики (далее – РГАЭ). Ф. 373. Оп. 1. Д. 5026. Л. 1–78.
9. Докладные записки и справки о работе отраслевых НТО по вопросам техники и экономики производства // Государственный архив Российской Федерации (далее – ГАРФ). Ф. 5587. Оп. 1. Д. 619. Л. 6–79.
10. Инглхарт Р., Вельцель К. Модернизация, культурные изменения и демократия: Последовательность человеческого развития. М.: Нов. изд-во, 2011. 464 с.
11. Кортунов С. В. Национальная идентичность. Постигание смысла. М.: Аспект Пресс, 2009. 591 с.
12. Кычанов Б. Новаторство популярно // Изобретатель и рационализатор. 1967. № 8. С. 3.
13. Лахтин Г. А. Организация советской науки: история и современность. М.: Наука, 1990. 217 с.
14. Лельчук В. С. Научно-техническая революция и промышленное развитие СССР. М.: Наука, 1987. 285 с.
15. Митяков С. Н. Модель мобилизационной экономики // Развитие и безопасность. 2022. № 1 (13). С. 16–33. DOI: 10.46960/2713-2633_2022_1_16
16. Народное хозяйство СССР в 1962 г. Статистический ежегодник. М.: Статистика, 1963. 736 с.
17. Народное хозяйство СССР в 1964 г. Статистический ежегодник. М.: Статистика, 1965. 887 с.
18. Народное хозяйство СССР в 1968 г. Статистический ежегодник. М.: Статистика, 1969. 832 с.
19. Народное хозяйство СССР в 1980 г. М.: Статистика, 1981. 583 с.
20. Народное хозяйство СССР. Статистический сборник. М.: Госстат, 1956. 252 с.
21. Наука большой страны: советский опыт управления. М.: РГГУ, 2023. 625 с.
22. Некрасов В. Л. Советский экономический реформизм эпохи Н.С. Хрущева: авторитарный реформатор, партийно-государственная система и академическое сообщество // Новый исторический вестник. 2017. № 4 (54). С. 71–91. DOI: 10.24411/2072-9286-2017-00017
23. Остапенко И. П. Рабочий класс СССР в управлении производством 1956–1970 гг. М.: Наука, 1976. 483 с.
24. Отчеты и докладные записки о проверке работы республиканских и областных советов ВОИР и первичных организаций // ГАРФ. Ф. 7752. Оп. 6. Д. 4. Л. 88–89.
25. Панкова Л. Н. Кайдзен в современной японской экономике // Критическое и креативное мышление специалистов в сфере закупок в цифровой среде. М.: Русайнс, 2022. С. 75–77.
26. Повышать роль моральных стимулов в изобретательстве // Вопросы изобретательства. 1984. № 10. С. 2–4.
27. Пинаева Д. А. Вклад общественных научно-технических объединений в развитие массового изобретательства в СССР в середине 1950-х – середине 1960-х годов // Научный диалог. 2023. Т. 12, № 10. С. 414–434. DOI: 10.24224/2227-1295-2023-12-10-414-434

28. Плещенко В. И. Открытые инновации в России: прототипы и современность // Биржа интеллектуальной собственности. 2018. № 2. С. 8–15.
29. Протоколы заседаний оргкомитета и президиума оргкомитета ВОИР за 1958 г. // ГАРФ. Ф. 7752. Оп. 6. Д. 2. Л. 9–32.
30. Рассохин В. П. Механизм внедрения достижений науки: политика, управление, право. М.: Наука, 1985. 286 с.
31. Решения партии и правительства по хозяйственным вопросам: сборник документов за 50 лет. Т. 4: 1953–1961 гг. М.: Изд-во полит. лит., 1968. 783 с.
32. Сводный статистический отчет ВСНТО (по состоянию на 1 января 1957 г.) // ГАРФ. Ф. 5587. Оп. 1. Д. 604. Л. 1.
33. Справка о результатах проверки деятельности Министерства химической промышленности СССР в деле постановки работы по изобретательству // РГАЭ. Ф. 373. Оп. 1. Д. 4547. Л. 6–20.
34. Справки и предложения ВСНТО по дальнейшему развитию и улучшению деятельности общественных творческих объединений // ГАРФ. Ф. 5587. Оп. 1. Д. 1766. Л. 1–12.
35. Статистические данные о деятельности ВОИР за 1966–1970 гг. // ГАРФ. Ф. 7752. Оп. 6. Д. 2546. Л. 1–26.
36. Статистические отчеты республиканских и областных советов ВОИР за 1958 г. // ГАРФ. Ф. 7752. Оп. 6. Д. 212. Л. 6–14.
37. Стенограмма расширенного заседания коллегии Государственного комитета СССР по делам изобретений и открытий 18 октября 1978 г. // РГАЭ. Ф. 373. Оп. 1. Д. 2835. Л. 1–235.
38. Swanson J. M. *Scientific Discoveries and Soviet Law: A Sociohistorical Analysis*. Gainesville: University of Florida Press, 1984. 150 p.

REFERENCES

1. Alekseev G.M. *Dvizheniye izobretateley i ratsionalizatorov v SSSR, 1917–1982* [The Movement of Inventors and Innovators in the USSR, 1917–1982]. Moscow, Mysl Publ. 252 p.
2. Artemov E.T. *Nauchno-tekhnicheskaya politika v sovetskoj modeli postindustrialnoy modernizatsii* [Scientific and Technical Policy in the Soviet Model of Post-Industrial Modernization]. Moscow, ROSSPEN Publ., 2006. 356 p.
3. Bodrova V.E., Kalinov V.V. *Izmeneniye pravitelstvennogo kursa v otnoshenii razvitiya vychislitel'noy tekhniki v SSSR vo vtoroy polovine 1960-kh godov* [Shift in Government Policy Regarding Computer Technology Development in USSR in Late 1960s]. *Nauchnyi dialog*, 2024, vol. 13, no. 2, pp. 364–380. DOI: 10.24224/2227-1295-2024-13-2-364-380
4. Bodrova E.V., Kalinov V.V., Krasivskaya V.N. *K voprosu ob effektivnosti promyshlennoy i nauchno-tekhnicheskoy politiki sovetskogo gosudarstva v 1950-ye gg.* [On The Question of the Effectiveness of the Industrial and Scientific-Technical Policy of the Soviet State in The 1950s]. *Vestnik Surgutskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta*, 2023, no. 3 (84), pp. 197–209. DOI: 10.26105/SSPU.2023.3.84.020
5. Vrublevskiy V.K. *Trud na poroge tret'ego tysyacheletiya* [Labor on the Threshold of the Third Millennium]. Kiev, Vyssh. shk. Publ., 1980. 450 p.
6. Grishkov V.F., Plotnikov V.A., Frolov A.O. *Mobilizatsionnaya ekonomika v sovremennoy Rossii: teoreticheskiye aspekty* [Mobilization Economy in Modern Russia: Theoretical Aspects]. *Izvestiya Sankt-Peterburgskogo gosudarstvennogo ekonomicheskogo universiteta* [St. Petersburg State University of Economics Journal], 2022, no. 3 (135), pp. 7–13.
7. Grekhem L. *Smozhet li Rossiya konkurirovat? Istoriya innovatsii v tsarskoy, sovetskoj i sovremennoy Rossii* [Will Russia Be Able to Compete? The History of Innovation in Tsarist, Soviet and Modern Russia]. Moscow, Mann, Ivanov i Ferber Publ., 2014. 272 p.
8. *Doklad ob itogakh izobretatelskoy i ratsionalizatsionnoy deyatel'nosti v SSSR za 1963 g.* [Report on the Results of Inventive and Rationalization Activities in the USSR for 1963]. *Rossiyskiy gosudarstvennyy arkhiv ekonomiki* (hereinafter – RGAE) [Russian State Archive of Economics], f. 373, inv. 1, d. 5026, l. 1–78.
9. *Dokladnye zapiski i spravki o rabote otraslevykh NTO po voprosam tekhniki i ekonomiki proizvodstva* [Memos and Information on the Work of Branch Scientific and Technical Organizations on the Issues of Technology and Economics of Production]. *Gosudarstvennyy arkhiv Rossiyskoy Federatsii* (hereinafter – GARF) [State Archive of the Russian Federation], f. 5587, inv. 1, d. 619, l. 6–79.
10. Ingkharth R., Veltsel K. *Modernizatsiya, kulturnye izmeneniya i demokratiya: Posledovatelnost chelovecheskogo razvitiya* [Modernization, Cultural Change and Democracy: The Sequence of Human Development]. Moscow, Nov. izd-vo, 2011. 464 p.

11. Kortunov S.V. *Natsionalnaya identichnost. Postizheniye smysla* [National Identity. Comprehension of Meaning]. Moscow, Aspekt Press Publ., 2009. 591 p.
12. Kychanov B. Novatorstvo populyarno [Innovation Is Popular]. *Izobretatel i ratsionalizator* [Inventor and Innovator], 1967, no. 8, p. 3.
13. Lakhtin G.A. *Organizatsiya sovetskoy nauki: istoriya i sovremennost* [The Organization of Soviet Science: History and Modernity]. Moscow, Nauka Publ., 1990. 217 p.
14. Lelchuk V.S. *Nauchno-tekhnicheskaya revoliutsiya i promyshlennoye razvitiye SSSR* [Scientific and Technical Revolution and Industrial Development of the USSR]. Moscow, Nauka Publ., 1987. 285 p.
15. Mitiakov S.N. Model mobilizatsionnoy ekonomiki [The Model of the Mobilization Economy]. *Razvitiye i bezopasnost* [Development and Security], 2022, no. 1 (13), pp. 16-33. DOI: 10.46960/2713-2633_2022_1_16
16. *Narodnoye khozyaystvo SSSR v 1962 g. Statisticheskiy yezhegodnik* [The National Economy of the USSR in 1962. Statistical Yearbook]. Moscow, Statistika Publ., 1963. 736 p.
17. *Narodnoye khozyaystvo SSSR v 1964 g. Statisticheskiy yezhegodnik* [The National Economy of the USSR in 1964. Statistical Yearbook]. Moscow, Statistika Publ., 1965. 887 p.
18. *Narodnoye khozyaystvo SSSR v 1968 g. Statisticheskiy yezhegodnik* [The National Economy of the USSR in 1968. Statistical Yearbook]. Moscow, Statistika Publ., 1969. 832 p.
19. *Narodnoye khozyaystvo SSSR v 1980 g.* [The National Economy of the USSR in 1980]. Moscow, Statistika Publ., 1981. 583 p.
20. *Narodnoye khozyaystvo SSSR. Statisticheskiy sbornik* [The National Economy of the USSR. Statistical Compilation]. Moscow, Gosstat Publ., 1956. 252 p.
21. *Nauka bolshoy strany: sovetskiy opyt upravleniya* [Science of a Big Country: Soviet Management Experience]. Moscow, RGGU Publ., 2023. 625 p.
22. Nekrasov V.L. Sovetskiy ekonomicheskiy reformizm epokhi N.S. Khrushcheva: avtoritarny reformator, partiyno-gosudarstvennaya sistema i akademicheskoye soobshchestvo [Soviet Economic Reformism of the Khrushchev Era: An Authoritarian Reformer, the Party-State System and the Academic Community]. *Novy istoricheskiy vestnik* [New Historical Bulletin], 2017, no. 4 (54), pp. 71-91. DOI: 10.24411/2072-9286-2017-00017
23. Ostapenko I.P. *Rabochiy klass SSSR v upravlenii proizvodstvom 1956–1970 gg.* [The Working Class of the USSR in the Management of Production 1956–1970]. Moscow, Nauka Publ., 1976. 483 p.
24. Otchety i dokladnye zapiski o proverke raboty respublikanskikh i oblastnykh sovetov VOIR i pervichnykh organizatsiy [Reports and Memos on the Verification of the Work of the Republican and Regional Councils of the All-Union Society of Inventors and Innovators and Primary Organizations]. *GARF* [State Archive of the Russian Federation], f. 7752, inv. 6, d. 4, l. 88-89.
25. Pankova L.N. Kayden v sovremennoy yaponskoy ekonomike [Kaizen in the Modern Japanese Economy]. *Kriticheskoye i kreativnoye myshleniye spetsialistov v sfere zakupok v tsifrovoy srede* [Critical and Creative Thinking of Specialists in the Field of Procurement in the Digital Environment]. Moscow, Rusains Publ., 2022, pp. 75-77.
26. Povyshat rol moralnykh stimulov v izobretatelstve [To Increase the Role of Moral Incentives in Invention]. *Voprosy izobretatelstva* [Questions of Invention], 1984, no. 10, pp. 2-4.
27. Pinaeva D.A. Vklad obshchestvennykh nauchno-tekhnicheskikh obyedineniy v razvitiye massovogo izobretatelstva v SSSR v seredine 1950-kh – seredine 1960-kh godov [Contribution of Public Scientific and Technical Associations to Development of Mass Inventiveness in USSR from Mid-1950s to Mid-1960s]. *Nauchnyi dialog*, 2023, vol. 12, no. 10, pp. 414-434. DOI: 10.24224/2227-1295-2023-12-10-414-434
28. Pleshchenko V.I. Otkrytye innovatsii v Rossii: prototipy i sovremennost [Open Innovations in Russia: Prototypes and Modernity]. *Birzha intellektualnoy sobstvennosti* [Intellectual Property Exchange], 2018, no. 2, pp. 8-15.
29. Protokoly zasedaniy orgkomiteta i prezidiuma orgkomiteta VOIR za 1958 g. [Minutes of the Meetings of the Organizing Committee and the Presidium of the VOIR Organizing Committee for 1958]. *GARF* [State Archive of the Russian Federation], f. 7752, inv. 6, d. 2, l. 9-32.
30. Rassokhin V.P. *Mekhanizm vnedreniya dostizheniy nauki: politika, upravleniye, pravo* [The Mechanism of Implementation of Scientific Achievements: Politics, Management, Law]. Moscow, Nauka Publ., 1985. 286 p.
31. *Resheniya partii i pravitelstva po hozyaystvennym voprosam: sbornik dokumentov za 50 let. T. 4: 1953–1961 gg.* [Decisions of the Party and the Government on Economic Issues. Collection of Documents for 50 Years. Vol. 4. 1953–1961]. Moscow, Izd-vo Polit. lit., 1968. 783 p.
32. Svodny statisticheskiy otchet VSNTA (po sostoyaniyu na 1 yanvarya 1957 g.) [Summary Statistical Report of the VSNTA (On January 1, 1957)]. *GARF* [State Archive of the Russian Federation], f. 5587, inv. 1, d. 604, l. 1.
33. Spravka o rezultatakh proverki deyatelnosti Ministerstva khimicheskoy promyshlennosti SSSR v dele postanovki raboty po izobretatelstvu [Certificate of the Results of the Audit of the Activities of the Ministry of

Chemical Industry of the USSR in Setting Up Work on Invention]. *RGAE* [Russian State Archive of Economics], f. 373, inv. 1, d. 4547, l. 6-20.

34. Spravki i predlozheniya VSNTTO po dalneyshemu razvitiyu i uluchsheniyu deyatel'nosti obshchestvennykh tvorcheskikh obyedineniy [References and Suggestions of the VSNTTO on the Further Development and Improvement of the Activities of Public Creative Associations]. *GARF* [State Archive of the Russian Federation], f. 5587, inv. 1, d. 1766, l. 1-12.

35. Statisticheskiye dannye o deyatel'nosti VOIR za 1966–1970 gg. [Statistical Data on the Activities of VOIR for 1966–1970]. *GARF* [State Archive of the Russian Federation], f. 7752, inv. 6, d. 2546, l. 1-26.

36. Statisticheskiye otchety respublikanskikh i oblastnykh sovetov VOIR za 1958 g. [Statistical Reports of the Republican and Regional Councils of the VOIR in 1958]. *GARF* [State Archive of the Russian Federation], f. 7752, inv. 6, d. 212, l. 6-14.

37. Stenogramma rasshirennogo zasedaniya kollegii Gosudarstvennogo komiteta SSSR po delam izobreteniy i otkrytiy 18 oktyabrya 1978 g. [Transcript of the Extended Meeting of the Board of the USSR State Committee for Inventions and Discoveries on October 18, 1978]. *RGAE* [Russian State Archive of Economics], f. 373, inv. 1, d. 2835, l. 1-235.

38. Swanson J.M. *Scientific Discoveries and Soviet Law: A Sociohistorical Analysis*. Gainesville, University of Florida Press, 1984. 150 p.

Information About the Author

Daria A. Pinaeva, Candidate of Sciences (History), Associate Professor, Department of Service Technologies, Kazan National Research Technological University, K. Marksa St, 68, 420015 Kazan, Russian Federation, dashkevnal@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-9428-2050>

Информация об авторе

Дарья Алексеевна Пинаева, кандидат исторических наук, доцент кафедры сервисных технологий, Казанский национальный исследовательский технологический университет, ул. К. Маркса, 68, 420015 г. Казань, Российская Федерация, dashkevnal@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-9428-2050>

DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2026.3.20>

UDC 377.18-057.876(47+57)(09)

LBC Ч446.043В6+Ч446.3(2)

Submitted: 07.10.2024

Accepted: 19.12.2024

“INFORMAL PORTRAIT” OF STUDENTS OF STATE LABOR RESERVES IN THE 1940–1950s: AN ATTEMPT AT TYPOLOGY

Sergey L. Razinkov

Ural Federal University named after the First President of Russia B.N. Yeltsin, Yekaterinburg, Russian Federation

Tatiana A. Zaglodina

Ural State Pedagogical University, Yekaterinburg, Russian Federation

Marina B. Larionova

Russian State University for the Humanities, Moscow, Russian Federation

Abstract. *Introduction.* The creation of the USSR state labor reserves in 1940 was accompanied by the formation of a specific socio-cultural environment, which remains virtually unstudied to date. Formed artificially, with the use of paramilitary training, it contributed to the activation of subcultural manifestations in the pupils' environment. At the same time, many elements of subculture were far from the ideal, “parade” image of a student, officially formed by the system of labor reserves. The purpose of the article is to characterize the types of “non-parochiality” based on the identification and systematization in the form of a model of sustainable behavioral practices and worldviews of students that deviate from the norms, values, and institutional expectations of the labor pool system. *Methods and materials.* The work is based on the analysis of a wide range of sources (from official documentation of central and regional labor reserves administration to imaginative literature), allowing us to reconstruct the types of deviant behavior of students (primarily, from the Sverdlovsk region). The methodological basis for studying the manifestations of “informal behavior” of students is the theory of subcultural worldview. *Analysis.* The main result of the study is the model of “non-parade portrait” containing 15 types of students’ “non-parade,” systematized by six vectors of deviation of their behavioral practices and values from the ideal patterns of behavior on the basis of a level deviation scale. Such types as “criminal,” “hooligan,” “mischief-maker,” “truant,” “slob,” and “nonconformist” are characterized in detail. *Results.* The article presents for the first time a holistic design of the socio-cultural image of students of labor reserves in the Sverdlovsk region in the 1940s–1950s in the optics of “nonconformity.” The results of the study can be used in the study of everyday practices, cultural values, and socio-cultural images of students in the Soviet period. *Authors' contributions.* S.L. Razinkov: formation of the goals and objectives of the study, definition of methodology, and formation of the structure of the socio-cultural image of the student. T.A. Zaglodina: processing and interpretation of the obtained data, text structuring, and addition of the manuscript text. M.B. Larionova: discussion of the research results and interpretation of the obtained data. *Funding.* The article was financially supported by the RNF grant, project No. 23-28-01065, “Unparade Portrait” of Danila Kuzmich: the potential for renewal of the State Labor Reserves system in the subculture of students (1940s–1950s).

Key words: state labor reserves, Sverdlovsk region, vocational schools, FZO schools, socio-cultural image of students, delinquency, truant, nonconformist.

Citation. Razinkov S.L., Zaglodina T.A., Larionova M.B. “Informal Portrait” of Students of State Labor Reserves in the 1940–1950s: An Attempt at Typology. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 4. Istoriya. Regionovedenie. Mezhdunarodnye otnosheniya* [Science Journal of Volgograd State University. History. Area Studies. International Relations], 2026, vol. 31, no. 3, pp. 225-237. (in Russian). DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2026.3.20>

**«НЕПАРАДНЫЙ ПОРТРЕТ» УЧАЩИХСЯ
ГОСУДАРСТВЕННЫХ ТРУДОВЫХ РЕЗЕРВОВ В 1940–1950-е гг.:
ОПЫТ ТИПОЛОГИЗАЦИИ**

Сергей Львович Разинков

Уральский федеральный университет им. первого Президента России Б.Н. Ельцина,
г. Екатеринбург, Российская Федерация

Татьяна Алексеевна Заглодина

Уральский государственный педагогический университет, г. Екатеринбург, Российская Федерация

Марина Бариевна Ларионова

Российский государственный гуманитарный университет, г. Москва, Российская Федерация

Аннотация. *Введение.* Создание в 1940 г. государственных трудовых резервов СССР сопровождалось формированием специфической социокультурной среды, которая до настоящего времени остается практически неизученной. Формируемая искусственно, с использованием полувоенноизированной подготовки, она способствовала активизации субкультурных проявлений в ученической среде. При этом многие элементы субкультуры были далеки от идеального, «парадного» образа учащегося, официально формируемого системой трудовых резервов. Целью статьи является характеристика типов «непарадности» на основе идентификации и систематизации в виде модели устойчивых поведенческих практик и мировоззрения учащихся, отклоняющихся от норм, ценностей и институциональных ожиданий системы трудовых резервов. *Методы и материалы.* Работа основана на анализе широкого круга источников (от официальной делопроизводственной документации центральных и региональных органов управления трудовыми резервами до художественной литературы), позволяющих реконструировать типы девиантного поведения учащихся. Методологической основой исследования проявлений «непарадности» учащихся выступает теория субкультурного мировоззрения, которая рассматривает субкультуру как мировоззренческую структуру и классифицирует степень ее альтернативности (или экстремальности), исходя из сформированности / несформированности системы ценностей, ощущений и восприятий в социальной группе. *Анализ.* Основным результатом исследования является модель «непарадного портрета», содержащая 15 типов «непарадности» учащихся, систематизированных по шести векторам девиации их поведенческих практик и ценностей от идеальных образцов поведения на основе уровневой шкалы отклонения. В работе подробно охарактеризованы такие типы, как уголовник, хулиган, озорник, прогульщик, неряха и нонконформист. *Результаты.* В статье впервые представлена целостная модель социально-культурного облика учащихся учебных заведений трудовых резервов Свердловской области в 1940–1950-е гг. в оптике «непарадности». Результаты исследования могут использоваться при изучении повседневных практик, культурных ценностей, социокультурного облика учащейся молодежи в советский период. *Вклад авторов.* С.Л. Разинков – формирование целей и задач исследования, а также структуры социально-культурного облика учащегося, определение методологии. Т.А. Заглодина – обработка и интерпретация полученных данных, структурирование текста. М.Б. Ларионова – обсуждение результатов исследования, интерпретация полученных данных. *Финансирование.* Статья выполнена при финансовой поддержке гранта РНФ, проект № 23-28-01065 «Непарадный портрет» Даниила Кузьмича: потенциал обновления системы Государственных трудовых резервов в субкультуре учащихся (1940–1950-е гг.).

Ключевые слова: государственные трудовые резервы, Свердловская область, ремесленные училища, школы фабрично-заводского обучения, социокультурный облик учащихся, преступность, прогульщик, нонконформист.

Цитирование. Разинков С. Л., Заглодина Т. А., Ларионова М. Б. «Непарадный портрет» учащихся государственных трудовых резервов в 1940–1950-е гг.: опыт типологизации // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 4, История. Регионоведение. Международные отношения. – 2026. – Т. 31, № 3. – С. 225–237. – DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2026.3.20>

Введение. Создание в 1940 г. государственных трудовых резервов как масштабной централизованной системы подготовки квалифицированных рабочих для ведущих отраслей экономики, в высокой степени базирующейся на принудительной мобилизации и полном государственном обеспечении учащихся, привело к формированию в учебных заведениях профтехобразования специфической социокультурной среды. Эта система искусственно объединяла жесткой полувоенной организацией представителей разных социальных групп, с различным жизненным укладом и личностными представлениями, вынужденных вместе сосуществовать на протяжении длительного периода времени. Установленные и культивируемые в системе государственных трудовых резервов правила поведения, нормы, традиции привели к формированию идеального, «парадного» портрета учащегося, транслируемого официальными источниками (в котором нами выделяются четыре «метаобраза» – патриот, герой труда, отличник учебы и достойный человек).

Вместе с тем реальные условия жизни в учебных заведениях были далеки от идеальных, а сами ученики не представляли собой однородной и унифицированной группы с точки зрения поведения и мировоззрения, что способствовало формированию «непарадного портрета» учащихся.

«Непарадный портрет» в данной работе рассматривается не только с точки зрения девиации, отступления от существующих в советском обществе социальных (правовых и нравственных) норм, но скорее как отклонение от идеального образа – «парадного портрета», то есть в контексте устойчивых поведенческих практик и мировоззрения учащихся, идущих вразрез с «институциональными ожиданиями» и способствующих «социальной дезорганизации» (в терминологии А. Козна [12]) системы государственных трудовых резервов в тот период, когда ей были присущи «необычные» (по М. Мэтьюзу) для профессионального образования черты и функции – от авторитарно-милитаризованного воспитания до социальной защиты [25, р. 183].

Система государственных трудовых резервов включала два базовых типа специали-

зированных учебных заведений – ремесленные (далее – РУ) и железнодорожные (далее – ЖУ) училища, осуществлявшие обучение квалифицированных рабочих «сложных профессий», и школы фабрично-заводского обучения (далее – ФЗО), направленные на подготовку рабочих массовых профессий низшей квалификации. Позднее появились другие новые виды училищ (механизации сельского хозяйства, горнопромышленные, специальные, технические, строительные, городские) и школ (горнопромышленные, строительные и др.).

При создании трудовых резервов в октябре 1940 г. были определены базовые требования к социально-демографическим характеристикам учащихся в зависимости от типа учебного заведения: городская и колхозная молодежь мужского пола в возрасте 14–15 лет – для обучения в РУ и ЖУ, 16–17 лет – в школах ФЗО.

Указанные отличительные черты системы государственных трудовых резервов 1940-х – первой половины 1950-х гг. в совокупности с внеисторическими особенностями, характеризующими положение молодежи как специфической социальной группы, обусловили проявление среди учащихся ряда важных для характеристики их «непарадного портрета» противоречий:

- между расцветом интеллектуальных и физических сил и ограниченными возможностями для удовлетворения своих материальных и духовных потребностей (так, в документах трудовых резервов и научных работах неоднократно подчеркивалась недостаточность воспитательной работы; например, «досуг учащихся был весьма однообразным, зачастую с пассивным участием молодежи» [24, с. 157]);

- между установкой на личное и общественное благополучие и недостаточной осознанностью ценности собственной жизни, что приводило к неоправданному риску и частым несчастным случаям;

- между осознанием собственных идеалов и жизненных (в том числе профессиональных) планов и невозможностью их полноценной реализации в условиях жесткой регламентированности всех элементов деятельности системы государственных трудовых резервов. Так, частыми причинами прогулов занятий и даже побегов из учебных заведений трудовых

резервов было распределение учащихся по профессиям без учета их пожеланий и склонностей. Например, учащийся группы каменщиков Свердловской школы ФЗО № 9 откровенно заявлял инструктору обкома: «В песне поется: “Молодым – везде у нас дорога...” а меня заставляют быть каменщиком, хотя я не хочу» [19, с. 196];

– между желанием скорее освободиться от мелочной опеки родителей, мастеров, воспитателей и трудностями социальной и психологической адаптации к условиям самостоятельной жизни. Например, в одном из ведомственных отчетов 1947 г. причины побегов учащихся и выпускников учебных заведений трудовых резервов объяснялись тем, что «резкий переход от школьного режима к самостоятельной жизни вне семьи и работе на производстве нередко вызывает временные трудности» [11, с. 301];

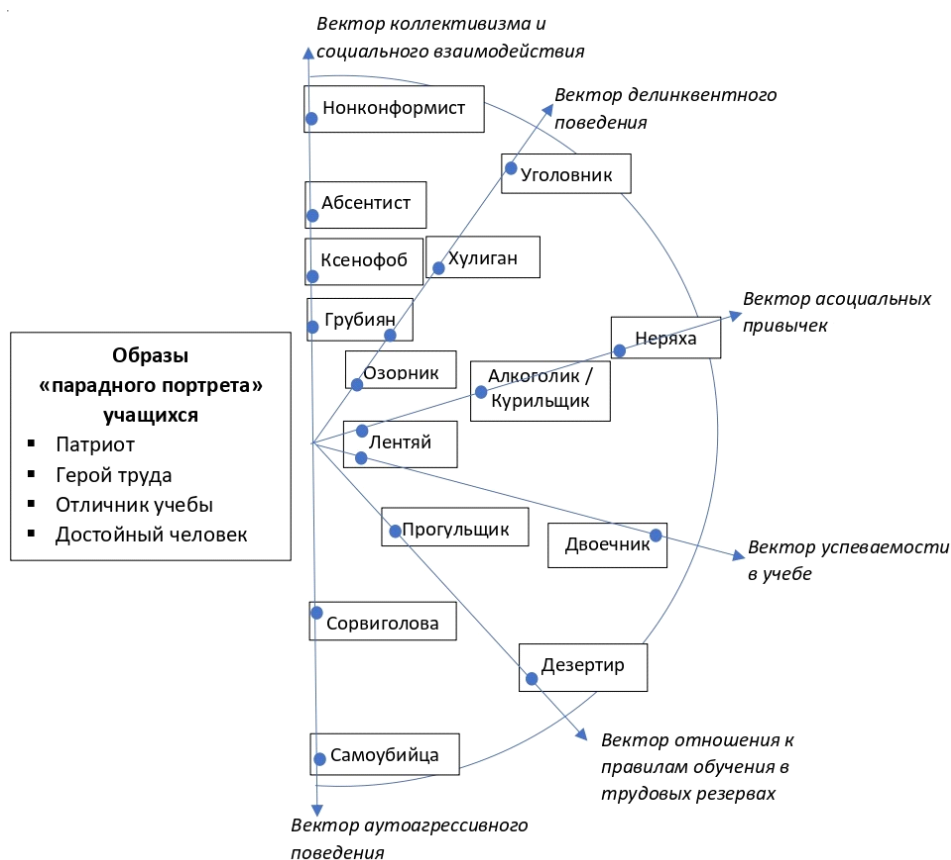
– между подростковым эгоцентризмом, с одной стороны, и повышенным конформизмом к группе сверстников – с другой, что спо-

собствовало включению учащихся в криминальные субкультуры;

– между стремлением самим сделать свой выбор и отсутствием желания и возможности нести ответственность за его последствия (особенно в условиях характерной для трудовых резервов системы государственного патернализма, в которой «семья-государство кормила и одевала, обучала и лечила, и естественный сыновний долг – изо всех сил помогать этой большой семье – становился шаблоном социального поведения учащихся» [3, с. 83]).

Выделенные возрастные особенности и противоречия обуславливают полимотивированность, разнообразие и вариативность проявлений «непарадности» в среде учащихся государственных трудовых резервов, которая отражается в поведенческих практиках, неоднократно фиксируемых в официальных документах, как нарушения установленных правил и распорядительных актов (см. рисунок).

Методы и материалы. Характеристики поведенческих практик исходя из дихото-

Типы «непарадности» учащихся учебных заведений системы государственных трудовых резервов
Types of “non-ceremonial” students of educational institutions of the state labor reserves system

мии «норма / аномалия», использованной Н.Б. Лебиной в качестве методологического подхода к изучению советской повседневности [13, с. 9], применительно к реконструкции типов «непарадности» учащихся (в отличие от их «парадного портрета») представляется нам недостаточно развернутой и подробной. Теория субкультурного мировоззрения помогает распределить типы «непарадных» проявлений по векторам приспособления к культурным нормам, принятым в конкретном социуме от частичного или слабовыраженного до альтернативного или экстремального.

Модель «непарадного портрета» учащихся трудовых резервов предполагает во многих случаях использование шкалы, отражающей степень отклонения поведенческих практик и культурных ценностей учащихся от идеала – образов «парадного портрета» учащихся. По степени отклонения от «парадности» возможна идентификация девиантных практик и ценностей учащихся на трех уровнях: 1) «экстремальный» (поведенческие практики и ценности учащихся в исключительной степени противоречат социальным нормам и «институциональным ожиданиям», сведения о них отражаются в распорядительной документации государственных трудовых резервов и материалах надзорно-карательных органов); 2) «медианный» (практики, которые трактовались системой трудовых резервов как «вредные», но не несущие непосредственной угрозы выполнению основных учебных и производственных задач, отражались в протоколах партийных и комсомольских собраний, стенограммах совещаний руководителей учебных заведений, докладных записках, материалах СМИ); 3) «слабовыраженный» (скрытые от официальных структур формы повседневности, которые квалифицировались системой как «нежелательные», но «не угрожающие», поэтому слабо отраженные в официальных делопроизводственных документах и упоминаемые преимущественно в источниках личного происхождения, в том числе в эго-документах).

Исследование основано преимущественно на делопроизводственной документации (протоколы совещаний, приказы, инструктивные письма и т. д.) Главного и Свердловского регионального управлений трудовых резервов, раскрывающей реальную ситуацию и негатив-

ные стороны повседневной действительности в учебных заведениях, что позволяет выявить наиболее устойчивые девиантные поведенческие практики учащихся, являющиеся внешним выражением их «непарадного» портрета.

Анализ. Все проанализированные нами типы «непарадности» учащихся увязаны с конкретными направлениями (векторами) отклонения их поведенческих практик и ценностей от идеальных образцов, при этом направленность каждого вектора предполагает движение от «слабовыраженного» к «экстремальному» уровню «непарадности». В предложенной нами модели выделены шесть векторов:

1) коллективизма и социального взаимодействия – отражает вовлеченность учащихся в коллективные формы социального взаимодействия в формальных и неформальных группах;

2) делинквентного поведения – связан с преступным, криминальным поведением, противоречащим нормам административного и уголовного права;

3) асоциальных привычек – предполагает наличие у учащихся выраженных аддикций / зависимостей (азартные игры, табакокурение, алкоголизм и пр.) или асоциальных привычек (неряшливый внешний вид и т. д.);

4) успеваемости в учебе – связан со степенью вовлеченности и успешности освоения учащимися программы теоретического и производственного обучения;

5) отношения к правилам обучения в трудовых резервах – проявляется в желании и намерении учащихся соблюдать базовые принципы пребывания в учебных заведениях;

6) аутоагрессивного поведения – выражается в повышенном риске получения (в результате несчастного случая) или причинения себе увечий, вплоть до совершения самоубийства.

Ниже мы охарактеризуем более детально некоторые из выделенных нами типов «непарадности»: уголовник, хулиган, озорник, прогульщик, неряха и нонконформист.

Вектор «делинквентное поведение» (уголовник – хулиган – озорник)

Этот вектор в различных проявлениях наиболее полно и всесторонне отражен в офи-

циальных документах государственных трудовых резервов и правоохранительных органов СССР; в современной историографии отдельные исследователи также акцентируют внимание на характере и мотивах преступности в учебных заведениях системы профессионально-технического образования в 1940-х годах [1, с. 46; 26, р. 404].

Как отмечает, например, О. Кучеренко, учащиеся учебных заведений государственных трудовых резервов имели репутацию «опасных и неисправимых хулиганов и воров», и некоторые реально соответствовали этому образу – особенно дурной славой пользовались ученики школ ФЗО, «иногда объединявшиеся в банды грабителей, насильников и бессердечных убийц», что объясняется массовым направлением в учебные заведения в период Великой Отечественной войны бывших беспризорников и освобожденных из колоний несовершеннолетних преступников, которые «деморализовывали и развращали других учеников» [26, р. 405].

На экстремальном уровне «непарадности» в векторе делинквентного поведения находится тип уголовника – учащегося, который принадлежит к своеобразной криминальной субкультуре и ориентирован в своей деятельности на умышленное совершение тяжких преступлений (убийство, грабеж, разбой и пр.), однозначно влекущих привлечение к уголовной ответственности.

Тип уголовника широко распространился в учебных заведениях государственных трудовых резервов в связи с массовой мобилизацией в 1942–1943 гг. несовершеннолетних преступников, освобожденных от отбывания наказания в лагерях и колониях НКВД. Например, в телеграмме Челябинского областного управления трудовых резервов описаны бесчинства в эшелоне, перевозящем в декабре 1942 г. 300 освобожденных несовершеннолетних преступников из Саратовской области в Челябинск: «[в] пути следования эта молодежь занималась грабежами[. при] отъезде [из] Энгельса ограбили пассажиров[.] буфет станции[.] свой эшелон. [На] первой остановке взломали вагон воинского эшелона[.] украли 6 свиных туш, 7 ящиков колбасы, пшено, муку [...] меняли [на] водку[.] похитили [и] зарезали барана. [На] следующей станции ограбили воинский эшелон [-] чай,

муку, пшено, масло [и] 40 тыс[яч] рублей деньгами. [В] Карталах ограбили вагон [с] табаком [...]. Эта молодежь направлена [в] школы ФЗО с предупреждением» [10, л. 38].

Вместе с тем уголовная субкультура была широко распространена среди учащихся и после прекращения массовых мобилизаций в училища и школы ФЗО несовершеннолетних преступников – в распорядительных документах главного и региональных управлений трудовых резервов, информационных сообщениях правоохранительных органов второй половины 1940-х – первой половины 1950-х гг. постоянно упоминались случаи совершения учащимися убийств, грабежей, разбойных нападений, поножовщины, крупных краж, изнасилований и т. д. Так, в информации МВД за 1949 г. отмечалось, что уголовная преступность среди учащихся школ ФЗО, РУ и ЖУ в целом по СССР «продолжает оставаться большой», ими совершается свыше 10 % всех уголовных преступлений среди несовершеннолетних (а в группе 16–18-летних – даже 17 %), так как «при наборах в число учащихся просачиваются лица, в прошлом судившиеся, а также имеющие связи с преступной средой, которые подчиняют своему влиянию малоустойчивых подростков, морально разлагают их и толкают на преступления» [7, л. 176].

Под хулиганом (отличающимся от типа уголовника) в данной работе мы понимаем тип учащегося, который систематически грубо нарушает установленный общественный порядок, в том числе правила внутреннего распорядка учебного заведения, не совершая при этом тяжких преступлений, продолжая «обучаться» в учебном заведении, не подвергаясь уголовной ответственности. В качестве распространенных хулиганских действий учащихся в официальных документах трудовых резервов отмечались:

– дебош («учащимся был подан обед с запахом керосина, в знак протеста они устроили дебош, срывали со столов клеенки, переворачивали столы, выражались нецензурными словами» [7, л. 120] – г. Мытищи Московской обл., 1949 г.; «продав полученные ими на рынке носки, [учащиеся] напившись водки, пришли пьяные в школу, устроили дебош и побили стекла в здании школы» [6, л. 158] – Иркутская обл., 1945 г.);

– хулиганство в общественных местах и на улице, например, бросание камнями в прохожих (г. Красноуральск, 1955 г.) [5, л. 128];

– «издевательства хулиганов над примерными учащимися» [2, л. 85] (Архангельская обл., 1950 г.);

– драки среди учащихся, в том числе массовые побоища [4, л. 92–93; 9, л. 48] («если мы спим, а где-либо начинается драка, то вся школа должна бежать к месту драки и принимать участие. Если же кто не пойдет на драку, то его изобьют эти же товарищи» – г. Красноуральск, 1955 г. [5, л. 124 об]).

Следует отметить, что в стенограммах совещаний руководителей управления трудовых резервов с заместителями директоров по политической части РУ, ЖУ и школ ФЗО Свердловской области содержались неоднократные призывы отличать от хулиганства «озорство», «юношество», «ребячество», то есть поведение учащихся, связанное с различными нарушениями правил внутреннего распорядка (от безобидных до граничащих с хулиганством), обусловленное особенностями подросткового возраста: залезть на стол, «устроить шум» на теоретическом занятии, бросание подушек, кидание в столовой хлебом и т. д. [21, л. 51–52; 22, л. 89, 95, 100].

В художественной литературе также отражен тип учащегося-озорника, который ведет себя несерьезно, балуется, совершает забавные (и не очень) поступки, шалости, проказы. Например, в повести И.М. Меттера «Товарищи» (1952 г.) о повседневной жизни учащихся Московского РУ № 28 в образе главного героя Мити Власова проявляются отдельные черты озорника: «У Власова есть недостатки, которые надо искоренять. Взрослый человек, пятнадцать лет, имеет третий разряд, а в столовую скатывается по перилам с четвертого этажа. Это несерьезно, и с этим пора кончать. В умывалке брызгаться водой тоже не дело. Ты не ребенок, Митя Власов» [15, с. 77]. Менее забавные шалости проявляли и другие учащиеся: «Митю уже предупредили, что среди второклассников иногда попадают отчаянные парни, которым ничего не стоит сорвать с новичка фуражку или, походя, смазать его по затылку. Один из них и ущипнул Митю на переключке» [15, с. 27].

Вектор «отношение к учебе» (прогульщик)

Среди поведенческих практик, являющихся неотъемлемой частью «парадного портрета» учащихся государственных трудовых резервов, важнейшая роль отводилась обязанности посещать занятия и серьезно относиться к учебе. Так, в правилах внутреннего распорядка учебных заведений 1947 г. отмечалось, что учащиеся РУ, ЖУ и школ ФЗО обязаны «упорно и настойчиво учиться, чтобы стать квалифицированными и культурными рабочими и принести как можно больше пользы своей Советской Родине» [20, л. 1].

В официальных документах (приказы по основной деятельности, акты обследования учебных заведений, стенограммы совещаний) Главного (с 1946 г. – Министерство) и Свердловского регионального управления трудовых резервов СССР 1940–1950-х гг. часто упоминается об отступлении учащихся от этих требований – совершении ряда действий, характеризующих их акторов как прогульщиков:

- самовольные отлучки (в том числе коллективные) из учебного заведения без предупреждения в свободное от занятий время (особенно в праздничные и выходные дни);
- опоздание на занятия;
- эпизодическое непосещение отдельных занятий;
- систематические прогулы, то есть отказ от посещения учебно-производственных занятий без какой-либо уважительной причины или разрешения [6; 21–23].

Прогулы занятий учащимися учебных заведений трудовых резервов были обусловлены различными факторами: недовольством «выбором» будущей профессии; необеспеченностью спецодеждой и обувью; неудовлетворительными жилищно-бытовыми условиями; физическими и психологическими особенностями самих учащихся; слабым надзором и контролем со стороны администрации; принадлежностью учащегося к определенной субкультуре и групповым давлением. В попытке обойти официальные и неформальные механизмы контроля посещаемости учащиеся стремились оправдать допущенные ими единичные случаи нарушения дисциплины (опоздания и прогулы занятий) уважительными или

объективными причинами: отсутствием необходимой одежды и обуви, задержкой с получением питания в столовой, заболеванием и т. д. Например, в информационных сведениях (политдонесении) Мурманского областного управления трудовых резервов в 1949 г. отмечалось, что «во всех школах десятки учащихся симулируют болезнь и не выходят на производственное обучение... Симулируя болезнью, некоторые учащиеся... требуют врача для осмотра состояния здоровья. Когда был проведен осмотр и они были признаны совершенно здоровыми, эти учащиеся заявили, что «врачи ничего не понимают» [8, л. 43].

В переписке центрального аппарата Министерства трудовых резервов с другими ведомствами первой половины 1950-х гг., основанной на рассмотрении жалоб и обращений учащихся, иногда упоминаются исключительные случаи, связанные с массовыми прогулами учащихся, как результат коллективного сговора и группового давления. О подобных коллективных прогулах занятий упоминается, например, в письме мастеров Красноуральской школы ФЗО № 1 в газету «Труд»: «Учащиеся систематически не посещают п[роизводственное] о[бучение]. Как они выражаются, “бастуем”. Так гр[уппа] м[асте]ра Закирова не выходила в начале февраля [1955 г.] 7 дней и перед этим 3 дня. А журналы заполнены. Без потерь [учебных занятий]» [5, л. 127]. В письме ЦК ВЛКСМ приводится факт массовой забастовки учеников РУ № 11 г. Щербакова (ныне Рыбинск) Ярославской области – 22 февраля 1950 г. после появления в училище листовок, «в которых указывалось, что “объявляется 2-х дневная забастовка и голодовка”», 150 человек учащихся закрылись в своих комнатах, «отказались от завтрака и не явились на занятия», проигнорировав «неоднократные требования дирекции» и «просьбу секретаря Щербаковского горкома партии т. Смирновой», только силовые действия администрации училища позволили восстановить порядок [18, л. 2].

При этом четко прослеживается связь прогулов с вектором успеваемости в учебе (типом двоечника) – например, в вышеупомянутом Щербаковском РУ № 11 только за первую четверть 1949/50 учебного года было зарегистрировано 7 897 случаев самовольных

уходов и отлучек (на 550 человек учащихся), в результате плохой посещаемости в училище насчитывалось более 80 человек неуспевающих [18, л. 3].

Вектор «асоциальные привычки» (неряха)

С точки зрения «парадного портрета» учащийся государственных трудовых резервов безусловно «должен иметь бодрый и подтянутый вид, всегда быть опрятным и аккуратным, по форме одетым» [20, л. 1], поэтому любые проявления учениками неряшливости требовали жесткой реакции со стороны руководства учебных заведений. В документах Свердловского областного управления трудовых резервов 1940-х гг. постоянно упоминается тип неряхи – учащегося, который не следит за своей внешностью и одеждой, не соблюдает правила личной гигиены, нарушает требования чистоты и порядка в помещениях: «в столовых обедают в одежде, руки не моют», «забыли о таких вещах, как зубной порошок», «ходят неряшливыми, расстегнутыми», «заходят в комнаты в верхней одежде, в результате постельные принадлежности черные от грязи», «в комнате № 21 грязно, на полу валяются окурки папирос, корки, кости, бумага, учащиеся в этой комнате спят в верхней одежде» [10, л. 26, 28; 23, л. 5–6].

В художественной литературе также упоминается образ учащегося-неряхи – например, в повести Владимира Пистоленко «Товарищи», посвященной описанию жизни учеников оренбургского РУ в годы Великой Отечественной войны. Руководители училища, осматривая комнату учащихся – передовиков производства, отметили вопиющий беспорядок: «...посмотрите, что творится в этой комнате. Полный беспорядок! Кровати заправлены наспех, в тумбочках – вы только взгляните! – как на свалочной куче у Плюшкина. На столе крошки... вон в углу какие-то бумажки валяются. Чаще всего так выглядят комнаты новичков, только что пришедших в училище» [17, с. 12].

Тенденция связывания образа неряхи именно с новичками (особенно мобилизованными из других отдаленных регионов) находит отражение не только в произведениях художественной литературы, но и в официаль-

ных документах – так, в стенограмме пятого совещания зам. директоров по политической части училищ и школ ФЗО Свердловской области (январь 1943 г.) воспитатель Серовского РУ № 5 Астраханцева неоднократно подчеркивала проявления неряшливости у девушек, мобилизованных в училище из Калининской области, которые изначально «были отсталые и забитые, страшно некультурные» (в отличие от серовских ребят, находившихся «по своему развитию выше»): «В том общении, где они жили, царил страшная грязь, они не имели понятия спать на простынях, мыть ежедневно пол... имели такой уровень, что часто были растрепаны, у девочек можно было встретить нештопанные чулки, порванное платье» [21, л. 68, 70]. В этой связи следует отметить, что в некоторых научных работах, посвященных повседневности отдельных социальных групп в 1940-е гг. (например, в статье Ш. Пилинг (Siobhan Peeling) о городской идентичности послевоенного Ленинграда), подчеркивается тенденция патологизации локальным сообществом образа приезжего, мигранта, как потенциального поллютанта (загрязнителя) местной идентичности, нарушителя общественной гигиены, «являющегося источником антисанитарии, а также отклонения от принятых норм» [16, с. 347].

*Вектор «коллективизм
и социальное взаимодействие»
(нонконформист)*

Наиболее ярким проявлением «непарадности» в сфере социального взаимодействия учащихся нам представляется нонконформизм, то есть стремление личности активно отстаивать собственные убеждения и придерживаться моделей поведения, противоречащих официально культивируемым в государственных трудовых резервах установкам, взглядам, традициям, ценностям и нормам. Ограниченная источниковая база затрудняет реконструкцию целостного образа ученика-нонконформиста. Исключения составляют лишь немногочисленные эпизоды, связанные с трагедиями (несчастный случай, самоубийство, убийство), причины которых кроются в независимой личности и протестном поведении жертвы. Как правило, подобные случаи тщательно расследо-

вались и подробно документировались, что позволяет всесторонне охарактеризовать образ учащегося-нонконформиста.

Остановимся подробно на одном из таких эпизодов – самоубийстве в январе 1955 г. Василия К., 18-летнего ученика группы трактористов-механиков Топкинского училища механизации сельского хозяйства № 3 (Кемеровская обл.). Как показывают документы, созданные в ходе проведенного трудовыми резервами расследования, комсомолец К. окончил Свердловское РУ № 2 и в мае 1954 г. по собственному желанию прибыл в Топкинское училище для продолжения обучения, учился хорошо, аккуратно посещал занятия, был целеустремленным – каждый день после занятий вместе с товарищами делал уроки, не допускал нарушения правил внутреннего распорядка и не имел письменных замечаний, однако в последнее время стал отставать в учебе и проявлять недисциплинированность – «невнимательно вести себя на уроках, отвлекался посторонними делами, читал художественную литературу» [14, л. 27]. По показаниям мастера группы, К. «всегда старался объяснить свою недисциплинированность жесткими требованиями в училище со стороны руководителей и неправильными порядками в училище» [14, л. 32]. Из анализа других документов дела нам представляется вероятным, что побудительными мотивами нонконформистского поведения ученика, разочарованного царящим в училище формализмом, казенщиной и бездушным отношением администрации, являлись обостренное чувство справедливости, юношеский максимализм и принципиальность.

К характерным чертам типа нонконформиста относится протестное поведение – проявления строптивости и бунтарства. Так, например, физкультурный руководитель отмечал, что К. «на уроках физподготовки очень часто не выполнял команд. Или встанет в строй не на свое место, или руки в карман с приподнятым воротником, или по команде “равняйся” смотрит в потолок. На утренних подъемах вел себя по-разному: то он не хочет делать утреннюю гимнастику. Были случаи, когда он сам с ребятами с охотой проведет физзарядку» [14, л. 31].

Другой характеристикой данного типа, отраженной в документах о расследовании самоубийства К., является готовность индивида

отстаивать свою личную позицию, публично поставив под сомнение непререкаемый в трудовых резервах авторитет мастера, преподавателя или руководителя учебного заведения: «К. опоздал на урок. На урок не был допущен. Преподаватель послал работать на улицу, на что К. не согласился и был выгнан как бы за грубость с преподавателем. К. сказал: “Лучше расстреляйте, но не пойду на работу в сапогах в такую [холодную] погоду”» [14, л. 36].

Оставляя за пределами нашего рассмотрения непосредственные причины и обстоятельства самоубийства учащегося К., отметим только, что как сам случай, ставший триггером для трагедии, – конфликт с преподавателем, так и последующая за ним изощренная травля К. со стороны различных представителей администрации училища также могут служить иллюстрацией неконформизма и последствий такого поведения для типа неконформиста в условиях сложившейся в трудовых резервах практики унификации и жесточайшей регламентации деятельности учащихся.

Результаты. Таким образом, систематизация девиантных поведенческих практик привела к выделению 15 наиболее распространенных типов «непарадности» учащихся, обобщенных в виде модели.

В предложенной модели типы «непарадности» распределены по шести векторам девиации (отклонений) поведенческих практик и ценностей учащихся от идеальных образцов поведения. Каждый вектор отражает содержательную сторону девиации, связанную:

1) с индивидуализмом и ограниченностью социального взаимодействия; 2) криминальным поведением; 3) аддикциями и асоциальными привычками; 4) неуспеваемостью в учебе; 5) нарушениями правил внутреннего распорядка; 6) пренебрежением собственной жизнью и здоровьем. Векторная модель обеспечивает распределение типов «непарадности» в соответствии с уровневой шкалой, отражающей интенсивность проявления девиации (экстремальная – медианная – слабовыраженная). При этом существует тесная связь многих типов «непарадности» и характеризующих их поведенческих практик учащихся между собой как целостной системы. Содержательное описание шести типов «непарадности» учащихся (уголовник, хулиган, озорник, прогульщик, неряха и неконформист) демонстрирует жизнеспособность модели.

Рассмотренная в статье модель типов «непарадности» учащихся государственных трудовых резервов позволяет: во-первых, точнее охарактеризовать социокультурный облик «трудрезервовцев» как отдельной социальной группы не столько в контексте социально-демографических характеристик, сколько с позиции их поведенческих практик и ментальных установок; во-вторых, полнее отразить реальную картину жизни и деятельности учебных заведений «изнутри»; в-третьих, лучше представить проблемы пребывания учащейся молодежи в такой специфической мобилизационной и милитаризованной среде, как трудовые резервы, детерминировавшие изменение этой системы во второй половине 1950-х годов.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Власов С. А. Детская и подростковая преступность в Приморском крае в годы Великой Отечественной войны // Общество: философия, история, культура. 2020. № 2. С. 44–48. DOI: 10.24158/fik.2020.2.7
2. Директивные письма Министерства трудовых резервов. 13 января – 6 декабря 1950 г. // Государственный архив Российской Федерации (далее – ГАРФ). Ф. С-9507. Оп. 2. Д. 212. 160 л.
3. Захаровский Л. В., Разинков С. Л. Воспитательная деятельность в учебных заведениях системы Государственных трудовых резервов СССР в 1940–1950-е годы // Профессиональное образование и рынок труда. 2021. № 2. С. 79–88. DOI: 10.52944/PORT.2021.45.2.006
4. Информационные сведения МВД, органов прокуратуры, местных УТР о массово-политической и культурно-воспитательной работе с учащимися училищ и школ ФЗО. Т. I // ГАРФ. Ф. С-9507. Оп. 5. Д. 382. 199 л.
5. Информационные сведения МВД, органов прокуратуры, местных УТР о массово-политической и культурно-воспитательной работе с учащимися училищ и школ ФЗО. Т. II // ГАРФ. Ф. С-9507. Оп. 5. Д. 383. 167 л.
6. Информационные сведения местных УТР о массово-политической и культурно-воспитательной работе в училищах и школах ФЗО. Т. I // ГАРФ. Ф. С-9507. Оп. 5. Д. 120. 201 л.

7. Информационные сведения местных УТР о массово-политической и культурно-воспитательной работе в училищах и школах ФЗО; справки МВД о преступности среди учащихся училищ и школ ФЗО. Т. I // ГАРФ. Ф. С-9507. Оп. 5. Д. 236. 203 л.
8. Информационные сведения местных УТР о массово-политической и культурно-воспитательной работе в училищах и школах ФЗО; справки МВД о преступности среди учащихся училищ и школ ФЗО. Т. II // ГАРФ. Ф. С-9507. Оп. 5. Д. 237. 46 л.
9. Информационные сведения местных УТР о массово-политической и культурно-воспитательной работе в училищах и школах ФЗО; справки МВД о преступности учащихся // ГАРФ. Ф. С-9507. Оп. 5. Д. 367. 87 л.
10. Информационные сведения Наркомата юстиции, Прокуратуры СССР и др. о нарушениях трудовой дисциплины, преступлениях, совершенных учащимися училищ и школ ФЗО // ГАРФ. Ф. С-9507. Оп. 5. Д. 52. 118 л.
11. Клинова М. А. Учебные заведения системы трудовых резервов: методы и результаты решения кадровых проблем советской индустрии в послевоенные годы // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: История. Международные отношения. 2019. Т. 19, № 3. С. 298–303. DOI: 10.18500/1819-4907-2019-19-3-298-303
12. Козн А. Исследование проблем социальной дезорганизации и отклоняющегося поведения // Социология сегодня. М.: Прогресс, 1965. С. 519–550.
13. Лебина Н. Б. Советская повседневность: нормы и аномалии. От военного коммунизма к большому стилю. М.: Новое лит. обозрение, 2015. 488 с.
14. Материалы о несчастных случаях с учащимися училищ механизации сельского хозяйства районов Урала, Сибири, Дальнего Востока и Средней Азии (докладные записки, справки, акты, переписка) // ГАРФ. Ф. С-9507. Оп. 5. Д. 386. 83 л.
15. Меттер И. Товарищи. М.; Л.: Детгиз, 1953. 141 с.
16. Пилинг Ш. Перемещения, девиантное поведение и городская идентичность: мигранты в Ленинграде в конце Второй мировой войны // Антропологический форум. 2010. № 13. С. 345–358.
17. Пистоленко В. И. Товарищи. М.: Детгиз, 1963. 352 с.
18. Письма, замечания ЦК ВЛКСМ по работе трудовых резервов // ГАРФ. Ф. С-9507. Оп. 5. Д. 260. 16 л.
19. Постников С. П., Фельдман М. А. Государство и профессиональная подготовка рабочих кадров промышленности Урала в 1900–1940 гг. Екатеринбург: УрО РАН, 2004. 230 с.
20. Правила внутреннего распорядка училищ и школ ФЗО. 15 марта 1947 г. // Государственный архив Свердловской области (далее – ГАСО). Ф. Р-2033. Оп. 1. Д. 20. 1 л.
21. Стенограмма совещания Главного управления трудовых резервов с заместителями директоров по политчасти училищ и школ. 25 января 1943 г. // ГАСО. Ф. Р-2033. Оп. 1. Д. 12. 158 л.
22. Стенограмма совещания Облуправления трудовых резервов с заместителями директоров по политчасти школ и училищ. 5–7 марта 1941 г. // ГАСО. Ф. Р-2033. Оп. 1. Д. 5. 128 л.
23. Стенографический отчет Областного совещания директоров ремесленных училищ и школ ФЗО. 11–12 марта 1945 г. // ГАСО. Ф. Р-2033. Оп. 1. Д. 14. 172 л.
24. Чернышева Н. В. Мобилизация молодежи Кировской области в систему трудовых резервов (1940–1955 гг.) // История: факты и символы. 2018. № 3. С. 151–159. DOI: 10.24888/2410-4205-2018-16-3-151-159
25. Korol V. N. The Educational Institutions of the State Labour Reserves System of the USSR: Western Historiography of the Issue // Журнал Министерства народного просвещения. 2016. Т. 10, № 4. С. 181–186. DOI: 10.13187/zhmnp.2016.10.181
26. Kucherenko O. State v. Danila Kuz'mich: Soviet Desertion Laws and Industrial Child Labor During World War II // The Russian Review. 2012. № 71. P. 391–412. DOI: 10.1111/j.1467-9434.2012.00660.x

REFERENCES

1. Vlasov S.A. Detskaya i podrostkovaya prestupnost v Primorskom kraye v gody Velikoy Otechestvennoy voyny [Children's and Juvenile Delinquency in Primorsky Krai During the Great Patriotic War]. *Obshchestvo: filosofiya, istoriya, kultura* [Society: Philosophy, History, Culture], 2020, no. 2, pp. 44–48. DOI: 10.24158/fik.2020.2.7
2. Direktivnye pisma Ministerstva trudovykh rezervov. 13 yanvarya – 6 dekabrya 1950 g. [Directive Letters of the Ministry of Labor Reserves. January 13 – December 6, 1950]. *Gosudarstvennyy arkhiv Rossiyskoy Federatsii* (hereinafter – GARF) [State Archives of the Russian Federation], f. С-9507, inv. 2, d. 212. 1601.
3. Zakharovskiy L.V., Razinkov S.L. Vospitatelnaya deyatel'nost v uchebnykh zavedeniyakh sistemy Gosudarstvennykh trudovykh rezervov SSSR v 1940–1950-ye gody [Educational Activities in Educational Institutions of the USSR State Labor Reserves System in 1940–1950s]. *Professionalnoye obrazovaniye i rynek truda* [Vocational Education and Labor Market], 2021, no. 2, pp. 79–88. DOI: 10.52944/PORT.2021.45.2.006

4. Informatsionnye svedeniya MVD, organov prokuratury, mestnykh UTR o massovo-politicheskoy i kulturno-vospitatelnoy rabote s uchashimisya uchilisch i shkol FZO. T. I [Information from the Ministry of Internal Affairs, Prosecutor's Offices, and Local Educational Institutions on Mass Political and Cultural-Educational Work with Students of Vocational Schools and Colleges. Vol. 1]. *GARF* [State Archives of the Russian Federation], f. C-9507, inv. 5, d. 382. 199 l.
5. Informatsionnye svedeniya MVD, organov prokuratury, mestnykh UTR o massovo-politicheskoy i kulturno-vospitatelnoy rabote s uchashimisya uchilisch i shkol FZO. T. II [Information from the Ministry of Internal Affairs, Prosecutor's Offices, and Local Educational Institutions on Mass Political and Cultural-Educational Work with Students of Vocational Schools and Colleges. Vol. 2]. *GARF* [State Archives of the Russian Federation], f. C-9507, inv. 5, d. 383. 167 l.
6. Informatsionnye svedeniya mestnykh UTR o massovo-politicheskoy i kulturno-vospitatelnoy rabote v uchilischakh i shkolakh FZO. T. I [Information from the Ministry of Internal Affairs, Prosecutor's Offices, and Local Educational Institutions on Mass Political and Cultural-Educational Work with Students of Vocational Schools and Colleges. Vol. 1]. *GARF* [State Archives of the Russian Federation], f. R-9507, inv. 5, d. 120. 201 l.
7. Informatsionnye svedeniya mestnykh UTR o massovo-politicheskoy i kulturno-vospitatelnoy rabote v uchilischakh i shkolakh FZO; spravki MVD o prestupnosti sredi uchashikhsya uchilisch i shkol FZO. T. I [Information from Local UTRs on Mass-Political and Cultural-Educational Work in Colleges and Schools of Vocational Education; Reports from the Ministry of Internal Affairs on Crime Among Students of Colleges and Schools of Vocational Education. Vol. 1]. *GARF* [State Archives of the Russian Federation], f. C-9507, inv. 5, d. 236. 203 l.
8. Informatsionnye svedeniya mestnykh UTR o massovo-politicheskoy i kulturno-vospitatelnoy rabote v uchilischakh i shkolakh FZO; spravki MVD o prestupnosti sredi uchashikhsya uchilisch i shkol FZO. T. II [Information from Local UTRs on Mass-Political and Cultural-Educational Work in Colleges and Schools of Vocational Education; Reports from the Ministry of Internal Affairs on Crime Among Students of Colleges and Schools of Vocational Education. Vol. 2]. *GARF* [State Archives of the Russian Federation], f. C-9507, inv. 5, d. 237. 46 l.
9. Informatsionnye svedeniya mestnykh UTR o massovo-politicheskoy i kulturno-vospitatelnoy rabote v uchilischakh i shkolakh FZO; spravki MVD o prestupnosti uchashikhsya [Information from Local UTRs on Mass-Political and Cultural-Educational Work in Colleges and Schools of Vocational Education; Reports from the Ministry of Internal Affairs on Crime Among Students]. *GARF* [State Archives of the Russian Federation], f. C-9507, inv. 5, d. 367. 87 l.
10. Informatsionnye svedeniya Narkomata yustitsii, Prokuratury SSSR i dr. o narusheniyakh trudovoy distsipliny, prestupleniyakh, sovershennykh uchashimisya uchilisch i shkol FZO [Information from the People's Commissariat of Justice, the USSR Prosecutor's Office, and Others on Violations of Labor Discipline and Crimes Committed by Students of Vocational Schools and Colleges]. *GARF* [State Archives of the Russian Federation], f. C-9507, inv. 5, d. 52. 118 l.
11. Klinova M.A. Uchebnye zavedeniya sistemy trudovykh rezervov: metody i rezultaty resheniya kadrovyykh problem sovetskoy industrii v poslevoyennye gody [Educational Institutions of the System of Labor Reserves: Methods and Results of Solving Personnel Problems of the Soviet Industry in the Postwar Years]. *Izvestiya Saratovskogo universiteta. Novaya seriya. Seriya: Istoriya. Mezhdunarodnye otnosheniya* [Izvestia of the Saratov University. New Series. Series: History. International Relations], 2019, vol. 19, no. 3, pp. 298-303. DOI: 10.18500/1819-4907-2019-19-3-298-303
12. Koen A. Issledovaniye problem socialnoy dezorganizatsii i otklonyayushhegosya povedeniya [Study of the Problems of Social Disorganization and Deviant Behavior]. *Sociologiya segodnya* [Sociology Today]. Moscow, Progress Publ., 1965, pp. 519-550.
13. Leбина N.B. *Sovetskaya povsednevnost: normy i anomalii. Ot voyennogo kommunizma k bolshomu stilu* [Soviet Everyday Life: Norms and Anomalies. From Military Communism to the Big Style]. Moscow, Novoye lit. obozreniye, 2015. 488 p.
14. Materialy o neschastnykh slychayakh s uchashimisya ushilisch mehanizatsii selskogo khozyastva rayonov Urala, Sibiri, Dalnego Vostoka i Sredniy Azii (dokladnye zapiski, spravki, akty, perepiska) [Materials on Accidents Involving Students of Agricultural Mechanization Schools in the Urals, Siberia, the Far East and Central Asia (Reports, Certificates, Reports, Correspondence)]. *GARF* [State Archives of the Russian Federation], f. C-9507, inv. 5, d. 386. 83 l.
15. Metter I. *Tovarishhi* [Comrades]. Moscow; Leningrad, Detgiz, 1953. 141 p.
16. Piling Sh. Peremeshheniya, deviantnoye povedeniye i gorodskaya identichnost: migranty v Leningrade v kontse Vtoroy mirovoy voyny [Displacement, Deviant Behavior and Urban Identity: Migrants in Leningrad at the End of the Second World War]. *Antropologicheskii forum* [Anthropological Forum], 2010, no. 13, pp. 345-358.
17. Pistolenko V.I. *Tovarishhi* [Comrades]. Moscow, Detgiz, 1963. 352 p.
18. Pisma, zamechaniya TsK VLKSM po rabote trudovykh rezervov [Letters and Comments from the Central Committee of the Komsomol on the Work of Labor Reserves]. *GARF* [State Archives of the Russian Federation], f. C-9507, inv. 5, d. 260. 16 l.

19. Postnikov S.P., Feldman M.A. *Gosudarstvo i professionalnaya podgotovka rabochikh kadrov promyshlennosti Urala v 1900–1940 gg.* [The State and Professional Training of Industrial Workers in the Urals in 1900–1940]. Yekaterinburg, UrO RAN, 2004. 230 p.
20. Pravila vnutrennego rasporyadka uchilisch i shkol FZO. 15 marta 1947 g. [Internal Regulations of Colleges and Schools of Factory Training. March 15, 1947]. *Gosudarstvennyy arkhiv Sverdlovskoy oblasti* (hereinafter – GASO) [State Archives of the Sverdlovsk Region], f. R-2033, inv. 1, d. 20. 1 l.
21. Stenogramma soveshaniya Glavnogo upravleniya trudovykh rezervov s zamestitelyami direktorov po politichasti uchilisch i shkol. 25 yanvarya 1943 g. [Transcript of the Meeting of the Main Directorate of Labor Reserves with Deputy Directors for Political Affairs of Colleges and Schools. January 25, 1943]. *GASO* [State Archives of the Sverdlovsk Region], f. R-2033, inv. 1, d. 12. 158 l.
22. Stenogramma soveshaniya Oblupravleniya trudovykh rezervov s zamestitelyami direktorov po politichasti shkol i uchilisch. 5–7 marta 1941 g. [Transcript of a Meeting of the Regional Directorate of Labor Reserves with Deputy Directors for Political Affairs of Schools and Colleges. March 5–7, 1941]. *GASO* [State Archives of the Sverdlovsk Region], f. R-2033, inv. 1, d. 5. 128 l.
23. Stenograficheskiy otchet Oblastnogo soveshaniya direktorov remeslennykh uchilisch i shkol FZO. 11–12 marta 1945 g. [Verbatim Report of the Regional Meeting of Directors of Vocational Schools and Factory Education Schools. March 11–12, 1945]. *GASO* [State Archives of the Sverdlovsk Region], f. R-2033, inv. 1, d. 14. 172 l.
24. Chernysheva N.V. Mobilizatsiya molodezhi Kirovskoy oblasti v sistemu trudovykh rezervov (1940–1955 gg.) [Mobilization of Youth of Kirov Region in the System of Labor Reserves (1940–1955)]. *Istoriya: fakty i simvoly* [History: Facts and Symbols], 2018, no. 3, pp. 151–159. DOI: 10.24888/2410-4205-2018-16-3-151-159
25. Korol V.N. The Educational Institutions of the State Labour Reserves System of the USSR: Western Historiography of the Issue. *Zhurnal ministerstva narodnogo prosveshcheniya* [Journal of the Ministry of Public Education], 2016, no. 4 (10), pp. 181–186. DOI: 10.13187/zhmnp.2016.10.181
26. Kucherenko O. State v. Danila Kuz'mich: Soviet Desertion Laws and Industrial Child Labor During World War II. *The Russian Review*, 2012, no. 71, pp. 391–412. DOI: 10.1111/j.1467-9434.2012.00660.x

Information About the Authors

Sergey L. Razinkov, Candidate of Science (History), Associate Professor, Department of Theory and History of International Relations, Ural Federal University named after the First President of Russia B.N. Yeltsin, Mira St, 19, 620002 Yekaterinburg, Russian Federation, sergerazinkov@mail.ru, <http://orcid.org/0000-0002-0018-7931>

Tatiana A. Zaglodina, Candidate of Science (Sociology), Associate Professor, Department of Philosophy, Sociology, and Cultural Studies, Ural State Pedagogical University, Kosmonavtov St, 26, 620091 Yekaterinburg, Russian Federation, tz1708@yandex.ru, <http://orcid.org/0000-0002-1689-1552>

Marina B. Larionova, Candidate of Science (History), Associate Professor, Department of Automated Systems for Administrative Documentation Support, Russian State University for the Humanities, Miusskaya Sq., 6, Bld. 6, 125047 Moscow, Russian Federation, marin.lar@mail.ru, <http://orcid.org/0000-0003-4969-0527>

Информация об авторах

Сергей Львович Разинков, кандидат исторических наук, доцент кафедры теории и истории международных отношений, Уральский федеральный университет им. первого Президента России Б.Н. Ельцина, ул. Мира, 19, 620002 г. Екатеринбург, Российская Федерация, sergerazinkov@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-0018-7931>

Татьяна Алексеевна Заглодина, кандидат социологических наук, доцент кафедры философии, социологии и культурологии, Уральский государственный педагогический университет, ул. Космонавтов, 26, 620091 г. Екатеринбург, Российская Федерация, tz1708@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-1689-1552>

Марина Бариевна Ларионова, кандидат исторических наук, доцент кафедры автоматизированных систем документационного обеспечения управления, Российский государственный гуманитарный университет, Миусская пл., 6, стр. 6, 125047 г. Москва, Российская Федерация, marin.lar@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-4969-0527>

Миссия журнала «Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 4. История. Регионоведение. Международные отношения» – содействие коллаборации российского и международного профессионального сообщества в целях интернационализации исторической и политической наук.

Редакционная политика журнала направлена на публикацию статей, посвященных общим и частным проблемам истории Европы, Америки и России и вопросам политического развития современного мира. Редакция принимает к опубликованию рукописи, подготовленные в русле классических традиций и современных направлений исторической науки. Публикуемые статьи позволяют читателю увидеть тесную связь между историей и современным состоянием общества, показать различные взгляды профессионального сообщества на мировую и российскую историю. В журнале приветствуются междисциплинарные исследования и научные дискуссии по актуальным проблемам исторических и политических наук.

Цели журнала:

- публикация оригинальных исторических и политологических исследований, основанных на тщательном анализе источников и использовании классических или новых методологических подходов;
- ознакомление широкого круга исследователей с современными тенденциями и достижениями исторических и политических наук;
- содействие интеграции российской исторической науки в международное научное пространство;
- бережное отношение и критическое использование трудов и знаний, полученных историками прошлых лет, как российскими, так и зарубежными.

The mission of *Science Journal of Volgograd State University. History. Area Studies. International Relations* is to promote the collaboration of the Russian and international professional community with the aim to internationalize historical scholarship and political science.

Following the Editorial policy, the journal covers articles on general and specific problems of the history of Europe, America and Russia and on political development of the modern world. The editors publish articles prepared in accordance with both classical traditions and modern trends in historical scholarship. The published articles let readers reveal the close connection between history and modern society, show different views of professional community on world and Russian history. The journal also seeks to transcend traditional disciplinary boundaries and foster academic discussions on a wide range of topical issues of historical scholarship and political science.

Purposes of the journal:

- to publish original historical and political research based on thorough source studies, traditional and new methodological approaches;
- to promote modern trends and advances in history and political science to a wide range of scholars;
- to foster the integration of Russian historical scholarship into the international academia;
- to respect and critically apply knowledge obtained by Russian and foreign historians of the past.

УСЛОВИЯ И ПРАВИЛА ОПУБЛИКОВАНИЯ СТАТЕЙ В ЖУРНАЛЕ

1. Редакционная коллегия журнала принимает к печати оригинальные авторские статьи.
 2. Подача, рецензирование, редактирование и публикация статей в журнале являются бесплатными.
 3. Авторство должно ограничиваться теми, кто внес значительный вклад в концепцию, дизайн, исполнение или интерпретацию исследования. Все они должны быть указаны в качестве соавторов.
 4. Статья должна быть актуальной, обладать новизной, содержать постановку задач (проблем), описание основных результатов исследования, полученных автором, выводы. Представляемая для публикации статья не должна быть ранее опубликована в других изданиях.
 5. Автор несет полную ответственность за подбор и достоверность приведенных фактов, цитат, статистических и социологических данных, имен собственных, географических названий и прочих сведений, за точность библиографической информации, содержащейся в статье.
 6. В случае обнаружения ошибок или неточностей в своей опубликованной работе автор обязан незамедлительно уведомить об этом редактора журнала (или издателя) и сотрудничать с ним, чтобы отменить статью или внести в нее исправления.
 7. Автор обязан указать все источники финансирования исследования.
 8. Представленная статья должна соответствовать **принятым журналом правилам оформления**.
 9. Текст статьи представляется по электронной почте на адрес редколлегии журнала (vestnik4@volsu.ru). **Обязательно** наличие сопроводительных документов.
 10. Полнотекстовые версии статей, аннотации, ключевые слова, информация об авторах на русском и английском языках размещаются в **открытом доступе (Open Access)** в Интернете.
- Отправка автором рукописи статьи** и сопроводительных документов на e-mail редакции vestnik4@volsu.ru является формой **акцепта оферты** на принятие договора (публичной оферты) предоставления права использования произведения в периодическом печатном издании «Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 4. История. Регионоведение. Международные отношения».
- Редколлегия приступает к работе со статьей после получения всех сопроводительных документов по электронной почте. Решение о публикации статей принимается после рецензирования. Редакция оставляет за собой право отклонить или отправить представленные статьи на доработку. Переработанные варианты статей рассматриваются заново. Среднее количество времени между подачей и принятием статьи составляет восемь недель.

Подробнее о процессе подачи, направления, рецензирования и опубликования научных статей см.: <https://hfrir.jvolsu.com> (раздел «Для авторов»).

CONDITIONS AND RULES OF PUBLICATION IN THE JOURNAL

1. The editorial staff of the journal publishes only original articles.
 2. The submission, review, editing and publication of articles in the journal are free of charge. No author fees are involved.
 3. Authorship should be limited to those who have made a significant contribution to the conception, design, execution, or interpretation of the reported study. All those who have made significant contributions should be listed as co-authors.
 4. An article must be relevant and must include a task (issue) statement, the description of main research results and conclusions. The submitted article must not have been previously published in other journals.
 5. The author bears full responsibility for the selection and accuracy of facts, citations, statistical and sociological data, proper names, geographical names, bibliographic information and other data contained in the article.
 6. If the author discovers a significant error or inaccuracy in his/her own published work, it is the author's obligation to promptly notify the journal editor or publisher and cooperate with the editor or publisher to retract or correct the article.
 7. The author must disclose all sources of the financial support for the research.
 8. The submitted article must comply with the **journal's format requirements**.
 9. Articles should be submitted in electronic format only via e-mail vestnik4@volsu.ru. The author **must** submit the article accompanied by cover documents.
 10. Full-text versions of published articles and their metadata (abstracts, key words, information about the author(s) in Russian and English) are available in the **Open Access** on the Internet.
- Submitting an article** and cover documents via the indicated e-mail vestnik4@volsu.ru the author **accepts the offer** of granting rights (public offer) to use the article in *Science Journal of Volgograd State University. History. Area Studies. International Relations* printed periodical.
- The editorial staff starts the reviewing process after receiving all cover documents via e-mail.
- The decision to publish articles is made after review. The editors reserve the right to reject or send submitted articles for revision. Revised versions of articles are reviewed repeatedly.
- The review usually takes 8 weeks.

For more detailed information regarding the submission, review, and publication of academic articles, please refer to the journal's website <https://hfrir.jvolsu.com/index.php/en/> (section "For Author").

Science Journal of Volgograd State University. History. Area Studies. International Relations
is indexed by:

ISSN 1998-9938. Вестн. Волгогр. гос. ун-та. Сер. 4, Истори. Регионовед. 2026. Том 31. № 3. 1–239.